Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Х 6 Ст
5196

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1914 г.

КНИГА VI (II).

Москва.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ,

ОСНОВАННЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

И

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СОДѢЙСТВІИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

Б. А. Кистяковскаго.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ВЪ РЕДАКЦІИ ПРИНИМАЮТЪ:

А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Книга VI (II).

Р.С.Ф.С.Р. ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА В. Ц. И. К.

МОСКВА, 1914.

Digitized by Google

От Редакціи. Вслѣдствіе случайнаго стеченія статей большого размѣра эта книга выходитъ въ увеличенномъ объемѣ. Объемъ слѣдующихъ книгъ не будетъ превышать пятнадцати печатныхъ листовъ, какъ было указано въ планѣ изданія.

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Е. В. Спекторскій. Къ столѣтію исторической школы въ правовѣдѣніи. 5

А. С. Алексѣевъ. Исторія разработки французской конституціонной хартіи 4 іюня 1814 года 40

А. М. Кулишеръ. Государственное единство Англіи и гомруль 82

П. П. Гронскій. Вотчинные округа въ Пруссіи и Саксоніи 118

Н. Н. Полянскій. Къ вопросу о правѣ частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе 142

А. Н. Филипповъ. «Русская Правда» въ изслѣдованіяхъ нѣмецкаго ученаго 164

С. А. Первушинъ. Теорія кризисовъ М. И. Туганъ-Барановскаго 217

С. А. Котляревскій. Памяти Б. Н. Чичерина 246

Юридическое обозрѣніе.

А. М. Винаверъ. Понятіе обязательства по Проекту Обязательственнаго права 14 октября 1913 года 251

Кн. К. В. Кекуатовъ. Союзъ и товарищество. (Опытъ анализа понятій) 274

А. І. Закъ. Къ пятидесятилѣтію Московскаго Городского Рукавишниковскаго пріюта и IX съѣзду представителей русскихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній 296

Н. В. Давыдовъ. Юридическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 303

Литературное обозрѣніе.

Проф. Ю. Гачекъ. Общее государственное право. *Б. Д. Плетнева* . . . 317

В. М. Гессенъ. Проблема народнаго суверенитета въ политической доктринѣ XVI вѣка. *М. В. Вишняка* 320

Бар. С. А. Корфъ. Автономныя колоніи Великобританіи. *И. В. Лебединскаго* 324

Евгеній Ефимовъ. Природа преступленія. Естественно-научная теорія преступленія. *В. Н. Ширяева*. 327

Г. Штильманъ. Печать и уголовный законъ. *С. П. Ордынскаго* 329

П. Рюльманъ. Преподаваніе гражданствовѣдѣнія (instruction civique) во Франціи. *М. С. Елагина* 332

Н. Г. Вавинъ. Зачетъ обязательствъ. *Т. М. Яблочкова*. 334

Digitized by Google

Стран.

Ю. В. Александровскій. Авторское право. Законъ 20 марта 1911 года. — **С. Г. Займовскій.** Авторское право. — **Я. А. Канторовичъ.** Авторское право на литературныя, музыкальныя, художественныя и и фотографическія произведенія. — **Д. А. Коптевъ.** Законъ объ авторскомъ правѣ съ изложеніемъ разсужденій и матеріаловъ, на коихъ онъ основанъ. — **Ал. Пиленко.** Новый законъ объ авторскомъ правѣ. *А. М. Долматовскаго* 340

А. А. Леонтьевъ. Крестьянское право. *Б. П. Базилева* 343

И. М. Тютрюмовъ. Практика Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ. *А. Э. Вормса.* 347

В. Я. Крюковскій и Н. И. Товстолѣсъ. Практическое руководство для волостныхъ и верхнихъ сельскихъ судовъ. — **А. Паренаго.** Практическое руководство для волостныхъ судовъ, преобразованныхъ по закону 15 іюня 1912 года. *А. Э. Вормса* 348

Приложенія.

I. Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 355

II. Отчетъ по приходу и расходу денежныхъ средствъ Московскаго Юридическаго Общества за 1913 г. и балансъ на 1914 г. 361

III. Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 365

Digitized by Google

Къ столѣтію исторической школы въ правовѣдѣніи[1]).

Въ 1814 г., когда Германія возрождалась послѣ Наполеонова нашествія, нѣмецкій юристъ Тибо составилъ проектъ ея юридическаго возрожденія въ формѣ общей кодификаціи гражданскаго права. Въ отвѣтъ на это другой нѣмецкій юристъ, по странной ироніи судьбы также, какъ и Тибо, происходившій отъ французскихъ предковъ, именно Савиньи выступилъ съ протестомъ противъ этого проекта и своею книгою «О призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣдѣнію» положилъ основаніе такъ наз. исторической школы юристовъ. Все это произошло ровно сто лѣтъ тому назадъ. И естественно возникаетъ вопросъ, чѣмъ еще теперь можетъ быть для насъ школа Савиньи. Является ли его книга только одностороннимъ и болѣе или менѣе тенденціознымъ рѣшеніемъ одного изъ практическихъ вопросовъ тогдашней нѣмецкой политики, напоминающимъ цитируемую имъ работу какого-нибудь Реберга (Rehberg) Ueber den Code Napoléon und dessen Einführung in Deutschland или же «Записку о древней и новой Россіи» Карамзина? Или же она содержитъ въ себѣ еще и общій взглядъ на законодательство и правовѣдѣніе? А если да, то является ли этотъ взглядъ правильнымъ и плодотворнымъ? Указалъ ли Савиньи юриспруденціи новые пути или же, напротивъ, онъ и не указалъ и не угадалъ ихъ, а можетъ быть, и угадалъ, но противился имъ и стремился повернуть вспять колесо исторіи? Доказалъ ли онъ намъ, чѣмъ должна быть юриспруденція, или же, напротивъ, онъ только показалъ на своемъ собственномъ примѣрѣ, чѣмъ она не должна быть?

Если обратиться къ наиболѣе распространеннымъ на родинѣ Савиньи научнымъ теченіямъ, то получится впечатлѣніе, что школа его мертва, болѣе того, что она давно уже успѣла умереть. Даже тѣ школы, которыя, казалось бы, должны были бы раздѣлять ея воззрѣнія, не только не солидарны съ нею, но, напротивъ, рѣши-

[1]) Рѣчь, произнесенная на годичномъ собраніи Кіевскаго Юридическаго Общества 8 марта 1914 года.

Digitized by Google

тельно отрекаются отъ нея. Такъ, напримѣръ, казалось бы, что Гегель съ его признаніемъ разумности дѣйствительности, съ его эволюціоннымъ взглядомъ на все, не исключая и права, долженъ былъ бы привѣтствовать въ Савиньи своего единомышленника. И тѣмъ не менѣе онъ отрекся отъ его идей, какъ отъ безвкусицы, оскорбительной для цѣлой націи [1]). Въ свою очередь и Савиньи [2]) и Пухта не скрывали своей антипатіи къ нему и обвиняли его въ пониманіи историческаго процесса какъ чего-то естественнаго въ физическомъ смыслѣ, т.-е. въ томъ, въ чемъ совершенно напрасно принято обвинять именно историческую школу. Казалось бы, что Іерингъ, съ его любовью къ духу римскаго права и къ высшей, какъ онъ выражался [3]), конструктивной юриспруденціи, долженъ былъ бы привѣтствовать теоретиковъ народнаго духа въ правѣ и мастеровъ юридической конструкціи, тѣмъ болѣе что, какъ онъ самъ неоднократно подтверждалъ въ своихъ недавно изданныхъ письмахъ, онъ обучалъ свою аудиторію римскому праву именно по Пухтѣ [4]). И тѣмъ не менѣе онъ рѣзко порвалъ и съ Савиньи и съ Пухтою и отвергъ какъ историческія, такъ и систематическія идеи ихъ школы, казавшейся ему сонною и снотворною, а также будто бы переносившей право изъ эмпирическаго міра житейской борьбы въ какой-то заоблачный эмпирей юриспруденціи понятій [5]). Казалось бы, что такъ наз. соціологическое правовѣдѣніе или школа свободнаго права, видящая въ юриспруденціи «морфологію человѣческаго общества» [6]) и утверждающая, что «догматика безъ соціологіи пуста, а соціологія безъ догматики слѣпа» [7]), должна была бы считать себя осуществительницею ученія Савиньи о призваніи юриспруденціи. Тѣмъ не менѣе она рѣшительно и даже какъ-то презрительно отвернулась отъ него.

Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что дѣло исторической школы проиграно, проиграно безнадежно и уже давно. Это впе-

---

[1]) Grundlinien der Philosophie des Rechts, § 211, и Zusatz 132 (въ изданіи Лассона 1911 года, стран. 171 и 340).

[2]) Рѣзкій отзывъ его о Гегелѣ въ письмѣ къ Крейцеру приведенъ на стран. 68 книги Friedrich Carl v. Savigny und die Richtung der neueren Rechtswissenschaft von L. Enneccerus, Marburg, 1879.

[3]) Geist des römischen Rechts, zweiter Theil, zweite Abtheilung, Leipzig, 1858, стран. 385 и слѣд.

[4]) Rudolf von Ihering in Briefen an seine Freunde, Leipzig, 1913, стран. 102 и 105.

[5]) Scherz und Ernst in der Jurisprudenz, dritte Auflage, Leipzig, 1885, стран. 254 (и вся вообще статья Im juristischen Begriffshimmel).

[6]) E. Ehrlich, Soziologie und Jurisprudenz, Czernowitz, 1906, стран. 11 и 19, Grundlegung der Soziologie des Rechts, München und Leipzig, 1913, стран. 385.

[7]) H. U. Kantorowicz, Rechtswissenschaft und Soziologie, Tübingen, 1911, стран. 29.

Digitized by Google

чатлѣніе можетъ еще усилиться отъ того, что самъ Савиньи, прожившй, какъ замѣтилъ Іерингъ[1]), чуть не Маѳусаиловъ вѣкъ, задолго до смерти сталъ какъ бы живымъ трупомъ, совершенно пассивнымъ зрителемъ зарождавшейся на его глазахъ новой жизни. Вѣдь Савиньи умеръ только въ октябрѣ 1861 г. И, значитъ, на его глазахъ прошли событія 1848 г., появились новыя научныя теченія, взошло новое юридическое свѣтило, именно Іерингъ, которому шелъ уже пятый десятокъ, когда скончался Савиньи. И все это являлось какъ бы живымъ укоромъ и опроверженіемъ его мертвой доктрины. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что уже въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка самъ Савиньи отказался отъ многихъ своихъ утвержденій: выпуская въ 1828 г. второе изданіе своей книги, онъ предупредилъ читателя въ предисловіи, что онъ только потому переиздаетъ ее безъ измѣненій, что, если бы онъ пожелалъ выразить свои измѣнившіяся мнѣнія, ему пришлось бы попросту совершенно уничтожить первоначальный текстъ[2]). Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что даже самъ Савиньи опровергъ себя и свою теорію какъ мертвую, даже мертворожденную. И значитъ, слѣдуя принципу de mortuis aut bene, aut nihil, лучше всего ознаменовать молчаніемъ снисхожденія и забвенія плачевный юбилей его книги. Это можетъ показаться тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что, какъ увѣряетъ Штаммлеръ[3]), даже изъ среды юристовъ, долгое время находившихся подъ владычествомъ исторической школы, въ послѣднее время раздаются «жалобы и только жалобы».

Есть однако одно обстоятельство, которое не позволяетъ остановиться на такомъ заключеніи. Это именно то, что и до настоящаго времени все еще нѣтъ единогласнаго и однозначнаго мнѣнія о томъ, чему собственно училъ Савиньи. Болѣе того, на этотъ счетъ высказываются самыя разнообразныя, даже исключающія другъ друга мнѣнія. Одни считаютъ его историкомъ, другіе утверждаютъ, что онъ не зналъ и не понималъ исторіи. Одни считаютъ его врагомъ естественнаго права, другіе констатируютъ у него черты этой доктрины[4]). Одни усматриваютъ у него юридическій романтизмъ, юриспруденцію чувства, другіе, напротивъ, юриспруденцію логики, понятій и обвиняютъ его въ юридической схоластикѣ. Одни считаютъ его проповѣдникомъ застоя, другіе — движенія; Поллокъ даже назвалъ его дарвинистомъ до Дарвина[5]). Одни считаютъ его

[1]) Rudolf von Ihering in Briefen an seine Freunde, 46.
[2]) Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, zweite Auflage, Heidelberg, 1828, IV. Ниже всюду цитируется именно это изданіе.
[3]) Ueber die Methode der geschichtlichen Rechtstheorie, Halle, 1889, стран. 59.
[4]) Объ этой сторонѣ исторической школы см. П. И. Новгородцева, Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба (Москва, 1896).
[5]) Oxford Lectures and other discourses, London, 1890, стран. 42.

Digitized by Google

ретроградомъ, другіе, какъ, напримѣръ, Гённеръ, революціонеромъ. Одни считаютъ его національностомъ, другіе — космополитомъ. Словомъ, если Донъ-Кихотъ нападалъ на самые разнообразные предметы, видя въ нихъ все одного и того же воображаемаго врага, то въ лицѣ одного и того же Савиньи, совсѣмъ напротивъ, нападали на самыхъ разнообразныхъ враговъ. Очевидно, что если вокругъ Савиньи и его школы завязалась такая сложная полемика, онъ сумѣлъ сказать нѣчто значительное, быть можетъ, и загадочное, но во всякомъ случаѣ новое.

Выяснить это новое и разгадать эту загадку не такъ-то легко. Во-первыхъ, Савиньи въ пылу полемики уподоблялся иногда Гамлету въ его смертномъ поединкѣ и незамѣтно мѣнялся оружіемъ съ врагами, а также принималъ друзей и единомышленниковъ, какъ, напримѣръ, Порталиса, за враговъ и противниковъ. Во-вторыхъ, онъ и не умѣлъ и не хотѣлъ [1]) стать на такую философскую высоту, гдѣ легче отрѣшиться отъ текущей злобы дня, а также познать принципіальную сторону какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ утвержденій. Наконецъ, въ третьихъ, ему приходилось предсказывать и проповѣдовать туманнымъ и даже сбивчивымъ языкомъ пророка такія вещи, о которыхъ теперь мы разсуждаемъ точнымъ и адэкватнымъ языкомъ науки.

Несмотря на все это у Савиньи была достаточно опредѣленная философія, по крайней мѣрѣ соціальная философія. Иными словами, онъ не разсуждалъ о томъ, гдѣ находится пространство, да и находится ли оно вообще гдѣ-нибудь, или что такое субстанція вообще и міръ вообще. Зато онъ разсуждалъ о томъ, что такое общественный міръ и какова субстанція человѣческаго общежитія. Его соціальная философія слагается изъ своеобразной соціологіи, своеобразной теоріи права и своеобразной политики права. И для того, чтобы рѣшить вопросъ о его значеніи какъ историческомъ, такъ и принципіальномъ, необходимо выяснить его дѣйствительные взгляды по всѣмъ этимъ вопросамъ.

I.

Начнемъ съ соціологіи Савиньи. Основнымъ ея вопросомъ является вопросъ о томъ, что такое человѣческое общество. Философія и публицистика XVIII вѣка рѣшала его въ двоякой формѣ.

---

[1]) On dirait que c'est comme un parti pris par cet illustre jurisconsulte de fuir tout ce qui ressemble à une idée philosophique, писалъ о немъ въ 1829 году Лерминье (Introduction générale à l'histoire du droit, 255). Въ 1814 г. Савиньи писалъ Крейцеру: «Die Akademie der Wissenschaften hat mich zu ihrem unwürdigen Mitglied in der philosophischen Classe erwählt, ich glaube nicht, dass ich viel darin philosophiren werde (Enneccerus, 68).

Digitized by Google

Иногда она смотрѣла на общество какъ на косную матерію, мягкій воскъ въ рукахъ правителей и законодателей, которые, выражаясь Шекспировымъ языкомъ, «управляютъ ножницами судьбы» (Король Іоаннъ, IV, II); съ помощью новыхъ законовъ они будто бы могутъ въ любой моментъ пересоздать общество, сдѣлать изъ людей животныхъ или, наоборотъ, изъ животныхъ людей [1]), завести народное богатство или, напротивъ, вызвать нищету, просвѣтить умы или, напротивъ, повергнуть ихъ въ невѣжество и суевѣріе и т. д., ибо, какъ объяснялъ Гельвецій, «законодательство дѣлаетъ все» [2]). Иногда же смотрѣли на общество какъ на самодовлѣющую ариѳметическую сумму равныхъ, подобныхъ и даже тожественныхъ другъ другу индивидовъ, такъ что стоитъ взять любого человѣка, помножить его на милліоны, и мы получимъ самоуправляющійся народъ, помножить его на сотни милліоновъ — и мы получимъ все человѣчество. При этомъ предполагалось, что природа человѣка несложна и всегда одинакова, такъ что то, что для него полезно, справедливо и вообще необходимо въ данное время, необходимо также и во всякое другое время, потому что все истинное какъ въ мысли, такъ и въ жизни вѣчно, неподвижно и неизмѣнно. И вотъ Савиньи отказался отъ всего этого. Онъ признавалъ двѣ реальности. Во-первыхъ, живого, конкретнаго человѣка со всѣмъ разнообразіемъ его личныхъ взглядовъ и потребностей, весьма иногда отличныхъ отъ взглядовъ и потребностей другихъ индивидовъ, вовсе не созданныхъ непремѣнно по его образу и подобію. Во-вторыхъ, не менѣе живое и конкретное общественное цѣлое, именуемое народомъ и имѣющее также свою моральную и соціальную физіономію, свою біографію. Это цѣлое не есть простая ариѳметическая сумма индивидовъ. Оно не получается однимъ сложеніемъ всѣхъ членовъ или умноженіемъ одного изъ нихъ на болѣе или менѣе крупное число. Да и индивидъ не получается путемъ одного ариѳметическаго вычитанія изъ цѣлаго или дѣленія. Такое дѣленіе окажется живосѣченіемъ и послѣдствіемъ его будетъ не живой индивидъ, а кусочекъ мертваго трупа: «каждый единичный человѣкъ необходимо долженъ быть мыслимъ какъ членъ семьи, народа, государства» [3]). И индивидъ и общество — существа живыя, органическія. Да и связь ихъ — тоже не механическая, а органическая. Гдѣ же жизнь, тамъ и исторія, т.-е. измѣненіе, эволюція, развитіе. Развивается все — правосознаніе, языкъ, экономика, весь вообще

---

[1]) Esprit des lois, Livre XII, Chap. XXVII.
[2]) Pensées et reflexions («Oeuvres», 1795-6, XIV, 152).
[3]) «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», I, 3 (статья Савиньи, Ueber den Zweck dieser Zeitschrift).

Digitized by Google

бытъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и образуетъ духъ народа, воплощающійся также и въ его правѣ. Настоящая юриспруденція переводитъ этотъ духъ на техническій языкъ права. Настоящее законодательство переводитъ этотъ духъ на императивный языкъ кодексовъ и такимъ образомъ дѣлаетъ типичное нормальнымъ. Предвосхищая К. Н. Леонтьева съ его теоріею первоначальной простоты и смѣсительнаго упрощенія, Савиньи предусматривалъ какъ въ соціальной вообще, такъ и въ юридической жизни народовъ наступленіе такихъ, уже старческихъ, по его мнѣнію, моментовъ, когда, какъ онъ выражается [1]), происходитъ «переходъ отъ ограниченной, но свѣжей и полной жизни индивидуальности къ неопредѣленной всеобщности». И тогда, какъ у древнихъ римлянъ императорской эпохи, право утрачиваетъ національную физіономію, пріобрѣтаетъ универсальный характеръ какого-то естественнаго или разумнаго права — jus, quod naturalis ratio apud omnes homines constituit. Но до такого положенія, думалъ Савиньи, еще не дошли европейскіе народы начала XIX вѣка. Они пока самоопредѣляются не столько со стороны сходства, сколько со стороны различія въ національномъ лицѣ каждаго изъ нихъ. И сообразно съ этимъ универсальное право или преждевременно, если не утопично, или возможно только въ формѣ рецепціи чужого права, и притомъ законодательной рецепціи, т.-е. искусственной, принудительной, быть можетъ, даже насильственной. Сообразно съ этимъ же Савиньи пренебрежительно относился къ сравнительно-историческому изслѣдованію права, пользовавшемуся зато нѣсколько неожиданнымъ сочувствіемъ Тибо [2]). Такова соціологія Савиньи. Съ нею тѣсно связана его теорія права.

II.

Главный вопросъ всякой вообще теоріи права состоитъ въ томъ, насколько дѣйствительно объективно объективное право. Если за объективность физическихъ законовъ ручается весь порядокъ природы, то что же ручается за объективность юридическихъ законовъ или иныхъ нормъ положительнаго права? На чемъ можетъ быть основана увѣренность, что оно дѣйствительно констатируетъ нормальный порядокъ общежитія, что оно не придумано, не является случайнымъ порожденіемъ простого усмотрѣнія, воли, если даже не произвола людского, мѣняющагося въ зависимости отъ мѣста и времени? Таковъ вѣчный и основной вопросъ всякой вообще

[1]) Vom Beruf, VIII, 116.
[2]) Stimmen für und wider neue Gesetzbücher («Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», III, 4).

Digitized by Google

теоріи права. Его задавали уже греческіе мыслители, недоумѣвавшіе по поводу естественной и установленной справедливости, по поводу *φύσει δίκαιον* и *νόμῳ δίκαιον*. Его задавали Монтэнь и Паскаль, констатировавшіе различіе и даже противоположность объективной справедливости на различныхъ берегахъ одной и той же пограничной рѣки, на различныхъ склонахъ одного и того же горнаго хребта. Его задаютъ и теперь всѣ тѣ, которые задумываются надъ вопросомъ о правильности права, всѣ тѣ, которые хотятъ не только судить или судиться по законамъ, но еще и судить о законахъ. Какъ же рѣшается этотъ вопросъ? До XVII вѣка давали почти исключительно религіозный отвѣтъ. Источникомъ объективнаго права, какъ и всѣхъ вообще нормъ соціальнаго и физическаго порядка на землѣ, признавался Богъ. При этомъ Богъ не считался проблемою, спорнымъ существомъ, созданнымъ по образу и подобію человѣческому и нуждающимся въ оправданіи передъ человѣческимъ разумомъ, а также въ признаніи со стороны человѣческихъ установленій. Совсѣмъ напротивъ, Богъ считался самымъ реальнымъ существомъ, Ens realissimum; и человѣкъ, а также всѣ человѣческія установленія сами должны были оправдаться передъ Нимъ и передъ Его ясными, опредѣленными, незыблемыми законами. Должно было оправдываться также и положительное право. Оно только тогда признавалось объективною истиною, когда соотвѣтствовало божественной нормѣ. Законъ человѣческій подчинялся закону Божію. И законодатель, если онъ не являлся тираномъ, оказывался не законодателемъ, а законоприносителемъ (*νομοθέτης*, legislator, не legisfactor), который редактировалъ на своихъ таблицахъ объективную волю Бога, этого вѣчнаго претора, издающаго вѣчные эдикты [1]). Такимъ образомъ получался ясный и безошибочный критерій объективности положительнаго права. Только то право объективно, которое соотвѣтствуетъ закону Божію. Если же оно не соотвѣтствуетъ своему небесному «архетипу», если земная человѣческая справедливость противорѣчитъ эссенціальной, какъ выражались схоластики, справедливости Бога, т.-е. самому существу, самой эссенціи справедливости, то, по апостольскому принципу «Богу слѣдуетъ повиноваться болѣе, чѣмъ человѣку», въ иныхъ случаяхъ допускалось даже открытое неповиновеніе закону.

Таково одно рѣшеніе проблемы объективности права. Необходимость другого рѣшенія обнаружилась въ XVII вѣкѣ, когда появились теоретики, которые рядомъ съ естественною закономѣр-

[1]) Christianae jurisprudentiae epitome, Auctore Conrado Heresbachio, Neostadii in Palatinatu, 1586, Praefatio: Decalogi praecepta, vel edicta aeterni Praetoris.

Digitized by Google

ностью физической природы хотѣли поставить естественную же закономѣрность и соціальнаго порядка. Въ то время какъ упорные приверженцы закона Божія по прежнему продолжали твердить: Atheismus totam Jurisprudentiam destruit [1]), явились ученые, утверждавшіе, какъ Гроцій, что юридическія истины достовѣрны даже и при отрицаніи существованія Бога, или какъ Лейбницъ, что юриспруденція можетъ быть даже атеистическою, также какъ и геометрія: uti atheus potest esse Geometra, ita atheus Jureconsultus esse posset [2]). Такимъ образомъ произошелъ глубочайшій кризисъ въ пониманіи всего этически нормальнаго. За отказомъ отъ сверхъестественнаго обоснованія образовалась зіяющая пропасть. И чтобы заполнить ее, надо было найти какое-нибудь новое, совершенно естественное, но — шутка сказать — такое же незыблемое объективное основаніе для права, какимъ для вѣрующаго сознанія является Божество и Его законъ. Подобно тому какъ Ренанъ, этотъ, какъ его назвалъ одинъ англичанинъ, авторъ Евангелія отъ Ѳомы, потерявъ вѣру въ бывшаго Бога, Бога исторической религіи, утѣшалъ себя надеждою на будущаго Бога и увѣрялъ, что «Богъ будетъ», такъ и раціоналистамъ XVII и XVIII вѣковъ необходимо было возвести новый авторитетъ на опустѣвшій престолъ ниспровергнутаго ими Бога. Большинству представителей этого новаго, «естественнаго» направленія показалось, что они таки нашли этотъ авторитетъ, нашли его въ человѣческомъ разумѣ, одинаковомъ, тожественномъ, всеобщемъ, равномъ, явномъ, самоочевидномъ, незыблемомъ, вѣчномъ. Стали утверждать, что въ чистомъ родникѣ чистаго разума содержатся всѣ истины — не только логическія, но также физическія и этическія. И сообразно съ этимъ для объективности права наступила вторая эра. Оно объективно только тогда, когда оно разумно. Мѣриломъ его законовъ являются законы разума. Его порядокъ — это порядокъ разума. И посему вторично, но уже въ иномъ смыслѣ законодательство понималось не какъ произвольное, искусственное, капризное законодѣланіе, а какъ законоприношеніе [3]), какъ «декларація естественныхъ законовъ» [4]), какъ регистрація государственною властью нормъ, диктуемыхъ разумомъ и очевидностью, этою новою Эгеріею Нумъ Помпиліевъ вѣка просвѣщенія. Какъ объясняли физіократы, законы могутъ быть даже

---

[1]) Georgii Beyeri Delineatio juris divini, naturalis et positivi universalis, Editio altera, Lipsiae, 1726, Praecognita, Cap. I, 1.

[2]) Observationes de principio juris, XIII (Opera, Dutens, IV, III, 273).

[3]) См. соотвѣтственныя заявленія Дюпонъ де Немура (Collection des principaux économistes, Les physiocrates, Paris, 1846, I, 348, 390).

[4]) Выраженіе Кенэ («Oeuvres économiques et philosophiques», 1888, страница 376).

Digitized by Google

деспотическими. Но это не деспотизмъ каприза, это — деспотизмъ истины и очевидности. Это не деспотизмъ Нерона и его причудъ, это — деспотизмъ Эвклида и его геометріи [1]).

Таково второе рѣшеніе проблемы объективности права. Въ началѣ XIX вѣка на глазахъ Савиньи начинало вырабатываться третье рѣшеніе, состоявшее, въ сущности, въ отсутствіи всякаго рѣшенія. Именно возникалъ, вѣрнѣе, укрѣплялся тотъ своеобразный юридическій позитивизмъ, который не умѣетъ, да и не желаетъ признавать иного критерія объективности права, кромѣ волеизъявленія, приказанія правительственной власти впредь до отмѣны этого приказанія или замѣны его новымъ. Укрѣплялась юриспруденція повелѣній, императивная юриспруденція, которая вмѣсто велѣній небеснаго императора или категорическихъ требованій чистаго разума признаетъ только распоряженія верховной государственной власти. Отдѣлываясь отъ проблемы объективности права уже тамъ, гдѣ она въ дѣйствительности только и начинается, и видя ея разрѣшеніе въ томъ, что является только поводомъ для ея возникновенія, эта теорія не только поставила государство выше права, но еще и замѣнила государство правительствомъ, организмъ — органомъ, идею — фактомъ. Суверенитетъ Бога или разума былъ замѣненъ не столько суверенитетомъ государства, этого, какъ выражался уже Гоббесъ, смертнаго бога, сколько суверенитетомъ монарха или парламента. И объективное право было низведено до уровня правительственныхъ приказаній, запрещеній и разрѣшеній. Такимъ образомъ впервые земной, человѣческій законодатель былъ безъ всякихъ оговорокъ провозглашенъ дѣйствительно законодѣлателемъ, не редакторомъ, а авторомъ объективнаго права, которое имъ не описывается, а предписывается. Воля законодателя и суверена впервые была признана рѣшительно ничѣмъ не ограниченною. И логическая неустрашимость новой теоріи не остановилась даже передъ явнымъ абсурдомъ, явною несообразностью, при чемъ для подтвержденія безусловной правильности ея утвержденій примѣры, какъ-будто нарочно, брались изъ Англіи, этой, казалось бы, классической страны самодовлѣющаго объективнаго права. Стали ссылаться на слова Делольма, что всесильный англійскій парламентъ не можетъ сдѣлать только одного — превратить мужчину въ женщину и наоборотъ. Къ изумленію Мэна, такъ наз. аналитическая школа юристовъ дошла если не до фактическаго, то, что, пожалуй, еще хуже, до принципіальнаго оправданія, конечно

---

[1]) См. разсужденія Мерсье де ла Ривьера (L'ordre naturel et essentie des sociétés politiques, Londres, 1767, стран. 137).

Digitized by Google

совершенно не мыслимаго распоряженія суверенной власти объ избіеніи младенцевъ или о замѣнѣ англійскаго Habeas corpus французскими lettres de cachet [1]). А Дайси увѣрялъ, что непогрѣшимый глава государства можетъ даже при желаніи безпрепятственно пострѣлить голову первому министру [2]). Такое пониманіе, очевидно, всецѣло жертвовало этическою и соціологическою природою юридическихъ нормъ ради ихъ политической природы. Историческая эволюція права замѣнялась императивною революціею. И по принципу neuer König, neu Gesetz эпохами правообразованія въ принципѣ оказались смѣны царствованій или даты тѣхъ или иныхъ правительственныхъ актовъ. Сообразно съ этимъ вмѣсто юриспруденціи Бога или юриспруденціи разума выступила юриспруденція государственной власти, хотя бы это была власть мелкихъ нѣмецкихъ Serenissimus'овъ или эфемернаго Рейнскаго союза.

По такому пути, по пути императивной юриспруденціи и пошло правовѣдѣніе XIX вѣка. Пошло не смущенное ничтожностью своего призванія и своимъ неумѣніемъ рѣшить вѣчный вопросъ объ объективности права, а, напротивъ, съ гордо поднятою головою, съ глубокимъ презрѣніемъ ко всему теологическому и метафизическому, съ сознаніемъ своего позитивизма, будто бы стоящаго на высотѣ самыхъ строгихъ требованій научной объективности. Уже Гегель, въ сущности, вступилъ на этотъ путь. Къ нему присоединился Іерингъ, Герберъ и многочисленные dii minoris gentis. Явилось въ своемъ родѣ классическое ученіе о томъ, что только суверенная власть компетентна опредѣлить и ограничить свою компетенцію (т. н. Kompetenz-Kompetenz нѣмецкихъ юристовъ). Всякое ея ограниченіе является или «политикою власти», какъ опредѣлялъ даже все объективное право Іерингъ, или «самоограниченіемъ» власти (теорія Іеллинека). Но этимъ нисколько не устраняется то обстоятельство, что надъ нею, какъ надъ Гоббесовымъ Левіаѳаномъ нѣтъ никакого авторитета, нѣтъ высшаго объективнаго мѣрила. Увлеченные отчетливостью и опредѣленностью такой доктрины, избавляющей умы отъ болѣе глубокихъ исканій, юристы увѣровали въ нее какъ въ высшее и послѣднее слово науки и во всѣхъ дальнѣйшихъ сомнѣніяхъ и проблемахъ стали видѣть признакъ юридическаго диллетантизма. Только въ концѣ XIX вѣка они какъ-то вдругъ сообразили, что они, въ сущности, исповѣдуютъ и проповѣдуютъ какой-то деспотизмъ и притомъ уже не Эвклидова, а Не-

---

[1]) Стран. 287 русскаго перевода «Древнѣйшей исторіи учрежденій» Мэна (С.-Пб. 1876).

[2]) Основы государственнаго права Англіи, переводъ подъ редакціей П. Г. Виноградова, Москва, 1905, стран. 29.

Digitized by Google

ронова типа, деспотизмъ, не соотвѣтствующій ни реальной дѣйствительности ни ихъ собственнымъ убѣжденіямъ. И тогда произошло то же самое, что по средневѣковымъ легендамъ происходило съ чародѣями, умѣвшими вызывать духовъ, приходившими въ ужасъ при ихъ появленіи, но уже не умѣвшими отдѣлываться отъ нихъ. Возникъ донынѣ продолжающійся кризисъ правовѣдѣнія, связанный все съ одною и тою же вѣчною проблемою объективности права. Одни ищутъ эту объективность въ болѣе или менѣе апріорной «правильности» права, другіе въ данныхъ соціологіи, третьи въ данныхъ психологіи, четвертые въ тѣхъ или иныхъ соціальныхъ идеалахъ, иногда даже утопіяхъ. И никто пока не можетъ сказать, что именно имъ найдено вѣрное и единственное рѣшеніе проблемы. Какъ бы то ни было, но дни исключительнаго господства императивной юриспруденціи, повидимому, уже сочтены.

Какъ же отнесся къ такой юриспруденціи Савиньи? Онъ не только не примкнулъ къ ней, но и предостерегалъ примкнувшихъ, что они не вѣдаютъ, что творятъ. Онъ былъ первымъ серьезнымъ критикомъ юриспруденціи повелѣній. Въ качествѣ такового онъ предварилъ Кирхманна, который спустя 34 года послѣ выхода его книги Vom Beruf провозгласилъ «ничтожество» юриспруденціи повелѣній, при которой достаточно трехъ словъ законодателя — «и цѣлыя библіотеки идутъ на макулатуру» [1]). Онъ предварилъ Эрлиха, который видѣлъ въ императивной юриспруденціи продуктъ бюрократическаго, чиновничьяго государства [2]), предварилъ Антона Менгера съ его критикою императивнаго догматизма во имя соціальныхъ задачъ юриспруденціи, предварилъ Лёнинга, поскольку онъ рѣшительно отвергалъ императивную теорію [3]), вообще предварилъ всѣхъ тѣхъ юристовъ, для которыхъ вопросъ объ объективности права

---

[1]) Die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft. Ein Vortrag, gehalten in der juristischen Gesellschaft zu Berlin, vom Staats-Anwalt v. Kirchmann, Berlin, 1848, стран. 23. Въ этой своеобразной обвинительной рѣчи прусскаго прокурора противъ юриспруденціи много реторики и вообще больше настроенія, чѣмъ логики. Это вполнѣ естественно, если имѣть въ виду, что рѣчь была произнесена тогда, когда надвигалась революція 1848 года. Сродство съ Савиньи проявляется въ томъ, что Кирхманнъ отрицаетъ не объективное право, а ремесленное правовѣдѣніе (см. стран. 8); задача настоящаго правовѣдѣнія — не придумывать, а открывать законы (стран. 9). Позитивный же законъ юриспруденціи повелѣній — это не болѣе какъ голый произволъ (baare Willkühr, стран. 21). Утрируя мысль Савиньи, Кирхманнъ утверждаетъ, что ни у одной вообще эпохи нѣтъ призванія къ законодательству (стран. 21). О связи идей Кирхманна съ юридическими проблемами нашей современности см. стран. V и VIII книги I. H. v.-Kirchmann und seine Kritik der Rechtswissenschaft, von Th. Sternberg, 1908.

[2]) Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft, Leipzig, 1903, страница 7.

[3]) R. Loening, Ueber Wurzel und Wesen des Rechts, Jena, 1907, стран. 20.

Digitized by Google

начинается именно тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно начинается. Не довольствуясь одною отрицательною критикою модной теоріи объективнаго права, Савиньи далъ и свою собственную теорію какъ содержанія, такъ и источниковъ настоящаго объективнаго права. И эта теорія заслуживаетъ вниманія уже потому, что она является предвареніемъ многихъ исканій нашей современности.

Что касается содержанія дѣйствительно объективнаго права, то Савиньи не выводилъ его ни изъ закона Божія ни изъ чистаго разума, но также и не изъ повелѣнія государственной власти. Онъ выводилъ его изъ того, что онъ называлъ «духомъ народа». Понятіе это могло породить и дѣйствительно породило не мало лжетолкованій — главнымъ образомъ потому, что романтики и шеллингіанцы пользовались и злоупотребляли имъ во имя метафизики и даже мистики. До извѣстной степени ихъ вліяніе отразилось также и на исторической школѣ. Но если освободить понятіе духа народа отъ этихъ инородныхъ наслоеній и сопоставить его съ тѣмъ, что и до Савиньи и послѣ него юристы называли духомъ, то получится нѣчто совершенно опредѣленное. О «духѣ законовъ» вѣдь писалъ уже Монтескье; и подъ этимъ онъ разумѣлъ приспособленіе законовъ къ моральнымъ, политическимъ, экономическимъ, вообще бытовымъ особенностямъ даннаго общежитія. О «духѣ права», по крайней мѣрѣ римскаго, писалъ Іерингъ; и подъ этимъ онъ тоже разумѣлъ общежительную, соціологическую сторону права [1]). Такъ вотъ, если обратиться къ тому, что разумѣлъ Савиньи подъ народнымъ духомъ въ примѣненіи къ законодательству и правовѣдѣнію, то окажется, что онъ является посредникомъ между Монтескье и Іерингомъ. «Духъ» Савиньи отличается отъ духа» Монтескье какъ тѣмъ, чѣмъ вообще нѣмецкій Geist отличается отъ французскаго ésprit, такъ и тѣмъ, что у него и духъ народовъ и духъ законовъ понимается эволюціонно, между тѣмъ какъ у Монтескье нѣтъ динамики, нѣтъ движенія [2]). Отъ Іеринга же Савиньи отличается тѣмъ, что онъ не объясняетъ эволюціи духа права личнымъ или публичнымъ эгоизмомъ и что онъ не растворяетъ всю безъ остатка этическую цѣнность права въ борьбѣ интересовъ за судебную охрану. Такимъ образомъ по теоріи Савиньи настоящее содержаніе дѣйствительно

---

[1]) Выраженіе «der sittliche Volksgeist» полагается въ основу объективнаго права еще даже у Гербера (см. Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts, zweite Auflage, Leipzig, 1869, § 4, стран. 8).

[2]) Въ статьѣ Ѳ. В. Тарановскаго «Замѣтки о Монтескье» дѣлается попытка отмѣтить вкусъ къ исторіи и у Бордосскаго президента (см. «Юридическія Записки» за 1913 годъ, № I—II, стран. 29). Однако и здѣсь констатируется, что «Монтескье не дошелъ до яснаго сознанія идеи эволюціи» (стран. 28).

Digitized by Google

объективнаго права опредѣляется бытовыми особенностями данной исторической общественности. И именно эти особенности даютъ тотъ критерій для сужденія о степени объективности права, въ поискахъ за которымъ его предшественники обращались къ волѣ Божіей или закону чистаго размуа, а его современники и преемники — къ волѣ государственной власти.

Съ такимъ взглядомъ Савиньи на содержаніе объективнаго права связана также и его теорія источниковъ права. По императивной теоріи юриспруденціи повелѣній главнымъ и даже единственнымъ источникомъ положительнаго права является законъ, какъ обязательное впредь до отмѣны приказаніе, запрещеніе или разрѣшеніе суверенной въ данное время государственной власти. Законъ здѣсь разумѣется не какъ англійское law, а какъ французская loi, не какъ общее право страны, а какъ общеобязательное повелѣніе власти. При этомъ обычное право или совсѣмъ отвергается или признается только какъ концессія со стороны закона. А правовѣдѣніе разумѣется не какъ творчество объективнаго права при посредствѣ науки и судебныхъ прецедентовъ, а какъ истолкованіе подлинной воли законодателя, не какъ казуальное возведеніе нормы надъ фактами, а какъ казуистическое подведеніе фактовъ подъ норму, или, выражаясь французскими терминами, не какъ doctrine, а какъ jurisprudence. Иными словами, правовѣдѣніе сводилось къ юриспруденціи, юриспруденція къ законовѣдѣнію, а законовѣдѣніе — къ прикладному, ремесленному законоискусству.

Савиньи не примкнулъ къ такой теоріи. По его ученію, источниками положительнаго права, кромѣ законовъ, являются обычное право и правовѣдѣніе. Все вообще объективное право есть созданіе народнаго духа или, выражаясь менѣе метафизически, переводитъ на юридическій языкъ бытовыя отношенія данной, конкретной общественности. Законъ при этомъ получаетъ характеръ не трансцендентной, а имманентной нормы. Законодатель, писалъ Савиньи [1]), находится не внѣ націи, а въ ея средоточіи; и законъ — это «органъ народнаго права». Такой взглядъ исключалъ юридическую монополію закона и дѣлалъ принципіально возможнымъ болѣе или менѣе независимое существованіе другихъ источниковъ положительнаго права, не подчиненныхъ непремѣнно закону, а соподчиненныхъ вмѣстѣ съ нимъ тому, что Савиньи называлъ народнымъ духомъ или народнымъ правомъ [2]). Такими источниками онъ считалъ какъ обычное право, такъ и правовѣдѣніе.

---

[1]) System des heutigen Römischen Rechts, Erster Band, Berlin, 1840, § 13, стран. 39.

[2]) Тамъ же, § 15, стран. 50.

Р.С.Ф.С.Р. ИНСТИТУТ

Digitized by Google

Что касается правовѣдѣнія, то, писалъ Савиньи [1]), приходится выбирать: или, по выраженію Бэкона, sermocinari tanquam e vinculis, иначе говоря, сковать себя велѣніемъ законодателя и буквою закона, или же свободно заниматься объективаціею права. Третьяго пути онъ не видѣлъ и не признавалъ (ein drittes giebt es nicht). И поэтому онъ не признавалъ промежуточнаго, полусвободнаго и полурабскаго правовѣдѣнія, не признавалъ лукаваго и изворотливаго юридическаго либертинажа, подъ флагомъ строгой легальности въ толкованіи и примѣненіи закона, подрывающаго эту самую легальность и замѣняющаго ее цѣлесообразностью или соціальностью. Изъ двухъ возможныхъ путей онъ рѣшительно предпочелъ второй, путь дѣйствительно свободнаго правовѣдѣнія, классическимъ образцомъ котораго онъ считалъ доктрину римскихъ юрисконсультовъ и особенно практику преторовъ.

Сообразно съ этимъ онъ далъ совершенно новую теорію римскаго права. До него, а отчасти еще и послѣ него на римское право смотрѣли двояко. То съ точки зрѣнія императивной теоріи — какъ на совокупность повелѣній императора Юстиніана, подтвержденныхъ позднѣйшими суверенами и обязательныхъ именно посему, а не потому, что правовѣдѣніе и судебная практика новаго времени реципировали юридическій опытъ одного изъ народовъ древности. То на римское право смотрѣли съ точки зрѣнія раціоналистической теоріи — какъ на писаный юридическій разумъ, «санкціонированное естественное право» [2]), логическую систему юридическихъ истинъ, основанныхъ на самой природѣ вещей и только случайно связанныхъ съ исторической судьбою древнихъ римлянъ; не довольствуясь отмѣчавшимся еще Цицерономъ [3]) превосходствомъ римскаго права передъ правомъ другихъ народовъ, его возводили на степень единой спасающей юридической истины: еще въ 1854 году Ленцъ находилъ возможнымъ категорически утверждать, что «абсолютное право — это римское право» [4]). И вотъ Савиньи показалъ, что значеніе римскаго права совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что оно выросло изъ потребностей римскаго общежитія, которыя угадывались и удовлетворялись юрисконсультами и преторами. Благодаря такому непрерывному и жизненному прогрессу [5]) у рим-

---

[1]) Vom Beruf, VIII, стран. 113.

[2]) Vom Beruf, IV, 27.

[3]) Incredibile est enim, quam sit omne jus civile, praeter hoc nostrum, inconditum ac paene ridiculum (De oratore, Lib. I, Cap. XLIV, 197).

[4]) См. стран. 35 книги Ueber die geschichtliche Entstehung des Rechts, von Gustav Lenz, 1854; о Ленцѣ вообще E. Landsberg, Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, III Abt., II Halbband, 1910, стран. 748.

[5]) Vom Beruf, IV, 34.

Digitized by Google

лянъ, этихъ англичанъ древности, и образовалось свое общее право, гармонически развивавшееся параллельно съ развитіемъ гражданскаго оборота и всего вообще общественнаго быта.

Такимъ взглядомъ Савиньи на объективную цѣнность древняго римскаго права опредѣлялось и его отношеніе къ дѣйствовавшему въ его время въ Германіи модернизованному римскому праву. Савиньи былъ настолько далекъ отъ признанія его чѣмъ-то абсолютнымъ, навѣки неустранимымъ и призваннымъ къ неограниченному господству» [1]), что за 38 лѣтъ до Іерингова призыва durch das römische Recht, aber über dasselbe hinaus предсказывалъ наступленіе такого времени, когда римское право отойдетъ въ область исторіи и будетъ замѣнено не подражательнымъ, а совершенно новымъ объективнымъ правомъ [2]). Пока же оно примѣняется еще на практикѣ, онъ хотѣлъ итти не назадъ къ римскому праву, а впередъ, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ. Сообразно съ этимъ онъ предлагалъ изучать его не только догматически — чему онъ самъ далъ классическій примѣръ какъ въ трактатѣ о владѣніи, гдѣ, какъ выразился Лерминье [3]), онъ счастливо соединяетъ методу Куяція и Донелла, такъ и въ System des heutigen Römischen Rechts, — но также и исторически. Послѣднее онъ считалъ необходимымъ не для того, чтобы превратить юриста въ археолога и юриспруденцію въ кропотливое изслѣдованіе архивнаго матеріала древности, а для того, чтобы выдѣлить изъ явно устарѣвшихъ элементовъ римскаго права элементы если не вѣчные, то по крайней мѣрѣ длящагося значенія, а также еще пригодные для современности [4]). Отказываясь подражать тѣмъ, которые только потому признаютъ свои юридическія понятія и мнѣнія чисто разумными, что не знаютъ ихъ происхожденія [5]), Савиньи не отвернулся отъ необходимой для начала микроскопической работы надъ деталями. Обобщенія же и итоги онъ предоставилъ позднѣйшимъ юристамъ въ родѣ Іеринга, который, взобравшись на его плечи, замѣнилъ, по собственному выраженію микроскопъ телескопомъ [6]) и сталъ слишкомъ, можетъ быть, непринужденно водить имъ по всему своду римскаго права.

Такимъ образомъ если по теоріи Савиньи содержаніе настоящаго объективнаго права разумѣется въ духѣ того, что мы теперь име-

---

[1]) System des heutigen Römischen Rechts, I, XVII.

[2]) Wir werden dann ein eigenes, nationales Recht haben... Das Römische Recht können wir dann der Geschichte übergeben, und wir werden nicht blos eine schwache Nachahmung Römischer Bildung, sondern eine ganz eigene und neue Bildung haben (Vom Beruf, VIII, 133).

[3]) Introduction générale à l'histoire du droit, Paris, 1829, стран. 241.

[4]) System des heutigen Römischen Rechts, I, XXVII.

[5]) Vom Beruf, VIII, 115.

[6]) Geist des römischen Rechts, Erster Theil, Leipzig, 1852, стран. 10.

Digitized by Google

нуемъ соціологическою юриспруденціею, то источники его характеризуются имъ въ духѣ такъ наз. свободнаго правовѣдѣнія. Съ такою теоріею связана и политика права Савиньи.

III.

Мысль о томъ, что у Савиньи, этого, какъ его называли, Фабія Кунктатора законодательства, есть политика права, есть положительное ученіе de lege ferenda, можетъ показаться нелѣпою или по крайней мѣрѣ наивною. Не является ли по убѣжденію исторической школы единственною правильною политикою права полное отсутствіе какой бы то ни было политики права? Вѣдь историкъ глядитъ назадъ, а политикъ — впередъ. Историкъ живетъ прошлымъ, а политикъ — будущимъ. Словомъ, историкъ и политикъ стоятъ спиною другъ къ другу и служатъ діаметрально противоположнымъ интересамъ. Какая же, значитъ, можетъ быть у историка Савиньи политика права?

И тѣмъ не менѣе она у него есть. И его историзмъ нисколько не препятствовалъ этому, потому что исторія представляла для него не только методу изслѣдованія прошлаго, но также и методу особаго отношенія къ будущему. У многихъ современниковъ Савиньи это отношеніе понималось въ смыслѣ реакціи, т.-е. стремленія повернуть назадъ исторически свершившееся, стремленія воскресить прошлое, сдѣлать его настоящимъ и сохранить въ будущемъ. Сообразно съ этимъ мысль объ исторической въ широкомъ смыслѣ школѣ у многихъ связывалась съ мыслью о политической реакціи первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, о священномъ союзѣ, легитимизмѣ, Карлсбадской конференціи, системѣ Меттерниха и т. п. Сообразно съ этимъ Гейне предостерегалъ отъ исторической школы:

Hüt dich vor Gendarmen und Polizei,
Vor der ganzen historischen Schule [1]).

Хотя историзмъ Савиньи часто истолковывается тоже въ такомъ смыслѣ[2]), однако онъ слишкомъ настойчиво и опредѣленно утверждалъ, что онъ не проповѣдуетъ возврата назадъ[3]), чтобы его

---

[1]) Deutschland, Kapitel XXVI; ср. стихотвореніе Der neue Alexander.

[2]) Такъ, напримѣръ, Анри Мишель всецѣло относитъ его къ реакціонной школѣ, исповѣдующей «очень опасное историческое суевѣріе» съ девизомъ: antiquité vaut titre (L'Idee de l'Etat, troisième édition, Paris, 1898, стран. 153).

[3]) См. особенно System des heutigen Römischen Rechts, I, XIV: Die geschichtliche Ansicht der Rechtswissenschaft wird völlig verkannt und entstellt, wenn sie häufig so aufgefasst wird, als werde in ihr die aus der Vergangenheit hervorgegangene Rechtsbildung als ein Höchstes aufgestellt, welchem die unveränderte Herrschaft über Gegenwart und Zukunft erhalten werden müsse. Vielmehr besteht das Wesen derselben in der gleichmässigen Aner-

Digitized by Google

можно было причислить къ реакціонной школѣ. И если, несмотря на свое засвидѣтельствованное Гёте[1]) расположеніе къ молодежи, онъ, конечно, не принадлежалъ къ такъ наз. молодой Германіи, то все же онъ былъ настолько далекъ отъ реакціонной политики начала XIX вѣка, что Гённеръ счелъ даже умѣстнымъ заподозрить его благонадежность[2]). Историзмъ былъ для Савиньи не реакціоннымъ, а совсѣмъ инымъ практическимъ принципомъ. Если Шлегель опредѣлялъ историка какъ «пророка, обращеннаго назадъ», предсказывающаго только бывшее, то онъ видѣлъ въ историкѣ настоящаго, глядящаго впередъ пророка, предсказывающаго будущее. Историческій принципъ — это принципъ относительности и измѣнчивости, принципъ эволюціи. Гдѣ исторія, тамъ конечно и прошлое, но не какъ нѣчто застывшее и окаменѣвшее, а какъ нѣчто движущееся и притомъ въ сторону будущаго. Сообразно съ этимъ въ исторіи столько же будущаго, сколько и прошлаго. Вѣдь и бывшее было когда-то будущимъ, будущимъ прошлаго, и настоящее — это переходъ будущаго въ прошлое, а будущее — это грядущее, еще не наступившее прошлое. Такимъ образомъ исторія столько же сохраняетъ память о прошломъ, сколько предвидитъ будущее. И историкъ, какъ двуликій Янусъ, смотритъ не только назадъ, но и впередъ. Только одного онъ не знаетъ, именно вѣчнаго, неподвижнаго, застывшаго настоящаго. Вотъ въ такомъ смыслѣ и былъ историкомъ Савиньи, если взять принципіальную сторону его историзма. И сообразно съ этимъ можно сказать, что онъ отдалъ большую дань исторіи, когда онъ писалъ о законодательствѣ и правовѣдѣніи будущаго, чѣмъ когда въ своей работѣ Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter онъ провѣрялъ хронологическія и иныя свѣдѣнія объ университетахъ и юристахъ старыхъ временъ. Этимъ его историческій духъ существенно отличался не только отъ политической реакціи Меттерниха и другихъ, но также и отъ культурной реставраціи романтизма. Несмотря на то, что онъ былъ въ духовной и даже родственной [3]) связи съ романтиками, онъ, какъ совершенно правильно замѣтилъ Ландсбергъ[4]), лично

---

kennung des Werthes und der Selbstständigkeit jedes Zeitalters. Аналогичныя мысли на стран. 4 редакціонной статьи Савиньи (Ueber den Zweck dieser Zeitschrift) въ первомъ томѣ «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft».

[1]) См. въ приложеніи къ книгѣ Friedrich Carl V. Savigny und die Richtung der neueren Rechtswissenschaft, von L. Enneccerus, Marburg, 1879, на стран. 77: Aus Goethes Briefwechsel mit einem Kinde.

[2]) E. Landsberg, Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft, III Abt., II Halbband, Text, 157.

[3]) Его жена, урожденная Кунигунда Брентано, была родною сестрою поэта Клеменса Брентано и извѣстной Беттины Арнимъ.

[4]) Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft, III, II, 246.

Digitized by Google

совсѣмъ не былъ романтикомъ. Онъ совсѣмъ не раздѣлялъ романтической идеализаціи среднихъ вѣковъ съ рыцарями, трубадурами, готическими соборами и прочею поэзіею католичества и феодализма. Съ романтизмомъ его связывали только два мотива: во-первыхъ, убѣжденіе, что міръ — это, какъ выразился Фридрихъ Шлегель, «не система, а исторія», а, во-вторыхъ, иронія. Но если у иныхъ романтиковъ иронія, въ своей чрезмѣрности принявшая характеръ «яснаго сознанія безконечнаго хаоса» [1]) въ мірѣ, кончилась отчаяніемъ, квіетизмомъ и даже мистикою, то у него она не теряла классическаго, сократовскаго характера недовѣрія ко всякаго рода иллюзіямъ и утопіямъ — въ томъ числѣ и юридическимъ.

Одною изъ такихъ иллюзій Савиньи и считалъ ту политику права, которая господствовала сто лѣтъ тому назадъ и носила названіе науки о законодательствѣ. Главнымъ авторитетомъ въ этой наукѣ все еще считался Бентамъ съ его несложнымъ раціонализмомъ и ариѳметическимъ утилитаризмомъ. Главнымъ догматомъ этой науки была вѣра въ чудодѣйственную силу искусственнаго законодѣланія. Благодаря своему историзму Савиньи рѣшительно отказался отъ такой науки. Но это вовсе не значитъ, что онъ вообще не признавалъ науки о законодательствѣ. Совсѣмъ напротивъ, онъ признавалъ ее и ожидалъ многаго въ этой области отъ нѣмецкихъ университетовъ [2]). Равнымъ образомъ не онъ, а нѣкоторые его эпигоны, напримѣръ Кирхманнъ, отказывались отъ законодательства вообще. Онъ слишкомъ категорически заявлялъ и повторялъ, что онъ не считаетъ законодательства вообще лишнимъ [3]) и что, сходясь съ Тибо относительно цѣли, онъ съ нимъ расходится относительно средствъ [4]), чтобы на этотъ счетъ могли оставаться какія-нибудь сомнѣнія. Онъ признавалъ даже вліяніе законодательства на прогрессъ права [5]). Онъ разбиралъ даже спеціальные вопросы законодательной техники; такъ, напримѣръ, при всемъ своемъ преклоненіи передъ коллективнымъ творчествомъ въ области права, онъ не вѣрилъ въ необходимость многолюдныхъ комиссій при

---

[1]) См. его Athenaeum (стран. 138 послѣдняго берлинскаго изданія).
[2]) Vom Beruf, X, 153.
[3]) Vom Beruf, VIII, 131: aber die bürgerliche Gesetzgebung überhaupt ist damit keinesweges entbehrlich erklärt. System des heutigen Römischen Rechts, I, § 13, стран. 40: Diese Ansicht von der Natur und dem Inhalt des Gesetzes ist nicht selten so misverstanden worden, als würde dadurch dem Gesetzgeber eine untergeordnete, seiner nicht würdige Stellung angewiesen, ja als sollte dadurch im Stillen das ganze Geschäft der Gesetzgebung für überflussig, wohl gar für schädlich erklärt werden.
[4]) In dem Zweck sind wir einig (Vom Beruf, XII, 161).
[5]) System des heutigen Römischen Rechts, I, § 13, стран. 41: der Einfluss der Gesetzgebung äusserst heilsam, ja selbst unentbehrlich werden kann.

Digitized by Google

редакціи кодексовъ[1]); и такимъ образомъ онъ предварилъ такихъ юристовъ, какъ Унгеръ, который увѣрялъ, что Швейцарія, поручившая составленіе своего гражданскаго уложенія одному лицу, именно Губеру, поступила правильнѣе, чѣмъ Германія, призвавшая къ этому дѣлу цѣлую коллегію юристовъ[2]). Наконецъ, самому Савиньи пришлось стать въ сороковыхъ годахъ законодателемъ Пруссіи главнымъ образомъ по вопросамъ брачнаго права. Словомъ, онъ противился не законодательству вообще, а единственно законодательству въ той формѣ, въ какой въ 1814 году его проектировалъ Тибо вмѣстѣ со своими единомышленниками. Въ то время какъ засѣдалъ Вѣнскій конгрессъ и предрѣшалъ по-своему дальнѣйшую судьбу Германіи [3]), Тибо въ своей брошюрѣ Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland (Heidelberg, 1814) ожидалъ отъ патріотическаго союза всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ (стр. 25), что они осчастливятъ своихъ подданныхъ «прекраснѣйшимъ небеснымъ даромъ» (стр. 32), именно «совершеннымъ формально и матеріально» (стран. 12—3) новымъ общимъ гражданскимъ кодексомъ. Этотъ проектъ основывался на такой наукѣ о законодательствѣ или политикѣ права, которую Савиньи рѣшительно отвергалъ. И такъ какъ собственная политика права главы исторической школы была имъ выработана именно въ полемикѣ съ Тибо, то для уясненія ея положительнаго содержанія необходимо припомнить, что именно онъ отрицалъ у Тибо, что именно пугало Савиньи въ этомъ проектѣ. Его пугали три обстоятельства: во-первыхъ, вѣроятное содержаніе новаго уложенія, во-вторыхъ, его воздѣйствіе на общественную жизнь, наконецъ, въ-третьихъ, его воздѣйствіе на правовѣдѣніе.

Со стороны содержанія предполагалось или законодательство въ духѣ апріорнаго раціонализма XVIII вѣка или рецепція чужого законодательства или же эклектическая смѣсь и того и другого. Въ самомъ дѣлѣ Тибо увѣрялъ, что гражданскіе законы въ общемъ основываются только на человѣческомъ сердцѣ, на разсудкѣ и разумѣ» (Ueber die Nothwendigkeit, 55), благодаря чему «многія части гражданскаго права представляютъ, такъ сказать, только родъ чистой юридической ариѳметики» (54). И при этомъ какъ ни предостерегалъ Тибо отъ «тонкаго яда французскихъ примѣровъ» (5), какъ ни возмущался онъ тѣми, которые предлагали прямо

---

[1]) Vom Beruf, XI, 157.

[2]) Унгеръ ссылается еще на Юлія Глазера и Франца Клейна (Mosaik von Joseph Unger, Leipzig, 1911, стран. 195).

[3]) На это обстоятельство указывалъ самъ Савиньи въ предисловіи ко второму изданію книги Vom Beruf (стран. IV).

Digitized by Google

воспользоваться французскимъ кодексомъ (22), онъ все же увѣрялъ, что «въ высочайшей степени поучительныя подготовительныя работы» содержатся именно въ этомъ кодексѣ (64). Еще типичнѣе былъ Цахаріэ. Въ 1804 году, когда французскій кодексъ еще допечатывался, онъ написалъ «Основоположенія философскаго частнаго права», проникнутыя вѣрою въ раціональное право, право разума. А спустя четыре года, въ 1808 году Цахаріэ реализовалъ свою мечту въ видѣ — «Учебника французскаго гражданскаго права» [1]). Здѣсь онъ попрежнему утверждалъ, что «дѣйствительнымъ правомъ» является только право естественное (XLVI) и что гражданское законодательство — это не болѣе какъ «санкція философскаго гражданскаго права» (XLIV); благодаря такой санкціи «дѣйствительное право, т.-е. естественное превращается въ форменное право» (XLVI), почему, оставаясь въ гражданскомъ правѣ, мы все же попадаемъ «въ область права вѣчнаго» (XLIV). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждалъ, что такими именно свойствами и обладаетъ французское право, т.-е. «совокупность основоположеній, получившихъ внѣшнюю санкцію отъ французскаго правительства» (1). Итакъ вѣчное право свелось къ «учебнику о чужомъ, еще почти неизвѣстномъ правѣ» (VII), комментарію къ французскимъ законамъ, оказавшемуся прекраснымъ пособіемъ для французскихъ юристовъ, вдохновляющихся имъ еще и донынѣ [2]), но свободному отъ вліянія нѣмецкаго народнаго духа. Другіе юристы, какъ, напримѣръ Шмидъ, видѣли образецъ въ австрійскомъ уложеніи 1811 года [3]). Такое содержаніе проектировавшагося уложенія черезчуръ противорѣчило теоріи объективнаго права Савиньи, чтобы онъ могъ сочувствовать этой затѣѣ.

Къ этому присоединялись его опасенія относительно воздѣйствія новаго кодекса на нѣмецкое общежитіе. Именно кодификація связывалась съ императивною теоріею права, согласно которой законъ является вседержителемъ и творцомъ общественнаго быта, не описывающимъ то, что уже есть, а предписывающимъ то, что должно быть. Такъ, Тибо увѣрялъ, что новое уложеніе вызоветъ «новые нравы и привычки» (Ueber die Nothwendigkeit, 33), подобно тому какъ подъ вліяніемъ нравственной проповѣди мѣняются человѣческіе темпераменты, такъ что холерикъ подражаетъ флегматику, а флегматикъ — сангвинику (52). Иными словами, онъ связывалъ съ гражданскимъ кодексомъ какой-то цивилистическій

---

[1]) Handbuch des französischen Civilrechts, erster Band, Heidelberg, 1808.
[2]) См., напримѣръ, Cours de droit civil français d'après la méthode de Zachariae, par Aubry et Rau, 5 édition, Paris, 1913.
[3]) Vom Beruf, I, 4.

Digitized by Google

полицеизмъ, идеологію полицейскаго государства, осуществляющаго своими велѣніями не только полицію безопасности, но еще и полицію благосостоянія. Въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху просвѣщеннаго деспотизма, такая программа если далеко не всегда фактически, то по крайней мѣрѣ принципіально могла вести къ ускоренію общественнаго развитія и прогресса. Во второй половинѣ XIX вѣка, въ эпоху соціальной политики такая программа могла быть съ пользою принята какъ средство для смягченія экономической борьбы классовъ. Но что хорошаго могла сулить программа полицеизма въ эпоху Меттерниха и общеевропейской реакціи — кромѣ «публичной декларації нетерпимости», какъ опредѣлялъ законъ реакціонеръ Бональдъ?[1]) Умѣстно ли поэтому цивилистамъ, жалующимся на полицейскую опеку въ области финансовъ, администрації и т. п., поддаваться въ области гражданскаго права тенденціи «всѣмъ управлять и желать управлять все болѣе и болѣе»?[2]) Такъ именно и поставилъ вопросъ Савиньи. И отвѣтъ его вполнѣ гармонировалъ и съ его соціологіею и съ его теоріею права: нельзя мѣнять свѣта «съ помощью приказовъ и управленія»[3]). Вмѣсто этого онъ проповѣдовалъ не квіетизмъ въ родѣ Шлегелевой «идилліи праздности» и «либеральной беззаботности и бездѣятельности»[4]), а тотъ принципъ laissez faire, laissez passer, который въ извѣстныя историческія эпохи единственно совмѣстимъ съ дѣйствительнымъ прогрессомъ жизни. Подобно тому какъ итальянскіе патріоты, отказываясь отъ услугъ чужихъ правительствъ, гордо заявляли Italia fara da se, Италія сдѣлаетъ сама, такъ и Савиньи былъ убѣжденъ, что Германія сама себя сдѣлаетъ и что ея не сдѣлаютъ Солоны и Ликурги Меттернихова стиля.

Наконецъ, въ-третьихъ, Савиньи опасался, что новый кодексъ убьетъ независимую и творческую юриспруденцію и превратитъ ее въ послушную и даже автоматическую исполнительницу велѣній законодателя. Такъ смотрѣла на дѣло теорія: Бентамъ, напримѣръ, признавалъ только офиціальные комментаріи къ законамъ; Кантъ уподоблялъ дѣятельность судьи заключенію силлогизма, въ которомъ первою посылкою является законъ, а второю — повелѣніе о его примѣненіи [5]). Такъ же смотрѣло на дѣло и законодательство.

---

[1]) Les lois humaines ne sont que des déclarations publiques d'intolérance (Réflexions philosophiques sur la tolérance des opinions, Oeuvres, Paris, 1817—19, томъ X, стран. 260).

[2]) Stimmen für und wider neue Gesetzbücher (Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, III, 44).

[3]) Тамъ же.

[4]) Lucinde, Erster Theil, Berlin, 1799, стран. 83.

[5]) Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, § 45 (стран. 195 второго изданія 1798 г.).

Digitized by Google

Въ цѣломъ рядѣ кабинетныхъ указовъ, сопутствовавшихъ работамъ по изданію прусскаго Landrecht'a [1]), Фридрихъ II совершенно уничтожалъ всякую самостоятельность юриспруденціи. Судамъ запрещалось пользоваться даже заключеніями юридическихъ факультетовъ. Зато выдвигалось министерство юстиціи, и правосудіе подвергалось бюрократизаціи [2]). Равнымъ образомъ и Наполеонъ хотѣлъ совсѣмъ уничтожить не только свободную юриспруденцію, но даже комментаріи къ кодексу. Въ сравненіи съ вотчинною и пристрастною юстиціею стараго режима все это знаменовало, можетъ быть, и прогрессъ просвѣщенія. Но въ сравненіи съ римскою юриспруденціей это несомнѣнно знаменовало прогрессъ деспотизма. Словомъ, это было въ духѣ того просвѣщеннаго деспотизма, который, по мнѣнію Савиньи, убивалъ юриспруденцію. Отъ исторіи и отъ духа при этомъ оставалось только то, что допускалъ бы Цахаріэ, увѣрявшій, что правовѣдѣніе должно «быть по отношенію къ Наполеонову кодексу историческою наукою» и познавать «духъ законовъ» [3]), но тутъ же и пояснявшій, что онъ при этомъ имѣетъ въ виду только такъ наз. историческое въ самомъ тѣсномъ смыслѣ толкованіе отдѣльныхъ текстовъ кодекса. Не ожидая отъ такой юриспруденціи ничего плодотворнаго въ будущемъ, что, въ сущности, и оправдалось [4]), Савиньи возлагалъ больше надеждъ на дѣйствовавшее въ Германіи такъ наз. общее право (gemeines Recht). Являясь чѣмъ-то аналогичнымъ общему праву Англіи, оно было достаточно опредѣленно, чтобы обезпечивать прочный правовой порядокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно эластично, чтобы давать свободу научному и судейскому творчеству. И такимъ образомъ вмѣсто юриста стараго типа, типа «рабулиста», т.-е. крючкотворца, умѣющаго ловить рыбу въ мутной водѣ неяснаго права, и вмѣсто юриста типа легиста, болѣе или менѣе лукаво приспособляющаго старые законы къ новымъ порядкамъ и подчиняющаго право политикѣ, становился вполнѣ возможнымъ юристъ типа магистрата, съ одной

---

[1]) См. M. A. v. Bethmann-Hollweg, Ueber Gesetzgebung und Rechtswissenschaft als Aufgabe unserer Zeit, Bonn, 1876, стран. 19.

[2]) Савиньи всячески хотѣлъ смягчить категорическое заявленіе публикаціоннаго патента Фридриха Вильгельма II о недѣйствительности «мнѣній правовѣдовъ или старыхъ изреченій судей» (см. System des heutigen Römischen Rechts, I, § 31, 198). Болѣе рѣзко выражается онъ объ аналогичномъ постановленіи баварскаго уголовнаго уложенія (Stimmen für und wider neue Gesetzbücher, «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», III, 46).

[3]) Handbuch des französischen Civilrechts, I, L.

[4]) Бетманнъ-Гольвегъ (стран. 25) обращаетъ вниманіе на то, что за 80 лѣтъ послѣ изданія Ландрехта ни въ школѣ, ни въ судахъ не возникло никакой прусской юриспруденціи; такія же послѣдствія австрійскаго уложенія 1811 г. отмѣтилъ Унгеръ; что касается Наполеонова кодекса, то онъ, правда, породилъ не лишенную извѣстной виртуозности «юриспруденцію», но онъ, можно сказать, почти совсѣмъ убилъ «доктрину».

Digitized by Google

стороны, опирающагося на незыблемое объективное право, съ другой стороны, восполняющаго и совершенствующаго его собственнымъ правосознаніемъ.

Къ такимъ принципіальнымъ возраженіямъ Савиньи противъ общенѣмецкаго кодекса въ 1814 году присоединялись еще возраженія чисто техническаго свойства. Кто санкціонируетъ новое уложеніе въ Германіи вообще, т.-е. въ странѣ, не объединенной тогда политически и представлявшей не болѣе какъ географическій терминъ? Какъ заставить согласиться 38 нѣмецкихъ правительствъ? Кто возьметъ юридическую гегемонію въ Германіи? Принять новое, раціоналистическое уложеніе — это значило присоединить къ 38 государствамъ островъ Утопію и вручить гегемонію надъ ними именно ему; вмѣстѣ съ тѣмъ это значило бы оставить за предѣлами объединенной юридически Германіи Австрію съ ея уложеніемъ и Пруссію съ ея Ландрехтомъ [1]). Принять австрійское уложеніе — это значило подчинить Германію игу Меттерниха въ такой области, гдѣ она была еще свободна отъ него. Принять французскій кодексъ — это значило вторично подчинить Германію игу Наполеона, пойти навстрѣчу программѣ ста дней и продлить ее, пожалуй, на цѣлыя сто лѣтъ, забывъ пламенныя рѣчи Фихте къ нѣмецкой націи, забывъ войну за освобожденіе и пріостановивъ національное возрожденіе Германіи. Правда, по пути Наполеонова кодекса пошелъ Баденъ. Но Савиньи не вѣрилъ въ гегемонію Бадена. И оказалось, что онъ не ошибался. Послѣ 1814 года еще въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій баденскіе юристы и политики старались итти во главѣ Германіи и ея объединенія, пока, наконецъ, баденская революція 1848 года, однимъ изъ вожаковъ которой былъ поэтъ (Гервегъ), не была подавлена прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ, которому и суждено было впослѣдствіи стать первымъ императоромъ объединенной политически и объединявшейся юридически Германіи.

Такимъ образомъ политика права Савиньи сводилась къ двумъ идеямъ. Во-первыхъ, законодательство не должно разсматриваться какъ фабрикація [2]) искусственныхъ и произвольныхъ нормъ, преслѣдующихъ химерическую мысль о томъ, что правительственными приказаніями, разрѣшеніями и запрещеніями можно измѣнить старую общественность или даже насадить новую; законодательство должно быть не болѣе какъ подведеніемъ юридическихъ итоговъ соціальной эволюціи, переводомъ на нормативный языкъ права уже совершившихся или, по крайней мѣрѣ, опредѣлившихся перемѣнъ

---

[1]) Vom Beruf, X, 152.
[2]) Vom Beruf, VII, 110, IX, 148.

Digitized by Google

въ общежитіи: не новые законы создаютъ новое общество, а, напротивъ, новое общество создастъ новые законы. Во-вторыхъ, въ ожиданіи новыхъ законовъ юриспруденція и доктрина должны развивать и совершенствовать дѣйствующее право. Новое общество создастъ новое правовѣдѣніе. А новое правовѣдѣніе подготовляетъ новое законодательство.

Сообразно съ такою теоріею Савиньи и увѣрялъ, что въ 1814 году Германія, а, можетъ быть, даже и вся Европа еще не готова для новаго гражданскаго уложенія, иными словами, еще не выработала такихъ бытовыхъ отношеній, которыхъ нельзя было бы попрежнему регулировать модернизованнымъ римскимъ правомъ. Что касается въ частности Германіи, то увѣренный, что ея эволюція еще не дошла до того, что достигнуто революціею во Франціи, и должна въ будущемъ опередить то, что достигнуто этою революціею, Савиньи обратилъ всѣ свои упованія не на настоящее, тѣмъ менѣе на прошедшее, а единственно на будущее. Тамъ, гдѣ другіе спѣшили видѣть уже результатъ, онъ видѣлъ только начало. И онъ предупреждалъ отъ поспѣшнаго признанія прогресса уже вполнѣ, безъ остатка завершившимся, къ чему такъ тяготѣлъ хотя бы Гегель. Онъ опасался, что такая поспѣшность можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. «Когда — писалъ онъ [1]) — еврейскій народъ не могъ дождаться у горы Синая Божескаго закона, онъ въ нетерпѣніи сдѣлалъ себѣ золотого тельца, и поэтому настоящія таблицы законовъ были разбиты». Для насъ, воспитавшихся на замѣнѣ политическаго догмата XVIII вѣка соціальнымъ догматомъ вѣка XIX и пріученныхъ къ тому, чтобы законодательство проходило черезъ представительныя учрежденія, болѣе или менѣе точно отражающія всѣ бытовыя особенности и потребности даннаго конкретнаго общежитія, политика права Савиньи можетъ оказаться до банальности самоочевидною. Но сто лѣтъ тому назадъ она означала цѣлый переворотъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, и притомъ переворотъ благодѣтельный для культуры, если имѣть въ виду, что въ роли Бентамовъ, Монтескье и Сварецовъ тогда выступили Меттернихъ, Генцъ и Гённеръ.

IV.

Въ связи съ политикою права Савиньи невольно возникаетъ вопросъ, не опровергнута ли она самою жизнью. Иными словами, не являются ли живымъ протестомъ противъ нея какъ французскій кодексъ 1804 года, такъ и общенѣмецкое уложеніе 1900 года? Какъ

[1]) Vom Beruf, VIII, 134.

Digitized by Google

ни принято отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ, несомнѣнно, что оба эти уложенія являются не опроверженіемъ, а, напротивъ, блестящимъ подтвержденіемъ идей Савиньи. На Наполеоновъ кодексъ принято смотрѣть какъ на раціоналистическое и революціонное уложеніе. Если онъ оказывался дѣйствительно таковымъ, то не для Франціи, а для Германіи. И это сознавалъ даже такой юристъ, какъ Ансельмъ Фейербахъ, который самъ законодательствовалъ и котораго обыкновенно рѣзко противопоставляютъ Савиньи[1]). Получивъ отъ баварскаго правительства порученіе составить новое гражданское уложеніе съ непремѣннымъ условіемъ возможно больше реципировать Наполеоновъ кодексъ, онъ представилъ свои сомнѣнія въ работѣ подъ заглавіемъ Themis oder Beiträge zur Gesezgebung, напечатанной въ 1812 году, т.-е. за два года до появленія книги Савиньи о призваніи къ законодательству. Здѣсь онъ обращалъ вниманіе на то, что французскій кодексъ и его идеи не могутъ служить только вспомогательнымъ правомъ при «римско-каноническо-нѣмецкомъ правѣ» (стран. 9). Они также мало совмѣстимы съ нимъ, какъ вода съ огнемъ или глубокая ночь съ утреннею звѣздою (11). Если французскій кодексъ отчасти закончилъ, отчасти увѣковѣчилъ революцію, то Германія все еще стоитъ на томъ мѣстѣ, на которомъ Франція стояла до революціи (12). Французское законодательство построено на развалинахъ разрушеннаго готическаго зданія, при чемъ эти развалины уже убраны и для него мѣсто совершенно очищено. Въ нѣмецкихъ же государствахъ законодатель всегда наталкивается на горы и долины, преграждающія ему путь (13). Приспособлять къ нѣмецкому быту новое французское право это значитъ дѣлать обратное тому, что дѣлалъ Донъ Кихотъ, именно превращать шлемъ героя въ тазъ брадобрея (14). О передѣлкѣ кодекса примѣнительно къ нѣмецкимъ условіямъ нечего и думать, такъ какъ тѣ именно части французскаго законодательства, которыя несовмѣстимы съ этими условіями, представляютъ какъ разъ самыя блестящія мѣста этого кодекса; все же прочее заимствовано изъ римскаго права, которымъ нѣмцы и безъ того обладаютъ и притомъ даже полнѣе и лучше, чѣмъ французы (15). И поэтому, если бросить кодексъ въ реторту для переработки, то оживляющій его духъ испарится и получится нѣчто совершенно безжизненное и негодное, caput mortuum (14). Такъ, напримѣръ, черезъ весь Наполеоновъ кодексъ проходитъ духъ юридическаго равенства, между тѣмъ какъ нѣмецкое право построено на неравен-

---

[1]) См., напримѣръ, G. Radbruch, Einführung in die Rechtswissenschaft, zweite Auflage, 1913, стран. 33.

Digitized by Google

ствѣ, на привилегіяхъ (21). Примирить эти два начала также невозможно, какъ собрать сѣверъ и югъ въ одну точку (28). Далѣе, кодексъ признаетъ свободу собственности и не только запрещаетъ фиденкоммиссы на будущее время, но упраздняетъ ихъ и для прошлаго, дабы, по живописному выраженію Порталиса, не подчинять интересовъ живого народа капризамъ народа мертваго и дабы воля поколѣнія, котораго уже нѣтъ, не приносила того поколѣнія, которое есть, въ жертву тому поколѣнію, котораго еще нѣтъ (32). Въ Германіи же такой порядокъ еще существовалъ и считался нормальнымъ. Затѣмъ французскій кодексъ предполагаетъ независимость государства отъ церкви во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, чего опять-таки еще не было въ Германіи (49). Онъ предполагаетъ особую политическую организацію, особое судоустройство и судопроизводство (62, 69). Словомъ, заключаетъ Фейербахъ, Наполеоновъ кодексъ обязательно предполагаетъ «новое время, новый міръ, новое государство» (61).

Все это являлось дѣйствительно революціоннымъ, но только по отношенію къ Германіи. По отношенію же къ Франціи 1804 года это не означало насильственнаго пересозданія общества законодательнымъ путемъ. Это просто подтверждало мысль Савиньи о томъ, что когда общества мѣняются, тогда и законы приходятъ сами собою, или, какъ выразился Порталисъ: les Codes des peuples se font avec le temps; mais à progrement parler, on ne les fait pas. Такое почти полное совпаденіе мыслей Савиньи и Порталиса, главнаго вдохновителя и истолкователя Наполеонова кодекса, является далеко не случайнымъ. Взгляды Порталиса на законодательство до такой степени совпадаютъ со взглядами Савиньи, что по принципу prior tempore, potior jure можно даже утверждать, что настоящимъ основателемъ исторической школы юристовъ былъ не кто иной какъ Порталисъ. О томъ, какъ отрицательно относился онъ къ апріорному раціонализму XVIII вѣка, чрезвычайно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ написанная имъ еще въ 1799 году [1]) и изданная въ 1820 году двухтомная работа De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophique durant le dix-huitième siècle. Все абстрактное, все умозрительное, все апріорное рѣшительно устраняется здѣсь во имя опыта, во имя эмпиризма, хотя бы даже и сенсуалистическаго; съ такой именно точки зрѣнія отвергается также и философія Канта [2]). О томъ, какъ смотрѣлъ Порталисъ на законо-

---

[1]) René Lavollée, Portalis, sa vie et ses oeuvres, Paris, 1869, стран. 173.

[2]) Для примѣра приведемъ нѣсколько его сужденій о Кантѣ: Tout est faux dans ce système, en tant que tout y est absolu (I, 111). Il est absurde de

Digitized by Google

дательство вообще и на французскій кодексъ въ частности свидѣтельствуетъ его знаменитый Discours prélimiпaire. Здѣсь Портализъ рѣшительно отказывался отъ законодательнаго радикализма, основаннаго на предложеніи «будто человѣческій родъ прекращается и начинается ежемгновенно» [1]). Онъ даже больше, чѣмъ Савиньи, настаивалъ на силѣ исторической преемственности: даже въ прусскомъ Ландрехтѣ онъ находилъ консервативные элементы [2]). Отказъ «отъ богатаго наслѣдія отцовъ» онъ считалъ безразсудствомъ также и для Франціи [3]). И въ сомнительныхъ случаяхъ онъ предлагалъ вопрошать исторію, эту, какъ онъ выражался, «экспериментальную физику законодательства» (Locré, 134). Но при этомъ, какъ и Савиньи, онъ понималъ историческій принципъ не какъ принципъ застоя или даже реакціи, а какъ принципъ эволюціи, развитія. И сообразно съ этимъ онъ считалъ необходимымъ, чтобы законодательство, не впадая въ культъ прошлаго, регистрировало и нормировало происходящія въ общежитіи перемѣны. Особенно въ «рѣшительныя», какъ онъ выражается (Locré, 135), эпохи надлежитъ итти въ уровень съ современностью; и памятуя, что все древнее было когда-то новымъ (Locré, 140), надо умѣть мѣнять тамъ, гдѣ одною изъ самыхъ опасныхъ перемѣнъ было бы отсутствіе всякихъ перемѣнъ (тамъ же).

Такимъ образомъ главный редакторъ Наполеонова кодекса совсѣмъ не считалъ своего дѣтища произведеніемъ революціоннымъ и апріорно-раціоналистическимъ. Другой редакторъ кодекса Камбасересъ утверждалъ еще въ 1793 г., что кодексъ не можетъ быть построенъ «на движущемся пескѣ системъ» [4]). И въ самомъ дѣлѣ революціоннымъ было законодательство не кодекса, а конвента, по отношенію къ которому кодексъ проявилъ реставраціонную, въ иныхъ случаяхъ почти даже реакціонную роль и, какъ выражались современники, знаменовалъ торжество юристовъ надъ философами. Такъ, напримѣръ, по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ конвентъ установилъ принципъ равноправія жены; а кодексъ вернулся къ старой системѣ господства мужа, которую самъ

---

prétendre qu'une chose ne peut nous paroître réelle et existante, que parce que nous avons à priori les idées de l'espace et du temps. Une chose nous paroit réelle et existante, parce que nous la voyons, et parce que nous la sentons (I, 112). Il fonde une nouvelle logique qu'il appelle transcendante, et qui n'est propre qu'à former de mauvais raisonneurs et des sophistes (I, 116).

[1]) «Esprit du Code Napoléon», par J. G. Locré, I, à Paris, 1807, стран. 137.

[2]) Тамъ же, 135.

[3]) Тамъ же.

[4]) Lerminier, Introduction générale à l'histoire du droit, Paris, 1829, стран. 283.

Digitized by Google

Портали съ мотивировалъ довольно старомодными соображеніями [1]). Если кодексъ не задавался цѣлью диктовать французскому пореволюціонному обществу апріорныя нормы, то онъ зато чрезвычайно удачно регистрировалъ происшедшую въ этомъ обществѣ перемѣну: освобожденіе личности и собственности отъ стѣсненій и привилегій феодальнаго происхожденія, образованіе единой націи, еще не демократизованной политически, но уже демократизованной соціально и т. д. Всѣмъ этимъ кодексъ какъ нельзя лучше подтверждалъ ученіе Савиньи о настоящихъ задачахъ законодательства.

Но какъ ни удачно резюмировалъ кодексъ выяснившіеся результаты общественной эволюціи тогдашней Франціи, онъ все же не оправдывалъ утвержденія одного оратора государственнаго совѣта: c'est un ouvrage terminé [2]). Онъ не угадалъ многихъ путей дальнѣйшаго развитія Франціи и этимъ подтвердилъ также и ту мысль Савиньи, что новая Европа еще не была готова въ началѣ XIX вѣка. Такъ, напримѣръ, кодексъ констатировалъ и закрѣпилъ ликвидацію духовныхъ конгрегацій, сословныхъ организацій и т. п. ассоціацій стараго порядка. Но, проявивъ чрезмѣрный индивидуализмъ и отнесясь недовѣрчиво къ ассоціаціямъ вообще, какъ къ чему-то почти преступному, онъ не предусмотрѣлъ необычайнаго развитія такъ наз. юридическихъ лицъ въ экономической жизни и гражданскомъ оборотѣ XIX вѣка. Далѣе, кодексъ констатировалъ и закрѣпилъ новую, типичную для пореволюціонной Франціи форму собственности, именно, мелкое землевладѣніе какъ результатъ ликвидаціи національныхъ имуществъ. И сообразно съ этимъ, какъ замѣтилъ А. Сорель [3]), его пониманіе собственности вообще пріурочено именно къ поземельной, въ полномъ смыслѣ слова недвижимой, еще не мобилизованной собственности, propriété, по отношенію къ которой движимое имущество разсматривается какъ meubles, своего рода меблировка недвижимости. Съ точки зрѣнія такого взгляда болѣе текучія и летучія цѣнности, или фонды разсматриваются не какъ настоящая, тѣмъ болѣе типичная собственность, а какъ нѣчто случайное, капризное, зависящее отъ фортуны, не какъ propriété, а какъ fortune. Въ дальнѣйшемъ же развитіи имущественныхъ отношеній во Франціи именно фонды сдѣлались главнымъ

---

[1]) Destinées par la nature aux plaisirs d'un seul et à l'agrément de tous, такъ мотивировалъ онъ свой взглядъ на призваніе женщинъ въ объясненіи законовъ о бракѣ (Lavollée, 215). Въ данномъ случаѣ онъ почти буквально повторялъ Монтескье: il est heureux de vivre... où les femmes se réservant aux plaisirs d'un seul, servent encore à l'amusement de tous (Esprit des lois, Livre XVI, Chap. XI).

[2]) Bigot-Préameneu (Locré, I, 121).

[3]) См. коллективное изданіе Le code civil, Livre du centenaire, Paris, 1904, XXXI.

Digitized by Google

типомъ собственности. Землевладѣніе въ цѣломъ рядѣ гражданскихъ сдѣлокъ стало не болѣе какъ временнымъ помѣщеніемъ летучаго и подвижнаго капитала. Fortune подчинила себѣ propriété. И типичный французскій собственникъ изъ землевладѣльца превратился въ капиталиста. Сообразно съ этимъ если, напримѣръ, кодексъ совершенно правильно для времени своего появленія ограждалъ имущество опекаемаго отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны опекуна въ такой формѣ, что опекунъ могъ распоряжаться движимымъ имуществомъ опекаемаго, но не могъ касаться его недвижимой собственности, то въ настоящее время плодомъ буквальнаго исполненія заботливости законодателя начала прошлаго столѣтія могло бы оказаться уже безпрепятственное расхищеніе опекуномъ такъ наз. у французовъ портфеля, т.-е. цѣнностей, фондовъ опекаемаго; а этотъ «портфель» въ большинствѣ случаевъ оказывается его главнымъ, если даже не единственнымъ имуществомъ[1]). Далѣе, кодексъ, въ общемъ, примкнулъ къ тому еще римскому пониманію собственности, какъ dominium, какъ неограниченнаго господства лица надъ вещью, которое Тьеръ въ 1848 г. призналъ даже самоочевидною аксіомою[2]). И тѣмъ не менѣе сложившіяся въ XIX вѣкѣ фактическія отношенія привели къ такой зависимости собственника отъ общества и государства, что Дюги рискнулъ даже превратить собственность изъ субъективнаго права собственника въ какую-то «соціальную функцію»[3]). Появились новые типы обязательственныхъ отношеній въ родѣ «договоровъ присоединенія»[4]) или коллективныхъ договоровъ и т. п.[5]). Во многомъ видоизмѣнился также и нормальный типъ семейныхъ отношеній. Чтобы справиться со всѣми этими новыми явленіями, пришлось прибѣгнуть къ той необычайно виртуозной интерпретаціи закона, которая является одновременно и гордостью французской юриспруденціи и доказательствомъ ея чрезмѣрной связанности слишкомъ тѣсными рамками преждевременнаго законодательства. Уже въ

---

[1]) См. Jean Cruet, La vie du droit et l'impuissance des lois, Paris, 1908, стран. 65.

[2]) De la propriété. Paris, 1848, стран. 2.

[3]) Les transformations générales du droit privé depuis le Code Napoléon, Paris, 1912, стран. 158. Порталиса ужасала даже мысль физіократовъ о томъ, что государство можетъ быть собственникомъ одной трети чистаго дохода (Fenet, Recueil complet des travaux préparatoires du Code civil, Tome XI, Paris, 1836, стран. 119).

[4]) Duguit, 121, а также статья Л. С. Таля о contrats d'adhésion въ «Вѣстникѣ гражданскаго права» за 1914 г.» № 1.

[5]) Кодексъ Наполеона принципіально осуждаетъ даже договоръ страхованія жизни какъ стипуляцію въ пользу другого лица. Порталисъ опредѣлялъ страхованіе жизни какъ гнусное соглашеніе, при которомъ жадность, спекулирующая на дняхъ жизни гражданина, недалека отъ преступленія, которое можетъ ихъ сократить (Cruet, 63).

Digitized by Google

1837 г. Росси замѣтилъ, что французское общество начинаетъ задыхаться въ рамкахъ кодекса. Въ 1865 г., когда былъ изданъ итальянскій кодексъ, реципировавшій, но также и модернизировавшій идеи французскаго кодекса, Поль Жидъ уже рекомендовалъ французамъ рецепцію итальянскаго права. И, наконецъ, когда въ 1900 г. было издано общее нѣмецкое уложеніе, во Франціи появились свои Тибо и Цахаріэ, съ завистью взирающіе по ту сторону Вогезовъ и Рейна и видящіе призваніе своего времени въ рецепціи если не всего нѣмецкаго права, то цѣлаго ряда его идей, оказывающихся уже передовыми въ сравненіи съ устарѣлыми идеями кодекса. Противъ нихъ выступили свои, французскіе Савиньи, напримѣръ, извѣстный Планіоль[1]) или дижонскій профессоръ Годемэ[2]), доказывающіе, что Франціи нечего спѣшить съ новымъ уложеніемъ и нечего реципировать чужое, нѣмецкое право. И такимъ образомъ не только судьба французскаго гражданскаго законодательства за послѣднее столѣтіе, но также и новѣйшія проблемы, занимающія французскихъ юристовъ нашихъ дней, являются торжествомъ Савиньи и доказательствомъ живучести его идей.

Такимъ же торжествомъ является и судьба гражданскаго законодательства въ Германіи вмѣстѣ съ возникшими благодаря ему проблемами новѣйшей нѣмецкой юриспруденціи. Какъ уже давно отмѣчено въ спеціальной литературѣ[3]), если Германія не получила новаго и общаго гражданскаго уложенія ни въ 1814 г. ни въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ, то это произошло вовсе не потому, что это задержалъ одинъ берлинскій профессоръ, раскритиковавшій соотвѣтственный проектъ другого, гейдельбергскаго профессора. Это произошло потому, что, какъ понималъ берлинскій профессоръ, т.-е. Савиньи, Германія того времени не пережила той революціи, которую пережила Франція, такъ легко кодифицировавшая ея результаты въ 1804 г. Что же касается собственной эволюціи Германіи, то она была еще очень далека отъ того, чтобы создать такую новую общественность, которая дѣйствительно задыхалась бы въ рамкахъ дѣйствовавшаго права. Совсѣмъ напротивъ, для страны, крѣпкой традиціями средневѣкового происхожденія, еще не ликвидировавшей окончательно вотчиннаго начала въ поземельныхъ от-

---

[1]) См. его статью «Inutilité d'une revision générale du code civil» (Le code civil, Livre du centenaire, 955).

[2]) Gaudemet, Les codifications récentes et la revision du code civil (тамъ же, 967).

[3]) G. Lenz, Ueber die geschichtliche Entstehung des Rechts, 1854, страница 256; L. Enneccerus, Friedrich Carl v.-Savigny und die Richtung der neueren Rechtswissenschaft, Marburg, 1879, стран. 44.

Digitized by Google

ношеніяхъ — это наступило только въ мартѣ 1850 г. — модернизованное римское право являлось даже прогрессивнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляла Германія сто лѣтъ тому назадъ? Въ области духа она находилась во власти романтики и метафизики. Отчужденіе руководящихъ круговъ интеллигенціи отъ практической дѣятельности находило себѣ оправданіе и утѣшеніе въ литературномъ культѣ непрактичности. Смѣлость фантазіи и идеализма въ литературѣ соединялась съ робостью въ практической жизни и застоемъ общественности. Это поражало иностранцевъ, въ родѣ г-жи Сталь, которая, пріѣхавъ изъ Франціи въ Германію, удивлялась безграничной мечтательности тогдашнихъ нѣмцевъ, полному отсутствію у нихъ воинскаго духа, ихъ страху передъ опасностью [1]). Это поражало самихъ нѣмцевъ, даже нѣмецкихъ поэтовъ. Такъ, Жанъ Поль Рихтеръ увѣрялъ, что власть надъ моремъ принадлежитъ англичанамъ, власть надъ землею — французамъ, на долю же нѣмцевъ остается только воздухъ. Эту же мысль съ варіантомъ высказывалъ другой поэтъ, Гейне, еще въ 1844 г.:

Franzosen und Russen gehört das Land,
Das Meer gehört den Briten,
Wir aber besitzen im Luftreich des Traums
Die Herrschaft unbestritten [2]).

Идея общаго нѣмецкаго отечества, ярко вспыхнувшая во время войны за освобожденіе, погашалась и преслѣдовалась Меттернихомъ и мѣстными правительствами и угасала въ широкихъ массахъ, гдѣ она вообще еще была слабо развита: Deutschheit wird nicht genannt und nicht gefühlt, писалъ, напримѣръ, Савиньи изъ Ландсгута въ 1808 г.[3]). Политически Германія и послѣ Вѣнскаго конгресса оставалась не болѣе какъ географическимъ терминомъ въ родѣ Европы или Африки. Сообразно съ этимъ, напримѣръ, по дорогѣ изъ Дрездена въ Магдебургъ 16 разъ взимали пошлину [4]). Путешествуя по всей Германіи, приходилось мѣнять деньги болѣе ста разъ. Неудивительно, что Фридрихъ Листъ уподоблялъ Германію тѣлу,

[1]) Il n'est point d'assemblage plus bizarre que l'aspect guerrier de l'Allemagne entière, les soldats que l'on rencontre à chaque pas, et le genre de vie casanier qu'on y mène. On y craint les fatigues et les intempéries de l'air («De l'Allemagne», I Partie, Chap. II, стран. 21, изданія 1865). Les Allemands, à quelques exceptions près, sont peu capables de réussir dans tout ce qui exige de l'adresse et de l'habileté: tout les inquiète, tout les embarasse (тамъ же, 24).

[2]) «Deutschland», Kapitel VII.

[3]) Friedrich Carl v. Savigny, von L. Enneccerus, 58; въ томъ же письмѣ Савиньи сообщаетъ, что еще не такъ давно въ Ландсгутѣ студенты цѣловали руки у профессоровъ.

[4]) W. Sombart, Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert, Berlin, 1903, стран. 7.

Digitized by Google

всѣ члены котораго забинтованы такъ туго, что ему нельзя ни дышать ни вообще жить. Онъ же съ завистью взиралъ на безпрепятственную свободу движенія и оборота во Франціи отъ Рейна до Пиренеевъ. Пути сообщенія оставляли еще желать очень многаго. Выѣхавъ рано утромъ изъ Берлина, надѣялись къ вечеру попасть въ Потсдамъ. А на дорогу изъ Берлина въ Кенигсбергъ требовалось столько времени, сколько теперь необходимо, чтобы попасть изъ Петербурга въ Томскъ. Бранденбургскіе пески иногда даже уподоблялись Аравійской пустынѣ. А на г-жу Сталь чуть не вся Германія произвела впечатлѣніе почти необитаемой страны [1]). И въ самомъ дѣлѣ на томъ пространствѣ, гдѣ теперь помѣщается около 65 милліоновъ населенія, жило всего около 25 милліоновъ. Въ 1820 г. во Франціи еще было на 4 милліона больше жителей, чѣмъ у Германіи; и только въ серединѣ сороковыхъ годовъ населеніе обѣихъ странъ стало одинаковымъ [2]). Въ Берлинѣ, насчитывавшемъ въ 1900 г. (т.-е. когда осуществилась мечта Тибо) около милліона девятисотъ тысячъ жителей, не считая пригородовъ, въ 1804 г. было жителей вдвое меньше, чѣмъ теперь въ Кіевѣ, и всего въ полтора раза больше, чѣмъ теперь въ Тулѣ, Ярославлѣ и Уфѣ. Въ необычайно густо населенныхъ теперь рейнскихъ провинціяхъ приходилось всего 70 человѣкъ на одинъ квадратный километръ. Германія была бѣдна: еще до пятидесятыхъ годовъ въ Касселѣ носились слухи о несмѣтномъ богатствѣ одного купца, состояніе котораго оцѣнивалось въ полмилліона талеровъ (Зомбартъ, 26). Экономическая культура страны, какъ утверждаетъ Зомбартъ (89), ничѣмъ не превосходила культуры середины XVIII вѣка. Гдѣ теперь кипитъ промышленная жизнь или ведется необычайно интенсивное хозяйство съ приложеніемъ электрической энергіи и т. п., тамъ еще мирно росли васильки и незабудки, тамъ романтики блуждали въ поискахъ за голубымъ цвѣткомъ. Въ Золингенѣ, снабжающемъ теперь своими стальными издѣліями чуть не весь міръ, еще въ 30-хъ годахъ всего полторы съ небольшимъ тысячи семействъ получали средства къ жизни отъ работы на заводахъ; да и изъ нихъ около двухъ третей не оставило еще земледѣльческаго труда (Зомбартъ, 37). Городъ еще не противопоставлялъ себя рѣзко деревнѣ. И когда въ 1798 г. Гете писалъ (въ «Германнѣ и Доротеѣ»):

Und Heil dem Bürger des kleinen
Städtchens, welcher ländlich Gewerb' mit Bürgergewerb' paart!

онъ описывалъ явленіе, еще нисколько не собиравшееся исчезать.

[1]) L'Allemagne offre encore quelques traces d'une nature non habitée («De l'Allemagne», Première partie, Chap. I, 13).
[2]) Sombart, 118.

Digitized by Google

Такова была та Германія [1]), для которой, по справедливому мнѣнію Савиньи, еще не наступила пора дѣйствительно новаго законодательства. Для того, чтобы эта пора наступила, Германія должна была пережить одну революцію (1848 г.) и нѣсколько войнъ (съ Даніею, Австріею и Франціею), должна была радикально преобразоваться и экономически и духовно. Долженъ былъ появиться новый «народный духъ». Должна была родиться совсѣмъ новая Германія, Германія, объединенная политически и покончившая съ вопросомъ о внутренней гегемоніи для того, чтобы поставить вопросъ о міровой гегемоніи; Германія, не только сохранившая воздушную область, и притомъ уже не для Пегасовъ, а для Цеппелиновъ, но еще и притязающая какъ на моря, такъ и на земли; Германія Бисмарка, Круппа, вестфальской промышленности, міровыхъ рынковъ и соціальной политики. Только тогда для измѣнившагося до неузнаваемости «народнаго духа» дѣйствительно оказалось необходимымъ новое законодательство — сначала торговое, а потомъ и гражданское. И это новое уложеніе перевело на языкъ нормативнаго права измѣнившіяся соціальныя отношенія. Сообразно съ этимъ произошла «коммерціализація» нѣмецкаго гражданскаго права [2]), превращеніе его въ право, пріуроченное къ потребностямъ городского, торговаго быта и, какъ выразился Зомъ [3]), замѣнившее духъ земскаго человѣка (Landmann) духомъ торговаго человѣка (Kaufmann). И такъ какъ аналогичный процессъ произошелъ также и въ гражданскомъ оборотѣ Франціи, но не былъ предусмотрѣнъ ея преждевременнымъ, какъ думалось Савиньи, кодексомъ 1804 г., то въ 1904 г., когда праздновалось столѣтіе этого кодекса, извѣстный знатокъ французскаго права въ Германіи Кромэ, этотъ Цахаріэ двадцатаго вѣка, уже рекомендовалъ французамъ нѣмецкое уложеніе какъ болѣе передовое или по крайней мѣрѣ болѣе современное [4]). Все это знаменовало такое торжество идей Савиньи о призваніи того или иного времени къ законодательству, что нельзя не удивляться тому, что многіе юристы видятъ въ изданіи нѣмецкаго уложенія 1900 г. полное опроверженіе теорій исторической школы [5]).

---

[1]) Ср. характеристику Лампрехта (Zur jüngsten deutschen Vergangenheit, Zweiter Band, erste Hälfte, 1903).

[2]) «Systematische Rechtswissenschaft», 1906, стран. 98 (статья Гарейса).

[3]) Тамъ же, 13.

[4]) См. его статью «Les similitudes du code civil allemand et du code civil français» (Le code civil, Livre du centenaire, 587).

[5]) L'irrémédiable défaite de l'Ecole de Savigny dans son propre pays, пишетъ, напримѣръ, Ларнодъ (Le code civil, Livre du centenaire, 907). Ландсбергъ приписываетъ вліянію исторической школы первый — мертвый, кабинетный — проектъ нынѣ дѣйствующаго нѣмецкаго уложенія (Der Geist der Gesetzgebung in Deutschland und Preussen, Bonn, 1903, стран. 14).

Digitized by Google

Такимъ же недоразумѣніемъ является утвержденіе, что этимъ уложеніемъ опровергнуто также и ученіе этой школы о настоящемъ призваніи юриспруденціи. Такъ думали только первое время даже такіе юристы, какъ Оскаръ Бюловъ, который вообще праздновалъ «торжество законодательства надъ историческимъ правовѣдѣніемъ»[1]) и прославлялъ даже въ стихахъ[2]) облегченіе и упрощеніе работы юриспруденціи, доходящее до почти полнаго освобожденія ея отъ тяжкаго бремени самостоятельной мысли. Однако нѣмецкіе юристы вскорѣ почувствовали, что послѣдствіемъ такого освобожденія является не свобода, а, напротивъ, порабощеніе юриспруденціи. Сообразно съ этимъ Колеръ и другіе юристы[3]) стали провозглашать принципъ: durch das BGB. über das BGB. hinaus! Сообразно съ этимъ же возникла школа такъ наз. свободнаго права, относительно которой можно сказать, что дѣйствительно новымъ въ ней является только то, что составляетъ ея слабую сторону, именно рекомендація юридической контрабанды, проведеніе подъ флагомъ строгой легальности тѣхъ или иныхъ принциповъ цѣлесообразности и притомъ не только sine lege подъ видомъ аналогіи, но даже и contra legem во имя взвѣшиванія интересовъ, юриспруденціи чувства и т. п. идей, весьма небезопасныхъ для прочности правового порядка. Все же остальное, т.-е. здоровое ядро доктрины свободнаго права, является, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ возрожденіемъ ученія Савиньи о настоящемъ призваніи юриспруденціи. И хотя съ неблагодарностью, часто свойственною эпигонамъ, дѣйствительные или только воображаемые вожди[4]) новой школы, напримѣръ, Фрейбургскій профессоръ Канторовичъ[5]), рѣшительно

---

[1]) Heitere und ernste Betrachtungen über die Rechtswissenschaft, Leipzig, 1901, стран. 123.

[2]) Тамъ же, 16:

Erlöst sind wir von schwerem Weh
Durch unser liebes BGB,
Zu Ende ist der Zank und Streit
Wir leben froh in Einigkeit.
Hoch lebe das Gesetzeswort,
All unser Heil und sichrer Hort!
Das Denken macht uns nicht mehr Pein!
Ha! Welche Lust, Jurist zu sein!

[3]) См., напримѣръ, Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung, vom F. A. Müller-Eisert, 1914, стран. 13.

[4]) Г. Канторовичъ считаетъ себя родоначальникомъ понятія «свободнаго права» (Rechtswissenschaft und Soziologie, Tübingen, 1911, стран. 14).

[5]) Чрезвычайно характерна его брошюра «Was ist uns Savigny?» (Berlin, 1912). Онъ обвиняетъ Савиньи одновременно и въ наклонности къ романтизму (стран. 14) и въ сочиненіи теоріи права, пригодной только для внутренней Австраліи (38). Отъ Савиньи произошло еще и «дуновеніе безкультурности» (7), и «антиюридическое мышленіе» (18), и «методологическая путаница» (25), и присвоеніе мертвымъ власти надъ живыми (31). Словомъ, заключаетъ Канторовичъ, Савиньи — «сильный врагъ современнаго нѣмецкаго право-

Digitized by Google

отворачиваются отъ исторической школы, они могли бы еще многому научиться у нея. И Савиньи и Пухта, который больше вдумывался въ философскую и вообще принципіальную сторону дѣла, не только положили начало доктринѣ свободнаго права и соціологической юриспруденціи, но предостерегали ее какъ отъ соціальнаго оппортунизма, такъ и отъ натуралистическаго детерминизма, зачатки котораго Пухта не безъ основанія усматривалъ уже у Гегеля [1]), изъ «лѣвой» школы котораго не случайно вышла доктрина экономическаго матеріализма.

Такимъ образомъ исторія права и правовѣдѣнія за послѣднія сто лѣтъ не опровергла, а, напротивъ, подтвердила правильность многихъ мыслей, высказанныхъ Савиньи въ 1814 г. Болѣе того, нынѣшніе юристы, въ сущности, рѣшаютъ тѣ же самыя проблемы, которыя и онъ рѣшалъ сто лѣтъ назадъ. Въ новизнѣ современныхъ юридическихъ теорій слышится старина. И этимъ какъ бы лишній разъ подтверждается замѣчаніе Гете, что извилистые пути исторіи напоминаютъ спираль, обороты которой столько же удалены другъ отъ друга, сколько и возвращаются назадъ. Сообразно съ этимъ Савиньи не только жилъ во время оно, но еще и въ настоящее время какъ бы вторично живетъ среди насъ и принимаетъ участіе въ тѣхъ спорахъ, которые ведутъ между собою юристы нашихъ дней.

Е. Спекторскій.

вѣдѣнія и современной нѣмецкой культуры вообще» (44). Сообразно съ этимъ, когда въ началѣ нынѣшняго года въ нѣмецкой прессѣ («Frankfurter Zeitung», 1914, № 1: Sind wir Epigonen oder sind wir Neugestalter) былъ поднятъ вопросъ о томъ, являются ли наши современники эпигонами или новаторами, онъ рѣшилъ вопросъ во второмъ смыслѣ и рѣзко противопоставилъ «историческому», какъ онъ выражается, направленію Савиньи, «свободную юриспруденцію» новаго времени, однимъ изъ главныхъ предтечъ которой онъ считаетъ Іеринга (тамъ же, № 4, его статья «Recht und Rechtswissenschaft»).

[1]) Хотя Пухтѣ часто принято приписывать натуралистическую теорію права, однако онъ уже потому не могъ быть натуралистомъ, что онъ основывалъ право на свободѣ, при этомъ свободѣ онъ противопоставлялъ разумъ, въ которомъ онъ и видѣлъ источникъ натуралистическаго детерминизма. По этой именно причинѣ онъ и отвергалъ панлогизмъ Гегеля: Vernünftig ist nur das Nothwendige. Eine Philosophie daher, die sich ausschliesslich als «Ergründung des Vernünftigen» giebt, muss auf die Ergründung der Freiheit verzichten. Und wenn sie, um ihre Universalität zu retten, alles Wirkliche in den Kreis des Vernünftigen hereinzieht: was vernünftig ist, das ist wirklich, und was wirklich ist, das ist vernünftig (nothwendig), so beraubt sie uns der Freiheit, die sie eben damit als ein Unwirkliches erklärt (Cursus der Institutionen, Erster Band, dritte Auflage, Leipzig, 1850, стран. 5).

Digitized by Google

Исторія разработки французской конституціонной хартіи 4 іюня 1814 г.

I.

Политическія идеи, опредѣлявшія настроеніе французскаго общества наканунѣ изданія хартіи, и роль Людовика XVIII въ государственной реформѣ 1814 г.

Конституціонная хартія 1814 г. не есть личный творческій актъ короля-законодателя, а представляетъ собою плодъ совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ политическихъ факторовъ, разнородныхъ по своимъ стремленіямъ и различныхъ по своимъ тенденціямъ.

Являясь переработкой сенатской конституціи 6-го апрѣля, хартія пережила въ этой своей переработкѣ нѣсколько фазисовъ.

Первый изъ нихъ отмѣченъ составленіемъ конституціоннаго проекта, который извѣстенъ подъ названіемъ проекта Монтескіу. Въ его разработкѣ принимали участіе ближайшіе сотрудники Людовика XVIII — канцлеръ Дамбре, аббатъ Монтескіу и графъ Ферранъ. Они внесли въ сенатскую конституцію поправки, которыя были проникнуты явнымъ стремленіемъ — усилить власть короля въ ущербъ авторитету парламента.

Второй періодъ характеризуется дѣятельностью парламентской комиссіи, образованной изъ членовъ палатъ. Эта комиссія въ своемъ большинствѣ состояла изъ умѣренныхъ либераловъ и въ значительной степени смягчила монархическія тенденціи поправокъ, внесенныхъ въ сенатскую конституцію редакторами первоначальнаго проекта. Парламентская комиссія выработала окончательный текстъ хартіи, который затѣмъ на торжественномъ засѣданіи 4-го іюня былъ одобренъ обѣими палатами, выразившими это свое одобреніе въ благодарственныхъ адресахъ на имя короля.

Хартія 4-го іюня[1]) является, такимъ образомъ, результатомъ факторовъ, изъ которыхъ каждый былъ воодушевленъ своими

[1]) Эту хартію нужно умѣть отличать отъ сопровождавшаго ее манифеста (знаменитаго введенія къ ней — Préambule), который имѣетъ свою исторію и испыталъ и свою судьбу, весьма не похожую на судьбу хартіи.

Digitized by Google

воззрѣніями и преслѣдовалъ свои цѣли. Если, тѣмъ не менѣе, въ итогѣ получился государственный актъ, который ни съ чьей стороны не встрѣтилъ серьезной оппозиціи и въ общемъ былъ принятъ сочувственно, то объясняется это прежде всего тѣмъ, что эти разнородные факторы сходились на общей почвѣ обновленной революціею Франціи и исповѣдывали общія политическія идеи.

Дѣло въ томъ, что во Франціи, въ изучаемую нами эпоху, несмотря на существованіе въ ней различныхъ политическихъ теченій и не взирая на противоположность боровшихся между собой соціальныхъ и государственно-правовыхъ притязаній, сложился опредѣленный фондъ общепризнанныхъ политическихъ идей: равенство всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенность личности, свобода печати, свобода вѣроисповѣданія, участіе народа въ законодательствѣ, система двухъ палатъ, отвѣтственность министровъ, независимость суда. Всѣ эти начала въ принципѣ никѣмъ не оспаривались и должны были лечь въ основаніе всякой конституціи, отъ кого бы она ни исходила и какимъ бы порядкомъ она ни была издана. Эти требованія внушались не только пережитымъ политическимъ опытомъ и началами, вошедшими въ правовое сознаніе общества въ эпоху революціи, но и питались тѣми симпатіями, которыми во Франціи въ то время пользовался англійскій политическій строй. Съ 1789 г., говоритъ Беньо, начала учредительнаго собранія были въ умахъ всѣхъ и служили основой всѣмъ нашимъ учрежденіямъ. Наполеонъ временно усыпилъ эти идеи блескомъ своего царствованія. Послѣ же его паденія и въ связи съ принципами, заимствованными изъ англійской конституціи, образовались тѣ государственно-правовые догматы, изъ которыхъ сложилось политическое міросозерцаніе французскаго общества наканунѣ реставраціи. Редакторамъ государственно-правовыхъ актовъ этой эпохи не приходилось измышлять новыхъ политическихъ проектовъ, а лишь точнѣе формулировать и закрѣплять на бумагѣ то, что сложилось въ общественномъ сознаніи. «Конституція сената, Сентъ-Уанская декларація, хартія», по словамъ Беньо, «это дѣти одной и той же семьи, ибо онѣ воспроизводятъ лишь принципы, относительно которыхъ сходились всѣ»[1]).

---

[1]) Beugnot, Mémoires, 3-ème édition, 1885, p. p. 485—486.
Что во Франціи въ эпоху составленія хартіи существовали политическія идеи, относительно которыхъ сходилось громадное большинство мыслящаго французскаго общества, несмотря на разнородность политическихъ интересовъ и притязаній, и что эти идеи внушались, между прочимъ, уваженіемъ къ англійскому государственному строю, объ этомъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ и Витроль. «Тѣ, говоритъ онъ, которые были проникнуты ненавистью къ наполеоновскому гнету и хотѣли конституціи... имѣли передъ глазами готовый образецъ въ государственномъ строѣ Ан-

Digitized by Google

Если факторы, участвовавшіе въ разработкѣ хартіи, несмотря на свою разнородность, пришли, тѣмъ не менѣе, къ общему итогу, то обусловливается это не только тѣми политическими идеями, которыя ихъ объединяли, но и общими цѣлями той государственной реформы, которая повелительно была предписана дѣятелямъ этой реформы неотразимыми условіями политической жизни Франціи того времени.

Съ главными двигателями этого преобразованія мы и должны теперь познакомиться. Первое мѣсто между ними принадлежитъ, несомнѣнно, Людовику XVIII.

И нашей ближайшей задачей будетъ объясненіе той роли, которая выпала на долю короля въ конституціонномъ кризисѣ, пережитомъ Франціей въ 1814 г. Характеризуя Людовика XVIII, мы обратимъ особенное вниманіе на тѣ стороны его личности, которыя объяснятъ намъ степень и характеръ его участія въ интересующей насъ государственной реформѣ.

Людовикъ XVIII ни по своему темпераменту, ни по своему характеру, ни по склонностямъ своего ума, не былъ призванъ къ роли вліятельнаго и энергичнаго государственнаго дѣятеля. Это была пассивная натура, которая сторонилась живой дѣятельности среди людей и прежде всего дорожила душевнымъ миромъ и физическимъ покоемъ. Одаренный недюжинными способностями, онъ охотно отдавался лишь тѣмъ умственнымъ упражненіямъ, которыя не затрагивали его личныхъ чувствъ и не грозили ему душевными волненіями. Онъ былъ болѣе склоненъ къ занятіямъ философіей и литературой, которымъ отдавался не безъ успѣха, чѣмъ къ участію въ политической жизни. Онъ очень цѣнилъ внѣшніе аттрибуты королевской власти, но тяготился тѣми обязанностями, которыя она на него возлагала.

Лишенный способности и наклонности активно воздѣйствовать на ходъ политической жизни, относясь къ ней съ спокойнымъ равнодушіемъ, Людовикъ XVIII не имѣлъ своихъ, жизнью провѣренныхъ и опытомъ закаленныхъ, политическихъ убѣжденій и не обладалъ «своей волей» въ вопросахъ государственной политики.

гліи, той единственной конституціи, которая противостояла разрушительному дѣйствію времени и испытаніямъ послѣднихъ эпохъ и которой приписывали процвѣтаніе Англіи. Она всѣми признавалась наилучшей и при томъ настолько единодушно, что никто не хотѣлъ слышать о другой, начиная съ русскаго Императора и кончая послѣднимъ служащимъ въ моемъ вѣдомствѣ... Есть, повидимому, моменты въ исторіи, когда извѣстныя идеи распространяются съ неотразимой силой эпидеміи. Это — своего рода лихорадка, которая овладѣваетъ умами и отъ которой никто не гарантированъ: она носится, такъ сказать, въ томъ воздухѣ, которымъ мы дышимъ». Vitrolles Mémoires, Edition 1884, p. 238.

Digitized by Google

Въ 1788 г. Людовикъ XVIII обнаруживаетъ либеральное настроеніе и на собраніи нотаблей голосуетъ вмѣстѣ съ народной партіей[1]). Когда же революція получаетъ роковой для Бурбоновъ оборотъ, его политическіе взгляды входятъ въ другое русло и онъ въ 1795 г. въ декларации, въ которой извѣщаетъ о своемъ вступленіи на престолъ, заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи возстановить старую французскую монархію во всей ея чистотѣ, временемъ искаженную, и во всей ея силѣ, временемъ не ослабленную[2]). Наконецъ, въ 1799 г. онъ, отвѣчая на письма графа С.-При, выразившаго сомнѣніе въ возможности возстановленія стараго порядка, заявляетъ, что для него этотъ порядокъ — святыня, ковчегъ завѣта (l'arche sainte), которой онъ твердо рѣшился никогда не измѣнять, что уклониться отъ нея значитъ для него отказаться отъ унаслѣдованной имъ отъ предковъ полноты власти и удовольствоваться той долей этой власти, которую благоугодно будетъ народу ему предоставить. Измѣнившіяся обстоятельства отклоняютъ его однако отъ этого въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ намѣченнаго пути. Когда соціальный и политическій переворотъ, вызванный французской революціей, былъ окончательно закрѣпленъ цѣлымъ рядомъ законовъ и учрежденій, смывшихъ съ лица земли остатки стараго режима, и стало яснымъ, что онъ безповоротно отошелъ въ прошлое, когда, съ другой стороны, былъ возстановленъ престолъ, который въ теченіе вѣковъ занимали его предки, когда, другими словами, съ одной стороны была утрачена надежда на возстановленіе прежняго строя, но съ другой открылась возможность вернуть себѣ корону, тогда Людовикъ XVIII выражаетъ готовность, въ случаѣ возвращенія его на прародительскій престолъ, признать результаты пережитаго Франціей переворота и взять подъ свою защиту всѣ благопріобрѣтенные права и интересы, сложившіеся при новомъ режимѣ и узаконенные властью, вышедшей изъ революціи. Эту готовность онъ выражаетъ въ декларации, опубликованной въ Митавѣ 4 декабря 1804 г. и еще рѣшительнѣе высказываетъ въ манифестѣ, подписанномъ въ Гартвеллѣ 1 января 1814 г. Наконецъ, когда союзныя державы высказались за возвращеніе Бурбоновъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ признанія Людовикомъ XVIII конституціоннаго режима, недавній защитникъ незыблемости устоевъ самодержавія и неприкосновенности началъ неограниченной монархіи изъявляетъ готовность

---

[1]) Pasquier, Mémoires. Deuxième édition, 1893, t. II, p. 318, гдѣ приводятся отзывы Таллейрана о Людовикѣ XVIII.

[2]) Duvergier de Hauranne, Histoire du Gouvernement parlementaire en France. Deuxième édition, 1870, t. II, p. 124.

Digitized by Google

даровать Франціи конституціонный порядокъ и въ Сентъ-Уанской декларації возвѣщаетъ его главныя основы.

И въ этотъ критическій моментъ своей политической карьеры, отъ котораго зависѣло такъ много, Людовикъ XVIII болѣе чѣмъ когда-либо не имѣлъ никакой опредѣленной политической программы и находился въ полной зависимости отъ людей и обстоятельствъ, которые его окружали.

Шаткость и неясность его политической точки зрѣнія подчеркиваютъ всѣ, кто въ эту эпоху его жизни имѣли случай бесѣдовать съ нимъ. «Я думалъ», говоритъ Витроль, «что король проявитъ свою иниціативу, когда очередь дойдетъ до установленія законовъ политическихъ или конституціонныхъ. Я ждалъ отъ него, какъ и всѣ, плодовъ его размышленій въ изгнаніи, но, къ великому моему удивленію, я не могъ найти и слѣдовъ такихъ размышленій[1]). Я жалѣлъ, что король не проявлялъ въ этой области ни своего ума ни своей воли»[2]). Говоря о тѣхъ различныхъ политическихъ проектахъ, которые въ то время обсуждались въ обществѣ, Витроль замѣчаетъ, что у Людовика XVIII на этотъ счетъ не было никакихъ сложившихся воззрѣній. «Было ясно», замѣчаетъ Витроль, «что если король въ прежнее время и имѣлъ болѣе или менѣе опредѣленныя воззрѣнія на желательный для Франціи образъ правленія, то онъ въ данную минуту отказался отъ нихъ, чтобы подчиниться господствовавшему въ обществѣ мнѣнію». «Въ то время, о которомъ я говорю», продолжаетъ Витроль, «нельзя было раскрыть въ мысляхъ короля ни малѣйшей попытки возродить ихъ, ни даже видимости сожалѣнія о нихъ... Пребываніе въ Англіи въ значительной мѣрѣ пріучило его къ тому, чтобы приноровиться къ конституціонной монархіи и онъ такъ свыкся съ этой идеей, что находилъ, что можно прекрасно править, подчиняясь условіямъ, которыя поставлены англійскимъ монархамъ»[3]).

Людовикъ XVIII наканунѣ изданія хартіи не имѣлъ, такимъ образомъ, своихъ политическихъ убѣжденій и своихъ воззрѣній на желательный для Франціи государственный строй: онъ примкнулъ къ господствовавшему въ странѣ настроенію и къ той политической программѣ, которую поддерживали союзныя державы и которую раздѣляло большинство французскаго общества. И онъ, очевидно, не кривилъ душой, издавая Сентъ-Уанскую декларацію, въ которой призналъ «хорошими» основы сенатской

---

[1]) Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 227.
[2]) Vitrolles, t. II, 228.
[3]) Vitrolles, t. II, p. 239.

Digitized by Google

конституціи, и въ которой обѣщалъ дать Франціи либеральную хартію.

Но конституціонный образъ мыслей Людовика XVIII, усвоенный имъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, имѣлъ свои особенности, которыя мы должны здѣсь подчеркнуть.

Людовикъ XVIII думалъ, что дарованіе странѣ конституціи вовсе не означаетъ отказа съ его стороны отъ догмата самородности королевской власти и что онъ, принимая тѣ ограниченія, которыя на него налагаетъ конституція, отнюдь не перестаетъ быть монархомъ Божіей милостью.

Начало народнаго суверенитета онъ отвергалъ безусловно. И если у него не было, какъ мы видѣли, ясныхъ и устойчивыхъ убѣжденій, то онъ былъ проникнутъ очень опредѣленными политическими чувствами и вѣрованіями[1]). Къ нимъ принадлежала прежде всего его вѣра въ божественное происхожденіе королевской власти и ея независимость отъ народной воли. Но это вѣрованіе не мѣшало ему признавать необходимость подчиняться требованіямъ «конституціоннаго порядка». «Если», говоритъ Барантъ, «Людовикъ XVIII не хотѣлъ принять конституціи, предложенной ему Сенатомъ, если онъ желалъ править согласно незыблемому правилу легитимитета, а не въ силу договора, заключеннаго имъ съ народомъ, то онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ необходимымъ признать новое публичное право и обезпечить его функціонированіе принятіемъ конституціонныхъ формъ правленія: и Сентъ-Уанской декларацією онъ взялъ на себя обязательство въ этомъ смыслѣ»[2]).

Людовикъ XVIII, въ отличіе отъ чистыхъ роялистовъ, не хотѣлъ возвращенія стараго порядка, онъ не хотѣлъ контръ-революціи. Онъ вѣрилъ въ возможность примирить либеральный конституціонный порядокъ съ принципомъ легитимизма и думалъ, что самодержавіе королевской власти вполнѣ вяжется съ ограниченіемъ этой власти формами и правилами представительнаго строя.

---

[1]) «Sa Majesté n'attachait pas une grande importance à la rédaction des formules constitutionnelles, à moins qu'une discussion contradictoire, rapportée par ses ministres, ne lui eût fait prendre parti: alors il s'y attachait avec acharnement comme un joueur qui veut gagner la partie. Si on arrivait à toucher les cordes délicates de son âme royale, il se relevait de toute la hauteur de sa dignité. Il ne démentait pas le sang de Louis XIV et ne séparait pas l'honneur de la France de celui de sa couronne». Barante, Souvenirs, 1893, t. II, p. 242.

[2]) «Si Louis XVIII n'avait pas voulu de la constitution présentée par le Sénat; s'il souhaitait régner selon un principe immuable de légitimité, et non pas en vertu d'un contrat passé avec la nation, il reconnaissait toutefois la nécessité d'affirmer le nouveau droit public et d'en assurer le fonctionnement par les formes constitutives de son gouvernement, la déclaration de Saint-Ouen en comportait l'engagement». Barante, Souvenirs, t. II, p. 38.

Digitized by Google

Роль монарха, правящаго въ предѣлахъ, установленныхъ либеральной конституціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющаго всѣ внѣшніе атрибуты королевской власти стараго порядка, эта роль вполнѣ соотвѣтствовала его наклонностямъ и его характеру. И онъ охотно взялъ ее на себя. Не имѣя никакихъ данныхъ для того, чтобы по собственной иниціативѣ принимать государственныя рѣшенія, самостоятельно вникать въ политическія дѣла и властно направлять ихъ, Людовикъ XVIII и не заявлялъ на это притязаній. Онъ возлагалъ бремя государственнаго труда на своихъ сподвижниковъ и помощниковъ и предоставлялъ имъ руководительство политическими дѣлами. «Въ моихъ первыхъ сношеніяхъ съ королемъ», разсказываетъ Витроль, «я старался выяснить, какимъ путемъ проявляется его воля въ государственныхъ дѣлахъ, но мнѣ пришлось очень скоро съ удивленіемъ убѣдиться, что онъ отказывался отъ всякаго прямого на нихъ воздѣйствія. Не въ немъ видѣлъ онъ задачу короля. Онъ думалъ, что главная его задача заключается въ томъ, чтобы при разногласіяхъ произносить рѣшительное слово. Отъ него никогда не исходило никакой иниціативы, развѣ только въ тѣхъ фантазіяхъ, отъ которыхъ не свободны даже лучшіе монархи»[1]). Эти особенности въ характерѣ Людовика XVIII дали поводъ сказать, близко знавшимъ его, что онъ по самой природѣ своей былъ предназначенъ быть конституціоннымъ королемъ. «Мы должны благодарить Провидѣніе», замѣтилъ какъ то Беньо, «что оно смѣсило нашего короля изъ тончайшей конституціонной муки (de nous avoir pétri un Roi d'une pâte composée de la plus fine fleur de la farine constitutionnelle)»[2]).

Рядъ условій содѣйствовалъ такимъ образомъ тому, чтобы питать въ Людовикѣ XVIII готовность даровать Франціи либеральную конституцію и вполнѣ искренно и безъ задней мысли проводить ее въ жизнь.

Эту конституцію требовало отъ него общественное мнѣніе, она была поставлена союзными державами необходимымъ условіемъ его возвращенія на престолъ; она же обставляла его такими условіями правительственной дѣятельности, которыя, не затрогивая, какъ ему казалось, дорогихъ ему вѣрованій и традицій, всего болѣе соотвѣтствовали его характеру и его личнымъ наклонностямъ.

О томъ, что Людовикъ XVIII, давая либеральную конституцію, дѣйствовалъ совершенно лойально и былъ воодушевленъ искрен-

---

[1]) Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 227.

[2]) Эти слова Беньо приводитъ въ своихъ мемуарахъ Витроль, Mémoires, t. II, p. 239.

Digitized by Google

нимъ намѣреніемъ примѣнить ее къ жизни, объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Ферранъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ желаніи преувеличивать конституціонное настроеніе короля. «Трудъ по составленію хартіи, который былъ на меня возложенъ», разсказываетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, «каждый вечеръ приводилъ меня къ королю. Я сохранилъ эту привычку, и, когда была закончена хартія, я ежедневно встрѣчался у короля съ канцлеромъ Дамбре и аббатомъ Монтескіу. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ король сказалъ намъ, чтобы мы никогда не предлагали ему ничего, что могло бы противорѣчить хартіи; онъ показалъ намъ, что онъ всегда имѣлъ конституціонную хартію на своемъ столѣ и совѣтовалъ и намъ постоянно носить съ собою экземпляръ хартіи въ карманѣ... Онъ настаивалъ на томъ, чтобы мы никогда отъ нея не уклонялись и чтобы строго исполняли ее каждый въ своемъ вѣдомствѣ»[1]).

II.

Первоначальный проектъ Монтескіу и ближайшіе сотрудники Людовика XVIII.

Людовикъ XVIII, по прибытіи своемъ 3 мая 1814 г. въ Парижъ, не имѣлъ основанія медлить разработкой обѣщанной имъ конституціи: на ея скорѣйшемъ опубликованіи настаивало населеніе, утомленное слишкомъ долго длившимся политическимъ кризисомъ; ея провозглашенія ожидали съ нетерпѣніемъ палаты, тяготившіяся своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ; ея неотложнаго изданія настойчиво требовали иностранные государи, спѣшившіе вернуться въ свои владѣнія и не хотѣвшіе покинуть Парижа, пока Франція не получитъ конституціонной хартіи.

И вотъ уже 6-го мая Людовикъ XVIII разсылаетъ созывныя грамоты членамъ Сената и законодательнаго собранія и одновременно организуетъ совѣщаніе для составленія предварительнаго проекта конституціи.

Разработку этого проекта онъ поручаетъ канцлеру Дамбре, аббату Монтескіу и графу Феррану. Всѣ эти три лица были людьми, которые ни по своему прошлому, ни по своимъ убѣжденіямъ, ни по своей подготовкѣ не были приспособлены къ тому дѣлу, которое было на нихъ возложено. Всѣ они, люди стараго порядка, жили воззрѣніями и понятіями прошлаго: имъ было недоступно

---

[1]) Mémoires du comte de Ferrand (Publications de la société d'histoire contemporaine), p.p. 83, 84.

Digitized by Google

пониманіе новыхъ условій политической жизни и они относились отрицательно къ тому конституціонному строю, установленію котораго они должны были содѣйствовать[1]).

Они не скрывали, что порученное имъ дѣло было имъ не по сердцу и что они не ждутъ отъ него благихъ результатовъ. Если они тѣмъ не менѣе взялись за него, то сдѣлали они это, по ихъ словамъ, не въ разсчетѣ создать что-нибудь устойчивое и прочное. Они взяли на себя эту неблагодарную задачу во исполненіе желанія короля и съ цѣлью по возможности обезвредить помимо нихъ рѣшенное введеніе представительнаго строя.

«Разъ», говоритъ Витроль, «пошли по слѣдамъ англійскаго государственнаго строя, который восхвалялъ Монтескьё, передъ которымъ преклонялся Вольтеръ, который истолковалъ женевецъ Делольмъ, и который безуспѣшно рекомендовали учредительному собранію Мунье, Лалли-Толлендаль и Малуэ, разъ вступили на этотъ путь, намъ (т.-е. ревнителямъ стараго порядка) во избѣжаніе большаго зла, ничего другого не оставалось, какъ наложить на этотъ новый актъ по возможности ярко выраженную печать догма товъ нашей древней монархіи»[2]).

А Ферранъ высказывается еще яснѣе. «Мы были увѣрены», говоритъ онъ, «что хартія, которую намъ предстояло выработать, не представляетъ собою того, что нужно народу, но разъ на насъ

---

[1]) «M. Ferrand était un vrai contre-révolutionnaire qui, si on l'eût laissé faire, aurait tout brisé, les hommes et les choses; l'abbé Montesquiou, au contraire, voulait beaucoup de ménagements pour les personnes, tout en pensant qu'il fallait se préparer avec soin les moyens de devenir de jour en jour plus monarchique, mais ne croyait pas qu'on ne put rétrograder jusqu'à l'ancien régime. (Pasquier, Mémoires, 1893, t. II, p. 416).

«Ferrand n'était au courant ni de la nouvelle législation, ni de ses principes, ni de l'état de l'opinion, ni de la société». Barante, Souvenirs, p. 52.

«Cet indispensable chancelier (Dambray) était un homme qui vivait depuis vingt ans dans ses terres en Normandie, ne connaissait pas les lois nouvelles, ne lisant pas un livre parmi ceux qui paraissaient, et pas beaucoup parmi les autres, ni même un journal, disait-on, passant son temps avec des voisins de campagne et les soirées à jouer au piquet avec son curé et sa tante. Il y avait là de quoi rouiller le plus grand esprit du monde, à supposer qu'il pût s'accomoder d'un tel régime. Or M. Dambray était incapable de comprendre toute idée opposée à ses habitudes et à son instinct. Les doctrines constitutionnelles étaient pour lui l'inconnu et l'absurde qu'il laissait se professer avec bonhomie sauf à s'en moquer devant le roi et dans sa famille avec la lourde gaucherie d'un homme de robe». Barante, Souvenirs, p. 44.

Не менѣе интересно свидѣтельство Паскье о Ферранѣ и Монтескіу: Parmi les rédacteurs que je viens de citer, il en est deux (Ferrand et Montesquiou), qui ne croyaient en aucune façon à la durée de l'œuvre qu'ils allaient mettre au jour, qui ne la regardaient que comme une concession à l'esprit du moment comme une transition pour revenir au système monarchique, beaucoup plus simple, le seul, croyaient-ils, praticable en France». Pasquier, Mémoires, t. II, p. 416.

[2]) Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 239.

Digitized by Google

былъ возложенъ этотъ опасный трудъ, мы сочли себя обязанными сдѣлать его, если не возможно лучшимъ, то, по крайней мѣрѣ, наименѣе плохимъ (sinon le mieux, du moins le moins mal possible), сообразуясь съ указаніями, данными намъ королемъ»[1]).

Проектъ конституціи, составленный съ такой цѣлью и въ такомъ настроеніи, не могъ дать благихъ результатовъ. И дѣйствительно, въ итогѣ работъ сотрудниковъ короля получилось произведеніе, никого не удовлетворившее и менѣе всего его авторовъ. Витроль отнесся къ нему весьма сурово и, характеризуя его, пренебрежительно назвалъ его «une oeuvre informe, sortie du laboratoire d'un législateur obscur»[2]).

Проектъ Монтескіу въ большей своей части представляетъ собою нечто иное, какъ очень близкую къ своему оригиналу, механическую переработку сенатской конституціи: онъ береть статьи этой конституціи одну за другой и воспроизводитъ ихъ въ той же самой послѣдовательности, въ какой онѣ были размѣщены въ актѣ 6-го апрѣля, при чемъ онъ или повторяетъ ихъ буквально[3]), или перерабатываетъ ихъ только въ редакціонномъ отношеніи[4]), или, наконецъ, измѣняетъ ихъ и по существу[5]).

Проектъ Монтескіу съ внѣшней стороны ничѣмъ поэтому не отличается отъ сенатской конституціи; онъ страдаетъ всѣми ея недостатками, т.-е. крайней безсистемностью, несоразмѣренностью своихъ частей, недоговоренностью отдѣльныхъ опредѣленій.

Неудовлетворителенъ онъ и съ внутренней стороны. Онъ представляетъ собою съ этой точки зрѣнія не самостоятельную и органическую переработку сенатской конституціи, а является лишь приспособленіемъ акта 6-го апрѣля къ той особой задачѣ, которая стояла передъ королемъ и которая заключалась въ томъ, чтобы вставить въ рамки конституціоннаго строя, провозглашеннаго Сентъ-Уанской декларацією 3-го мая, монархическія начала, дорогія возстановленной династіи.

Всмотримся же ближе въ измѣненія, сдѣланныя проектомъ въ сенатской конституціи[6]).

---

[1]) Ferrand, Mémoires, p. 73.
[2]) Vitrolles, Mémoires II, 243.
[3]) Остались безъ измѣненія и представляютъ собою буквальное воспроизведеніе статей сенатской конституціи: §§ 10, 20 (19), 25, 26.
[4]) Статьи, измѣненныя лишь въ редакціонномъ отношеніи §§ 1, 4, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 23.
[5]) Статьи, измѣненныя по существу: §§ 2, 5, 6, 12, 21.
[6]) Для того, чтобы сдѣлать читателю эти измѣненія болѣе наглядными, мы печатаемъ здѣсь проектъ Монтескіу, хранящійся въ государственныхъ архивахъ (Archives nationales B. B[30] dossier 1) рядомъ съ конституціей сената, помѣщая статьи конституціи противъ соотвѣтствующихъ имъ статей проекта. Такое сопоставленіе очень убѣдительно показываетъ какъ близко

Digitized by Google

Редакторы проекта, озабоченные тѣмъ, «чтобы наложить на хартію печать старой монархіи», должны были прежде всего внести въ выра-

---

авторы проекта придерживались сенатской конституціи и въ какой они стояли отъ нея зависимости.

Первоначальный проектъ Монтескіу.	Конституція Сената 6 апрѣля 1814 г.
1. Le Gouvernement français est monarchique et la Couronne héréditaire de mâle en mâle dans la Maison de France par ordre de primogéniture à l'exclusion perpétuelle des femmes et de leur descendances.	1. Le gouvernement français est monarchique et héréditaire de mâle en mâle par ordre de primogéniture.
2. Le légitime Roi de France et de Navarre est en conséquence Louis XVIII, et le trône appartient après lui aux autres princes membres de la maison de Bourbon, dans l'ordre immuable anciennement établi.	2. Le peuple français appelle librement au trône de France Louis-Stanislas-Xavier de France, frère du dernier Roi, et après lui les autres membres de la maison de Bourbon dans l'ordre ancien.
3. Les dinstinctions héréditaires étant de l'essence de toute monarchie, la noblesse ancienne reprend ses titres. Le Roi confirme ceux de la nouvelle et la déclare héréditaire de mâle en mâle. La légion d'honneur est maintenue avec ses prérogatives. Le Roi en déterminera la décoration.	3. La noblesse ancienne reprend ses titres; la nouvelle conserve les siens héréditairement. La légion d'honneur est maintenue avec ses prérogatives; le Roi déterminera la décoration.
4a. Le Roi est le chef suprême de l'État. Le soin de veiller à la défense du royaume, au maintien de l'ordre public et celui de faire exécuter la loi, lui appartient.	4. Le pouvoir exécutif appartient au Roi.
4b. Il appartient au Roi d'arrêter et de signer avec les puissances étrangères tous les traités de paix, d'alliance de commerce, qu'il jugera nécessaire, sauf la ratification du Sénat et de la Chambre des Députés des départements.	
5. La Chambre des Pairs et la Chambre des Députés concourent à la formation de la loi. La loi est proposée par le Roi et ne peut l'être que par lui, elle peut l'être également ou dans la Chambre des Pairs, ou dans celle des Députés des départements, excepté les projets relatifs aux contributions, qui doivent être proposés d'abord dans la seconde chambre. Il n'y a de loi que lorsqu' elle est votée librement par les deux chambres. Au Roi seul en appartient la promulgation Le Roi peut également inviter les deux chambres à s'occuper des objets qu'il juge convenables.	5. Le Roi, le Sénat et le Corps législatif concourent à la formation des lois. Les projets de loi peuvent être également proposés dans le Sénat et dans le Corps législatif. Ceux relatifs aux contributions ne peuvent l'être que dans la Corps législatif. Le Roi peut inviter également les deux corps à s'occuper des objets qu'il juge convenables. La sanction du Roi est nécessaire pour le complément de la loi.
Art. Omis. La Chambre des Députés des départements sera composée du même nombre des Députés que chacun des départements faisant par-	9. Chaque département nommera au Corps législatif le même nombre des députés qu'il y envoyait. Les députés qui siégeaient au Corps lé-

Digitized by Google

батываемую ими конституцію основной догматъ этой монархіи, а именно тотъ, которымъ особенно дорожилъ король и по которому

---

tie du Royaume y envoyait. Les Députés qui siégeaient au Corps législatif lors du dernier ajournement continueront à y siéger jusqu'en 1816 — au premier Janvier 1817. Leur remplacement aura lieu par cinquième dans l'ordre accoutumé. Tous conserveront leurs traitements. A l'avenir ils continueront d'être élus par le Sénat sur une liste double présentée par les collèges électoraux qui sont conservés, sauf les changements qui pourraient être faits par une loi à leur organisation, aux conditions d'éligibilité et aux formes des élections. Les Députés à élire ne recevront aucune autre indemnité que celle des frais de route.

6. La Chambre des Pairs est composée de cent cinquante Sénateurs au moins. Le Roi peut en élever le nombre à sa volonté. Cent cinquante seulement participent à la dotation du Sénat. A dater de la mort de tous les Sénateurs existant à la fin de la présente année, cette dotation sera réunie définitivement à la Couronne et les Sénateurs ne recevront plus aucun traitement. Les Sénateurs seront Ducs et Pairs, ou Comtes et Pairs. Les uns sont héréditaires, les autres à vie. C'est le Roi qui nomme et institue les uns et les autres. Quatre vingt dix au moins des Sénateurs actuels seront Comtes et Pairs. Les uns jouiront de cette dignité héréditairement, lorsqu'elle leur sera conférée par le Roi, les autres seront Comtes et Pairs à vie, sans que cette dignité puisse être transmissible que par une disposition particulière du Roi.

7. Les Sénateurs actuels que le Roi ne jugerait pas à propos de créer Pairs dans ce moment, conserveront le titre d'honoraires sans aucune entrée à la chambre des Pairs ni à la cour, jusqu'à ce qu'il plaise au Roi de les y appeler. Ils conserveront aussi pendant leur vie, et sur leur demande, un traitement annuel de vingt mille francs sur la dotation appartenant au Sénat.

8. La dotation actuelle du Sénat et celle des sénatoreries est réunie au domaine de la Couronne, elle y demeurera incorporée quoique distincte après distraction faite des

gislatif lors du dernier ajournement continueront à y siéger jusqu'a leur remplacement. Tous conservent leur traitement. A l'avenir ils seront choisis immédiatement par les collèges électoraux, lesquels sont conservés, sauf les changements qui pourraient être faits par une loi à leur organisation. La durée des fonctions des députés au corps législatif est fixée à cinq années. Les nouvelles élections auront lieu pour la session de 1816.

6. Il y a cent cinquante Sénateurs au moins et deux cent au plus. Leur dignité est inamovible et héréditaire de mâle en mâle par primogéniture. Ils sont nommés par le Roi. Les Sénateurs actuels, à l'exception de ceux qui renonceraient à la qualité de citoyens français, sont maintenus et font partie de ce nombre. La dotation actuelle du Sénat et des Sénatoreries leur appartient. Les revenus en sont partagés également entre eux et passent à leur successeurs. Le cas échéant de la mort d'un Sénateur sans postérité masculine directe, sa portion retourne au trésor public. Les Sénateurs qui seront nommés à l'avenir ne peuvent avoir part à cette dotation.

Digitized by Google

власть принадлежитъ монарху въ силу рожденія, а не въ силу народнаго избранія. Они поэтому вычеркнули изъ сенатской кон-

---

propriétés acquises par droit de confiscation, lesquelles seront rendues aux anciens propriétaires sans cependant aucune restitution de fruits et dans l'état où se trouveront les choses.

9. Sur les fonds de la dotation du Sénat il sera fait distraction d'une somme égale à celle composant le traitement des Sénateurs actuels, soit héréditaires, soit à vie, pour être repartie entre eux également et pour fournir aux pensions des Sénateurs honoraires. Le surplus du revenu de la dotation et l'excédent résultant des extinctions, sera pendant trente ans affecté par le Roi, soit aux officiers du Sénat et à sa dépense, soit aux Ducs et Comtes nommés par lui, auxquels leurs facultés personnelles ne permettraient pas de soutenir leur dignité.

10. La Chambre des Députés s'assemble de droit le 1 Octobre de chaque année. Le Roi peut la convoquer extraordinairement, l'ajourner, et même la dissoudre; mais dans ce cas une autre Chambre doit être formée dans les trois mois au plus tard par les collèges électoraux.

11. La Chambre des Députés des départements a le droit de discuter les projets qui lui sont présentés et de proposer des amendements. Ses séances sont publiques, sauf le cas ou elle juge à propos de se former en comité général; elle s'y forme nécessairement sur l'ordre du Président, ou sur la demande écrite de trois membres, dès que les tribunes se permettent quelques signes d'approbation ou d'improbation.

12. Le Sénat est présidé par le chancelier de France ou par le garde des sceaux et en leur absence par un Sénateur nommé par le Roi. Le Roi nomme également le chancelier et les autres officiers du Sénat, le Président de la chambre des Députés sur une liste de cinq membres présentés tous les ans par la Chambre et ceux des assemblées électorales et de canton dans le sein des corps.

13. Aucun membre de la Chambre des Pairs et de celle des Députés ne peut être arrêté sans une autorisation préalable du corps auquel il appartient. Le jugement d'un

10. Le Corps législatif s'assemble de droit chaque année le 1 Octobre. Le Roi peut le convoquer extraordinairement. Il peut l'ajourner; il peut aussi le dissoudre; mais, dans ce dernier cas, un autre Corps législatif doit être formé au plus tard dans les trois mois par les collèges électoraux.

11. Le Corps législatif a le droit de discussion. Les séances sont publiques, sauf le cas où il juge à propos de se former en comité général.

12. Le Sénat, le Corps législatif, les collèges électoraux et les assemblées de canton élisent leur président dans leur sein.

13. Aucun membre du Sénat ou du Corps législatif ne peut être arrêté sans une autorisation préalable du corps auquel il appartient. Le jugement d'un membre du Sénat ou du

Digitized by Google

ституціи статью вторую, говорившую о призывѣ народомъ на престолъ Людовика XVIII и замѣнили ее постановленіемъ, въ силу

Sénateur ou d'un Député accusé appartient exclusivement à la Chambre des Pairs. L'instruction est dirigée par le Procureur général du Roi à la Cour royale de Paris. Il doit être entendu dans ses conclusions.

14. Les Ministres peuvent être membres soit du Sénat, soit de la Chambre des Députés. Le chancelier de France est nécessairement membre du Sénat. Mais ne devient héréditaire comme Sénateur qu'autant qu'il est créé tel par le Roi.

15. L'égalité de proposition dans l'impôt est de droit, aucun impôt ne peut être établi ni perçu s'il n'a été librement consenti par les deux Chambres sur la proposition formelle du roi. L'impôt foncier ne peut être établi que pour un an et les contributions indirectes que pour trois ou six années. Le budget de l'année suivante et les comtes de l'année précédente sont présentés dans les premiers jours d'Octobre à la Chambre des Députés et à celle des Pairs.

16. La conscription est abolie. La loi détermine le mode et la quotité du recrutement de l'armée.

17. La justice est une dette de la Royauté, elle s'administre au nom du Roi par des juges qu'il nomme et qu'il institue. Ces juges sont inamovibles, mais l'inamovibilité pour les juges actuels ne commencera qu'après la confirmation qu'ils doivent obtenir du Roi dans le délai d'un an. Les cours et tribunaux ordinaires actuellement existants sont maintenus. Il n'y sera rien changé qu'en vertu d'une loi. L'institution actuelle des juges de paix et de commerce est conservée, les commissions et tribunaux extraordinaires sont supprimés, sans qu'on puisse comprendre sous cette dénomination les juridiction prévotales, si leur rétablissement est jugé nécessaire. Nul ne doit être distrait de ses juges naturels.

18. Les débats sont publics en matière criminelle, à moins que cette publicité ne soit dangereuse pour l'ordre public et les mœurs; mais il faut que le tribunal le déclare par un jugement. L'institution des jurés est conservée; les changements

Corps législatif accusé appartient exclusivement au Sénat.

14. Les Ministres peuvent être membres soit du Sénat, soit du Corps législatif.

15. L'égalité de proportion dans l'impôt est de droit. Aucun impôt ne peut être établi ni perçu s'il n'a été librement consenti par le Corps législatif et par le Sénat. L'impôt foncier ne peut être établi que pour un an. Le budget de l'année suivante et les comptes de l'année précédente sont présentés chaque année au Corps législatif et au Sénat à l'ouverture de la session du Corps législatif.

16. La loi déterminera le mode et la quotité du recrutement de l'armée.

17. L'indépendance du pouvoir judiciaire est garantie. Nul ne peut être distrait de ses juges naturels. L'institution des jurés est conservée, ainsi que la publicité des débats en matière criminelle. La peine de la confiscation des biens est abolie. Le Roi a le droit de faire grâce.

18. Les cours et tribunaux ordinaires actuellement existants sont maintenus; leur nombre ne pourra être diminué ou augmenté qu'en vertu d'une loi. Les juges sont à vie et inamovibles, à l'exception des juges de paix et des juges de commerce.

Digitized by Google

котораго «законный монархъ Франціи» — Людовикъ XVIII, а послѣ него «престолъ переходитъ къ остальнымъ членамъ династіи Бурбоновъ по неизмѣнному старому порядку» (ст. 2).

---

qu'une plus longue expérience ferait juger nécessaire ne peuvent être effectués que par une loi. La peine de la confiscation est abolie. Le Roi a droit de faire grâce.

19. Les militaires en activité, les officiers et soldats en retraite, les veuves et les officiers et les soldats pensionnés conservent leurs grades, honneurs et pensions.

20. La personne du Roi est inviolable et sacrée. Les actes du gouvernement sont signés par un ministre. Les ministres sont responsables de tout ce que les actes contiendraient d'attentatoire aux lois.

21. La liberté des consciences et la liberté des cultes sont garanties. La religion catholique, apostolique et romaine n'en est pas moins la religion de l'Etat. Il ne salarie que ses ministres et protège tous les autres.

22. La liberté de la presse est maintenue. La loi prévient et réprime les abus qui pourraient résulter de cette liberté. Cette liberté ne s'applique aux journaux et papiers publics qu'en se conformant par les éditeurs aux règlements de police.

Art. Omis. La liberté individuelle est assurée, sauf les cas qui peuvent intéresser la sûreté de l'État et sauf les cas de flagrant délit, ou de mesure de police correctionnelle, dont il sera rendu compte aux Procureurs généraux dans la huitaine.

23. La dette publique est garantie. Les ventes des domaines nationaux sont irrévocablement maintenus. Le sont également toutes transactions de gré à gré entre les acquéreurs et les anciens propriétaires.

24. L'oubli du passé ne permet de rechercher aucun Français pour les opinions ou votes qu'il aurait pu émettre.

Les commissions et les tribunaux extraordinaires sont supprimés et ne pourront être rétablis.

19. La cour de cassation, les cours d'appel et les tribunaux de première instance proposent au Roi trois candidats pour chaque place de juge vacante dans leur sein: le Roi choisit l'un des trois. Le Roi nomme les premiers présidents et le ministère public des cours et des tribunaux.

20. Les militaires en activité, les soldats et officiers en retraite, les veuves, et les officiers pensionnés conservent leurs grades, honneurs et pensions.

21. La personne du Roi est inviolable et sacrée. Tous les actes du Gouvernement sont signés par un ministre. Les ministres sont responsables de tout ce que ces actes contiendraient d'attentatoire aux lois, à la liberté publique et individuelle et aux droits des citoyens.

22. La liberté des cultes et des consciences est garantie. Les ministres des cultes sont également traités et protégés.

23. La liberté de la presse est entière, sauf la répression légale des délits qui pourraient résulter de l'abus de cette liberté. Les commissions sénatoriales de la liberté de la presse et de la liberté individuelle sont conservées.

Соотвѣтственной статьи въ сенатской конституціи нѣтъ.

24. La dette publique est garantie. Les ventes des domaines nationaux sont irrévocablement maintenues.

25. Aucun Français ne peut être recherché pour les opinions ou les votes qu'il a pu émettre.

Digitized by Google

Какое бы важное принципіальное значеніе этой поправкѣ мы не придавали, она однако непосредственныхъ практическихъ послѣдствій имѣть не могла, нося чисто декларативный характеръ. Не то нужно сказать про другую поправку, которая касалась круга полномочій короля и которая установляла организацію права законодательной иниціативы. Сенатская конституція говорила объ этомъ правѣ въ пятой статьѣ, но весьма неопредѣленно и неясно; въ отличіе отъ конституціи 1791 г., которая право иниціативы предоставляла исключительно народному представительству, сенатская конституція въ крайне неясныхъ выраженіяхъ постановляла, что въ образованіи законовъ участвуютъ король, сенатъ и законодательный корпусъ, и что король можетъ приглашать обѣ палаты заняться предметами, которые онъ сочтетъ подходящими. Эти неясныя постановленія, которыя не отрицали за королемъ права иниціативы, но вмѣстѣ съ тѣмъ прямо его за нимъ и не признавали, эти неясныя постановленія проектъ замѣняетъ категорическимъ опредѣленіемъ, въ силу котораго законодательная иниціатива принадлежитъ королю и только ему. Это постановленіе значительно смягчается однако опредѣленіемъ (ст. 11), которое признаетъ за палатою депутатовъ право вносить поправки въ обсуждаемые проекты, при чемъ это право никакими ограниченіями не обставляется. Это право, о которомъ сенатская конституція умалчивала, но которое въ проектѣ Монтескіу было особо оговорено, давало возможность законодательному корпусу, и не обладая правомъ иниціативы, вліять на направленіе законодательной дѣятельности и до извѣстной степени замѣняло собою право почина.

Указывая на тѣ измѣненія, которыя проектъ вноситъ въ сенатскую конституцію съ цѣлью расширить и точнѣе опредѣлить полномочія

25. Tous les Français sont également admissibles à tous les emplois civils et militaires.

26. Toutes les lois actuellement existantes qui ne sont pas contraires aux présentes restent en vigueur jusqu'a ce qu'il y soit légalement dérogé. Le Code des lois civiles sera intitulé «Code civil des Français.

27. Le Roi et ses successeurs jureront dans la solennité de leur sacre d'observer fidèlement la présente charte constitutionnelle.

27. Tous les Français sont également admissibles à tous les emplois civils et militaires.

28. Toutes les lois actuellement existantes restent en vigueur jusqu'à ce qu'il y soit légalement dérogé. Le Code des lois civiles sera intitulé «Code civil des Français».

29. La présente Constitution sera soumise à l'acceptation du peuple français dans la forme qui sera réglée. Louis-Stanislas-Xavier sera proclamé Roi des Français, aussitôt qu'il aura juré et signé par un acte portant: J'accepte la Constitution; je jure de l'observer et de la faire observer. Ce serment sera réitéré dans la solennité ou il recevra le serment de fidélité des Français.

Digitized by Google

короля, мы должны подчеркнуть и параграфъ 4-й, который толкуетъ о монархѣ, какъ о главѣ правительственной власти. Сенатская конституція въ соотвѣтствующей статьѣ очень лаконически опредѣляла, что «исполнительная власть принадлежитъ королю», проектъ же расширяетъ это опредѣленіе, расчленяя понятіе исполнительной власти на тѣ отдѣльныя полномочія, изъ которыхъ она слагается: она постановляетъ, что король — верховный глава государства, на немъ лежитъ охрана внѣшней безопасности, поддержаніе общественнаго порядка и забота объ исполненіи законовъ.

Другія измѣненія, внесенныя проектомъ въ актъ 6-го апрѣля, имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе. Одни изъ нихъ касаются устройства сената и палаты депутатовъ, другія — организаціи судебной власти. Что касается до первыхъ, то они сводятся къ слѣдующему: Сенатская конституція ограничивала короля въ дѣлѣ назначенія перовъ. Ихъ число было опредѣлено закономъ: ихъ должно было быть не меньше 150 и не больше 200. Проектъ упраздняетъ это ограниченіе и постановляетъ, что король можетъ увеличивать число сенаторовъ по своему усмотрѣнію (ст. 6). — По акту 6-го апрѣля (ст. 6) члены второй палаты избираются непосредственно населеніемъ въ избирательныхъ коллегіяхъ. Проектъ возстановляетъ существовавшій при Наполеонѣ порядокъ: члены законодательнаго корпуса избираются Сенатомъ по двойному списку, представленному избирательными коллегіями (Article omis). Наконецъ по сенатской конституціи предсѣдатели Сената и палаты избирались этими учрежденіями изъ своей среды, по проекту же они назначаются королемъ (ст. 12).

Въ дѣлѣ организаціи судебной власти проектъ, оставляя въ силѣ всѣ основныя черты этой организаціи, какъ она была установлена сенатской конституціей, вноситъ въ эту конституцію лишь двѣ поправки: одна устанавливаетъ исключеніе изъ правила, по которому упраздняются чрезвычайные суды и постановляетъ, что подъ чрезвычайными судами не понимаются превотальные суды, могущіе, въ случаѣ необходимости, быть возстановленными (ст. 17); вторая же поправка ослабляетъ принципъ несмѣняемости судей и опредѣляетъ, что эта несмѣняемость для судей, нынѣ состоящихъ на службѣ, вступаетъ въ силу лишь съ ихъ новаго утвержденія королемъ (та же статья).

Обращаясь, наконецъ, къ поправкамъ, внесеннымъ въ постановленія сенатской конституціи, касающимся индивидуальныхъ правъ гражданъ, мы должны указать на ст. 22, опредѣляющую свободу вѣроисповѣданія. Сенатская конституція въ этой статьѣ довольно глухо и неопредѣленно постановляла, что свобода вѣро-

Digitized by Google

исповѣданія гарантирована и что духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій пользуется одинаковой защитой и покровительствомъ. Проектъ (ст. 21) замѣняетъ это постановленіе опредѣленіемъ, которое, повторяя тотъ же принципъ, ослабляетъ его однако оговоркой, гласящей, что католическое вѣроисповѣданіе признается господствующимъ вѣроисповѣданіемъ и что только его служителямъ обезпечено содержаніе изъ казны, между тѣмъ какъ духовенство другихъ вѣроисповѣданій такого содержанія не получаетъ, а пользуется лишь покровительствомъ со стороны государства.

Сдѣланный нами обзоръ поправокъ, внесенныхъ Монтескіу, Дамбре и Ферраномъ въ сенатскую конституцію, показываетъ, что редакторы проекта остались въ предѣлахъ даннаго имъ порученія. Хотя сдѣланныя ими измѣненія и проникнуты одной, очень ярко выраженной тенденціей — усилить власть короля въ ущербъ авторитету народнаго представительства, — они, тѣмъ не менѣе, не коснулись тѣхъ основъ акта 6-го апрѣля, которыя король призналъ «хорошими» и не поколебали ихъ. Всѣ коренныя черты либеральной конституціи, подчеркнутыя Людовикомъ XVIII въ Сентъ-Уанской декларацiи, сохраняютъ свою силу, и остовъ конституціоннаго строя, начертанный въ этой декларацiи, остается неприкосновеннымъ. Сохранился и весь рядъ принципіально важныхъ въ конституціонномъ отношеніи постановленій акта 6-го апрѣля, обусловливавшихъ тѣ ея черты, которыя сближали ее съ англійскимъ политическимъ строемъ. Постановленіе, опредѣлявшее, что ни одинъ правительственный актъ безъ контрасигновки отвѣтственнаго передъ палатами министра, не можетъ получать силы, воспроизводится проектомъ въ полномъ согласіи съ соотвѣтствующимъ постановленіемъ сенатской конституціи[1]). Ст. 14 сенатской конституціи, которая устанавляетъ, что министры могутъ быть членами и Сената и Палаты депутатовъ, — эта статья первостепенной важности, порывающая съ принципомъ строгаго отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной, послѣдовательно проведеннымъ въ конституціяхъ революціонной эпохи, — эта статья сохраняется и въ проектѣ. Безъ измѣненія воспринимаетъ проектъ и ту статью сенатской конституціи, которая заключаетъ въ себѣ существенную гарантію независимости парламента, а именно ст. 10, поста-

[1]) Статья 20-я проекта, какъ и 21-я статья сенатской конституціи, опредѣляетъ, что особа короля священна и неприкосновенна, что акты правительства контрассигнуются однимъ изъ министровъ, что министры отвѣтственны за все, что могло бы въ ихъ актахъ заключаться противузаконнаго (que ces actes contiendraient d'attentoires aux lois). Въ сенатской конституціи къ этому было еще прибавлено à la liberté publique et individuelle et aux droits des citoyens.

Digitized by Google

новлявшую, что законодательный корпусъ собирается ежегодно 1-го октября, въ силу закона, а не по особому предписанію короля, и что въ случаѣ роспуска второй палаты, король обязанъ созвать ее не позднѣе какъ черезъ три мѣсяца со дня ея роспуска.

Какъ бы мы не отнеслись къ перемѣнамъ, внесеннымъ ревнителями стараго порядка въ сенатскую конституцію, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что они никакихъ радикальныхъ измѣненій въ проектированный Людовикомъ XVIII планъ государственной реформы не внесли, а ограничились частными поправками, которыя, не касаясь общаго характера политическаго переустройства, лишь ослабили дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ его опредѣленій, пытаясь обезпечить за католическимъ вѣроисповѣданіемъ господствующее положеніе въ странѣ и стремясь гарантировать королю рѣшительное преобладаніе во всѣхъ областяхъ государственной жизни.

Проектъ Монтескіу былъ представленъ его редакторами на благоусмотрѣніе короля. Людовикъ XVIII передалъ его на просмотръ своимъ ближайшимъ совѣтникамъ и въ свою очередь снабдилъ его своими замѣчаніями.

Въ бумагахъ Беньо, хранящихся въ государственномъ архивѣ[1]), сохранился тотъ экземпляръ проекта Монтескіу, на которомъ король сдѣлалъ свои замѣчанія. Они очень немногочисленны, но они характерны и мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ ними читателя[2]).

---

[1]) BB. 30/91, dossier I.

[2]) Мы приводимъ здѣсь эти поправки цѣликомъ, дабы читатель могъ составить себѣ о нихъ вполнѣ точное представленіе. Подъ статьей 4а мы находимъ слѣдующее замѣчаніе короля: «Je crois indispensable d'ajouter qu'au Roi seul appartient le droit de faire la guerre et celui de conclure avec les puissances étrangères tous les traités de paix, d'alliance, ou de commerce, qu'il jugera à propos.

Le double droit n'importe pas seulement à la majesté du trône, il importe encore au bien de l'Etat. Que la question de la guerre soit discutée dans une Assemblée, plus de secret, plus de célérité dans les 1-ères opérations. Que celle de la paix le soit, les étrangers ne pouvant plus avoir de confiance dans le Gouvernement et que d'inconvénients n'en résulterait-il pas? Que craindre d'ailleurs de ces droits (que possède le Roi d'Angleterre). Le Roi commencera-t-il une guerre insensée, qu'on peut lui refuser les moyens de continuer? Un ministre responsable, proposera-t-il un traité honteux, ou ruineux pour la France? Non, certes, donc avantage sans danger au double droit».

Второе замѣчаніе, касающееся порядка выборовъ и помѣщающееся на поляхъ рукописи противъ статьи (article omis) гласитъ: «Ne serait-il pas possible (mais c'est chose à négocier) d'attribuer au Roi ce choix qui jusqu'ici l'était au Sénat? Une liste seulement double restreint déjà beaucoup le droit de choisir. Le Roi d'Angleterre a de bien autres moyens d'influence sur la Chambre des communes».

«Un roi qui n'a pas assez de pouvoir, fait plus de mal que de bien». (Testament de Louis XVI).

Къ послѣднему абзацу статьи 18-й проекта: «Le Roi a le droit de faire grâce» король прибавляетъ «et celui de commuer la peine». Послѣдняя строка

Digitized by Google

Первое изъ нихъ коснулось той статьи проекта (4a), которая опредѣляетъ права монарха въ области управленія. Эта статья вызвала замѣчаніе одного изъ приближенныхъ короля. «Это постановленіе», пишетъ онъ, «нуждается въ дополненіи, которое говорило бы о правѣ короля издавать въ своемъ совѣтѣ распоряженія въ согласіи съ закономъ»[1]).

Король одобряетъ это замѣчаніе и ст. 4a проекта получаетъ слѣдующее дополненіе: «Король — верховный глава государства и сухопутныхъ и морскихъ силъ, онъ стоитъ на стражѣ порядка и общественнаго спокойствія и можетъ, для ихъ охраны, издавать административныя распоряженія, которыя онъ признаетъ нужными». Замѣчаніе, вызвавшее это дополненіе, интересно въ томъ отношеніи, что проливаетъ свѣтъ на тѣ мотивы, которыми было внушено закрѣпленіе за королемъ права издавать административныя распоряженія и которое было затѣмъ формулировано въ ст. 14 хартіи, сыгравшей такую роковую роль въ правленіе Карла X и послужившей оправданіемъ для іюльскихъ ордонансовъ. Это замѣчаніе показываетъ, что редакторы проекта, предлагая упомянуть о правѣ короля издавать распоряженія согласно законамъ, ни о какой диктаторской внѣзаконной власти короля не помышляли, а имѣли въ виду лишь ту нормальную подзаконную власть издавать распоряженія, безъ которой никакая исполнительная власть обойтись не можетъ.

Людовикъ XVIII, одобривъ дополненіе, касавшееся права короля издавать распоряженія въ согласіи съ законами, присоединяетъ къ нему еще другое замѣчаніе, требующее, чтобы право объявлять войну и заключать международные договоры принадлежало только королю. Въ согласіи съ нимъ ст. 4b проекта получаетъ слѣдующую редакцію: «Il appartient au Roi de déclarer la guerre, de signer avec les puissances étrangères tous les traités de paix, d'alliance et de commerce qu'il jugera nécessaire. Le Roi surveille les recettes et dirige les dépenses, conformément à la loi annuelle, qui détermine le mode et la quotité des unes et des autres».

21-й статьи (Il ne salarie que ses ministres et protège tous les autres) вызываетъ со стороны короля слѣдующее замѣчаніе: «Je voudrais une autre expression que celle de salarier, elle me semble peu d'accord avec le respect dû aux ministres des autels». По поводу редакціи статьи 26-й, въ заключеніи которой говорится, что: Le Code des lois civiles sera intitulé «Code civil des Français», король замѣчаетъ: J'aimerais mieux «de France».

[1]) L'article aura peut être besoin de développement pour la faculté que devra avoir le Roi de rendre ses arrets du conseil, conformément aux lois. Si la charte constitutionnelle n'exprime pas cette faculté les corps élèveront des difficultés.

Digitized by Google

Другое измѣненіе, внесенное въ проектъ Монтескіу, по иниціативѣ короля, касалось порядка выборовъ въ палату депутатовъ. По сенатской конституціи, какъ мы знаемъ, депутаты избирались непосредственно населеніемъ въ избирательныхъ коллегіяхъ департаментовъ. Проектъ Монтескіу отмѣнилъ этотъ порядокъ и замѣнилъ его тѣмъ, который существовалъ при Наполеонѣ и по которому депутаты назначались Сенатомъ изъ двойного списка кандидатовъ, представляемыхъ избирательными коллегіями. Людовикъ XVIII предложилъ замѣнить Сенатъ королемъ. Это предложеніе не встрѣтило возраженія со стороны его ближайшихъ совѣтниковъ, у которыхъ Сенатъ не пользовался никакимъ довѣріемъ, и соотвѣтствующая статья проекта была замѣнена постановленіемъ, въ силу котораго король впредь будетъ избирать депутатовъ изъ двойного списка кандидатовъ, представленныхъ департаментами[1]). Этому постановленію не суждено было однако найти себѣ примѣненія въ жизни. Оно встрѣтило въ комиссіи, на ея первомъ же засѣданіи 22-го мая, такой рѣшительный отпоръ, что правительство сочло себя вынужденнымъ взять его обратно[2]) и замѣнить постановленіемъ, возстановлявшимъ порядокъ выборовъ, установленный сенатской конституціей въ ея 9 ст.[3]).

Эти двѣ поправки, которыя внесъ король въ проектъ Монтескіу, имѣютъ, какъ видитъ читатель, неодинаковое значеніе. Первая изъ нихъ, которая точнѣе опредѣлила власть короля въ области управленія, и которая вошла въ хартію, восполнила несомнѣнно важный пробѣлъ сенатской конституціи: послѣдняя объ указной власти короля совсѣмъ не упоминала и оставляла неурегулированнымъ такой важный вопросъ, какъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право объявлять войну и заключать мирные и другіе трактаты. Вторая же поправка, которая касалась измѣненія порядка выборовъ, никакихъ практическихъ послѣдствій не имѣла: она, какъ мы уже сказали, была отклонена парламентской комиссіей и была замѣнена опредѣленіемъ сенатской конституціи, въ силу котораго депутаты избираются непосредственно населеніемъ въ избирательныхъ округахъ.

Но если эти двѣ поправки не имѣли одинаковыхъ практическихъ послѣдствій, то онѣ, по своимъ тенденціямъ, были очень сходны.

---

[1]) «Le Roi choisira les députés sur la liste double présentée par les départements». Ст. 11-я проекта Монтескіу. Archives nationales AB XIX, p. 10.

[2]) Simon, L'élaboration de la charte constitutionelle de 1814. Paris, 1906, p. 81.

[3]) Остальныя поправки, внесенныя королемъ въ нѣкоторыя статьи проекта, касались лишь редакціи этихъ статей, а не ихъ существа; онѣ имѣли совершенно второстепенное значеніе и мы здѣсь на нихъ не останавливаемся.

Digitized by Google

Онѣ клонились къ расширенію и болѣе точному опредѣленію правъ короля. Было бы, однако, неправильно, руководствуясь ими, заключить, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе историки[1]), будто бы Людовикъ XVIII, внося ихъ, обнаружилъ абсолютистическія наклонности. Людовикъ XVIII, дѣлая свои замѣчанія на проектъ Монтескіу, остается вѣрнымъ тому образу мыслей, который нашелъ себѣ выраженіе 3-го мая въ Сентъ-Уанской декларації. Тѣ мотивы, которыми онъ оправдываетъ свое воззрѣніе на необходимость для короля обладать рѣшающимъ голосомъ въ вопросахъ внѣшней политики, показываютъ, что въ эту эпоху его способъ разсужденія ничѣмъ не напоминаетъ абсолютнаго монарха и гораздо болѣе соотвѣтствуетъ взглядамъ конституціоннаго правителя. Ссылаясь на примѣръ Англіи и доказывая, что сосредоточеніе международной политики въ рукахъ короля не грозитъ никакой опасностью государству, ибо соотвѣтствіе его рѣшеній въ этой области съ интересами страны обезпечивается отвѣтственностью министровъ и правомъ парламента отпускать средства на военные расходы или въ нихъ отказывать, приводя такіе доводы, Людовикъ XVIII говоритъ не языкомъ автократа, а разсуждаетъ аргументами конституціоннаго правителя, взявшаго себѣ за образецъ представительный строй Англіи того времени.

Доводы, которыми Людовикъ XVIII обосновываетъ другую свою поправку, касающуюся порядка назначенія депутатовъ, носятъ тотъ же характеръ. И ее онъ мотивируетъ ссылкой на Англію и необходимостью для монарха, по примѣру этой страны, вліять на составъ второй палаты. Эта поправка, впрочемъ, въ той редакціи, въ которой она была формулирована королемъ, не была выраженіемъ принятаго имъ окончательнаго рѣшенія, а была скорѣе условнымъ предложеніемъ, нуждающимся еще въ обсужденіи (mais c'est une chose à négocier). Не удивительно поэтому, что король отступилъ отъ него, какъ только оно встрѣтило отпоръ въ комиссіи и безъ затрудненія взялъ его назадъ, согласившись замѣнить рекомендованную имъ систему назначенія членовъ законодательнаго собранія порядкомъ выборовъ, предложеннымъ сенатской конституціей[2]).

---

[1]) Simon, p. 9.

[2]) La Chambre des députés, élus par les collèges électoraux dont l'organisation sera déterminée par des lois (соотвѣтствуетъ слѣдующему постановленію сенатской конституціи): A l'avenir ils (les députés) seront choisis immédiatement par les collèges électoraux, lesquels sont conservés, sauf les changements qui pourraient être faits par une loi à leur organisation. (Ст. 9).

Digitized by Google

III.

Разсмотрѣніе хартіи въ комиссіи, образованной изъ членовъ Сената и законодательнаго корпуса.

Проектъ Монтескіу, до поступленія его на детальное обсужденіе парламентской комиссіи, подвергся еще новымъ измѣненіямъ. Эти измѣненія были сдѣланы частью ближайшими совѣтниками короля, помимо комиссіи, частью, по ихъ иниціативѣ, самой комиссіей на первомъ ея общемъ собраніи 22-го мая.

Еще до того какъ собралась комиссія, была изъята изъ проекта 2-я его статья, установлявшая, что легитимный король Франціи — Людовикъ XVIII [1]). На первомъ же засѣданіи комиссіи Монтескіу предложилъ изъять изъ хартіи и первую статью, опредѣлявшую форму правленія и порядокъ престолонаслѣдія. Монтескіу мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что хартія, даруемая властью монарха, не призвана опредѣлять эту власть; что точно формулировать принципы, на которыхъ зиждется авторитетъ монарха, значитъ не закрѣплять этотъ авторитетъ, а скорѣе расшатывать его: власть монарха имѣетъ-де основаніе въ самой себѣ и не нуждается въ томъ, чтобы люди и сочиняемые ими законы подводили подъ нее фундаментъ [2]).

На этомъ же первомъ засѣданіи было рѣшено изъять изъ хартіи и тѣ статьи, которыя касаются дотацій и вознагражденія нынѣшнихъ сенаторовъ. Комиссія нашла, что этимъ статьямъ, имѣющимъ временный характеръ, не мѣсто въ государственномъ актѣ, устанавливающемъ основныя начала государственнаго строя [3]).

---

[1]) Объ этомъ изъятіи свидѣтельствуетъ тотъ списокъ проекта, который хранится въ національныхъ архивахъ и въ которомъ мы уже не находимъ 2-й статьи первоначальнаго проекта.

[2]) Beugnot (Mémoires, p. 487) приводитъ аргументы Монтескіу въ слѣдующей формѣ: Il faut bien se pénétrer de l'esprit dans lequel le Roi est rentré dans ses Etats et a donné la Déclaration de Saint-Ouen; il y rentre en vertu du principe fondamental qui établit une monarchie héréditaire de mâle en mâle, par ordre de primogéniture. C'est de la puissance royale inhérente à sa personne qu'il a parlé dans la Déclaration de Saint-Ouen et qu'il s'expliquera plus explicitement par l'acte que va être discuté. Il serait inconséquent, de remettre en discussion le pouvoir même à qui appartient le gouvernement et qui a réuni l'assemblée présente; ensuite il y aurait du danger, car, quelle que fût la forme de déclaration qui sortirait de la discussion, elle diminuerait plutôt qu'elle ne fortifierait un principe qui a sa racine dans les siècles, à l'abri duquel la France s'est élevée si haut entre les peuples, et dont l'oubli momentané a causé tous les malheurs». А Витроль (Memoires, p. 249) передаетъ ихъ въ слѣдующей редакціи: «Le Roi, rentré dans son autorité par son droit incontestable, n'avait rien à exprimer sur les lois anciennes et immuables qui étaient l'essence même de la monarchie. Le droit d'accorder à ses peuples de nouvelles libertés ne pouvait se fonder que sur une autorité antérieure et incontestable et il aurait été hors de sens que le même acte portât une nouvelle énonciation de ce droit».

[3]) Simon, 80.

Digitized by Google

Такимъ образомъ на первомъ же засѣданіи комиссіи былъ вычеркнутъ изъ хартіи цѣлый рядъ статей (ст. ст. 1, 2, 6, 7, 8, 9). Такое радикальное измѣненіе текста хартіи потребовало ея общаго пересмотра: онъ былъ порученъ секретарю комиссіи Беньо, который очень энергично и взялся за него. Онъ началъ съ того, что внесъ извѣстный порядокъ и систему въ расположеніе статей хартіи. Онъ распредѣлилъ ихъ по отдѣльнымъ рубрикамъ, которыя получили слѣдующія заглавія: 1. Публичное право французовъ (отдѣлъ, къ которому были отнесены всѣ постановленія, касавшіяся основныхъ правъ гражданъ). 2. Формы, въ которыхъ осуществляется правленіе короля (глава, которая опредѣляла права короля какъ верховнаго главы государства и говорила объ участіи монарха и палатъ въ законодательствѣ). 3. Палата перовъ (ея организація и кругъ вѣдомства). 4. Палата депутатовъ (ея устройство и компетенція). 5. Министры (ихъ отношеніе къ палатамъ). 6. Судебная власть. 7. Особыя права, гарантированныя конституціей. 8. Переходныя постановленія (Articles transitoires) [1]).

Беньо не только распредѣляетъ матеріалъ проекта по извѣстному плану, но измѣняетъ и редакцію его отдѣльныхъ постановленій. Пересматривая слишкомъ длинныя и пестрыя по содержанію статьи проекта, разбивая ихъ на болѣе сжатые и однородные по содержанію параграфы, онъ придаетъ имъ болѣе ясности и точности.

Беньо измѣняетъ такимъ образомъ весьма существенно внѣшній обликъ проекта и измѣняетъ его, несомнѣнно къ лучшему: набросокъ безформенный и безсистемный, наскоро и небрежно редактированный, замѣненъ проектомъ, составленнымъ по продуманному плану, тщательно и внимательно редактированнымъ рукою опытнаго и образованнаго юриста [2]).

[1]) M. le comte Beugnot était appelé par ses fonctions non seulement à tenir les procès verbaux des débats de la commission, mais encore à présenter à la discussion les articles du projet constitutionnel. Il parait qu'il s'était entendu avec les autres commissaires du Roi pour remanier les articles et les classer dans un ordre plus méthodique. Il les avait placé sous différents titres. Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 250.

[2]) На этой переработкѣ Беньо внѣшняго вида проекта сказались несомнѣнно его выдающіяся качества какъ редактора. Эти качества признаютъ за нимъ всѣ его современники, не исключая и тѣхъ, которые были невысокаго мнѣнія объ его нравственныхъ свойствахъ и видѣли въ немъ человѣка безпринципнаго, лишеннаго всякихъ устойчивыхъ убѣжденій.

Barante, Souvenirs, p. 46. «M. Beugnot était un homme de beaucoup d'esprit, de capacité et d'instruction».

«Commissaire avec M. l'abbé de Montesquiou et M. Ferrand auprès de la commission chargée de préparer la charte M. Beugnot en fut le rédacteur sans prendre pourtant un vif intérêt à l'esprit plus ou moins libéral de ses dispositions. On le trouvait toujours prêt à faire et surtout à écrire tout ce qui dans ce moment de précipitation, demandait un peu d'éclat et d'effet, mais sa rédaction, excellente, méthodique et lucide, lorsqu'il traitait d'affaires, n'était pas toujours heureuse lorsqu'elle prétendait à lesprit ou à l'éloquence. Son style, comme son caractère, manquait de gravité» (p. 49).

Digitized by Google

Въ такомъ исправленномъ видѣ конституціонный проектъ и дѣлается предметомъ обсужденія въ комиссіи, образованной королемъ подъ предсѣдательствомъ Дамбре изъ членовъ Сената и законодательнаго корпуса. Эта комиссія имѣла всего шесть засѣданій (22, 23, 24, 25, 26 и 27-го мая) и въ этотъ сравнительно короткій срокъ выработала окончательный текстъ хартіи.

Быстрота, съ которой комиссія справилась съ своею задачею и отсутствіе въ теченіе ея работъ оживленныхъ и интересныхъ преній, подчеркивается историками и отмѣчается современниками. Симонъ, давшій наиболѣе полную исторію составленія хартіи, подводя итогъ общему ходу работъ комиссіи, говоритъ, что происходившія въ ней пренія рѣдко носили принципіальный характеръ и касались больше редакціи статей хартіи, чѣмъ ихъ существа [1]). Паскье въ своихъ мемуарахъ отмѣчаетъ, что обсужденіе хартіи въ комиссіи представляло мало интереса и что самые важные вопросы принимались безъ преній [2]). Беньо, который даетъ такое обстоятельное описаніе работъ комиссіи и старается представить ихъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, вынужденъ однако сознаться, что время, посвященное обсужденію хартіи, было слишкомъ коротко [3]).

Главную причину отмѣченнаго явленія слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, искать въ самомъ характерѣ той задачи, которая выпала на долю комиссіи. Ей не пришлось создавать новаго плана государственнаго переустройства, а лишь формулировать готовые принципы, частью уже провозглашенные въ прежнихъ декларацiяхъ короля, частью настолько общепризнанные, что они, для того чтобы стать элементами дѣйствующаго права, нуждались только въ юридическомъ выраженіи и въ закрѣпленіи законодательнымъ актомъ.

Сравнительная легкость и быстрота, съ которой комиссія окончила свою работу, объясняется и тѣмъ, что въ ея задачу не входило составить детальный проектъ конституціоннаго устройства, а намѣтить лишь его общіе принципы, ожидая отъ практики ихъ

---

[1]) «En parcourant les variantes du texte de la Charte on est presque partout surpris de leur peu d'intérêt. Les discussions dont elles sont la trace ne semblent pas avoir porter sur les principes mais sur des questions de forme. En un mot la lecture des variantes donne aux débats l'allure d'une simple discussion phraseologique». Simon, p. 125.

[2]) Si jamais ces pièces sont données au public, on sera sans doute étonné que des dispositions qu'on a cru être le résultat des débats les plus profonds ont passé en quelque sorte inaperçus. Les articles sur la liberté des cultes, sur la liberté de la presse, sur le droit électoral ont été à peine discutés. Que de fois cependant on a dit depuis: «L'intention du législateur est évidente, sa profonde sagesse a certainement voulu que»... Pasquier, Mémoires, t. II, p. 415.

[3]) Beugnot, Mémoires, 486.

Digitized by Google

дальнѣйшаго развитія и разработки. Беньо свидѣтельствуетъ, что планъ, одобренный королемъ для составленія конституціи, заключался въ томъ, чтобы хартія ни въ какія подробности и детальныя постановленія не входила, а опредѣляла общія начала, предоставляя времени и опыту выводить изъ нихъ послѣдствія.

Успѣшному и быстрому ходу работъ содѣйствовалъ составъ комиссіи, большинство членовъ которой были политическими единомышленниками. Она состояла изъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ, которые не скрывали своей солидарности съ основными началами сенатской конституціи. Если правительственные комиссары въ лицѣ Дамбре, Монтескіу и Феррана не раздѣляли этихъ воззрѣній, то они образовали меньшинство и, слѣдуя инструкціи короля, требовавшаго согласованности ихъ точки зрѣнія съ началами, провозглашенными въ Сентъ-Уанской декларацiи, по всѣмъ существеннымъ пунктамъ, должны были силою вещей уступать и приноравливаться къ принципамъ, преобладавшимъ среди членовъ комиссіи. «Большинство членовъ комиссіи, говоритъ Ферранъ [1]), хотѣли добра, но они понимали это добро въ духѣ либеральныхъ идей, мы же не могли и не должны были съ ними бороться, — самое большое, что мы могли сдѣлать, это ихъ видоизмѣнять, и то не забывая, что эти либеральныя идеи служатъ основой Сентъ-Уанской декларацiи, которой мы должны были придерживаться. Составъ комиссіи и данные ей Сентъ-Уанской декларацiей директивы служили такимъ образомъ ручательствомъ тому, что крайнія проявленія роялистическихъ тенденцій не найдутъ себѣ въ ней поддержки, а скорѣе встрѣтятъ серьезный отпоръ. И дѣйствительно мы уже не находимъ въ окончательномъ текстѣ хартіи, какъ онъ вышелъ изъ совѣщаній комиссіи, тѣхъ постановленій, которыя мы подчеркнули въ проектѣ Монтескіу, отмѣчая его реакціонныя тенденціи. Не вошли въ этотъ текстъ статьи, постановлявшія, что члены законодательнаго корпуса будутъ назначаться королемъ: эти статьи были замѣнены опредѣленіями, построенными на противоположномъ началѣ — началѣ выборовъ [2]).

Вполнѣ опредѣленный отпоръ встрѣтила въ комиссіи и та статья проекта Монтескіу, которая гласила, что законодательная инiціатива принадлежитъ королю и только ему. Противъ этого опредѣленія высказалось большинство комиссіи и опять же настолько рѣшительно, что правительству пришлось пойти на уступки. И послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, занявшихъ почти два засѣданія, комиссія приняла постановленія, въ силу

[1]) Ferrand, Mémoires, p. 74.
[2]) Beugnot, Mémoires, p. 522.

Digitized by Google

которыхъ за палатами было признано право ходатайствовать передъ королемъ о внесеніи имъ законопроекта по любому вопросу съ указаніемъ на желательное содержаніе проекта.

Настояла комиссія и на измѣненіи постановленія, касавшагося свободы вѣроисповѣданія. Если сенатская конституція въ § 22 гарантировала свободу совѣсти и вѣроисповѣданія и обезпечивала содержаніе изъ казны духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій, то проектъ Монтескіу объявлялъ католицизмъ государственной религіей и лишь католическое духовенство обезпечивалъ жалованьемъ изъ государственныхъ суммъ. Это постановленіе проекта вызвало горячіе протесты со стороны либеральной партіи. Возникшія по этому вопросу разногласія были наконецъ улажены компромиссным рѣшеніемъ. Правительственные комиссары настояли на сохраненіи принципа, который провозглашалъ католическую вѣру господствующей религіей, но взамѣнъ этой уступки согласились возстановить то опредѣленіе сенатской конституціи, которое гарантировало содержаніе изъ казны духовенству всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій безразлично.

На преобладаніе въ комиссіи либеральныхъ идей и на уступчивость правительственныхъ комиссаровъ имѣло несомнѣнно вліяніе и присутствіе въ Парижѣ союзниковъ и въ особенности императора Александра. Они зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы при обсужденіи хартіи не одержало верхъ реакціонное направленіе и чтобы либеральные принципы, возвѣщенные королемъ, нашли себѣ осуществленіе.

«Изучая событія этой эпохи», говоритъ Паскье[1]), «никогда не должно терять изъ вида, что въ умахъ всѣхъ государей господствовала глубокая увѣренность въ томъ, что Франція можетъ остаться спокойной лишь подъ этимъ условіемъ. Королю и его просвѣщенному взгляду на вещи довѣряли, но внушала подозрѣніе партія роялистовъ, тенденціи которыхъ, отличныя отъ намѣреній короля, достаточно ярко обнаружились въ бытность графа д'Артуа генеральнымъ намѣстникомъ короля».

И вотъ почему императоръ Александръ не хотѣлъ покинуть Парижа, пока не получитъ увѣренности въ томъ, что хартія будетъ редактирована въ желательномъ духѣ и что ничто не помѣшаетъ ея промульгаціи[2]).

---

[1]) Pasquier, Mémoires II, p. 414.

[2]) Тамъ же, т. II, p. 439. Интересное показаніе Витроля: «Le travail de la commission se ressentait de la précipitation qui lui était imposée. Les souverains alliés pensaient que leur glorieuse tâche ne serait accomplie qu'au moment ou le Roi aurait fixé par la loi fondamentale les destinées politiques de la France et serré les nœuds qui devaient l'unir plus intimement à ses peuples par la conciliation des devoirs et des droits. En même temps chacun des princes était sous l'impérieuse nécessité qui le rappelait dans ses Etats». Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 273.

Digitized by Google

Вмѣшательствомъ союзниковъ въ занятія комиссіи и объясняется то, что она должна была закончить свои работы ранѣе предположеннаго срока, не исчерпавъ всей намѣченной программы и не успѣвъ внести въ хартію всѣхъ предположенныхъ ею по первоначальному плану постановленій. 26-го мая комиссія собралась на шестое собраніе, и ея секретарь Беньо разсчитывалъ имѣть еще нѣсколько засѣданій, на которыхъ должна была быть обсуждена послѣдняя глава хартіи (Droits particuliers garantis par l'Etat) и выработанный имъ планъ выборовъ въ законодательный корпусъ. Но въ этотъ день прусскій министръ Бюловъ заявилъ Беньо, что необходимо, чтобы, въ виду предстоящаго 5-го іюня отъѣзда союзныхъ государей, комиссія завтра же закончила свои работы надъ конституціей. Беньо передалъ это категорическое требованіе союзниковъ правительственнымъ комиссарамъ. Послѣдніе безропотно ему подчинились. Они въ тотъ же день объявили членамъ комиссіи, что завтрашнее засѣданіе будетъ послѣднимъ и что на немъ комиссія должна подвести окончательный итогъ своимъ занятіямъ [1]). И дѣйствительно 26-го мая состоялось заключительное засѣданіе комиссіи, на которомъ наскоро была обсуждена послѣдняя глава хартіи и принята безъ преній. Отъ обсужденія порядка выборовъ, плановъ которыхъ былъ заготовленъ Беньо, пришлось совершенно отказаться. Не удосужилась комиссія на этомъ заключительномъ засѣданіи и прочесть выработанный ею проектъ въ цѣломъ и ограничилась тѣмъ, что въ заключеніе выслушала рѣчь Дамбре. Въ этой рѣчи канцлеръ благодарилъ членовъ комиссіи за ихъ отношеніе къ порученному имъ дѣлу и заявилъ, что они краткость отведеннаго имъ времени возмѣстили сторицей своимъ усердіемъ и своимъ исключительнымъ рвеніемъ...

---

[1]) Объ этомъ вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ, поведшемъ къ преждевременному закрытію комиссіи Беньо передаетъ слѣдующія подробности: «Il (le baron Bulow) m'apprit qu'il venait de dîner avec les Souverains, dont le départ dans trois jours était définitivement arrêté. Je me recriai, parce que je savais, qu'il avait été convenu qu'ils ne sortiraient pas de Paris avant que la Constitution y eut été publiée, et je protestai que nous ne serions pas prêts avant cinq jours». «Il faut, me répondit froidement Bulow, que vous ayez fini demain, que la Constitution soit proclamée le 4». — Je me le tiens pour dit, et au départ de M. de Bulow, j'accours tout effaré chez M. Ferrand; je lui raconte notre mésaventure. «Eh bien, me répondit-il froidement, il faut tout finir demain; vous devez être prêts. — Non pour ce qui tient aux élections, je ne suis pas sûr de quelques articles qui ne sont que projetés et qui demandent encore des vérifications. J'aurais ensuite à en faire le rapport à M. l'abbé de Montesquiou pour que vous les soumettiez, si vous les adoptez, à l'approbation du Roi avant qu'ils puissent être présentés à la Commission. De plus il reste à discuter le chapitre intitulé: Droits particuliers garantis par l'Etat; à relire le travail entier. — Il ne faut plus, reprit M. Ferrand songer à rien ajouter au chapitre des élections. Demain à l'entrée de la séance nous préviendrons M. l'abbé de Montesquiou et nous nous arrangerons pour tout finir». Beugnot, Mémoires, p. 540, 541.

Digitized by Google

IV.

Государственные акты, внушенные началомъ легитимизма, и официальныя заявленія, провозглашающія доктрину монархическаго принципа. Предисловіе къ хартіи и исторія его происхожденія. Промульгація хартіи 4-го іюня. Адресы палатъ.

Мы прослѣдили исторію конституціоннаго акта 1814 г. вплоть до заключительнаго засѣданія комиссіи, изготовившей его окончательный текстъ. Хотя въ разработкѣ хартіи принимали самое близкое участіе рядъ сторонниковъ старой монархіи, мы, однако, не могли на этомъ длинномъ пути отмѣтить ни одного публичнаго заявленія, которое открыто провозглашало бы доктрину монархическаго принципа. Если либеральныя конституціонныя начала нашли себѣ выраженіе и въ рѣчи графа д'Артуа 14-го марта, и въ Сентъ-Уанской декларации 3-го мая, то принципы старой монархіи пока ни въ одномъ официальномъ актѣ возвѣщены не были.

Не нашли они себѣ мѣста и въ выработанномъ комиссіей текстѣ конституціи.

Хотя тенденція, клонившаяся къ усиленію королевской власти въ ущербъ авторитету народнаго представительства, и проявилась въ текстѣ конституціи съ достаточной отчетливостью, тѣмъ не менѣе принципы легитимизма и начала монархическаго самодержавія въ немъ прямого признанія не получили. Тѣ статьи проекта Монтескіу, которыя замѣнили 1 и 2 статьи сенатской конституціи и которыя опредѣляли установленный во Франціи монархическій образъ правленія и существующій въ ней порядокъ престолонаслѣдія, были, какъ мы видѣли, вычеркнуты на первомъ же засѣданіи комиссіи. Онѣ были замѣнены постановленіями, опредѣлявшими основныя права гражданъ, и озаглавлены — «Публичное право французовъ». Помѣщая эти постановленія до статей, опредѣлявшихъ формы правленія короля, редакторы хартіи, очевидно, признавали первостепенное значеніе гарантированныхъ ими правъ и независимость этихъ правъ отъ установленныхъ властей. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ Беньо отведенное имъ въ хартіи мѣсто. «Было найдено», говоритъ онъ, «соотвѣтствующимъ идеямъ, положеннымъ въ основаніе хартіи, начать съ опредѣленія основныхъ правъ французовъ и помѣстить ихъ до статей, установляющихъ формы правленія, ибо эти права признавались независимыми отъ этихъ формъ[1]).

[1]) Beugnot. Mémoires, p. 500. Ср. совершенно правильныя замѣчанія по этому вопросу у Heinrich Meisner: «Die Lehre vom monarchischen Prinzip im Zeitalter der Restauration und des deutschen Bundes». Breslau, 1913. SS. 49 und 50.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, изъ хартіи были вычеркнуты статьи, провозглашающія легитимистическій принципъ и ихъ мѣсто заняли опредѣленія, закрѣпившія неотъемлемыя и независимыя отъ произвола законодателя права гражданъ.

Сторонники доктрины монархическаго начала, очевидно, не спѣшили выступать съ открытымъ провозглашеніемъ своихъ принциповъ. Они предпочитали молчать, пока не получатъ увѣренности въ безопасности такого провозглашенія. Они рѣшили отложить свои выступленія до того времени, когда общественное мнѣніе успокоится подъ впечатлѣніемъ дарованной конституціи, и когда отъѣздъ союзныхъ государей изъ Парижа гарантируетъ имъ больше независимости и самостоятельности.

Они, однако, не бездѣйствовали и въ мѣру своихъ силъ и своего разумѣнія принялись за подготовленіе задуманныхъ ими актовъ.

Обсужденіемъ этихъ актовъ занялось особое совѣщаніе, которое было составлено изъ ближайшихъ совѣтниковъ Людовика XVIII и собиралось въ кабинетѣ короля подъ его личнымъ предсѣдательствомъ. Имѣвшія здѣсь мѣсто пренія происходили въ глубокой тайнѣ. Въ нихъ, между прочимъ, принялъ участіе Беньо, который и даетъ намъ о нихъ довольно обстоятельный отчетъ.

Мы на нихъ подробнѣе остановимся, ибо они знакомятъ насъ съ главными положеніями доктрины монархическаго принципа въ томъ фазисѣ ея развитія, какой она въ это время достигла въ умахъ роялистовъ, окружавшихъ Людовика XVIII.

Прежде всего былъ разсмотрѣнъ вопросъ о наименованіи хартіи. Дамбре настаивалъ на томъ, чтобы выработанный актъ былъ названъ «Ordonnance de réformation»; разъ мы, разсуждалъ онъ, признаемъ въ хартіи односторонній актъ самодержавнаго короля, мы и должны отмѣтить его соотвѣтствующимъ именемъ и назвать его королевскимъ указомъ. Ферранъ же предлагалъ присвоить ему наименованіе конституціоннаго акта. Беньо возражалъ какъ противъ того, такъ и противъ другого мнѣнія. Отвѣчая на аргументы Дамбре, онъ доказывалъ, что, если въ древней французской юриспруденціи терминъ «указъ» и употребляется, то примѣнялся онъ лишь къ законамъ, имѣвшимъ въ виду то или другое, частное злоупотребленіе, но никакъ не къ актамъ, имѣвшимъ цѣлью коренное преобразованіе государства, каковымъ присвоивалось особое наименованіе хартіи. Это наименованіе и приличествуетъ поэтому болѣе всего выработанному комиссіей основному закону. Нельзя присоединиться и къ мнѣнію Феррана, продолжалъ Беньо, и назвать его конституціей, нельзя этого сдѣлать потому, что этимъ терминомъ

Digitized by Google

именуются лишь тѣ акты, которые или предполагаютъ соглашеніе между монархомъ и народными представителями для совмѣстнаго установленія новаго порядка вещей или представляютъ собою самостоятельное рѣшеніе народа, или его представительства». Актъ же, о которомъ идетъ рѣчь, не является результатомъ соглашенія между королемъ и кѣмъ бы то ни было, а вытекаетъ непосредственно изъ королевскаго авторитета, свободно и добровольно дарующаго народу тѣ вольности, которыя онъ признаетъ умѣстными и своевременными [1]).

Это мнѣніе Беньо одержало верхъ и совѣщаніе рѣшило назвать выработанный актъ конституціонной хартіей, другими словами, сохранить то наименованіе, которое было по иниціативѣ Таллейрана присвоено сенатской конституціи [2]).

Большое значеніе придало совѣщаніе и вопросу о томъ, какимъ годомъ должна быть помѣчена даруемая королемъ хартія. Разъ признается возстановленной древняя французская монархія, разсуждало совѣщаніе, необходимо признать и тотъ ея основной принципъ преемства престола, по которому власть переходитъ въ нисходящемъ мужскомъ поколѣніи безъ перерыва. Le mort saisit le vif. Le Roi est mort, vive le Roi. Необходимо поэтому вести лѣтосчисленіе царствованія Людовика XVIII не съ его фактическаго вступленія на престолъ, а съ момента смерти Людовика XVII. Если же король будетъ исчислять годы своего царствованія лишь съ того момента, когда онъ началъ фактически осуществлять свою власть, т.-е. съ момента его призванія, то получится представленіе, будто онъ эту власть черпаетъ не въ присущемъ ему въ силу происхожденія правѣ, а въ авторитетѣ призвавшаго его на престолъ народа [3]).

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣлъ вопросъ о порядкѣ утвержденія и промульгаціи хартіи. Взглядъ на хартію, какъ на свободный и односторонній актъ короля, требовалъ ея публикаціи въ формѣ королевскаго указа, издаваемаго помимо народнаго голосованія и безъ согласія парламента. Заявленія же, сдѣланныя королемъ въ Сентъ-Уанской декларації, связали его обѣщаніемъ — представить на благоусмотрѣніе палатъ конституціонный проектъ, выработанный имъ при содѣйствіи комиссіи, образованной изъ сенаторовъ и депутатовъ.

Съ этимъ требованіемъ правительство находило тѣмъ болѣе необходимымъ считаться, что среди членовъ законодательнаго корпуса

---

[1]) Beugnot, Mémoires, p. p. 543 et suiv.
[2]) Pasquier, Mémoires, t. II, p. 319.
[3]) Beugnot, Mémoires, p. 545.

Digitized by Google

назначеніе королемъ членовъ комиссіи помимо палатъ и келейный способъ обсужденія хартіи вызвали громкое неудовольствіе [1]): было поэтому признано необходимымъ дать въ той или другой формѣ удовлетвореніе общественному мнѣнію, выразившемуся въ настроеніи второй палаты и успокоить поднявшійся въ законодательномъ корпусѣ ропотъ.

Въ виду этихъ соображеній совѣщаніе рѣшило хартію пока вовсе не публиковать, ни въ формѣ королевскаго указа, ни въ формѣ соглашенія, состоявшагося между королемъ и палатами, а держать ее на степени предложенія, дѣлаемаго королемъ палатамъ. Въ качествѣ такого предложенія хартія должна была быть напечатана въ двухъ экземплярахъ и послана Сенату и законодательному корпусу съ предложеніемъ о ней высказаться. Палаты, разсуждало далѣе совѣщаніе, несомнѣнно одобрятъ конституцію и это свое одобреніе выскажутъ въ формѣ адреса на имя короля. Получится, такимъ образомъ, формальный актъ, въ которомъ палаты выразятъ свое согласіе на хартію. Этотъ планъ утвержденія и публикаціи хартіи имѣлъ въ глазахъ совѣщанія лишь то неудобство, что онъ не исключалъ возможности обсужденія хартіи въ палатахъ, но эта возможность представлялась мало вѣроятной въ виду послѣднихъ донесеній о настроеніи въ законодательномъ корпусѣ, значительно измѣнившемся къ лучшему. Беньо считалъ даже возможнымъ рѣшительно заявить совѣщанію, что нѣтъ болѣе никакого основанія ожидать какихъ-нибудь оппозиціонныхъ выступленій и увѣрилъ короля, что торжественное засѣданіе 4-го іюня пройдетъ несомнѣнно совершенно гладко, безъ всякихъ инцидентовъ [2]).

---

[1]) Dans le bulletin de police des 27 et 28 Mai (Simon, p. p. 103 et 104) on signalait déjà des réunions quotidiennes de députés dans la bibliothèque du Corps législatif: «On y manifeste de l'humeur de ce que le Corps législatif n'a pas été appelé à nommer la commission chargée de l'examen de la constitution. Ce n'est point une commission, dit-on, c'est un comité, puisque c'est le Roi qui l'a formé et non le Corps législatif»... Cette opposition d'abord sans importance prenait assez vite de l'extension. On parlait de combattre certains articles de la constitution le jour même de la séance royale, de réclamer dans l'adresse du Corps législatif au Roi l'envoi de la constitution à l'acceptation de l'assemblée.

[2]) On a tout à fait abandonné l'idée de réunir les collèges électoraux, mais on espère une adresse des deux Chambres, et on la désire avant de publier et même d'imprimer l'ordonnance en lui donnant les formes définitives. (Lettre de Dambray à Beugnot, citée chez Simon p. 109). Vous penserez comme moi que cette forme réduit en quelque sorte l'ordonnance, dont la rédaction était tout à fait royale, à l'état informe d'un simple projet, sur lequel on n'invite ni la Chambre des pairs, ni celle des députés à delibérer, mais qu'elles pourront soumettre à leur délibération. C'est là sans doute un inconvient grave, mais on est décidé à le braver. On ne doute pas au reste que n'arrivent tout de suite des adhésions des deux corps, qu'on se propose ensuite de relater dans l'ordonnance en l'achevant par l'addition des formes qu'on supprime pour le moment

Digitized by Google

Указанный планъ и получилъ одобреніе на совѣщаніи и соотвѣтственно ему послѣдній абзацъ хартіи былъ редактированъ слѣдующимъ образомъ: «Мы предписываемъ, чтобы настоящая конституціонная хартія, представленная на воззрѣніе (mise sous les yeux) Сенату и законодательному корпусу, согласно нашей декларації отъ 2-го мая, безъ замедленія была бы отослана Палатѣ перовъ и Палатѣ депутатовъ [1]).

Послѣ того, какъ былъ установленъ порядокъ утвержденія и промульгаціи конституціоннаго акта, предстояло изготовить для него предисловіе, т.-е. манифестъ, въ которомъ король объяснилъ мотивы и цѣли, руководившіе имъ при дарованіи своему народу хартіи вольностей. Въ немъ доктрина монархическаго принципа и должна была получить наиболѣе яркое выраженіе.

Совѣщаніе поручило это важное дѣло Беньо. Послѣдній, однако, уклонился отъ него и, не довѣряя своимъ силамъ, попросилъ Фонтана взять его на себя. Каково же было его огорченіе и разочарованіе, когда Фонтанъ не только запоздалъ вручить ему предисловіе, доставивъ его ему лишь 3-го іюня поздно вечеромъ, но когда и оказалось, что оно совершенно непригодно для той цѣли, для которой оно предназначалось. «Предисловіе, по словамъ Беньо, заключало въ себѣ возвышенныя идеи, облеченныя въ краснорѣчивыя формы, но эти мысли были слишкомъ общи, а эти формы страдали излишней пышностью». Беньо долженъ былъ убѣдиться, что въ такомъ видѣ предисловіе не произведетъ должнаго впечатлѣнія, его нужно было основательно переработать. Несмотря на поздній часъ Беньо принялся за этотъ нелегкій трудъ и, просидѣвъ за нимъ всю ночь,

---

et auxquelles on est bien décidé à revenir. Il résulte de cette forme qu'il n'y aura rien d'imprimé avant la séance et qu'il ne sera fait que deux copies, l'une pour la Chambre des pairs, l'autre pour celle des députés.

Въ помѣщенныхъ донесеніяхъ 1-го, 2-го и 3-го іюня мы между прочимъ читаемъ: «Il y a eu hier beaucoup de bavardage au Corps legislatif; il y en aura encore beaucoup aujourd'hui; il n'y aura pas autre chose. Tout se passera demain comme on le désire. Après la séance le Roi recevra une adresse, il se peut seulement que, lorsqu'il s'agira de voter cette adresse, ou après l'avoir votée il s'élève quelques voix pour demander que le Roi soit supplié d'envoyer la Charte constitutionnelle à l'acceptation, mais il n'est pas probable qu'une telle motion ait la majorité». (Цит. у Simon, p. 109).

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ за этими словами слѣдовали еще слѣдующія строки: адресовать всѣмъ нашимъ судамъ, административнымъ учрежденіямъ, муниципалитетамъ и другимъ властямъ королевства... Заключающееся въ этихъ строкахъ распоряженіе было затѣмъ, послѣ принятія хартіи палатами, замѣнено особыми ордонансами; на это мы находимъ указаніе у Duvergier «Lois et Decrets», t. XIX, p. 88, прим. 4, въ которомъ говорится, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сохранился ордонансъ отъ 7 іюня 1814 года, въ силу котораго хартія должна быть разослана во всѣ муниципалитеты королевства pour y être lue et enrégistrée.

Digitized by Google

къ утру изготовилъ новое предисловіе [1]), имѣвшее очень мало общаго съ первоначальнымъ текстомъ Фонтана. Беньо разсудилъ,

[1]) Приведемъ здѣсь en regard оба текста.

Первоначальный текстъ.
Фонтана.

La Providence, en nous rétablissant sur le trône de nos pères, nous imposa de grandes obligations. La paix avec l'Europe était le premier besoin de nos sujets: nous l'avons signée. Une Charte constitutionnelle était attendue: nous l'avons promise: nous la publions.

Des hommes sages, pris dans les premiers corps de l'Etat, se sont réunis à ceux de notre Conseil pour terminer ce grand ouvrage. Nous n'avons point oublié qu'une constitution à la fois libre et monarchique devait remplir les vœux d'un siècle éclairé; mais nous avons dû nous souvenir aussi que notre premier devoir envers nos peuples était de

Окончательный текстъ
Беньо.

La divine Providence, en nous rappelant dans nos Etats après une longue absence, nous a imposé de grandes obligations. La paix était le premier besoin de nos sujets: nous nous en sommes occupés sans relâche; et cette paix si nécessaire à la France comme au reste de l'Europe est signée. Une Charte constitutionnelle était sollicitée par l'état actuel du royaume; nous l'avons promise, et nous la publions.

Nous avons considéré que, bien que l'autorité toute entière résidât en France dans la personne du Roi, nos prédécesseurs n'avaient point hésité à en modifier l'exercice, suivant la différence des temps; que c'est ainsi que les communes ont dû leur affranchissement à Louis le Gros, la confirmation et l'extension de leurs droits à Saint-Louis et à Philippe le Bel; que l'ordre judiciaire a été établi et dévelóppé par les lois de Louis XI, de Henri II et de Charles IX; enfin que Louis XIV a réglé presque toutes les parties de l'administration publique par différentes ordonnances dont rien encore n'avait surpassé la sagesse. Nous avons dû à l'exemple des Rois nos prédecesseurs apprécier les effets des progrès toujours croissants des lumières, les rapports nouveaux que ces progrès ont introduits dans la société, la direction imprimée aux esprits depuis un demi-siècle, et les graves altérations qui en sont résultées: nous avons reconnu que le vœu de nos sujets pour une Charte constitutionnelle était l'expression d'un besoin réel; mais en cedant à ce vœu, nous avons pris toutes les précautions pour que cette Charte fût digne de nous et du peuple auquel nous sommes fiers de commander. Des hommes sages, pris dans les premiers corps de l'Etat, se sont réunis à des commissaires de notre Conseil pour travailler à cet important ouvrage. En même temps que nous reconnaissions qu'une constitution libre et monarchique devait remplir l'attente de l'Europe éclairée, nous avons dû nous souvenir aussi que notre premier

Digitized by Google

что въ редакціи Фонтана доктрина монархическаго принципа не нашла себѣ достаточно яркаго выраженія и что она заслонена

---

conserver, pour leur propre intérêt, toutes les prérogatives de notre couronne.

En effet l'histoire atteste que la royauté d'âge en âge, et même aux temps les plus barbares, aida puissamment les français à recouvrir leurs franchises et leurs droits. Sans remonter au delà du règne de nos ayeux, Philippe le Bel affranchit les communes en achevant ce qu'avait commencé Louis le Gros. Cette heureuse innovation en produisit de plus heureuses encore. Elle mit dès lors dans la masse de la nation plus de lumière, avec plus de propriété et d'industrie.

Ce premier exemple d'une politique vraiment royale fut imité par tous les rois qui nous précédèrent et c'est à leurs efforts que la civilisation toujours perfectionnée doit les développements et l'éclat dont le siècle est si fier aujourd'hui.

Quand la sagesse des Rois s'accorde librement avec les vœux des peuples, leur ouvrage mutuel est de longue durée, mais quand l'anarchie en tumulte arrache à la faiblesse du gouvernement des concessions trop populaires, la liberté publique est aussi menacée que le trône même.

L'autorité suprême peut seule donner aux institutions qu'elle adopte et qu'elle établit la force, la permanence et la majesté dont elle est revêtue.

Un pouvoir supérieur à celui des peuples et des monarques fit les sociétés et jetta sur la face du monde des gouvernements divers; il faut plutôt en diriger la marche qu'en expliquer les principes. Plus leurs bases sont anciennes et plus elles sont vénérables; qui veut trop les chercher s'égare; qui les touche de trop près devient imprudent et peut tout ébranler. Le sage les respecte et baisse la vue devant cette auguste obscurité qui doit couvrir le mystère social comme les mystères religieux.

Mais s'il est des voiles que la prudence humaine ne doit pas lever, il est pour tous les citoyens des droits incontestables qui se manifestent à tous les yeux.

Ces droits sacrés sont clairement énoncés dans la présente Charte constitutionnelle.

devoir envers nos peuples était de conserver, pour leur propre intérêt, les droits et les prérogatives de notre couronne. Nous avons espéré qu'instruits par l'expérience ils seraient convaincus que l'autorité suprême peut seule donner aux institutions qu' elle établit la force et la permanence et la majesté dont elle est elle-même revêtue;

qu'ainsi, lorsque la sagesse des Rois s'accorde librement avec le vœu des peuples, une charte constitutionnelle peut être de longue durée; mais que, quand la violence arrache des concessions à la faiblesse du Gouvernement, la liberté publique n'est pas moins en danger que le trône même.

Digitized by Google

въ ней туманными разсужденіями на общія политическія темы, не имѣющія къ ней прямого отношенія. Онъ поэтому вычеркнулъ

Ainsi la loi est égale pour tous. Chacun doit contribuer aux charges publiques sans distinctions de rang et dans la proportion de sa fortune. La liberté individuelle et la liberté des consciences sont assurées. Toutes les carrières doivent être ouvertes à tous les talents et à toutes les vertus.

L'impôt est consenti librement par les députés du peuple, seule et vraie garantie contre les abus de l'autorité. Deux corps puissants dont le pouvoir se divise et se balance autour du trône qui les domine, sont institués pour défendre ces privilèges communs à tous et que proclament à haute voix la nature et la raison.

Nous avons vu dans le renouvellement de la pairie une institution déjà toute française et qui doit plaire à tous les souvenirs en réunissant pour ainsi dire les temps anciens et les temps modernes. Les principes des bonnes constitutions sont ceux qu'on retrouve dans le caractère et les usages nationaux. A ces lois fondamentales, faites pour l'avenir comme pour le présent, nous avons cru nécessaire d'ajouter quelques dispositions passagères, les circonstances l'exigeaient.

Quand les signaux de la patrie ont disparu, nul ne peut être sûr de sa route au milieu des tempêtes politiques; notre cœur paternel veut répondre á l'amour dont nous recevons tant de témoignages en ne prononçant que des paroles de paix et de consolation. Que le passé disparait qu'aucun souvenir amer ne trouble la sécurité qui doit suivre l'acte de restauration.

Sûrs de nos intentions, forts de notre conscience, nous promettons d'être fidèles a cette Charte constitutionnelle devant l'assemblée qui nous écoute nous réservant d'en jurer le

Nous avons enfin cherché les principes de la charte constitutionnelle dans le caractère français et dans les monuments vénérables des siècles passés. Ainsi nous avons vu dans le renouvellement de la pairie une institution vraiment nationale, et qui doit lier tous les souvenirs à toutes les espérances, en réunissant les temps anciens et les temps modernes.— Nous avons remplacés par la Chambres des députés ces anciennes assemblées des Champs de Mars et de Mai, et ces Chambres du tiers-état, qui ont si souvent donné tout à la fois des preuves de zèle pour les intérêts du peuple, de fidélité et de respect pour l'autorité des Rois. En cherchant ainsi à renouer la chaîne des des temps, que de funestes écarts avaient interrompue, nous avons effacé de notre souvenir, comme nous voudrions qu'on pût les effacer de l'histoire, tous les maux qui ont affligé la patrie durant notre absence.

Heureux de nous rertouver au sein de la grande famille, nous n'avons su répondre à l'amour dont nous recevons tant de témoignages, qu'en prononçant des paroles de paix et de consolation. Le vœu le plus cher à notre cœur, c'est que tous les Français vivent en frères et que jamais aucun souvenir amer ne trouble la sécurité qui doit suivre l'acte solennel que nous leur accordons aujourd'hui.

Sûrs de nos intentions, forts de notre conscience, nous nous engageons devant l'assemblée qui nous écoute à être fidèle à cette Charte constitutionnelle, nous réservant d'en jurer

Digitized by Google

изъ проекта Фонтана всю эту, какъ онъ выражался, «политическую метафизику».

Беньо призналъ также лишнимъ и изложеніе въ предисловіи конституціонныхъ началъ, находя, что эти начала были уже съ достаточной ясностью провозглашены отъ имени короля въ рѣчи графа д'Артуа 14-го марта и въ особенности въ королевской декларації 3-го мая. Сокративъ въ этихъ частяхъ разсужденія Фонтана, онъ въ другихъ мѣстахъ распространилъ ихъ. Онъ, между прочимъ, развилъ тѣ мысли Фонтана, которыя доказывали, что сильная верховная власть является наиболѣе надежной опорой государственнаго порядка, что этотъ порядокъ тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ онъ безспорнѣе покоится на взаимномъ довѣріи короля и народа и чѣмъ болѣе онъ соотвѣтствуетъ національнымъ особенностямъ страны и ея историческимъ традиціямъ. Заимствуя у Фонтана эти мысли, онъ, однако, значительно ихъ заостряетъ и выражаетъ въ болѣе яркихъ и выпуклыхъ формулахъ. Къ такимъ формуламъ принадлежатъ и тѣ строки предисловія, въ которыхъ онъ проводитъ различіе между государственной властью, принадлежащей полностью и неизмѣнно королю, и между ея временными полномочіями, довѣряемыми имъ учрежденіямъ, полномочіями, мѣняющимися согласно условіямъ времени [1]). Беньо же принадлежитъ и знаменательная заключительная формула, въ которой находитъ себѣ наиболѣе полное и ясное выраженіе принципъ октроированнаго порядка, формула, гласящая: «по всѣмъ этимъ причинамъ мы добровольно и свободнымъ осуществленіемъ своей королевской власти даровали и даруемъ, уступаемъ и жалуемъ нашимъ подданнымъ, какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ нашихъ и навсегда конституціонную хартію, которая слѣдуетъ».

Послѣ того, какъ Беньо провелъ всю ночь за составленіемъ предисловія, онъ на слѣдующее утро отправился къ королю. «Я представилъ ему», разсказываетъ Беньо, «три экземпляра хартіи, я держалъ въ рукахъ четвертый и обратился къ Его Величеству

---

maintient avec une nouvelle solennité devant l'Autel Celui qui peut seul confirmer le pacte social et qui jugera un jour les nations et les rois.

le maintien, avec une nouvelle solennité devant les auteles d Celui qui pèse dans la même balance les rois et les nations.

A ces causes nous avons volontairement et par le libre exercice de notre autorité royale accordé et accordons, fait concession et octroi à nos sujets, tant pour nous que pour nos successeurs, et à toujours, de la Charte constitutionnelle qui suit.

[1]) Bien que l'autorité tout entière résidat en France dans la personne du Roi, nos prédecesseurs n'avaient point hésité à en modifier l'exercice suivant a différence des temps.

Digitized by Google

съ вопросомъ, не позволитъ ли онъ мнѣ приступить къ его чтенію. Здѣсь же присутствовали и министры. Король взглянулъ на часы и сказалъ: — Въ нашемъ распоряженіи слишкомъ мало времени. — «Но введеніе въ хартію»,—позволилъ я себѣ замѣтить,—представляетъ собою нѣчто новое и нуждается въ утвержденіи короля».— Да,—отвѣтилъ Людовикъ XVIII,— но мы вамъ довѣряемъ и я знаю, что вы знатокъ въ этомъ дѣлѣ (Oui, nous avons confiance en vous, et je sais que vous êtes passé maître en ce point).— Я поклонился въ знакъ признательности... Расшитые мундиры нахлынули въ кабинетъ и скоро заполонили его: государственныя дѣла почтительно (humblement) уступили мѣсто придворному церемоніалу» [1]).

Людовикъ XVIII не полюбопытствовалъ узнать въ чемъ содержаніе предисловія: онъ даже не взглянулъ на него. Королевскій манифестъ сталъ государственнымъ актомъ безъ утвержденія монарха и былъ возвѣщенъ палатамъ прежде чѣмъ Людовикъ XVIII успѣлъ съ нимъ познакомиться.

Довѣривъ составленіе Préambule умному и опытному чиновнику [2]), Людовикъ XVIII отнесся довольно равнодушно къ его редакціи и мало интересовался ея формулами [3]). Онъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что этимъ формуламъ будетъ придано такое исключительное значеніе, что они явятся исходной точкой для истолкованія юридической природы хартіи и послужатъ главной основой для построенія особой теоріи октроированнаго порядка.

Исторія выработки хартіи, подробно нами выше изложенная, и исторія вступленія въ хартію, только что нами указанная, показываютъ, что эти два совершенно разнородныхъ акта, разнородны по своимъ источникамъ, по положеннымъ въ ихъ основаніе началамъ, по своей юридической силѣ и по своему политическому значенію.

Хартія представляетъ собою въ своихъ основныхъ опредѣленіяхъ выраженіе политическихъ требованій умѣренно-либеральнаго большинства французскаго общества и лишь въ сравнительно второстепенныхъ постановленіяхъ своихъ испытала на себѣ вліяніе монархическихъ тенденцій ближайшихъ совѣтниковъ Людовика XVIII.

---

[1]) Beugnot, Mémoires, pp. 551, 552.

[2]) Беньо не только былъ опытный редакторъ, но человѣкъ, умѣвшій приноравливаться къ образу мыслей сильныхъ людей, которымъ онъ служилъ. Устойчивостью и стойкостью убѣжденіи онъ не отличался.

«Je n'ai jamais vu un homme de cette portée aussi dénué d'opinions arrêtées aussi flottant dans ses convictions. Chez lui le caractère n'était pas au niveau de l'esprit. Sans jamais sortir de la sphère des honnêtes gens, il manquait de courage politique et avait même assez de cynisme dans ses variations». Pasquier, p. 47.

[3]) «Sa Majesté n'attachait pas une grande importance à la rédaction des formules constitutionnelles. Vitrolles, Mémoires», t. II, pp. 241, 242.

Digitized by Google

Введеніе же есть манифестъ роялистовъ, въ которомъ они истолковываютъ представительный строй съ точки зрѣнія доктрины монархическаго принципа и въ который они, въ угоду общественному мнѣнію, вплетаютъ лишь нѣсколько либеральныхъ нотъ. Хартія восприняла принципы обновленной Франціи и въ своихъ юридическихъ формулахъ закрѣпила осадокъ политическаго опыта, вынесеннаго изъ революціи. Введеніе же воспроизводитъ политическое міросозерцаніе людей стараго режима и даетъ идеализацію того государственнаго порядка, который былъ разрушенъ этой революціей.

Не похожи другъ на друга эти два акта и по способу своего происхожденія. Хартія сложилась путемъ длительнаго процесса, первымъ звеномъ котораго была сенатская конституція, а заключительнымъ актомъ ея разсмотрѣніе въ парламентской комиссіи. Въ ея составленіи принимали участіе представители разнородныхъ политическихъ теченій, начиная съ членовъ сената, «цареубійцъ», Гарата и Грегуара и кончая правительственными комиссарами Дамбре и Ферраномъ. Введеніе же было произведеніемъ двухъ слугъ короля, призванныхъ формулировать офиціальную доктрину Бурбоновъ, и получила свою окончательную редакцію отъ чиновника, который ее скомпановалъ въ одну ночь, наканунѣ ея торжественнаго провозглашенія.

Хартія и введеніе не органическія части одного цѣлаго, а два во всѣхъ отношеніяхъ разнохарактерныхъ акта, лишь искусственно между собою спаянныхъ.

Существующее между ними глубокое противорѣчіе и было раскрыто различіемъ того пріема, который былъ оказанъ имъ на первомъ же торжественномъ засѣданіи палатъ въ присутствіи короля, которое состоялось 4-го іюня.

Хотя это засѣданіе, какъ предсказывалъ Беньо, и прошло вполнѣ благополучно и въ полномъ согласіи съ выработанной заранѣе программой, оно тѣмъ не менѣе было омрачено холоднымъ пріемомъ, которымъ отвѣтило большинство присутствующихъ на рѣчь Дамбре и на предисловіе къ хартіи.

Первымъ на этомъ засѣданіи говорилъ король, его краткое, но съ чувствомъ произнесенное привѣтственное слово вызвало единодушное одобреніе[1]). Послѣдовавшая же за нимъ длинная и витіеватая рѣчь канцлера Дамбре была выслушана въ молчаніи и возбудила всеобщее недоумѣнье, если не неудовольствіе[2]). «Прошло», читаемъ мы въ этой рѣчи, «много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Божественное

[1]) Simon, p. 113.
[2]) Archives parlamentaires, II série, t. XII, p. 32 et 33.

Digitized by Google

Провидѣніе призвало нашего монарха на престолъ его предковъ. Въ эпоху его воцаренія Франція, сбитая съ пути ложными теоріями, раздробленная на партіи духомъ интриги, ослѣпленная призраками свободы, пала жертвой фракцій и стала поприщемъ крайностей и самыхъ ужасныхъ проявленій анархіи. Она послѣдовательно испробовала одну за другой всевозможныя формы правленія, пока тяжесть разразившихся надъ ней несчастій не вернула ее подъ покровъ того отеческаго правленія, которое въ теченіе четырнадцати вѣковъ покрывало ее славой и обезпечивало ей счастье. Божественное дуновеніе ниспровергло того колосса, который тяготѣлъ своимъ исполинскимъ могуществомъ надъ всей Европой; но подъ развалинами этого гигантскаго зданія, которое было еще скорѣе разрушено, чѣмъ оно было воздвигнуто, Франція обрѣла вновь незыблемыя основы древней монархіи. И на этихъ-то священныхъ основахъ и должно быть теперь воздвигнуто прочное зданіе, которое не могли бы сокрушить ни время, ни люди. И краеугольнымъ камнемъ этого зданія долженъ стать король, вокругъ котораго сплотятся всѣ французы. Онъ въ полномъ обладаніи своихъ наслѣдственныхъ на это прекрасное королевство правъ хочетъ проявлять свой авторитетъ, Богомъ ему врученный лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые онъ самъ ставитъ своей власти». Крайне неблагопріятное впечатлѣніе произвело на слушателей и введеніе въ хартію, въ которомъ слышались отзвуки тѣхъ же пережившихъ себя принциповъ и идей, которые только что были развиты Дамбре.

Но аудиторія воспрянула духомъ, когда было приступлено къ чтенію самаго текста хартіи [1]). «Хартія», говоритъ Дювержье-де-Горанъ, «сгладила до извѣстной степени въ глазахъ конституціонной партіи изъяны предисловія. Въ ней можно было, конечно» отмѣтить рядъ недочетовъ, но въ цѣломъ она заключала всѣ существенные элементы парламентскаго строя и почти полностью осуществляла общественныя требованія 1789 г».[2]).

Это различное отношеніе палатъ къ рѣчи Дамбре и къ Préambule, съ одной стороны, и къ постановленіямъ хартіи, съ другой стороны, нашло себѣ очень яркое выраженіе и въ тѣхъ адресахъ, которыми Сенатъ и законодательный корпусъ отвѣтили на промульгацію хартіи и въ тѣхъ преніяхъ, которыя предшествовали составленію этихъ адресовъ.

Если адресъ Сената и вышелъ довольно безцвѣтнымъ, то обращеніе къ королю палаты депутатовъ и обсужденіе его настолько характерны, что стоитъ на нихъ остановиться.

---

[1]) Beugnot, Mémoires, p. 555. Simon, p. 115.
[2]) Duvergier de Hauranne, t. II, p. 182.

Digitized by Google

Недовольство «предисловіемъ» было вызвано всего болѣе тѣми мѣстами этого акта, въ которыхъ находила себѣ выраженіе доктрина, по которой учредительная власть принадлежитъ исключительно и неотъемлемо монарху и только ему. Одинъ изъ депутатовъ, Дюрбахъ, хотѣлъ воспользоваться преніями по поводу адреса, чтобы протестовать противъ принципа октроированной хартіи, и собирался произнести рѣчь, которая должна была подробно мотивировать эту его точку зрѣнія. Въ этой рѣчи Дюрбахъ доказывалъ, что октроированная хартія не представляетъ гарантіи прочности конституціоннаго порядка и что она, какъ дарованная королемъ, можетъ всегда быть взята имъ обратно: только та конституція можетъ обезпечить народу завоеванныя имъ права, которая представляетъ собою и по формѣ и по существу общественный договоръ, связывающій обѣ стороны — и народъ и монарха. Большинство законодательнаго корпуса въ принципѣ раздѣляло точку зрѣнія Дюрбаха, но находило нецѣлесообразнымъ въ такой рѣзкой формѣ выразить протестъ по поводу отдѣльныхъ выраженій государственнаго акта, представлявшаго собою лишь придатокъ къ конституціи, основныя постановленія которой вполнѣ удовлетворили общественное мнѣніе. Дюрбахъ уступилъ доводамъ своихъ товарищей и отказался отъ произнесенія задуманной рѣчи, въ особенности послѣ того, какъ въ комиссію по составленію адреса явился министръ внутреннихъ дѣлъ Монтескіу и категорически заявилъ, что авторы предисловія, употребляя выраженіе «октроированная хартія», вовсе не хотѣли вкладывать въ него столь смутившій депутатовъ смыслъ и просто воспользовались старинной юридической формулой [1]), не придавая ей никакого особаго значенія.

Но если недовольство предисловіемъ хартіи и не получило того рѣзкаго выраженія, которое хотѣлъ придать ему Дюрбахъ, то оно тѣмъ не менѣе отразилось достаточно ярко на содержаніи адреса законодательнаго корпуса, въ которомъ очень опредѣленно проглядываетъ отрицательное отношеніе къ принципу октроированной хартіи. Въ этомъ адресѣ подчеркиваются тѣ основныя положенія хартіи, которыя въ глазахъ законодательнаго собранія имѣли особую цѣнность и въ которыхъ оно видѣло отвѣтъ на выставленныя обществомъ требованія, а именно: свобода печати, право петицій [2]),

---

[1]) Il (c.-à.-d. Durbach) fut appelé dans le sein de la commission, ou se rendit aussi le ministre de l'intérieur, qui expliqua qu'en employant l'expression de Charte octroyée on avait fait usage d'une ancienne formule plutôt qu'on n'avait pensé à revendiquer un droit positif. Viel-Castel, t. I, p. 460.

[2]) La Charte ouvre aux accents de la vérité toutes les voies pour arriver jusqu'au trône, puisqu'elle consacre la liberté de la presse et le droit de pétition.

Digitized by Google

ответственность министровъ [1]), гражданская и политическая свободы, независимость суда, судъ присяжныхъ [2]), право пересмотра и улучшеніе законодательства [3]).

Взглядъ на хартію какъ на актъ, изданный въ отвѣтъ на требованія, заявленныя обществомъ, находитъ себѣ выраженіе въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: «Ваше Величество чувствовало, что оно наложитъ на законы Франціи печать большей незыблемости, санкціонируя желанія французовъ и признавая основныя требованія, заявленныя различными учрежденіями и организаціями государства. Прислушиваясь къ желаніямъ всѣхъ, Ваше Величество составило эту конституціонную хартію, въ которой нашли себѣ выраженіе всѣ воли. И этимъ самымъ оно упрочило и устои престола и основы общественной свободы... И мы крѣпко вѣримъ, что это согласіе всѣхъ придастъ этой хартіи характеръ поистинѣ народный [4]).

Людовикъ XVIII даетъ такимъ образомъ конституціонную хартію своему народу во имя начала монархическаго самодержавія, палата же народныхъ представителей принимаетъ ее во имя начала общественнаго самоопредѣленія

Борьба этихъ двухъ началъ и наполнитъ собою политическую жизнь Франціи въ эпоху реставраціи, и она же рѣшитъ вопросъ, какой принципъ одержитъ побѣду, тотъ ли, который провозгласили Бурбоны, или тотъ, который былъ написанъ на знамени, развернутомъ французскимъ обществомъ въ 1789 г.?

А. С. Алексѣевъ.

---

[1]) Entre les garanties qu'elle donne, la France remarquera la responsabilité des ministres qui trahiraient la confiance de Votre Majesté et les droits publics et privés que consacre la Charte constitutionnelle. Archives parlementares, Seconde série, t. XII, p. 40.

[2]) Les principes de la liberté civile se trouvent établis sur l'indépendance du pouvoir judiciaire et la conservation du jury, précieuse garantie de tous les droits (тамъ же).

[3]) Enfin si les droits et les besoins publics faisaient désirer des améliorations, la Charte constitutionnelle, qui renferme en elle-même les moyens de les accorder, doit rassurer toutes les opinions et dissiper toutes les inquiétudes (тамъ же).

[4]) «Arch. parl.» Sec. série, t. XII. p. 40.

Digitized by Google

Государственное единство Англіи и гомруль.

I.

«Океанъ противится отторженію, море противится объединенію»— въ этихъ словахъ національный герой Ирландіи XVIII вѣка, Граттенъ, опредѣлилъ сущность той дилеммы, которая сотни лѣтъ раздирала на части тѣло и душу ирландскаго народа и ставила втупикъ одно поколѣніе англійскихъ государственныхъ людей за другимъ. Сотни лѣтъ Англія проводила по отношенію къ Ирландіи «объединительную» и «націоналистическую» политику. И здѣсь природа и исторія какъ бы намѣренно создали всѣ условія для того, чтобы опытъ такой политики могъ быть поставленъ совершенно «полно» и убѣдительно. Вопросъ о соотношеніи силъ между желѣзнымъ строемъ англійскихъ войскъ и ирландскими полчищами ни разу не возбуждалъ продолжительныхъ сомнѣній. Непобѣдимый флотъ преграждалъ возможность посторонняго вмѣшательства. Не было недостатка ни во времени (700 лѣтъ), ни въ разнообразіи пріемовъ,— можно смѣло сказать, что всѣ методы, примѣненные въ позднѣйшія времена разными континентальными объединителями и націонализаторами, были ранѣе примѣнены въ Ирландіи и притомъ въ такомъ масштабѣ и съ такой жестокой послѣдовательностью, о какихъ въ другихъ странахъ и не мечтали. И всѣ эксперименты оканчивались абсолютнымъ фіаско.

Первый періодъ исторіи Ирландіи со времени первыхъ экспедицій англо-норманскихъ бароновъ въ первой половинѣ XII вѣка и принятія королемъ Генрихомъ II dominium Hiberniale въ ленъ отъ папы въ 1172 г., — можно назвать опытомъ «англицизаціи» острова при посредствѣ автономной англійской колоніи (такъ наз. english pale), образованной на восточномъ берегу Ирландіи. Обладая собственными учрежденіями, представлявшими копію съ англійскихъ, и, съ 1265 г., собственнымъ парламентомъ изъ тѣхъ же двухъ палатъ, колонія была объединена съ Англіей лишь весьма слабой, вѣчно «отсутствующей» королевской властью. По отношенію

Digitized by Google

къ туземцамъ въ это время проводилась политика истребленія. На нихъ право колоніи вовсе не распространялось (убійство ирландца было ненаказуемо). Противъ смѣшенія переселенцевъ-англичанъ съ ирландцами принимались крайнія мѣры, — вплоть до смертной казни за бракъ съ ирландкой (Килькеннійскій статутъ 1328 г.). Несмотря на это, къ концу XV вѣка колонизація Ирландіи и распространеніе англійскаго владычества не только не сдѣлали никакихъ успѣховъ, но сами англійскіе выходцы подверглись почти полной «ирландизаціи». Норманскіе бароны, проникнувшіе вглубь страны и подчинившіе себѣ туземныя племена, быстро усвоивали роль туземныхъ вождей, стали «болѣе ирландцами, чѣмъ сами ирландцы» (ipsis hibernis hiberniores). Въ самой колоніи ирландскіе языкъ[1]) и культура, ирландское право медленно вытѣсняли англійскіе. Ко времени вступленія на престолъ Генриха VII территорія, признаваемая «англійской», сократилась до какихъ-нибудь 20 миль вокругъ города Дублина.

Окрѣпшая королевская власть при Тюдорахъ произвела полный переворотъ въ политикѣ относительно Ирландіи. Прежде всего была ограничена автономія «pale». По закону Пойнингса, принятому терроризованнымъ ирландскимъ парламентомъ въ 1494 г., дѣйствіе англійскихъ статутовъ, изданныхъ до этого момента, было распространено на Ирландію; на будущее время ирландскій парламентъ и ирландскій правительственный органъ, тайный совѣтъ, лишались права законодательной иниціативы въ пользу англійскаго тайнаго совѣта. Правительственный терроръ, — а со времени Якова I и пожалованіе избирательныхъ правъ городамъ и мѣстечкамъ по усмотрѣнію короля (какъ и въ Англіи, но въ несравненно большихъ размѣрахъ), — обезпечивали исполненіе королевскихъ требованій парламентомъ, несмотря на его постоянную, но робкую оппозицію[2]). Кромѣ того, начиная съ половины XVI вѣка, раболѣпный англійскій парламентъ того времени сталъ по требованію королевской власти издавать въ порядкѣ «общеимперскаго законодательства» законы относительно Ирландіи. Въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ идетъ непрерывный споръ о томъ, есть ли Ирландія англійское владѣніе (dependency) или особое государство (realm). Каковы бы ни были аргументы ирландскихъ юристовъ [3]), «фактъ» былъ на

---

[1]) Еще въ 1541 г. въ ирландскомъ парламентѣ былъ всего одинъ членъ, умѣвшій говорить по-англійски. S. Paul Dubois, L'Irlande contemporaine et la question irlandaise, 1907, p. 375.

[2]) Miss Green, Irish nationality въ сборн. «The new Irish Constitution», ed. by J. H. Morgan, 1912, p. 238—248.

[3]) Изъ англійскихъ юристовъ и Кокъ и Блэкстонъ высказывались въ пользу перваго мнѣнія.

Digitized by Google

сторонѣ Англіи... Наконецъ, въ Дублинѣ учреждено отдѣленіе звѣздной палаты и развился неслыханный въ Англіи административный произволъ.

Утвердивъ такимъ образомъ связь «англійской» территоріи съ Англіей, правительство рѣшительно взялось за расширеніе этой территоріи. Путемъ ряда кровавыхъ походовъ въ теченіе XVI вѣка вся Ирландія была фактически подчинена королевской власти и раздѣлена на графства съ англійскимъ порядкомъ управленія. «English Pale» превратился въ «ирландское королевство». При Генрихѣ VIII правительство серьезно стало ассимилировать мѣстное населеніе. Отнынѣ оно было признано подданными короля наравнѣ съ англичанами и на него было распространено дѣйствіе англійскаго права. Король жестоко преслѣдовалъ ослушниковъ, безъ различія, были ли то англичане или ирландцы; зато лояльные вожди ирландскихъ клановъ получали королевскіе патенты на земли племенъ; представители ихъ призывались въ парламентъ; наиболѣе могущественные жаловались въ пэры Ирландіи. Но начиная съ Маріи Кровавой, правительство, стремясь найти выходъ для созданнаго обезземеленіемъ англійскихъ крестьянъ перенаселенія въ Англіи, перешло къ политикѣ колонизаціи Ирландіи англичанами и истребленія мѣстнаго населенія. При карательныхъ экспедиціяхъ Елизаветы королевскія войска не только убивали все населеніе данной мѣстности, но планомѣрно истребляли жилища и посѣвы, обращая половину страны въ пустыню[1]). Милліоны акровъ земли были конфискованы, при чемъ все ихъ населеніе подвергалось изгнанію[2]); земля раздавалась англійскимъ дворянамъ, съ обязательствомъ привлекать переселенцевъ изъ Англіи. На Ирландію далѣе былъ распространенъ законъ о «единообразіи исповѣданія» и началось постепенно все усиливавшееся гоненіе на ирландцевъ, уже въ качествѣ католиковъ[3]).

Путемъ такой политики удалось къ половинѣ XVII вѣка въ самомъ дѣлѣ добиться установленія въ политическомъ отношеніи системы чистаго абсолютизма[4]); англійскій парламентъ не безъ основанія опасался поползновеній королевской власти использовать Ирландію въ борьбѣ съ англійскимъ народомъ. Но объ англицизаціи

---

[1]) Lecky, Geschichte Englands im XVIII Jahrh, нѣм. пер., II. S. 101.

[2]) Между тѣмъ какъ по ирландскому «брегонскому» праву земля признавалась собственностью всего племени, правительство и королевскіе суды считали ее полной собственностью вождя, и поэтому при опалѣ вождя изгонялось все подвластное ему населеніе. См. ibid., II, S. 109 ff.

[3]) Ibid., II, S. 125 ff.

[4]) «Король здѣсь такъ неограниченъ, какъ только можетъ быть неограниченъ какой бы то ни было государь на свѣтѣ», — писалъ Страффордъ. Ibid, II, S. 123.

Digitized by Google

страны не могло быть рѣчи. Надежды правительства на колонизацію не осуществились. Единственнымъ исключеніемъ была Ульстерская «плантація» 1602 г. сохранившаяся благодаря непрерывному переселенческому движенію среди преслѣдуемыхъ на родинѣ шотландскихъ диссидентовъ и оставшаяся навсегда «пертурбаціоннымъ элементомъ» въ ирландской жизни. Въ остальныхъ частяхъ Ирландіи колонисты быстро сливались съ окружающимъ населеніемъ. Въ видѣ особаго элемента сохранились только новые помѣщики-англичане, глубоко ненавидимые населеніемъ, которое они превратили изъ участниковъ общиннаго владѣнія въ арендаторовъ этой земли; но и они, когда королевскій деспотизмъ затронулъ ихъ интересы, въ значительной части стали поборниками автономіи Ирландіи. Масса населенія продолжала держаться католической религіи, и старый національный антагонизмъ «Englishry» и «Irishry» былъ увѣковѣченъ въ формѣ антагонизма религіознаго. «Избіеніе протестантовъ» 1641 г., а затѣмъ «великій мятежъ» всей страны во главѣ съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ за католическую религію и возстановленіе старой автономіи, — возстаніе, направленное противъ короля, пока онъ оставался представителемъ Англіи, а затѣмъ вступившее съ нимъ въ соглашеніе противъ Англіи, — было крахомъ націонализаторской и объединительной политики абсолютизма. Дикая анархія, свирѣпствовавшая въ Ирландіи въ теченіе десяти лѣтъ, пока Англія была занята внутренними междуусобицами, — анархія, при которой однако всѣ враждующія партіи объединялись въ ненависти къ Англіи и стремленіи къ полной независимости отъ нея, — была достойнымъ завершеніемъ этой политики.

На смѣну этой политикѣ пришелъ демократическій унитаризмъ дѣятелей пуританской республики, отличавшихся отъ позднѣйшихъ континентальныхъ представителей подобныхъ же идеологій несомнѣнно большей искренностью и несравненно большимъ запасомъ суровой энергіи. «Пусть народъ Ирландіи знаетъ» — заявлялъ Долгій Парламентъ въ введеніи къ закону объ устройствѣ Ирландіи (Act of Irish settlement, 1652 г.), «что парламентъ не имѣетъ намѣренія истребить весь народъ; напротивъ всѣмъ крестьянамъ, пахарямъ, рабочимъ, ремесленникамъ и инымъ членамъ низшихъ классовъ даруется полная милость въ отношеніи ихъ жизни и имущества». Но католическая церковная организація и ея опора, старое ирландское дворянство подлежали полному уничтоженію. Съ точки зрѣнія силы вопросъ былъ рѣшенъ съ быстротою молніи. Ирландскіе повстанцы разсѣивались «какъ пыль» при первой же атакѣ кирасировъ Кромвелля; чудо-

Digitized by Google

вищная операція была выполнена безпрепятственно. Изъ 20 милліоновъ акровъ, составляющихъ площадь Ирландіи, 11 милліоновъ было конфисковано и роздано «спекулянтамъ», ссудившимъ парламентъ средствами на войну, и солдатамъ Кромвелля. Не болѣе $2^1/_2$ мил. оставалось въ рукахъ католиковъ, составлявшихъ $^4/_5$ населенія [1]). Остатки феодальнаго права были отмѣнены и отношенія собственника и арендатора отнынѣ основывались на свободномъ договорѣ. Ирландія была превращена въ англійскую провинцію и представители ея протестантскаго населенія были призваны въ парламентъ англійской республики. Реставрація возстановила status quo въ политическомъ отношеніи, но почти ничего не измѣнила въ создавшихся соціальныхъ условіяхъ. На выборахъ въ ирландскій парламентъ англійскіе помѣщики имѣли отнынѣ подавляющее большинство. Ирландское національное дворянство, какъ классъ, перестало существовать. Его мѣсто занялъ англо-ирландскій «лэндлордизмъ», — послѣдняя и самая обширная англійская «надстройка» надъ ирландской массой. Колонизація въ собственномъ смыслѣ слова не удалась, дѣти солдатъ Кромвелля уже не знали по-англійски. И послѣ тридцати пяти лѣтъ безраздѣльнаго господства англійскаго протестантскаго элемента въ политическомъ и соціальномъ отношеніи ирландскій народъ снова возсталъ какъ одинъ человѣкъ въ 1689 г., за изгнаннаго изъ Англіи католическаго государя — чтобы истечь кровью подъ стѣнами Лондондерри и въ битвѣ на р. Бойнѣ.

Методы королевскаго абсолютизма и пуританскаго мѣщанства отличались грубой прямолинейностью. Торжествующая въ концѣ XVII вѣка аристократія иначе взялась за дѣло. Въ Ирландіи была создана система угнетенія, не имѣющая равной по остроумію, сложности и раффинированности. Рядомъ законовъ, изданныхъ ирландскимъ парламентомъ («penal laws») создавшееся фактическое положеніе получило юридическую санкцію; католическое населеніе было превращено и юридически въ паріевъ, лишенныхъ не только политическихъ, но и элементарныхъ гражданскихъ правъ. Созданная конфискаціями пролетаризація коренного населенія закрѣплена воспрещеніемъ католикамъ пріобрѣтать недвижимость на правѣ собственности или долгосрочной аренды. Возможность соціальнаго подъема преграждена воспрещеніемъ устройства промышленныхъ предпріятій, закрытіемъ доступа къ либеральнымъ профессіямъ,

[1]) Всѣ землевладѣльцы-католики, за исключеніемъ 26 лицъ, лишились своихъ владѣній, — притомъ, смотря по мѣрѣ участія ихъ въ возстаніи, или безъ всякаго вознагражденія, или же имъ отводилась земля въ размѣрѣ $^2/_3$ или $^1/_3$ ихъ прежняго владѣнія въ худшей части Ирландіи, Коннаутской провинціи. Bonn, Die englische Kolonisation in Irland, 1906, II, S. 32—40.

Digitized by Google

къ короннымъ должностямъ, наконецъ лишеніемъ права гражданства въ муниципалитетахъ и политическаго избирательнаго права. Единственнымъ занятіемъ массы населенія являлась обработка помѣщичьей земли, на основѣ краткосрочной аренды. Въ качествѣ арендатора, крестьянинъ былъ свободной стороной по договору, а потому могъ быть изгнанъ по волѣ лендлорда или кулака-посредника (middleman), которые и воспользовались этимъ, производя въ половинѣ XVIII вѣка грандіозныя «очистки» (clearances), когда крупное скотоводство оказалось выгоднѣе мелкой земледѣльческой аренды; въ качествѣ католика крестьянинъ не могъ заключить договора, при которомъ арендная плата составляла бы менѣе $^2/_3$ чистаго дохода. Права обѣихъ сторонъ охранялись судомъ, въ которомъ католикъ не могъ быть ни судьей, ни присяжнымъ, ни повѣреннымъ. Преслѣдованіе за исповѣданіе, какъ таковое, прекратилось; взамѣнъ этого культъ и духовенство были обставлены рядомъ стѣснительныхъ и унизительныхъ условій. Надъ этой безправной массой, воздвигалась протестанская колонія, въ свою очередь раздѣленная на диссидентское, (а поэтому ограниченное въ многихъ правахъ) большинство населенія Ульстера и насажденную и охраняемую англійскими штыками англиканскую касту («протестансткую гегемонію», protestant ascendancy). Въ рукахъ этой послѣдней находилось и мѣстное управленіе (въ лицѣ мировыхъ судей и «большихъ жюри»), представлявшее собою не столько копію, сколько карикатуру англійскихъ порядковъ[1]) и большинство административныхъ и судебныхъ должностей; изъ членовъ ея состоялъ парламентъ. На вершину пирамиды ни одинъ ирландецъ вообще не могъ проникнуть. Высшіе административные и судебные посты составляли монополію коренныхъ англичанъ. Ирландскій парламентъ, полномочный въ дѣлѣ угнетенія коренного населенія, былъ беззащитенъ по отношенію къ англійскому правительству. «Гнилыя мѣстечки» были здѣсь не злоупотребленіемъ, а основой всей системы представительства. Изъ трехсотъ членовъ палаты общинъ 197 назначались отдѣльными лицами, и съ этими лицами, «подрядчиками» (undertakers) правительство вступало въ соглашеніе о поставкѣ нужнаго большинства. По закону Пойнингса палаты лишены были какъ права формальной иниціативы, такъ и права вносить поправки въ законопроекты предлагаемые англійскимъ тайнымъ совѣтомъ. Онѣ могли только (какъ это было выработано практикой) подавать петиціи о внесеніи билля такого-то содержанія» (Heads of bill), но эти прошенія прежде всего

[1]) Lecky, II, S. 319.

Digitized by Google

направлялись въ ирландскій тайный совѣтъ, а затѣмъ съ его заключеніемъ въ тайный совѣтъ англійскій (фактически англійскому министерству), гдѣ они или клались подъ сукно или возвращались съ его поправками уже въ формѣ билля въ ту же палату для дальнѣйшаго движенія, при чемъ палаты могли только принять или отвергнуть билль въ цѣломъ [1]). И наконецъ, надъ Ирландіей возвышалась «общеимперская» законодательная власть англійскаго парламента, формально подтвердившаго это свое право «декларативнымъ актомъ»» 1721 г. И Англія умѣла подчинять интересы «подвластной окраины» тому, что она считала интересами «державнаго центра». Когда развившаяся во второй половинѣ XVII вѣка ирландская текстильная промышленность (находившаяся исключительно въ рукахъ протестантовъ) стала грозить серьезной конкуренціей промышленности англійской, она была сознательно разрушена путемъ исключенія Ирландіи изъ колоніальной торговли (1696 г.), а затѣмъ посредствомъ абсолютнаго запрещенія вывоза текстильныхъ издѣлій (1699 г.). Населеніе Ульстера было обречено на обнищаніе и эмиграцію въ Америку [2]), и возможность экономическаго прогресса страны была закрыта почти на два столѣтія. Въ томъ же порядкѣ (въ 1719 г.) ирландская палата лордовъ была лишена апелляціонной юрисдикціи въ пользу англійской палаты лордовъ [3]).

Результаты этой системы окончательно выяснились въ 70-мъ гг. XVIII вѣка. Крестьянская масса была охвачена аграрнымъ террористическимъ движеніемъ (движеніемъ «бѣлыхъ парней», whiteboyism); напрасно лэндлорды, съ цѣлью напугать Англію, старались выставить его религіознымъ и политическимъ движеніемъ, возбуждаемымъ папой и субсидируемымъ Франціей,—хотя, по выраженію англійскаго наблюдателя, настроеніе населенія было таково, что если бы въ Ирландіи высадился алжирскій дей, то и онъ нашелъ бы приверженцевъ [4]). Напротивъ, среди ульстерскихъ протестантовъ и части дворянства возникло «ирландское патріотическое» движеніе. Въ памфлетахъ Молине и Свифта старое требованіе возстановленія прежней автономіи пріобрѣло, на почвѣ естественно-правовыхъ ученій того времени, характеръ принципіальной идеологіи. Теперь это была идея «Ирландіи-націи» (Ireland a nation). Во имя права самоопредѣленія этой «націи» (подъ которой на самомъ дѣлѣ понималась небольшая кучка ирландскихъ протестантовъ) требовались

---

[1]) Ibid., IV, S. 374, 381 ff.
[2]) Ibid., II, S. 223 ff.
[3]) Ibid., II, S. 453.
[4]) Ibid., IV, S. 363 Anm. 1.

Digitized by Google

прекращеніе англійскаго законодательства относительно Ирландіи и отмѣна закона Пойнингса. И даже аристократія и парламентское большинство примкнули къ патріотамъ, какъ только англійское правительство попыталось освободиться отъ «подрядчиковъ». Когда Англія, вслѣдствіе американской войны, принуждена была вывести изъ Ирландіи войска, водворенная ею «колонія» отплатила метрополіи. Самочинно организованная національная гвардія («волонтеры»), состоявшая исключительно изъ протестантовъ, подъ командой представителей высшей аристократіи, немедленно же потребовала свободы торговли, а затѣмъ и возстановленія Ирландіи, какъ государства [1]). Въ 1779 г. Англія принуждена была согласиться на первое, въ 1782 г. и на второе. 16 апрѣля 1782 г. члены ирландскаго парламента по улицамъ, оцѣпленнымъ волонтерами, собрались на свое едва ли не единственное славное засѣданіе. «Я говорю со свободнымъ народомъ,—началъ свою рѣчь вождь патріотовъ Греттенъ. Вѣка прошли, но вы впервые заслуживаете такого обращенія». Онъ закончилъ требованіемъ отмѣны «иностраннаго законодательства» и «иностранной судебной власти» надъ Ирландіей. Парламентъ принялъ адресъ королю, заявлявшій, что хотя «корона Ирландіи есть имперская корона (an imperial crown), неразрывно связанная съ короной Великобританіи», но «Ирландское королевство есть особое королевство со своимъ парламентомъ, его единственной законодательной властью», состоящей изъ «короля, лордовъ и общинъ Ирландіи» [2]). Напрасно англійское правительство, въ переговорахъ съ Греттеномъ, пыталось добиться согласія на закрѣпленіе хотя бы связи въ области иностранной политики и обороны [3]). Англійскій парламентъ долженъ былъ не только отмѣнить декларативный законъ 1721 г., но торжественно признать, что право законодательства относительно Ирландіи принадлежитъ исключительно «королю, лордамъ и общинамъ Ирландіи». Съ своей стороны ирландскій парламентъ отмѣнилъ законъ Пойнингса. Ирландія стала юридически суверенымъ государствомъ съ собственной арміей, соединеннымъ съ Англіей только личностью короля. Отношенія двухъ странъ отнынѣ, по словамъ Греттена, опредѣлялись «международнымъ правомъ» [4]). Таковъ былъ конецъ тонкой системы, построенной на принципѣ divide et impera.

[1]) Съ цѣлью привлечь на свою сторону массы, патріоты заговорили и о «своихъ католическихъ соотечественникахъ». Нѣкоторыя облегченія были въ 1779 г. приняты ирландскимъ парламентомъ. Ibid, IV, S. 563 ff.

[2]) Life of Grattan by his son, II, p. 237.

[3]) Lord Fitzmaurice, 1782 and 1912. «The new Irish Constitution», p. 270—278. См. переписку въ Life of Grattan by his son, II, p. 286 ss.

[4]) Lord Fitzmaurice, l. c., p. 278. Любопытный инцидентъ произошелъ въ 1788 г. по случаю помѣшательства Георга III. Какъ извѣстно, англій-

Digitized by Google

Благородные идеалисты, какъ Греттенъ, могли думать, что «ирландская нація возстала въ своемъ величіи» и что «два народа навѣки соединены узами свободы и мира» [1]). Но немедленно же выяснилась другая сторона вопроса. Исторія ирландскаго государства («парламента Греттена») при всемъ внѣшнемъ различіи чрезвычайно напоминаетъ исторію Польши того же времени. Какъ и тамъ, охрана государственности оказалась несовмѣстимой съ интересами правящаго класса. Объ «ирландской націи» не могло быть рѣчи, пока $^4/_5$ населенія были безправными «объектами» государственной власти. О государственной самостоятельности не могло быть рѣчи, пока исполнительная власть, благодаря праву королевскаго назначенія на высшія должности, оставалась фактически въ рукахъ Англіи. Поставить администрацію въ зависимости отъ себя, какъ того хотѣли патріоты, могъ бы только парламентъ, независимый отъ «подрядчиковъ» и подкупа. Но ни эмансипація католиковъ, ни избирательная реформа не были совмѣстимы съ интересами лэндлордовъ. Здѣсь они оказались еще болѣе консервативными, чѣмъ само англійское правительство. Противъ воли аристократіи, противъ воли даже парламентскихъ патріотовъ (кромѣ впрочемъ Греттена) правительство Питта въ 1793 г. провело частичную эмансипацію (нераспространявшуюся на коронныя должности и пассивное избирательное право). Когда же въ 1795 г. новый намѣстникъ Ирландіи лордъ Фицвилліамъ попытался разорвать съ «подрядчиками» и вступить въ союзъ съ патріотами, ирландская аристократія посредствомъ интригъ въ Лондонѣ принудила отозвать его черезъ три недѣли послѣ его пріѣзда. Между тѣмъ подъ вліяніемъ французской революціи и въ Ирландіи возникло демократическое теченіе, выразившееся въ вышедшей изъ среды волонтеровъ организаціи «объединенныхъ ирландцевъ», требовавшихъ полнаго равенства всѣхъ гражданъ и всеобщаго избирательнаго

ская палата общинъ, по предложенію Питта, признала, что регентство должно быть назначено въ законодательномъ порядкѣ и что, разъ королевская власть лишена возможности дѣйствовать, то такой законъ, имѣющій цѣлью дать ей эту возможность, можетъ быть изданъ властью однѣхъ палатъ. То же самое правительство предложило и ирландскому парламенту. Такимъ образомъ выходило, что парламенты, дѣйствуя въ этомъ случаѣ абсолютно независимо другъ отъ друга, могли бы издать совершенно различные законы, напримѣръ, назначить регентами разныхъ лицъ. На самомъ дѣлѣ произошло столкновеніе другого рода. Ирландскій парламентъ вообще отвергъ доктрину Питта и присоединился къ мнѣнію Фокса, полагавшаго, что регентство de pleno iure принадлежитъ наслѣднику. Поэтому онъ отказался вырабатывать законъ и, вмѣсто того, принялъ адресъ принцу Уэльскому вступить въ осуществленіе королевской власти въ Ирландіи. Намѣстникъ Ирландіи отказался препроводить адресъ по назначенію, считая его незаконнымъ. Но въ этотъ моментъ король выздоровѣлъ. См. Dunlop, Grattan, p. 95 ss.

[1]) Dunlop, Grattan, p. 46, 54.

Digitized by Google

права. Вслѣдствіе репрессій это движеніе вскорѣ приняло чисто-революціонный характеръ; только англійскій флотъ мѣшалъ имъ осуществить свои планы съ французской помощью. Теперь «автономные» лэндлорды отчаянно завопили объ англійскомъ вмѣшательствѣ. Съ помощью провокаціи мѣстныхъ властей удалось вызвать взрывъ религіознаго фанатизма въ Ульстерѣ; возникли организаціи «оранжистовъ» для защиты протестантской гегемоніи; начались погромы католиковъ, вызвавшіе и соотвѣтствующій отпоръ. Наконецъ въ 1798 г. вспыхнули и аграрный бунтъ и политическая революція; нѣсколько позже высадился французскій отрядъ, «pour terrasser l'aristocratie». Какъ только дошло до дѣла, «ирландская армія» оказалась никуда негодной «шайкой разбойниковъ» [1]). Снова наступила полная анархія, пока англійскіе штыки не возстановили мертвый покой. Въ атмосферѣ военныхъ судовъ и висѣлицъ, въ Дублинѣ, обращенномъ въ англійскій военный лагерь, ирландскій парламентъ собрался на свою послѣднюю сессію.

Растоптавъ ирландскую революцію, Питтъ рѣшилъ покончить и съ государственностью лэндлордовъ. Считая эмансипацію католиковъ необходимой, онъ видѣлъ въ объединеніи Ирландіи съ Англіей единственную гарантію интересовъ «собственности» въ Ирландіи, гарантію противъ превращенія Ирландіи въ демократію, опасную для тѣхъ же интересовъ въ Англіи. Въ «уніи» же видѣли спасеніе и крайніе реакціонеры среди ирландской аристократіи, но въ «уніи протестантской», какъ гарантіи противъ эмансипаціи католиковъ [2]). Какъ бы то ни было, большинство обѣихъ палатъ ирландскаго парламента сдалось на полновѣсные аргументы англійскаго казначейства. Масса населенія отнеслась къ перемѣнѣ господъ съ глубокимъ равнодушіемъ. Протестовали только ульстерцы и маленькая группа «неподкупныхъ» членовъ парламента во главѣ съ Греттеномъ. Напрасно онъ предсказывалъ своимъ соотечественникамъ горькую судьбу. «Изъ преній имперскаго парламента вы узнаете, что у васъ есть нужды; изъ послѣдствій этихъ преній вы узнаете, что у васъ нѣтъ парламента, для того, чтобы удовлетворить эти нужды; вы узнаете, что лишить націю надежды — не лучшее средство предотвратить ея отчаяніе... Объединеніе безъ единства сердецъ, объединеніе съ особымъ управленіемъ, но безъ особаго парламента — это уничтоженіе, это поруганіе, это порабощеніе, а не объединеніе!». Въ послѣдней своей рѣчи онъ могъ только апеллировать къ будущему: «Ирландія въ обморокѣ, она лежитъ въ могилѣ, но она не умерла» [3]). 1 августа 1800 г., по тождествен-

[1]) Ibid., p. 174, 178.
[2]) Ibid., p. 181—183.
[3]) Ibid., p. 196—199.

Digitized by Google

ному закону, принятому обоими парламентами, ирландское королевство перестало существовать; возникло «Соединенное Королевство Великобританіи и Ирландіи», унитарное государство подъ властью единаго парламента. 100 мѣстъ въ этомъ парламентѣ были гарантированы Ирландіи. Такъ кончился краткій сонъ ирландской государственности. Для обѣихъ сторонъ унія была актомъ отчаянія — послѣднимъ средствомъ спасти протестантскую гегемонію и англійское владычество. Ирландское дворянство передало власть надъ своей вотчиной въ другія руки. Англія приняла въ свое лоно провинцію, на ассимиляцію и даже на лояльность которой послѣ всѣхъ опытовъ, казалось, не могло быть никакой надежды. Ирландскій вопросъ оставался квадратурой круга.

II.

Paribus se legibus ambae
Invictae gentes aeterna in fedeta mittant

заявлялъ Питтъ. На самомъ дѣлѣ o pares leges не могло быть рѣчи уже потому, что Ирландія въ теченіе всего XIX вѣка почти не знала нормальнаго порядка управленія. Сложная система XVIII вѣка замѣнена была однимъ простымъ средствомъ — диктатурой. Первый законъ, изданный парламентомъ Соединеннаго Королевства относительно Ирландіи (въ 1800 г.) былъ законъ о пріостановленіи дѣйствія Habeas Corpus Act'a. Серія временныхъ законовъ, предоставлявшихъ администраціи болѣе или менѣе широкія исключительныя полномочія (такъ наз. Coercion Acts), издававшихся на годъ или на нѣсколько лѣтъ, слѣдуетъ почти непрерывно до 1886 г. Въ частности Habeas Corpus Act пріостанавливался 11 разъ, на 15 лѣтъ въ общемъ. Наконецъ въ 1887 г. былъ изданъ «законъ Бальфура» (Irish Crimes Act), постоянный законъ объ исключительномъ положеніи по континентальному образцу; введеніе его въ дѣйствіе во всей Ирландіи или какой-либо ея части зависитъ отъ усмотрѣнія намѣстника. Законъ этотъ донынѣ неотмѣненъ и примѣненіе его совершенно прекратилось только при нынѣшнемъ правительствѣ (съ 1905 г.). Но и независимо отъ этого единство Великобританіи и Ирландіи фактически ограничивается единствомъ законодательнаго органа, финансовой системы (съ 1816 г.), арміи и флота и высшаго апелляціоннаго суда — палаты лордовъ [1]). Въ отношеніи

[1]) Общность (далеко не полную) гражданскаго и уголовнаго права нельзя принимать во вниманіе, такъ какъ и до уніи common law дѣйствовало въ Ирландіи.

Digitized by Google

содержанія законодательства, а также судоустройства и администраціи Ирландія до настоящаго времени остается самостоятельной единицей. До сихъ поръ она управляется рядомъ самостоятельныхъ вѣдомствъ, сосредоточенныхъ въ «Дублинскомъ замкѣ» и составленныхъ изъ замкнутаго, рекрутируемаго главнымъ образомъ изъ среды лэндлордовъ и ульстерцевъ, чиновничества. Во главѣ этой организаціи стоитъ номинально лордъ-намѣстникъ, фактически его «старшій секретарь», членъ парламента и кабинета, являющійся единоличнымъ правителемъ Ирландіи. Тѣ вѣдомства (какъ, напр., внутреннихъ дѣлъ, мѣстнаго управленія, торговли), во главѣ каждаго изъ которыхъ въ Англіи стоятъ отвѣтственные передъ парламентомъ министры, въ Ирландіи существуютъ въ видѣ бюрократическихъ коллегій и канцелярій, подчиненныхъ одному парламентскому главѣ, «первому министру, не имѣющему кабинета», который къ тому же принужденъ большею частью управлять ими изъ Лондонскаго далека[1]). Въ области мѣстнаго управленія въ первой половинѣ XIX вѣка были проведены нѣкоторыя реформы, но на основаніяхъ, діаметрально-противоположныхъ англійскимъ началамъ. Въ 1836 г. правительство, отчаявшись въ возможности когда-либо превратить ирландскихъ лэндлордовъ во что-либо похожее на англійское джентри, сразу въ двухъ направленіяхъ ограничило ихъ права по самоуправленію и мѣстному суду. «Въ помощь» мировымъ судьямъ были даны «постоянные судьи» (Resident Magistrates), также не юристы, но получающіе казенное жалованіе, назначаемые и увольняемые намѣстникомъ, и юридически и еще болѣе фактически скорѣе напоминающіе нашихъ земскихъ начальниковъ, нежели англійскихъ мировыхъ судей[2]); съ другой стороны, полиція была вовсе изъята изъ вѣдомства мировыхъ судей и организована въ видѣ «королевскаго ирландскаго корпуса жандармовъ» (Royal Irish Constabulary), подчиненнаго лорду-намѣстнику, чисто-военной организаціи[3]).

Министерство, проведшее объединеніе, было первымъ министерствомъ, павшимъ изъ-за ирландскаго вопроса. Вслѣдствіе сопротивленія Георга III Питтъ не могъ осуществить эмансипаціи католиковъ и вышелъ въ отставку. На почвѣ этого-то вопроса возникло новое ирландское національное движеніе, національно-ирландское уже въ собственномъ смыслѣ. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ демократической организаціи въ концѣ XVIII вѣка защита интересовъ

[1]) Если ирландская бюрократія чѣмъ знаменита, то это своимъ умѣніемъ обращать въ ничто правительственныя благія начинанія. Paul Dubois, p. 177—182.
[2]) См. ibid., p. 192 ss.
[3]) Ibid, p. 186 ss.

Digitized by Google

католиковъ долгое время оставалась въ рукахъ «естественныхъ вождей» — узкаго круга католическаго дворянства и «лояльной» зажиточной буржуазіи, придерживавшихся политики «достойнаго молчанія» и безуспѣшныхъ ходатайствъ передъ правительствомъ. Въ концѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка на сцену выступилъ новый элементъ — представители либеральныхъ профессій (доступъ къ которымъ былъ открытъ католикамъ въ 1793 г.), во главѣ которыхъ сталъ адвокатъ О'Коннель. Началось представленіе петицій объ эмансипаціи въ палату общинъ, поддерживавшихся Греттеномъ и либеральными ирландскими депутатами. Въ 1813 г., по поводу выработаннаго правительствомъ Каннинга проекта эмансипаціи, подъ «гарантіей» предоставленія правительству права утвержденія назначаемыхъ папой епископовъ, вызвавшаго чрезвычайное недовольство въ католическомъ духовенствѣ и народной массѣ, «естественные вожди» были свергнуты О'Коннелемъ[1]). Проектъ остался безъ движенія, дальнѣйшія петиціи отвергались, но новое движеніе росло и ширилось въ ирландской массѣ при дѣятельномъ участіи духовенства. Въ 1823 г. оно организовалось въ видѣ знаменитой «католической ассоціаціи».

Вѣроисповѣдное, отчасти клерикальное по своему составу, націоналистическое по идеологіи, новое движеніе въ политическомъ отношеніи восприняло идею ирландской государственности, «отмѣны уніи» (Repeal). Сама по себѣ эта идея никогда не умирала. Еще въ 1810 г. она была принята на собраніи Дублинскаго протестантскаго бюргерства[2]). Но теперь знамя перешло въ руки самого ирландскаго народа. Для новаго поколѣнія ирландской демократіи корень зла заключался въ англійскомъ владычествѣ, какъ таковомъ. Англія насадила «протестантскую гегемонію», она поддержала ее уніей, она охраняла ее исключительными законами. Возникла (до сихъ поръ не забытая нѣкоторыми ирландскими націоналистами[3]) легенда о «парламентѣ Греттена», какъ о какомъ-то начинавшемся золотомъ вѣкѣ, прерванномъ только благодаря коварству Англіи. Но внутренній смыслъ «ирландскаго патріотизма» совершенно измѣнился. «Ирландія — нація» и даже «король, лорды и общины Ирландіи» означали уже не требованіе государственной автономіи для англійской колоніи, а напротивъ требованіе освобожденія «ирландцевъ» отъ «англичанъ», «кельтовъ» отъ «саксовъ», — лозунгъ, направленный прежде всего противъ самой этой колоніи.

---

[1]) Hamilton, Daniel O'Connell, 1909, p. 27—40.
[2]) Dunlop, p. 216.
[3]) См., напр., S. Gwynn, The case for Home Rule, 1912, p. 21.

Digitized by Google

О'Коннель является если не «изобрѣтателемъ», то во всякомъ случаѣ первымъ «мастеромъ» новаго орудія политической борьбы, вошедшаго съ тѣхъ поръ во всеобщій обиходъ: легальной массовой агитаціи и организаціи. Выяснилась первая реальная, но несомнѣнно неожиданная выгода для Ирландіи отъ уніи. Въ Ирландіи теперь было правительство, дѣйствительно связанное буквой закона; Англія, такъ часто побѣждавшая ирландскія возстанія, оказалась безсильной передъ юридическими уловками адвоката, двигавшагося «по краю законности». Несмотря на отчаянныя мѣры администраціи, несмотря на законы, спеціально противъ нея издававшіеся, католическая ассоціація, мѣняя названіе и уставъ, открыто дѣйствовала въ теченіе шести лѣтъ, организуя буквально всю массу населенія Ирландіи, непрерывно устраивая митинги въ каждомъ приходѣ, собирая изъ крошечныхъ членскихъ взносовъ «католическую ренту» въ десятки тысячъ фунтовъ въ годъ и въ то же время удерживая населеніе отъ насилія несмотря на провокацію ульстерскихъ оранжистовъ. Избирательное право въ то время принадлежало всякому собственнику недвижимости въ 40 шиллинговъ годового дохода. Со времени предоставленія активнаго избирательнаго права католикамъ въ 1793 г. лэндлорды пользовались этимъ, раздавая зависимому населенію клочки земли, для созданія «голосующаго стада». Въ 1826 г. разразился громовой ударъ: крестьяне повсюду проваливали своихъ помѣщиковъ, выбирая либеральныхъ протестантовъ; въ 1829 г. самъ О'Коннель былъ выбранъ вопреки закону [1]). Въ 1826 г. палата общинъ приняла билль о равноправіи. Въ палатѣ лордовъ герцогъ Іоркскій, братъ короля, лично выступилъ противъ билля и онъ былъ отвергнутъ. Наконецъ въ 1829 г., когда власть по охраненію мира въ Ирландіи явно перешла отъ правительства къ католической ассоціаціи, когда главнокомандующій и первый министръ Веллингтонъ не считалъ уже возможнымъ полагаться на ирландскіе полки [2]), консервативное правительство провело законъ, по которому католики получали полное равноправіе; тѣмъ же закономъ избирательный цензъ въ Ирландіи былъ значительно повышенъ. Въ отношеніи коронныхъ должностей равноправіе надолго (по крайней мѣрѣ до эпохи Гладстона) осталось мертвой буквой. Но въ англійскомъ парламентѣ появились депутаты — ирландцы, которыхъ не было въ «ирландскомъ» парламентѣ.

Въ 1830 г. О'Коннель (будучи уже членомъ парламента) учредилъ «общество друзей Ирландіи всѣхъ исповѣданій»; борьба админи-

[1]) Hamilton, p. 71—78.
[2]) Ibid., p. 81, 85.

Digitized by Google

страціи съ этимъ обществомъ, также непрерывно мѣнявшимъ названіе и уставъ [1]) оказалась столь же безуспѣшной, какъ и борьба съ католической ассоціаціей. Цѣлью его была отмѣна уніи. Между тѣмъ, выяснилось новое неожиданное послѣдствіе этой уніи. Длинный періодъ безраздѣльнаго господства консерваторовъ въ англійскомъ парламентѣ кончился и, при большемъ численномъ равенствѣ партій, ирландское представительство, большинство котораго находилось въ рукахъ О'Коннеля (хотя сначала офиціально сливалось съ либералами) получило огромное вліяніе на рѣшеніе англійскихъ государственныхъ вопросовъ и судьбу англійскихъ министерствъ. Только съ его помощью могла быть проведена великая избирательная реформа 1832 г. противъ воли большинства представителей Англіи и Шотландіи [2]). На выборахъ того же года О'Коннель выставилъ, какъ лозунгъ, отмѣну уніи и въ первомъ же пореформенномъ парламентѣ образовалась самостоятельная ирландская партія. Либеральное правительство, имѣвшее на этотъ разъ абсолютное большинство, отблагодарило ирландцевъ новыми исключительными законами. Въ 1833 г. О'Коннель предложилъ (разумѣется безуспѣшно) поправку къ адресу въ пользу отмѣны уніи. Въ слѣдующемъ же году ему удалось внести раздоръ въ среду министерства и заставить его подать въ отставку. Наконецъ, послѣ выборовъ 1835 г., силы англійскихъ партій распредѣлились такимъ образомъ, что Repealer'ы получили рѣшающій голосъ. О'Коннель рѣшился «сдѣлать честный опытъ (a fair trial) съ уніей». Онъ вступилъ въ формальный блокъ съ либералами на основѣ обширной программы реформъ для Ирландіи, подъ условіемъ временнаго отказа отъ требованія «отмѣны». Результаты «опыта» были весьма опредѣленные. Вслѣдствіе сопротивленія палаты лордовъ правительство не могло за шесть лѣтъ провести для Ирландіи почти ничего, — не могло даже фактически отмѣнить десятины, взимавшейся съ католическихъ крестьянъ въ пользу протестантской церкви [3]). Непосредственные результаты блока состояли только въ постоянныхъ нападкахъ оппозиціи на министерство, управлявшее съ помощью «сепаратистовъ» и въ паденіи популярности О'Коннеля среди его собственныхъ сторонниковъ. И однако же событія этого

---

[1]) Одно время оно даже называлось «обществомъ предупрежденія незаконныхъ собраній». Ibid., p. 101.

[2]) Ibid., p. 111.

[3]) Въ концѣ-концовъ десятина была фиксирована въ опредѣленной суммѣ и «переложена» на лэндлордовъ, которые, конечно, не замедлили «переложить» ее обратно. — Въ Ирландіи былъ также введенъ англійскій законъ о призрѣніи бѣдныхъ, оказавшійся совершенно непримѣнимымъ къ мѣстнымъ условіямъ. Barry O'Brien, Government of Ireland in the 19th Century, «The new Irish Constitution», p. 313—317.

Digitized by Google

періода имѣли болѣе глубокія послѣдствія, — и вовсе не въ смыслѣ «доказательства» необходимости «отмѣны уніи», какъ это тогда понимали, а въ смыслѣ скорѣе противоположномъ. Поведеніе палаты лордовъ по отношенію къ ирландскимъ вопросамъ, въ которыхъ страхъ народнаго возмущенія не стѣснялъ ея чисто классовой политики, было все же по существу такимъ же, какъ отношеніе ея къ проектамъ другихъ реформъ въ то же время. Впервые два народа смутно почувствовали наличность реальныхъ общихъ интересовъ, но совсѣмъ не тѣхъ, о которыхъ думали авторы уніи. О'Коннель это понялъ, когда, какъ заправскій англійскій политикъ, началъ по всему государству кампанію противъ «олигархіи». Черезъ 80 лѣтъ исторія оправдала этотъ образъ дѣйствій, несмотря на жалобы болѣе рѣшительныхъ ирландскихъ «патріотовъ» на столь «недостойную» политику.

Въ 1841 г. у власти стали консерваторы. О'Коннель началъ кампанію за «отмѣну». Это было повтореніе кампаніи за эмансипацію, но въ еще болѣе грандіозномъ масштабѣ. Въ 1843 г. repeal rent (сборы на агитацію) достигла 2.000 фунтовъ въ недѣлю. Устраивались, протекавшіе въ изумительномъ порядкѣ митинги-монстры, на которыхъ присутствовали сотни тысячъ людей. Не трогая англійскихъ властей, repeal association прямо приступила къ устройству какъ бы ирландскаго государственнаго управленія, организовала собственную полицію (repeal police) и даже кавалерію (repeal cavalry), поддерживавшіе порядокъ во всей странѣ и собственные третейскіе суды, грозившіе оставить королевскіе суды безъ процессовъ. О' Коннель, доказывавшій незаконность акта 1800 г., ибо «парламентъ не имѣетъ права самъ себя уничтожить», предполагалъ даже созвать представительную конвенцію отъ всего народа; достаточно будетъ королевскаго указа и ирландскій парламентъ будетъ налицо [1]). Онъ не отвергалъ и вооруженнаго сопротивленія: «они говорятъ о гражданской войнѣ; пока я живъ, гражданской войны не будетъ; но если другіе предпримутъ походъ на насъ, это не гражданская война». Однако реальныя нужды Ирландіи и соціальная вражда противъ лэндлордовъ оставались у него все же на первомъ планѣ. Напротивъ, группа молодыхъ литераторовъ, «Молодая Ирландія», основавшая газету Nation, пыталась привить къ Ирландіи принципы «настоящаго» континентальнаго націонализма того времени, настаивая на возстановленіи старо-ирландскаго языка, и на объединеніи ирландцевъ всѣхъ классовъ, съ цѣлью изгнанія иностранцевъ.

---

[1]) Hamilton, p. 154—168.

Digitized by Google

Наконецъ правительство Пиля рѣшило покончить однимъ ударомъ съ этимъ движеніемъ. На 5 октября 1844 г. былъ назначенъ митингъ въ Клонтарфѣ близъ Дублина, долженствовавшій быть еще болѣе грандіознымъ, нежели всѣ предшествовавшіе. Предполагалось собрать чуть ли не все населеніе Ирландіи; спеціальные пароходы привозили ирландцевъ изъ Англіи. За нѣсколько дней до митинга пять полковъ и артиллерійская бригада были направлены въ Клонтарфъ, эскадра стала на якорь въ устьѣ рѣки. Наканунѣ назначеннаго дня митингъ былъ запрещенъ. Разсчитывали или на признаніе О'Коннелемъ силы Англіи, или на грандіозное кровопусканіе. О'Коннель предпочелъ первое: митингъ былъ отмѣненъ. О'Коннель отказался и отъ проекта созыва «конвенціи». Но другое дѣйствіе «Англіи» (только совсѣмъ не той) оказало гораздо большее вліяніе на уменьшеніе революціоннаго настроенія. О'Коннель и его «адьютанты» были привлечены къ уголовной отвѣтственности за совершеніе бунтовщическихъ дѣйствій. Съ помощью добраго стараго пріема ирландскихъ судовъ, jury packing (подбора присяжныхъ) и невѣроятно-запутаннаго обвинительнаго акта, удалось добиться частичнаго обвинительнаго вердикта. Но тутъ вступилось англійское юридическое сословіе; лучшіе представители англійской адвокатуры перенесли дѣло въ палату лордовъ. Нѣкоторые «свѣтскіе» пэры подумывали уже о томъ, чтобы, вопреки прецедентамъ, принять участіе въ рѣшеніи дѣлъ на ряду съ судебными лордами и не допустить освобожденія ихъ злѣйшаго врага; по настоянію правительства, которому честь англійскаго, если не ирландскаго, суда все же была дорога, они въ послѣдній моментъ ушли и предоставили юристамъ дѣлать свое дѣло. Лордъ главный судья Англіи Денманъ сказалъ, что при подборѣ присяжныхъ судъ присяжныхъ превращается въ «издѣвательство, обманъ и западню». Большинствомъ трехъ изъ пяти судебныхъ лордовъ приговоръ былъ отмѣненъ... и опасность взрыва была предотвращена.

Между тѣмъ какъ ирландскія массы были охвачены «Repeal'емъ», успѣла возникнуть та промежуточная между англійской «государственной точкой зрѣнія» и «историческимъ правомъ» Ирландіи идея, которой суждено было поглотить и то и другое, — идея «федерализма». Эта мысль повидимому впервые была высказана ирландскимъ либераломъ-протестантомъ Шарменъ Крауфордомъ, пропагандировавшимъ еще въ 30-хъ годахъ учрежденіе «подчиненнаго, на федеральныхъ основаніяхъ, ирландскаго законодательнаго собранія». Идея эта была довольно распространена среди либеральныхъ ирландскихъ дворянъ и англійскихъ либераловъ, но соотвѣтственно скудной разработкѣ вопроса о федерализмѣ

Digitized by Google

въ литературѣ того времени носила крайне безформенный характеръ. Если, съ одной стороны, Нассау Сеніоръ предлагалъ путешествующій между Лондономъ и Дублиномъ парламентъ, то, съ другой стороны, самъ О'Коннель еще въ 30-хъ годахъ неоднократно «кокетничалъ» съ «федерализмомъ», считая необходимой предпосылкой «отмѣну уніи», но не отрицая желательности учрежденія впослѣдствіи «третьяго», общаго парламента для внѣшнихъ сношеній и военной обороны [1]). Послѣ освобожденія изъ тюрьмы, чувствуя упадокъ движенія въ Ирландіи, онъ пошелъ еще дальше, отказываясь отъ «отмѣны» и требуя для «мѣстнаго ирландскаго собранія» только завѣдыванія «такими дѣлами, какъ мѣстное обложеніе, призрѣніе бѣдныхъ и развитіе естественныхъ рессурсовъ страны», съ оставленіемъ общихъ дѣлъ въ вѣдѣніи «парламента Соединеннаго Королевства». Но такая попытка компромисса въ то время оказалась преждевременной. Она только ускорила разрывъ О'Коннеля съ «Молодой Ирландіей», которая заявляла, что право голоса въ имперскихъ судьбахъ Англіи недостаточная компенсація за незначительное ограниченіе исключительнаго права самоопредѣленія Ирландіи, и что ничто не можетъ удовлетворить ее, кромѣ возстановленія «древней и исторической конституціи» Ирландіи [1]). Послѣ смерти О'Коннеля (въ 1847 г.) партія его совершенно распалась. «Молодая Ирландія» въ 1848 г. кончила траги-комической попыткой вооруженнаго возстанія.

Между тѣмъ установленная въ интересахъ «державной народности» экономическая система привела къ прямой экономической гибели страны. Разгромленная въ концѣ XVII вѣка ирландская промышленность въ періодъ парламента Греттена какъ будто начала опять становиться на ноги. Послѣ уніи эти слабые зародыши погибли уже благодаря свободной конкуренціи съ промышленностью англійской [2]). Земля продолжала оставаться единственнымъ средствомъ пропитанія массъ. Благодаря увеличенію полей на счетъ пастбищъ, въ началѣ XIX вѣка, вслѣдствіе созданныхъ континентальной системой высокихъ цѣнъ на ирландскій хлѣбъ въ Англіи, — катастрофа была отдалена. Съ окончаніемъ войны цѣны на хлѣбъ пали, но арендная плата, требуемая лэндлордами, не уменьшалась. Страшный голодъ 1846 г. былъ поворотнымъ пунктомъ. Лэндлорды, лишенные возможности собирать ренту, снова приступили къ грандіознымъ «очисткамъ» для увеличенія пастбищъ; ирландскому

---

[1]) Ibid., p. 115, 169, 180.

[2]) Впрочемъ, дѣйствительной причиной ихъ гибели является не самый фактъ конкуренціи, а чрезвычайно низкій матеріальный и умственный уровень населенія.

Digitized by Google

населенію оставалась только эмиграція, достигшая апогея въ 50-хъ годахъ [1]), но продолжавшаяся съ большой, хотя и ослабѣвшей послѣ 1885 г., энергіей до конца вѣка. «Ирландцы исчезаютъ какъ краснокожіе», торжествующе писалъ «Times» въ 1851 г. Но послѣдствіемъ эмиграціи было не «англицизація», а просто обезлюденіе страны. Съ $8^1/_2$ милліоновъ въ 1846 число населенія упало въ 1885 г. до 4 мил. Въ Америкѣ возникла «Новая Ирландія», бывшая долгіе годы наиболѣе активнымъ факторомъ американской англофобіи и средоточіемъ ирландскихъ революціонныхъ организацій.

Благодаря этому неслыханному «исходу» политическая активность ирландскаго населенія временно ослабѣла. На 20 лѣтъ ирландскій вопросъ «исчезъ» со сцены англійской политики. Ирландское представительство распредѣлялось по старому между англійскими партіями. Въ 60-хъ годахъ возникшая и управляемая «съ того берега» конспиративная организація «феніевъ» (clan-na-Gael), надѣявшаяся добиться независимости Ирландіи посредствомъ возстанія одновременно съ походомъ на Канаду въ союзѣ съ Америкой, ознаменовала возрожденіе протеста. Снова начались жестокія репрессіи. Кровавыя покушенія въ Манчестерѣ и Лондонѣ, и послѣдовавшія за ними казни наконецъ разбудили Англію.

Но Англія была уже не та. Единодержавіе аристократіи давнымъ давно кончилось. Буржуазія господствовала на выборахъ; либеральная партія была теперь ея партіей par excellence. А за спиною ея уже выдвигалась только что призванная къ власти избирательной реформой 1867 г. подлинная демократія. Такіе люди, какъ Милль и Брайтъ горячо взялись за борьбу съ той системой, которая привела къ тому, что «если бы ирландскій народъ могъ сдвинуть свой островъ съ мѣста, онъ отодвинулъ бы его на много миль на западъ»[2]). Лондонскіе рабочіе требовали помилованія осужденныхъ феніевъ. Наконецъ 19 декабря 1868 г. на митингѣ въ Соутпортѣ лидеръ либеральной партіи Гладстонъ поднялъ знамя «ирландской политики по ирландскимъ принципамъ» (Irish policy on Irish lines). За этимъ послѣдовали его знаменитыя «три резолюціи» (объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи). На выборахъ того же года эта политика была утверждена новымъ избирательнымъ корпусомъ. Первое министерство Гладстона («великое министерство») было образовано на основѣ программы реформъ для Ирландіи. Въ исторіи несчастной страны началась новая эра.

---

[1]) Въ одномъ 1851 г. выселилось 34% населенія. Paul Dubois, p. 336.
[2]) Mc. Carthy, History of our own times, IV, p. 192.

Digitized by Google

III.

Если о Гладстонѣ иногда говорятъ, что отъ него «пошло» вообще «все» въ современной Англіи, то это въ особенности примѣнимо къ Ирландіи. Онъ не только является поистинѣ «творцомъ» современной Ирландіи въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, но и всѣ предлагаемыя въ настоящее время рѣшенія ирландскаго вопроса — и политика поддержанія уніи посредствомъ «реформъ» (нынѣ офиціальная политика консерваторовъ) и «гомруль» и «деволюція» — имъ въ разные періоды его дѣятельности выдвинуты и оформлены. И однако же всю эту дѣятельность проникаетъ одинъ принципъ, знаменовавшій разъ навсегда полный разрывъ съ прежними отношеніями двухъ странъ. Это — признаніе равноцѣнности интересовъ Ирландіи и ирландцевъ, именно какъ англійской территоріи и англійскихъ гражданъ, съ интересами Англіи и англичанъ. Первымъ шагомъ на этомъ пути логически являлось разрушеніе построеннаго съ такими усиліями зданія «протестантской гегемоніи». Это не было отказомъ отъ уніи. Напротивъ! «Я не хочу отчаяться», — заявлялъ Гладстонъ въ Соутпортской рѣчи, «въ томъ, чтобы наконецъ ассимилировать съ нами островъ, находящійся на разстояніи трехъ часовъ отъ нашихъ береговъ и бывшій въ теченіе 6 столѣтій подъ нашимъ господствующимъ вліяніемъ». Но именно для этого онъ считалъ нужнымъ срубить посаженный на ирландской почвѣ «анчаръ» (upas tree) «гегемоніи» съ его тремя вѣтвями: государственной церковью ничтожнаго меньшинства, системой землевладѣнія, приведшей къ обнищанію и опустошенію страны, и «протестантскимъ» высшимъ образованіемъ [1]). Въ 1869 г. установлено дѣйствительное религіозное равенство. Въ 1870 г., признаніемъ за арендаторомъ права вознагражденія за созданную имъ повышенную цѣнность земли и за расторженіе договора безъ достаточныхъ основаній былъ сдѣланъ первый (хотя и совершенно недостаточный) шагъ на пути ограниченія абсолютнаго права собственности лэндлордовъ [2]).

Наступленіе новой эры повлекло за собой и возрожденіе вопроса объ автономіи Ирландіи въ конституціонныхъ формахъ. О полной «отмѣнѣ уніи» теперь уже не было рѣчи. Послѣ удачнаго опыта съ квази-федеральнымъ устройствомъ въ Канадѣ, послѣ торжества американской федераціи въ войнѣ за освобожденіе негровъ, послѣ

---

[1]) Morley, Life of Gladstone, I, p. 655.

[2]) Вопросъ о высшемъ образованіи послѣ длинныхъ перипетій окончательно разрѣшенъ учрежденіемъ «національнаго ирландскаго университета» въ 1909 г.

Digitized by Google

учрежденія германской имперіи, «федерализмъ» былъ въ модѣ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ онъ существовалъ въ видѣ неопредѣленной идеи, подъ которой можно было понимать и замѣну унитарнаго государства федераціей между Великобританіей и Ирландіей на основѣ возстановленія ирландскаго государства, и учрежденіе парламентомъ Соединеннаго Королевства подчиненнаго ему ирландскаго законодательнаго собранія. Теперь идея федерализма развилась въ обоихъ направленіяхъ. Съ одной стороны выставляется основанное на историческомъ и національномъ правѣ Ирландіи требованіе автономіи Ирландіи, какъ частичной отмѣны уніи — автономіи, противопоставляющей Ирландію Великобританіи, какъ цѣлому. Съ другой стороны выдвигается основанная на соображеніяхъ государственной цѣлесообразности мысль о законодательной децентрализаціи для всѣхъ частей Соед. Королевства, какъ расширенномъ мѣстномъ самоуправленіи и при неприкосновенности государственнаго единства, и, въ частности, объ учрежденіи въ Ирландіи представительнаго органа съ делегированными британскимъ парламентомъ функціями. Въ постепенномъ сближеніи этихъ двухъ тенденцій, путемъ постепеннаго смягченія первой и наоборотъ расширенія и углубленія второй, вплоть до полнаго сліянія ихъ въ настоящее время, и состоитъ дальнѣйшая исторія вопроса объ автономіи Ирландіи.

19 мая 1870 г. возникла Home Government Association, во главѣ которой сталъ протестантъ адвокатъ Исаакъ Буттъ. Въ 1873 г. она была преобразована въ Home Rule Confederation. Словами Home Rule — буквально домашнее правленіе — выражалась та мысль, что Ирландія должна имѣть собственное, «домашнее» правленіе, но только для внутреннихъ, «домашнихъ» дѣлъ. Программа ассоціаціи требовала возстановленія стараго ирландскаго парламента, состоящаго изъ «королевы и ея преемниковъ, лордовъ и общинъ Ирландіи», «обезпеченія» этому парламенту «подъ властью федеральной конституціи» (under a federal arrangement) исключительнаго права законодательства по внутреннимъ дѣламъ Ирландіи, съ передачей иностранныхъ и колоніальныхъ дѣлъ и обороны имперіи особому «имперскому парламенту» (an imperial parliament). По плану Бутта въ эту федерацію должны были впослѣдствіи войти на тѣхъ же основаніяхъ и колоніи [1]). Такимъ образомъ Соед. Королевство, какъ унитарное государство, должно было быть замѣнено сначала федераціей между Великобританіей и Ирландіей, а затѣмъ федераціей общеимперской — федераціей въ строго-юридическомъ

[1]) Barry O'Brien, l. c., p. 333. F. O'Donnell, History of the Irish parliamentary party, 1910, I, p. 47—51.

Digitized by Google

смыслѣ, союзнымъ государствомъ, въ которомъ Великобританія, Ирландія и колоніи должны были быть равноправными государствами-членами [1]). Требованіе возстановленія ирландскаго государства, но какъ государства несувереннаго, являлось логически первымъ шагомъ на пути смягченія требованія безусловной «отмѣны уніи» [2]).

На выборахъ 1874 г. (на которыхъ въ Англіи побѣдили консерваторы) было избрано 58 гомрулеровъ. Въ томъ же году Буттъ предложилъ поправку къ адресу въ пользу гомруля. Противъ него выступилъ Гладстонъ, заявившій, что онъ отказывается видѣть въ требованіи автономіи желаніе всего ирландскаго народа [3]). Онъ былъ не совсѣмъ неправъ. Первенствующую роль въ новомъ автономистскомъ движеніи игралъ опять-таки «командующій классъ» Ирландіи. Въ рукахъ Гладстона унія стала принимать довольно странный характеръ и значительной группѣ «собственниковъ Ирландіи» показалось, что при «невмѣшательствѣ» Англіи въ ихъ «внутреннія дѣла» пожалуй будетъ лучше. Объ истинныхъ вожделѣніяхъ этихъ «первыхъ», «респектабельныхъ» гомрулеровъ можно судить, какъ по настойчиво подчеркиваемой необходимости возстановленія ирландской палаты лордовъ, такъ и по одной изъ резолюцій конференціи (Home Rule conference) 1873 г. (при учрежденіи конфедераціи), гдѣ заявлялось, что «мы согласны» на то, чтобы въ федеральную конституцію были введены статьи, устанавливающія «гарантіи противъ вмѣшательства этого (ирландскаго) парламента въ существующія условія землевладѣнія». Такимъ образомъ, ирландское дворянство, стремясь къ «нонъ-интервенціи» англійскаго либерализма, «соглашалось» на такія гарантіи «англійскихъ интересовъ», какъ палата лордовъ, изъ него же составленная, и англійскіе штыки, охраняющіе его имѣнія [4])... Но такому хорошо намъ

---

[1]) А. Ященко въ главѣ объ «англійскомъ федерализмѣ» именно этого слона, къ сожалѣнію, не замѣтилъ. Онъ говоритъ объ гомрулѣ, лишь начиная съ 80-хъ годовъ, когда, какъ увидимъ, произошелъ уже отказъ отъ федерализма въ собственномъ смыслѣ. См. Ященко, Федерализмъ, стран. 600.

[2]) Впрочемъ, практически создать федеральный парламентъ Буттъ предполагалъ посредствомъ призыва представителей Ирландіи, а затѣмъ и представителей колоній въ опредѣленныхъ случаяхъ въ англійскій парламентъ.

[3]) O'Donnell, I, p. 98. Mc. Carthy, VI, p. 205. Подобныя же предложенія вносились затѣмъ ежегодно и, конечно, безуспѣшно.

[4]) O'Donnell, I, p. 55, 66, 90. Крайне характерны нападки этого участника «перваго гомруля», съ одной стороны, на позднѣйшихъ націоналистовъ за отказъ отъ ирландской государственности и превращеніе англійскаго казначейства въ главнаго земельнаго собственника въ Ирландіи, а съ другой стороны, на англійскій парламентъ за уничтоженіе всѣхъ «англійскихъ учрежденій» (англійской церкви, англійскаго дворянства и его руководящей роли въ самоуправленіи) въ Ирландіи. I, p. 56, 285. См. также Mc. Carthy, V, p. 214.

Digitized by Google

знакомому, «дворянскому» автономизму не суждено было вырасти въ Ирландіи. Политику этой группы иниціаторовъ движенія можно формулировать, перефразируя извѣстный лозунгъ соотвѣтствующей по соціальнымъ интересамъ части автономистовъ польскихъ: «за ирландской шляхтой ирландскій людъ!» Но «людъ» на удочку не поддался. Ирландская демократія присоединилась къ «гомрулю», но использовала его въ своихъ интересахъ. Уже въ 1875 году начался расколъ между «респектабельными» гомрулерами или «вигами» и «радикалами» или «націоналистами». Эти послѣдніе, требуя болѣе рѣшительной парламентской тактики, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигали аграрный вопросъ на первый планъ на ряду съ политическимъ. Въ 1879 г. это теченіе, въ связи съ вспыхнувшимъ, благодаря голоду и новымъ «очисткамъ», аграрнымъ движеніемъ, сорганизовалось во главѣ съ Парнеллемъ и Дэвиттомъ, въ «земельной лигѣ» (въ 1882 г. переименованной въ «національную лигу», а въ 1898 г. реорганизованной подъ именемъ «объединенной ирландской лиги», являющейся до настоящаго времени офиціальной партійной организаціей націоналистовъ), построенной на чисто-демократическихъ основаніяхъ. Новое демократическое движеніе уже вовсе не носило принципіально-вѣроисповѣднаго, а тѣмъ менѣе клерикальнаго характера. Новый «некоронованный король» Ирландіи, Парнелль, былъ протестантъ. Но на ряду съ элементомъ соціальнымъ, въ новомъ движеніи былъ весьма силенъ элементъ ирландскаго въ собственномъ смыслѣ, «кельтскаго» націонализма. Вражда противъ «Англіи» была у «первыхъ гомрулеровъ» тактическимъ пріемомъ; у ирландскихъ крестьянъ, а въ особенности у эмигрантовъ въ Америкѣ англофобія была чувствомъ вполнѣ реальнымъ. И однако же, благодаря реальной солидарности интересовъ двухъ демократій, именно этому движенію удалось добиться автономіи вполнѣ мирнымъ путемъ, именно съ нимъ англійскій народъ могъ заключить соглашеніе на почвѣ автономіи, не нарушающей государственнаго единства... Впрочемъ, первые шаги націоналистовъ едва ли внушали надежду на такой финалъ. Если ирландскіе крестьяне въ это время «изобрѣли» бойкотъ, то депутатамъ-націоналистамъ принадлежитъ сомнительная честь введенія въ обиходъ англійскаго парламента обструкціи, и при томъ съ исключительно вредными цѣлями. «Надо показать англичанамъ, — говорилъ иниціаторъ этой тактики Ронэйнъ, что если мы недостаточно сильны, чтобы провести то, что намъ нужно, то мы достаточно сильны, чтобы помѣшать имъ проводить то, что имъ нужно». «Нѣтъ ирландскихъ биллей; такъ не будетъ и англійскихъ,— говорилъ депутатъ Биггаръ.— Никакого законодательства: вотъ наша политика»! Поэтому обструкція при-

Digitized by Google

мѣнялась не только къ нежелательнымъ законопроектамъ относительно Ирландіи, но и къ другимъ важнымъ биллямъ, чтобы заставить парламентъ внять требованіямъ ирландцевъ. Англійскому парламенту грозила опасность потерять господство въ своемъ собственномъ домѣ.

А между тѣмъ ирландская обструкція только довела до крайней степени затрудненія, вызывавшіяся и безъ того существовавшимъ перегруженіемъ дѣлами (congestion) парламента; на это явленіе было обращено вниманіе еще въ 40-хъ годахъ. Трудность проведенія биллей относительно мѣстныхъ нуждъ существовала не только для ирландцевъ, хотя для нихъ она осложнялась принципіально-отрицательнымъ отношеніемъ парламента къ ихъ требованіямъ. При такихъ условіяхъ естественно должна была представиться мысль о выходѣ изъ получившагося безсмысленнаго положенія, посредствомъ делегаціи въ извѣстномъ объемѣ законодательныхъ правъ по мѣстнымъ дѣламъ, какимъ-либо мѣстнымъ органамъ, отдѣльныхъ частей королевства, безъ всякаго ущерба для полновластія парламента и безъ всякаго принципіально-особаго положенія Ирландіи, тѣмъ болѣе, что такая система казалась противовѣсомъ гомрулю. Формулировка этой мысли принадлежитъ опять-таки Гладстону. «У насъ перегруженный парламентъ,—заявилъ онъ въ одной изъ знаменитыхъ Мидлотіанскихъ рѣчей въ 1879 г.,—и если Ирландія или какая-либо другая часть страны можетъ и хочетъ взять на себя мѣстное законодательство или часть его и тѣмъ освободить и усилить парламентъ для общегосударственныхъ (imperial) дѣлъ, то я готовъ къ ревностной поддержкѣ такого плана». Такая децентрализація явилась бы по его мнѣнію только развитіемъ мѣстнаго самоуправленія, для котораго онъ не признаетъ никакихъ абстрактныхъ границъ, кромѣ безусловнаго верховенства парламента и возможности распространенія всякой подобной мѣры на всѣ части королевства: «Я не соглашусь предоставить Ирландіи никакого принципа, ничего, что бы не было предложено Шотландіи и различнымъ частямъ Соединенаго Королевства» [1]). Такимъ образомъ вся принципіальная и государственно-правовая сторона законодательной децентрализаціи была уже опредѣлена съ точностью. Но, несмотря на широкую формулировку, едва ли можно сомнѣваться, что фактически Гладстонъ непосредственно имѣлъ въ виду лишь делегацію немногихъ менѣе важныхъ законодательныхъ дѣлъ. Какъ бы то ни было, толчокъ былъ данъ. «Деволюція» (слово, впервые

---

[1]) Earl of Dunraven, The history of devolution, «The new Irish Constitution», p. 341.

Digitized by Google

употребленное также Гладстономъ въ 1885 г. [1]), стала пропагандироваться въ противовѣсъ гомрулю.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ ирландской автономіи къ тому моменту, когда, разгромивъ джингоизмъ Биконсфильда, Гладстонъ въ 1880 г. вернулся къ власти фактически въ качествѣ непосредственно избраннаго народомъ диктатора.

1880—1885 гг. были періодомъ революціоннаго перелома въ исторіи Ирландіи. Высоко вздымались волны аграрнаго движенія, къ которому присоединялся аграрный, а затѣмъ и политическій терроръ. Въ парламентѣ обструкція націоналистовъ дошла до крайнихъ предѣловъ. Всякое законодательство, кромѣ ирландскаго, фактически было пріостановлено. Съ другой стороны «хозяева Ирландіи» цѣпко держались за свои привилегіи. Въ Ульстерѣ шла настоящая гражданская война между оранжистами и націоналистами. Посреди всей этой бури правительство съ желѣзной энергіей шло своимъ путемъ. Въ 1881 г. Habeas Corpus Act былъ пріостановленъ; всѣ вожди лиги перебывали въ тюрьмахъ. Въ Кильмэйнгемской тюрьмѣ съ арестованнымъ Парнеллемъ былъ заключенъ извѣстный «договоръ» о возстановленіи нормальнаго порядка управленія и аграрной реформѣ, подъ условіемъ отказа отъ обструкціи. Но послѣ убійства лорда Кавендиша въ 1882 г. правительство вернулось къ исключительному законодательству. Теперь, въ борьбѣ съ обструкціей былъ совершенъ радикальный переворотъ въ дѣлопроизводствѣ палаты общинъ; впервые было введено прекращеніе преній (closure), которое затѣмъ оказало столь рѣшительное вліяніе на общее развитіе англійскаго парламентаризма. Въ то же время лэндлордизму былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Закономъ 1882 г. земельная аренда въ Ирландіи была превращена въ вѣчно-наслѣдственное, вещное и свободно-отчуждаемое право съ принудительнымъ опредѣленіемъ ренты каждыя пятнадцать лѣтъ особыми учрежденіями. Гладстонъ, который провелъ этотъ законъ фактически единолично, противъ воли кабинета и обѣихъ палатъ, при весьма слабой поддержкѣ со стороны самихъ націоналистовъ [2]), разсчитывалъ на результаты продолжительнаго и неуклоннаго дѣйствія устроеннаго имъ аппарата. Но для даннаго момента облегченіе положенія крестьянъ было весьма незначительно. Смута въ Ирландіи продолжалась. Между тѣмъ въ 1885 г. истекалъ срокъ дѣйствія исключительнаго закона. Безплодность репрессій выяснялась чѣмъ дальше, тѣмъ больше; въ либеральной партіи начиналось

---

[1]) Ibid., p. 343.
[2]) Morley, Life of Gladstone, II, p. 220.

Digitized by Google

глухое броженіе. При обсужденіи въ кабинетѣ вопроса объ организаціи въ Ирландіи мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ, представитель радикальнаго крыла Чемберлэнъ предложилъ «увѣнчаніе зданія» въ видѣ центральнаго собранія изъ представителей органовъ самоуправленія съ почти исключительно административными функціями, но какъ первый шагъ на пути деволюціи. Проектъ этотъ, несмотря на поддержку Гладстона, былъ отвергнутъ большинствомъ министерства [1]). Благодаря недовольству многихъ либераловъ возвѣщеннымъ правительствомъ возобновленіемъ исключительнаго закона, консерваторамъ и націоналистамъ удалось, наконецъ, свергнуть «второго Кромвелля». Новое консервативное правительство начало съ заигрыванія съ гомрулемъ. Первый министръ лордъ Сольсбери заявлялъ, что, уничтоживъ систему управленія съ помощью землевладѣльцевъ, Гладстонъ не создалъ вмѣсто нея ничего «положительнаго». Намѣстникъ лордъ Карнарвонъ вступилъ въ прямые переговоры съ Парнеллемъ [2]). Консерваторы получили желанную поддержку націоналистовъ на выборахъ. Несмотря на это исходъ выборовъ въ Англіи былъ нерѣшительный. Зато въ Ирландіи, эти выборы, произведенные по закону Гладстона предыдущаго года, призвавшему къ урнамъ всю крестьянскую массу, дали потрясающій результатъ. Съ 35 депутатовъ національная партія возросла до 85, изъ общаго числа 103 представителей Ирландіи; гомрулеры-виги совершенно исчезли. Ирландская демократія категорически и разъ навсегда сказала свое слово; на всѣхъ послѣдующихъ выборахъ вплоть до настоящаго времени число націоналистовъ осталось на этомъ же уровнѣ. Благодаря распредѣленію силъ между англійскими партіями Парнелль оказался рѣшителемъ судебъ государства. Гладстонъ изо всѣхъ силъ старался удержать консерваторовъ у власти, чтобы дать имъ возможность провести автономію Ирландіи съ большимъ удобствомъ, чѣмъ то могли бы либералы [3]). Но когда отъ игры въ гомруль пришлось неожиданно перейти къ дѣлу, Сольсбери не рѣшился пожертвовать интересами лэндлордовъ; въ концѣ концовъ правительство ничего не успѣло предложить націоналистамъ кромѣ новаго исключительнаго закона и было немедленно свергнуто. Для Гладстона, снова ставшаго у власти, не подлежало сомнѣнію, что теперь оставалась единственная альтернатива между conciliation и coercion: между соглашеніемъ съ ирландскимъ народомъ, категорически высказавшимъ конституціоннымъ путемъ свое требованіе, обязательное для страны, десятки

[1]) Ibid., II, p. 323—326.
[2]) Ibid., II, p. 338, 350 ss., 360 ss., 372.
[3]) Ibid., II, p. 373—383.

Digitized by Google

лѣтъ ставившей принципъ самоопредѣленія національностей въ основу своей иностранной политики, достигшей, съ помощью территоріальныхъ автономій блестящихъ результатовъ въ колоніяхъ, и продолженіемъ политики репрессій, отнынѣ безнадежныхъ и лишенныхъ моральнаго основанія, — между «традиціями, составляющими славу Англіи» и «традиціями, составляющими единственное огромное черное пятно на этой славѣ» [1]); что необходимъ выходъ изъ того положенія, при которомъ ирландскій народъ лишенъ возможности работать себѣ на пользу, но обладаетъ огромной силой, чтобы вредить Англіи. И для разрѣшенія этого «государственнаго (imperial) кризиса» онъ сознательно пошелъ на расколъ въ либеральной партіи. Ирландскій вопросъ далеко не былъ внутренней причиной этого раскола, намѣчавшагося еще со времени провозглашенной Гладстономъ въ 1880 г. борьбы «массъ противъ классовъ»; то былъ расколъ аристократическаго «виггизма» и плутократическаго «манчестерства» съ новымъ «радикализмомъ», все болѣе принимавшимъ соціальную окраску. Можно сказать, что на вопросѣ о гомрулѣ англійская демократія впервые сознала самое себя. Теперь, классовый характеръ ирландскаго вопроса ясно опредѣлился и въ Англіи. Между тѣмъ, какъ всѣ «силы богатства, сословнаго и общественнаго положенія [2])» энергично и злобно объединялись противъ правительства, между тѣмъ какъ въ аристократическихъ клубахъ производились цѣлыя гекатомбы исключеній, знатныя лэди энергично очищали списки своихъ гостей и выбрасывали въ кладовую портреты Гладстона, и старикъ боялся пустоты на обычномъ обѣдѣ въ день его рожденія, а послѣ этого обѣда удивлялся, что не былъ предложенъ тостъ о выраженіи ему недовѣрія, — популярность его среди массъ достигла апогея; мѣстныя либеральныя ассоціаціи категорически высказались въ пользу политики вождя и бунтовщики - либералы оказались отщепенцами отъ партіи [3]).

По содержанію правительственный проектъ 1886 г. имѣлъ весьма мало общаго съ «гомрулемъ» въ первоначальномъ смыслѣ. Въ основу его по мысли секретаря Ирландіи Морлея былъ положенъ принципъ колоніальной автономіи. Ирландія исключалась изъ состава территоріи, образующей великобританское государство и переводилась въ другой разрядъ территорій, этому государству принадлежащихъ: «британскихъ владѣній». Это выражалось въ безусловно-конклюдентномъ по англійскому праву признакѣ:

---

[1]) Ibid., II, p. 377, 397 ss., 435.
[2]) Докладъ Гладстона королевѣ 9 іюня 1886 г., Ibid., II, p. 436.
[3]) Ibid., II, p. 399, 421—423.

Digitized by Google

въ исключеніи представителей Ирландіи изъ парламента, который въ биллѣ не именовался ни «великобританскимъ», какъ до 1800 г., ни «парламентомъ Соед. Королевства», какъ съ тѣхъ поръ, а величался громкимъ титуломъ «имперскаго парламента». Въ качествѣ британскаго владѣнія Ирландія и получала «статутарную» (т.-е. основанную на англійскомъ законѣ) автономію. Но автономія эта была значительно уже обычнаго типа колоніальныхъ автономій. Такъ изъ вѣдѣнія ирландскаго законодательнаго собранія [1]) исключались устройство какихъ бы то ни было вооруженныхъ силъ и таможенное обложеніе [2]). Эти дѣла оставались въ вѣдѣніи англійскаго парламента. Такимъ образомъ ни о какомъ «федерализмѣ» не было и рѣчи: дѣла, признававшіяся общими, вѣдались односторонне Англіей. Любопытно отмѣтить, что въ биллѣ въ первый и послѣдній разъ дѣлалась попытка отреченія англійскаго парламента отъ неограниченной власти формально принадлежащей ему въ предѣлахъ всей имперіи. Въ вѣдѣніи его оставались только «дѣла, по коимъ право законодательства не предоставлено ирландскому законодательному собранію» (ст. 37). Но на дѣлѣ это формальное отреченіе означало не меньшій, а большій объемъ власти парламента. Между тѣмъ какъ англійское законодательство въ области вопросовъ, подлежащихъ законодательству колоніальному или въ измѣненіе колоніальныхъ конституцій признается недопустимымъ безъ согласія самой колоніи и напротивъ право такого измѣненія было закономъ 1865 г. предоставлено въ извѣстныхъ предѣлахъ самимъ колоніямъ,—Ирландія не получала такого права и обратно опредѣленно устанавливался порядокъ пересмотра ирландской конституціи англійскимъ закономъ путемъ особаго на сей предметъ призыва въ парламентъ избранныхъ ирландскимъ законодательнымъ собраніемъ представителей (или послѣ предварительнаго согласія ирландскаго собранія (ст. 39). Такимъ образомъ гомруль по этому биллю уже не былъ «отмѣной уніи» 1800 г. Ни «парламентъ Греттена», ни вообще «ирландское королевство», какъ государство, не возстановлялись. Напротивъ, англійскій парламентъ превращалъ Ирландію, какъ область ему подчиненную, въ новый территоріальный союзъ на опредѣленныхъ имъ основаніяхъ и съ делегированными имъ полномочіями, безъ права «самоорганизованія». Но то было несомнѣнное

[1]) Оно должно было состоять изъ двухъ «сословій» (orders — первое, основанное на высокомъ имущественномъ цензѣ), составляющихъ одно собраніе, но голосующихъ въ случаѣ требованія одного изъ нихъ отдѣльно.

[2]) Часть таможеннаго дохода на основаніи опредѣленной пропорціи должна была итти въ англійское казначейство на общіе расходы; такимъ образомъ въ противорѣчіе основному принципу государственнаго строя Англіи и всей имперіи устанавливалось «обложеніе безъ представительства». См. Mc. Carthy, VI, p. 217.

Digitized by Google

ослабленіе государственнаго единства. Ирландія превращалась изъ части великобританскаго государства въ «состоящую при немъ» (Nebenland) «организованную область» или «государственный фрагментъ» по классификаціи Еллинека.

Вопреки опасеніямъ Парнелль принялъ билль, какъ полное удовлетвореніе требованій Ирландіи. То былъ отказъ навсегда отъ «историческаго права» и ирландской государственности («парламента Греттена») и огромный шагъ на пути къ добровольному признанію государственнаго единства. Но тѣмъ ожесточеннѣе велась борьба со стороны консерваторовъ и «либеральныхъ уніонистовъ». Ничего подобнаго по страстности Англія не видѣла съ 1832 г. Притомъ и среди враговъ и среди друзей царилъ невообразимый хаосъ взглядовъ и требованій, въ которомъ билль въ концѣ концовъ и погибъ. Ирландскіе лэндлорды разумѣется громче всѣхъ кричали объ «отторженіи» и рисовали ужасныя картины будущей «измѣны» и угнетенія всего англійскаго, основанныя по ироническому замѣчанію Гладстона на предположеніи у ирландскаго народа «двойной дозы первороднаго грѣха». Но они же протестовали противъ превращенія Ирландіи «въ своекорыстныхъ цѣляхъ Англіи» въ зависимую и обложенную данью колонію [1]). Лордъ Сольсбери, до того требовавшій «положительной политики» теперь заявилъ, что Ирландіи нужна не автономія, а «двадцать лѣтъ рѣшительнаго управленія» и выселеніе милліона ирландцевъ. Ульстерцы изъ чрезвычайной лойяльности собирались возставать: «Ulster will fight and Ulster will be right», объявилъ лордъ Р. Черчилль въ ставшей поговоркой фразѣ. Но фатальный ударъ биллю былъ нанесенъ недавнимъ вождемъ «радикаловъ». Чемберлэнъ объявилъ себя сторонникомъ принципа автономіи для Ирландіи, но противопоставилъ автономіи колоніальной «делегацію власти, а не отреченіе отъ нея» [2]), а именно автономію «на федеральныхъ началахъ, какъ болѣе соотвѣтствующихъ демократическимъ требованіямъ» [3]). Но этотъ «федерализмъ» представлялъ собой полную противоположность федерализму Бутта — федераціи Великобританіи и Ирландіи, какъ двухъ государствъ. Чемберлэнъ предлагалъ делегацію Ирландіи конкретно-перечисленныхъ законодательныхъ правъ при непремѣнномъ сохраненіи представителей Ирландіи въ парламентѣ и какъ первый шагъ на пути «федерализаціи» всего Соед. Королевства посредствомъ подобныхъ же мѣръ для остальныхъ его частей [4]). Отношенія

---

[1]) Morley, II, p. 416, 418.
[2]) Earl of Dunraven, l. c., p. 344.
[3]) Morley, II, pp. 417, 427.
[4]) Ibid., II, p. 406.

Digitized by Google

между Великобританіей и Ирландіей должны были быть по его мнѣнію построены не по аналогіи отношеній между Великобританіей и Канадой — «это ложныя основанія, ведущія къ отторженію» — а по аналогіи отношеній между Канадой и ея провинціями [1]). Но эта аналогія, при тождествѣ центральной власти и власти, устанавливающей конституцію провинціи, была искуственной. Въ существѣ дѣла это была нѣсколько расширенная старая Гладстоновская «деволюція», которая съ этого времени получаетъ также наименованіе федерализма въ этомъ новомъ смыслѣ. Такимъ образомъ двѣ сначала такъ рѣзко противоположныя другъ другу тенденціи значительно сблизились. Но въ данный моментъ выступленіе Чемберлэна лишь способствовало гибели билля. Рѣшающимъ Чемберлэнъ считалъ вопросъ объ ирландскомъ представительствѣ въ Лондонскомъ парламентѣ. Парнелль столь же категорически требовалъ исключенія ирландскихъ членовъ, во избѣжаніе претензій англійскаго парламента на вмѣшательство во внутреннія дѣла Ирландіи [2]). Несмотря на предложеніе Гладстона отложить билль послѣ принятія во второмъ чтеніи, для пересмотра этого вопроса, билль былъ отвергнутъ, — группа Чемберлэна голосовала въ большинствѣ. На выборахъ консерваторы въ союзѣ съ либеральными уніонистами одержали побѣду.

Шесть лѣтъ консервативнаго владычества (1886—1892 гг.) представляли собою собственно говоря неумѣлое подражаніе старой политикѣ Гладстона: «успокоенія» вмѣстѣ съ «реформами». При проведеніи исключительнаго закона 1887 г. былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ процессѣ урѣзыванія правъ меньшинства и увеличенія вліянія кабинета на парламентъ введеніемъ такъ называемой гильотины. Но въ то же время союзъ двухъ демократій все болѣе укрѣплялся. Параллельно все большему уклону либеральной (или «радикальной») партіи влѣво и начинавшемуся проникновенію въ нее пролетарскихъ элементовъ (въ лицѣ «либеральныхъ рабочихъ») дѣло ирландскаго народа все болѣе становилось ея дѣломъ. Теперь, когда пропаганда исходила отъ офиціальной оппозиціи, широкіе англійскіе круги впервые узнали объ ирландскихъ ужасахъ; ирландскіе націоналисты стали желанными гостями на либеральныхъ и рабочихъ митингахъ. По ужасному дѣлу о Митчельстонскихъ разстрѣлахъ грозное краснорѣчіе Гладстона вызвало громадное эхо въ странѣ [3]). Энергичное участіе оппозиціи въ разоблаченіи извѣстныхъ подложныхъ обвиненій Times'a противъ Пар-

[1]) «Parliamentary Debates» (1886), vol. 306, p. 697.
[2]) Morley, II, p. 423, 429—433.
[3]) Ibid., II, p. 466 ss.

Digitized by Google

нелля еще болѣе укрѣпило связь, которая скоро привела и къ результату въ обратномъ смыслѣ. Когда послѣ участія Парнелля въ скандальномъ бракоразводномъ процессѣ Гладстонъ счелъ его дальнѣйшее пребываніе во главѣ партіи нежелательнымъ, престарѣлый англійскій вождь оказался сильнѣе «некоронованнаго короля Ирландіи» въ средѣ самой партіи созданной послѣднимъ. Когда затѣмъ въ 1892 г. Гладстонъ образовалъ министерство, снова опираясь на коалиціонное большинство, онъ былъ фактически настолько же руководителемъ ирландской, насколько либеральной партіи. Съ полнымъ правомъ могъ онъ при внесеніи новаго билля о гомрулѣ охарактеризовать въ глубоко-прочувствованныхъ словахъ ту цѣль реальнаго объединенія обѣихъ странъ, къ которой онъ непрерывно стремился, несмотря на всѣ колебанія и ошибки, и приближеніемъ къ которой была для него самая автономія Ирландіи: «Было бы недостойно меня, если бы я въ эти послѣдніе годы моей жизни, забылъ или опустилъ какую-либо возможную для меня мѣру на пользу не той или другой партіи, не того или другого народа, но всѣхъ партій и всѣхъ народовъ, обитающихъ на этихъ островахъ; и позвольте мнѣ обратиться къ этимъ народамъ, которыхъ я вижу со всѣми ихъ безконечными возможностями развитія, со всѣмъ ихъ жизненнымъ единеніемъ для могущества и прогресса, позвольте мнѣ просить всѣхъ васъ предоставить мертвымъ хоронить мертвыхъ, отбросить всякое воспоминаніе о прошлыхъ несчастіяхъ и любить и цѣнить и поддерживать другъ друга во всѣхъ измѣнчивостяхъ дѣлъ человѣческихъ въ грядущія времена» [1]).

Проектъ 1893 г. въ отношеніи организаціи ирландскихъ автономныхъ учрежденій [2]) и объема ихъ полномочій отличался отъ перваго проекта лишь нѣкоторыми деталями. Но въ опредѣленіи отношеній Ирландіи къ Великобританіи произошла полная перемѣна. О колоніальной автономіи не было уже рѣчи. Представители, непосредственно избранные населеніемъ Ирландіи, оставались въ качествѣ постоянныхъ членовъ британскаго парламента. Но то не былъ и «федерализмъ» ни въ смыслѣ Бутта, ни въ смыслѣ Чемберлэна. Съ одной стороны правительство съ готовностью приняло поправку оппозиціоннаго депутата Г. Джемса, explicite постановлявшую, что «не взирая ни на что постановленное въ настоящемъ законѣ, верховное могущество и власть парламента Соед. Королевства Великобританіи и Ирландіи сохраняется безъ всякаго измѣненія и уменьшенія надъ всѣми лицами, вещами и предметами въ пре-

[1]) Цит. по H. Spender, Home Rule, 1912, p. 46.
[2]) Вводилась двухплатная система, при чемъ верхняя палата (сенатъ) была основана на высокомъ имущественномъ цензѣ.

Digitized by Google

дѣлахъ всѣхъ владѣній королевы» и указывало, что присутствіе представителей Ирландіи въ британскомъ парламентѣ устанавливаетъ различіе значенія этой полноты власти сравнительно съ чисто-формальнымъ значеніемъ ея по отношенію къ колоніямъ. Съ другой стороны, все же имѣлось въ виду совершенно особое положеніе Ирландіи въ отличіе отъ другихъ частей Соед. Королевства. Самъ Гладстонъ говорилъ о нѣкоторомъ «дуализмѣ» и приводилъ Австро-Венгрію въ видѣ аналогіи, конечно не выдерживающей съ государственно-правовой точки зрѣнія никакой критики. Въ осуществленіе этого дуализма первоначально предполагалось предоставить ирландскимъ членамъ право голоса лишь по дѣламъ, касающимся обѣихъ частей королевства (in and out system). Такимъ образомъ фактически получалось два парламента: парламентъ великобританскій и расширенный парламентъ Соед. Королевства, и Ирландія опредѣленно противопоставлялась Великобританіи, какъ цѣлому. Оппозиція тотчасъ же выяснила всю несообразность такого порядка. Профессоръ Дайси задалъ вопросъ, кто же будетъ разрѣшать вопросъ о томъ, является ли данное дѣло общимъ или нѣтъ: если парламентъ въ полномъ составѣ, то голосованіе по этому вопросу фактически явится голосованіемъ по существу даннаго дѣла[1]). Лидеръ оппозиціи Бальфуръ указалъ, что при этомъ порядкѣ парламентарное правленіе станетъ невозможнымъ: министерство сегодня можетъ оказаться въ большинствѣ по англійскому или шотландскому вопросу, а завтра въ меньшинствѣ по вопросу общему. Въ концѣ концовъ Гладстонъ рѣшился пожертвовать этимъ ограниченіемъ права голоса ирландскихъ членовъ. Это былъ несомнѣнно еще шагъ на пути отъ автономіи, выдѣляющей Ирландію, къ автономіи провинціальной. Но оппозиція правильно указала, что при такихъ условіяхъ получается абсурдъ: Ирландія будетъ имѣть автономію по своимъ мѣстнымъ дѣламъ, а Великобританія нѣтъ. Получался заколдованный кругъ, изъ котораго въ предѣлахъ автономіи исключительно для Ирландіи въ самомъ дѣлѣ не было выхода. Это несомнѣнно содѣйствовало охлажденію избирателей къ гомрулю. Съ помощью той же гильотины удалось «протолкнуть» билль черезъ палату общинъ, несмотря на организованную обструкцію уніонистской партіи (теперь уже слившейся воедино). Онъ былъ немедленно отвергнутъ палатой лордовъ, «пробудившейся» для борьбы за «единство и нераздѣльность», а на самомъ дѣлѣ противъ соціальнаго радикализма министерства, которое она фактически вовсе лишила возможности проводить законодательныя реформы.

---

[1]) A leap in the dark, 1893.

Digitized by Google

Завѣщавъ въ своей послѣдней рѣчи всѣмъ своимъ «дѣтямъ» борьбу съ этимъ общимъ врагомъ, патріархъ британской демократіи удалился отъ дѣлъ. Новый премьеръ Розберри отказался отъ немедленнаго проведенія гомруля, а на выборахъ 1895 г., въ которыхъ главную роль играли уже другіе вопросы, уніонисты снова одержали побѣду.

Десятилѣтнее царство реакціоннаго имперіализма въ Англіи вызвало въ Ирландіи временное разочарованіе въ англійской демократіи и даже усиленіе англофобіи, выразившееся въ крайне неприличныхъ формахъ во время южно-африканской войны[1]). Но, съ другой стороны, система «гегемоніи» была такъ основательно подорвана реформами Гладстона, что и консервативное правительство могло только итти дальше по проложенному этими реформами пути. Въ аграрномъ вопросѣ оно, въ интересахъ самихъ же лэндлордовъ, принуждено было прибѣгнуть къ единственному возможному выходу изъ созданной Гладстономъ системы «двойственной собственности» — выкупу земли въ полную собственность крестьянъ. Съ паденіемъ лэндлордизма оказалось невозможнымъ и сохраненіе старой системы мѣстнаго самоуправленія, которое и пришлось волей-неволей реорганизовать на демократическихъ началахъ (1898 г.). Но затѣмъ возникалъ вопросъ, не является ли при такихъ условіяхъ анахронизмомъ и послѣдній остатокъ «гегемоніи» — бюрократическій «абсолютизмъ» «Дублинскаго замка»? И вотъ вопросъ о центральномъ органѣ самоуправленія Ирландіи снова выдвигается съ совершенно неожиданной стороны. Послѣ окончанія работъ аграрной конференціи 1903 г. комитетъ этой конференціи, состоявшій изъ лицъ умѣренныхъ воззрѣній, выпустилъ по иниціативѣ предсѣдателя графа Денрэвена «программу деволюціи». «Придерживаясь твердаго убѣжденія, что парламентское единство Великобританіи и Ирландіи необходимо для политической силы имперіи», авторы программы полагали, что «это единство совмѣстимо съ деволюціей въ пользу Ирландіи мѣстнаго управленія въ болѣе широкихъ размѣрахъ», и находили, что «такая деволюція, не касаясь предметовъ имперской важности и вопросовъ общаго интереса для всего королевства, была бы благодѣтельна для Ирландіи и освободила бы имперскій парламентъ отъ массы дѣлъ... отнимающихъ у него время въ ущербъ вопросамъ болѣе важнымъ». Въ видѣ конкретной мѣры программа предлагала учрежденіе представительнаго совѣта съ функціями финансовыми, административными и правомъ разсмотрѣнія такъ наз. частныхъ биллей, но считала желательной

[1]) Paul Dubois, p. 163.

Digitized by Google

въ будущемъ делегацію и правъ законодательныхъ, сначала посредствомъ передачи тѣхъ или другихъ вопросовъ ad hoc [1]). Разыгрался необычайный скандалъ; оказалось, что въ этомъ «заговорѣ» участвовали рядъ видныхъ членовъ уніонистской партіи, въ томъ числѣ намѣстникъ Ирландіи лордъ Дедли и ирландскій секретарь Уиндгэмъ. Послѣдовали отставка послѣдняго и рядъ непріятныхъ объясненій, сильно способствовавшихъ распаденію правительства Бальфура. Несмотря на совершенную практическую безрезультатность этого выступленія, оно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ отличіе отъ прежнихъ проектовъ этого рода было задумано, какъ попытка соглашенія «настоящаго гомруля» съ неприкосновенностью уніи. «Деволюція», говоритъ графъ Денрэвенъ, «означаетъ делегацію единственной существующей властью — имперскимъ парламентомъ— тѣхъ или другихъ правъ парламенту или собранію — называйте, какъ хотите — учрежденному для осуществленія этихъ правъ. Это слово обязательно означаетъ верховенство и подчиненіе. Деволюція можетъ касаться только функцій административныхъ, или функцій законодательныхъ, или можетъ обнять всѣ правительственныя функціи; тутъ нѣтъ границы, кромѣ самой делегирующей власти центральной власти. Она можетъ передавать какія ей угодно законодательныя и исполнительныя функціи, но она не можетъ лишить себя права взять ихъ обратно. Поэтому деволюція несовмѣстима съ отмѣной уніи, но она совмѣстима, мало того, она неразличима, отъ какой бы то ни было концепціи гомруля, признающей верховенство имперскаго парламента» [2]). Это верховенство уже было признано проектомъ 1892 г. И на самомъ дѣлѣ «гомруль» и «деволюція» были близки къ сліянію. Слабая сторона программы 1903 г. заключалась въ незначительности конкретныхъ предложеній. Она была отвергнута націоналистами, хотя вождь ихъ Редмондъ привѣтствовалъ ее, какъ «моральную побѣду» [3]).

На выборахъ 1906 г. либеральная партія, желая, какъ она заявила, получить отъ избирателей категорическій отвѣтъ по вопросу о протекціонизмѣ, обязалась не проводить гомруля въ данномъ парламентѣ [4]). На самомъ дѣлѣ она по всей вѣроятности не хотѣла,

[1]) Dunraven, l. c., p. 347 ss.
[2]) Ibid., p. 339.
[3]) Ibid., p. 338.
[4]) Въ 1907 г. правительство Кэмпбелль-Баннерманна внесло билль объ учрежденіи совѣта при намѣстникѣ съ функціями, еще болѣе ограниченными, нежели предлагала программа деволюціи, категорически указывая, что этотъ билль не имѣетъ ничего общаго съ гомрулемъ, который будетъ поставленъ на очередь, какъ только руки правительства будутъ развязаны. Билль былъ отвергнутъ націоналистами, и въ доказательство своей искренности правительство, несмотря на абсолютное большинство либераловъ въ парламентѣ, немедленно отъ него отказалось.

Digitized by Google

чтобы несомнѣнно предстоявшій конфликтъ съ палатой лордовъ произошелъ на этой выгодной для лордовъ почвѣ. Расчетъ блестяще оправдался. Палата лордовъ принуждена была «показать лицо», конфликтъ разыгрался на почвѣ бюджета, на почвѣ непосредственныхъ классовыхъ интересовъ лордовъ, для защиты которыхъ они пошли на прямое нарушеніе той конституціи, которую они якобы охраняли отъ гомруля. Принимая брошенную отклоненіемъ бюджета 1909 г. перчатку, правительство свободно могло аппелировать къ интересамъ всей британской демократіи. Открывая на митингѣ въ Albert Hall'ѣ весною 1910 г. избирательную кампанію, первый министръ Асквитъ указалъ на гомруль, какъ на одну изъ первыхъ мѣръ, подлежащихъ проведенію при посредствѣ ограниченія вето лордовъ. Послѣ этого уніонисты разумѣется выѣзжали на «отторженіи Ирландіи», какъ единственной цѣли вето — билля[1]), (что имъ не мѣшаетъ въ настоящее время утверждать, что въ 1910 г. вопросъ о гомрулѣ не стоялъ передъ избирателями). Но было уже поздно. Народъ узналъ истинный смыслъ «патріотизма» лордовъ и ихъ защитниковъ. Частичная побѣда оппозиціи на выборахъ въ Англіи послужила лишь къ вящшему выясненію единства демократическихъ интересовъ. Благодаря потерѣ абсолютнаго большинства правительство принуждено было вступить въ формальную коалицію съ рабочей и ирландской партіями и ударъ старому врагу былъ нанесенъ рукой объединенной британской демократіи. Путь былъ проложенъ и для необозримаго ряда соціальныхъ реформъ и для автономіи Ирландіи. 11 апрѣля 1912 г. новый билль о гомрулѣ былъ внесенъ въ палату общинъ; послѣ двукратнаго принятія въ двухъ сессіяхъ этой палаты (17 января и 8 іюля 1913 г.) и двукратнаго отклоненія лордами (31 января и 17 іюля того же года), онъ подлежитъ въ настоящей сессіи третьему и послѣднему обсужденію въ палатѣ общинъ для проведенія въ порядкѣ акта о парламентѣ 1911 г. Но въ основу этого билля уже безъ всякихъ оговорокъ положена идея реорганизаціи Соед. Королевства посредствомъ системы мѣстныхъ автономій, основанныхъ на делегаціи со стороны центральнаго парламента — посредствомъ «деволюціи» превратившейся во «всеобщій гомруль». Такимъ образомъ и правовой и политическій смыслъ вопроса совершенно измѣнился. Гомруль въ этой современной постановкѣ вопроса (не говоря уже о новѣшихъ осложненіяхъ по поводу Ульстера), — гомруль, какъ «федерализація» Соед. Королевства, какъ автономія, уже не выдѣ-

[1]) Между тѣмъ вышеуказанное заявленіе правительства было сдѣлано еще при началѣ первой избирательной компаніи 1910 г. т.-е. когда оно, обладая абсолютнымъ большинствомъ, было еще независимо отъ ирландцевъ.

Digitized by Google

ляющая данную область въ принципіально-особое положеніе сравнительно съ другими частями государства, а, напротивъ, являющаяся частью будущей общегосударственной системы, — уже выходитъ за рамки настоящей статьи и требуетъ отдѣльнаго очерка (который мы и предполагаемъ дать на страницахъ «Юрид. Вѣстн.»).

Отказъ англичанъ отъ «гегемоніи» надъ ирландскимъ народомъ, объединеніе англійской и ирландской демократіи въ борьбѣ за общіе интересы сдѣлали свое дѣло. Именно этимъ путемъ англійская «государственная идея» въ концѣ концовъ одержала ту побѣду въ ирландскомъ вопросѣ, которую не могли дать ей столѣтія безпощаднаго угнетенія. Вопросъ объ автономіи Ирландіи, какъ о полномъ или частичномъ, «юридическомъ» или «политическомъ» выдѣленіи ея изъ великобританскаго государства отошелъ въ область исторіи.

А. Кулишеръ.

Digitized by Google

Вотчинные Округа въ Пруссіи и Саксоніи.

Въ Пруссіи и Саксоніи на ряду съ основною мелкою земской единицей — самоуправляющейся общиной — до сихъ поръ еще остались въ качествѣ пережитковъ стараго времени, того времени, когда въ рукахъ феодала-помѣщика находились нити суда и управленія въ предѣлахъ его имѣнія по отношенію къ подчиненнымъ ему крестьянамъ, такъ называемые самостоятельные вотчинные округа (selbständige Gutsbezirke). Въ вотчинныхъ округахъ не имѣется органовъ общиннаго самоуправленія: общиннаго совѣта и общиннаго старшины, и жители такихъ округовъ не обладаютъ избирательнымъ коммунальнымъ правомъ.

Въ предѣлахъ территоріи вотчиннаго округа владѣлецъ имѣнія совмѣщаетъ въ себѣ права всѣхъ органовъ общиннаго управленія и несетъ также большую часть возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Всѣ жители территоріи округа подчинены принудительной власти помѣщика въ той же мѣрѣ, какъ жители самоуправляющейся общины подчинены принудительной власти органовъ общиннаго

Сокращенія.

Сакс. RLGO	— Саксонское Revidierte Landgemeindeordnung vom 24. April 1873.
Pr. O. V. G. E.	— Preussische Oberverwaltungsgerichtsentscheidungen.
ALR	— Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten.
LGO Вост.	— Landgemeindeordnung für die sieben östlichen Provinzen Ost- und Westpreussen, Brandenburg, Pommern, Posen, Schlesien und Sachsen vom 3. Juli 1891.
LGO Ш.-Т.	— Landgemeindeordnung für Schleswig-Holstein vom 4. Juli 1892.
LGO Г.-Н.	— Landgemeindeordnung für Hessen-Nassau vom 23. Aug. 1897.
LGO Вестф.	— Landgemeindeordnung für Westfalen vom 19. März 1856.
Кг. О Вестф.	— Kreisordnung für Westfalen vom 31. Juli 1886.
Кг. О Ганн.	— Kreisordnung für Hannover vom 6. Mai 1884.
Z. G.	— Zuständigkeitsgesetz vom 1. Aug. 1883.
Genzmer LGO	— Genzmer. Kommentar zur Landgemeindeordnung vom 3. Juli 1891, Letzte Ausgabe.
Genzmer G. B.	— Entstehung und Rechtsverhältnisse der Gutsbezirke in den sieben östlichen Provinzen. Berlin, 1891.
Pr. U. Bl.	— Preussisches Verwaltungsblatt.

Digitized by Google

самоуправленія. Такимъ образомъ, вотчинный округъ въ противоположность сельской общинѣ не представляетъ собою корпораціи, такъ какъ ему не хватаетъ союзной организаціи. Здѣсь частное лицо—крупный землевладѣлецъ, въ силу частно-правового титула владѣнія земельнымъ имуществомъ, является органомъ мѣстнаго управленія и становится въ тѣ же отношенія къ государственной власти, что и самоуправляющаяся община; его дѣятельность такъ же, какъ и дѣятельность общинныхъ учрежденій, подлежитъ надзору со стороны государства.

Вотчинный округъ занимаетъ въ общей системѣ земскаго управленія Пруссіи и Саксоніи мѣсто равноправное по своему значенію съ самоуправляющейся общиной.

Вотчинные округа существуютъ только на востокѣ Германской имперіи и, по мѣрѣ приближенія къ границѣ Франціи, на Западѣ встрѣчается все меньшее и меньшее количество ихъ, вкрапленныхъ въ густую массу общинныхъ союзовъ, и, наконецъ, въ государствахъ юго-запада и даже въ Рейнской провинціи, Гогенцоллернѣ и Гессенъ-Нассау, трехъ западныхъ провинціяхъ прусскаго королевства вотчинныхъ округовъ вовсе уже не существуетъ [1]). Чрезвычайно характерно и слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что и въ Пруссіи, сохранившей въ восточныхъ своихъ провинціяхъ этотъ своеобразный институтъ полуфеодальнаго типа, французское вліяніе на западѣ королевства уничтожило привилегированныя права владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній и подчинило всѣхъ жителей этихъ трехъ провинцій (Рейнской, Гогенцоллернъ и Гессенъ-Нассау) лишь власти самоуправляющихся общинъ. Сосѣдство и вліяніе Франціи сказалось и здѣсь въ области упраздненія остатковъ феодальнаго строя въ системѣ мѣстнаго управленія.

Правда, и въ юго-западныхъ государствахъ германской имперіи имѣются особыя Gemarkungen, стоящія внѣ общинныхъ союзовъ; но эти участки (Gemarkungen) состоятъ исключительно изъ ненаселенныхъ мѣстностей: вершинъ горъ, озеръ, обширныхъ лѣсовъ, къ которымъ изъ населенныхъ имѣній присоединены только королевскіе замки [2]).

На сѣверѣ же и на востокѣ имперіи территоріи вотчинныхъ округовъ населены въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма плотно [3])

---

[1]) Schön, Das Recht der Kommunalverbände in Preussen, стран. 34. Въ Гессенъ-Нассау вотчинные округа имѣются только въ Regierungsbezirk'ѣ Кассель.

[2]) Таковы, напримѣръ, Gemarkungen Баваріи (Seydel, Bayerisches Staatsrecht, II, стран. 45).

[3]) По переписи 1905 года въ Пруссіи было 15672 самостоятельныхъ вотчинныхъ округа съ 2037135 жителей; изъ нихъ въ 4 вотчинныхъ округахъ было болѣе 500 жителей, а именно въ Antonienhütte (уѣздъ Kattowitz),

Digitized by Google

и представляютъ изъ себя земли, вполнѣ годныя для культуры, кромѣ того и въ административномъ отношеніи цѣлый рядъ вотчинныхъ округовъ Пруссіи и Саксоніи имѣетъ крупное значеніе въ качествѣ низшихъ единицъ мѣстнаго управленія, равноправныхъ съ общинами. На востокѣ Германіи, такимъ образомъ, низшая единица земскаго управленія не единообразна и на ряду съ самоуправляющейся общиной, граждане которой избираютъ свои распорядительные и исполнительные органы, имѣются и вотчинные округа, въ которыхъ исполнительнымъ органомъ является уже не выборный общинный старшина, а вотчинный старшина (Gutsvorsteher); обязанности Gutsvorsteher'a въ вотчинномъ округѣ несетъ или владѣлецъ имѣнія (Gutsbesitzer) или его управляющій, слѣдовательно, низшими административными единицами на ряду съ самоуправляющимися союзами выступаютъ и единоличные административные органы полуфеодальнаго типа.

Такимъ образомъ подъ вотчиннымъ округомъ понимается такая самая мелкая, пространственно ограниченная основная единица мѣстнаго управленія, которая не является самоуправляющимся общиннымъ союзомъ; напротивъ того, территорія и жители этого участка подчинены принудительной власти владѣльца имѣнія, составляющаго территорію этого округа[1]). Однако же данное выше общее опредѣленіе необходимо раскрыть и указать конкретно, какія именно имѣнія съ землями, къ нимъ принадлежащими, законодательство относитъ къ категоріи самостоятельныхъ вотчинныхъ округовъ.

Саксонское общинное положеніе[2]) рѣшаетъ вопросъ довольно просто, перечисляя всѣ роды имѣній, которыя признаются самостоятельными вотчинными округами, а именно: 1) королевскіе замки и принадлежащія къ нимъ земли, 2) непринадлежащіе до сихъ поръ ни къ какому общинному союзу государственные и частные лѣса, 3) Kammer- und Rittergüter, 4) тѣ владѣльческія имѣнія, которыя, не обладая достоинствомъ Rittergut, въ то же самое время находились и находятся къ общинѣ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ Rittergut, т.-е. имѣнія, не носящія наименованія Rittergut, но обладающія правами послѣдняго.

Всѣ тѣ имѣнія, которыя ко времени изданія общиннаго положенія обладали самостоятельностью, остались таковыми и по сейчасъ,

---

въ Elbinger Territorium (уѣздъ Beuthen); см. также Edmund Fischer, Die Gutsbezirke in Preussen (Kommunale Praxis), 1911, стран. 163 и сл.).

[1]) Genzmer, St., Entstehung und Rechtsverhältnisse der Gutsbezirke in Preussen, Berlin, 1892, стран. 30; Schön, Das Recht der Kommunalverbände in Preussen, 1897, стран. 339; Schoplick, Das Recht der Gutsbezirke in Preussen, Berlin, 1910, стран. 9 и слѣд.

[2]) Сакс. R. L. G. O. § 82.

Digitized by Google

если по какой-либо причинѣ не утеряли признанныхъ за ними правъ [1]).

Въ случаѣ возникновенія спора о томъ, обладаетъ ли данное имѣніе правами вотчиннаго округа или нѣтъ, вопросъ разрѣшается въ судебно-административномъ порядкѣ.

Но если въ Саксоніи сравнительно просто разрѣшается вопросъ о томъ, какія имѣнія относятся къ разряду вотчинныхъ округовъ, то въ Пруссіи, наоборотъ, основанія, на которыхъ зиждется это право, весьма разнообразны; это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что прусское королевство исторически сложилось изъ большого количества прежде совершенно самостоятельныхъ государствъ, обладавшихъ часто отличнымъ другъ отъ друга законодательствомъ и административной практикой, а такъ какъ основанія для возведенія въ рангъ вотчиннаго округа лежатъ въ глубинѣ вѣковъ, то немудрено, что особенности исторіи каждой провинціи оставили слѣдъ и на институтѣ вотчинныхъ округовъ.

Въ Пруссіи вотчинные округа по большей части въ территоріальномъ отношеніи совпадаютъ съ территоріей имѣнія, и границы владѣній помѣщика служатъ въ то же время и границами административнаго дѣленія государства (вотчиннаго округа). Однако же бываютъ случаи, когда къ территоріи вотчиннаго округа принадлежатъ земельные участки, не находящіеся въ собственности хозяина имѣнія [2]). Территорія вотчиннаго округа и предѣлы примѣненія административныхъ полномочій владѣльца имѣнія, составляющаго округъ, не расширяются въ томъ случаѣ, если владѣлецъ имѣнія пріобрѣтаетъ новый участокъ земли, лежащій внѣ границъ вотчиннаго округа, и, наоборотъ, эти административныя полномочія не теряются, если владѣлецъ продаетъ часть своего имѣнія,

---

[1]) Сакс. R. L. G. O. § 82, d. Это чисто историческое происхожденіе саксонскихъ вотчинныхъ округовъ особенно отчетливо оттѣняется тѣмъ обстоятельствомъ, что по закону возможность созданія новыхъ вотчинныхъ округовъ исключена (они могутъ быть создаваемы лишь изъ земель, принадлежащихъ къ королевскимъ замкамъ и изъ большихъ лѣсовъ по § 82, a и d, общиннаго положенія). Такимъ образомъ, здѣсь, въ Саксоніи, новый вотчинный округъ можетъ быть созданъ лишь въ порядкѣ диспенсаціи, пожалованіе которой должно быть мотивировано особыми мѣстными общественными интересами (M. N. O. vom 12 Mai 1829), а принудительное созданіе вотчиннаго округа, противъ воли владѣльца имѣнія, во всякомъ случаѣ исключено (M. N. O. vom 30 December 1902). Равнымъ образомъ и тѣ имѣнія, которыя раньше были самостоятельны, а затѣмъ утратили свою самостоятельность, не могутъ уже стать опять вотчинными округами. См. также E. Naundorf, Einführung in die wichtigsten Verfassunggs- und Verwaltungsgesetze des deutschen Reichs und des Königreichs Sachsen insbesondere für die Bureaubeamten im Geschäftsbereiche des Ministeriums des Innern zur Vorbereitung für die Assistenten- und Sekretärprüfung, Leipzig, 1904, S. 209.

[2]) § 8 des preussischen Ausführungsgesetzes zum Reischunterstützungswohnsitzgesetz, vom 8 März 1870.

Digitized by Google

лежащую въ границахъ вотчиннаго округа, въ чужія руки; такимъ образомъ, хотя основой вотчиннаго округа и является право собственности на землю, однако же разъ установленный на частноправовой основѣ институтъ публичнаго права — вотчинный округъ—не измѣняется въ своемъ территоріальномъ составѣ даже въ случаѣ продажи части имѣнія или покупки новыхъ участковъ [1]).

Даже если все имѣніе будетъ распродано по мелочамъ, вотчинный округъ тѣмъ самымъ не считается упраздненнымъ и владѣлецъ имѣнія не можетъ сложить съ себя какъ права, такъ и обязанности вотчиннаго старшины (Gutsvorsteher), такъ какъ всякій вотчинный округъ можетъ быть уничтоженъ только публичноправовымъ, но не частно-правовымъ актомъ [2]).

Мы видѣли выше, что вопросъ о томъ, какія имѣнія принадлежатъ въ Пруссіи къ обладающимъ правами вотчинныхъ округовъ, рѣшается весьма различно въ разныхъ провинціяхъ. Конечно, не всякое самостоятельное имѣніе образуетъ въ то же время и вотчинный округъ и даже, далѣе, не всякое рыцарское имѣніе, обладающее такъ называемымъ Rittergutsqualität, есть вотчинный округъ [3]); такимъ образомъ и старыя дворянскія имѣнія, владѣльцы которыхъ до отмѣны крѣпостной зависимости обладали патримоніальными правами надъ населеніемъ имѣнія, иногда не имѣютъ права вотчинныхъ округовъ. Такъ, напримѣръ, въ западной и восточной Пруссіяхъ есть много такъ называемыхъ adelige Freidöfer, которыя состоятъ изъ множества самостоятельныхъ маленькихъ Rittergüter, принадлежащихъ къ мѣстному общинному союзу; въ Вестфаліи и Саксоніи есть много рыцарскихъ имѣній, которыя во времена французскаго господства въ началѣ XIX вѣка были присоединены къ сосѣднимъ сельскимъ или городскимъ общинамъ и такъ и остались частями ихъ территорій, не образуя самостоятельнаго округа [4]). Наконецъ, во всѣхъ провинціяхъ королевства имѣются такія рыцарскія имѣнія, которыя не были въ состояніи исполнить возложенныя на нихъ, какъ на самостоятельные вотчинные округа обязанности и потому были присоединены къ сосѣдней общинѣ. Всѣ эти рыцарскія имѣнія, хотя и утеряли права самостоятельныхъ вотчинныхъ округовъ, но ихъ Rittergutsqualität и тѣсно связанныя съ нимъ нѣкоторыя права (а именно Kir-

[1]) Вновь купленные участки въ административномъ отношеніи продолжаютъ оставаться частями общины или вотчиннаго округа, къ которымъ они раньше принадлежали; см. Schön, S. 339, Pr. O. V. G. E. I, стран. 158 и 110; II, стран. 159; VII, стран. 183 и 203; X, стран. 94; XVI, стран. 350.

[2]) Pr. O. V. G. E., I, стран. 147; VII, стран. 203.

[3]) Schoplick, назв. соч., стран. 16.

[4]) O. V. G. E., VI, стран. 100; XI, стран. 151; Schön, стран. 340; Genzmer, L. G. O., стран. 6.

Digitized by Google

chenpatronat, право на участіе въ рыцарскихъ кредитныхъ обществахъ (Landschaften) и право на участіе въ избраніи членовъ палаты господъ [1]) сохраняются за ними до сего дня въ полной неприкосновенности.

Въ семи восточныхъ провинціяхъ и въ Гессенъ-Нассау [2]) вотчинные округа бываютъ двухъ родовъ; одни получили административную самостоятельность въ качествѣ результата долгаго историческаго процесса и постепеннаго развитія патримоніальной власти владѣльца имѣнія надъ его жителями, другіе созданы были уже послѣ отмѣны крѣпостного права распоряженіемъ верховной государственной власти. Первые носятъ названіе вотчинныхъ округовъ стараго права, а вторые — новаго права, но современное публично-правовое положеніе ихъ совершенно одинаково [3]); разница имѣется только въ происхожденіи ихъ правъ.

Вотчинный округъ въ качествѣ основной единицы земскаго управленія впервые вводится въ общую схему прусскаго мѣстнаго управленія закономъ 31 декабря 1842 года объ обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ [4]); § 5 этого закона относитъ къ вотчиннымъ округамъ не всѣ самостоятельныя имѣнія въ уѣздахъ, а только имѣнія господскія» (das Gut der Gutsherrschaft), т.-е. тѣ, владѣльцы которыхъ обладаютъ принудительной властью по отношенію къ населенію имѣнія, несутъ обязанности вотчиннаго старшины (Gutsvorsteher) и уплачиваютъ повинности.

Закономъ 14 апрѣля 1856 года [5]) было установлено, что впредь права вотчиннаго округа могутъ быть пожалованы какому-либо имѣнію только особымъ актомъ государственной власти, а именно Королевскимъ кабинетскимъ указомъ (Königliche Kabinetsorder) всѣ тѣ имѣнія, которыя ко времени изданія закона были вотчинными округами, остаются таковыми и на будущее время [6]); но въ законѣ мы напрасно стали бы искать разрѣшенія вопроса о томъ, какія именно имѣнія относятся къ категоріи вотчинныхъ округовъ, онъ принимаетъ терминъ «Gutsbezirk» какъ нѣчто хорошо извѣстное и напередъ данное [7]). Мы видѣли только то, что и болѣе ранній законъ 31 декабря 1842 года не даетъ точнаго опредѣленія понятія

---

[1]) Genzmer, Entstehung und Rechtsverhältnisse der Gutsbezirke in Preussen, стран. 44.
[2]) Въ Regierungsbezirk Coblenz.
[3]) O. V. G. E., XI, стран. 164.
[4]) §§ 5 и 7 des Gesetzes über die Verpflichtung zur Armenpflege vom 31 Dez. 1842; см. также Schoplick, назв. соч., стран. 9.
[5]) Gesetz vom 14 April 1856 betreffend die Landgemeindeverfassungen in den sechs östlichen Provinzen.
[6]) § 1, Ges. vom 14 April 1856.
[7]) Schön, стран. 341.

Digitized by Google

«вотчинный округъ», глухо указывая, что къ числу вотчинныхъ округовъ принадлежатъ только «господскія» имѣнія, не давая въ свою очередь точнаго опредѣленія этого послѣдняго наименованія.

Законодательство просто освящаетъ своимъ признаніемъ фактическое существованіе исторически сложившихся господскихъ имѣній, обладающихъ въ качествѣ вотчинныхъ округовъ административными функціями.

Такимъ образомъ, отличительными особенностями вотчиннаго округа является не хозяйственная самостоятельность имѣнія, но тѣ полномочія въ области публичнаго права, которыя принадлежатъ его владѣльцу (Gutsherr'у) по отношенію къ населенію, а также и то обстоятельство, что вотчинный округъ является совершенно самостоятельной единицей земскаго управленія, равноправной съ сельскими общинами и не принадлежащей ни къ одной изъ нихъ [1]).

Однако же указаніе на то, что всякое имѣніе, владѣлецъ котораго есть Gutsherr, представляетъ собой вотчинный округъ, еще не даетъ достаточно точнаго критерія для выясненія того, принадлежитъ ли данное имѣніе къ категоріи вотчинныхъ округовъ или нѣтъ, такъ какъ для того, чтобы узнать — Gutsherr ли его владѣлецъ или нѣтъ — нужно обратиться къ выясненію историческихъ основаній и степени той принудительной власти, которая во времена крѣпостного права принадлежала хозяину имѣнія, и прежде всего выясненію вопроса о томъ, обладалъ ли онъ до отмѣны крѣпостной зависимости правомъ на подданныхъ (Recht auf Unterthanen) или нѣтъ; само собой эти историческія изысканія совершенно не нужны, если данное имѣніе возведено было въ рангъ вотчиннаго округа королевскимъ указомъ [2]).

Это право на подданныхъ принадлежало на основаніи общаго земскаго права лишь владѣльцамъ рыцарскихъ имѣній. Владѣльцы другихъ самостоятельныхъ имѣній обладали имъ лишь въ томъ только случаѣ, если провинціальное законодательство или особая привилегія, данная имѣнію, приравнивали его къ Rittergut въ отношеніи права на подданныхъ [3]). Для западной и восточной Пруссіи

---

[1]) E. Löning, Landgemeinden und Gutsbezirke in den östlichen Provinzen Preussens («Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Bd. 58, S. 163).

[2]) O. V. G. E., I, стран. 109; II, стран. 117; VII, стран. 177; XVI, стран. 224; Genzmer, Gutsbezirke, стран. 34; Genzmer, L. G. O., стран. 3; Schoplick, назв. соч. стран. 29.

[3]) A. L. R. Th. II, tit. 7, §§ 91 и 92. См. также O. V. G. E., XXII, стран. 102,

Digitized by Google

понятіе рыцарскаго имѣнія было точно установлено провинціальнымъ законодательствомъ[1]).

Такимъ образомъ рыцарскія имѣнія и равноправныя съ ними самостоятельныя имѣнія и составляютъ кадръ вотчинныхъ округовъ стараго права, само собой разумѣется въ томъ случаѣ, если онѣ не были присоединены къ какой-либо сосѣдней общинѣ, но сохранили свою самостоятельность въ качествѣ административной единицы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ права вотчиннаго округа принадлежатъ также и такъ называемымъ Кульмскимъ имѣніямъ (Kulmische Güter[2]), а именно въ томъ случаѣ, если владѣльцы этихъ имѣній имѣли право на подданныхъ, но гораздо чаще у владѣльцевъ кульмскихъ имѣній этого права не было, а иногда даже эти имѣнія съ самаго своего основанія принадлежали къ Dorfgemeinde[3]).

Таково историческое происхожденіе вотчинныхъ округовъ на востокѣ Прусскаго королевства и въ Гессенъ-Нассау; административная власть, принадлежащая теперь владѣльцу имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, опирается на тѣ полномочія патримоніальнаго свойства, которыми обладали предшественники теперешняго собственника имѣнія до отмѣны крѣпостной зависимости.

Однако же имѣются также и вотчинные округа новаго права, созданные не долгимъ историческимъ процессомъ, а пожалованіемъ со стороны государственной власти. Прежде всего пожалованіемъ королемъ какому-либо имѣнію права рыцарскаго имѣнія (Rittergutsqualität) влекло за собой и дарованіе ему права вотчиннаго округа. Закономъ 14 апрѣля 1856 года[4]) предоставлена была воз-

---

[1]) Keil, Die Landgemeindeordung für die sieben östlichen Provinzen der Monarchie vom 3 Juli 1891, Freiburg und Leipzig, 1896, стран. 323, см. также Ostpreussisches Provinzialrecht vom 4 August 1801 Zusatz 162, §§ 1 und 2, и § 21 des Provinzialrechts für Westpreussen vom 19 April 1844.

[2]) Названіе свое кульмскія имѣнія получили отъ главнаго города земель Германскаго Ордена между Вислой и Мемелемъ, Кульма; впервые Кульмское право было кодифицировано въ Kulmishe Handfeste vom 28 Dezember 1232, пересмотрѣнныхъ 1 октября 1252 года. Этотъ памятникъ устанавливалъ особыя привилегіи нѣмецкихъ колонистовъ въ кульмскихъ земляхъ; имъ жаловались въ полную собственность участки орденской земли за платежъ небольшой подати Ордену и отправленіе военной повинности въ предѣлахъ границъ Ордена, но не въ завоевательныхъ экспедиціяхъ. Колонисты были свободны отъ сторожевой службы и несенія натуральныхъ повинностей. Поселялись они или въ отдѣльно другъ отъ друга расположенныхъ дворахъ или деревнями. Самостоятельныя кульмскія имѣнія и возникали, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если новоселъ обосновывался на одинокомъ дворѣ. О кульмскихъ имѣніяхъ см.: Keil, назв. соч., стран. 58; von Brünneк, Zur Geschichte des Grundeigenthums in Ost- und Westpreussen: I die Kulmischen Güter, стран. 51—58; Schön, стран. 44.

[3]) O. V. G. E., VIII, стран. 96; XVI, стран. 230; XXI, стран. 15; XXXVII, стран. 150.

[4]) Gesetz vom 14 April 1856 betreffend die Landgemeindeverfassungen in den sechs östlichen Provinzen, § 1, II.

Digitized by Google

можность полученія права вотчиннаго округа и для имѣній, неполучившихъ права рыцарскаго имѣнія, такъ какъ любыя земельныя владѣнія какъ принадлежащія къ территоріи сельской общины, такъ и лежащія внѣ ея предѣловъ, съ королевскаго соизволенія могли быть возводимы въ рангъ вотчинныхъ округовъ. Это постановленіе перешло и въ новыя общинныя положенія; теперь вотчинный округъ можетъ быть вновь образованъ въ силу рѣшенія уѣзднаго или окружнаго комитета, утвержденнаго королемъ[1]).

Территорія новаго вотчиннаго округа можетъ быть создана: 1) изъ участковъ, не принадлежавшихъ до сихъ поръ ни къ какой общинѣ. 2) изъ частей территоріи вотчиннаго округа или общины, 3) изъ территоріи цѣлой общины, такъ что въ этомъ послѣднемъ случаѣ сельская община превращается въ вотчинный округъ[2]). Условія для проведенія въ жизнь этихъ территоріальныхъ измѣненій совершенно одинаковы съ тѣми, которыя установлены для измѣненій территорій сельскихъ общинъ[3]).

Въ западныхъ провинціяхъ королевства исторически сложившіеся вотчинные округа были во времена французскаго господства уничтожены и присоединены къ сосѣднимъ общинамъ. Возстановлены вотчинные округа были только въ Вестфаліи и притомъ лишь для такъ называемыхъ landtagsfähige Güter, т.-е. тѣхъ имѣній, владѣльцамъ которыхъ принадлежало право участвовать въ избраніи членовъ законодательныхъ учрежденій; необходимымъ условіемъ являлось также требованіе исполненія вновь созданнымъ вотчиннымъ округомъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя были возложены на общину по отношенію къ жителямъ территоріи, образовавшей вотчинный округъ[4]).

Теперь новый вотчинный округъ въ Вестфаліи можетъ быть созданъ по просьбѣ владѣльца имѣнія, желающаго выдѣлить свои владѣнія изъ состава общины, или по просьбѣ общинныхъ учрежденій [5]).

---

[1]) Такимъ образомъ и теперь необходимо королевское волеизъявленіе.
[2]) L. G. O. Вост. и Ш. Г. § 2.
[3]) L. G. O. Вост. и Ш. Г. § 2 и Genzmer, Gutsbezirke, стран. 39 и 40. Въ провинціи Шлезвигъ-Гольштейнъ постановленія общиннаго положенія по вопросу о томъ, какія имѣнія относятся къ категоріи вотчинныхъ округовъ, сходны съ порядками семи вотчинныхъ провинцій (L. G. O., Ш.-Г. § 2). Здѣсь также имѣются вотчинные округа стараго и новаго права, при чемъ къ числу первыхъ относятся всѣ тѣ дворянскія имѣнія, которыя до присоединенія провинціи къ Пруссіи не входили въ составъ общиннаго союза и владѣльцы которыхъ сами несли на себѣ всю тяжесть управленія округомъ; вотчинными же округами новаго права считаются тѣ, которые получили эту привилегію послѣ присоединенія къ Пруссіи, а именно послѣ указа 22 сентября 1867 года (см. Schön, стран. 344).
[4]) L. G. O. Вестф. § 3; см. также Schön, стран. 344; Blodig, Die Selbstverwaltung als Rechtsbegriff, Wien, 1894, 269.
[5]) L. G. O. Вестф. § 3, I.

Digitized by Google

Къ такой просьбѣ должны быть присоединены мнѣніе мѣстнаго уѣзднаго комитета относительно выдѣленія и согласіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ[1]). Выдѣленіе можетъ быть произведено и противъ желанія общины или владѣльца Королевскимъ указомъ по выслушаніи мнѣнія уѣзднаго комитета[2]). Для пріобрѣтенія правъ вотчиннаго округа въ указанномъ выше порядкѣ не требуется, чтобы имѣніе было рыцарскимъ и теперь въ Вестфаліи вотчиннымъ округомъ можетъ стать въ силу королевскаго указа всякое самостоятельное имѣніе, а всѣ тѣ имѣнія, которыя ко времени изданія вестфальскаго уѣзднаго земскаго положенія[3]) были вотчинными округами, остались таковыми и на будущее время[4]).

Въ Ганноверѣ самостоятельныя (въ административномъ смыслѣ помѣстья не носятъ названія вотчинныхъ округовъ (Gutsbezirke), но именуются: «изъятыя изъ общиннаго союза самостоятельныя владѣнія» («vom Gemeindeverbande ausgenommene Besitzungen»[5]). По своему положенію эти «самостоятельныя владѣнія» ничѣмъ не отличаются отъ вотчинныхъ округовъ другихъ провинцій королевства, и потому къ нимъ вполнѣ можно примѣнить названіе вотчинныхъ округовъ. Самостоятельность ганноверскіе вотчинные округа, еще въ то время, когда Ганноверъ былъ независимымъ королевствомъ, получали только въ силу акта государственной власти.

Образованіе новыхъ вотчинныхъ округовъ и посейчасъ регламентируется ганноверскимъ закономъ 28 апрѣля 1859 года[6]). Въ силу этого закона большія имѣнія государственныя, монастырскія и частновладѣльческія могутъ быть выдѣлены изъ общиннаго союза, получить привилегіи вотчиннаго округа въ томъ случаѣ, если имѣются налицо слѣдующія условія: 1) нечерезполосность земельныхъ владѣній имѣнія или уплата его владѣльцемъ не менѣе половины всѣхъ общинныхъ налоговъ, 2) отсутствіе возможности серьезнаго вреда для общиннаго управленія отъ выдѣленія имѣнія и 3) просьба о выдѣленіи со стороны или владѣльца имѣнія или общины[7]).

Просьба о выдѣленіи должна быть подаваема ландрату того уѣзда, въ которомъ расположено имѣніе, а разрѣшеніе на устройство

---

[1]) L. G. O. Вестф. § 3, I, и Kr. O. § 25, I.
[2]) L. G. O. Вестф. § 3, II, и § 6, IV, Z. 9. § 25, III.
[3]) 31 іюля 1886 года.
[4]) Kr. O. Вестф. § 23.
[5]) Kr. O. Ганн. §§ 21 и 36, а также O. V. G. E. XIX, стран, 152.
[6]) Gesetz betreffend die Abänderung des § 12 des Ges. vom 5. Sept. 1848 über verschiedene Aenderungen des Landverfassungsgesetzes, см. v. Gostowski, Die Gemeindeverfassungsgesetze der Provinz Hannover (Ergänzungsband für Brauchitsch's Kommentar), Berlin, 1892, S. 4.
[7]) Подробнѣе см. у Schön, стран. 345.

Digitized by Google

новаго вотчиннаго округа дается оберъ-президентомъ провинціи Ганноверъ[1]).

Таковы разнообразныя основанія въ различныхъ прусскихъ провинціяхъ, по которымъ то или иное имѣніе получило право вотчиннаго округа[2]).

Ознакомившись съ тѣмъ, какія имѣнія законъ и судебно-административная практика относятъ къ разряду вотчинныхъ округовъ, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію порядка управленія ими и къ изученію тѣхъ правъ и обязанностей, которыя предоставлены ихъ владѣльцамъ.

Отличительной особенностью вотчиннаго округа по сравненію съ самоуправляющейся общиной является то обстоятельство, что руководство дѣлами мѣстнаго управленія возложено здѣсь не на корпоративную организацію — общинный союзъ, а на одно лицо — владѣльца имѣнія [3]); такимъ образомъ здѣсь не имѣется налицо одного изъ основныхъ (даже и съ точки зрѣнія господствующей германской доктрины) признаковъ самоуправленія: союзной организаціи, и потому слова Лабанда о томъ, что вотчинный округъ это монархически организованное самоуправленіе («monarchisch organisierte Sebstverwaltung»[4]) должно признать скорѣе остроумнымъ парадоксомъ, нежели точнымъ научнымъ опредѣленіемъ такого сравнительно несложнаго явленія, какъ управленіе вотчиннаго округа. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ, что вотчинный округъ есть органъ самоуправленія, такъ какъ его административному аппарату не достаетъ двухъ (изъ трехъ) отличительныхъ признаковъ системы мѣстнаго самоуправленія: 1) союзной организаціи и 2) избираемости исполнительныхъ и распорядительныхъ органовъ мѣстнымъ населеніемъ[5]); во главѣ вотчиннаго округа стоитъ единоличный административный органъ, совмѣщающій въ себѣ какъ распорядительныя, такъ и исполнительныя функціи, — владѣлецъ имѣнія; его полномочія, какъ вотчиннаго старшины (Gutsvorsteher'a), принадлежатъ ему не въ силу избранія его въ старшины мѣстнымъ населеніемъ или общиннымъ представительнымъ собраніемъ, а лишь

---

[1]) Bekanntmachung des Hannov. Ministeriums des Innern v. 28. April 1859 (Gostowski, назв. соч., стран. 6); на рѣшеніе оберъ-президента можно еще подавать жалобу министру внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Мы уже видѣли выше, что вотчинныхъ округовъ вовсе не имѣется въ Рейнской провинціи, Гогенцоллернѣ и части провинціи Гессенъ-Нассау.

[3]) Genzmer, Gutsbezirke, стран. 51.

[4]) Laband, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, 4 Aufl. I Band, стран. 100.

[5]) Подробнѣе о существѣ самоуправленія см. нашу статью «Теоріи самоуправленія въ германской наукѣ» въ «Извѣстіяхъ Политехническаго Института» за 1913 годъ.

Digitized by Google

благодаря тому обстоятельству, что онъ собственникъ имѣнія, обладающаго привилегіей вотчиннаго округа.

Въ общинѣ государство поручаетъ удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей выборнымъ органамъ общиннаго союза; въ вотчинномъ округѣ мѣстное управленіе сосредоточено въ рукахъ владѣльца имѣнія. Общинныя положенія различныхъ провинцій Пруссіи и Саксонское общинное положеніе такъ и опредѣляютъ компетенцію вотчиннаго старшины ссылкою на аналогичную ему компетенцію общинныхъ учрежденій [1]).

Но, спрашивается, кто же съ точки зрѣнія общинныхъ положеній является владѣльцемъ имѣнія (Gutsbesitzer'омъ). Здѣсь прежде всего необходимо остановить вниманіе читателя на томъ, что въ особѣ владѣльца имѣнія совмѣщаются два момента: частно-правовой и публично-правовой. Съ одной стороны, онъ собственникъ имѣнія — частный предприниматель и, какъ таковой, заботится о правильномъ веденіи хозяйства въ имѣніи и объ извлеченіи наибольшей суммы дохода, съ другой стороны — онъ облеченъ административною властью въ предѣлахъ своего имѣнія, составляющаго вотчинный округъ. Критерій для различенія между его частно-правовыми и публично-правовыми функціями можно найти въ тѣхъ постановленіяхъ закона, которыя опредѣляютъ компетенцію владѣльца имѣнія какъ вотчиннаго старшины, и указываютъ, что въ предѣлахъ вотчиннаго округа онъ замѣняетъ собою общинное самоуправленіе въ общинахъ и сфера дѣлъ, предоставленныхъ его вѣдѣнію, аналогична съ дѣлами, предоставленными законами управленію общинныхъ властей; только эта публично-правовая дѣятельность владѣльца имѣнія, какъ вотчиннаго старшины, подлежитъ надзору со стороны государства, всѣ же его мѣропріятія, проведенныя имъ въ жизнь въ качествѣ собственника имѣнія, свободны отъ административнаго надзора [2]).

Современный владѣлецъ имѣнія (Gutsbesitzer) выступаетъ на сцену мѣстнаго управленія въ качествѣ преемника правъ дореформеннаго Gutsherr'а и даже для вотчинныхъ округовъ стараго права Gutsherr является прямымъ предшественникомъ современнаго Gutsbesitzer'а, и права и привилегіи послѣдняго имѣютъ своимъ источникомъ патримоніальныя полномочія его дореформеннаго предшественника [3]).

---

[1]) L. G. O. Вост. и Ш. Г. § 122; Г. Н. § 94; Вестф. § 67, см. также Саксонское R. L. G. O. § 84.

[2]) L. G. O. Вост. § 123; Ш.-Г. § 123; Г.-Н. § 95; Вестф. § 67 и Сакс. R. L. G. O. § 84.

[3]) Pr. O. V. G. E., I, стран. 202; Genzmer, Gutsbezirke, стран. 51 и 52; Freytag, P., Die Landgemeindeordnung für die sieben östlichen Provin-

Digitized by Google

Нормальнымъ, если можно такъ выразиться, идеальнымъ считается такое положеніе дѣла, когда собственникъ имѣнія обладаетъ и публично-правовою властью администратора въ его предѣлахъ въ соотвѣтствіи съ историческимъ развитіемъ понятія вотчиннаго округа, но дѣйствительность часто не соотвѣтствуетъ этой идеальной схемѣ. Такъ какъ собственникъ имѣнія свободно распоряжается своими земельными владѣніями: продаетъ тѣ земельные участки, которые составляютъ часть территоріи вотчиннаго округа, и покупаетъ земли, лежащія внѣ его предѣловъ, — то предѣлы его владѣній часто не совпадаютъ съ территоріей вотчиннаго округа, въ которомъ онъ несетъ обязанности вотчиннаго старшины. Если при продажѣ имѣніе раздробляется на нѣсколько участковъ, то въ силу одного этого частноправового акта не появляется нѣсколько новыхъ Gutsbesitzer'овъ, несущихъ обязанности вотчинныхъ старшинъ, а всѣ публично-правовыя полномочія остаются въ рукахъ собственника основного остатка имѣнія (Restgut [1]). Выясненіе того, кто является владѣльцемъ Restgut'a, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ является вопросомъ факта и дѣло рѣшается каждый разъ по силѣ обстоятельствъ даннаго случая [2]).

---

zen der Monarchie unter Berücksichtigung des bisherigen Rechtszustandes der Judikatur des Oberverwaltungsgerichts und Materialien», Breslau, 1892, стран. 274, прим. 4.

[1]) Pr. O. V. G. E. I, стран. 147; VII, стран. 201; VIII, стран. 80; X, стран. 89; Edikt vom 11 Mai 1900, Pr. V. Bl. XX, стран. 323; Genzmer, L. G. O., стран. 181, прим. 2. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не легко бываетъ съ точностью установить, который изъ участковъ распроданнаго имѣнія сохраняетъ за собой права вотчиннаго округа и является Restgut. Дѣло обстоитъ просто въ томъ случаѣ, если въ договорѣ объ отчужденіи части имѣнія оговорено, что вотчинныя права остаются за собственникомъ остатка имѣнія или же, что они переносятся на покупщика одного изъ участковъ, на которые было разбито имѣніе для продажи. Если такихъ оговорокъ нѣтъ, то вотчинныя права передаются обыкновенно покупателю, получившему ту часть имѣнія, въ которой находится господская рыцарская усадьба (Rittersitz, castrum nobile) и разбитая на участки территорія бывшаго имѣнія продолжаетъ составлять вотчинный округъ, при чемъ вотчиннымъ старшиной является владѣлецъ Rittersitz'a.

Наконецъ, вотчинныя права (Gutsherrlichkeit) могутъ не переходить и къ одному изъ новыхъ владѣльцевъ частей имѣнія, а быть оставленными прежнимъ владѣльцемъ за собою; тогда онъ продолжаетъ оставаться вотчиннымъ старшиной, несмотря на то, что въ его владѣніи не осталось ни пяди бывшихъ его владѣній; но въ такомъ случаѣ прежній владѣлецъ долженъ озаботиться покрытіемъ всѣхъ тѣхъ расходовъ и исполненіемъ всѣхъ тѣхъ обязанностей по отношенію къ своимъ бывшимъ Gutsunterthanen, которыя лежали на немъ во время обладанія имѣніемъ. По смерти такого безземельнаго Gutsherr'a права его переходятъ къ его наслѣдникамъ (см. O. V. G. E. XVI, стран. 249 и 254; XXVII, стран. 202; Pr. V. Bl. XVI, стран. 242; XXVI, стран. 217; XXVIII, стран. 671).

[2]) O. V. G. E., XXXVII, стран. 204; Ausführungsanweisung zur L. G. O. v. 3 Juli 1891, II, Nr. 2 und 6. Brauchitsch, Verwaltungsgesetze, т. III, стран. 239, примѣч. 13; Keil, L. G. O. für die 7 östl. Prov., стран. 68, примѣч. 21, и министерскій циркуляръ betreffend Zusammensetzung des Kreistages von 10 März 1873.

Digitized by Google

Владѣльцами имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, могутъ быть также акціонерныя компаніи и юридическія лица [1]).

Если имѣніе находится въ совладѣніи нѣсколькихъ лицъ по идеальнымъ частямъ, то каждый изъ собственниковъ обладаетъ самостоятельными вотчинными правами [2]).

Если имѣніе находится въ собственности замужней женщины, то по рѣшенію высшаго административнаго суда, вотчинныя права принадлежатъ самой владѣлицѣ, а не ея мужу [3]).

Владѣлецъ имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, является для его жителей и территоріи замѣстителемъ общиннаго союза и несетъ всѣ обязанности, возлагаемыя закономъ на общинныя учрежденія. По общему правилу, фондомъ для покрытія расходовъ по управленію вотчиннымъ округомъ служатъ частныя средства его владѣльца. Законъ, предоставляя частному лицу цѣлый рядъ административныхъ полномочій, вводя его въ качествѣ необходимой составной части въ общій механизмъ государственнаго управленія, въ то же время возлагаетъ на него и всѣ тяжести покрытія издержекъ управленія. Тѣ полномочія, которыя въ общинахъ распредѣлены между общинными исполнительными и распорядительными органами, въ вотчинныхъ округахъ объединены въ лицѣ владѣльца имѣнія — вотчиннаго старшины, который для жителей округа является замѣстителемъ и общиннаго совѣта, и общиннаго старшины. Въ дѣлѣ управленія округомъ онъ ни въ коей мѣрѣ не связанъ какими либо изъявленіями мнѣнія со стороны населенія, которое является безгласнымъ свидѣтелемъ его административныхъ мѣропріятій, подчиненныхъ лишь въ порядкѣ надзора законномѣрному воздѣйствію стоящихъ надъ вотчиннымъ старшиной административныхъ учрежденій. Владѣлецъ имѣнія (Gutsbesitzer) въ качествѣ вотчиннаго старшины (als Gutsvorsteher) обладаетъ такимъ образомъ по отношенію къ населенію вотчиннаго округа принудительной властью.

Основное начало управленія вотчиннымъ округомъ, въ силу котораго владѣлецъ, обладая всей совокупностью правъ мѣстнаго административнаго учрежденія, несетъ въ то же самое время и издержки

[1]) Тогда, конечно, права и обязанности вотчиннаго старшины являются функціями ихъ законныхъ представителей (Keil, Die Landgemeindeordnung für die sieben östliche Provinzen der Monarchie, Freiburg, 1896, стран. 338, No. 3.

[2]) O. V. G. E., XXXVII, стран. 204; конечно, на практикѣ они по соглашенію между собой передаютъ права управленія вотчиннымъ округомъ въ руки какого-либо одного изъ совладѣльцевъ. Въ Саксоніи вотчиннымъ старшиной является тотъ изъ совладѣльцевъ, который имѣетъ мѣстожительство въ имѣніи или же старше по возрасту; иногда вопросъ рѣшается жребіемъ (R. L. G. O. § 85).

[3]) O. V. G. E., XXXII, стран. 181.

Digitized by Google

управленія, проведено въ жизнь безъ какихъ-либо изъятій саксонскимъ общиннымъ положеніемъ [1]); здѣсь населеніе округа, будучи совершенно безправнымъ, въ сферѣ управленія, не несетъ въ то же самое время и никакихъ расходовъ, которые покрываются владѣльцемъ имѣнія и, хотя число жителей вотчиннаго округа принимается во вниманіе при внесеніи владѣльцемъ имѣнія взносовъ въ кассу мѣстнаго союза для призрѣнія бѣдныхъ (Ortsarmenverband), въ составъ котораго входятъ сосѣдняя община и вотчинный округъ, но всѣ расходы и по призрѣнію бѣдныхъ лежатъ на владѣльцѣ имѣнія, а жители не уплачиваютъ ни одного пфеннига [2]).

Не то въ Пруссіи; здѣсь цѣлый рядъ мѣстныхъ учрежденій въ округѣ содержится не только на средства владѣльца имѣнія, но и на средства другихъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ находятся въ предѣлахъ вотчиннаго округа. Хотя высшій административный судъ во всѣхъ болѣе раннихъ рѣшеніяхъ [3]) и устанавливаетъ то правило, что владѣльцу имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, не принадлежитъ право распредѣленія издержекъ управленія между земельными собственниками и жителями округа, однако же новѣйшее законодательство, начиная съ закона о введеніи въ дѣйствіе имперскаго закона о мѣстѣ призрѣнія [4]), отступаетъ отъ этого начала и возлагаетъ рядъ издержекъ на мѣстное управленіе на плечи населенія вотчиннаго округа, не предоставляя въ то же время его представителямъ участія въ дѣлѣ управленія округомъ [5]).

Кромѣ упомянутыхъ только что расходовъ на призрѣніе бѣдныхъ на жителей вотчиннаго округа возлагаются новѣйшимъ законодательствомъ также издержки на борьбу съ заразными болѣзнями [6]), на содержаніе школьныхъ зданій [7]), на поддержаніе и ремонтъ дорогъ [8]); уѣздные налоги также взимаются не съ владѣльца имѣнія, а съ жителей вотчиннаго округа [9]).

---

[1]) § 84 Сакс. R. L. G. O.; Otto Mayer, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen, Tüb. 1909, стран. 296.

[2]) Entscheidung des Ministerium des Innern v. 2, Juli 1892; Hoffmann, H. L. Die Rittergüter des Königreichs Sachsen, Dresden, 1901, стран. 77.

[3]) O. V. G. E., VI, стран. 85; XIV, стран. 290.

[4]) Ausführungsgesetz zum Reichsgesetz über den Unterstützungswohnsitz v. 8 März 1871, § 8.

[5]) Schoplick, Das Recht der Gutsbezirke in Preussen, Berlin, 1910, стран. 111; Genzmer, L. G. O., стран. 182.

[6]) Gesetz, betreffend die Bekämpfung übertragbarer Krankheiten, vom 28 August 1905, § 28.

[7]) Gesetz, betreffend die Unterhaltung der öffentlichen Volksschulen, vom 28 juli 1906, § 8, II.

[8]) Wegeordnung für die Provinz Westpreussen vom 28 September 1905, § 48; Wegeordnung für die Provinz Posen vom 15 juli 1907, § 49.

[9]) § 9 различныхъ Кг. О.; § 13 des Kreis- und Provinzialabgabengesetzes vom 23 April 1905, также Schoplick, назв. соч., стран. 150.

Digitized by Google

Такимъ образомъ тогда какъ въ Саксоніи населеніе вотчинныхъ округовъ, будучи лишено права участвовать въ дѣлѣ управленія округомъ, въ то же время и освобождается отъ несенія расходовъ по управленію округомъ, — въ Пруссіи жители вотчиннаго округа, не обладая правомъ участія въ дѣлѣ управленія, тѣмъ не менѣе несутъ расходы на удовлетвореніе цѣлаго ряда культурныхъ потребностей мѣстнаго населенія: не обладая правами, исполняютъ обязанности.

Административныя полномочія, принадлежащія владѣльцу имѣнія, осуществляются имъ въ качествѣ вотчиннаго старшины (Gutsvorsteher). Однако же не всякій владѣлецъ имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, становится вотчиннымъ старшиной въ силу одного лишь права обладанія имѣніемъ. Для того, чтобы стать однимъ изъ звеньевъ административной цѣпи, владѣлецъ имѣнія долженъ обладать свойствами, которыя требуются закономъ отъ общиннаго старшины. Кромѣ того, государству принадлежитъ право неутвержденія въ должности вотчиннаго старшины даже такого Gutsherr'a, который имѣетъ право занять ее.

Владѣлецъ имѣнія можетъ занять постъ вотчиннаго старшины лишь въ томъ случаѣ, если онъ обладаетъ свойствами необходимыми для избранія на должность общиннаго старшины [1]).

Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, какимъ же образомъ слѣдуетъ поступить, когда владѣлецъ имѣнія не можетъ быть вотчиннымъ старшиной, какъ напримѣръ, въ томъ случаѣ, если онъ не саксонскій или не прусскій подданый, или несовершеннолѣтенъ, или, наконецъ, не обладаетъ другими свойствами, необходимыми для того, чтобы нести обязанности вотчиннаго старшины. Естественно, что при такихъ условіяхъ кто-то другой долженъ

Въ провинціи Вестфаліи даже всѣ издержки на управленіе вотчиннымъ округомъ могутъ быть распредѣлены между владѣльцемъ имѣнія и жителями вотчиннаго округа, но такой порядокъ можетъ быть установленъ лишь въ порядкѣ изданія мѣстнаго статута, который долженъ быть утвержденъ уѣзднымъ комитетомъ (Вестф. L. G. O. § 68 и Kr. O. § 26, IV).

[1]) Такъ, напримѣръ, § 86 саксонскаго R. L. G. O. перечисляетъ эти свойства: 1) саксонское подданство, 2) двадцатипятилѣтній возрастъ, 3) неполученіе пособій изъ кассы призрѣнія бѣдныхъ за послѣдніе два года, 4) нелишенность правъ состоянія, 5) ненахожденіе подъ слѣдствіемъ за уголовное преступленіе, влекущее за собой лишеніе правъ состоянія, 6) ненахожденіе подъ конкурсомъ, 7) ненахожденіе подъ полицейскимъ надзоромъ, 8) ненахожденіе въ исправительномъ заведеніи или въ рабочемъ домѣ (Besserungs- oder Arbeitsanstalten), 9) уплата налоговъ и недоимокъ, 10) самостоятельность; см. также Hoffmann, назв. соч., стран. 74. Въ Пруссіи вотчинный старшина можетъ завести особую печать съ надписью: «Der Gutsvorsteher zu...». (Minist. Erlass vom 10 April 1874; M. Bl., стран. 104); см. также E. Naundorf, Einführung in die wichtigsten Verfassungs- und Verwaltungsgesetze des Königr. Sachsen u. s. w.», Leipzig, 1904, стран. 210; Blodig, Die Selbstverwaltung», стран. 271.

Digitized by Google

быть вмѣсто владѣльца имѣнія вотчиннымъ старшиной, такъ какъ нужды управленія округомъ должна быть удовлетворены внѣ зависимости отъ того, правомоченъ или нѣтъ владѣлецъ имѣнія исполнять обязанности вотчиннаго старшины.

Общинныя положенія предусматриваютъ тотъ случай, когда собственникомъ имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, является женщина, несовершеннолѣтній или состоящій подъ опекою или же юридическое лицо, тогда обязанности вотчиннаго старшины возлагаются на законныхъ ихъ представителей: мужей, отцовъ, опекуновъ и уполномоченныхъ [1]). Это случай обязательнаго замѣстительства, но законодательство знаетъ также и замѣстительство факультативное; надѣляя владѣльцевъ самостоятельныхъ имѣній правами вотчиннаго старшины, оно въ то же самое время даетъ имъ возможность не нести самимъ обязанностей управленія вотчиннымъ округомъ, а назначать, съ утвержденія властей надзора, постояннаго или временнаго замѣстителя. Обязанности вотчиннаго старшины если и не требуютъ со стороны владѣльца имѣнія особой заботливости и тщательности, то все же приковываютъ его къ имѣнію, постоянное пребываніе въ которомъ для завѣдыванія дѣлами текущаго управленія становится для него необходимостью не всегда пріятной, въ особенности для крупныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ по большей части въ большихъ городахъ и, во всякомъ случаѣ, принужденныхъ часто отлучаться изъ имѣнія.

Какъ прусскія, такъ и саксонское общинныя положенія идутъ навстрѣчу удовлетворенію интересовъ помѣщиковъ и разрѣшаютъ имъ поручить исполненіе обязанностей вотчиннаго старшины

---

[1]) L. G. O. Вост. § 123, III; Ш.-Г. § 123, III; Г.-Н. § 95, III Вестф. § 67; Сакс. R. L. G. O. § 84; см. также v. der Mosel, Hand-Wörterbuch des Sächsischen Verwaltungsrechtes», 11 Auflage, Leipzig, 1907, стран. 684. Вестфальское общинное положеніе ограничивается только общимъ указаніемъ, что въ томъ случаѣ, если владѣлецъ имѣнія не обладаетъ свойствами, необходимыми по закону для того, чтобы быть вотчиннымъ старшиной, долженъ быть обязательно назначенъ на его мѣсто замѣститель; напротивъ, общинныя уложенія 7 восточныхъ провинцій, Шлезвигъ-Голштейна и Гессенъ-Нассау, а также уѣздное положеніе провинціи Ганноверъ перечисляютъ отдѣльные случаи, когда владѣлецъ имѣнія не можетъ нести обязанностей вотчиннаго старшины, а именно замѣститель долженъ быть назначенъ въ этихъ провинціяхъ, въ томъ случаѣ:

а) если имѣніе принадлежитъ особѣ женскаго пола и при томъ незамужней или вдовѣ, юридическому лицу, акціонерной компаніи, промышленнымъ предпріятіямъ, а въ случаѣ совладѣнія тогда, когда совладѣльцы не пришли между собой къ соглашенію относительно того, кто изъ нихъ будетъ нести обязанности вотчиннаго старшины;

б) если владѣлецъ имѣнія не состоитъ въ германскомъ подданствѣ;

в) если владѣлецъ имѣнія не живетъ постоянно въ предѣлахъ вотчиннаго округа или въ непосредственной близости къ его границамъ;

г) если онъ изъ-за болѣзни или по какимъ-либо другимъ причинамъ личнаго свойства не въ состояніи исполнять обязанности вотчиннаго старшины (L. G. O. Вост. и Ш. Г. § 124, I; Г.-Н. § 96, I; Кг. О. Ганн. § 37, I).

Digitized by Google

постоянному или временному замѣстителю, даже въ томъ случаѣ, если самъ владѣлецъ имѣнія удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, необходимымъ для вступленія въ исполненіе обязанностей вотчиннаго старшины.

Всякій замѣститель владѣльца имѣнія въ должности вотчиннаго старшины, само особой разумѣется, долженъ также обладать всѣми личными свойствами, необходимыми для занятія этого поста и, кромѣ того, долженъ быть утвержденъ въ должности подлежащими административными властями. Такой вотчинный старшина по довѣренности долженъ обязательно жить въ имѣніи или въ непосредственно къ имѣнію прилегающихъ селеніяхъ [1]).

Исполненіе обязанностей вотчиннаго старшины можетъ быть поручено также владѣльцемъ имѣнія старшинѣ сосѣдней общины, съ согласія общинныхъ учрежденій и властей надзора; однако же такое соглашеніе между владѣльцемъ имѣнія и общиной вовсе не означаетъ присоединенія вотчиннаго округа къ общинѣ, такъ какъ дѣла вотчиннаго старшины, порученныя завѣдыванію общиннаго старшины, продолжаютъ оставаться дѣлами вотчиннаго округа и владѣлецъ имѣнія несетъ расходы по управленію вотчиннымъ округомъ, выплачивая общинѣ, по взаимному ихъ между собою согласію, сумму, необходимую для покрытія издержекъ управленія дѣлами вотчиннаго округа [2]).

Владѣлецъ имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, можетъ передать своему замѣстителю исполненіе всѣхъ обязанностей вотчиннаго старшины или же часть оставить за собою; далѣе, онъ можетъ назначить замѣстителя лишь на время своего отсутствія, и такой временный замѣститель можетъ быть назначенъ заранѣе на всѣ случаи отлучки владѣльца — вотчиннаго старшины изъ имѣнія. Такимъ образомъ замѣстительство можетъ быть универсальнымъ и парціальнымъ какъ по объему полномочій, такъ и по срокамъ отправленія обязанностей волостного старшины [3]).

---

[1]) L. G. O. Вост. и Ш. Г. § 123, I; Г.-Н. § 95, I; Вестф. § 67; Kr. O. Ганн. § 36. Сакс. L. Z. G. O. § 86; см. также Otto Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, II, стран. 215.

[2]) L. G. O. Вост. и Ш.-Г. § 123, II, Г.-Н. § 95, II; Сакс. R. L. G. O. § 88. Genzmer, G. B., стран. 53. Hoffmann, назв. соч., стран. 74; въ силу § 87 саксонскаго R. L. G. O. всѣ списки жителей вотчиннаго округа, налоговые, избирателей, присяжныхъ и др., пріобщаются къ спискамъ сосѣдней общины и ведутся ея властями за вознагражденіе со стороны владѣльца имѣнія. Blodig, Die Selbstverwaltung, стран. 272.

[3]) L. G. O. Вост. и Ш.-Г. § 124, II; Г.-Н. § 96, II; Kr. O. Ганн. § 37, II. Schön, стран. 347; Otto Mayer, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen, Tüb. 1909, стран. 298; Вестфальское L. G. O. знаетъ только замѣстительство на время отлучки владѣльца изъ имѣнія (§ 67).

Digitized by Google

Замѣститель является представителемъ владѣльца имѣнія лишь въ сферѣ публичнаго права, тогда какъ весь комплексъ частноправовыхъ правъ и обязанностей остается за послѣднимъ [1]). Такимъ образомъ, напримѣръ, требованія о починкѣ и содержаніи дорогъ должны быть направляемы не къ замѣстителю, несущему обязанности вотчиннаго старшины и его званіе, а непосредственно къ самому владѣльцу имѣнія [2]); наоборотъ, въ дѣлахъ по призрѣнію бѣдныхъ, напримѣръ, всѣ требованія должны быть обращаемы къ вотчинному старшинѣ, хотя бы и въ томъ случаѣ, если его обязанности исполняетъ замѣститель, а не самъ владѣлецъ имѣнія [3]).

Если нѣкоторыя части имѣнія, лежащія ли въ одной массѣ съ основными земельными владѣніями, въ предѣлахъ которыхъ расположена господская усадьба, или же расположенныя черезполосно отдѣльно отъ основного участка, находятся на значительномъ разстояніи отъ усадьбы — мѣста пребыванія вотчиннаго старшины, то для такихъ отдаленныхъ частей имѣнія могутъ быть назначены по иниціативѣ уѣзднаго комитета особые замѣстители, поскольку это окажется необходимымъ въ интересахъ успѣшнаго хода дѣлъ управленія вотчиннымъ округомъ [4]).

Владѣлецъ имѣнія исполняетъ обязанности вотчиннаго старшины безплатно, въ качествѣ почетнаго должностного лица, но замѣстители владѣльца въ должности вотчиннаго старшины обыкновенно получаютъ за свои труды вознагражденіе отъ хозяина имѣнія, при чемъ размѣры его устанавливаются въ порядкѣ частнаго соглашенія между владѣльцемъ имѣнія и его замѣстителемъ [5]). Въ томъ случаѣ, если замѣститель назначается ландратомъ въ порядкѣ надзора, размѣры вознагражденія устанавливаются уѣзднымъ комитетомъ [6]).

---

[1]) Keil, назв. соч., стран. 349, № 26.

[2]) Brauchitsch, III, стран. 262; Genzmer, L. G. O., стран. 185, примѣч. 5. O. V. G. E., VI, стран. 206; IX, стран. 134; XXXVIII, стран. 233; XLV, стран. 233; L, стран. 48.

[3]) O. V. G. E., VII, стран. 33; VIII, стран. 135; XX, стран. 177; XXXVIII, стран. 267.

[4]) L. G. O. Вост. и Ш.-Г. § 124, III; Г.-Н. § 96, III; Кг. О. Ганн. § 37, III. Административное единство имѣнія не нарушается такимъ назначеніемъ дополнительнаго вотчиннаго старшины (O. V. G., XIV, стран. 233). Однако же для владѣльца имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, въ силу рѣшенія высшаго административнаго суда (O. V. G. E., XLVI, стран. 190) не исключена возможность назначенія такого спеціальнаго, для отдѣльнаго участка имѣнія, замѣстителя по собственной его, владѣльца имѣнія, иниціативѣ внѣ зависимости отъ постановленій по этому вопросу уѣзднаго комитета лишь при условіи утвержденія назначеннаго имъ лица уѣзднымъ ландратомъ.

[5]) O. V. G. E., VI, стран. 119; VII, стран. 183.

[6]) L. G. O. Вост. и Ш.-Г. § 127, Г.-Н. § 99, Кг. О. Ганн. § 39, II; Вестф. 26, III.

Digitized by Google

Какъ владѣлецъ имѣнія, такъ и его замѣстители должны быть утверждены въ должности вотчиннаго старшины уѣзднымъ начальникомъ-ландратомъ. Ландратъ можетъ отказать въ утвержденіи лишь съ согласія уѣзднаго комитета; передъ вступленіемъ въ должность вотчинный старшина приводится къ присягѣ ландратомъ [1]).

Если же владѣлецъ имѣнія, не имѣя самъ права въ силу постановленій закона нести обязанности вотчиннаго старшины, въ то же время не назначитъ вмѣсто себя замѣстителя, то тогда замѣститель назначается ландратомъ съ согласія уѣзднаго комитета.

Такое же право назначенія замѣстителя принадлежитъ ландрату въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ имѣнія не утвержденъ въ должности вотчиннаго старшины или же лишенъ правъ состоянія или подпалъ подъ конкурсное производство [2]).

Въ дисциплинарномъ отношеніи вотчинный старшина подчиненъ тѣмъ же самымъ властямъ, что и общинный старшина, и порядокъ дисциплинарнаго производства совершенно такой же, какъ и при наложеніи дисциплинарныхъ взысканій на общиннаго старшину.

Кругъ дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію вотчиннаго старшины, какъ распорядительнаго и исполнительнаго органа вотчиннаго округа, совершенно аналогиченъ компетенціи общинныхъ учрежденій и охватываетъ дорожное дѣло, общественное призрѣніе, школьное дѣло, функціи Standesämter и всѣ тѣ дѣла мѣстнаго управленія, которыя поручаются государствомъ общиннымъ учрежденіямъ и среди нихъ, конечно, прежде всего завѣдываніе мѣстной полиціей [3]). Равнымъ образомъ и организація надзора за дѣя-

---

[1]) L. G. O. Вост. и Ш.-Г. § 125, Г.-Н. § 97, Кг. О. Ганн. § 38; Вестф. § 26, I; Сакс. R. L. G. O. § 86; Genzmer, G, B., стран. 54; въ Гессенъ-Нассау въ томъ случаѣ, если уѣздный комитетъ откажетъ въ утвержденіи вотчиннаго старшины, послѣдній можетъ быть утвержденъ регирунгспрезидентомъ; равнымъ образомъ въ случаѣ отказа ландрата съ согласія уѣзднаго комитета въ утвержденіи владѣлецъ имѣетъ право жаловаться въ теченіе двухъ недѣль регирунгспрезиденту, который и рѣшаетъ окончательно вопросъ; такимъ образомъ въ Гессенъ-Нассау въ дѣлѣ утвержденія вотчиннаго старшины въ должности принимаетъ непосредственное участіе также и регирунгспрезидентъ; въ Восточныхъ провинціяхъ и въ Шлезвигъ-Голштейнѣ приводъ къ присягѣ вотчиннаго старшины можетъ быть порученъ волостному старшинѣ (Amstvorsteher, Districtskommissarius въ Познани).

[2]) L. G. O. Вост. и Ш.-Г. § 126; Г.-Н. § 98; Кг. О. Ганн. § 39, I; Вестф. § 26, II; R. L. G. O. Сакс. § 86, III (здѣсь, конечно, права прусскаго ландрата принадлежатъ начальнику уѣзда (Amtshauptmann); см. также Otto Mayer, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen, Tübingen, 1909, стран. 297.

[3]) Подробное перечисленіе компетенціи вотчиннаго старшины въ Пруссіи можно найти у Genzmer'a, Gutsbezirke, стран. 58—80; у Schoplick'a, назв. соч., стран. 48—80; см. также статью Loening'a въ Jahrbücher der Nationalökonomie und Statistik, Band LVIII, стран. 207—211 (называется эта статья: «Landgemeinden und Gutsbezirke in den östlichen Provinzen Preussens»). На основаніи § 123 L. G. O. восточныхъ провинцій, вотчинный старшина является органомъ полицейскаго управленія подъ руководствомъ волостного старшины.

Digitized by Google

тельностью вотчиннаго старшины ничѣмъ не отличается отъ постановки надзора за дѣятельностью общинныхъ учрежденій, надзоръ сосредоточенъ въ Пруссіи въ рукахъ ландрата съ уѣзднымъ комитетомъ и регирунгспрезидента съ окружнымъ комитетомъ, а въ Саксоніи въ рукахъ уѣзднаго начальника (Amtshauptmann) и уѣзднаго комитета (Bezirksausschuss).

Въ вотчинныхъ округахъ такъ же, какъ и въ сельскихъ общинахъ, на ряду съ вотчиннымъ старшиной имѣются и низшіе служащіе, назначаемые или вотчиннымъ старшиной, или владѣльцемъ имѣнія въ томъ случаѣ, когда онъ поручаетъ исполненіе обязанностей вотчиннаго старшины другому лицу. Эти служителя (Gutsdiener [1]), ночные сторожа, полевые и лѣсные сторожа [2]). Далѣе, въ томъ случаѣ, если вотчинный старшина не пожелаетъ самъ принять должность регистратора правъ состоянія (Standesbeamte), то онъ можетъ назначить такого регистратора и его замѣстителя самъ, при чемъ назначенное имъ лицо утверждается въ должности оберпрезидентомъ провинціи, а вознагражденіе получаетъ отъ владѣльца имѣнія [3]).

Мы разсмотрѣли устройство вотчинныхъ округовъ Пруссіи и Саксоніи; теперь намъ остается остановиться на вопросѣ о томъ, каковы условія упраздненія существующихъ вотчинныхъ округовъ, ихъ роспуска (Auflösung), если принять терминологію общинныхъ положеній.

Въ Пруссіи для упраздненія существующихъ вотчинныхъ округовъ, такъ же какъ и для возникновенія новыхъ, необходимо изъявленіе королевской воли въ формѣ указа, который можетъ послѣдовать въ томъ случаѣ, если вотчинный округъ не исполняетъ болѣе обязанностей, возлагаемыхъ на него закономъ; здѣсь не требуется испрашивать согласіе на упраздненіе вотчиннаго округа лицъ заинтересованныхъ, т.-е. владѣльца имѣнія. Съ тѣми частями государственной территоріи, которыя за упраздненіемъ вотчиннаго округа оказались не принадлежащими ни къ какой общинѣ или вотчинному округу, поступается согласно постановленіямъ общинныхъ уложеній о присоединеніи подобныхъ участковъ къ сосѣдней общинѣ или вотчинному округу [4]). Свою самостоятельность вотчинный округъ можетъ также утратить въ томъ случаѣ, когда онъ цѣликомъ присоединяется къ сосѣдней общинѣ или вотчин-

---

[1]) Instruktion vom 20 September, 1873 zu § 31, Kr. O. восточныхъ провинцій.
[2]) § 62 des Feld- und Forstpolizeigesetzes vom 1 April, 1880.
[3]) §§ 4 u. 10 des Reichsgesetzes vom 6 Februar, 1875.
[4]) L. G. O. Вост., Ш.-Г., Г.-Н. § 2 Z. 2; Вестф. § 6.

Digitized by Google

ному округу, или же превращается изъ вотчиннаго округа въ общину [1]).

Въ Саксоніи предоставлено владѣльцамъ имѣній, составляющихъ вотчинный округъ, право присоединенія вотчиннаго округа къ сосѣдней общинѣ, въ силу свободнаго между ними соглашенія [2]) и, такимъ образомъ, вотчинные округа могутъ быть упразднены самими владѣльцами имѣній.

Созданіе новыхъ вотчинныхъ округовъ въ Саксоніи, какъ мы видѣли выше [3]), не разрѣшено закономъ, и поэтому число самостоятельныхъ имѣній въ Саксоніи уменьшается съ каждымъ годомъ, и весь институтъ осужденъ на вымираніе.

Мы познакомились съ организаціей управленія вотчинными округами, мы видѣли, что въ рукахъ землевладѣльца въ силу лишь одного того обстоятельства, что онъ является обладателемъ имѣнія, составляющаго вотчинный округъ, находятся всѣ тѣ полномочія, которыми общинныя положенія снабжаютъ общинные совѣты и управы и, значитъ, вотчинный округъ на ряду съ общиной занимаетъ самую низшую основную ступень въ лѣстницѣ земскаго управленія; но возникаетъ вопросъ, есть ли вотчинный старшина, органъ мѣстнаго самоуправленія — органъ самоуправляющагося вотчиннаго округа — подобно тому, какъ общинный совѣтъ и общинный старшина суть органы общиннаго самоуправленія. Одинъ изъ выдающихся сторонниковъ юридической теоріи самоуправленія, Лабандъ [4]), считаетъ вотчинные округа органами мѣстнаго самоуправленія, называя ихъ «monarchisch organisierte Selbstverwaltung»; къ нему примыкаютъ также Rosin [5]) и Gareis [6]). Едва ли эта точка зрѣнія справедлива. Правда, самая возможность такого взгляда для названныхъ выше писателей возникаетъ лишь постольку, поскольку они не признаютъ необходимости корпоративнаго строя для органовъ самоуправленія [7]) и потому Rosin

[1]) Подробнѣе объ этомъ L. G. O. Вост., Ш.-Г., Г.-Н. § 2 Z. 3; Вестф. § 6. Въ Ганноверѣ присоединеніе вотчиннаго округа къ сосѣдней общинѣ можетъ быть произведено распоряженіемъ оберъ-президента провинціи съ согласія заинтересованныхъ лицъ и учрежденій. Присоединеніе вотчиннаго округа къ общинѣ противъ воли владѣльца имѣнія допускается лишь тогда, когда единство владѣнія имѣніемъ утрачивается и оно раздробляется на мелкіе куски (O. V. G. E., XIX, стран. 152).

[2]) R. L. G. O. § 82, II; для дѣйствительности соглашенія, конечно, требуется утвержденіе властей надзора (R. L. G. O. § 97, b).

[3]) Стран. 121.

[4]) Staatsrecht des deutschen Reiches, I Bd., стран. 100, 4-го изданія 1901 г.; правда, въ послѣднемъ изданіи (1911 г.) перваго тома это мѣсто уже выкинуто.

[5]) Souverenität, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung, въ Annalen des deutschen Reichs, 1883, стран. 313.

[6]) Allgemeines Staatsrecht, стран. 85—88.

[7]) Напримѣръ, Лабандъ опредѣляетъ самоуправленіе, какъ такое управленіе, которое осуществляется не должностными лицами или чиновниками

Digitized by Google

впадаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ имъ же самимъ даннымъ опредѣленіемъ самоуправленія, признавая вотчинные округа самоуправляющимися единицами. Дѣйствительно, самоуправленіе по Розину есть «признаніе несуверениаго *общенія* (Gemeinwesens), юридическимъ лицомъ со стороны общенія суверениаго» [1]), значитъ, для того, чтобы данный административный органъ можно было признать органомъ самоуправленія, ему необходима прежде всего союзная организація, оно должно быть прежде всего «общеніемъ». Не нужно, конечно, много тратить словъ для того, чтобы доказать, что единоличный органъ управленія вотчиннымъ округомъ — вотчинный старшина — не есть «общеніе» и что въ виду этого для Розина осторожнѣе было бы, разъ онъ признаетъ вотчинные округа органами самоуправленія, не говорить, что всякій органъ самоуправленія есть несуверенное общеніе; болѣе, чѣмъ очевидно, что владѣльца вотчиннаго округа или лицо, имъ уполномоченное на исправленіе обязанностей вотчиннаго старшины, ни въ коемъ случаѣ нельзя признать общеніемъ; это, конечно, органы единоличные.

Такимъ образомъ, Розинъ впадаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою [2]).

Подавляющее большинство ученыхъ, какъ сторонниковъ господствующей юридической теоріи самоуправленія [3]), такъ и представителей общественной теоріи [4]), признаютъ существеннымъ и главнѣйшимъ признакомъ самоуправленія союзное начало, и самоуправляющимися организаціями считаютъ возможнымъ признать лишь территоріальныя корпораціи: общины, уѣзды, провинціи и т. п. Вотчинные округа, въ виду этого, признаются ими лишь на ряду съ общинами, низшими административными дѣленіями, при чемъ вотчинный старшина — владѣлецъ имѣнія, не считается органомъ мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ вотчинный округъ не является территоріальной корпораціей.

государства, или, — такъ какъ эти должностныя лица суть только органы государства, — не самимъ государствомъ, но, хотя и подчиненными государству, однако, въ предѣлахъ ихъ компетенціи самостоятельными корпораціями или отдѣльными лицами (Laband, I, стран. 100, 4 Ausgabe).

[1]) Souverenität, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung, стр. 319.

[2]) На ряду съ Лабандомъ, Гарейсомъ и Розиномъ признаютъ возможнымъ считать вотчинныхъ старшинъ органами самоуправленія также: 1) Jellinek, Общее ученіе о государствѣ, стран. 429; 2) Zorn, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, Bd. I, Berlin, стран. 77—78; 3) Schön, Das Recht der Kommunalverbände im Preussen, Leipzig, 1897, стран. 6.

[3]) Объ ученіи юридической теоріи о существѣ самоуправленія см. мою статью въ «Извѣстіяхъ Политехническаго Института» за 1913 г. «Теоріи самоуправленія въ Германской наукѣ», глава IV, стран. 30—46, а въ особенности примѣчаніе 2 на стран. 32.

[4]) О представителяхъ общественной теоріи самоуправленія и ихъ ученіи объ общинѣ, какъ о территоріальной корпораціи, см. тамъ же, глава II, стран. 10—19.

Digitized by Google

И дѣйствительно, нѣтъ никакихъ основаній признавать вотчиннаго старшину органомъ самоуправленія. Единственная черта сходства, объединяющая должности общиннаго и вотчиннаго старшины въ ихъ противоположеніи мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, это то обстоятельство, что какъ тотъ, такъ и другой несутъ свои обязанности не въ силу полномочій со стороны государственной власти. Но этого чисто отрицательнаго признака, конечно, далеко недостаточно для зачисленія обѣихъ должностей въ категорію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Да, конечно, и общинный старшина и вотчинный старшина не назначаются правительствомъ на свои должности, но въ то время, какъ первый избирается на свой постъ общиннымъ совѣтомъ или общиннымъ сходомъ, представляющимъ общину какъ союзную организацію, какъ территоріальную корпорацію, какъ юридическое лицо публичнаго права, второй занимаетъ свой постъ не по избранію, а по частно-правовому титулу обладанія имѣніемъ, составляющимъ самостоятельный вотчинный округъ.

Чертъ различія между общиннымъ и вотчиннымъ старшиной несравненно больше, нежели чертъ сходства; ихъ объединяетъ только одинъ признакъ: нѣкоторая степень независимости по отношенію къ органамъ правительственной власти, но зато во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они являются скорѣе двумя полнѣйшими противоположностями. Поэтому правильно рѣшаетъ дѣло большинство современныхъ теоретиковъ, затрагивавшихъ вопросы самоуправленія, въ томъ смыслѣ, что вотчинныхъ старшинъ нельзя признать органами самоуправленія, такъ какъ двумъ основнымъ признакамъ понятія о существѣ самоуправленія: союзности и связи съ мѣстнымъ населеніемъ, обезпечиваемой лучше всего избраніемъ со стороны этого населенія, должность вотчиннаго старшины не удовлетворяетъ.

П. П. Гронскій.

Digitized by Google

Къ вопросу о правѣ частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе.

(Значеніе для рѣшенія вопроса основныхъ началъ государственнаго обвиненія).

I.

Субсидіарный уголовный искъ есть форма участія частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи. Въ свою очередь, вопросъ объ участіи частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи составляетъ часть болѣе обширнаго вопроса о роли частныхъ лицъ въ осуществленіи тѣхъ функцій, изъ которыхъ слагается отправленіе уголовнаго правосудія при состязательномъ типѣ процесса. Такими функціями являются защита, обвиненіе и разрѣшеніе уголовнаго иска.

Съ этой точки зрѣнія, вопросы объ участіи народнаго элемента въ составѣ суда (о судѣ присяжныхъ, о судѣ шеффеновъ) и объ участіи частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи представляются вопросами, лежащими въ одной и той же плоскости. Ихъ сближаетъ не только логическая принадлежность къ одному и тому же роду вопросовъ, но и общность практической задачи, обусловливающей ихъ постановку. Эта задача — распространеніе на область правосудія общественной самодѣятельности и общественнаго контроля.

Принципіальное рѣшеніе вопроса объ участіи частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи, иначе формулируемаго, какъ вопроса о допущеніи субсидіарнаго, дополнительнаго или конкурирующаго частнаго уголовнаго иска, предполагаетъ обсужденіе его въ связи съ основными началами государственнаго или должностного обвиненія. Публичное обвиненіе и государственное обвиненіе не одно и то же. Публичное обвиненіе, какъ извѣстно, характеризуется отрицательнымъ признакомъ: тѣмъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, отъ воли частныхъ лицъ не зависитъ воспрепятствовать предъявленію уголовнаго иска или прекратить начатое уголовное преслѣдованіе. Но органомъ публичнаго обвиненія можетъ быть, какъ государственный обвинитель, такъ и частное лицо. Напримѣръ, по нашему

Digitized by Google

Уставу Уголовнаго Судопроизводства, по дѣлу о кражѣ, подсудной мировому суду, всю задачу обвиненія (т.-е. какъ возбужденіе преслѣдованія, такъ и обличеніе обвиняемаго передъ судомъ) можетъ взять на себя частное лицо — потерпѣвшій, но отъ этого обвиненіе не перестаетъ быть публичнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, если бы потерпѣвшій не возбудилъ преслѣдованія, то это должна была бы сдѣлать ex officio полиція, и, во-вторыхъ, потерпѣвшій не располагаетъ правомъ прекратить уже начатое преслѣдованіе. Отсюда слѣдуетъ, что государственное обвиненіе, т.-е. обвиненіе агентомъ государственной власти, есть одинъ изъ двухъ видовъ публичнаго обвиненія, и что вопросъ объ участіи частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи есть вопросъ о допустимости другого вида публичнаго обвиненія, кромѣ государственнаго.

Предметомъ настоящей статьи является лишь одна форма участія частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи — субсидіарное обвиненіе. Такъ называется возбужденіе и поддержаніе обвиненія частнымъ лицомъ въ случаѣ отказа отъ уголовнаго преслѣдованія со стороны государственнаго обвинителя. Задача статьи заключается не въ томъ, чтобы исчерпать вопросъ о субсидіарномъ обвиненіи, а лишь въ томъ, чтобы выяснить значеніе, какое для рѣшенія вопроса имѣетъ принятіе того или другого изъ руководящихъ началъ государственнаго обвиненія.

II.

Основныя начала государственнаго обвиненія суть принципы «легальности» и цѣлесообразности или «удобства», — по общепринятой нѣмецкой терминологіи, «Legalitätsprincip» и «Opportunitätsprincip» [1]).

Legalitätsprincip можетъ быть разсматриваемъ или какъ принципъ матеріальнаго уголовнаго права, или какъ принципъ процессуальный [2]). Въ первомъ случаѣ онъ выражается формулою: «каждое преступленіе должно быть наказано»; во второмъ онъ исчерпывается

---

[1]) Впрочемъ, извѣстная нѣмецкая слабость къ замѣнѣ общеупотребительныхъ иностранныхъ выраженій своими собственными сказалась и здѣсь въ томъ, что нѣкоторые авторы предпочитаютъ говорить о «безусловной или условной обязанности уголовнаго преслѣдованія». См., напр., C. Kade, Unbedingte oder bedingte Strafverfolgungspflicht, 1909.

[2]) Kries, Lehrbuch des Deutschen Strafprozessrechts, 1892, стран. 207, и большинство другихъ процессуалистовъ. Напротивъ, профессоръ Миттермайеръ заявляетъ, что «принципъ легальности не имѣетъ ничего общаго съ уголовнымъ правомъ (матеріальнымъ)». Однако, и онъ тотчасъ же оговаривается, что «строго ортодоксальный сторонникъ теоріи воздаянія... можетъ разсматривать легальность, какъ слѣдствіе абсолютной обязанности наказанія». См. Reform des Strafprozesses. Kritische Besprechungen, herausg. von P. Aschrott, Berlin, 1906, стран. 149.

Digitized by Google

положеніемъ, опредѣляющимъ обязанность обвинительной власти неукоснительно, «ex debito justitiae», преслѣдовать преступленія. Въ своемъ первомъ, широкомъ и абсолютномъ смыслѣ Legalitätsprincip не допускаетъ не только невозбужденія уголовнаго преслѣдованія ставшаго извѣстнымъ преступленія, но исключаетъ и аболицію, и помилованіе. Въ своемъ исключительно процессуальномъ значеніи Legalitätsprincip касается только дѣятельности обвинительной власти.

Legalitätsprincip, какъ начало матеріальнаго уголовнаго права, имѣющее извѣстныя процессуальныя слѣдствія, выводится его сторонниками изъ идеи воздаянія; поэтому его оцѣнка потребовала бы пересмотра самыхъ основъ уголовнаго права.

Но мы не согласны со взглядомъ, согласно которому процессуальный вопросъ о легальности или цѣлесообразности, какъ началахъ государственнаго обвиненія, находится въ неразрывной связи съ матеріально-правовымъ вопросомъ, лежитъ ли на государствѣ абсолютная обязанность воздаянія наказаніемъ за преступленія, или оно лишь обладаетъ правомъ наказанія, другими словами, — является ли оно носителемъ Strafpflicht или Strafrecht [1]). — Легальность, какъ начало дѣятельности обвинительной власти, достаточно твердо обосновывается ученіемъ о судѣ въ правовомъ государствѣ, совершенно независимо отъ спорной, все еще не рѣшенной проблемы о цѣляхъ наказанія. Легальность, господство права, подчиненіе требованію законности соображеній власти объ удобствѣ или неудобствѣ того или другого дѣйствія — такова основная черта, проникающая всѣ функціи власти въ правовомъ государствѣ. Тѣмъ болѣе началомъ легальности должны опредѣляться отправленіе правосудія и, въ частности, входящая въ него функція обвинительная, которая, съ одной стороны, таитъ въ себѣ угрозу для наиболѣе цѣнныхъ благъ личности, а съ другой — служитъ защитой важнѣйшихъ личныхъ и общественныхъ интересовъ. Безпристрастіе въ дѣятельности обвинительной власти обезпечивается тамъ, гдѣ, говоря словами поэта, «всѣмъ простертъ законовъ твердый щитъ, и, сжатый вѣрными руками, гражданъ надъ равными главами ихъ мечъ безъ выбора скользитъ».

Янка, возражая противъ Legalitätsprincip'а усматриваетъ его недостатокъ въ томъ, что имъ вносится автоматизмъ въ живое дѣло правосудія. Онъ пишетъ: «разъ для уголовнаго преслѣдованія

[1]) Такого взгляда придерживается R. Schmidt, который называетъ вопросъ о Legalitätsprincip и Opportunitätsprincip чрезвычайно тонкимъ и въ высшей степени принципіальнымъ вопросомъ, неразрывно сросшимся съ самыми корнями всего уголовнаго права. R. Schmidt, Staatsanwalt und Privatkläger. Leipzig, 1891, стран. 38.

Digitized by Google

установлена система легальности, то уже не государство черезъ свой органъ, не управомоченный (nicht der Berechtigte) выступаетъ передъ судомъ съ требованіемъ своего права, а само право, т.-е. абстрактная правовая норма, несомая своимъ служителемъ, прокуроромъ, предстаетъ передъ лицомъ судьи»[1]). Но развѣ основная черта правового государства не состоитъ именно въ томъ, что въ немъ право, въ своей неуклонности, не уступаетъ преходящимъ, болѣе или менѣе случайнымъ интересамъ? При этомъ могутъ иногда страдать интересы, дѣйствительно заслуживающіе вниманія къ себѣ, но господство законности въ жизни само по себѣ уже составляетъ такое благо, что имъ окупаются частныя, сопровождающія его, невыгодныя послѣдствія. Тотъ образъ, который рисуетъ Янка, — безличное право, предносимое какъ ковчегъ завѣта его вѣрнымъ служителемъ предъ алтарь правосудія, скорѣе способенъ привлечь къ себѣ, чѣмъ оттолкнуть отъ себя [2]).

Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Гроссъ, и примѣненіе другихъ, не только уголовныхъ, законовъ можетъ оказаться въ томъ или иномъ конкретномъ случаѣ нецѣлесообразнымъ и противорѣчащимъ интересамъ государства, но «если бы на этомъ основаніи чиновникамъ, уполномоченнымъ на примѣненіе закона, было предоставлено, въ видѣ правила, каждый разъ обсуждать съ точки зрѣнія цѣлесообразности вопросъ, долженъ ли быть примѣненъ законъ, то тогда были бы утрачены великія благодѣтельныя слѣдствія закономѣрности, и опредѣленность и регулярность въ жизни общества были бы замѣнены суверенным, основаннымъ на субъективныхъ соображеніяхъ сужденіемъ, которое, чтобы не причинить ущерба, должно бы предполагать свойства Соломона»[3]). Право помилованія повсюду разсматривается, какъ jus personalissimum главы государства [4]), а между тѣмъ предоставить обвинительной власти не преслѣдовать преступленія при отсутствіи законныхъ условій, дѣлающихъ преслѣдованіе невозможнымъ, — не значитъ ли это надѣлить правомъ помилованія подчиненные органы власти?

---

[1]) Janka, Staatliches Klagmonopol oder subsidiäres Strafklagrecht, Erlangen, 1879, стран. 6.

[2]) Само собой разумѣется, что мы не считаемъ идеаломъ право, исключающее всякое усмотрѣніе, но большая разница между усмотрѣніемъ, опредѣляющимъ то или иное примѣненіе нормы права въ предѣлахъ, ею же указанныхъ (наприм., при выборѣ мѣры наказанія), и усмотрѣніемъ, въ зависимость отъ котораго ставится самое примѣненіе или непримѣненіе нормы права (наприм., нормы, гласящей: всякій, кто совершитъ такое-то преступленіе, подлежитъ такому-то наказанію).

[3]) Verhandlungen des zweiten Deutschen Juristentages, Bd. I, Berlin, 1861, стран. 141—142.

[4]) Ibidem.

Digitized by Google

Начало законности, какъ основной стимулъ къ дѣятельности органовъ обвиненія, менѣе всего можетъ быть оспариваемо у насъ въ Россіи въ переживаемую нами эпоху, когда русская юридическая мысль, отзывчивая къ нуждамъ дѣйствительности, пытливо ищетъ средствъ, которыя служили бы гарантіей господства права надъ усмотрѣніемъ.

Итакъ, процессуальное начало законности можетъ быть обосновано помимо матеріально-правовой обязанности государства карать преступленія. И въ положительномъ правѣ «Legalitätsprincip» не ставится въ связь съ абсолютною «Strafpflicht» государства. Такъ, въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ такъ же, какъ и въ германскомъ, такой абсолютной обязанности карать всѣ преступленія не признается, какъ слѣдуетъ заключить изъ того, что преслѣдованіе цѣлаго ряда преступленій ставится въ зависимость отъ подачи жалобы потерпѣвшимъ, и въ то же время оба законодательства стоятъ на точкѣ зрѣнія Legalitätsprincip'а [1]).

Какъ процессуальное начало, Legalitätsprincip можетъ быть формулированъ двояко: 1) каждое преступленіе должно влечь за собою уголовное преслѣдованіе, или 2) органъ государственнаго обвиненія обязанъ возбудить преслѣдованіе, разъ ставшее ему извѣстнымъ дѣяніе предусмотрѣно закономъ въ качествѣ преступленія [2]). Въ первой формулировкѣ Legalitätsprincip представляетъ собою идеальное требованіе, предполагающее завѣдомо неосуществимое условіе, а именно, что государственный обвинитель обладаетъ средствами для обнаруженія всѣхъ преступныхъ дѣяній. Оставаясь на почвѣ практическихъ предположеній, можно говорить лишь о Legalitätsprincip'ѣ въ его второй, условной и ограниченной формулировкѣ.

Изложенный взглядъ на значеніе начала легальности въ правовомъ государствѣ прямо противоположенъ тому, который въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія отстаивался Глазеромъ [3]). Для него, напротивъ, совпаденіе права и обязанности уголовнаго преслѣдованія является характернымъ для розыскного процесса, т.-е. для того типа процесса, который свойственъ полицейскому государству. Въ послѣднемъ государственная власть имѣетъ только одинъ органъ уголовнаго правосудія: уголовнаго судью; судья же,

---

[1]) См. Mittermaier, Legalitätsprincip und Ausdehnung der Privatklage, въ сборникѣ «Reform des Strafprozesses», Berlin, 1906, стран. 159.

[2]) R. Schmidt, op. cit., стран. 36, примѣч. 2.

[3]) Jul. Glaser, Princip der Strafverfolgung (въ сборникѣ «Kleine Schriften über Strafrecht und Strafprozessordnung», Wien, 1883; первоначально названная статья была напечатана въ «Allgemeine Oesterreichische Gerichtszeitung 1860, № 87.

Digitized by Google

конечно, не можетъ задаваться инымъ вопросомъ, кромѣ вопроса о наличности законныхъ условій его дѣятельности; разъ эти условія существуютъ, онъ обязанъ вмѣшаться; отсюда крайнее, не оправдываемое достигаемыми результатами, напряженіе дѣятельности судьи-обвинителя по преслѣдованію дѣйствительныхъ или мнимыхъ преступленій. На рядѣ цифръ, взятыхъ изъ австрійской статистики Глазеръ показываетъ что при существованіи инквизиціоннаго процесса начатое уголовное преслѣдованіе лишь въ сравнительно небольшомъ числѣ случаевъ заканчивалось обвинительнымъ приговоромъ. Напротивъ, состязательный процессъ, отдѣлившій обвинительную функцію отъ функціи судьи, даетъ возможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ставить вопросъ не только о наличности законныхъ условій преслѣдованія, но и о цѣлесообразности преслѣдованія. Этотъ вопросъ долженъ ставить государственный обвинитель въ качествѣ стороны въ процессѣ. Если бы онъ, какъ и судья, могъ спрашивать себя лишь о наличности законныхъ условій обвиненія, то онъ былъ бы не болѣе, какъ лицомъ, дающимъ заключеніе, совѣтчикомъ и, наконецъ, «стражемъ закона» («Wächter des Gesetzes»), чѣмъ несомнѣнно подрывалось бы достоинство судей, ибо и они прежде всего призваны стоять на стражѣ закона [1]).

Съ приведенными соображеніями можно было бы согласиться, если бы должностной обвинитель, въ частности, прокуроръ, былъ только стороною въ уголовномъ процессѣ; въ дѣйствительности же, онъ не только сторона, но и власть. Когда частное лицо отпускаетъ преступнику его вину, хотя бы по корыстнымъ или инымъ низменнымъ мотивамъ, то это его частное дѣло, которое никого не касается, но когда обвинительная власть по соображеніямъ, постороннимъ существу дѣла, оставляетъ безъ преслѣдованія виновнаго, нарушая тѣмъ равенство всѣхъ передъ закономъ, то это такъ же скандализируетъ общественное мнѣніе и возмущаетъ общественную совѣсть, какъ и осужденіе невиннаго. Считая несомнѣннымъ, что судья долженъ руководствоваться только закономъ, игнорируя соображенія цѣлесообразности, когда они противорѣчатъ закону, Глазеръ, однако, не задается вопросомъ, почему это въ такой мѣрѣ безспорно? Не потому ли, что только законность въ правосудіи обезпечиваетъ довѣріе къ нему. Но если правосудіе вообще должно опредѣляться началомъ законности, то тѣмъ же началомъ должна опредѣлиться и дѣятельность обвинительной власти. Механизмъ правосудія обнаруживаетъ одинаковую несправедливость, какъ въ томъ случаѣ,

[1]) Glaser, op. cit., стран. 529—536.

Digitized by Google

когда судья допускаетъ въ своей дѣятельности погрѣшность противъ закона, такъ и въ томъ, когда вслѣдствіе бездѣйствія обвинительной власти бездѣйствуетъ и судъ. Опасеніе, что достоинство суда потерпитъ ущербъ, если рядомъ будетъ поставленъ органъ, рѣшающій тотъ же вопросъ о законности обвиненія даннаго лица въ преступленіи, неосновательно уже потому, что обвинительной властью вопросъ этотъ разрѣшается, какъ отмѣчаетъ и самъ Глазеръ [1]), на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ судомъ: для обвиненія передъ судомъ достаточно вѣроятности виновности, для судебнаго приговора необходима достовѣрность; не только по формѣ, но и по существу дѣла, государственный обвинитель, поддерживая обвиненіе, обращается къ суду съ ходатайствомъ, а не съ совѣтомъ.

III.

Противоположный принципу легальности, оправдываемый его сторонниками ссылкою на побѣдоносное развитіе «юриспруденціи интересовъ», принципъ удобства, «Opportunitätsprincip», въ свою очередь, можетъ быть понимаемъ двояко въ зависимости отъ того, придается ли ему самостоятельное значеніе, или лишь значеніе коррективa къ Legalitätsprincip'у, оправдываемаго необходимостью предупреждать тѣ «непрактичныя слѣдствія», къ которымъ могло бы привести ригористическое соблюденіе начала законности [2]). Въ первомъ случаѣ Oppotunitätsprincip гласитъ: уголовное преслѣдованіе можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда этого требуютъ соображенія цѣлесообразности; во второмъ имъ устраняется уголовное преслѣдованіе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно противорѣчитъ соображеніямъ цѣлесообразности [3]). Первое пониманіе Opportunitätsprincip'а отличается несравненно большею широтою, чѣмъ второе, ибо въ его первомъ значеніи Opportunitätsprincip требуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доказательства цѣлесообразности уголовнаго преслѣдованія для того, чтобы оно могло быть возбуждено, между тѣмъ какъ при второмъ значеніи того же принципа цѣлесообразность уголовнаго преслѣдованія, по общему правилу, предполагается; преслѣдованіе не возбуждается лишь при наличности соображеній, говорящихъ за то, что данный случай составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Въ настоящее время у сторонниковъ Opportunitätsprincip'а послѣднее пониманіе его рѣшительно преобладаетъ. Классическимъ выразителемъ его признается Гейнце.

---

[1]) Op. cit., стран. 537.
[2]) Mittermaier, op. cit. въ «Reform des Strafprozesses», стран. 150.
[3]) R. Schmidt, op. cit., стран. 39, примѣч. 1.

Digitized by Google

Рих. Шмидтъ отличаетъ отъ Opportunitätsprincip'a принципъ экономіи силъ и энергіи обвинительной власти, требующей отказа отъ обвиненія въ дѣлахъ о незначительныхъ проступкахъ (unerhebliche Strafsachen). Шмидтъ самъ находитъ, что между этими двумя началами существуетъ лишь тонкое (sehr feine), не сразу уловимое различіе [1]). Это различіе онъ усматриваетъ въ мотивахъ, по которымъ оффиціальному обвинителю предоставляется не предъявлять уголовнаго иска, несмотря на наличность признаковъ преступленій. При допущеніи Opportunitätsprincip'a этимъ мотивомъ являются соображенія, касающіяся личности обвиняемаго; при дѣйствіи начала экономіи силъ обвинительной власти мотивомъ непредъявленія уголовнаго иска должны быть соображенія, касающіяся самой обвинительной власти. Въ первомъ случаѣ государственный обвинитель руководится убѣжденіемъ въ необходимости отказа отъ преслѣдованія; во второмъ — онъ констатируетъ, что «prima facie нѣтъ настоятельной надобности въ преслѣдованіи».

Признавая практическое значеніе лежащей въ основаніи этого различія мысли, мы, однако, усматриваемъ необходимость двухъ поправокъ къ высказаннымъ Р. Шмидтомъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, неправильно среди возможныхъ мотивовъ непредъявленія уголовнаго иска оффиціальнымъ обвинителемъ различать только двѣ категоріи соображеній: относящіяся къ личности подозрѣваемаго и касающіяся самой обвинительной власти; мыслимы и другія: напримѣръ, опасеніе взволновать политическія страсти.

Во-вторыхъ, выдѣляемый Р. Шмидтомъ въ качествѣ самостоятельнаго начала принципъ экономіи, если при немъ возбужденіе или невозбужденіе уголовнаго преслѣдованія ставится въ зависимости отъ того, усмотритъ или не усмотритъ обвинительная власть въ преступленіи значительное нарушеніе публичныхъ интересовъ [2]), есть также принципъ цѣлесообразности, «удобства», словомъ, Oppor-

---

[1]) R. Schmidt, op. cit., стран. 43.

[2]) Въ текстѣ Р. Шмидтъ совершенно опредѣленно отожествляетъ случаи, допускающіе отказъ отъ преслѣдованія по принципу экономіи, съ «маловажными дѣлами» («unerhebliche Strafsachen»); въ примѣчаніи же 3-мъ на стран. 43 онъ оговаривается, что преступленіями второстепеннаго значенія (Deliktsfälle unbedeutender Art) не исчерпывается область примѣненія принципа экономіи, и тѣмъ, несомнѣнно, затемняетъ свою мысль. Какъ на примѣръ, который долженъ подтвердить его замѣчаніе, Шмидтъ указываетъ на случай, когда прокуроръ не беретъ на себя иниціативы предъявленія уголовнаго иска, потому что онъ не довѣряетъ донесенію. Казалось бы, что въ этомъ случаѣ прокуроръ не можетъ возбудить уголовнаго преслѣдованія уже въ силу того общаго правила, что никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію безъ достаточныхъ основаній. Это правило, вытекающее не изъ необходимости экономить силы обвинительной власти, а изъ уваженія къ личной свободѣ гражданъ, сохраняетъ свое значеніе и при неограниченномъ господствѣ начала законности.

Digitized by Google

tunitätsprincip. Поэтому, намъ представляется болѣе правильнымъ въ предѣлахъ начала цѣлесообразности въ широкомъ смыслѣ различать Opportunitätsprincip въ собственномъ смыслѣ и принципъ экономіи силъ («Verfolgungsenergie») обвинительной власти (этотъ послѣдній принципъ Миттермайеръ называетъ выраженіемъ «taktische Opportunität»)[1]). Будучи разновидностями одного и того же начала, эти принципы, дѣйствительно, не вполнѣ равнозначущи. Opportunitätsprincip въ собственномъ смыслѣ, если онъ усвоенъ законодателемъ, требуетъ отказа отъ уголовнаго преслѣдованія, когда оно, по политическимъ, фискальнымъ или инымъ соображеніямъ представляется нежелательнымъ; принципъ экономіи допускаетъ отказъ отъ преслѣдованія не потому, чтобы оно было нежелательно, а въ виду практической необходимости бережно пользоваться личными силами обвинительной власти; при дѣйствіи Opportunitätsprincip'а въ собственномъ смыслѣ, органъ государственнаго обвиненія долженъ воздержаться отъ возбужденія преслѣдованія, если онъ считаетъ его вообще неумѣстнымъ; при допущеніи начала экономіи энергіи обвинительной власти уголовный искъ можетъ быть не предъявленъ, если оффиціальный обвинитель не считаетъ наказаніе виновнаго настолько необходимымъ, чтобы ему слѣдовало взять на себя иниціативу преслѣдованія; въ первомъ случаѣ опредѣляющее значеніе принадлежитъ интересамъ самымъ разнообразнымъ, но не совпадающимъ съ собственными интересами обвинительной власти; во второмъ — интересамъ ея самой (это различіе не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, которое установлено Шмидтомъ; см. выше).

Останавливаясь теперь на вопросѣ, не можетъ ли Opportunitätsprincip быть допущенъ въ дѣятельности государственнаго обвинителя хотя бы въ ограниченномъ объемѣ, мы прежде всего замѣчаемъ глубокое противорѣчіе между «цѣлесообразностью», если подъ нею разумѣется критерій, подчиняющій суровую силу закона (stricti juris rigor) соображеніямъ неправового характера, и «законосообразностью» или, лучше, закономѣрностью. Оба начала рѣшительно несовмѣстимы въ дѣятельности однихъ и тѣхъ же органовъ; ихъ соединеніе, какъ говоритъ проф. Фойницкій, «логически невозможно»[2]). Цѣлесообразность предполагаетъ, что дѣятельность органа, которому предоставлено ею руководиться, опредѣляется его «благоусмотрѣніемъ»; законосообразность, или закономѣрность исключаетъ личное усмотрѣніе всякій разъ, когда

[1]) Mittermaier, op. cit., стран. 149, примѣч. 4.
[2]) См. И. Я. Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I (1896), стран. 83.

Digitized by Google

налицо имѣются закономъ предусмотрѣнныя условія извѣстной дѣятельности. Можно, конечно, размежевать по какому либо признаку область дѣятельности органа власти такъ, чтобы въ одной части этой области дѣйствовало начало цѣлесообразности, а другая была бы подчинена строгой легальности; такъ, въ области дѣятельности обвинительной власти такое размежеваніе, если бы для этого оказалось основаніе, могло бы быть произведено въ зависимости отъ тяжести обнаруживаемыхъ преступленій. Но слѣдуетъ признать совершенно непринципіальнымъ требованіе, чтобы вся вообще дѣятельность органовъ государственнаго обвиненія совмѣщала въ себѣ начала неуклонной законности и свободнаго усмотрѣнія.

Сказанное остается справедливымъ не только въ томъ случаѣ, когда Opportunitätsprincip'у придается значеніе начала, равноцѣннаго началу легальности, но и въ томъ, когда Opportunitätsprincip'у отводится мѣсто подчиненное, второстепенное. Такое именно мѣсто отводитъ ему Н. В. Муравьевъ въ своей книгѣ «Прокурорскій надзоръ». Руководящимъ началомъ для дѣятельности прокуратуры и онъ признаетъ закономѣрность, изъ которой вытекаетъ обязанность прокуратуры «въ предѣлахъ предоставленной ей власти охранять законность всюду, гдѣ окажется хотя бы малѣйшее отъ нея отступленіе, приступать къ законному воздѣйствію вездѣ, гдѣ того требуютъ какіе-либо признаки правонарушенія, и не оставлять этого воздѣйствія до тѣхъ поръ, пока не будутъ исчерпаны всѣ законныя средства къ возстановленію порядка». «Неисполненіе прокуратурой такой обязанности, — категорически заявляетъ авторъ, — представляетъ ничѣмъ не оправдываемое упущеніе, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни произошло». Но на слѣдующей страницѣ авторъ уже доказываетъ, что «благоговѣйное исполненіе его (т.-е. закона) предписаній на практикѣ можетъ выродиться въ мелочный педантизмъ», и что «справедливые интересы общества... практическою силою вещей, рядомъ съ началомъ законности, выдвигаютъ начало умѣстности и цѣлесообразности», — однимъ словомъ, усмотрѣніе. Но авторъ не скрываетъ отъ себя, что «уклончивое и эластичное» понятіе цѣлесообразности можетъ быть сопряжено съ прямымъ ущербомъ для законности. Усмотрѣніе такъ легко переходитъ въ произволъ. Провозглашеніе Opportunitätsprincip'а заключаетъ въ себѣ опасность, что обвинительная власть будетъ возбуждать или не возбуждать преслѣдованіе не только по усмотрѣнію, но и произвольно — «car tel est notre plaisir». Предвидя эту опасность, авторъ, однако, не останавливается передъ нею, считая, что у прокуратуры есть «правильный и ясный критерій,

Digitized by Google

разрѣшающій сомнительные и сложные вопросы». Не безъ удивленія читатель узнаетъ, что «источникомъ такого критерія является чувство мѣры и такта при охраненіи законовъ и публичныхъ интересовъ, основанное на широкомъ и живомъ разумѣніи ихъ внутренняго и истиннаго смысла»[1]). — Бываютъ исключенія, которыя, вопреки поговоркѣ, не подтверждаютъ правила, а отрицаютъ его, уничтожаютъ его значеніе. Opportunitätsprincip въ видѣ исключенія, если только, повторяемъ, для его дѣйствій не отмежевана особая область, отрицаетъ Legalitätsprincip. Сказать, что прокуроръ долженъ проводить послѣдовательно въ своей дѣятельности начало законности, не можетъ дѣлать и отступленія отъ него, когда необходимость отступленій подскажетъ ему чувство мѣры и такта, развѣ это не значитъ самый законъ отдать въ распоряженіе прокурора? Начало законности превращается въ начало усмотрѣнія, какъ только органу, дѣятельность котораго поставлена подъ знамя законности, предоставлено спускать это знамя, когда онъ найдетъ это нужнымъ, по его собственному... усмотрѣнію, и, наоборотъ, можно сказать (какъ говоритъ Каде, объявляющій себя, въ противоположность Н. В. Муравьеву, сторонникомъ Opportunitätsprincip'а), что «начало усмотрѣнія есть не что иное, какъ начало легальности, соединенное съ допущеніемъ исключеній»[2]).

Другой вопросъ, не слѣдуетъ ли выдѣлить извѣстную, опредѣленную легальными признаками, категорію преступленій, которыя преслѣдовались бы или не преслѣдовались бы по усмотрѣнію обвинительной власти? Такому именно пути слѣдуетъ германскій проектъ устава уголовнаго судопроизводства, который въ § 154 (во второй редакціи) предоставляетъ прокуратурѣ по дѣламъ, подсуднымъ участковымъ судьямъ безъ шеффеновъ[3]), воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства, если «въ виду маловажности нарушенія преслѣдованіе не представляется необходимымъ»[4]). § 154 мотивируется необходимостью экономіи силъ обвинительной власти. Начало законности и обязанности государства карать всѣ пре-

---

[1]) Н. В. Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ, Москва, 1889 г., стран. 16—20.

[2]) C. Kade, op. cit., 1909, стран. 16.

[3]) Дѣла, которыя по проекту разсматриваются участковымъ судьею безъ шеффеновъ, предусмотрѣны § 23[3] «Entwurf eines Gesetzes, betreffend Aenderungen des Gerichtsverfassungsgesetzes».

[4]) Въ первой редакціи проекта условіе невмѣшательства прокуратуры было формулировано такъ: «если преслѣдованіе подозрѣваемаго не требуется публичнымъ интересомъ». Entwurf einer Strafprozessordnung nebst Begründung, Amtliche Ausgabe, Berlin 1908. Редакція §§ 153, 154, 155, 365 германскаго проекта устава уголовнаго судопроизводства даетъ поводъ его критикамъ утверждать, что имъ усвоенъ «продыравленный принципъ легальности» (durchlöcherter Legalitätsprincip).

Digitized by Google

ступленія, говорятъ сторонники новой редакціи § 154, разумѣется, терпѣло бы ущербъ, если бы проектъ сталъ закономъ, но этотъ ущербъ компенсировался бы выгодой, которая достигалась бы сбереженіемъ энергіи и средствъ обвиненія, что́, въ свою очередь, обезпечивало бы обвинительной власти возможность сосредоточить свою энергію на преслѣдованіи болѣе важныхъ преступленій.

Однако, оставаясь принципіально послѣдовательными, мы должны были бы къ ограниченію принципа легальности и въ отношеніи маловажныхъ проступковъ отнестись отрицательно. Пусть въ меньшей степени, но все же опасность пристрастнаго или произвольнаго отношенія со стороны обвинительной власти не исключена и тогда, когда дѣло идетъ о маловажныхъ преступленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ себѣ представить законъ, аналогичный § 154 германскаго проекта, уже дѣйствующимъ у насъ. Казалось бы, его дѣйствіе въ первую очередь должно быть распространено на нарушенія всякаго рода обязательныхъ постановленій, ибо законъ нарушается ими не прямо, а только косвенно, черезъ посредство распоряженій и постановленій исполнительной власти, регулирующихъ часто совершенно второстепенныя условія общежитія. Можно себѣ представить, сколько злоупотребленій было бы прикрыто принципомъ экономіи энергіи обвиненія, если бы администрація, которой, по нашему праву, предоставлено преслѣдованіе нарушеній обязательныхъ постановленій, также было предоставлено самой судить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, настолько ли нарушеніе серьезно, чтобы стоило возбудить преслѣдованіе. Многочисленныя и теперь, эти злоупотребленія получили бы принципіальное оправданіе. Приказчикъ, спѣшащій на службу, вскакиваетъ на ходу въ трамвай, — составляется протоколъ, и виновный, въ виду важности строгаго соблюденія правилъ о пользованіи трамваемъ, привлекается къ отвѣтственности; по улицѣ мчится автомобиль со скоростью, превышающую въ два раза дозволенную обязательными постановленіями; пассажиръ задерживается, но когда при составленіи протокола выясняется, что задержанный — сановникъ съ большими связями, слѣдуютъ почтительныя извиненія, и требованіе экономіи торжествуетъ.

Оставаясь послѣдовательными, мы не можемъ согласиться съ тѣми процессуалистами, которые, высказываясь вообще противъ Opportunitätsprincip'a, считаютъ возможнымъ предоставить обвинительной власти «право распоряжаться примѣненіемъ уголовнаго права государства» («das Dispositionsrecht über das Strafrecht des Staates») въ случаѣ маловажныхъ преступленій, ссылаясь на прин-

Digitized by Google

цип: minima non curat praetor [1]), и, напротивъ, должны примкнуть къ заключенію тѣхъ юристовъ, которые, какъ Лиліенталь или Биркмейеръ [2]), полагаютъ, что и маловажные поступки нуждаются въ гарантіи нелицепріятнаго къ нимъ отношенія, и что законодатель долженъ избѣгать всякихъ мѣръ, которыя могутъ послужить почвой хотя бы и для неосновательныхъ сомнѣній въ безпристрастіи правосудія и дать поводъ для характеристики его, какъ «классовой юстиціи».

Къ этому нужно прибавить и другія возраженія, которыя дѣлаются противъ Opportunitätsprincip'a въ примѣненіи къ маловажнымъ проступкамъ. Такъ, Каде справедливо замѣчаетъ, что проступки, маловажные съ точки зрѣнія угрожающаго за нихъ наказанія, представляются вовсе не маловажными съ точки зрѣнія того значенія, которое они имѣютъ для общежитія вслѣдствіе своей многочисленности [3]), а Гиппель указываетъ на тотъ ущербъ для «общепредупредительной силы» (die generalpräventierende Kraft) уголовнаго закона, который долженъ произойти, если граждане будутъ знать, что незначительныя нарушенія можно совершать безнаказанно [4]).

Но полагая, что строго принципіальныя соображенія требуютъ распространеній Legalitätsprincip'a на всѣ категоріи преступленій, мы въ то же время легко можемъ себѣ представить такое фактическое положеніе, при которомъ государство вынуждено будетъ озабо-

---

[1]) Dr. v. Gross, Докладъ, представленный второму съѣзду германскихъ юристовъ. См. «Verhandlungen des zweiten Deutschen Juristentages» Bd. I, Berlin, 1861, стран. 140. Однако, и Гроссъ не отрицаетъ возможности злоупотребленій со стороны органа государственнаго обвиненія даже при ограниченіи его дискреціонной власти критеріемъ незначительности проступка; онъ лишь думаетъ, что «die offenbare «Geringfügigkeit einer Verletzung» ist für diese (т.-е. diskretionäre) Gevalt ein sicherer und dem Missverständnisse bezüglich dem Missbrauche weniger Raum lassender Masstab, als der des «verletzten öffentlichen Interesse». Напротивъ, делегатская комиссія («die ständige Deputation») при съѣздахъ германскихъ юристовъ въ своемъ докладѣ 2-му съѣзду высказала: «въ виду того, что отличіе неважныхъ донесеній отъ важныхъ было бы само по себѣ шаткимъ и потому основанное на немъ невозбужденіе уголовнаго преслѣдованія было бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поставлено въ зависимость исключительно отъ усмотрѣнія отдѣльнаго чиновника, то было бы рискованно предоставить прокурору такое полномочіе, которое лишило бы его нейтральнаго положенія, обязывающаго его руководствоваться только закономъ и заставило бы его занять позицію, болѣе или менѣе подверженную политическимъ вліяніямъ». «Verhandlungen des zweiten Deutschen Juristentages», Bd. I, 1861, S. 256.

[2]) Birkmeyer, Zur Reform der Strafprozessordnung, Das Legalitätsprincip въ «Deutsche Juristen-Zeitung», XIV Jahrg, 1909, S. 1053—1054.

[3]) Kade, op. cit., стран. 13. Это не мѣшаетъ Каде быть сторонникомъ Opportunitätsprincip'a и даже утверждать, что начало легальности относится къ началу усмотрѣнія, какъ ветхозавѣтная мораль къ христіанской. Ibid., стран. 14.

[4]) R. v. Hippel, Der Entwurf einer Strafprozessordnung, въ изд. «Schwurgerichte und Schöffengerichte» Bd. II, H. 1 (1909), стран. 34.

Digitized by Google

титься экономіей энергіи и средствъ обвинительной власти. Въ такомъ случаѣ оказалось бы неизбѣжнымъ выдѣлить кругъ второстепенныхъ проступковъ, въ которомъ Legalitätsprincip уступилъ бы свое мѣсто Opportunitätsprincip'у, т.-е. поступить, подчиняясь необходимости, сообразно съ предположеніемъ § 154 германскаго проекта устава уголовнаго судопроизводства.

Во всякомъ случаѣ, и по отношенію къ маловажнымъ поступкамъ допущеніе Opportunitätsprincip'а предполагаетъ предоставленіе рѣшенія вопроса, должно ли преслѣдованіе быть возбуждено, органамъ, достаточно авторитетнымъ. Поэтому естественно, что въ Германіи, гдѣ и при мѣстномъ судѣ органомъ уголовнаго преслѣдованія является прокуратура, § 154 вызываетъ меньше опасеній, чѣмъ могъ бы вызвать проектъ аналогичнаго закона у насъ. Кромѣ предоставленія рѣшенія вопроса о возбужденіи преслѣдованія за маловажные проступки только прокуратурѣ (а не полиціи), мыслимы, конечно, и другія мѣры обезпеченія возможно большаго безпристрастія обвинительной власти при пользованіи началомъ цѣлесообразности преслѣдованія. Какъ на одну изъ такихъ мѣръ, проф. Höpfner указываетъ на возможность образованія особаго бюро, состоящаго изъ представителей прокуратуры и двухъ шеффеновъ [1]).

IV.

Какое же значеніе имѣетъ принятіе того или другого изъ двухъ основныхъ принциповъ государственнаго обвиненія для вопроса объ участіи частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи? Многіе, едва ли не большинство процессуалистовъ, считаютъ вопросъ о легальности или цѣлесообразности, какъ началахъ государственнаго обвиненія, преюдиціальнымъ для рѣшенія вопроса о предоставленіи частнымъ лицамъ права на субсидіарное обвиненіе, Рих. Шмидтъ оспариваетъ этотъ взглядъ. По его мнѣнію, субсидіарное обвиненіе, т.-е. предъявленіе уголовнаго иска частнымъ лицомъ въ случаѣ непредъявленія его государственнымъ обвинителемъ, мирится съ началомъ цѣлесообразности такъ же, какъ и съ началомъ легальности.

Чтобы провѣрить правильность того и другого взгляда, посмотримъ, прежде всего, въ какомъ соотношеніи находятся между собою начало цѣлесообразности и право частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе.

Opportunitätsprincip исключаетъ субсидіарное обвиненіе (Янка) [2]),

---

[1]) Höpfner, Legalitätsprincip und Opportunitätsprincip, въ «Archiv für Strafrecht und Strafprozess», 1910, 57 Bd., стр. 285.

[2]) См. ниже.

Digitized by Google

допускаетъ его (Рих. Шмидтъ [1]), требуетъ его (Гнейстъ [2]), Главеръ [3]), Ульманъ [4]) — таково разнообразіе взглядовъ, высказанныхъ въ литературѣ. Съ нашей точки зрѣнія, рѣшеніе вопроса зависитъ отъ того, принимается ли Opportunitätsprincip въ его собственномъ смыслѣ или въ смыслѣ принципа экономіи энергіи и силъ обвинительной власти. Въ первомъ случаѣ Opportunitätsprincip исключаетъ субсидіарное частное уголовное обвиненіе, во второмъ — требуетъ его.

Этотъ выводъ мы разсчитываемъ подтвердить разборомъ соображеній Рих. Шмидта.

Свой взглядъ, что Opportunitätsprincip (въ собственномъ смыслѣ) допускаетъ субсидіарное обвиненіе, хотя и не требуетъ его, Рих. Шмидтъ обосновываетъ слѣдующимъ образомъ. Когда законодатель ставитъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія въ зависимость отъ цѣлесообразности его, онъ долженъ открыть возможность контроля за тѣмъ, дѣйствительно ли, по обстоятельствамъ дѣла, предъявленіе уголовнаго иска нецѣлесообразно; убѣжденіе прокуратуры въ его нецѣлесообразности не всегда совпадаетъ съ объективною нецѣлесообразностью; но даже и тогда, когда можно предполагать, что большинство примкнуло бы къ рѣшенію органа,

---

[1]) См. ниже.

[2]) См. ниже.

[3]) Послѣ аргументаціи въ пользу Opportunitätsprincip'a, сущность которой выше изложена, Глазеръ прибавляетъ: «Das öffentliche Interesse an der Verfolgung der Verbrecher ist gegen die etwaige Nachlässigkeit des Staatsanwaltes hinlänglich geschützt, zunächst durch die Verantwortlichkeit den Vorgesetzten gegenüber, sodann aber durch die concurrirende Anklagebefugniss des Beshädigten». (См. «Kleine Schriften», стран. 537). Здѣсь Глазеръ говоритъ о конкурирующемъ правѣ потерпѣвшаго на уголовный искъ, но изъ предыдущаго видно, что въ дѣйствительности и въ этомъ случаѣ авторъ въ дѣйствительности разумѣетъ субсидіарный уголовный искъ («Kleine Schriften», стран. 528). Надо думать, что въ то время, когда Глазеръ писалъ свою статью (1860 г.), еще не было установлено точнаго различія терминовъ «субсидіарный» и «конкурирующій уголовный искъ».

[4]) Рих. Шмидтъ (op. cit., стран. 37, примѣч.) приписываетъ также Іону взглядъ, будто Opportunitätsprincip предполагаетъ право частныхъ лицъ на субсидіарный уголовный искъ, какъ необходимое условіе. Единственнымъ основаніемъ для такого утвержденія является то, что по поводу австрійскаго закона, предоставляющаго прокурору не возбуждать преслѣдованія, когда есть лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, Іонъ неопредѣленно замѣчаетъ: «Dies mag zulässig erscheinen, weil dem Verletzten die Erhebung der subsidiären öffentlichen Klage zusteht» (Strafprozessordnung für das Deutsche Reich, Erläutert von R. John, Erlangen, 1888, т. II, стран. 57). Дѣйствительное отношеніе Іона къ вопросу о связи, которая существуетъ между началомъ цѣлесообразности и правомъ частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе, выясняется изъ слѣдующихъ его словъ: «Es ist aber auch eine vollkommen unrichtige Anschauung, wenn man das Institut der subsidiären Klage des Privaten mit dem s. g. Opportunitätsprincip derartig in Verbindung bringt, dass man die subsidiäre Klage nur bei Anerkennung des Opportunitäts, nicht aber bei Anerkennung des Legalitätsprincipes für zulässig erklären will. Viel eher wäre das Gegenteil richtig» (ibid., стран. 60).

Digitized by Google

облеченнаго властью преслѣдованія преступленій, въ данномъ случаѣ не возбуждать уголовнаго иска, противоположное мнѣніе нѣкоторыхъ членовъ общества лишало бы это рѣшеніе оправданія; мало того, если въ нецѣлесообразности преслѣдованія сомнѣвается хоть одинъ человѣкъ, то «авторитетъ закона, по меньшей мѣрѣ, требуетъ, чтобы судебнымъ приговоромъ было опредѣлено, заслуживаетъ ли обвиняемый наказанія, устраненіе же нежелательныхъ послѣдствій могло бы быть достигнуто послѣ судебнаго приговора путемъ помилованія»; разъ нѣтъ практическаго масштаба для измѣренія степени цѣлесообразности уголовнаго преслѣдованія, приходится замѣнить его контролемъ публики [1]).

Судя по приведеннымъ соображеніямъ, можно было бы причислить Шмидта къ сторонникамъ того взгляда, согласно которому Opportunitätsprincip требуетъ допущенія субсидіарнаго обвиненія частными лицами. Это было бы, однако, ошибочно, такъ какъ въ концѣ концовъ Шмидтъ рѣшительно высказывается противъ субсидіарнаго обвиненія, но не въ виду его отношенія къ Opportunitätsprincip'у, а въ виду недостатковъ, присущихъ, по его мнѣнію, субсидіарному обвиненію и возможности замѣны его другими мѣрами.

Намъ доводы Шмидта въ пользу возможности совмѣщенія Opportunitätsprincip'а и субсидіарнаго частнаго обвиненія, повторяемые и тѣми авторами, которые такое совмѣщеніе считаютъ не только допустимымъ, но и необходимымъ, не кажутся убѣдительными. Отдѣльное лицо не есть общество или «публика», и далеко не всегда является представителемъ общественнаго мнѣнія; поэтому, возраженіе одного лица еще не подрываетъ справедливости убѣжденія органа государственнаго обвиненія въ томъ, что предъявленіе уголовнаго иска въ данномъ случаѣ нецѣлесообразно. Можно, пожалуй, было бы сказать, что возраженіе хотя бы и одного лица способно поселить въ обществѣ сомнѣніе въ справедливости заключенія обвинительной власти о нецѣлесообразности преслѣдованія. Но это соображеніе скорѣе говоритъ противъ усвоенія законодателемъ, въ качествѣ общаго начала публичнаго обвиненія, принципа цѣлесообразности, чѣмъ за желательность одновременнаго усвоенія законодателемъ, какъ этого принципа, такъ и субсидіарнаго обвиненія частнымъ лицомъ. Конечно, непредъявленіе уголовнаго иска, встрѣтившее возраженіе, съ точки зрѣнія своей цѣлесообразности, со стороны отдѣльныхъ членовъ общества, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ скандализировать общественное мнѣніе, пока эти возраженія

---

[1]) R. Schmidt, Staatsanwalt und Privatkläger, Leipzig, 1891, стран. 38—40.

Digitized by Google

остаются непровѣренными. Но таково уже свойство Opportunitätsprincip'a, который, внося въ дѣятельность обвинительной власти свободное усмотрѣніе, тѣмъ самымъ дѣлаетъ ее особенно уязвимой для критики. Нельзя, однако, противодѣйствовать этому недостатку Opportunitätsprincip'a при помощи мѣры, которая искажаетъ самую природу его. Въ самомъ дѣлѣ, Opportunitätsprincip отнюдь не предполагаетъ, что уголовное преслѣдованіе можетъ быть признано нецѣлесообразнымъ по усмотрѣнію любого члена общества; оцѣнка обвиненія съ точки зрѣнія цѣлесообразности ввѣряется государствомъ органамъ, которые признаются особо для того компетентными; при этомъ предполагается, что органы обвинительной власти, уполномоченные въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самостоятельно рѣшать вопросъ, нѣтъ ли условій, дѣлающихъ уголовное преслѣдованіе неумѣстнымъ, будутъ рѣшать его сообразно требованію тѣхъ или иныхъ интересовъ. Совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ законодатель можетъ приравнять къ этимъ интересамъ тѣ соображенія, зачастую чисто личнаго свойства, которыя въ томъ или иномъ случаѣ могутъ побудить отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и не потерпѣвшихъ отъ преступленія, добиваться всѣми доступными имъ средствами осужденія виновника преступленія? Если при господствѣ начала легальности не имѣющія уголовно-правового характера соображенія, дѣлающія уголовное преслѣдованіе при данныхъ условіяхъ нежелательнымъ, не имѣютъ никакого значенія, то, напротивъ, при господствѣ начала цѣлесообразности, этимъ соображеніямъ принадлежитъ первенствующее значеніе. Какимъ же образомъ они могутъ быть замѣнены личными побужденіями любого обывателя? Нежелательныя послѣдствія обвинительнаго приговора, — говоритъ Шмидтъ, — могутъ быть потомъ устранены посредствомъ помилованія. Но сторонники Opportunitätsprincip'a настаиваютъ на его допущеніи для предупрежденія ущерба, который можетъ произойти не только вслѣдствіе наказанія виновнаго, но и вслѣдствіе самаго возбужденія уголовнаго преслѣдованія [1]).

Аналогичныя возраженія противъ субсидіарнаго уголовнаго иска частныхъ лицъ при дѣйствіи Opportunitätsprincip'a высказываетъ и Янка въ своей выше цитированной монографіи «Staatliches Klagmonopol oder subsidiäres Strafklagrecht». Его замѣчанія направлены противъ совмѣщенія съ началомъ цѣлесообразности права каждаго гражданина на субсидіарный уголовный искъ, однако, не потому,

[1]) См. Glaser, Princip der Strafverfolgung въ «Kleine Schriften», стран. 534. Въ видѣ примѣра Глазеръ приводитъ случай, когда для доказательства виновности лица, противъ котораго возбуждено преслѣдованіе, пришлось бы воспользоваться показаніями agents provocateurs, что онъ считаетъ безусловно непозволительнымъ для государственной власти.

Digitized by Google

чтобы онъ считалъ эти замѣчанія не имѣющими силы также и противъ предоставленія такого же права только потерпѣвшему, но лишь потому, что исключительное право потерпѣвшаго, какъ такового, на уголовный искъ, по мнѣнію Янка, должно быть отвергнуто, независимо отъ его отношенія къ началу цѣлесообразности, какъ противорѣчащее публично-правовому характеру наказанія, ибо имъ привносится взглядъ на наказаніе, какъ на удовлетвореніе заинтересованнаго лица.

Вотъ сущность возраженій Янка[1]). Сторонники Opportunitätsprincip'a отвергаютъ положеніе: nullum crimen sine poena, и тѣмъ самымъ допускаютъ, что виновный можетъ не быть подвергнутъ преслѣдованію и наказанію, если безнаказанность оправдывается правильно понятыми интересами; но, если наказаніе можетъ быть не примѣнено, то оно и не должно быть примѣнено, и самое преслѣдованіе не должно быть возбуждено; наказаніе только тогда можетъ быть оправдано, когда оно представляетъ собою «непремѣнное» требованіе цѣлесообразности («unerlässliche Zweckforderung»), когда оно не можетъ быть замѣнено другими мѣрами защиты отъ преступленія. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, тамъ не только нѣтъ интереса, во имя котораго виновнаго слѣдовало бы наказать, но, наоборотъ, существуетъ въ высшей степени жизненный интересъ, требующій отказа отъ наказанія («hochlebendiges Interesse an der Nichtbestrafung»), и не только потому, что причиненіе страданія всегда заслуживаетъ сожалѣнія, но также потому, что наказаніе, если оно не является необходимымъ, не производя на общество надлежащаго впечатлѣнія, въ то же время угрожаетъ ему нѣкоторыми отрицательными послѣдствіями. «Наказаніе только тамъ должно имѣть мѣсто, гдѣ существуетъ потребность въ наказаніи» («Die Strafe soll nur dort stehen, wo ein Strafbedürfniss steht»); съ этимъ положеніемъ несовмѣстимо право гражданъ самостоятельно возбуждать преслѣдованіе, когда этого не дѣлаетъ государственный обвинитель, ибо гдѣ гарантія, что уголовное преслѣдованіе будетъ возбуждаемо лишь при условіи его необходимости, если правомъ уголовнаго иска будетъ пользоваться каждый? Правда, не отъ обвинителя непосредственно зависитъ примѣненіе наказанія, а отъ суда, къ которому обвинитель обращается; правда, по предложенію многихъ сторонниковъ популярнаго иска, и самое преслѣдованіе должно быть поставлено въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія суда, но, вѣдь, дѣятельность суда, во всякомъ случаѣ, можетъ опредѣляться лишь моментомъ легальности, а не «удобства»: онъ

---

[1]) K. Janka, op. cit., стран. 33—35.

Digitized by Google

разрѣшаетъ вопросъ о наличности субъективныхъ и объективныхъ правовыхъ основаній преслѣдованія и о достаточности доказательствъ; ему должны быть чужды соображенія цѣлесообразности и вопросъ о томъ, какими побужденіями обусловливается желаніе частнаго лица преслѣдовать преступленіе, соотвѣтствуетъ ли оно дѣйствительно существующей потребности; на дѣлѣ actio popularis, такъ же, какъ и жалоба потерпѣвшаго, можетъ оказаться выраженіемъ такихъ мотивовъ, какъ ненавистничество, мстительность, своекорыстіе, политическіе происки, или просто проявленіемъ легкомыслія; стоитъ представить себѣ, что желаніе сторонниковъ actio popularis осуществлено, и мы уже «видимъ, какъ подъ скипетромъ права каждаго гражданина на уголовный искъ (Staatsbürgerklage) публичное уголовное дѣло превращается въ частное дѣло, и притомъ, можетъ быть, самаго низшаго порядка, мы видимъ, какъ публичный искъ въ рукахъ продажнаго истца опускается до уровня орудія эгоистическихъ побужденій, мы чувствуемъ, какъ та почва, которую представляетъ собою начало цѣлесообразности, уходитъ изъ-подъ нашихъ ногъ, мы видимъ, что дѣйствительный интересъ, требующій наказанія, извращенъ, и что возбуждается множество уголовныхъ исковъ и уголовныхъ преслѣдованій, которые никому не приносятъ пользы, но которые причиняютъ чувствительный ущербъ правовому цѣлому (dem Rechtsganzen; вся цитата подчеркнута въ подлинникѣ [1]).

Имѣя въ виду эти опасенія Янка, Шмидтъ ставитъ ему въ упрекъ слишкомъ широкое пониманіе Opportunitätsprincip'а, при которомъ для возбужденія уголовнаго преслѣдованія требуется всякій разъ доказательство его цѣлесообразности. Шмидтъ готовъ согласиться, что при такомъ пониманіи Opportunitätsprincip'а отрицаніе субсидіарнаго уголовнаго иска частныхъ лицъ неизбѣжно [2]). Намъ, напротивъ, представляется, что, оставаясь на строго принципіальной почвѣ, слѣдуетъ признать субсидіарный уголовный искъ частныхъ лицъ недопустимымъ и при пониманіи Opportunitätsprincip'а, какъ начала, исключающаго обвиненіе при доказанной его нецѣлесообразности. Въ нашихъ, изложенныхъ выше, соображеніяхъ мы отправлялись именно отъ этого болѣе узкаго значенія Opportunitätsprincip'а.

Къ иному выводу слѣдуетъ прійти при допущеніи отказа отъ обвиненія въ цѣляхъ экономіи энергіи и средствъ обвиненія: вѣдь,

[1]) Janka, op. cit., стран. 35.
[2]) R. Schmidt, op. cit., стран. 39, примѣч. 1.

Digitized by Google

въ случаяхъ такого отказа преслѣдованіе само по себѣ желательно, но для обвинительной власти представляется затруднительнымъ взять преслѣдованіе на себя; слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ обвиненіе со стороны частнаго лица должно быть оцѣниваемо, какъ помощь, оказываемая обвинительной власти.

Что касается объема, въ которомъ могло бы быть допущено участіе частныхъ лицъ въ публичномъ обвиненіи ради экономіи энергіи обвинительной власти, то здѣсь мы вновь расходимся съ Рих. Шмидтомъ. По его мнѣнію, не всякому гражданину можетъ быть предоставлено обвиненіе лица, оставленнаго обвинительной властью безъ преслѣдованія въ цѣляхъ сбереженія ея энергіи, но лишь потерпѣвшему отъ преступленія, ибо, если право контролировать прокурора должно быть предоставлено «...каждому изъ народа, то обязанность поддерживать прокурора и облегчать лежащее на немъ бремя разумно можетъ быть возложено только на лицо, особо заинтересованное» [1]). Цитированное соображеніе явно не соотвѣтствуетъ выводу, который изъ него дѣлается: какъ въ вопросѣ, поставленномъ на разрѣшеніе, такъ и въ отвѣтѣ, который даетъ Рих. Шмидтъ, рѣчь идетъ о правѣ частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе, а аргументируется отвѣтъ доводомъ, что обязанность содѣйствія оффиціальному обвинителю можетъ быть возложена лишь на особо заинтересованное лицо. Въ отличіе отъ Рих. Шмидта, мы полагаемъ, что принципъ экономіи энергіи обвинительной власти одинаково допускаетъ и народное обвиненіе, и обвиненіе со стороны потерпѣвшаго, такъ какъ обѣ эти формы обвиненія частными лицами возмѣщаютъ пробѣлы въ дѣятельности обвинительной власти и тѣмъ способствуютъ экономіи ея силъ.

Сказаннаго достаточно для заключенія, что оцѣнка права частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе предполагаетъ предварительное рѣшеніе, какимъ именно изъ двухъ началъ должна руководиться въ своей дѣятельности обвинительная власть: началомъ легальности или цѣлесообразности. Мы остановились на первомъ. Посмотримъ, въ какомъ отношеніи это начало находится къ вопросу о субсидіарномъ уголовномъ искѣ частныхъ лицъ.

Legalitätsprincip сводится къ утвержденію, что должностной обвинитель не только въ правѣ, но и обязанъ пользоваться своею обвинительной властью во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для этого есть матеріально-правовыя и процессуальныя предпосылки. Безнаказаннымъ не долженъ оставаться ни одинъ обнаруженный обвинительной властью деликтъ, наказаніе котораго de jure и de facto

---

[1]) R. Schmidt, op. cit., стран. 44.

Digitized by Google

возможно [1]). При дѣйствіи Legalitätsprincip'а каждый случай невозбужденія уголовнаго преслѣдованія, несмотря на наличность законныхъ основаній для предъявленія уголовнаго иска, означаетъ неисправность въ работѣ механизма, отправляющаго правосудіе.

Фактическое обезпеченіе Legalitätsprincip'а сталкивается съ серьезными препятствіями. Есть много путей, которыми соображенія о цѣлесообразности и «удобствѣ» (и даже объ «удобствѣ» съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ) могутъ вкрасться въ дѣятельность публичнаго обвинителя — иногда даже незамѣтно для него самого. Отъ него зависитъ рѣшеніе часто труднаго вопроса, имѣются ли налицо обстоятельства, внушающія основательное подозрѣніе въ преступленіи [2]); ему же принадлежитъ оцѣнка обнаруженныхъ признаковъ дѣянія и съ юридической стороны; отъ него зависитъ приложить бо́льшую или меньшую энергію при отысканіи доказательствъ преступленія; онъ можетъ, какъ указываетъ Гольцендорфъ [3]), толкуя волю лица, совершившаго дѣяніе, имѣющее внѣшніе признаки преступленія, отвергнуть требуемый закономъ умыселъ, а, толкуя законъ, вложить въ него смыслъ, благопріятный для того, кто, при другомъ толкованіи закона, долженъ былъ бы быть привлеченъ къ отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ при организаціи прокуратуры на началѣ іерархической подчиненности трудно помѣшать стоящему у власти правительству предупредить возбужденіе нежелательнаго ему уголовнаго преслѣдованія [4]). — Отсюда необходимость контроля за дѣятельностью должностныхъ обвинителей.

Изъ сказаннаго уже видно, что надзоръ начальства, вплоть до министерства юстиціи, не обезпечивалъ бы неуклоннаго соблюденія Legalitätsprincip'а. Проф. Миттермайеръ, поставивъ вопросъ, распространяется ли Legalitätsprincip на министерство, тотчасъ же

[1]) Janka, op. cit., стран. 5.

[2]) Когда Rosenfeld (Der Reichs-Strafprozess, 1905, стран. 70) говоритъ: «начало легальности означаетъ, ...что прокуратура при рѣшеніи вопроса о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія не руководится иными соображеніями, кромѣ соображеній юридическаго характера», то, конечно, онъ въ этомъ случаѣ выражается неточно, впадая въ противорѣчіе съ собственнымъ утвержденіемъ на слѣдующей страницѣ, что прокуратура, и при дѣйствіи начала легальности, прежде чѣмъ возбудить уголовное преслѣдованіе, должна обсудить, имѣются ли для этого достаточныя фактическія основанія (zureichende tatsächliche Anhaltspunkte).

[3]) Holtzendorff, Gutachten über die Frage: Kann die Privatanklage im weiterem Umfange als für Beleidigungen in das deutsche Strafverfahren eingeführt werden? въ Verh. des 12 deutschen Juristentages, Bd. I, 1874, стран. 70.

[4]) На это намекаетъ Гольцендорфъ, который говоритъ о «die mehr doktrinäre, praktisch nicht zu kontrollirende Vorschrift des sogenannten Legalitätsprincip». См. его «Gutachten» въ «Verhandlungen des 12 deutschen Juristentages», Berlin, 1874, B. I, стр. 66.

Digitized by Google

замѣчаетъ, что въ концѣ концовъ безразлично, какъ бы теоретически ни разрѣшался этотъ вопросъ, такъ какъ давно установлено, что на дѣлѣ министерство стоитъ «выше легальности» (das Ministerium tatsächlich über der Legalität steht» [2]).

При недостаточности правительственнаго контроля приходится прійти къ заключенію о желательности контроля со стороны частныхъ лицъ. Право частныхъ лицъ на субсидіарный уголовный искъ и есть средство такого контроля.

Но, спрашивается, если признать de lege ferenda желательнымъ признаніе за частными лицами права на субсидіарное обвиненіе, долженъ ли быть надѣленъ этимъ правомъ каждый гражданинъ или только потерпѣвшій?

Это — вопросъ, представляющій большой теоретическій интересъ (не говоря о его очевидномъ практическомъ значеніи), но выходящій за предѣлы той общей темы, которой посвящена настоящая статья.

Н. Полянскій.

---

[1]) Mittermaier, op. cit., въ сборникѣ «Reform des Strafprozesses» 1906, стран. 154.

Digitized by Google

Русская Правда въ изслѣдованіяхъ нѣмецкаго ученаго.

I.

Еще въ 1897 году въ Готѣ появилась работа проф. L. K. Goetz'a, посвященная исторіи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія[1]). Съ тѣхъ поръ почтенный Боннскій профессоръ, — на ряду съ трудами по исторіи христіанской церкви на Западѣ («Leo XIII, seine Weltanschauung und Wirksamkeit, Die Busslehre Cyprians, Der Ultramontanismus als Weltanschauung» и др.) — продолжалъ обогащать, время отъ времени, нѣмецкую ученую литературу работами по исторіи христіанской культуры въ древней Руси[2]). Изъ этихъ работъ вниманіе русскаго историка права особенно привлекаютъ «Памятники древне-русскаго каноническаго права», изданные въ Штутгартѣ еще въ 1905 году. Затѣмъ, съ 1909 по 1913 годъ, — не оставляя своихъ занятій въ указанной области[3]), — почтенный ученый направляетъ свою пытливую мысль на изученіе Русской Правды, при чемъ сначала имъ издается переводъ Правды на

---

[1]) «Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius» (Gotha, 1897 г.), VIII+272 стран.

[2]) 1) «Die Zusammensetzung der sogenannten «Похвала преподобному отцу Ѳеодосію Печерскому» (статья въ «Archiv für slavische Philologie von Jagič», т. XXVI, 2, 1903 г.); 2) «Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands», Passau, 1904 г., изсл., XXXIV+242 стран.; 3) «Die Echtheit der Mönchsreden des Kyrill von Turow» (статья въ «Archiv für slav. Philologie v. Jagič», 1905 г., т. XXVII, 2; 4) «Kirchenrechtliche und Kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands, nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts» (Памятники древне-русскаго каноническаго права») въ «Kirchenrechtliche Abhandlungen», herausgegeben von Dr. U. Stutz (Stuttgart), 1905 г., X+404 стран.; «Staat und Kirche in Altrussland Kiever Periode 988—1240» (Berlin, 1908 г., X+214 стран.).

[3]) Напр., въ 1913 г. имъ напечатана статья «Zur Frage nach dem Umfang der Kirchlichen Gerichtsbarkeit in vormongolischen Russland» (въ «Zeitschrift für Osteuropeiische Geschichte», herausgegeben von Schiemann etc, 1913 г., т. XIII, 3), при чемъ названный авторъ дѣлалъ также экскурсы и въ область русской исторіи вообще (см., напр., ст. «Der Titel «Grossfürst in den ältesten russischen Chronisten», ibid., т. I, 2, 1910—11).

Digitized by Google

нѣмецкій языкъ, сопровождаемый многочисленными толкованіями, а потомъ 4 тома изслѣдованій нашего знаменитаго памятника права, въ которыхъ всесторонне и обстоятельно объясняется не только каждая его статья, но сводится воедино почти все важное, что давалось русскою наукою по отношенію къ этому памятнику. Нашъ послѣдующій разборъ и будетъ касаться изслѣдованій проф. Гётца о Русской Правдѣ, но, предварительно, намъ хотѣлось сказать, хотя бы нѣсколько словъ, о вышеназванныхъ «Памятникахъ древнерусскаго каноническаго права». Нельзя не признать крайне удачною мысль проф. Гётца, — прежде изученія Русской Правды углубиться въ изученіе древне-русскихъ каноническихъ памятниковъ права. Какъ бы мы, — положительно или отрицательно, — ни относились къ вопросу о вліяніи византійскаго права на Русскую Правду, та широкая постановка, которую даетъ авторъ всѣмъ своимъ построеніямъ въ области стародавнихъ нашихъ юридическихъ правовоззрѣній, только выигрываетъ въ своей цѣнности отъ изученія имъ какъ древне-каноническихъ памятниковъ, такъ и Русской Правды, Въ частности, нельзя не отмѣтить, что почтенный нѣмецкій ученый свое изданіе «Памятниковъ древне-русскаго каноническаго права» (озаглавленное по-нѣмецки «Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrussland» и пр.) разсматриваетъ какъ дальнѣйшую предварительную работу («eine weitere Vorarbeit») къ предполагаемому имъ труду «Христіанство и культура въ Кіевской Руси» (Christentum und Kultur im Kiever Russland). Эта «предварительная работа» распадается на двѣ части: въ первой — авторъ даетъ простой переводъ изъ «Курса церковнаго права» нашего знаменитаго канониста А. С. Павлова (изданнаго И. М. Громогласовымъ въ 1902 г.), что уже само по себѣ говоритъ за его ученую осторожность и скромность. При этомъ онъ добавляетъ къ указанному переводу обстоятельныя библіографическія данныя, какъ по изданію памятниковъ каноническаго права, такъ и по ихъ изслѣдованію, а затѣмъ даетъ нѣмецкій переводъ церковнаго устава Св. Владиміра. Вторую часть труда составляютъ слѣдующіе памятники каноническаго нашего права, изданные съ параллельнымъ, гдѣ возможно, греческимъ и древне-русскимъ текстомъ, а равно и нѣмецкимъ ихъ переводомъ: 1) каноническіе отвѣты митрополита Іоанна II (1080—1089 гг.); 2) вопросы Кирика, Саввы и Иліи, съ отвѣтами Нифонта, епископа Новгородскаго и другихъ іерархическихъ лицъ 1136—1156 гг.; 3) поученіе архіепископа Новгородскаго Иліи — Іоанна. Каждый памятникъ, помимо перевода на нѣмецкій языкъ, сопровождается обстоятельнымъ «введеніемъ», а текстъ — комментаріями, гдѣ ука-

Digitized by Google

зываются разночтенія, объясняются малопонятныя слова и выраженія, отмѣчается попутно отношеніе тѣхъ или иныхъ нормъ памятника къ западно-европейскимъ родственнымъ нормамъ и т. д. Переводъ памятниковъ обнаруживаетъ въ авторѣ большого знатока древне-русскаго языка, а обширная эрудиція въ области русской спеціальной литературы даетъ ему возможность пользоваться, — при объясненіяхъ тѣхъ или иныхъ мѣстъ текста, почему-либо спорныхъ, — всѣми тѣми данными, какія указываются нашими учеными. Конечно, тотъ или другой переводъ темныхъ словъ и выраженій издаваемыхъ авторомъ памятниковъ можетъ подлежать оспариванію, но, въ цѣломъ, изданіе автора имѣетъ большой научный интересъ не только для западно-европейскихъ, но и для русскихъ историковъ-канонистовъ; не-спеціалисты же, думается намъ, во всякомъ случаѣ легче поймутъ нѣмецкій, чѣмъ древне-русскій, текстъ изданныхъ памятниковъ. Работы проф. Гётца въ области древне-русскаго каноническаго права и другихъ, близкихъ къ нему, вопросовъ нашли себѣ уже признаніе въ русской ученой литературѣ [1]) и, если мы о нихъ упоминаемъ здѣсь кратко, то дѣлаемъ это лишь потому, что работы эти наглядно характеризуютъ широту подготовки автора къ изученію тѣхъ проблемъ, какія онъ себѣ ставилъ при изслѣдованіи Русской Правды.

Обращаясь къ изслѣдованіямъ проф. Гётца о нашемъ знаменитомъ памятникѣ права, замѣтимъ прежде всего, что и эти изслѣдованія частью уже были предметомъ рецензій нашихъ ученыхъ. Такъ, еще въ 1911 году маститый историкъ русскаго права М. Ф. Владимірскій-Будановъ помѣстилъ въ Кіевскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» рецензію на I томъ, вышедшую затѣмъ отдѣльною брошюрою [2]); въ томъ же году объ этомъ томѣ высказалъ свое мнѣніе академикъ М. А. Дьяконовъ [3]); въ слѣдующемъ году — I и II томъ изслѣдованій проф. Гётца дали поводъ къ рецензіямъ

---

[1]) См., напр., В. С. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи», т. II (Кіевъ, 1908 г.), ч. I, стран. 954; ч. II, стран. 1697; «Извѣстія Имп. Академіи Наукъ», т. XIII (1908 г.), кн. 4; «Труды Кіевской Духовной Академіи», (1909 г.), мартъ; «Чтеніе Общ. Нестора Лѣтописца», т. XVIII, вып. III и IV; «Богословскій Вѣстникъ», 1909 г., февраль. Замѣтимъ кстати, что, по совокупности всѣхъ трудовъ его въ области русской исторіи и права, — Совѣтъ Кіевскаго университета присудилъ недавно проф. Гётцу степень доктора honoris causa; Московское общество исторіи и древностей россійскихъ избрало его своимъ дѣйствительнымъ, а Имп. Московскій археологическій институтъ — своимъ почетнымъ членомъ.

[2]) «Das Russische Recht — Русская Правда» (Кіевъ, 1911 г.).

[3]) Prof. Dr. Goetz, L.-K., Das Russische Recht (Русская Правда), I Band (въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ», т. XVI (1911 г.), кн. 1.

Digitized by Google

А. Е. Прѣснякова и А. В. Флоровскаго[1]), при чемъ, впрочемъ, послѣдній имѣлъ цѣлью дать не «разборъ и оцѣнку воззрѣній новаго изслѣдователя Русской Правды», а лишь «изложеніе, въ возможно-сжатой формѣ, существенныхъ его наблюденій относительно подробно и тщательно разобранныхъ и истолкованныхъ имъ первыхъ двухъ редакцій памятника» (стран. 22), что̀, разумѣется, также не лишено извѣстнаго интереса; второму тому затѣмъ была посвящена II рецензія проф. М. Ф. Вл.-Буданова (Универс. изв., 1912 г., № 10). Что же касается III и IV томовъ обширнѣйшаго труда проф. Гётца, то они еще ждутъ своей оцѣнки въ русской ученой литературѣ, и мы увѣрены, что она не замедлитъ явиться вскорѣ. Замѣтимъ при этомъ, что всѣ указанные авторы, дѣлая тѣ или иныя возраженія противъ отдѣльныхъ выводовъ и толкованій автора, отдаютъ, въ общемъ, дань справедливости его труду. Намъ лично представляется вполнѣ возможнымъ присоединиться къ заключенію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, что «русскіе ученые всегда будутъ благодарны автору, какъ компетентному піонеру въ дѣлѣ ознакомленія своихъ соотечественниковъ съ русскимъ правомъ и его исторіею» (стран. 24).

Въ дальнѣйшемъ нашемъ разборѣ изслѣдованій проф. Гётца о Русской Правдѣ мы коснемся тѣхъ сторонъ этихъ изслѣдованій, которыя были затронуты мало, или не затронуты были вовсе, указанными выше рецензіями. Это обстоятельство заставляетъ насъ коснуться, хотя бѣгло, основныхъ возраженій, въ нихъ сдѣланныхъ, чтобы затѣмъ перейти къ изложенію нашихъ собственныхъ замѣчаній, вызванныхъ трудами проф. Гётца.

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ начинаетъ свой разборъ указаніемъ на то, что проф. Гётцъ «владѣетъ въ совершенствѣ языкомъ нашихъ памятниковъ и знаетъ почти всѣ произведенія печати, посвященныя истолкованію этихъ памятниковъ». Затѣмъ авторъ рецензіи указываетъ, что проф. Гётцъ «даетъ крайне своеобразную постановку вопросу о происхожденіи Русской Правды, а попутно и о многихъ предметахъ ея содержанія». Это обстоятельство и заставляетъ названнаго ученаго отозваться о книгѣ проф. Гётца. Въ своемъ отзывѣ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ прежде всего ставитъ вопросъ, почему для перепечатки и перевода Русской Правды проф. Гётцъ взялъ извѣстное ея изданіе В. И. Сергѣевича? Авторъ рецензіи находитъ возможнымъ поставить этотъ вопросъ потому,

---

[1]) Рецензія А. Е. Прѣснякова помѣщена въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1912 г., ноябрь, рецензія А. В. Флоровскаго вышла отдѣльно подъ заглавіемъ «Новый взглядъ на происхожденіе Русской Правды» (Одесса, 1912 г.).

Digitized by Google

что онъ стоитъ «въ нѣкоторой связи съ главною темою автора». Разобравъ затѣмъ всѣ особенности изданія проф. В. И. Сергѣевича и отмѣтивъ попутно вліяніе этого изданія на толкованія проф. Гётца (стран. 2 и сл.), авторъ разбора оспариваетъ прежде всего мысль проф. Гётца «о совершенной отдѣльности древнѣйшей Правды отъ двухъ послѣдующихъ», не соглашаясь видѣть въ извѣстномъ разсказѣ лѣтописи объ умноженіи разбоевъ на Руси и объ отношеніи къ этому вел. кн. Владиміра и епископовъ[1]) указаніе на какой-то «переворотъ» въ исторіи нашего права, какъ это доказывается проф. Гётцомъ. По мнѣнію почтеннаго автора рецензіи, «такого переворота въ исторіи русскаго права тотчасъ по принятіи русскими христіанства не произошло, что ни Владиміръ, ни Ярославъ, ни даже многіе изъ преемниковъ ихъ не могли еще реформировать это право въ какой-либо рѣшительной степени, что вліяніе христіанскихъ и византійскихъ идей совершалось постепенно въ теченіе многихъ послѣдующихъ вѣковъ, когда продолжало царствовать двоевѣріе и двоеправіе». Проф. Гётцу нужно было «утвердить мысль о глубочайшей древности I Правды (можетъ быть, VIII вѣкѣ по Р. Х.)», почему онъ и настаиваетъ на переворотѣ при Св. Владимірѣ, на что авторъ рецензіи основательно возражаетъ (стран. 12 и сл.). Не оставляетъ нашъ историкъ права безъ возраженія и «незаслуженнаго обвиненія» въ томъ, что имъ будто бы допускалось смѣшеніе постановленій разновременныхъ Правдъ: «ни теперь, ни прежде мы этого не дѣлали и не дѣлаемъ», справедливо замѣчаетъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ; «мы привлекаемъ позднѣйшіе факты къ изъясненію недосказаннаго въ болѣе древнихъ памятникахъ, а отнюдь не смѣшиваемъ ихъ» и доказываетъ, почему такой пріемъ допустимъ (стран. 20 и сл.).

Въ конечномъ выводѣ, русскій ученый не соглашается съ нѣмецкимъ, что «I Правда отдѣлена отъ двухъ послѣдующихъ громаднымъ промежуткомъ времени и совершенно инымъ смысломъ постановленій ея. Напротивъ, всѣ три Правды составляютъ цѣпь узаконеній, тѣсно связанныхъ одно съ другимъ и развивающихся одно изъ другого безъ скачковъ». Вопреки утвержденію проф. Гётца о глубочайшей древности I Правды, авторъ рецензіи остается «при убѣжденіи, что I Правда есть сборникъ временъ Ярослава, что

[1]) «Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божіи и умножишися (зѣло) разбоеви: и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойници: почто не казниши ихъ? Онъ же рѣче имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; достоинъ ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники. И рѣша епископи и старцы: рать много, оже вира, то на оружіи и на конихъ буди. И рѣша Володимеръ: тако буди. И живяше Володимеръ по устроенію отню и дедню».

Digitized by Google

въ ней ясны слѣды законодательной и уголовно-карательной дѣятельности князей и что поэтому нѣтъ надобности относить ее къ незапамятной до-рюриковской древности» (стран. 24). Касаясь II тома «Русской Правды» проф. Гётца, М. Ф. Вл.-Будановъ останавливается на вопросѣ о происхожденіи 2-й редакціи, въ виду того, что разбираемый авторъ дѣлаетъ по этому поводу выводы, «идущіе въ разрѣзъ съ общепринятыми въ русской ученой литературѣ мнѣніями». Въ немногихъ словахъ изображая выводы проф. Гётца о происхожденіи 2-й редакціи, скажемъ, что, по автору, «вторая редакція является по отношенію къ первой совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, котораго содержаніе исходитъ изъ другихъ юридическихъ положеній, чѣмъ таковое-же первой». По автору даже, съ этой точки зрѣнія, невполнѣ правильно, быть можетъ, говорить о 1-й и 2-й редакціи нашей Правды, такъ какъ мы имѣемъ передъ собою не двѣ редакціи одного и того же содержанія, но два различныхъ произведенія» (II, 227 стран., и сл.). По справедливому замѣчанію проф. М. Ф. Вл.-Буданова, «до сихъ поръ въ русской историко-юридической литературѣ стояло твердо установленное положеніе: вторая Правда есть сборникъ узаконеній дополнительный къ первой Правдѣ и несамостоятельный: основаніемъ для этого служитъ именно то, что для проф. Гётца является основаніемъ для признанія 2-й Правды за памятникъ самостоятельный». Почтенный русскій историкъ права, — указавъ на «тѣсную внѣшнюю связь 2-й Правды съ 1-й» — говоритъ, что «она есть непосредственное продолженіе первой, истекающее изъ однихъ и тѣхъ же правовыхъ основаній (конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ памятникъ болѣе поздній)». Такъ какъ, однако, проф. Гётцъ говоритъ «о внутреннихъ противоположеніяхъ 2-й Правды въ отношеніи къ 1-й», то это заставляетъ автора рецензіи подробно остановиться на этихъ противоположеніяхъ и, между прочимъ, оспаривать тотъ выводъ проф. Гётца, что 2-я Правда «отнюдь не есть продуктъ законодательной дѣятельности сыновей Ярослава или сборникъ, составленный при этихъ князьяхъ, главнымъ образомъ изъ ихъ постановленій; она есть частный юридическій сборникъ временъ Владиміра Св. и Ярослава»[1]). Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности воспроизвести здѣсь, за недостаткомъ мѣста, аргументаціи проф. М. Ф. Вл.-Буданова, думаемъ, однако, что проф. Гётцу придется серьезно считаться съ возраженіями названнаго ученаго какъ по отношенію къ I, такъ и II тому его

[1]) См. «Кіевскія Университетскія Извѣстія», 1912 г., № 10, стран. 1 сл., отдѣла «критики и библіографіи».

Digitized by Google

труда, по скольку дѣло идетъ о происхожденіи Русской Правды въ ея первыхъ двухъ редакціяхъ. Замѣтимъ лишь, что едва ли проф. Гётцу, поднимая вопросъ объ этомъ происхожденіи, слѣдовало здѣсь такъ далеко расходиться съ выводами русскихъ ученыхъ. Никакими новыми научными данными по вопросу проф. Гётцъ не обладаетъ, установить своего оригинальнаго отношенія «къ рукописной традиціи памятника», какъ это уже замѣчено проф. Прѣсняковымъ[1]), онъ не могъ, а безъ всего этого онъ поневолѣ долженъ былъ быть во власти сомнительныхъ гипотезъ, которыя, конечно, не могли быть приняты русскими комментаторами Правды, а лишь бросали невѣрный свѣтъ на этотъ памятникъ. Обратимся къ другимъ рецензентамъ. Такъ проф. М. А. Дьяконовъ, возражая противъ отдѣльныхъ положеній проф. Гётца о значеніи реформы вел. кн. Владиміра и не соглашаясь съ его толкованіями лѣтописнаго разсказа о ней, въ концѣ концовъ замѣчаетъ слѣдующее: «допустимъ, что авторъ доказалъ то, что ему нужно было доказать о реформѣ Владиміра, а значитъ и подтвердилъ свою мысль о возникновеніи древней Русской Правды до Владиміра. Но, вѣдь, этимъ еще не разрѣшается существенный вопросъ, когда же именно и при какихъ условіяхъ возникла древнѣйшая редакція. Такого существеннаго вопроса авторъ даже не ставитъ» (стран. 11 и сл. оттиска). Едва ли, однако, проф. Гётца можно упрекать за то, что онъ такого вопроса не поставилъ, въ виду невозможности сколько-нибудь обстоятельнаго, съ научной точки зрѣнія, отвѣта на него, принимая во вниманіе незначительность данныхъ, могущихъ пролить какой-либо свѣтъ на его разрѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, нельзя не констатировать, что, какъ два указанные выше ученые, такъ и А. Е. Прѣсняковъ, давшій разборъ I и II тома изслѣдованій проф. Гётца, весьма скептически относятся къ отнесенію древнѣйшей Правды къ дохристіанской эпохѣ (или, какъ выражается проф. М. Ф. Вл.-Будановъ, «къ незапамятной до-рюриковской древности»), а равно и не сходятся съ проф. Гётцемъ въ оцѣнкѣ реформы вел. кн. Владиміра[2]). Мы, въ общемъ, готовы согласиться съ вышеуказанными

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1912 г., ноябрь, стран. 155; срав. также Goetz D. R. Recht», т- IV, стран. 3, прим. 1.

[2]) «Реформа Владиміра», говоритъ А. Е. Прѣсняковъ, «разрастается у проф. Гётца въ нѣчто огромное: дѣло тутъ не только въ преобразованіи нормъ уголовнаго права, а въ самомъ пріобрѣтеніи князьями карательной и судебной власти. Древнѣйшая Правда относится, по его мнѣнію, къ такой эпохѣ, когда ни того, ни другого не существовало, когда защита права была исключительно дѣломъ общиннаго суда, безъ всякаго участія княжей власти. И эта мысль настолько увлекла изслѣдователя, что привела его къ большому произволу въ обращеніи какъ съ текстомъ «Русской Правды», такъ и съ лѣтописнымъ разсказомъ о постановленіяхъ Владиміра Святославича» (стран. 164 рецензіи).

Digitized by Google

мнѣніями, но, однако, съ нѣкоторою оговоркою. А именно, если необходимо признать, что проф. Гётцъ не доказалъ своего мнѣнія о томъ значеніи, какое, въ его изложеніи, получила «реформа» Владиміра, какъ и не доказалъ, что составленіе древнѣйшей Правды относится еще къ до-христіанской эпохѣ, то другая мысль, отсюда вытекающая, — а именно, что въ древнѣйшей Правдѣ мы имѣемъ «такъ сказать до-варяжское, праславянское, а, слѣдовательно, дѣйствительно русское право» (ein so zusagen vorvarjagisches, urslavisches, also wirklich Russisches Recht», «Das Rus. Recht», т. I, стран. 159)— представляется намъ вѣрною. Ниже мы постараемся углубить эту мысль, доказывая, что и тѣ вставки, какія проф. Гётцъ считаетъ выраженіемъ варяжскаго вліянія на древнѣйшую Правду, содержатъ въ себѣ обще-славянскія нормы[1]). Въ виду этого, намъ представляется, что въ общемъ выводѣ проф. Гётца есть нѣкоторое зерно исторической правды, не въ томъ, конечно, смыслѣ, что древнѣйшая Правда была составлена въ до-христіанское время, а въ томъ, что она воспроизводила въ себѣ, говоря вообще, право сѣдой старины, создавшееся еще на зарѣ нашей жизни и донесенное потокомъ исторіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, до времени Ярослава, когда оно было записано.

Не имѣя возможности воспроизвести всѣ тѣ цѣнныя замѣчанія, какія были сдѣланы рецензентами на толкованія проф. Гётцемъ отдѣльныхъ статей Русской Правды, коснемся еще кратко лишь тѣхъ возраженій, которыя касались нѣкоторыхъ общихъ пріемовъ изслѣдованія автора. Проф. Гётцъ говоритъ о заимствованіи института свода, а равно и § 13 древнѣйшей редакціи («аще ли ринеть мужъ мужа либо отъ себе, либо къ себѣ» и пр.) изъ Салической Правды. Проф. М. А. Дьяконовъ справедливо замѣчаетъ, что «о вліяніи нормы Салическаго закона de via lacina (XXXI) на I, 13 едва ли стоитъ говорить». Что же касается признанія свода заимствованнымъ изъ германскаго права, то авторъ рецензіи замѣчаетъ слѣдующее: «этотъ его выводъ опять ставитъ на очередь вопросъ давно уже сданный въ архивъ русскою историческою критикою о заимствованіи содержанія Русской Правды изъ варварскихъ законовъ (leges barbarorum). Если такое общее мнѣніе русскихъ историковъ проф. Гётцъ счелъ неправильнымъ, то ему надлежало бы обставить свое мнѣніе данными гораздо болѣе внушительными, чѣмъ тѣ общія соображенія, съ какими выступилъ

---

[1]) Конечно, за исключеніемъ 3-й статьи, которая (какъ справедливо указалъ А. Е. Пресняковъ, ib., стран. 159) «не годится въ составъ тѣхъ» urslavischen Bestimmungen», которыя однѣ составляли содержаніе «древнѣйшей Правды», по мнѣнію проф. Гётца.

Digitized by Google

онъ». Указавъ, между прочимъ, автору, что ему осталась неизвѣстною наша статья («Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum»), гдѣ «установлено, что процессъ свода Русской Правды представляетъ болѣе архаическую форму возстановленія правъ на похищенную или утраченную вещь, чѣмъ intertiatio Салической и Рипуарской Правдъ», М. А. Дьяконовъ, въ заключеніе своихъ возраженій, замѣчаетъ, что «надо признать, что вся попытка проф. Гётца оживить старое ученіе Эверса не можетъ быть признана удачною» (стран. 6 и сл.). Мы остановимся въ своемъ мѣстѣ на той теоріи заимствованій Русской Правды изъ leges barbarorum отдѣльныхъ институтовъ, которая развивается профессоромъ Гётцемъ въ его изслѣдованіяхъ объ этомъ памятникѣ. Пока лишь замѣтимъ, что слишкомъ примитивное ученіе Эверса во всякомъ случаѣ значительно измѣнено проф. Гётцемъ. Оставаясь въ предѣлахъ того, что высказано проф. Гётцемъ въ I томѣ его изслѣдованій о Русской Правдѣ, разбиравшемся М. А. Дьяконовымъ, мы видимъ, что за исключеніемъ упомянутыхъ двухъ мѣстъ Русской Правды въ ея древнѣйшей редакціи, — которыя разсматриваются авторомъ изслѣдованія какъ позднѣйшія вставки, — вся древнѣйшая Правда признается имъ «осажденіемъ первобытнаго славяно-русскаго обычнаго права» («Die älteste Redaction ist der Niederschlag des uralten slavisch-russischen Gewohnheitrechtes»); «ея самостоятельность, какъ выраженіе славяно-русскихъ древнихъ правовоззрѣній» представляется для автора «стоящей незыблемо», «она — есть, дѣйствительно, русское право» (ihre Selbständigkeit als Ausdruck der slavisch-altrussischen Rechtsanschauungen steht für uns durchaus fest, es ist wiklich ein Russisches Recht, т. I, стран. 269). Вліяніе на это «національно-русское право» иноземныхъ правовыхъ системъ, явившееся вслѣдствіе усиленнаго гражданскаго оборота русскихъ съ другими народами, особенно вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ нѣмцами и скандинавами сказывается, по автору, лишь въ указанныхъ выше добавкахъ («in den Zusätzen») къ древнѣйшей редакціи Правды (ibid.). Эверсъ, однако, нѣсколько иначе смотритъ на происхожденіе Русской Правды. Какъ это говоритъ самъ проф. Дьяконовъ, «Эверсъ доказалъ, что сборники скандинавскаго права моложе Правды и, стало быть, не могли служить источниками послѣдней. Съ своей стороны Эверсъ полагалъ, также основываясь на замѣченныхъ имъ сходствахъ, что источниками Правды послужили варварскіе законы салическихъ и рипуарскихъ франковъ» [1]). Разница здѣсь въ томъ, что проф. Гётцъ, считая

[1]) «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», изд. 4 (С.-Пб., 1912 г.), стран. 52.

Digitized by Google

вообще древнѣйшую Правду «національнымъ русскимъ правомъ» видитъ заимствованіе изъ германскаго права только въ указанныхъ выше двухъ вставкахъ, или дополненіяхъ, къ древнѣйшей Правдѣ (съ чѣмъ нельзя, однако, согласиться), Эверсъ же ставитъ вопросъ о заимствованіи едва ли не всей «Ярославовой Правды» и утверждаетъ поэтому, что «загадка о причинѣ разительнаго ихъ (скандинавскихъ законовъ) сходства съ оною разрѣшиться можетъ только предположеніемъ, что оба народа, скандинавы и славяне, обязаны тѣмъ, что у нихъ есть общаго, какому — третьему. Здѣсь должно обратить вниманіе на нѣмцевъ и французовъ, кои древнѣйшіе законы и духомъ и выраженіемъ во многихъ мѣстахъ сходны съ первыми». Эверсъ при этомъ приводитъ постановленіе Салической и Рипуарской Правдъ, «коимъ подъ большею пенею запрещается своевольное употребленіе чужаго коня»[1]); однако, проф. Гётцъ, по отношенію именно къ этому постановленію (какъ и ко многимъ другимъ) справедливо замѣчаетъ, что мы имѣемъ здѣсь общее согласованіе германскихъ, греческихъ и славянскихъ правовыхъ нормъ и отвергаетъ, поэтому, германское происхожденіе указаннаго постановленія (т. I, стран. 241, 253 и мн. др.). Можно вполнѣ согласиться съ проф. М. А. Дьяконовымъ, что проф. Гётцу, говоря о германскомъ происхожденіи свода «надлежало бы обставить свое особое мнѣніе данными гораздо болѣе внушительными, чѣмъ тѣ общія соображенія, съ какими выступилъ онъ» (стран. 7), можно также спросить проф. Гётца (какъ его спрашиваетъ другой рецензентъ — А. В. Флоровскій), почему онъ, признавая «интернаціональный характеръ» за цѣлымъ рядомъ институтовъ Русской Правды, «относительно свода и толчка мужу» считаетъ необходимымъ допустить «иноземное происхожденіе и воздѣйствіе» (стран. 28), но, кажется, все-таки нельзя видѣть въ утвержденіи проф. Гётца «попытку оживить старое ученіе Эверса» въ цѣломъ, въ виду нѣкоторыхъ особенностей его теоріи.

Еще одно возраженіе, дѣлаемое проф. Гётцу его критиками, заслуживаетъ упоминанія. Авторъ новѣйшихъ изслѣдованій о Русской Правдѣ считаетъ общею ошибкою русскихъ ученыхъ, что они пользуются безразлично (unterschiedslos) всѣми редакціями Русской Правды для установленія тѣхъ или иныхъ положеній

---

[1]) «Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для россійской исторіи». Переводъ съ нѣмецкаго (изданіе Московскаго Общества любителей исторіи и древн. россійскихъ, М., 1825 г.), кн. I, стран. 92 и сл., экскурсъ объ «Ярославой Правдѣ». Ср. также обзоръ мнѣній Эверса по вопросу объ источникахъ Русской Правды, приведенный въ брошюрѣ Ѳ. В. Тарановскаго «Норманская теорія въ исторіи Русской Правды», (Варшава, 1909 г.), стран. 5 и сл.

Digitized by Google

памятника, между тѣмъ, какъ проф. Гётцъ думаетъ, что для яснаго представленія правовыхъ понятій каждой редакціи необходимъ болѣе правильный путь — «разсматривать каждую редакцію саму по себѣ» («jede Redaction für sich allein zu betrachten», т. I, стран. 3). Мы уже приводили по этому поводу мнѣніе проф. М. Ф. Вл.-Буданова, отклоняющее упрекъ въ «смѣшеніи постановленій разновременныхъ Правдъ». Не видятъ здѣсь какой-либо методологической ошибки и другіе критики, указывая при этомъ, что и самъ «проф. Гётцъ не могъ выдержать», какъ замѣчаетъ, напримѣръ, А. Е. Прѣсняковъ, «пріема толкованія каждой редакціи «Русской Правды» независимо отъ позднѣйшихъ. Какъ онъ на этомъ ни настаивалъ, самъ онъ въ пониманіи ряда статей древнѣйшей Правды и «второй редакціи» исходитъ изъ ихъ сопоставленія со статьями Правды Пространной. Иначе и не могло быть. «Третья редакція» — необходимый источникъ для разумѣнія болѣе древнихъ статей, хотя бы потому, что ея составители могли знать ихъ въ иномъ видѣ и полнѣе, чѣмъ знаемъ мы» (ib., стран. 166 и сл.). Намъ думается даже, что, если бъ проф. Гётцъ пользовался еще въ большей степени, чѣмъ это случилось de facto, указаннымъ сопоставленіемъ статей (съ извѣстными оговорками, что онѣ принадлежатъ разнымъ редакціямъ и т. п.), то онъ принужденъ былъ бы (какъ это мы отмѣтимъ въ своемъ мѣстѣ), отказаться отъ мысли о заимствованіи, напр., свода Русской Правды изъ Салической Правды.

Мы отмѣтили кратко важнѣйшія возраженія, какія сдѣлали русскіе ученые критики на изслѣдованія о Русской Правдѣ профессора Гётца (пока, впрочемъ, на I и II только томы). Перейдемъ теперь къ изложенію нашихъ собственныхъ сомнѣній и замѣчаній по поводу этихъ изслѣдованій.

II.

Обширнымъ, обнимающимъ четыре тома, изысканіямъ профессора Гётца о Русской Правдѣ предшествуетъ, по времени, переводъ, съ толкованіями, самого памятника[1]). Положивъ въ основаніе своего перевода извѣстное изданіе Русской Правды В. И. Сергѣевича, авторъ беретъ для него три первыя редакціи (такъ наз. древнѣйшую, вторую и третью), оставляя въ сторонѣ четвертую (по списку кн. Оболенскаго), что̀ и правильно, такъ какъ послѣдняя

[1]) «Programm zu Feier des Gedächtnisses des Stifters der Universität Königs Friedrich Wilhelm III, zugleich mit dem Bericht über die Akademische Preisverteilung am 3. August 1909 г.». Inhalt: Leopold Karl Goetz, Russkaja Prawda (Das Russische Recht). Aus altrussischen übersetzt, mit Anmerkungen. Bonn.

Digitized by Google

не имѣетъ самостоятельнаго значенія и составляетъ, какъ замѣчаетъ переводчикъ, сокращеніе (Auszug) третьей редакціи. Затѣмъ, въ изданномъ въ 1910 году I томѣ Das Russische Recht (Русская Правда), посвященномъ изслѣдованію «древнѣйшей редакціи» Правды, авторъ перепечатываетъ русскій текстъ трехъ редакцій Правды (по тому же изданію В. И. Сергѣевича), вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на нѣмецкій; затѣмъ второй томъ своихъ изслѣдованій онъ отдаетъ подробнымъ изысканіямъ о второй редакціи, третій — слѣдующей, а четвертый содержитъ въ себѣ общее разсужденіе автора о III редакціи Р. Правды, какъ литературнаго произведенія и какъ памятника права[1]). Изданіе В. И. Сергѣевича[2]), какъ извѣстно, рѣзко раздѣляетъ «краткую» Правду, на «древнѣйшую» (составляющую I редакцію) и «Правду Ярославичей» (являющуюся II редакціею), а равно и вводитъ новое дѣленіе на статьи, пытаясь измѣнить существующее нынѣ. Изданіе это вызывало неразъ возраженія со стороны ученыхъ[3]) и критики изслѣдованій профессора Гётца, какъ уже частью отмѣчалось нами, склонны ставить въ упрекъ ему, что онъ взялъ это изданіе за образецъ своего перевода и толкованій. Намъ думается, однако, что иностраннаго писателя нельзя винить за то, что онъ пользуется тѣмъ, что даетъ «лучшаго» литература даннаго народа и, конечно, ему невозможно разбираться (какъ это справедливо отмѣчаетъ А. Е. Прѣсняковъ, ib. стр. 155) въ «рукописной традиціи текста». Исходя изъ вышесказаннаго положенія, мы не будемъ касаться всѣхъ тѣхъ недомолвокъ и особенностей изслѣдованій проф. Гётца, которыя, такъ или иначе, стоятъ въ зависимости отъ характера самого изданія В. И. Сергѣевича, а будемъ говорить лишь о томъ, въ чемъ вполнѣ и нераздѣльно выражаются взгляды самого изслѣдователя на нашъ памятникъ и прежде всего остановимся на его переводѣ Р. Правды.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что при переводѣ любого памятника права на иностранный языкъ передъ переводчикомъ возникаетъ чрезвычайно трудная задача войти въ духъ языка

---

[1]) «Das Russische Recht» («Русская Правда»): I Band: «Die älteste Redaction des Russischen Rechtes» (Stuttgart, 1910 г.); II Band: «Die zweite Redaction des Russischen Rechtes» (ibid., 1911 г.); III Band: «Die dritte Redaction des Russischen Rechtes» (ibid., 1912 г.); IV Band: Die dritte Redaction des Russischen Rechtes als literarisches Denkmal und als Rechtsurkunde» (ibid., 1913 г.).

[2]) «Русская Правда» въ четырехъ редакціяхъ. По спискамъ Археографическому, Троицкому и кн. Оболенскаго, съ дополненіями и варіантами изъ другихъ списковъ. Издалъ В. Сергѣевичъ (С.-Пб., 1904 г.).

[3]) Кромѣ указанныхъ реценэій на изслѣдованія проф. Гётца, гдѣ попутно говорится объ изданіи В. И. Сергѣевича, см. также ст. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго «Новое изданіе Русской Правды» (М., 1905 г.; оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Имп. Московскаго Университета), гдѣ указанный авторъ характеризуетъ это изданіе, «какъ безспорно лучшее».

Digitized by Google

памятника, сумѣть изобразить все своеобразіе его юридическихъ институтовъ, а равно и найти подходящія выраженія для передачи, на другомъ языкѣ, всѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ его національной терминологіи. Эта трудность становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ древнѣе, по своему происхожденію, переводимый памятникъ. Не говоря уже о разночтеніяхъ, всегда встрѣчающихся въ древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ въ рукописномъ видѣ, одна наличность оригинальныхъ техническихъ терминовъ, — касающихся архаическихъ институтовъ права, изчезнувшихъ въ послѣдующемъ культурномъ развитіи націи, — всегда создавала и будетъ создавать непреодолимыя препятствія для точнаго ихъ перевода на иностранный языкъ, въ виду того, что сами институты представляются нерѣдко загадочными по своему внутреннему смыслу, почему и объясненіе ихъ вызываетъ въ литературѣ рядъ контроверзъ. Переводъ будетъ всегда поэтому болѣе или менѣе условнымъ и возбуждающимъ извѣстныя возраженія[1]). И это независимо отъ качествъ, свойственныхъ самому переводчику. Проф. Гётцъ, несомнѣнно, отлично владѣетъ русскимъ языкомъ вообще и языкомъ древнихъ нашихъ памятниковъ въ частности. Переводъ Русской Правды, имъ сдѣланный, обладаетъ поэтому крупными достоинствами: онъ, говоря вообще, отличается простотою стиля, такъ идущей къ общему характеру нашего древнѣйшаго памятника права; онъ нерѣдко передаетъ затѣмъ, насколько возможно, близко сущность основныхъ понятій, свойственныхъ Русской Правдѣ; онъ, наконецъ, исправляетъ ошибки устарѣлаго перевода Русской Правды, сдѣланнаго еще въ 1826 году Эверсомъ [2]), давая при томъ громадный матеріалъ для толкованій

---

[1]) Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, справедливо учитано переводчиками Салической Правды, только что изданной по-русски. Авторы перевода замѣчаютъ, что «переводъ такого памятника, какъ Салическая Правда, можетъ быть лишь переводомъ приблизительнымъ и условнымъ, т.-е. такимъ переводомъ, который исходитъ изъ опредѣленнаго толкованія текста. А такъ какъ толкованія отдѣльныхъ терминовъ и цѣлыхъ титуловъ Салической Правды могутъ быть различны и даже противоположны, то вполнѣ законны и различные ихъ переводы, несогласные съ нашимъ». (Салическая Правда, русскій переводъ Lex Salica, Н. П. Граціанскаго и А. Т. Муравьева. Съ введеніемъ Н. П. Граціанскаго. Казань, 1913 г.) Условность перевода разумѣется тѣмъ меньше можетъ оказывать вліянія на вѣрное пониманіе текста переводимаго памятника, чѣмъ болѣе толкованій отдѣльныхъ терминовъ дается въ ученой литературѣ. По отношенію къ Салической Правдѣ въ нашей литературѣ имѣется прекрасное изданіе памятника, съ обстоятельными комментаріями («Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европейскаго права», издаваемый подъ редакціей П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова»), вып. I. (Кіевъ, 1906 г.), Lex Salica.

[2]) Самъ авторъ говоритъ по поводу этого слѣдующее: «Seit Ewers (1826) ist meines Wissens keine deutsche Uebersetzung mehr erschienen; aber seit Ewers hat die Handschriftenerforschung des «Russischen Rechts» grosse Fort-

Digitized by Google

не только отдѣльныхъ словъ, но и цѣлыхъ выраженій. Во всемъ этомъ заключается большая заслуга проф. Гётца какъ передъ исторіею русскаго права, такъ еще болѣе — передъ исторіею сравнительнаго правовѣдѣніе. Только теперь наша знаменитая Правда цѣликомъ предстала предъ лицомъ западно-европейскихъ ученыхъ и ея юридическіе институты вполнѣ открыты для изученія. Но переводъ Русской Правды, по тремъ ея редакціямъ, сдѣланный проф. Гётцемъ, имѣетъ и нѣкоторыя особенности, на которыхъ стоитъ остановиться, въ виду важности вопроса о наиболѣе близкой передачѣ, на чужомъ языкѣ, основного смысла подлинника. Прежде всего, при разборѣ этого труда, нельзя, кажется, признать вполнѣ правильнымъ, одного общаго пріема, допускаемаго авторомъ при переводѣ важнѣйшихъ оригинальныхъ терминовъ Русской Правды, соотвѣтствующихъ оригинальности самихъ институтовъ, обозначенныхъ въ этихъ терминахъ. Авторъ разсматриваемыхъ изслѣдованій о Русской Правдѣ стремится передать непремѣнно по-нѣмецки многія техническія выраженія нашего памятника, какъ, напр., послухъ, видокъ, лицо, рядъ, сводъ и др., при чемъ нельзя сказать, чтобъ такая передача была всегда вполнѣ удачна. Можно было бы частью оправдать ее, однако, заботливостью автора о чистотѣ нѣмецкаго языка, стремленіемъ не засорять его иностранными реченіями. Но, авторъ, какъ и всякій переводчикъ, если и имѣлъ передъ собою такую цѣль, то проводилъ ее, во всякомъ случаѣ, какъ намъ представляется, далеко не послѣдовательно, такъ что и оправданіе этою цѣлью не можетъ имѣть большого значенія, еслибъ оно и было представлено авторомъ перевода. По крайней мѣрѣ, мы нерѣдко встрѣчаемся въ его переводѣ съ русскими терминами тогда, когда ихъ легко было бы, безъ ущерба внутреннему смыслу памятника, замѣнить нѣмецкими, какъ и, наоборотъ, трудность, а иногда и полная невозможность, передать по-нѣмецки какое-либо русское техническое выраженіе не останавливаетъ автора отъ замѣны этого выраженія нѣмецкимъ, въ результатѣ чего получается неясность въ переводимой статьѣ и т. д. Авторъ, напр., переводитъ выраженія «сельскій староста» словами «Dorf-Starosta», а «ротайный староста» — «Bauern-Starosta» (II редакція ст. 6), хотя, съ точки зрѣнія чистоты перевода, а равно и его точности, ничто бы казалось не мѣшало перевести первое выраженіе

---

schritte gemacht und auf vielen Gebieten der russischen Geschichte und Rechtsgeschichte ist man zu anderen Resultaten gekommen, als sie Ewers für seine Uebersetzung vorlagen. Ferner hat Ewers eine Anzahl Uebersetzungsfehler gemacht, die allerdings bei der oft dunkeln, schwerverständlichen Sprache des «Russichen Rechts» verzeihlich sind». («Programm», стран. 14).

Digitized by Google

по-нѣмецки словами «Dort-aeltester», а второе «Bauern-aeltester». Съ точки зрѣнія чистоты нѣмецкаго языка, — и въ полномъ согласіи съ смысломъ слова, — вполнѣ возможно было бы также слово вирникъ (Virnik), оставленное безъ перевода, перевести словомъ Wehrmann, какъ предлагалъ еще Эверсъ, или еще лучше, какъ предлагаетъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, самъ проф. Гётцъ словомъ Wergeldmann (Programm, стран. 24). Непонятно также, напр., почему бы слово вѣдро (ведро), встрѣчающееся въ Русской Правдѣ, не перевести словомъ Eimer (II редакція, ст. 24). Если, далѣе, авторъ оставляетъ безъ перевода слово вѣверица (Vêverica), или слово вѣкша (Vêkša), вполнѣ соотвѣтствующее слову «Eichhörnchen», то мы понимаемъ это, какъ вполнѣ умѣстное, по обстоятельствамъ дѣла, желаніе автора оставить вообще русскія денежныя единицы (Grivna, Rèsana, Nogata) въ ихъ оригинальной терминологіи. Но, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы, въ интересахъ выдержанности системы перевода, оставлять безъ перевода и другія единицы тѣхъ или иныхъ мѣръ, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ. Между тѣмъ, въ такъ называемыхъ «поконахъ вирныхъ», авторъ, то сохраняетъ русскую мѣру этихъ «поконовъ» (ведро, Vedro), и сохраняетъ безъ нужды, то замѣняетъ ее, и при томъ (на нашъ взглядъ), неудачно — нѣмецкимъ словомъ. Такъ, слово, напр., полоть авторъ передаетъ словомъ Schwein. Полоть, или полть — извѣстная единица мѣры, употребляемая при торговлѣ мясомъ и, если другія единицы мѣры, употреблявшіяся при торговлѣ того времени, — какъ напр., уборокъ (Uborok), головяжня (Golovaznja) и пр., — оставлены авторомъ безъ перевода, то, кажется, слѣдовало бы и полоть оставить безъ перевода, или, если уже переводить, то болѣе близко къ смыслу даннаго слова, почему, съ этой точки зрѣнія, переводъ, дѣлаемый Эверсомъ (полоть — eine Speckseite), несомнѣнно, болѣе удовлетворителенъ, чѣмъ переводъ почтеннаго автора.

Нѣмецкій переводъ Русской Правды, столь тщательно сдѣланный проф. Гётцемъ, вообще, пестритъ русскими терминами, оставленными авторомъ въ ихъ полной неприкосновенности. Это оставленіе можно было бы вообще привѣтствовать, въ виду трудности, а подчасъ и полной невозможности сколько-нибудь точной передачи на чужомъ языкѣ всего своеобразія нашей юридической терминологіи. Оставленіе безъ перевода тѣмъ болѣе умѣстно, что авторъ — какъ въ своей «Программѣ», содержащей переводъ Русской Правды, такъ и въ своихъ прекрасныхъ изслѣдованіяхъ этого памятника, — не скупится на приведеніе, кромѣ собственныхъ объясненій, также и тѣхъ, которыя имѣются въ нашей литературѣ, по отношенію къ тому или

Digitized by Google

иному термину, встрѣчающемуся въ указанномъ памятникѣ, и тѣмъ даетъ возможность нѣмецкимъ читателямъ видѣть всѣ разнорѣчія. Однако, и здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторую невыдержанность въ системѣ перевода, сильно вредящую, какъ намъ кажется, дѣлу. Такъ, авторомъ оставлены безъ перевода слова гридѣнь (Gridin), ябетникъ (Jabetnik), тіунъ (Tiun), бояринъ (Bojarin), огнищанинъ (Ognišcanin) и др., но переведены слова видокъ, послухъ, сводъ, лице, закупъ, рядъ и др. Едва-ли трудность перевода терминовъ огнищанинъ или ябетникъ, ввиду — разногласія въ толкованіяхъ значенія этихъ словъ и пр., менѣе значительна, чѣмъ тѣхъ, которыя авторъ перевелъ на свой родной языкъ. Возьмемъ, напр., слово закупъ. Авторъ переводитъ его словомъ Mietarbeiter (III редакція, ст. 71), т.-е. наймитъ, каковое выраженіе встрѣчается, какъ извѣстно, только въ одномъ спискѣ Русской Правды. Давая такой переводъ какъ въ своей «Программѣ» (стран. 31), такъ и въ I томѣ «Das Russische Recht» (стран. 39), авторъ тѣмъ самымъ становится на сторону тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые выводятъ институтъ закупничества изъ договора личнаго найма, между тѣмъ какъ у насъ существуетъ еще другая теорія, полагающая, что въ основѣ закупничества лежитъ заемъ, соединенный съ самозалогомъ[1]). Авторъ, конечно, знаетъ объ этомъ, но вовсе не утилизируетъ, однако, этого значенія въ первоначальномъ своемъ переводѣ, указанномъ выше, и лишь въ III томѣ своего изслѣдованія называетъ закупа Schuldknecht, такъ что, напр., статья Русской Правды, гласящая, что «аже закупъ бѣжить отъ господы, то обель» (ст. 71, III редакціи) переведена такъ:

въ программѣ и въ I томѣ «Das Russische Recht»: «Wenn ein Mietarbeiter von Seinem Herrn entläuft, dann (wird er) ein Sclave (стран. 39).

въ III томѣ «Das Russische Recht»: «Wenn ein Schuldknecht (zakup) von seiner Herrschaft entläuft, dann (wird er) ein (voller) Sklave» (стран. 263).

Въ отступленіе отъ своего первоначальнаго взгляда, профессоръ Гётцъ, такимъ образомъ, становится позднѣе на сторону

[1]) Объ этихъ теоріяхъ см. въ моемъ «Учебникѣ исторіи русскаго права», изд. 5 (Юрьевъ, 1914 г.), стран. 216 и сл., а равно и у самаго проф. Гётца, т. III, стран. 263 и сл. Въ недавнее время «О закупахъ Русской Правды» написано изслѣдованіе И. И. Яковкинымъ, при чемъ его авторъ становится на сторону теоріи займа, сравнивая нормы Русской Правды съ нормами норвежскаго права, регулирующими отношенія по Schuldknechtschaft (т.-е., по «долговой кабалѣ»), «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1913 г., апрѣль и май; ср. рецензію *С. А. Шумакова*, Юрид. Библіографія, 1913 г., № 1—2. Это мнѣніе названнаго автора представляется намъ, однако, также односторонним.

Digitized by Google

второй теоріи, почему и утверждаетъ, что «zakupničestvo nicht ein Mietverhältnis, sondern ein Schuldverhältnis ist» (III томъ «Das R. Recht», стран. 266). Въ виду спорности вопроса и недостатка данныхъ для окончательнаго разрѣшенія его, намъ представляется вполнѣ допустимымъ и тотъ и другой переводъ слова закупъ, а равно и понятнымъ указанное колебаніе проф. Гётца. Но, однако, слѣдовало ли вообще переводить этотъ терминъ, разъ не было найдено авторомъ перевода для него какого-либо нейтральнаго выраженія (что едва ли возможно) и разъ попытка буквальнаго перевода, предложенная еще Эверсомъ (закупъ—Erkaufter), признается проф. Гётцемъ неудовлетворительною? Не было ли бы болѣе правильнымъ оставить терминъ закупъ безъ перевода, или, если уже переводить, то объединить въ переводѣ оба слова (Mietarbeiter и Schuldknecht), сказавъ, напр., по-нѣмецки, что закупъ есть «der mietarbeitende Schuldknecht, т.-е. работающій по найму должникъ? Такой переводъ намъ лично кажется возможнымъ потому, что мы находимъ въ институтѣ закупничества соединеніе договора личнаго найма съ договоромъ займа, обезпеченнаго самозалогомъ. Во всякомъ случаѣ, переводъ термина закупъ однимъ или другимъ (изъ двухъ указанныхъ) словъ является одностороннимъ, что едва ли является его достоинствомъ [1]). Возьмемъ два другихъ весьма важныхъ юридическихъ термина, извѣстныхъ Русской Правдѣ — видокъ и послухъ. Слово народомъ не даромъ молвится и, если существуютъ два слова для выраженія какихъ-либо, хотя бы родственныхъ, понятій, какъ это мы видимъ и въ данномъ случаѣ (видоки и послухи — свидѣтели), то это значитъ, что между этими понятіями существуетъ извѣстное различіе, которое въ данномъ литературномъ или юридическомъ памятникѣ можетъ быть иногда затемненнымъ, но которое должно быть, однако, по возможности, возстановленнымъ наукою. Два различныхъ термина требуютъ, какъ намъ кажется, отъ переводчика ихъ на другой языкъ, либо нахожденія для каждаго особаго слова, соотвѣтствующаго внутреннему смыслу даннаго термина, либо, въ случаѣ невозможности этого, оставленія каждаго термина безъ перевода. Нѣмецкій ученый избираетъ, однако, другой путь. Онъ то переводитъ термины видокъ и послухъ однимъ и тѣмъ же словомъ Zeuge (откуда и статья Русской Правды о послушествѣ

---

[1]) Выставивъ положеніе, что «zakup ist der Schuldknecht», авторъ говоритъ, что, сообразно съ этимъ, онъ измѣнилъ переводъ слова закупъ словомъ Mietarbeiter, за исключеніемъ, однако, § 80 III редакціи, гдѣ слово наймитъ осталось переведеннымъ словомъ Mietarbeiter (ibid., стран. 267, примѣч. 2). Все это говоритъ за то, что терминъ закупъ слѣдовало бы либо перевести такъ, какъ указано нами, либо оставить безъ перевода.

Digitized by Google

переводится «Vom Zeugniss» III редакція, ст. 89)[1]), то передаетъ терминъ послухъ нѣмецкимъ выраженіемъ Eideshelfer (III редакція, стт. 18, 19, 22), при чемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оба термина видокъ и послухъ передаются однимъ словомъ Zeuge[2]). Замѣтимъ по этому поводу слѣдующее. Видокъ, по согласному толкованію всѣхъ нашихъ ученыхъ, свидѣтель-очевидецъ, testis de visu; что же касается послуха, то подъ нимъ разумѣютъ, какъ свидѣтеля по слуху, testis de auditu, такъ и свидѣтеля доброй славы (testis de credulitate), на котораго ссылались стороны и который принималъ дѣятельное участіе въ судоговореніи; его уподобляютъ нерѣдко германскому conjurator'y, Eideshelfer'y. Можно согласиться съ тѣмъ, что авторъ разбираемаго перевода Русской Правды игнорируетъ взглядъ на послуха, какъ на свидѣтеля по слуху, такъ какъ этотъ взглядъ нынѣ не является общепринятымъ въ нашей ученой литературѣ; понятно также, что существованіе взгляда на послуха, какъ на соприсяжника, въ отличіе отъ взгляда на видока, какъ на лицо, свидѣтельствующее о видѣнномъ имъ фактѣ, заставило автора перевода именовать послуха невсегда нѣмецкимъ словомъ Zeuge, подобно видоку, но и называть иногда его Eideshelfer'омъ. Однако, въ виду начавшагося уже по Русской Правдѣ смѣшенія понятія видока и послуха, при чемъ не послухъ всегда игралъ роль видока[3]), а, наоборотъ, видокъ иногда былъ послухомъ, т.-е. соприсяжникомъ, слѣдовало бы и видока въ такомъ случаѣ называть Eideshelfer'омъ. Такъ, въ ст. 13, I редакціи («Аще ли ринетъ мужъ мужа либо отъ себе, либо къ собѣ, 3 гривнѣ. А видока два выведеть»), хотя и говорится о видокѣ, но этотъ видокъ является соприсяжникомъ, почему переводить подчеркнутую выше формулу этой статьи такъ, какъ переводить авторъ («Aber er muss zwei Zeugen beibringen) нельзя, безъ риска затемнить ея смыслъ.

---

[1]) I редакціи Русской Правды, стт. 4, 5, 13; II редакція, ст. 11; III редакція, стт. 31—33, 36, 37, 45, 48, 58, 60, 61, 64, 89, 90, 102, 110, 111, 142).

[2]) Въ своей «Программѣ» (въ примѣчаніи къ четвертой статьѣ I редакціи Русской Правды, гдѣ говорится о видокѣ — «или будеть кровавъ или синь надражень, то не искати ему видока человѣку тому»), авторъ замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «видокъ ist immer, wie hier, der Augenzeuge, послухъ wird im Russischen Recht gleichfalls für «Augenzeuge», so z. B. II, 11, III, 33 (während in dem eng werwandten III, 31 видокъ steht), III, 48, 58, 60, 61, 64, 110 gebraucht; man fasst es aber an anderen Stellen im Sinne von «Eideshelfer» auf, so z. B. III, 18, 22. Vergl. darüber bezw. dagegen Дроздовскій, 1885, 238—246, der видокъ, als testis de visu, послухъ, als testis de auditu erklärt», стран. 16 «Programm».

[3]) Это наступаетъ позднѣе, чему наиболѣе яркимъ выраженіемъ служитъ 67 ст. I Судебника, въ которой, между прочимъ, требуется «послухомъ, не видѣвъ, не послушествовати, а видѣвъ сказати правду». (Сравни также ст. 99 Царскаго Судебника.)

Digitized by Google

Затѣмъ, несомнѣнно, что тамъ, гдѣ авторъ перевода видитъ въ послухѣ видока, testis de visu, — почему и считаетъ возможнымъ обозначать его словомъ Zeuge (ближе было бы вообще называть видока всегда не Zeuge, а Augenzeuge), — послухъ является истиннымъ Eideshelfer'омъ. Такимъ онъ представляется, напр., намъ въ 102 ст. III редакціи Русской Правды, гласящей объ отысканіи пропавшей вещи по слѣду, оставленному воромъ, уведеннымъ животнымъ или рабомъ. Какъ извѣстно, статья эта заканчивается словами: «а слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а съ послухи». Проф. Гётцъ переводитъ эти слова такъ: «aber die Spur verfolgt man mit fremden Leuten und mit Zeugen». Едва ли къ этой статьѣ подходитъ общая формула проф. Гётца, что «послухъ wird im Russischen Recht gleichfalls für «Augenzeuge gebraucht» (подобно видоку), а, слѣдовательно, едва ли слово послухъ здѣсь можетъ переводиться словомъ Zeuge. По смыслу всей статьи послухи должны были свидѣтельствовать, что vestigii minatio, говоря языкомъ Салической Правды, велось согласно выставленнымъ Русскою Правдою правиламъ; въ виду того, что такому свидѣтельствованію можно было больше вѣрить, чѣмъ словамъ родныхъ, указанная статья и требуетъ ихъ присутствія и не допускаетъ къ участію въ отысканіи по слѣду вора и пропавшей вещи своихъ. Участіе постороннихъ людей, сосѣдей и т. д., въ процессѣ vestigii minatio было обязательнымъ, какъ по древне-германскому [1]), такъ и по древне-славянскому праву [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ видѣть здѣсь въ послухахъ простыхъ видоковъ, Zeugen по терминологіи автора, а лицъ, которыя могли бы позднѣе, въ случаѣ нужды, подтвердить присягою, что слѣдъ гнался правомѣрно и т. д. Самъ авторъ, говоря объ этой статьѣ, между прочимъ замѣчаетъ о послухахъ, называемыхъ имъ въ переводѣ Zeugen, слѣдующее: «die Zeugen sind solche Personen, die Tatsache des Diebstahls, die Wegnahme der Gegenstände bekunden können, wenn sie auch nicht Augenzeugen der Tat selbst waren» («Das Russische Recht», III, стран. 319). Дѣйствительно, здѣсь послухи — не видоки-очевидцы только (не «Augenzeugen»), а лица, на которыхъ можетъ «слаться» впослѣдствіи

[1]) По «Decretis Chlotarii regis» (§ 17) видно, что «всякій, кто не захотѣлъ бы, вопреки приглашенію, отправиться «ad vestigio vel latrones persequendo» подвергался пени въ 5 солидовъ (см. подробно о процедурѣ отысканія вора и вещи по слѣду въ статьѣ моей «Начальныя статьи процесса виндикаціи движимости по leges barbarorum» и пр. въ «Сборникѣ статей», посвященныхъ М. Ф. Вл.-Буданову, стран. 10 и сл.).

[2]) По польскому, напр., праву, односельчане должны участвовать въ указанной процедурѣ, если не хотятъ отвѣчать за неоказаніе помощи: такъ они «гонятъ по слѣду за разбойникомъ и воромъ, отъ ополя къ ополю, отъ деревни до деревни». (Собѣстьянскій, Круговая порука у славянъ. Харьковъ, 1888, стран. 110 и сл.)

Digitized by Google

гонящійся по слѣду виндикантъ. Кто же они, какъ не conjuratores, Eideshelfer'ы, т.-е. вовсе не свидѣтели-очевидцы, а, наоборотъ, свидѣтели доброй славы истца, поддерживающіе своею присягою его присягу? Кажется, въ виду того употребленія терминовъ видокъ и послухъ, какой имѣетъ мѣсто въ Русской Правдѣ, было бы вполнѣ умѣстнымъ оставить эти слова безъ перевода, разъ не было найдено подходящихъ терминовъ для каждаго изъ нихъ; обозначеніе же ихъ, за немногими исключеніями, однимъ словомъ Zeuge приводитъ не только къ тому, что отдѣльныя статьи Русской Правды, въ коихъ эти термины встрѣчаются, утрачиваютъ свою индивидуальность и какъ-то нивелируются, но и можетъ вызвать споръ о томъ, дѣйствительно ли въ данной статьѣ послухъ такой же видокъ (или обратно), а не соприсяжникъ.

Авторъ пытается, далѣе, передать по-нѣмецки другой техническій терминъ нашего знаменитаго памятника, а именно терминъ лице. Онъ передаетъ его словами «das (Klage) Object («оже не будеть лиця — wenn das (Klage) Object nicht vorhanden ist», III редакція, ст. 23), «das ihm (истцу) gehörende Object» («свое ему лицемь взяти — so nimmt er das ihn gehörende Object», ст. 40), «sein Object» (а истцю свое лицо взяти — und der Kläger nimmt sein Object», ст. 45; ср. стт. 47, 48)[1]), замѣняетъ слово «лице» наименованіемъ предмета, который украденъ («аже лодью украдеть, то 60 кунъ продажѣ а лодью лицемъ воротити — wenn man ein Boot stiehlt, dann 60 Kuna Strafe und das Boot selbst zurückgeben», 104). Въ своей «Программѣ» авторъ добавляетъ еще слѣдующее въ поясненіе значенія слова лице: «Also ist лице Objekt, Klagegenstand, corpus delicti» (стран. 28), а въ III же томѣ своего изслѣдованія «Das Russische Recht» говоритъ, что «die Worte svoe emu licem vzjati könnte man passend auch wiedergeben mit «das seine in natura wieder nehmen», wie die Boltinsche Ausgabe schon lice erklärt hat» (стран. 156; ср. также стран. 169, гдѣ предлагается слово лице передать словами «das Klageobject in natura). Проф. Гётцъ предлагаетъ, такимъ образомъ, нѣсколько словъ и описательныхъ выраженій для передачи по-нѣмецки термина Русской Правды лице[2]). Если мы къ этому еще добавимъ, что «Эверсъ (въ своемъ изслѣдованіи «Das älteste Recht der Russen, стран. 319) слова Русской

---

[1]) Правило Русской Правды: «Яже отъ челяди плодъ или отъ скота, то все поімати лицемь», проф. Гётцъ переводъ: «Wenn vom Gesinde oder vom Vieh Zuwachs ist (in der Zeit der Vormundschaft), so erhält (der Vormund) alle diese Objecte», ibid., ст. 129).

[2]) О значеніи слова лице у славянъ вообще см., между прочимъ, E. Berneker'a, Slavisches etymologisches Wörterbuch (Heidelberg, 1908—1913 гг.), т. I, A—L, подъ словомъ likъ, 2.

Digitized by Google

Правды «а послѣ познаетъ (утратившій свою вещь) въ своемъ городѣ, свое ему лицемь взяти» передаетъ словами: «und nachher erkennt er das seinige in der Stadt, so nimmt er das seinige in Wesenheit (лицемъ)», то мы получимъ цѣлую серію выраженій, пытающихся изобразить смыслъ нашего термина лице. Уже наличность этой серіи выраженій, нерѣдко другъ съ другомъ совсѣмъ несхожихъ, ясно показываетъ, что переводчики чувствовали затруднительность своего положенія. Надо признать, какъ намъ представляется, что проф. Гётцъ, поскольку это было возможно, передалъ удачно смыслъ даннаго термина, и если бы онъ отнесъ всѣ эти выраженія «Klage-Object», «Klagegegenstand», «corpus delicti», «das Klage-Object in natura» и пр. въ примѣчанія свои (что имъ и сдѣлано частію), а не помѣщалъ бы нѣкоторыхъ изъ нихъ въ текстъ перевода Русской Правды, оставивъ терминъ лице безъ перевода, онъ поступилъ бы болѣе цѣлесообразно, такъ какъ передача термина лице словами «Klage-Object», «sein Objekt» и пр. лишаетъ соотвѣтствующій текстъ Русской Правды, въ переводѣ, его простоты и наивности. Выраженія — «объектъ иска», ему «принадлежащій объектъ», — умѣстныя вполнѣ въ современномъ юридическомъ кодексѣ, — какъ-то мало подходятъ къ такому памятнику старины стародавней, какъ наша Правда...

Попытка автора новѣйшаго перевода Русской Правды передать во что бы то ни стало по-нѣмецки ея техническіе юридическіе термины дѣлается авторомъ и тогда, когда онъ самъ понимаетъ трудность своей задачи, при чемъ дѣлается, какъ намъ представляется, не вполнѣ удачно. Какъ извѣстно, въ Русской Правдѣ встрѣчается терминъ сводъ, различно понимаемый и нашими учеными, а именно, какъ «очная ставка», какъ отысканіе дѣйствительнаго (конечнаго, чеклаго) татя, какъ виндикація и др. Этотъ терминъ переводился Эверсомъ словомъ Umfrage, опросъ. Хотя профессоръ Гётцъ и находитъ, что, по существу своему («in ihrem Kern») этотъ переводъ и вѣренъ, такъ какъ при сводѣ происходитъ опросъ владѣльцевъ вещи, но, онъ, однако, полагаетъ, что слово сводъ слѣдуетъ передавать чрезъ слово «Ermittlung,» дознаніе, такъ что требованіе, изложенное въ 18 ст. II редакціи Русской Правды (по изданію В. И. Сергѣевича), съ которымъ виндикантъ обращается къ владѣльцу его вещи, а именно требованіе — «пойди на сводъ, кдѣ еси взялъ» — должно въ переводѣ быть изложено такъ: «Gehe mit zur Ermittelung, wo du es genommen hast» («Das Russische Recht», т. I, стран. 8 и сл.). Автору перевода кажется, что въ словѣ «Ermittlung» соединены оба разсматриваемые момента («in Betracht kommende Momente»)—«seitens des Klagenden Eigentümers die Nachfor-

Digitized by Google

schung, wer der Dieb ist, seitens des durch den Besitz der Sache in Verdacht des Diebstahls geratenen Inhabers des Gegenstandes die Nachweisung, dass er der Dieb nicht ist» (ibid., стран. 139, примѣч. 3). Мы должны прежде всего замѣтить, что вовсе не видимъ въ словѣ Ermittlung того сложнаго значенія, которое бы ясно отражало два основныхъ момента процесса свода, какое придается ему авторомъ перевода. Дѣло, однако, не въ томъ, отражаетъ ли это слово указанные два момента, а въ томъ, поскольку это слово соотвѣтствуетъ вообще внутреннему смыслу нашего термина сводъ. Самъ авторъ въ III томѣ своего изслѣдованія о Русской Правдѣ начинаетъ сомнѣваться въ полной пригодности слова Ermittlung для перевода термина сводъ [1]). У насъ же это сомнѣніе возникло уже непосредственно по обнародованіи проф. Гётцомъ своей «Программы» въ 1909 году, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ значеніемъ термина сводъ, какое мы придали ему въ статьѣ нашей «Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum» [2]), гдѣ мы, задолго до изслѣдованія проф. Гётца, уподобили сводъ Русской Правды интерціаціи (intertiatio, entiercement) leges barbarorum, термина передаваемаго по-нѣмецки словомъ «Dritthandverfahren». Въ текстѣ своего изслѣдованія проф. Гётцъ, впрочемъ, и самъ говоритъ, что процессъ свода, т.-е. «Ermittlungsverfahren», по его переводу, есть «Dritthahdverfahren», «процессъ третьей руки». Но, если это такъ, то и слѣдовало бы, можетъ быть, этимъ послѣднимъ терминомъ, какъ знакомымъ германистамъ, передать терминъ сводъ. Конечно, при этомъ пришлось бы отмѣтить гдѣ-либо и разницу между сводомъ Русской Правды и intertiatio (Dritthandverfahren) leges barbarorum. Дѣлая въ свое время уподобленіе свода интерціаціи мы думали, однако, что между тѣмъ и другимъ понятіемъ нѣтъ полнаго тожества. Подъ словомъ сводъ надо понимать сведеніе (какъ это нами доказывалось въ упомянутой статьѣ) съ себя владѣльцемъ вещи, опознанной у него ея собственникомъ, подозрѣнія въ кражѣ на третьяго, на того, у кого онъ ее пріобрѣлъ тѣмъ или инымъ правомѣрнымъ способомъ. У насъ доселѣ въ народной рѣчи употребляется прилагательное свѣдчивый для характеристики человѣка, сводящаго обвиненіе въ чемъ-либо съ себя на другого. У чеховъ говорятъ on to svádí na mne — er schiebt

---

[1]) Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ его словъ: «Das Wortspiel des Textes сводъ — сведитеся, oder сведутся, wie die Karamzinsche Handschrift hat, lässt sich im Deutschen bei Uebersetzung von сводъ mit «Ermittlung», nicht gut wiedergeben» (Das R. Recht, т. III, стран. 159 примѣч. 1).

[2]) Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Вл.-Буданову (Кіевъ, 1904 г., стран. 4 и сл.).

Digitized by Google

es auf mich [1]), т.-е. онъ сваливаетъ (сводитъ) это на меня. Затѣмъ, юридическій терминъ svod (сводъ), извѣстный и чешскому праву, чешскіе ученые производятъ отъ глагола свести — deducere. Этотъ терминъ, то остается въ древне-чешскихъ памятникахъ права, написанныхъ по-латыни, безъ перевода (какъ это мы укажемъ ниже), то переводится словомъ schub, производнымъ отъ глагола schieben, сдвигать, сваливать, сводить, откуда существительное, нынѣ извѣстное, Schub. Такъ, въ одномъ чешскомъ юридическомъ памятникѣ читаемъ: «Si dicit (владѣлецъ вещи, опознанной у него собственникомъ) se equum apud alium emisse et ad illum vult deducere, quod dicitur in vulgari schuben, sic de uno ad alium deducetur, donec verus venditor inveniatur» (ibid.). Здѣсь съ ясностью изображенъ процессъ свода, вполнѣ тожественный съ нашимъ, и терминъ сводить переданъ терминомъ Schuben. Если профессору Гётцу было желательно непремѣнно передать нашъ терминъ сводъ нѣмецкимъ терминомъ, то слѣдовало бы употребить для этого не слово Ermittlung, а слово Schub. Какъ намъ кажется, это тѣмъ болѣе допустимо, что, по толкованію Брунера, Schub есть слово, которое въ верхне-нѣмецкомъ языкѣ означаетъ прежде всего рядъ auctor'овъ, т.-е. послѣдовательно идущихъ другъ за другомъ владѣльцевъ вещи (Gewährszug), черезъ которыхъ вещь, подлежащая виндикаціи, переходитъ въ третьи руки [2]). Такое значеніе слова Schub во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ значенію слова сводъ, чѣмъ слово Ermittlung, Umfrage, а равно и русскія передачи значенія этого слова черезъ выраженіе «очная ставка», виндикація [3]) и пр. Впрочемъ, было бы вообще

[1]) Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes (Brünn, 1876 г.), стран. 322.

[2]) «Das Oberdeutsche nennt dem Gewähren auch Schub, ein Wort, das zunächst den Gewährszug bedeutet, durch den ja die Sache der dritten Hand zugeschoben wurde», говоритъ проф. Брунеръ, приводя также опредѣленіе London'a, что «Schub heisst auch die geschobene Sache und die Fürfangsgebühr» (Deutsche Rechtsgeschichte, II томъ, стран. 501 и примѣч. 39).

[3]) Наименованіе свода «очной ставкою», какъ это дѣлается, напр., И. И. Срезневскимъ въ его «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка», нисколько не выражаетъ сущности термина сводъ по Русской Правдѣ, не говоря уже о томъ, что смѣшиваетъ вмѣстѣ двѣ совершенно различныя процессуальныя процедуры. Отожествленіе свода съ виндикаціею, что допускается М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ въ его «Христоматіи по исторіи русскаго права («сводъ — виндикація — есть процессъ по искамъ вещнымъ», см. примѣч. къ ст. 13 Академическаго списка) едва ли вполнѣ точно, такъ какъ сводъ есть только одинъ изъ моментовъ сложнаго процесса виндикаціи движимостей, т.-е. иска невладѣющаго собственника пропавшей вещи къ владѣющему ею не-собственнику. Замѣтимъ кстати, что въ недавнее время, уже послѣ напечатанія проф. Гётцемъ своего перевода, всѣ важнѣйшія данныя о сводѣ собраны были въ статьѣ проф. В. И. Курдиновскаго, Что такое «сводъ» нашего древняго права («Юридическія извѣстія», 1913 г., № 8, стран. 210 и сл.). Авторъ статьи приходитъ къ тому же выводу о значеніи свода, какой былъ нами высказанъ еще въ упомянутой выше статьѣ «Начальныя стадіи процесса» и пр. (ib., стран. 212 и сл.).

Digitized by Google

цѣлесообразнѣе оставлять всѣ техническіе термины, подобные вышеуказаннымъ, безъ перевода. Именно, въ виду нетолько чрезвычайной трудности, но нерѣдко и прямой невозможности передать термины первобытнаго права одного народа на языкѣ другого, слѣдовало бы при переводѣ древнѣйшихъ памятниковъ держаться правилъ, усвоенныхъ еще старыми западно-европейскими кодификаторами. Послѣдніе просто оставляли безъ перевода славянскіе термины, обозначающіе какіе-либо оригинальные юридическіе институты славянъ. Если мы, напр., обратимся къ древнему чешскому праву и раскроемъ извѣстныя Statuta ducis Ottonis (отъ 1229—1237 гг.)[1]), то увидимъ, что въ ихъ средневѣковую латынь, какъ брилліанты, вкраплены славянскіе термины и, между ними, тотъ же терминъ сводъ, о которымъ мы говорили выше. Такъ, въ § 10 этихъ статутовъ читаемъ:

Quando ducitur, quod dicitur svod, debet adesse castellani nuntius, judicis et villici et camerarii, et unus vel duo de viciniatu illo et ultra tres non ducatur, sed in tertio remaneat; et si convictus fuerit CC in cameram regis reddat denarios et illi, qui dicitur póvod, satisfaciat»[2]).

Этотъ примѣръ является далеко не единственнымъ и въ томъ же памятникѣ мы находимъ рядъ терминовъ, оставленныхъ въ ихъ славянской неприкосновенности. (Таковы, напр., термины nàrok, въ § 5, sok, въ § 7, druho, въ § 9 и др.) Приводимъ, напр., характерное постановленіе о третейскомъ судѣ:

§ 13. Illud etiam, quod dicitur slu bný súd, habeant inter se libere et absolute...

Славянскіе термины, вкрапленные въ латинскій текстъ, находимъ и въ другихъ памятникахъ чешскаго права (напр., въ извѣстномъ Privilegium ecclesiasticum отъ 1222 г.), а равно и въ памятникахъ польскаго права, хотя уже и болѣе рѣдко[3]). Вообще нельзя

---

[1]) О нихъ см. въ изслѣдованіи проф. Jan'a Kapras'a, Právní-Dějiny zemí koruny eskỳ» (V Praze, 1913 г.), т. I, 17 и сл.

[2]) Цитируемъ по изданію Г. Ирѣчка, Svod zákonuv slovanskỳch» (V Praze, 1880 г.), стран. 489. Упоминаемый въ § 10 терминѣ póvod «означаетъ истца и соотвѣтствуетъ латинскому actor. Интересно, что, хотя «póvod», по утвержденію одного изъ чешскихъ ученыхъ, «wörtlich und sachlich gleich dem lateinischen actor», кодификаторъ, однако, оставляетъ его благоразумно безъ перевода (Brandl, Glossarium, и пр., стран. 262, подъ словомъ póvod).

[3]) Въ польскихъ грамотахъ отъ XII—XIV вѣковъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, терминъ opole, соотвѣтствующій (по толкованію самихъ грамотъ) латинскому слову vicinia, подъ которымъ разумѣется территоріальное дѣленіе, или территоріальная единица, жители которой, когда-то обязанные круговой порукою по отысканію преступниковъ, освобождаются позднѣе отъ ея несенія. Такъ, напр., въ одной грамотѣ отъ 1145 г. читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «absolvit omnes homines in premissis villis commorantes a vicinia, quod opole dicitur vulgariter»... (См. И. М. Собѣстьянскій, Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, Харьковъ, 1888 г., стран. 111 и сл.)

Digitized by Google

не пожалѣть, что авторъ перевода и изслѣдованій о Русской Правдѣ не принялъ во вниманіе древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ права. Они указали бы ему либо болѣе подходящіе нѣмецкіе термины для перевода на нѣмецкій языкъ общеславянскихъ терминовъ, съ которыми нѣмцамъ уже вѣка тому назадъ приходилось имѣть дѣло. При этомъ и формула Русской Правды — «пойди на сводъ, кдѣ еси взялъ», — вылилась бы, по всей вѣроятности, у автора не въ слова «Gehe mit zur Ermittlung, wo du es genommen hast», а въ слова «Gehe mit zum Schub, wo du es genommen hast», а, можетъ быть, навели бы его на мысль оставлять безъ перевода тѣ изъ юридическихъ терминовъ нашего памятника, которые, по ихъ своеобразію, не поддаются точной передачѣ на чужомъ языкѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда эта передача возможна, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, брать для перевода слова, наиболѣе подходящія этимологически. Такъ, напр., съ этой точки зрѣнія, своеобразный терминъ Русской Правды задница ближе всего можно было бы перевести словами Hinterlassenschaft, или Nachlass, а не словомъ Erbschaft, какъ переводитъ проф. Гётцъ. Затѣмъ ни съ этимологической точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія юридическаго смысла древняго нашего термина рядъ, нельзя этотъ терминъ передавать, какъ дѣлаетъ авторъ, словами testamentarische Verfügung, тестаментарное распоряженіе, такъ какъ рядъ Русской Правды, въ смыслѣ предсмертнаго договора, условія отца съ членами семьи объ ихъ общемъ имуществѣ [1]), мало похожъ на тестаментъ, какъ актъ умирающаго собственника, свободно распоряжающагося своимъ имуществомъ, почему формулу Русской Правды — паки ли безъ ряду умреть, — кажется, слѣдовало бы перевести не словами «stirbt er dagegen ohne testamentarische Verfügung», какъ переводитъ ее проф. Гётцъ, а словами — «wenn er stirbt aber ohne Erbverfügung» или «ohne Erbvergleich», т.-е. безъ ряда, договора о наслѣдствѣ, безъ соглашенія о наслѣдствѣ [2]). По вѣрному, на нашъ взглядъ, выводу проф. Ernst'a

---

[1]) Такой характеръ древняго завѣщанія сохраняется частью и доселѣ въ крестьянскомъ нашемъ быту, поскольку имущество разсматривается «какъ продуктъ общаго хозяйства и личнаго труда членовъ семьи» (см. С. В. Пахманъ). Обычное гражданское право въ Россіи, т. II, С.-Пб., 1879 г., стран. 316 и сл., ср. также гл. VII Г. С. Мэна, Древніе и новые взгляды на завѣщаніе и пріемство въ его «Древнемъ правѣ» (С.-Пб., 1873 г.), стран. 170 и сл.

[2]) Можетъ быть ближе всего слово рядъ въ данномъ случаѣ слѣдовало бы перевести терминомъ Erbvertrag, но такъ какъ въ нѣмецкой ученой литературѣ этому термину придается особое спеціальное значеніе, то осторожнѣе будетъ передать по-нѣмецки нашъ терминъ рядъ здѣсь словомъ Erbverfügung, если уже такая передача необходима непремѣнно (о значеніи термина Erbvertrag въ средніе вѣка см. R. Schröder, Lehrbuch der deutschen

Digitized by Google

Rabel'я отцовскіе раздѣлы «наслѣдства встрѣчаются у очень многихъ народовъ въ тѣ времена, когда они еще не знаютъ тестамента» [1]).

Таковы наши возраженія на нѣкоторыя особенности перевода проф. Гётца.

III.

Одною изъ весьма характерныхъ чертъ изслѣдованій проф. Гётца о «Русской Правдѣ», на которой нельзя не остановиться, является его попытка «сравненія древне-русской правовой жизни» съ таковою же жизнью «другихъ народовъ» (т. I, стран. VI). Не говоря уже объ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ тамъ и здѣсь въ I томѣ разбираемаго труда по отношенію къ данному вопросу, цѣлая III часть его (стран. 232—269) посвящена уясненію отношенія древнѣйшей редакціи «Русской Правды» «къ другимъ не-русскимъ памятникамъ права («zu anderen, nichtrussischen Rechtsdenkmälern»). Въ этой части авторъ трактуетъ объ отношеніи древнѣйшей редакціи къ договорамъ русскихъ съ греками отъ 911 и 945 гг. (§ 15), объ отношеніи ея къ византійскому праву и къ такъ наз. «закону судному людемъ царя Константина Великаго» (§§ 16 и 17), къ германскимъ leges barbarorum (§ 18) и, наконецъ, къ старошведскому праву (§ 19). Во II томѣ почтенный нѣмецкій ученый также не разъ возбуждаетъ вопросъ о родствѣ германскихъ «Правдъ» съ Русскою Правдою» и о вліяніи ихъ на нашу «Правду»; въ третьемъ — онъ снова ставитъ вопросъ объ этомъ вліяніи, въ четвертомъ — опять говоритъ какъ объ этомъ вліяніи, такъ и его «элементахъ въ третьей редакціи» [2]), при чемъ въ послѣднемъ томѣ высказываетъ по данному вопросу своего рода ересь, а именно утверждаетъ, что «германо-скандинавское вліяніе на «Русскую Правду» больше, чѣмъ византійское» (т. IV, стран. 79), между тѣмъ какъ большинство русскихъ ученыхъ (по автору — даже всѣ) держится противоположнаго взгляда. Не входя пока въ обсужденіе дѣла по существу, замѣтимъ,

---

Rechtsgeschichte, Leipzig, 1898 г., стран. 334, 728, 739 и C. v. Schwerin, Deutsche Rechtsgeschichte, въ «Grundriss der Geschichtswissenschaft», т. II, 5 отд., стран. 103 и сл.).

[1]) «Elterliche Teilungen, von E. Rabel aus der Festschrift zur 49 Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner». Basel 1907 г., стран. 527.

[2]) Къ достоинствамъ изданій проф. Гётца о «Русской Правдѣ» надо отнести превосходные именные и предметные указатели, сопровождающіе каждый томъ; по данному вопросу — см. «Sachregister», подъ словами «Germanische Rechte», «Germanische Volksrechte» и т. п., «Byzanz», «Friedensverträge» и пр., въ которыхъ отмѣчены всѣ мѣста его изслѣдованій, говорящія о тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ нормъ нашей «Правды» къ иноземнымъ нормамъ; кромѣ того, здѣсь же находимъ указатели всѣхъ иноземныхъ нормъ, называвшихся авторомъ въ текстѣ его труда.

Digitized by Google

что, ставя вопросъ объ отношеніи «Русской Правды» къ иноземнымъ памятникамъ права вообще и въ частности къ leges barbarorum, авторъ пошелъ навстрѣчу настоятельной необходимости. Такъ какъ изслѣдованія проф. Гётца о «Русской Правдѣ» появились на нѣмецкомъ языкѣ, то, благодаря этому, нашъ памятникъ прежде всего открылся для изученія иностранныхъ ученыхъ, говоримъ — открылся, въ виду того, что и переводъ «Русской Правды» и комментаріи къ ней впервые даются въ такой полнотѣ и всесторонности, что позволяетъ германистамъ войти болѣе глубоко въ изученіе Русской Правды. Въ виду того, что большинству иностранныхъ ученыхъ «Русская Правда» была, въ цѣломъ, мало извѣстна въ своихъ юридическихъ институтахъ, сопоставленіе послѣднихъ съ таковыми же институтами leges barbarorum, что̀ дѣлается постоянно проф. Гётцемъ, весьма облегчаетъ для нихъ ознакомленіе съ первыми черезъ посредство послѣднихъ, ими, въ общемъ, отлично изученныхъ. Затѣмъ авторъ, ставя вновь вопросъ о «Русской Правдѣ», въ связи съ leges barbarorum, идетъ навстрѣчу тому интересу къ сравнительной исторіи права, который уже давно у насъ сказывался (въ трудахъ Н. Д. Иванишева, С. М. Шпилевскаго, Ѳ. И. Леонтовича, М. М. Ковалевскаго и др.) и который въ недавнее время снова оживился, благодаря трудамъ рано, къ сожалѣнію, умершаго, талантливаго ученаго Н. П. Павлова-Сильванскаго. Въ частности, загадочная доселѣ проблема происхожденія «Русской Правды» и уясненіе вопроса, изъ какихъ скрещивающихся вліяній она выросла, все еще является предметомъ спора и вызываетъ рядъ противоположныхъ воззрѣній. Говоримъ вліяній, а не заимствованія «Русской Правды», такъ какъ послѣднее представляется намъ совершенно невѣроятнымъ и противорѣчащимъ тому общему представленію, какое у насъ сложилось о ней. Намъ кажется, что всего правильнѣе подъ «Русскою Правдою», въ цѣломъ, разумѣть сборники древняго нашего права, составлявшіеся, въ теченіи XI—XIII вѣковъ, частными лицами и содержавшіе въ себѣ записи народнаго обычнаго права, уставы и судебныя рѣшенія князей, а равно и нѣкоторыя нормы, рецепированные изъ византійскихъ юридическихъ памятниковъ, обращавшихся тогда на Руси[1]). Медленность сложенія «Русской Правды», съ одной стороны, преобладаніе въ ней народныхъ юридическихъ обычаевъ и нормъ, исходившихъ тѣмъ или инымъ путемъ отъ князей (не рѣдко лишь выбиравшихъ притомъ изъ борющихся въ населеніи право-

[1]) См. о происхожденіи «Русской Правды» и ея первоисточникахъ въ нашемъ Учебникѣ исторіи русскаго права, изданіе 5-е (Юрьевъ, 1914 г.), стран. 87—98, стран. 103—114; ср. также стран. 26—35).

Digitized by Google

воззрѣній тѣ или иныя, а затѣмъ ихъ санкціонировавшихъ), съ другой, исключаетъ возможность прямого переноса, или заимствованія, «Русской Правды», какъ таковой, изъ иноземныхъ первоисточниковъ. Въ цѣломъ она сохраняетъ характеръ памятника древнеславянскаго права. Такой характеръ ея вообще признается не только русскими, но и славянскими учеными, нерѣдко цитирующими нашу «Правду», при изображеніи древнѣйшаго юридическаго быта ихъ народностей, какъ свой родной источникъ [1]). Вопросъ о происхожденіи «Русской Правды» тѣмъ не менѣе неразъ ставился, да и донынѣ еще ставится, въ ученой историко-юридической литературѣ. Примѣръ этого мы находимъ въ настоящее время нетолько въ трудѣ проф. Гётца, но и въ рядѣ другихъ, недавно появившихся. На «Русскую Правду», какъ на нѣкую сказочную красавицу, не разъ зарились, да и доселѣ еще зарятся многіе, оспаривая честь считать ее своею. Если для насъ ея славянское происхожденіе — внѣ сомнѣнія, то было время, когда ее считали норманкою [2]), затѣмъ византійкою, германкою, а въ послѣднее время даже еврейкою и римлянкою, достаточно, впрочемъ, обрусѣвшими, не безъ сомнѣнія, однако, въ какомъ именно стилѣ — въ великорусскомъ или украинскомъ. Не восходя къ старинѣ, мы видимъ, напр., что проф. Гётцъ почасту и многообразно касается ея якобы германо-скандинавскихъ чертъ, пытаясь исторгнуть ее изъ византійскихъ нѣдръ. Ему, изъ далекой Сибири, подаетъ руку новѣйшій русскій изслѣдователь, также несогласный признавать ея византійскаго происхожденія, но не съ тѣмъ, однако, чтобъ уступить ее нѣмцамъ, а съ тѣмъ, чтобъ возстановить ея чисторусскій обликъ [3]). Совсѣмъ недавно у «Русской Правды» — по крайней мѣрѣ у ея древнѣйшей редакціи — открылись новые родители, на этотъ разъ — чистые древніе римляне, о которыхъ прежде никто вовсе и не подозрѣвалъ даже. Именно, въ своемъ любопытномъ «Опытѣ критическаго изслѣдованія Русской Правды» проф. Н. А. Максимейко подробно развиваетъ вопросъ о вліяніи римскаго права на краткую редакцію «Русской Правды», при чемъ говоритъ слѣдующее: «останавливаясь въ этой главѣ (IV) на

[1]) См. напр., изслѣдованія Г. Ирѣчка, Slovanské právo v Cechách a na Moravě (V Praze, 1863 г.) и его же, Das Recht in Böhmen und Mähren (Prag, 1866 г.); ср. также характеристику Р. Дареста «Русской Правды», какъ «памятника древняго славянскаго права» («Изслѣдованія по исторіи права», переводъ Н. Чеботаревскаго, С.-Пб., 1894 г., стран. 191 и сл.). Указанный характеръ «Русской Правды» въ цѣломъ признается и проф. Гётцемъ.

[2]) См. объ этомъ интересный очеркъ Ѳ. В. Тарановскаго—Норманская теорія въ исторіи русскаго права (Варшава, 1909 г.).

[3]) Дм. Голенищевъ-Кутузовъ—Русская Правда и Византія. Опытъ историко-юридической монографіи. Иркутскъ, 1913 г.; ср. рецензію объ этой монографіи въ «Журналѣ Мин. Юстиціи», 1914 г., февраль.

Digitized by Google

выясненіи связи между «Русскою Правдою» и римскимъ правомъ, я подъ именемъ послѣдняго разумѣю не Эклогу и Прохиронъ, извѣстные нашимъ предкамъ изъ Кормчей книги въ славяно-русскомъ переводѣ, и даже не Василики съ ихъ многочисленными схоліями, которые очень близко стояли къ римскимъ источникамъ и въ огромной мѣрѣ воспроизводили ихъ содержаніе. Нѣтъ, я имѣю въ виду непосредственно законодательство Юстиніана, свободное отъ тѣхъ примѣсей и сокращеній, которыя были внесены въ него византійской офиціальной кодификаціею. Другими словами, мнѣ предстоитъ трудная и рискованная задача показать, что «Русская Правда» составлена подъ вліяніемъ римскаго права въ чистомъ его видѣ» (разрядка въ цитатѣ вездѣ наша)[1]). Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что онъ поставилъ себѣ «трудную и рискованную задачу». Для насъ лично проблематичность этихъ новыхъ родителей нашей милой народной «Правды Русской» — внѣ сомнѣнія, но, разъ они уже заявлены, нельзя закрыть глазъ на ихъ существованіе, и приходится, во всякомъ случаѣ, о нихъ упомянуть, когда дѣло идетъ о происхожденіи памятника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ неожиданно и незамѣтно, а именно, при полномъ игнорированіи русскихъ ученыхъ, объявились еще новые производители «Русской Правды» — древне-еврейскіе законы, изъ коихъ оказались прямо заимствованными многія отдѣльныя ея постановленія[2]). Проф. Гётцъ справедливо, на нашъ взглядъ, умалчиваетъ объ этихъ новыхъ производителяхъ нашей Правды, но одинъ изъ русскихъ ученыхъ въ недавнее время замѣтилъ (разбирая изслѣдованіе И. И. Яковкина о закупахъ «Русской) Правды», что «труды Бараца по еврейско-хозарскому вліянію на русское право» «совершенно напрасно» имъ

---

[1]) Харьковъ, 1914 г., стран. 114; доказательства въ пользу утвержденія автора см. на стран. 114—206.

[2]) Это доказывается Г. М. Барацемъ, который, давъ «возстановленіе текста и объясненіе параллельныхъ договорной Правды (т.-е. договоровъ русскихъ съ греками) статей въ «Русской Правдѣ», въ заключеніе говоритъ: «приведенныя параллели еще разъ подкрѣпляютъ мысль о близкомъ сходствѣ многихъ положеній древне-русскаго права, съ одной стороны, съ монгольскимъ, а съ другой, и притомъ въ несравненно большей мѣрѣ съ еврейскимъ правомъ — сходствѣ, могущемъ быть объясненнымъ не случайнымъ совпаденіемъ и не тѣмъ, что «азіатскіе народы XVII вѣка жили въ условіяхъ почти одинаковыхъ съ русскими XI—XII вѣковъ», какъ выразился проф. Вл.-Будановъ, а также не единствомъ природы духа человѣческаго», по замѣчанію того же ученаго, «а прямымъ заимствованіемъ отдѣльныхъ постановленій правомъ одного народа изъ права другого...» (разрядка наша). См. гл. IV сочиненія названнаго автора «Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіею. — Возстановленіе текста, переводъ, комментарій и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности—съ Русскою Правдою» (Кіевъ, 1910 г.), стран. 226).

Digitized by Google

(какъ и другими учеными) игнорируются: «несмотря на всѣ ихъ преувеличенія, зерно-то истины (хозарское вліяніе) въ нихъ есть»[1]). Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе возбужденнаго вопроса о хозарскомъ вліяніи на «Русскую Правду», но должны, однако, замѣтить, что Г. М. Барацъ говоритъ вовсе не о вліяніи, что еще, можетъ быть, допустимо, но о прямомъ заимствованіи, на что нѣтъ данныхъ, при чемъ пользуется для доказательства своего основного положенія такими пріемами, которые отрицаются западно-европейскою критикою[2]). Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ приведенныхъ выше указаній, попытка проф. Гётца произвести сравненіе, или правильнѣе говоря — сопоставленіе нормъ «Русской Правды» съ нормами другихъ народовъ уже потому, между прочимъ, заслуживаетъ вниманія, что касается вопроса далеко не сошедшаго съ очереди, вопроса сложнаго и важнаго, какъ вообще для сравнительнаго правовѣдѣнія, не могущаго игнорировать «Русской Правды», такъ въ частности и для исторіи нашего права. Авторъ, какъ уже указывалось, производитъ свои изысканія объ отношеніи «Русской Правды» къ договорамъ съ греками, къ византійскому праву, къ германскимъ leges barbarorum, къ древне-шведскому праву, а равно и указываетъ попутно на другіе русскіе, или родственные нашему праву, памятники, какъ, напр., на Литовскій статутъ, на Законникъ царя Душана и пр. Размѣры нашей рецензіи позволяютъ намъ остановиться только на одномъ изъ указанныхъ вопросовъ, а именно на вопросѣ объ отношеніи «Русской Правды» къ германскому праву. Это мы дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что вопросъ о вліяніи византійскаго права на русское, а равно и вопросъ объ отношеніи «Русской Правды» къ договорамъ Олега и Игоря (о чемъ авторъ

[1]) С. А. Шумаковъ въ рецензіи на указанное изслѣдованіе въ «Юридической Библіографіи», Ярославль, 1913 г., № 1—2 (за 1913—14 г.), стран. 3 и сл.

[2]) Въ разборѣ названнаго выше труда Г. М. Баранца — Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіею, — нѣмецкій рецензентъ указываетъ такой общій результатъ его операцій надъ текстомъ договоровъ: «reine Phantasiegebilde, willkürliche Konstruktionen ohne historische und handschriftliche Grundlage, Urkunden, die zwar den Vorzug einer vollkommenen Verständichkeit besitzen, aber mit dem wirklich Ueberlieferten nichts mehr zu tun haben. So lassen sich freilich leicht rechtsvergleichende Studien treiben». По отношенію къ «Русской Правдѣ», рецензентъ замѣчаетъ: «auch die «Russkaja Prawda», das älteste russische Rechtsbuch, muss sich in einem eigenen Kapitel die «chirurgische Behandlung der Artikel», gefallen lassen, die Baraz besonders zur Vergleichung mit den Verträgen heranzieht. Ueber den Wert sachlicher Auseinandersetzungen, die auf derartigen philologischen Grundlage ruhen, ist im Ernste kein Wort zu verlieren» («Byzantinische Zeitschrift», XX Band, 1 и 2 Heft, стран. 525, рецензіи Richard'a, Solomon'a). Кажется при наличности такихъ отзывовъ не приходится вовсе упрекать ученыхъ за игнорированіе выводовъ названнаго автора.

Digitized by Google

не разъ говоритъ въ I—III томахъ), въ общемъ, не возбуждаютъ въ насъ такихъ сомнѣній, какъ вопросъ объ отношеніи нашей Правды къ leges barbarorum (изъ числа тѣхъ, конечно, съ которыми оперируетъ разбираемый авторъ). Но прежде, чѣмъ мы отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нашихъ сомнѣній, позволимъ себѣ сдѣлать общую характеристику того метода, къ которому прибѣгаетъ почтенный нѣмецкій ученый при своихъ сравнительныхъ этюдахъ по тому или другому вопросу. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, профессоръ Гётцъ, при подобныхъ этюдахъ, не идетъ далѣе простого сопоставленія нормъ «Русской Правды» съ соотвѣтствующими, по его мнѣнію, нормами германскихъ Правдъ, а равно бѣглаго констатированія, при случаѣ, сходствъ и различій между сопоставляемыми нормами древне-русскаго и древне-германскаго права, при чемъ не углубляется подробно въ изученіе ихъ внутренней сущности, не рисуетъ всего своеобразія ихъ въ системѣ того и другого права. Принимая во вниманіе, что основною задачею автора было изученіе не одного какого-либо юридическаго института «Русской Правды», а объясненіе ея текстовъ въ составѣ всѣхъ трехъ ея главныхъ редакцій, нельзя, конечно, и требовать отъ автора такого углубленія, возможнаго только при монографическомъ изслѣдованіи того или иного института. И если бъ авторъ ограничился однимъ только указаніемъ на сходства и различія постановленій нашего памятника съ постановленіями leges barbarorum, противъ его сопоставленій не только нельзя было бы ничего возразить, но его надо было бы лишь горячо привѣтствовать: то, что онъ сдѣлалъ, въ качествѣ перваго шага, къ сравнительному анализу «Русской Правды» и leges barbarorum, весьма цѣнно и составляетъ не малую заслугу, особенно со стороны иностраннаго ученаго. Авторъ, однако, не всегда удерживается на указанной позиціи, вполнѣ допустимой, какъ сказано, въ виду общаго характера его труда, но пытается итти дальше, а именно онъ говоритъ уже о прямыхъ заимствованіяхъ нашей Правды изъ leges barbarorum, о переносѣ нѣкоторыхъ германскихъ нормъ въ древне-русское право (см., напр., II томъ, стран. 232). Эта попытка встрѣтила уже нѣкоторую суровую отповѣдь въ русской ученой критикѣ[1]). Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что проф. Гётцъ возбуждаетъ вопросъ о прямомъ переносѣ въ нашу Правду германскихъ нормъ далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сходство этихъ послѣднихъ нормъ съ нормами «Русской

[1]) См. М. А. Дьяконовъ, ibid, стран. 7 и сл.; А. В. Флоровскій, ibid, 27 и сл.

Digitized by Google

Правды» давало къ тому поводъ. Тѣмъ болѣе поэтому приходится сожалѣть, что осторожность въ выводахъ по вопросу о заимствованіяхъ почему-то иногда его оставляетъ. Намъ кажется при этомъ, что авторъ вообще и не долженъ бы былъ ставить этого сложнаго вопроса, такъ какъ разрѣшеніе его вовсе не поддается тому методу простого сопоставленія сходствъ и различій, которыя нерѣдко очень бѣгло отмѣчаются авторомъ при сравненіи нормъ «Русской Правды» съ нормами leges barbarorum. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ говорить о переносѣ нормъ чужеземнаго права въ юридическіе памятники какого-либо народа надо, во-первыхъ, основательно изслѣдовать, было ли данному народу вообще извѣстно, тѣмъ или инымъ путемъ, это чужеземное право, а, во-вторыхъ, детально изучить сравниваемые институты, чтобы ясно видѣть, поскольку и въ чемъ переносимый институтъ повторяетъ основныя черты своего первообраза. Ни того, ни другого авторомъ не дѣлается въ сколько-нибудь убѣдительномъ для ученаго видѣ, да и, повторяемъ, немогло дѣлаться, въ виду той широкой основной задачи, какую онъ себѣ самъ поставилъ (и, въ общемъ, отлично выполнилъ). А именно, авторъ задался цѣлью, какъ уже указывалось, не монографическаго изученія отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ нашего памятника, но задачею «всеохватывающаго обширнаго изображенія «Русской Правды», какъ единаго цѣлаго» («zusammenfassende grössere Darstellung des Russischen Rechtes als eines Ganzen» (т. I, стран. V). Но мыслимо ли, однако, при достиженіи этой цѣли силами одного ученаго, въ то же время производить сложный историко-сравнительный анализъ отдѣльныхъ институтовъ? Авторъ его вообще и не производитъ, но при этомъ, какъ это и понятно, остаются мало-доказательными его попытки считать заимствованными изъ германскаго права отдѣльные юридическіе институты нашей Правды, такъ какъ именно подобныя попытки такого-то анализа и требуютъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о методѣ, примѣняемомъ авторомъ при своихъ сравнительныхъ изысканіяхъ, обратимся къ самимъ этимъ изысканіямъ. Какъ уже указывалось нами, проф. Гётцъ вообще признаетъ древнѣйшую редакцію «Русской Правды» за памятникъ «до-варяжскаго, пра-славянскаго, а, слѣдовательно, дѣйствительно, русскаго права». Только двѣ «добавки» къ памятнику обнаруживаютъ, по автору, свое «германское происхожденіе» (germanische Abstammung) и тѣмъ нарушаютъ цѣльность содержанія его древнѣйшей редакціи, а именно опредѣленія, изложенныя въ § 13 (съ ихъ дополненіемъ въ § 14) и въ § 16. Объ эти добавки могли быть взяты, по мнѣнію проф. Гётца, изъ Салической

Digitized by Google

Правды[1]). Думаемъ, что, когда утверждается возможность заимствованія изъ одного памятника права въ другой, то для научной достовѣрности такого утвержденія прежде всего необходимо доказательство, что памятникъ, послужившій прототипомъ для заимствованныхъ нормъ, былъ извѣстенъ тому народу, который взялъ изъ него тѣ или иныя правоположенія. Нечего говорить, что такое доказательство весьма рѣдко находится въ наличности для древнѣйшихъ эпохъ, отъ которыхъ до насъ дошло такъ мало извѣстій о кодификаціи. Разбираемый авторъ, однако, положительно указываетъ на «Салическую и Рипуарскую Правды», какъ на первоисточникъ указанныхъ выше §§, или статей, древнѣйшей редакціи, не имѣя, разумѣется, никакой возможности чѣмъ-либо, точно и опредѣленно, подтвердить своего указанія. Тѣ же общія соображенія, какія имъ приводятся въ доказательство своей мысли, — а именно, что русскіе славяне знали, въ лицѣ варяговъ, западноевропейцевъ, а черезъ нихъ-де они получили также и знакомство съ германскими «Правдами» и ихъ опредѣленіями (какъ, напр., съ опредѣленіями «Салической Правды», вошедшими въ указанные выше §§ «Русской Правды», I т., стран. 125), если даже ихъ признать вполнѣ правильными — говорятъ лишь за возможность вліянія вообще германскаго права на нашъ памятникъ, а не за прямое заимствованіе непремѣнно изъ «Салической и Ринуарской (какъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, I, стран. 137 и сл.) Правдъ». Между тѣмъ, авторъ именно настаиваетъ на послѣднемъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ разсмотрѣть вопросъ уже по существу, т.-е. попытаться сравнить самыя нормы указанныхъ статей, чтобы опредѣлить вполнѣ точно, насколько онѣ повторяютъ чужой, указанный проф. Гётцемъ, образецъ.

Что касается прежде всего §§ 13 и 14 I редакціи, взятыхъ якобы изъ «Салической Правды», то достаточно взглянуть на нихъ, въ параллельномъ изложеніи[2]), чтобы убѣдиться, что ни въ редакціи, ни въ содержаніи ихъ нормъ нѣтъ сходства, которое, однако, должно было бы сказаться при «прямомъ заимствованіи». «Русская

[1]) На стран. 257 I тома читаемъ: «Oben S. 118 ff. habe ich I, 13 das Hin- und Herstossen als ein Zusatz zum ursprünglichen Bestand der ältesten Redaction erklärt, der mit der Bestimmung von I, 18 aus des Lex Salica XXXI de via lacina entnommen sein mag»; на стран. 123 авторъ указываетъ, что «eng mit I, 13 verbunden ist I, 14» («Русской Правды») ср. также стран. 259 и сл.

[2]) *Русская Правда, I редакція:*

13. Аще ли ринеть мужь мужа любо отъ собе, любо къ собѣ, 3 гривнѣ. А видока два выведеть.

Lex Salica, XXXI tit. *de via lacina:*

1. Si quis baronem ingenuum de via sua ostaverit aut inpinxerit, mal. via lacina, hoc est DC din., qui faciunt sol. XV, culpabilis judicetur.

Digitized by Google

Правда» говоритъ о недопустимости личнаго оскорбленія однимъ мужемъ другого, выразившимся въ «толчкахъ» — «любо отъ собе, любо къ собѣ» («Hin- und Herstossen», какъ переводитъ профессоръ Гётцъ, I, 105), говоритъ также, что преступленіе это доказывается посредствомъ приведенія двухъ видоковъ, при чемъ дѣлаетъ исключеніе для иноземцевъ, дозволяя имъ, вмѣсто этого, принести присягу въ удостовѣреніе доказательства даннаго преступленія; «Салическая же Правда» имѣетъ въ виду спеціальный случай прегражденія, посредствомъ насилія, свободному мужу (baro), или благородной женщинѣ, дороги всякимъ; она при томъ ничего не говоритъ о доказательствѣ преступленія. Чтобы додуматься до мысли о недопустимости оскорбленія свободнаго свободнымъ, русскимъ славянамъ вовсе не нужно было имѣть знакомства съ «Салической Правдою». Славянамъ и антамъ, которые издревле живутъ, по словамъ Прокопія, «въ демократіи» («*ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι*») могло быть присуще чувство личнаго достоинства, не меньше, чѣмъ древнимъ германцамъ, а отсюда и его защита въ «Русской Правдѣ». Затѣмъ, даже если видѣть въ указанныхъ постановленіяхъ, какъ утверждаетъ проф. Гётцъ — «verwandte Bestimmung», т.-е. нѣчто родственное, то отчего-бы не допустить (какъ это вполнѣ основательно дѣлается почтеннымъ авторомъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ), что здѣсь дѣло идетъ вовсе не о прямомъ заимствованіи», а лишь о проявленіи» тѣхъ общихъ сходствъ между «Русскою Правдою» и leges barbarorum, которыя не разъ можно констатировать при параллельномъ ихъ изученіи (I т., стран. 252 и сл.). Въ разбираемыхъ статьяхъ одно изъ этихъ сходствъ выразилось въ защитѣ свободнаго мужа отъ оскорбленія, нанесеннаго ему другимъ, хотя и по разнымъ случаямъ и при разной процессуальной обстановкѣ. Мы понимаемъ, конечно, что авторъ долженъ былъ признать указанные §§ 13 и 14 I редакціи особою «добавкою» къ древнѣйшему тексту памятника, содержащему, по его утвержденію, «доваряжское право», такъ какъ упоминаніе «1-й Правды» о варягѣ не допускало отнесенія даннаго постановленія къ праславянскому періоду, но отсюда еще очень далеко до

---

14. Аще будеть варягъ любо колбякъ, то на роту.

2. Si quis mulierem ingenuam de via sua ostaverit, aut inpinxerit, mal. machina, hoc est MDCCC din. qui faciunt sol. XLV, culpab. judicetur.

(Т.-е., если кто собъетъ, или столкнетъ, съ большой дороги благороднаго мужа или женщину, то присуждается къ платежу 600 или 1800 динаріевъ, составляющихъ 15 или 45 солидовъ).

Digitized by Google

оправданія теоріи заимствованія этого постановленія, какъ вообще изъ leges barbarorum, такъ, наипаче, изъ одного опредѣленнаго lex'a — «Салическаго закона».

Другое заимствованіе въ древнѣйшей редакціи авторъ видитъ въ § 18, трактующемъ о сводѣ. Это заставляетъ насъ снова вернуться къ вопросу о сводѣ, котораго мы, впрочемъ, раньше коснулись только по одному поводу, а именно по поводу перевода авторомъ этого техническаго термина нашей «Правды»; теперь намъ придется говорить о самомъ институтѣ свода, какъ таковомъ. Проф. Гётцъ весьма рѣшительно утверждаетъ переносъ этого института въ нашу «Правду» изъ германскаго права. По его словамъ: «Das Ermittlungsverfahren» (т.-е. процессъ свода), какъ онъ изображенъ въ I (ред.), 18 (§) — нѣмецкаго происхожденія («ist germanischen Ursprungs»), «это есть процессъ третьей руки» («es ist das Dritthandverfahren»), какъ онъ описанъ въ (§) XXXVII «Салической Правды» de vestigio minando и въ (§) XXXIII Рипуарской. Изъ германскаго права присовокупленъ онъ, какъ добавка (als Zusatz), къ древнѣйшей редакціи «Русской Правды», подобно той «добавки», которая была указана по отношенію къ § 13 (I т., стран. 137—138). Въ заключительномъ § 18 къ I тому (по вопросу объ отношеніи древнѣйшей редакціи къ германскому праву) авторъ снова возвращается къ германскому происхожденію свода и замѣчаетъ слѣдующее: «мѣста древнѣйшей редакціи, I, 18, и I, 21 (§§), которыя говорятъ о «процессѣ третьей руки» («vom dem Ermittlungsverfahren»), т.-е. о сводѣ, «я обозначилъ, какъ добавки, которыя присовокуплены къ первоначальному составу древнѣйшей редакціи изъ германскаго права». Приведеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ § XXXVII «Салической Правды» не имѣетъ, по автору, «никакой цѣли», такъ какъ въ древнѣйшей редакціи «Правды» взятъ «не ихъ буквальный смыслъ» (nicht ihr Wortlaut»), а приведенъ лишь изложенный въ нихъ процессъ виндикаціи собственности, въ частности — виндикаціи раба (стран. 259 и сл.). Другими словами, тамъ и здѣсь говорится о процедурѣ свода. Это, конечно, вѣрно, и разъ авторъ ограничился бы только простымъ констатированіемъ даннаго факта, онъ могъ бы поступить такъ, какъ поступилъ онъ, т.-е. отослать желающихъ ознакомиться съ «Ermittlungverfahren» и нашимъ сводомъ «къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ «Салической и Русской Правдъ», имъ точно указываемыхъ. Но, если авторъ утверждаетъ фактъ заимствованія «Русскою Правдою» «свода» изъ чужого источника [1]), для него было обяза-

[1]) Замѣтимъ еще, что, утверждая фактъ заимствованія свода «Русскою Правдою» изъ чужого источника, проф. Гётцъ первоначально (какъ видно

Digitized by Google

тельно не только параллельное приведеніе соотвѣтствующихъ мѣстъ сравниваемыхъ памятниковъ права, но и ихъ детальное истолкованіе, на основаніи котораго можно было бы убѣдиться точно и опредѣленно, что нашъ сводъ дѣйствительно германскаго происхожденія. Такое истолкованіе—дѣло вообще нелегкое; оно возможно, притомъ лишь при монографическомъ и самомъ внимательномъ изслѣдованіи сложнаго процесса виндикаціи движимостей по «Русской Правдѣ» и leges barbarorum. Авторъ, въ виду той задачи, которую онъ себѣ поставилъ при изслѣдованіи «Русской Правды» и о которой мы уже говорили, не могъ, разумѣется, предпринять такого изслѣдованія, но, въ такомъ случаѣ, онъ и не долженъ былъ бы голословно утверждать того, что еще подлежитъ доказательству, на основаніи детальнаго сравнительнаго анализа нормъ нашей «Правды» и хотя бы двухъ «франкскихъ Правдъ» по вопросу о структурѣ свода и intertiatio («Dritthandverfahren») тамъ и здѣсь. Только тогда и можно было бы поставить вопросъ о заимствованіи (если вообще надо было его, по мнѣнію автора, ставить). Смѣло можемъ при этомъ утверждать, что такой сравнительный анализъ далъ бы совсѣмъ иной, чѣмъ думаетъ почтенный авторъ, результатъ по вопросу объ отношеніи свода и интерціаціи («Dritthandverfahren») въ указанныхъ памятникахъ. Чтобы доказать это наше положеніе, обратимся къ «Русской и Салической Правдамъ». Мы не можемъ, конечно, производить здѣсь вышеуказаннаго сравнительнаго анализа сколько-нибудь подробно, частью потому, что это слишкомъ далеко завлекло бы насъ и слишкомъ затянуло бы нашъ разборъ, а частью потому, что такой анализъ уже былъ, въ извѣстномъ объемѣ, сдѣланъ нами печатно [1]). Чтобъ не повторяться, мы лишь кратко отмѣтимъ его результаты, сдѣлавъ къ нему только тѣ добавленія, какія вызваны новою постановкою вопроса о сводѣ «Русской Правды» у автора, а

изъ приведенной выше цитаты) ссылается на обѣ «франкскія Правды» («Салическую» и «Рипуарскую»), а затѣмъ лишь на одну «Салическую», хотя обѣ «Правды» близки другъ къ другу. (См. объ этомъ въ нашей рецензіи на I—III томы изслѣдованій проф. Гётца о «Русской Правдѣ», помѣщенной въ «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», т. XXXI, 1913 г., стран. 460 и сл.). Въ виду этого и мы въ дальнѣйшемъ будемъ преимущественно говорить лишь о «Русской и Салической Правдахъ» по отношенію къ данному вопросу. — Замѣтимъ также кстати, что наша статья «Русская Правда въ изслѣдованіяхъ нѣмецкаго ученаго», — частью воспроизводя нѣмецкій текстъ нашей рецензіи, — значительно затѣмъ дополняетъ ее (по вопросу объ учено-литературной дѣятельности проф. Гётца, по вопросу о заимствованіяхъ, по обзору содержанія IV тома его изслѣдованій и др.).

[1]) «Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum (Vestigii minatio и Anefang)». — Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову. Кіевъ, 1904 г., стран. 1—26; ср. также вышеуказанный разборъ въ «Zeitschrift für vergl. Rechtswissenschaft», стран. 460 сл.

Digitized by Google

именно—указаніемъ на его производный и заимствованный характеръ. Такъ, во-1-хъ, на нашъ взглядъ, процессъ свода, по нашей «Правдѣ», первобытнѣе, а, слѣдовательно, и древнѣе, архаичнѣе того процесса интерціаціи (interliatio), какой мы находимъ во «франкскихъ Правдахъ». Примитивность формъ свода (какъ и всего теченія нашего виндикаціоннаго иска) вполнѣ гармонируетъ вообще съ «простымъ старорусскимъ процессомъ» нашей «Правды», который самимъ проф. Гётцемъ не разъ противополагается, — совершенно притомъ основательно, — «гораздо болѣе развитому германскому процессу» (см., напр., I т., стран. 260), въ силу чего, поэтому, §§ 18 и 21 древнѣйшей редакціи «Правды», говорящіе о сводѣ, вовсе и не являются какою-то чужеродною «добавкою», какъ думаетъ авторъ, къ указанной редакціи, а наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ ея общему характеру. Затѣмъ, если quasi-заимствованный юридическій институтъ архаичнѣе, по формѣ и содержанію, своего прототипа, если этотъ предполагаемый прототипъ (въ данномъ случаѣ — Lex Salica) уже давно изжилъ тотъ юридическій строй, который, во всей своей простотѣ и наивности, воспроизведенъ «Русскою Правдою», — между прочимъ, въ институтѣ свода, — то можно ли вообще говорить не только о его «германскомъ происхожденіи», но даже о простомъ вліяніи на него «Салической Правды»? Достаточно, кажется, простого сопоставленія указанныхъ выше мѣстъ сравниваемыхъ памятниковъ, чтобъ отвѣтить на вопросъ отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говорятъ статьи (или §§, по терминологіи проф. Гётца) 18 и 21 древнѣйшей редакціи? Какъ видно изъ ихъ текста [1]), мы изъ нихъ узнаемъ что, въ извѣстныхъ случаяхъ, собственникъ, «познавшій» свою вещь въ рукахъ другого, не могъ ее взять немедленно» [2]), сказавъ «мое» (формулу, извѣстную законамъ Ману — mamedam — «се мое», или mamaŷam—«это мой», которую произносилъ собственникъ пропавшей вещи), но долженъ былъ сказать ея владѣльцу въ данное время «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ», т.-е. сведи съ себя подозрѣніе въ незаконномъ присвоеніи вещи на того, у кого ты правомѣрно эту вещь взялъ (какъ толкуемъ мы эти слова) [3]). По 21 статьѣ, ambulatio (говоря языкомъ «Рипуарской Правды»)

[1]) Статья (§ 18): «аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: «мое», но рци ему тако: «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ». Или не пойдеть, то поручника за 5 дній»; ст. (§) 21: «аще кто челядинъ поняти (пояти) хочеть, познавъ свой, то къ оному вести и, у кого то будеть купилъ, а то ся ведеть къ другому, даже доидеть до третьяго. То рци третьему: «въдай ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ».

[2]) Такое взятіе, однако, необходимо предположить по стт. 15 и 17 той же редакціи, при наличности извѣстныхъ условій.

[3]) Болѣе подробно объ этомъ см. въ моей статьѣ «Начальныя стадіи» и пр., стран. 4 и сл.

Digitized by Google

собственника не владѣющаго вещью, съ ея владѣльцемъ въ данное время, идетъ лишь до третьяго свода, если предметомъ иска является рабъ; въ послѣднемъ случаѣ третій владѣлецъ опознанной собственникомъ вещи (раба) долженъ дать истцу своего раба, а самъ отыскиваетъ свои деньги при свидѣтелѣ совершающейся процедуры. Если владѣлецъ вещи, по требованію ея собственника, не идетъ почему-либо на сводъ немедленно, онъ долженъ представить поручителя, что исполнитъ свою обязанность свода черезъ пять дней. Вотъ чрезвычайно простой, внѣ-судебный, способъ хожденія, — отъ одного владѣльца вещи къ другому, — собственника пропавшей вещи, для отысканія, въ концѣ концовъ, неправомѣрнаго первоначальнаго ея обладателя, успѣвшаго ее передать другому, тотъ — третьему и т. д. Какъ, однако, непохожа эта процедура свода на то, о чемъ говорятъ «франкскія Правды» вообще и, въ частности, тотъ XXXVII § «Салической Правды», который, по мнѣнію проф. Гётца, служитъ доказательствомъ германскаго происхожденія» нашего свода. По Рипуарской, напр., «Правдѣ» (§ LVIII, 8), послѣдовательный рядъ владѣльцевъ вещи, такъ называемые auctor'ы, вызываются собственникомъ пропавшей вещи, въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ, въ судъ и здѣсь символически продѣлывается процедура перехода вещи отъ одного владѣльца къ другому — de manu in manu, но собственникъ вещи вовсе не ходитъ самъ, какъ это требуется по «Русской Правдѣ» отъ одного владѣльца къ другому. Символическая же ambulatio rei de manu in manu, продѣлываемая въ судѣ и притомъ въ обратномъ порядкѣ, представляетъ (какъ намъ кажется) собою прямое указаніе на угасшій процессъ отыскиванія пропавшей вещи тѣмъ способомъ, — какой изображенъ въ нашей «Правдѣ» и какой давно уже исчезъ изъ «франкскихъ Правдъ», ибо символъ нерѣдко въ исторіи права есть показатель чего-то когда-то дѣйствительно бывшаго (въ данномъ случаѣ хожденія истца отъ одного владѣльца къ другому), а затѣмъ, въ качествѣ переживанія, оставшагося въ видѣ формы безъ прежняго содержанія. Что касается XXXVII титула «Салической Правды», то уже сама сложность его содержанія говоритъ ясно противъ предположенія, что онъ явился прототипомъ нашей древнѣйшей редакціи, по отношенію къ своду. Толкованіе этого титула, какъ извѣстно, весьма различно у германистовъ—главнымъ образомъ, въ виду неяснаго весьма значенія глагола agramire, а частію и выраженія solem collocare[1]). Безспорнымъ, во всякомъ

[1]) О толкованіяхъ этого титула см. H. Geffcken'a Lex Salica, Leipzig, 1898 г., стран. 153 сл.; въ нашей литературѣ — мою статью —

Digitized by Google

случаѣ, является то, что титулъ этотъ говоритъ во-1-хъ, объ отысканіи вещи по слѣду (de vestigio minando); во-2-хъ онъ ставитъ направленіе процесса виндикаціи въ зависимость отъ того времени, когда будетъ найдена, по слѣду, пропавшая вещь, а именно, случится ли это ut (usque) in tres noctes, или tribus noctibus exactibus, т.-е. до или по истеченіи трехъ ночей (древніе германцы вели счетъ по ночамъ — «nec dierum numerum, ut nos», говоритъ Тацитъ, sed noctibus computant»); въ-3-хъ, и это самое важное—разбираемый титулъ предполагаетъ судебную процедуру при виндикаціи (чего нѣтъ въ разбираемыхъ авторомъ 18 и 21 §§ древнѣйшей «Правды»): такъ «во всякомъ случаѣ толкуютъ германисты выраженіе «solem secundum legem collocare». У Зома, которому принадлежитъ обширное и весьма картинное изображеніе сложнаго виндикаціоннаго процесса по leges barbarorum (какъ въ его внѣ-судебной, такъ и судебной стадіи), мы читаемъ, напр., что владѣлецъ вещи, опознанной у него собственникомъ, имѣетъ для представленія въ судъ своего auctor'a, т.-е. своего предшественника по владѣнію спорной вещью — къ услугамъ mannitio, т.-е., формальное, обращенное къ нему, требованіе явиться въ судъ и представить поручительство: «ille, qui, non venerit — ille erit latro illius qui agnoscit», по «Салической Правдѣ». (Process, стран. 108). Этого, однако, не знаютъ указанныя статьи древнѣйшей редакціи. Здѣсь вся процедура свода ведется внѣ-судебнымъ порядкомъ, она настолько проста, что невольно возникаетъ вопросъ, неужели русскіе славяне должны были ждать, въ лицѣ Lex Salica, чужеземнаго образца, чтобъ додуматься до такой естественной мысли, что

«Начальныя стадіи» и пр., стран. 3 и сл.; «Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго зап.-европ. права», в. I (Кіевъ, 1906 г.) Lex Salica, стран. 187—190; «Салическая Правда» въ переводѣ Н. П. Грацианскаго и А. Г. Муравьева (Казань, 1913 г.), стран. 27 и сл. Самъ титулъ гласитъ слѣдующее (беремъ его по изданію указаннаго Сборника, стран. 49): «Si quis bovem aut caballo vel qualibet animal per furtum perdiderit et eum dum per vestigio sequitur consequutus invenerit ut in tres noctes, ille qui eum ducit emisse aut campiasse dixerit vel proclamaverit, ille qui vestigio sequitur res suas per tertia manu agramire debet. Si vero jam tribus noctibus exactibus qui res suas requiret eas pervenerunt, ille apud quem inveniuntur eas amisse aut cambiasse dixerit, ipse liceat agramire. Si ille vero quod per vestigio sequitur quod si agnoscere dicit illi alii proclamantem nec offerre per tertia manum voluerit nec solem secundum legem colocaverit et tulisse convincitur, MCC dinarios qui faciunt solidos XXX culpabilis judicetur». — Agramire переводятъ словами geloben, festhalten, fest machen, an sich ziehen, affirmer avec serment, jurer (откуда agramire per tertiam manum—jurer avec deux conjurateus, jurer soitiers), торжественно обѣщать, доказать свое право (откуда agramire per tertiam manum будетъ означать — доказать свое право на вещь посредствомъ «третьей руки», т.-е. посредствомъ интерціаціи); solem collocare значитъ — ждать до захода солнца суда, назначить день суда; offerre — agramire.

Digitized by Google

владѣлецъ пропавшей вещи долженъ свести съ себя подозрѣніе въ неправомѣрномъ завладѣніи ею, для чего долженъ былъ, въ свою очередь, отыскать своего предшественника по ея владѣнію?

Сложность содержанія, какъ § XXXVII «Салической Правды», такъ и близкаго къ ней весьма XXXVIII § «Рипуарской», невольно должна была бы, на нашъ взглядъ, обратить вниманіе автора на цѣлый рядъ другихъ статей «Русской Правды», касающихся (подобно указаннымъ §§ «франкскихъ Правдъ»), какъ свода, такъ и другихъ моментовъ виндикаціоннаго процесса, такъ какъ только изъ сопоставленія ихъ всѣхъ вмѣстѣ вполнѣ рельефно выясняется теченіе процесса какъ по нашей «Правдѣ», такъ и по leges barbarorum. Мы пытались печатно изобразить двѣ первоначальныя стадіи этого процесса тамъ и здѣсь; авторъ справедливо отмѣчаетъ по этому поводу, что мы, оттѣняя въ рядѣ пунктовъ соотвѣтствіе основныхъ положеній процесса у насъ и у германцевъ не идентифицируемъ вполнѣ, какъ онъ говоритъ, этого процесса[1]). Намъ кажется, что то же слѣдуетъ утверждать и по отношенію къ другимъ стадіямъ процесса виндикаціи движимостей, и прежде всего по отношенію къ своду. О немъ, вѣдь, говорятъ не только 18 и 21 статьи I редакціи, но и статьи 41, 44, 47, 48 III редакціи. Ужъ если сравнивать институтъ одного юридическаго памятника съ таковымъ же другого, то, естественно, брать его полностью. Затѣмъ, сводъ только одинъ изъ моментовъ виндикаціоннаго процесса. Нельзя думать, что при его заимствованіи (если утверждать таковое) былъ выхваченъ изъ образцоваго процесса одинъ только этотъ моментъ и оставлены безъ вниманія всѣ другіе. А это, естественно, должно привести къ фактическому обзору всѣхъ этихъ моментовъ даннаго института по тому и другому памятнику. Обнаруживаемыя при этомъ сходства и различія воочію должны показать не только общую природу института тамъ и здѣсь, но и обнаружить, который изъ нихъ является первообразнымъ, примитивнымъ въ своей структурѣ, который болѣе сложнымъ, производнымъ и т. д. Не входя въ подробности, укажемъ, что и у насъ также можно найти зависимость между срокомъ нахожденія пропавшей вещи до или послѣ истеченія трехъ дней (какъ въ германскомъ правѣ — трехъ ночей), но для этого надо привлечь къ сравненію стт. 15 и 17 I редакціи. И у насъ есть статья, говорящая о томъ же моментѣ процесса — гоненіи по слѣду, о которомъ говоритъ XXXVII § «Салической Правды»; естественно, и эту статью, а именно 102 ст. III редакціи, необходимо имѣть въ виду, чтобы судить

[1]) Das Russische Recht, т. III, стран. 145; примѣчаніе.

Digitized by Google

о значеніи этого момента въ движеніи виндикаціоннаго процесса. Для цѣлей сравненія, особенно когда ставится еще вопросъ о заимствованіи, весьма важно отмѣтить, что виндикаціонный процессъ у насъ открывается такимъ интереснымъ моментомъ, какъ заповѣдь или закличь на торгу (стт. 38 и 40 III ред., ср. ст. 15 и 17 I ред.), который отсутствуетъ во «франкскихъ Правдахъ». Можно, наконецъ, сомнѣваться, найдутся ли у насъ всѣ тѣ черты виндикаціоннаго процесса, какія имѣются вообще въ leges barbarorum и которыя подробно изображены германистами[1]). Но разъ ставится вопросъ о заимствованіи, безусловно, повторяемъ, необходимо изслѣдованіе всѣхъ чертъ сходства и различія сравниваемыхъ институтовъ. Авторъ этого не сдѣлалъ, частью потому, что не могъ этого сдѣлать (въ силу особой задачи, какую онъ себѣ самъ поставилъ при изслѣдованіи нашего памятника), а частью потому, что онъ вообще не находилъ возможнымъ пользоваться матеріаломъ всѣхъ трехъ редакцій «Русской Правды», считая каждую изъ нихъ особымъ памятникомъ, что, конечно, не соотвѣтствуетъ истинѣ. Благодаря его методу, во всякомъ случаѣ, его мысль о заимствованіи свода является не доказанной.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что противъ идеи заимствованія «свода» «Русскою Правдою» говоритъ извѣстность этого момента виндикаціи движимости памятникамъ другихъ славянъ, а не только русскихъ и чеховъ, какъ это уже указывалось выше. Такъ, сводъ знаетъ «Законникъ» царя Стефана Сербскаго, старое польское право, родственное славянамъ литовско-русское право и др. Именно, въ указанномъ «Законникѣ» читаемъ: «аще кто ухвати гушено (захваченное) или крадено лицемь или силомь узето: въсаки о томь да да сводь. Аще кто буде купить где либо, или у земли царства-ми, или у инои земли царства-ми, въ ину (землю) да да о томь сводь. Аще не да свода (т.-е. не пойдетъ на сводъ), да плакя (платитъ) по закону[2])». Въ древнѣйшемъ памятникѣ польскаго права (отъ XIII вѣка), написанномъ по-нѣмецки, мы тоже находимъ институтъ свода, хотя и въ измѣненномъ, сравнительно съ «Русскою Правдою», видѣ, приближающемъ всю процедуру болѣе къ германскому, чѣмъ къ нашему, праву. Если собственникъ находилъ свою вещь у другого, то послѣдній — въ случаѣ утвержденія, что онъ эту вещь купилъ, — долженъ былъ привести въ теченіе 14 ночей

---

[1]) См. R. Sohm, ibid., стран. 55—97; ср. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т. II (Leipzig),; стран. 495 и сл.; срав. нашъ разборъ въ «Zeitschrift für vergl. Rechtswissenschaft», т. XXXI, стран. 460 и сл.

[2]) Цитируемъ по «Svod'y zákonúv slovanských», изданныхъ г. Ирѣчкомъ (v Praze, 1880 г.), стран. 305, § 182 срав. Ѳ. Ѳ. Зигеля «Законникъ Стефана Душана» (С.-Пб. 1872 г.), стран. 105.

Digitized by Google

то лицо, на которое онъ ссылался, какъ на своего сводчика (auctor'a), иначе платилъ пеню, при чемъ процессъ начинается[1]) и ведется передъ судьею. Въ «Литовскомъ Статутѣ» 1588 г. также говорится о сводѣ[2]). Кажется, указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобъ утверждать, что въ сводѣ мы имѣемъ институтъ общій славянамъ. Чтобы доказать противное, въ той концепціи, какую даетъ проф. Гётцъ, надо доказать, что всѣмъ славянскимъ племенамъ, нами указаннымъ, была извѣстна «Салическая Правда», что она, такъ сказать, гналась за всѣми ихъ памятниками права по пятамъ, предлагая имъ свою intertiatio. Мало этого. Сводъ, несомнѣнно, обще-арійскій институтъ, какъ это доказывается почтеннымъ ученымъ нашимъ проф. Б. Н. Фрезе въ его чрезвычайно интересной статьѣ, извѣстной германистамъ, конечно, такъ какъ она написана по-нѣмецки, а именно въ его «Papyrologische Studie», гдѣ онъ справедливо замѣчаетъ, что «идея отвѣтственности продавца широко распространена» и напоминаетъ при этомъ лишь о греческомъ институтѣ *βεβαίωσις*, римскомъ auctoritas, германскомъ «Gewährpflicht и русскомъ сводѣ», имѣющихъ такъ много сходственныхъ чертъ между собою[3]). Мы бы пошли еще дальше и указали

---

[1]) Приведемъ въ доказательство начало 9-й главы памятника, говорящей объ этомъ: Wen eyn pferd adir andirs icht dinges einem manne geaneuanget wird (отъ глагола anfangen, въ его первоначальномъ значеніи anfassen, capere, трогать, хвататься, откуда Anefang, или Anevang, какъ вторая первоначальная стадія виндикаціи движимостей по leges barb.), unde jenir, der is aneuangit, claget das is vorstolin zy, so gebutit im der richter zcu entwortne. Zo spricht her, das her is gekouft habe, so gebutet im der richter, das her den gesecze obir 14 nacht wedir, den her daz gekouft habe, so mus her borgen seczin, daz her wedir kome vor unde synen geveren bringe»... («Das älteste geschribene polnische Rechtsdenkmal», herausgegeben von Dr. Edwin Volckmann, Elbing, 1869, cap. 9; ср. cap. 4). Подробное изображеніе процесса свода по этому памятнику см. у М. Винавера Изслѣдованіе памятника польскаго обычнаго права XIII вѣка (Варшава, 1888 г.), стран. 144 и сл.

[2]) «Статутъ великаго князьства Литовскаго 1588 г.», изд. Имп. Московскаго Общества Исторіи и Древн. Росс., М., 1854 г., раздѣлъ XIV, артикулъ 4. Ср. І. А. Малиновскаго, Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту (Кіевъ, 1894 г.), стран. 151 и сл. Другіе примѣры свода по памятникамъ см. въ статьѣ В. И. Курдиновскаго, Что такое сводъ нашего древняго права («Юрид. Извѣстія», Юрьевъ, 1913 г., № 8, стран. 210 и сл.).

[3]) «Der gräko-ägyptische Kaufvertrag setzt sich in Regel aus drei Elementen zusammen: der Verkaufserklärung, der Bestätigung über den Empfang des Kaufpreises und der Uebernahme der Gewährschaft (*βεβαίωσις*) seitens des Verkäufers. In einem gegen den Käufer erhobenen Eviktionsprocess hatte der Verkäufer die Defensionspflicht, und zwar, wie es scheint in der Weise, dass er in die Parteirolle des Käufers vollständig eintrat». Въ примѣчаніи къ этому авторъ говоритъ еще слѣдующее: «Die Idee der Defensionspflicht des Verkaufers ist eine weit verbreitete. Ich erinnere nur an die griechische *βεβαίωσις*, die römische auctoritas, die germanische Gewährpflicht und russischen svod» (Dr. Benedict Frese Aus dem gräko-ägyptische Rechtsleben. Eine papyrologische Studie (Halle, 1909, стран. 33 и примѣчаніе 113). Сравн. также изслѣдованіе А. К. Митюкова, Отвѣтственность продавца за эвикцію въ историко-сравнительномъ освѣщеніе. (Кіевъ, 1906 г.), стран. 16 и сл.

Digitized by Google

на «Законы царя Хаммураби», которыя также знаютъ процедуру сведенія съ себя владѣльцемъ вещи подозрѣнія въ кражѣ, при чемъ, однако, эта процедура свода ближе къ «франкскимъ Правдамъ», чѣмъ къ «Русской Правдѣ», такъ какъ она не требуетъ хожденія отвѣтчика, владѣльца вещи въ данное время, съ ея собственникомъ отъ одного сводчика (auctor'а) къ другому, а говоритъ о приводѣ въ судъ продавца и свидѣтелей, какъ со стороны истца, такъ и отвѣтчика; послѣдніе приносятъ присягу въ томъ, что обѣ стороны показали истину, а именно — свидѣтели истца, что вещь дѣйствительно принадлежала истцу, а свидѣтели отвѣтчика, что она была имъ куплена[1]). Эта присяга свидѣтелей по «Рипуарской Правдѣ» замѣняется присягою сторонъ при такъ наз. Anefang'ѣ или missio manu super rem [2]). Такъ, будучи по времени своего появленія сущимъ младенцемъ, сравнительно съ кодексомъ Хаммураби, отставая затѣмъ на нѣсколько вѣковъ отъ «франкскихъ Правдъ», «Русская

[1]) Толкованіе текста вавилонскаго кодекса вообще довольно спорно у разныхъ его переводчиковъ; интересующая насъ 9 ст. кодекса близко передана, однако, въ двухъ русскихъ переводахъ (А. Г. Гусакова и И. М. Волкова) и не возбуждаетъ никакого сомнѣнія въ ея юридическомъ смыслѣ. Беремъ первый переводъ, принадлежащій юристу-историку. «Если кто потеряетъ что-нибудь» — гласитъ эта статья, — «потерянное найдетъ въ рукахъ другого, (и) тотъ у котораго найдено потерянное, скажетъ: «продавецъ мнѣ продалъ, я купилъ это при свидѣтеляхъ», (но) также и собственникъ потерянной (вещи) скажетъ: «я приведу свидѣтелей, которые знаютъ мою потерянную вещь»; если затѣмъ покупщикъ приведетъ продавца, который ему продалъ, и свидѣтелей, при которыхъ онъ купилъ, а собственникъ потерянной вещи приведетъ свидѣтелей, которые знаютъ, что потерянная вещь его, пусть судья провѣритъ ихъ слова («судьи должны изслѣдовать ихъ дѣло» — переводитъ И. М. Волковъ): свидѣтели, при которыхъ была уплочена цѣна, и свидѣтели, которые знаютъ потерянную вещь, должны подтвердить клятвою передъ Богомъ то, что они знаютъ, тогда продавецъ считается воромъ, его должно предать смерти. Собственникъ украденной вещи получаетъ то, что у него украдено, покупщикъ получаетъ изъ дома продавца деньги, которыя онъ заплатилъ» (А. Г. Гусаковъ, Законы царя Хаммураби, С.-Пб., 1904 г., оттискъ изъ «Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института», т. I, стран. 9 и сл.); ср. И. М. Волковъ, Законы вавилонскаго царя Хаммураби (Культурно-историческіе памятники древняго Востока, подъ редакціею проф. Б. А. Тураева, выпускъ I, Москва, 1914, стран. 23 и сл.).

[2]) Такъ Lex Ribuaria, § XXXIII, говоритъ слѣдующее: «Si quis rem suam cognoverit, mittat manum super eam. Et si ille, super quem intertiatur, tertiam manum quaerat, tunc in praesente ambo conjurare debent cum dextera armata et cum sinistra ipsam rem teneant. Unus juret, quod in propriam rem manum mittat et alius juret, quod ad eam manum trahat, qui ei ipsam rem debit», т.-е. «если кто познаетъ свою вещь, пусть наложитъ на нее руку» (это и есть такъ наз. Anefang). «И если тотъ, у кого вещь виндицируется, ссылается на третье лицо (tertia manus), тогда оба (истецъ и отвѣтчикъ) должны принести клятву въ присутствіи (trustis, т.-е. толпы сосѣдей, съ помощію которыхъ отыскивается вещь, какъ думаемъ мы, въ присутствіи суда, какъ объясняютъ его другіе), держа въ правой рукѣ оружіе, а лѣвой дотрогиваясь до вещи. Одинъ пусть поклянется, что онъ налагаетъ руку на собственную вещь, а другой, что онъ ссылается на то лицо, которое дало ему эту самую вещь».

Digitized by Google

Правда» воспроизводитъ, въ структурѣ свода, такую сѣдую пракультуру, которой не знаютъ ни франкскія leges, ни «Законы царя Хаммураби»[1]). Небезынтересно было бы также сопоставить постановленія указанныхъ памятниковъ права съ постановленіями Псковской судной грамоты (46, 47, 56 статьи ея), съ которыми у нихъ найдутся какъ сходства, такъ и различія, но это насъ завлекло бы слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ, въ виду всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, говорить о германскомъ происхожденіи нашего свода совершенно невозможно.

Какъ нами уже указывалось, проф. Гётцъ возбуждаетъ какъ во II, такъ и въ III томѣ своихъ изслѣдованій о «Русской Правдѣ» не разъ вопросъ объ отношеніи нашего памятника къ германскимъ leges. Изъ многихъ примѣровъ остановимся на томъ, что говоритъ почтенный ученый о вирѣ. «Что слово вира германскаго происхожденія, это», по его словамъ, «нынѣ вообще признано русскими учеными». Въ доказательство этого, въ видѣ примѣра («beispielsweise») авторъ ссылается на мнѣнія Эверса, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. И. Сергѣевича, И. И. Срезневскаго, П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго, при чемъ самъ высказываетъ почти полную увѣренность въ томъ, что «слово Wergeld, vira принесено на Русь варягами, вмѣстѣ съ другими германскими элементами», которые авторомъ были найдены въ такъ называемыхъ «добавкахъ» къ древнѣйшей редакціи (т. II, стран. 42 и сл.) и которыя (какъ уже нами подробно доказывалось выше) вовсе нельзя считать какими бы то ни было заимствованіями. Не можемъ мы также согласиться и съ тѣмъ, что слово вира (или вѣра) происходитъ отъ германской «Wergeld» и думаемъ, что этотъ терминъ имѣетъ обще-арійскій корень, какъ это будетъ отмѣчено нами ниже. Что же касается мнѣній русскихъ ученыхъ, указанныхъ авторомъ, о томъ, что наша вира происходитъ отъ германской Wergeld, то надо замѣтить, что мнѣнія ихъ вовсе не такъ категоричны, какъ это представляется почтенному автору. Такъ, Эверсъ говоритъ лишь, что «какое бы производство слова (вира) ни было принято, остается несомнѣннымъ, что его значеніе соотвѣтствуетъ германской Wergeld»[2]), т.-е., другими словами, мы у Эверса не находимъ ничего о производствѣ слова (о «Ableitung des Wortes»). Что же касается его утвержденія, что вира по своему значенію соотвѣтствуетъ германской Wergeld,

[1]) Говоря это, мы обращаемъ вниманіе только на структуру свода по нашей Правдѣ и указаннымъ памятникамъ права, не касаясь другихъ сторонъ процесса и его слѣдствій. Такъ, въ кодексѣ Хаммураби обращаетъ на себя вниманіе жестокость кары (смерть), постигающей вора, что не допускается «Русскою Правдой» въ данномъ случаѣ.

[2]) «Das älteste Recht der Russen» (Dorpat, 1826 г.), стран. 310.

Digitized by Google

то это невѣрно, и самъ проф. Гётцъ доказываетъ, что «Wergeld, vira», при переносѣ своемъ на Русь, измѣнила то свое значеніе, какое она имѣла въ германскомъ правѣ: тамъ она—плата семьѣ убитаго, выкупъ; на Руси — штрафъ, получаемый княземъ. Второе мнѣніе, а именно мнѣніе проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова, на которое ссылается авторъ, гласитъ слѣдующее: «слово «вира», не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ языкахъ, считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго языка (Wehrgeld), но корень его находится во множествѣ языковъ (между прочимъ — въ финскомъ)» [1]). Третій ученый, В. И. Сергѣевичъ, говоритъ: «слово вира, можетъ быть, не славянское, а германское. У нѣмцевъ есть терминъ — werigelt, weregelt, vere, что значитъ цѣна убитаго отъ gelt — деньги и wer — человѣкъ. Князья-варяги могли ввести въ употребленіе привычный имъ терминъ» [2]), т.-е. проф. В. И. Сергѣевичемъ, въ сущности, высказывается лишь одно предположеніе. Еще меньше находимъ у И. И. Срезневскаго» [3]). Но, по мнѣнію автора, особенно рѣзко за германское происхожденіе виры («besonders scharf für die germanischen Ursprung von vira», II т., стран. 43, примѣч. 1) высказывается проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій въ своихъ «приложеніяхъ» къ изслѣдованіямъ о «Русской Правдѣ». У названнаго ученаго мы читаемъ слѣдующее: «извѣстно, что въ древне-германскомъ правѣ плата за убійство носила названіе werigelt, weragelt, или просто vere (were)... По всей вѣроятности, слово werigelt (weragelt) were, проникнувъ изъ Германіи на Скандинавскій Сѣверъ, отсюда — по исторической связи Скандинавіи съ Русью — перешло и къ намъ, при чемъ авторъ, говоря о wergelt, ссылается на Гримма, о мнѣніи коего мы скажемъ ниже. Кажется, и эти слова не могутъ быть толкуемы такъ категорично, какъ толкуетъ ихъ разбираемый авторъ. Впрочемъ, у проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго находимъ одну заключительную фразу къ его I «приложенію» (о мести за убійство въ древней Руси и о платѣ за голову), которая могла дать автору основаніе къ вышеприведенному его отзыву, а именно, разсказавъ о эволюціи значеніи виры у насъ, почтенный русскій изслѣдователь «Правды» нашей дѣлаетъ такой общій выводъ: «итакъ, слова вира, вѣра», говоритъ онъ, «не можетъ быть производимо ни изъ славянскихъ, ни изъ иныхъ языковъ безъ явной натяжки и безъ ущерба исторической истинѣ.

---

[1]) «Обзоръ исторіи русскаго права» (Кіевъ, 1905 г.,), стран. 337.

[2]) «Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права» 3-е изд. (С.-Пб., 1903 г.), стран. 385.

[3]) А именно въ его извѣстныхъ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка», т. I (С.-Пб., 1893 г.), подъ словомъ вира=вѣра, послѣ объясненія значенія слова по памятникамъ, приведена, по отношенію къ данному вопросу, всего лишь одна строчка: «ср. нѣм. Wehrgeld» и только.

Digitized by Google

Это древне-германское werigelt, vere» [1]). Можетъ быть, эти заключительныя слова и дали проф. Гётцу основаніе къ указанной выше характеристикѣ (несмотря на оговорку въ предыдущей цитатѣ «по всей вѣроятности» и т. д.) [2]). Во всякомъ случаѣ, въ общемъ, всѣ приведенныя выше мнѣнія не столь категоричны, чтобъ, на основаніи только ихъ, можно было бы утверждать германское происхожденіе виры. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что мнѣнія эти вовсе не единогласны [3]). Что же касается ихъ филологическаго обоснованія, то оно, въ сущности, покоится на авторитетѣ Якова Гримма. Но что же, однако, говоритъ о вирѣ этотъ знаменитый нѣмецкій языковѣдъ? Онъ не высказываетъ ничего иного, какъ только гипотезу, а именно говоритъ, что можно предполагать относительно werigelt, что она проникла въ Россію изъ Германіи, получивъ тамъ наименованіе виры [4]). Какъ въ виду этой гипотезы, такъ еще болѣе, въ виду соображеній о вирѣ, высказанныхъ извѣстнымъ, уже современнымъ, нѣмецкимъ лингвистомъ Оскаромъ Шрадеромъ, едва ли слѣдуетъ вполнѣ рѣшительно говорить о заимствованіи слова вира «Русскою Правдою». Упомянувъ въ своемъ «Reallexikon», между прочимъ, о томъ, что на словѣ вира лежитъ «подозрѣніе заимствованія изъ Скандинавіи» («Verdacht scandinavischer Entlehung») [5]), названный авторъ въ другомъ своемъ трудѣ («Die Indogermanen») высказываетъ, по интересующему насъ вопросу, слѣдующее: «между всѣми индогерманскими народностями была возможность откупаться отъ угрожающей кровавой мести (von der drohenden Blutrache) черезъ уплату вергельда и тѣмъ

---

[1]) «Изслѣдованія о Русской Правдѣ». Приложенія ко второму выпуску (М., 1886 г.), стран. 15 и сл. и особенно — на стран. 20.

[2]) Говоримъ «можетъ быть», такъ какъ въ общей ссылкѣ проф. Гётца на мнѣнія русскихъ ученыхъ, выше нами приведенныхъ, по отношенію къ мнѣнію проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго указывается не одна 20 страница, гдѣ находятся эти слова, но и стран. 1 и слѣдующія всей главы (т. II, стран. 43, прим. 1).

[3]) Такъ, за славянское происхожденіе виры высказывались Соловьевъ, Леонтовичъ, Ланге, Собѣстьянскій и др. (см. ссылки у П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго, ibid., стран. 24 и у П. М. Собѣстьянскаго Круговая порука у славянъ» и пр. (Харьковъ, 1888 г.), изд. 2, стран. 154. О славянскомъ происхожденіи виры говоритъ также Leopold v. Schroeder въ статьѣ «Indogermanische Wergeld» («Festgruss an Rudolf v. Roth», Stuttgart, 1893 г.), стран. 51. Отрицаетъ нѣмецкое происхожденіе виры и французскій ученый Р. Дарестъ (въ своихъ «Etudes d'histoire du droit»), говоря, что «предположеніе это настолько же ошибочно, насколько безполезно, потому, что русскіе также способны были изобрѣсти виру, какъ германцы Wehrgeld» (см. выше цитированный переводъ Н. Чеботаревскаго, стран. 191).

[4]) «Es (werigelt) konnte dahin aus Deutschland gedrungen, wie vermutlich nach Russland, wo es vira lautet» («Deutsche Rechtsalterthümer», 1 изд., Göttingen, 1882 г., стран. 650; 4 изд., Leipzig, 1899 г., т. II стран. 216.

[5]) «Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde » Von. O. Schrader (Strassburg, 1901 г.), I Halbband, стран. 104.

Digitized by Google

приводить дѣло къ мирному концу... Что подобный выкупъ мести посредствомъ вергельда былъ уже употребителенъ въ индогерманское пра-время («in der indogermanischen Urzeit»), это доказывается не только тѣмъ, что слова вышеприведеннаго (авторомъ) сравненія греческой ποινή староиранс. kaena, подобно гомеровскому и кельт. выраженіямъ (ирл. cain), весьма вѣроятно уже тогда употреблялись въ двоякомъ значеніи — въ смыслѣ кровавой мести и выкупа кровавой мести вергельдомъ, но и тѣмъ, что въ праязыкѣ существовало особое слово для понятія вергельда. Это понятіе сохранилось въ нашемъ Wer(geld)», древне-верхне-нѣмецкомъ «were», въ древ.-индусскомъ vâira», съ которыми можетъ быть связана, вѣроятно, какъ пра-родственное (als urverwandt) также старо-русское вира, вергельдъ. Основной смыслъ всѣхъ ихъ — «цѣна мужа» (Manngeld) — готс. wair, лат. vir — древне-индус. vira, мужъ (Mann). Въ древнѣйшее время должны были существовать твердые нормы и виды вергельда»...[1]). Кажется пра-родственное соотношеніе нашего термина вира съ цѣлымъ рядомъ индо-европейскихъ (или, какъ выражается проф. О. Шрадеръ, по нѣмецкому обычаю, индо-германскихъ) словъ совсѣмъ не то, что «германское происхожденіе» этого слова, утверждаемое проф. Гётцемъ [2]). Да и отчего бы русскимъ славянамъ не сохранить изъ общаго пра-языка слова для выраженія того понятія — выкупа крови — которое вполнѣ соотвѣтствовало ихъ древнѣйшимъ юридическимъ воззрѣніямъ, существовавшимъ среди нихъ задолго до того, какъ они вошли въ какія-либо сношенія съ тѣми или иными германскими племенами? Доказательствъ въ пользу этого имѣется достаточно, **какъ и въ пользу того положенія, что вира, какъ замѣна кровавой мести, встрѣчается у самыхъ различныхъ народностей, на извѣстной ступени ихъ развитія**[3]).

---

[1]) «Die Indogermanen» von Dr. phil. Oskar Schrader (Leipzig, 1911 г.), стран. 125 и сл. Переводъ этого труда, подъ редакціею и со вступительною статьею проф. А. Л. Погодина, помѣщенъ въ «Библіотекѣ знанія», подъ заглавіемъ «Индо-европейцы» (С.-Пб., 1913 г.); въ него проф. Шрадеромъ внесены нѣкоторыя дополненія къ нѣмецкому подлиннику.

[2]) Утвержденіе проф. Гётца имѣетъ, впрочемъ, также себѣ опору во мнѣніяхъ нѣмецкихъ юристовъ-историковъ. Такъ самъ авторъ, ссылаясь на указанныхъ выше ученыхъ нашихъ, указываетъ также на Рих. Шредера и Бруннера (II, 43 стран. прим.). У послѣдняго (съ ссылкою на Эверса) находимъ, однако, только категорическое утвержденіе, что «вира, древнерусское выраженіе для вергельда — сѣверо-германскаго происхожденія и соотвѣтствуетъ англосаксонскимъ wer, were» («Deutsche Rechtsgeschichte, I томъ, 2 изд., Leipzig, 1906 г., стран. 120, прим. 44; ср. также 1 изд. 1887 г., стран. 86).

[3]) О системѣ выкуповъ по древнѣйшему и частью современному обычному праву см. въ изслѣдованіи М. М. Ковалевскаго, Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи (М., 1886 г.), т. II, стран. 53 и сл. О вирѣ у кавказскихъ народно-

Digitized by Google

Во II томѣ своихъ изслѣдованій о «Русской Правдѣ, проф. Гётцъ опять ставитъ вопросъ объ отношеніи II редакціи «Правды» къ древнѣйшей (стран. 227—237) и при этомъ снова вспоминаетъ, что въ извѣстныхъ уже намъ «добавкахъ» къ послѣдней надо видѣть переносъ германскихъ нормъ въ древне-русское право («eine Uebertragung germanischer Satzungen in das altrussische Recht», стран. 232). Это даетъ ему поводъ спросить себя, «нѣтъ ли подобнаго внѣдренія чужихъ элементовъ также и во вторую редакцію?» Авторъ отвѣчаетъ: «мнѣ кажется, что нѣтъ» (ib.). Намъ кажется то же самое, и намъ весьма пріятно, что въ сужденіи о II редакціи мы можемъ, въ данномъ отношеніи, выразить наше полное согласіе съ почтеннымъ нѣмецкимъ изслѣдователемъ нашей «Правды». Однако, при сужденіи о III редакціи «Правды» (которой посвященъ самый обширный III томъ изслѣдованій этого памятника, что и понятно, въ виду размѣровъ самой указанной редакціи) авторъ снова подымаетъ вопросъ о «прямомъ переносѣ германскаго образца въ древне-русскій юридическій языкъ» («directe Uebertragung der germanischen Vorlage in die altrussische Rechtssprache»). Поводъ къ этому автору дается въ выраженіи «Русской Правды» данной редакціи (ст. 6, 7 и 11 сл.) — дикая вира («wildes Wergeld», III т., стран. 46 и сл.). Приведя толкованія термина «дикая вира», даваемыя русскими изслѣдователями, проф. Гётцъ говоритъ, что вопросъ о значеніи этого термина можетъ быть разрѣшенъ самымъ простымъ образомъ, если обратить вниманіе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ «Русской Правды», вмѣсто словъ дикая вира, мы читаемъ людская вира. Эта и есть та вира (Wergeld), которая выплачивалась за простолюдина, или людина (какъ говорили въ древности, добавимъ мы). Но это именно то самое слово, какое мы находимъ въ англо-саксонскомъ языкѣ въ словѣ leôdgeld, отъ слова leôd, старо-верхне-германскомъ liut, т.-е. populus, въ старо-сѣверномъ mangiald, «die Mannbusse». Такъ, добавляетъ авторъ, «благодаря ошибкѣ переписчика, примѣры коихъ, къ сожалѣнію, часто встрѣчаются въ спискахъ «Русской Правды», произошла странная дикая вира («das sonderbare «wilde» Wergeld») со всѣми предположеніями, отпадающими, какъ излишнія, если возстановить — несомнѣнно вѣрный текстъ — людская вира, Mannbusse, выраженіе, которое пришло на Русь вмѣсто съ словомъ Wergeld, вира». Такъ какъ мы сомнѣваемся, что слово вира—вѣра перешло къ намъ изъ германскаго права, то такое же сомнѣніе, да притомъ еще въ большей степени, относится и къ термину людстей, у киргизовъ, якутовъ, у гиляковъ и др. см. Этнографію Н. Н. Харузина (С.-Пб., 1903 г.), вып. II (изданіе посмертное, подъ редакціею В. Н. Харузиной, стран. 227 и сл.).

Digitized by Google

ская вира, въ виду того обстоятельства, что прилагательное людской, людская происходитъ отъ чисто-славянскаго слова людъ, которое находитъ себѣ аналогію въ индо-европейскихъ языкахъ («Die Indogermanen» — О. Шрадера, стран. 113) [1]). Кромѣ того, мы не видимъ никакой ошибки въ замѣнѣ одного прилагательнаго другимъ, такъ какъ дикій не означаетъ ничего иного, какъ общій, относящійся ко всѣмъ людямъ (въ данномъ случаѣ — живущимъ въ одной верви). Дикая вира, какъ общинная (или общая), вира есть также людская вира, которая уплачивается всѣми свободными людьми (людіями) данной общины. Поэтому вполнѣ правъ проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, когда онъ говоритъ (въ согласіи съ рядомъ ученыхъ), что «при невыдачѣ преступника общиною (вервью) платилась князю общинная, общая вира, называвшаяся дикою» и что изъ всѣхъ толкованій термина «дикая вира» — «вѣрнѣйшее именно это». «Дикій» или «общій», невыдѣлившійся изъ другихъ, и есть «людской», т.-е. опять-таки общій, общественный. (Послѣднее видно изъ древнихъ выраженій: «людскія судища», publica, «людской путь», via publica» и т. п. [2]). Переписчикъ только замѣнилъ одинъ терминъ другимъ, болѣе понятнымъ. Надо принести проф. Гётцу большую благодарность за сближеніе нашего термина «людская вира» съ терминами иноземными — leôdgeld, mangiald, Mannbusse (II т., стран. 48), но сближеніе терминовъ, по ихъ смыслу, еще не рѣшаетъ вопроса о ихъ заимствованіи, или о «прямомъ переносѣ» ихъ, какъ говоритъ авторъ; заимствованіе должно, вѣдь, быть чѣмъ-либо доказано, а доказательствъ нѣтъ у автора.

Если у насъ есть сомнѣніе въ прямомъ переносѣ въ нашъ древній юридическій языкъ чужихъ терминовъ, то еще больше сомнѣній возникаетъ, когда идетъ дѣло о переносѣ институтовъ права, какъ мы уже это говорили по отношенію къ своду. Но въ III томѣ изслѣдованій почтеннаго автора мы читаемъ, что «расширеніе отвѣтственности общины» («Eweiterung der Haftung der Gemeinde», которое онъ находитъ въ III редакціи «Русской Правды») можетъ имѣть свое основаніе въ болѣе сильномъ внѣдреніи

---

[1]) См. также подъ словомъ l'udъ параллели между нашимъ словомъ людъ и соотвѣтствующими словами другихъ языковъ у E. Berneker'a Slavisches etymologisches Wörterbuch» I Band (Heidelberg, 1908—1913 гг.), стран. 758, при чемъ заимствованіе слова людъ изъ германскаго отрицается авторомъ («Entlehnung von l'udъ aus dem Germanischen anzunehmen verbietet baltisch. l'audis»).

[2]) Изслѣдованія о «Русской Правдѣ», выпускъ II (М., 1885 г.), стран. 136 и сл.

[3]) См. подъ людьскыи «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» и пр. И. И. Срезневскаго, томъ II (С.-Пб., 1902 г.).

Digitized by Google

германскихъ право-воззрѣній» въ указываемыя авторомъ нормы нашего памятника. По нашему крайнему убѣжденію, «отвѣтственность общины», т.-е. говоря иначе, круговая порука членовъ данной верви, принадлежитъ къ такого рода юридическимъ институтамъ, которые, на извѣстныхъ ступеняхъ развитія человѣчества, встрѣчаются едва ли не у всѣхъ народовъ, а потому вовсе не нуждаются въ какихъ-либо специфическихъ «германскихъ право-воззрѣніяхъ» («germanische Rechtsanschauungen»). Расширеніе или ограниченіе круговой поруки, — разъ она въ данное время существуетъ, — можетъ совершаться лишь за счетъ тѣхъ мѣстныхъ условій, которыя ей помогаютъ или мѣшаютъ въ развитіи. Конечно, при свѣтѣ сравнительной исторіи права, мы не будемъ нынѣ утверждать (какъ это утверждалось иногда раньше), что «круговая порука» («Gesammtbürgschaft», «Haftung der Gemeinde» и т. д.) есть чисто-славянскій институтъ, такъ какъ мы его находимъ у многихъ народовъ, но, съ другой стороны, мы не можемъ не повторить здѣсь словъ ученаго, спеціально изслѣдовавшаго вопросъ объ указанномъ институтѣ, какъ въ первобытныхъ обществахъ вообще, такъ и у древнихъ славянъ въ частности, а именно слова И. М. Собѣстіанскаго — «институты круговой поруки, кровавой мести, цокоры, побратимства, ротниковъ, соковъ, свода и т. д. (системы композицій, иммунитета, института рабства, вѣчевыхъ собраній и пр., и пр. — добавимъ мы) проявляютъ сходства даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, однако, нечего и говорить, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи»[1]). Другой изслѣдователь, Н. П. Павловъ-Сильванскій, наиболѣе въ послѣднее время останавливавшійся у насъ на сравненіи древне-русскаго нашего права съ германскимъ, говоря объ «общинной отвѣтственности за преступленіе», замѣчаетъ слѣдующее: «подобно тому какъ въ отношеніи дани община связана была круговой порукою въ уплатѣ податей, такъ точно и въ отношеніи суда на общинѣ лежала круговая отвѣтственность за нѣкоторыя преступленія, совершавшіяся въ предѣлахъ общинной территоріи... Такую же точно отвѣтственность общины за убійство, совершенное въ предѣлахъ ея территоріи, находимъ мы и на Западѣ, но только въ древнѣйшую эпоху «Германскихъ Правдъ»[2]). Наличность одного и того же института въ памятникахъ тѣхъ или иныхъ народовъ говоритъ только за одинаковыя условія ихъ жизни, а равно за общія ея пра-основы въ древнѣйшія эпохи, но вовсе не за «внѣдреніе» иноземныхъ право-воззрѣній,

[1]) «Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства» (Харьковъ, 1888 г., изд. 2), стран. 72.

[2]) «Феодализмъ въ удѣльной Руси» (С.-Пб., 1910 г.), стран. 57 и сл.

Digitized by Google

если, конечно, на доказательство такого внѣдренія нѣтъ особыхъ и достовѣрныхъ данныхъ.

Таковы наши замѣчанія какъ по поводу перевода «Русской Правды», такъ и сравнительныхъ изысканій о ней почтеннаго автора, изложенныхъ въ I—III томахъ. Дѣлая ихъ, мы вовсе не имѣли намѣренія поколебать общаго значенія его крупнаго научнаго труда, а лишь хотѣли высказать — по принципу audiatur et altera pars — взглядъ русскаго ученаго на близкій и, естественно, дорогой ему памятникъ права, съ такимъ знаніемъ и исключительнымъ вниманіемъ изслѣдованный иностраннымъ ученымъ. Замѣтимъ еще при этомъ, что вопросъ о заимствованіяхъ, ставившійся не разъ почтеннымъ авторомъ въ I—III томахъ его труда, вновь возбуждается имъ и въ послѣднемъ IV томѣ, вышедшемъ лѣтомъ прошлаго года. Здѣсь онъ ставится, однако, нѣсколько иначе. Такъ, говоря объ отношеніи германо-скандинавскаго права къ нашей «Правдѣ» и утверждая вполнѣ справедливо, что нельзя отрицать ихъ «извѣстнаго сродства» (eine gewisse Verwandtschaft), авторъ высказываетъ положеніе, что «der Gedanke an direkte Entnahme dieser Dinge (какъ видно изъ текста — виры—Wergeld'a, людской виры—Mannbusse, дружины—Freundschaft) aus dem germanischen Rechte ist also nicht von der Hand zu weisen» (т. IV, стран. 80). Но, если бы этотъ аффоризмъ былъ высказанъ разбираемымъ авторомъ ранѣе, въ одномъ изъ предыдущихъ томовъ, то между нами не было бы значительнаго числа тѣхъ разногласій, на которыя указывалось выше. Конечно, извѣстное сродство «Русской Правды» съ германо-скандинавскимъ правомъ, или ихъ явный параллелизмъ (какъ это авторъ утверждаетъ по вопросу о символизмѣ, ib., 81 стран.) есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ прямое заимствованіе, или переносъ, въ «Русскую Правду» чужихъ юридическихъ терминовъ, а тѣмъ болѣе — правовыхъ институтовъ, какъ сводъ и пр.[1]). Здѣсь споръ переходитъ совсѣмъ въ иную плоскость, такъ какъ приходится говорить уже о томъ, поскольку родство двухъ великихъ народностей, — въ силу различія ихъ дальнѣйшихъ историческихъ судебъ, — сохранилось или утратило свое былое первоначальное значеніе; но на этотъ вопросъ отвѣчать пока не приходится...

---

[1]) Въ частности почтенный авторъ, — съ замѣчательнымъ научнымъ безпристрастіемъ, касаясь новыхъ данныхъ, на которыхъ онъ ранѣе не останавливался, — видоизмѣняетъ въ IV томѣ свой взглядъ и на сводъ, а именно говоритъ уже только о согласіи (Uebereinstimmung) «Русской Правды» съ германскимъ правомъ и притомъ спеціально — съ саксонско-лонгобардскимъ (ibid, 81; срав. III т., стран. 145, прим.).

Digitized by Google

Нашъ обзоръ изслѣдованій проф. Гётца о «Русской Правдѣ» былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись — хотя бы кратко — содержанія только-что упомянутаго IV тома. Томъ этотъ распадается на двѣ части. Въ первой авторъ трактуетъ о III редакціи «Русской Правды» (какъ извѣстно, наиболѣе обширной и содержательной), какъ о литературномъ памятникѣ, во второй — говоритъ о ней, какъ о памятникѣ права. Тамъ и здѣсь авторъ поднимаетъ цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ, съ которыми не разъ приходилось имѣть дѣло русской историко-юридической наукѣ и которые въ концепціи, даваемой имъ иностраннымъ ученымъ, получаютъ извѣстный новый колоритъ, съ которымъ придется такъ или иначе считаться нашей ученой критикѣ. Такъ, авторъ въ первой части разбираетъ вопросъ о спискахъ III редакціи «Русской Правды», ея первоначальномъ текстѣ и о дальнѣйшемъ его развитіи (§§ 1 и 2), о заимствованіи и расширеніи I и II редакціи «Правды», о новомъ матеріалѣ, о составѣ III редакціи (§§ 3—5), о единствѣ ея автора или редактора (§ 6), о ея русскихъ и не-русскихъ источникахъ и нормахъ, а равно и объ иноземномъ на нее вліяніи (§§ 7 и 8), о ея возрастѣ и родинѣ (§ 9), объ области и времени ея дѣйствія (§ 10). Вторая часть, начинающаяся общими замѣчаніями о матеріальномъ правѣ III редакціи памятника (§ 11), содержитъ затѣмъ подробное и систематизированное изложеніе институтовъ права уголовнаго (§§ 12—14), гражданскаго (§§ 15—19) и процесса, какъ по отношенію къ судоустройству (§§ 20 и 21), такъ и судопроизводству (§§ 22—25). Изложеніе заканчивается (по принятому авторомъ для всѣхъ томовъ плану) реестрами разсмотрѣнныхъ имъ статей, какъ «Русской Правды», такъ и другихъ памятниковъ права, русскихъ и иноземныхъ, а также указателями, личнымъ (авторовъ) и предметнымъ. Нечего говорить, какъ всѣ эти реестры и указатели важны для всякаго рода справокъ, относящихся къ «Русской Правдѣ», особенно въ виду того обстоятельства, что авторъ вездѣ вполнѣ точенъ въ своихъ ссылкахъ какъ на первоисточники, такъ и на литературу возбужденныхъ имъ вопросовъ, а главное — приводитъ ихъ вездѣ почти въ такомъ изобиліи, что его громадный четырехтомный трудъ о «Русской Правдѣ» (вмѣстѣ съ «Программою», содержащею переводъ ея, съ примѣчаніями) долженъ явиться настольною книгою для всѣхъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться, какъ съ литературнымъ матеріаломъ, такъ и съ сравнительными данными, имѣющими то или иное отношеніе къ нашему памятнику. Авторъ собралъ весь этотъ матеріалъ и всѣ эти данныя вмѣстѣ и тѣмъ значительно облегчилъ возможность ихъ послѣдующаго изученія. Пусть многіе выводы автора подлежатъ оспариванію, пусть его

Digitized by Google

толкованія отдѣльныхъ статей «Русской Правды» не будутъ цѣликомъ приняты нашею ученою критикой, его трудъ о ней, подъятый съ такими знаніями и съ такою любовью къ изучаемому памятнику, останется навсегда живымъ свидѣтелемъ большого научнаго одушевленія автора, его завидной энергіи... Мы увѣрены вполнѣ, что трудъ этотъ не будетъ послѣднимъ и его новое многообѣщающее, — по темѣ и по прошлой ученой дѣятельности автора — сочиненіе «Христіанство и культура въ Кіевской Руси» найдетъ свое скорое и блестящее окончаніе.

Александръ Филипповъ.

Digitized by Google

Теорія кризисовъ М. И. Туганъ-Барановскаго[1]).

(По поводу совершенно переработаннаго третьяго изданія его книги: «Періодическіе промышленные кризисы. — Исторія англійскихъ кризисовъ. Общая теорія кризисовъ».)

I.

Быть можетъ, и не такими быстрыми шагами, какъ государства Запада, мы все же двигаемся по пути промышленнаго прогресса. Однимъ изъ яркихъ показателей этого могутъ служить тѣ требованія, которыя предъявляетъ русская промышленность къ рынку капиталовъ. Эти требованія все возрастаютъ[2]): въ 1901—1903 г. общая сумма допущеннаго къ котировкѣ капитала составляла 40,9 милл. рублей, или 13,65 милл. въ годъ, въ 1904—1906—69,35 милл. руб., или 23,02 милл. руб. въ годъ, въ 1908—1910—182,9 милл. руб., или 60,98 милл. въ годъ, въ 1911— около 70 милл. руб. (69.999,9 тысячъ руб.) и, наконецъ въ 1912 г.—221,8 милл. руб.[3]). Итакъ, наша промышленность, несомнѣнно, растетъ, а вмѣстѣ съ ея ростомъ и все настойчивѣе заявляютъ о себѣ вопросы о законахъ ея динамики, въ частности проблема промышленныхъ кризисовъ. Въ этой области проф. М. И. Туганъ-Барановскій сдѣлалъ весьма многое. Его книга, вышедшая первымъ изданіемъ въ 1894 году и въ 1900 году на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, вызвала тогда цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій (Пооле, Шпитгофъ, Эуленбургъ, Зомбартъ, Лескюръ[4]), для большинства которыхъ она явилась фундаментомъ.

---

[1]) Пользуюсь случаемъ выразить мою благодарность А. В. Чаянову за доставленіе нѣкоторыхъ матеріаловъ.

[2]) Составлено на основаніи записей гофъ-маклера С.-Пб. фондовой биржи, разработанныхъ И. И. Левинымъ.

[3]) Въ годъ подъема конца 90-хъ годовъ (1899) эмиссія составляла 90,4 милліона рублей.

[4]) Eulenburg, Die gegenwärtige Wirtschaftskrise («Jahrbuch für Nationaloekonomie und Statist». XXIV, B. 1902). Pohle, Bevölkerungsbewegung, Kapitalbildung und periodische Wirtschaftskrisen, 1902. Spiethoff, Vorbemerkungen zu einer Theorie der Ueberproduction («Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebund und Verwaltung» 1902), его же, Die Krisentheorien von Tugan-Baranowsky und Pohle («Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung und Verwaltung 1903). Его же статьи въ Schmoller's Jahrbuch'n за 1909 г. Sombart, статья въ «Schriften des Vereins für Socialpolitik» B. 113). J. Lescure, Des crises générales et periodiques, 2 ed. 1910.

Digitized by Google

Однако, за послѣднее время жизнь ушла далеко впередъ (мы пережили два міровыхъ кризиса — 1900-1 г. и 1907-8); улучшились и методы, и условія наблюденій надъ явленіями соціальной жизни... Новые факты вызвали и новыя теоріи. Поэтому новое изданіе книги, ставшей, кстати сказать, уже почти библіографической рѣдкостью, тѣмъ болѣе совершенно переработанное (разрядка моя. С. П). не можетъ не приковывать къ себѣ вниманія экономистовъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ отношеніи ближайшее ознакомленіе съ книгой нѣсколько разочаровываетъ. Ни чрезвычайно поучительные факты послѣдняго десятилѣтія, ни новѣйшія теоретическія и критическія работы въ области изученія кризисовъ не оказали никакого сколько-нибудь значительнаго вліянія на М. И. Туганъ-Барановскаго.

Авторъ совершенно обошелъ всю новѣйшую литературу вопроса. Оставляя уже въ сторонѣ далеко незаурядныя работы Esslen'a (1908), Kémeny (1911 г.) Mises'a (1910). Weviorovsky (1912), нельзя не обратить вниманія на отсутствіе такихъ трудовъ, какъ «The Purchasing power of money» Ihrwing'a Fischer'a (1911), одного изъ крупнѣйшихъ представителей современной американской экономической мысли, какъ труды Бунятьяна, Афтальона, Supino, Otto Spann'a — представителей такъ наз. Preisverschiebungs-Theorie, — наконецъ, трудъ Гильфердинга[1]). За эти годы появились и критическія изслѣдованія по теоріи кризисовъ, въ которыхъ теоріи Туганъ-Барановскаго удѣлено было весьма значительное мѣсто; изъ этихъ послѣднихъ работъ упомяну хотя бы Pinkus'a[2]) (1906 г.), W. Fischer'a (1911 г.), Sombart'a (1903 г.) Bouniatian'a (1907), Каутскаго, Исаева (1913 г.). Весьма серьезно критикуютъ Туганъ-Барановскаго и его послѣдователи: Spiethoff[3]) и Lescure (особенно въ 2-мъ изданіи, вышедшемъ въ 1910-мъ году, гдѣ Lescure окончательно порываетъ съ Туганъ-Барановскимъ и переходитъ на сторону Афтальона и Бунятьяна).

---

[1]) Ihrwing Fischer, The purchasing Power of money, 1911. A. Aftalion, La réalité des surproductions générales (Revue d'économie politique 1908 et 1909). Его же, «Les crises pèriodique de surproduction»,I—II l. 1913. M. Bouniathian, Wirtschaftskrisen und Ueberkapitalisation» (1907). Supino, Le crisi economiche, Milan 1907. Otto Spann, Theorie der Preisverschiebung (1913). Hilferding, Finanzkapital (1906). Essler, Konjunktur und Geldmarkt (1908). Kemeny, Konjunktursymptome am Geldmarkt (1911). Wiewiorowski, Einfluss der deutsch. Bankenkonzentration auf Krisenerscheinungen» (1912). Liefmann, Krisen und Kartelle («Schmoller's Jahrbuch» 1902).

[2]) Pinkus, Das Problem des Normalen in der Nationaloekonomie (1906). D-r W. Fischer, Das Problem der Wirtschaftskrisen im Lichte der neusten Forschungen» (1911).

[3]) Долженъ замѣтить, что Spiethoff, если и можетъ быть отнесенъ къ числу послѣдователей Туганъ-Барановскаго, то лишь съ весьма крупными оговорками.

Digitized by Google

Обошелъ совершенно Туганъ-Барановскій и эту литературу. Изъ критическихъ работъ онъ остановился лишь на г. Финнѣ-Енотаевскомъ («Современное хозяйство Россіи»), на Розѣ Люксембургъ, «Die Akkumulation des Kapitals» (1913 г.), да удѣлилъ нѣсколько строкъ народникамъ (главнымъ образомъ В. В.). Наконецъ, за это время возникли цѣлые институты по изученію конъюнктуры, какъ-то французская комиссія по кризисамъ при министерствѣ труда, Babson's обсерваторія въ Америкѣ, появилась «Konjunkturkunde», при чемъ указывалось, что признаки, приводимые Туганъ-Барановскимъ для опредѣленія промышленной конъюнктуры,—недостаточны, что при выборѣ признаковъ надо считаться съ индивидуальными особенностями страны, съ эмиссіонной системой, съ тѣмъ, опирается ли капитализмъ на внутренній или внѣшній рынокъ... и это не отразилось на М. И. Туганъ-Барановскомъ.

Такъ же мало переработки видно и въ фактической части. Правда, авторъ прибавилъ новую VIII главу, «Періодическія колебанія англійской промышленности въ новѣйшее время», однако послѣдняя, занимая всего $7^1/_2$ страницъ, является скорѣе необходимымъ приложеніемъ, чѣмъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ: авторъ попросту механически продолжилъ тѣ «кривыя», которыя въ 2-мъ изданіи довелъ лишь до 1899 года. Итакъ, обѣщанной въ подзаголовкѣ переработки[1]) нѣтъ (если не говорить о деталяхъ и о нѣсколько иномъ расположеніи матеріала). Нѣтъ объясненія новыхъ фактовъ, нѣтъ отвѣта на тѣ вопросы и сомнѣнія, которые высказывались различными авторами по поводу его теоріи. Скорѣе вновь появившееся изданіе можетъ быть охарактеризовано, какъ возвращеніе къ первому изданію. Впрочемъ, и въ этомъ своемъ видѣ книга нисколько не утрачиваетъ своего большого значенія.

Она все же даетъ яркую и единственную на русскомъ языкѣ картину развитія англійской промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ картину циклическаго развитія капиталистической промышленности вообще. Она въ строго систематическомъ порядкѣ знакомитъ читателя съ важнѣйшими теоріями кризисовъ[2]). Наконецъ, соб-

[1]) Это признаетъ и самъ М. И. Туганъ-Барановскій. Въ концѣ предисловія къ 3-му изданію онъ заявляетъ, что «переработалъ теоретическую часть. оставивъ, впрочемъ, основы ея нетронутыми, такъ какъ не видѣлъ никакихъ поводовъ къ ихъ измѣненію».

[2]) Правда, съ изложеніемъ этихъ теорій у М. И. Туганъ-Барановскаго не всегда можно согласиться; въ частности, вызываетъ сомнѣнія его «шаблонное» изложеніе взглядовъ Рикардо. По мнѣнію Туганъ-Барановскаго, правда, господствующему еще, Рикардо видѣлъ причину кризисовъ въ пертурбаціонныхъ только факторахъ. Это далеко не такъ. Въ XIX главѣ своихъ «Началъ» (русск. перев. подъ ред. Н. Рязанова. Собр. соч. т. I, стран. 174) «О внезапныхъ перемѣнахъ въ ходѣ торговли» Рикардо, хотя и не развилъ законченной

Digitized by Google

ственныя построенія М. И. Туганъ-Барановскаго — и это, конечно, главное — и въ настоящее время представляютъ немалый научный интересъ, какія бы серьезныя возраженія ни вызывали они противъ себя, и не могутъ быть обойдены изслѣдователями промышленныхъ кризисовъ уже въ силу того вліянія, которымъ пользуются они до сихъ поръ. Туганъ-Барановскій, попрежнему, въ этой области владѣетъ умами... Его теорію критикуютъ нерѣдко съ ненужной и совершенно недопустимой рѣзкостью, называютъ парадоксальной и въ то же самое время признаютъ «высшей формой теоріи кризисовъ»; у насъ въ Россіи она является господствующей: къ ней присоединяются В. Я. Желѣзновъ (ср. его «Очерки политической экономіи»), І. М. Кулишеръ, недавно скончавшійся В. К. Дмитріевъ. Въ виду этого разобраться въ его теоріи представляется, на нашъ взглядъ, крайне необходимымъ. Однако, прежде чѣмъ перейти къ ея разбору, я позволю себя въ самыхъ краткихъ чертахъ напомнить эту теорію.

II.

Въ основѣ теоріи кризисовъ, какъ извѣстно, лежитъ своеобразная теорія рынковъ.

Авторъ, какъ правило, не допускаетъ возможности общаго перепроизводства въ капиталистическомъ строѣ. Продолжая анализъ схемъ воспроизводства общественнаго капитала, даваемыхъ Марксомъ во II томѣ его «Капитала», и видоизмѣняя ихъ, Туганъ-Бара-

---

теоріи кризисовъ, однако достаточно ясно высказалъ мысль, что причина кризисовъ лежитъ отнюдь не въ пертурбаціонныхъ факторахъ. Вотъ что, приблизительно, говоритъ онъ въ этой главѣ: «Спросъ на сельскохоз. продукты однообразенъ: онъ не зависитъ отъ предразсудковъ, капризовъ... поэтому онъ существуетъ постоянно... Иначе дѣло обстоитъ съ обрабатывающей промышленностью... здѣсь спросъ находится не только въ зависимости отъ нуждъ, но и вкусовъ, и капризовъ покупателя... Кромѣ того (разрядка моя. С. П.) имѣютъ значеніе войны, неурожай, повышеніе налога»... «Во всѣхъ такихъ случаяхъ всѣмъ, кто занятъ въ производствѣ этихъ товаровъ, придется испытать значительныя затрудненія и нѣкоторыя потери»... «Отъ такихъ внезапныхъ измѣненій не избавлено даже сельское хозяйство» (здѣсь Рикардо ссылается на войну, неурожай etc.). Изъ сказаннаго видно, что Рикардо не сводилъ кризисы къ пертурбаціоннымъ факторамъ, онъ даетъ опредѣленную теорію: а) Въ основу ея онъ кладетъ опредѣленный и отнюдь не пертурбаціонный моментъ: измѣнчивость спроса на мануфактурные товары, зависящую отъ измѣнчивости тѣхъ потребностей, коимъ удовлетворяютъ продукты мануфактурной промышленности; b) онъ противополагаетъ измѣнчивости спроса на мануфактурные товары, устойчивость спроса на сельскохоз. продукты (спросъ на которые можетъ колебаться лишь подъ вліяніемъ пертурбаціонныхъ факторовъ).

Такимъ образомъ, Рикардо даетъ намъ, хотя и не законченную, теорію кризисовъ, видящую основу перепроизводствъ въ индивидуальности потребленія и во многихъ сходную съ позднѣйшей теоріей L. Brentano, высказанной послѣднимъ въ статьѣ «Die Arbeiter und die Productionskrisen» («Schmoller's Jahrbuch» 1876).

Digitized by Google

новскій приходитъ къ выводу, что при извѣстномъ пропорціональномъ распредѣленіи общественнаго производства всякое новое производство само создаетъ себѣ рынокъ въ томъ же размѣрѣ. Наблюдаемое же въ эпоху кризисовъ общее перепроизводство есть не что иное, какъ своеобразная форма проявленія частичнаго перепроизводства въ условіяхъ денежнаго обмѣна[1]). Исходя изъ этого положенія, Туганъ-Барановскій уже, какъ прямое слѣдствіе, выводитъ основныя причины кризисовъ — перепроизводствъ. Ихъ три: кризисы въ капиталистическомъ обществѣ являются слѣдствіемъ того, что оно есть хозяйство 1) антагонистическое, 2) неорганизованное, 3) склонное къ неограниченному расширенію.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, природу капиталистическихъ кризисовъ, Туганъ-Барановскій переходитъ къ слѣдующему вопросу, связанному съ проблемой кризисовъ, — вопросу о періодичности ихъ и о причинахъ таковой.

Здѣсь авторъ рѣзко порываетъ съ абстрактно-дедуктивнымъ и соціально-органическимъ методами, коими онъ пользовался при выясненіи основныхъ причинъ кризисовъ, и переходитъ къ чисто-статистическому и индивидуалистическому методамъ, къ анализу фактической исторіи кризисовъ и, такимъ образомъ, изучаетъ кризисы уже въ иной плоскости и иными методами.

При этомъ анализѣ М. И. Туганъ-Барановскій прежде всего устанавливаетъ фактъ «удивительнаго совпаденія цѣнъ на желѣзо съ фазисами капиталистическаго цикла», что въ свою очередь показываетъ, что колебанія промышленности находятся въ тѣсной связи съ моментами созданія основного капитала въ странѣ[2]).

Итакъ, теперь у него вопросъ о колебаніяхъ промышленности сводится къ другому вопросу, почему основной капиталъ страны создается толчками, а не непрерывно?

Объясняется это, говоритъ Туганъ-Барановскій, общими условіями капиталистическаго хозяйства и, прежде всего, условіями накопленія свободныхъ капиталовъ. Сопоставляя данныя о колеба-

---

[1]) Туганъ-Барановскій поясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: допустимъ, что хлѣба произведено больше, чѣмъ нужно производителю сукна (и другимъ потребителямъ хлѣба); денежная цѣна хлѣба въ этомъ случаѣ понизится. Сокращеніе это можетъ быть такимъ значительнымъ, что за бо́льшее количество хлѣба производитель его получитъ меньше денегъ. А такъ какъ на эти денежныя средства производитель хлѣба покупаетъ сукно, то, значитъ, уменьшится денежный спросъ и на сукно (и на другіе предметы). Иными словами, произойдетъ общее превышеніе предложенія товаровъ сравнительно съ денежнымъ спросомъ на нихъ.

[2]) И это вполнѣ понятно: строительство и грюндерство не можетъ не сопровождаться общимъ оживленіемъ промышленности, ибо всякое крупное расходованіе капитала (напр., постройка новыхъ жел. дор.) создаетъ спросъ не только на средства производства, но и на предметы обществ. потребленія.

Digitized by Google

ніяхъ промышленности съ данными о высотѣ учетнаго процента и о металлической наличности Англійскаго банка, онъ замѣчаетъ, что въ годы застоя наблюдается чрезвычайное возрастаніе резервовъ банковъ и пониженіе учетнаго процента, что свидѣтельствуетъ о скопленіи свободнаго денежнаго капитала, не находящаго себѣ помѣщенія въ промышленности. Наоборотъ, въ годы высокой конъюнктуры, предшествующей кризису, неизмѣнно наблюдается уменьшеніе банковой наличности и рѣзкое повышеніе учетнаго процента, что свидѣтельствуетъ объ истощеніи свободныхъ капиталовъ. Это наблюденіе приводитъ его къ выводу, что промышленный подъемъ обусловливается накопленіемъ огромныхъ свободныхъ капиталовъ, ищущихъ приложенія, давящихъ на промышленность и поощряющихъ грюндерство, а кризисы истощеніемъ свободныхъ капиталовъ. «Кризисы вызываются тѣмъ, что въ фазисѣ подъема потребленіе капитала идетъ быстрѣе, чѣмъ его образованіе». («Основы Полит. Экон.» С.-Пб. 1911, изд. 2, стран. 509.)

Такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ періодичность капиталистическихъ кризисовъ — является слѣдствіемъ своеобразныхъ условій накопленія свободныхъ денежныхъ капиталовъ въ капиталистическомъ обществѣ: она объясняется временнымъ несоотвѣтствіемъ между накопленіемъ свободныхъ капиталовъ и ихъ производительнымъ (въ промышленности) потребленіемъ.

Вотъ въ самыхъ сжатыхъ чертахъ теорія М. И. Туганъ-Барановскаго.

Среди цѣлаго ряда вопросовъ[1]), кои вызываетъ противъ себя эта теорія, прежде всего возникаетъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ между его теоріей кризисовъ и теоріей рынковъ. Какъ извѣстно, большинство экономистовъ, принимающихъ теорію кризисовъ Туганъ-Барановскаго, не раздѣляютъ его теоріи рынковъ (за исключеніемъ Шпитгоффа)[2]) и даже не видятъ между указанными теоріями никакой внутренней связи. Между тѣмъ самъ М. И. Туганъ-Барановскій ставитъ эти двѣ теоріи въ тѣснѣйшую связь. «Одна теорія предполагаетъ другую», говоритъ онъ, «если принимать изложенную теорію кризисовъ, то надо принять и ея логическую основу, теорію рынковъ, какъ ни кажется парадоксальна при недостаточномъ

[1]) Въ настоящей работѣ я вовсе не имѣю въ виду дать исчерпывающую критику системы Туганъ-Барановскаго: его теоріи рынковъ я касаюсь лишь постольку, поскольку это нужно для пониманія его теоріи періодическихъ кризисовъ.

[2]) Prof. Spiethoff, Die Krisentheorien von Tugan-Baranowsky und Pohle, «Jahrbuch für Gesetzgebung und Verwaltung des Deutschen Reichs». 1903. Долженъ замѣтить, что и Шпитгоффъ рѣзко критикуетъ эту теорію въ «Schriften des Vereins f. Socialpolitik», CXIII, 222—223.

Digitized by Google

проникновеніи въ законы капиталистическаго хозяйства эта послѣдняя теорія»[1]). «Паденіе первой» (т.-е. теоріи рынковъ), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «неизбѣжно влечетъ за собой и паденіе второй».

Итакъ, кто же правъ, — М. И. Туганъ-Барановскій или его послѣдователи въ теоріи кризисовъ, разошедшіеся съ нимъ въ вопросѣ о рынкахъ? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ и выяснить характеръ связи между теоріей рынковъ и кризисовъ въ системѣ Туганъ-Барановскаго, должно прежде всего отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что изъ себя представляетъ по своей логической природѣ его теорія рынковъ, какой хозяйственный строй она имѣетъ въ виду. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ точнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Своимъ теоретическимъ построеніямъ — анализу схемъ воспроизводства всего общественнаго капитала онъ предпосылаетъ лишь краткое введеніе о томъ методѣ, которымъ, по его мнѣнію, только и можно пользоваться при выясненіи проблемы рынковъ — о методѣ соціально-органическомъ или, какъ онъ иначе называетъ, «методѣ Кенэ и Маркса, — методѣ[2]) разсмотрѣнія цѣлаго общественнаго хозяйства. Однако Туганъ-Барановскій не даетъ никакихъ поясненій о томъ хозяйственномъ строѣ, который онъ будетъ изслѣдовать при посредствѣ соціально-органическаго метода. Онъ ограничивается лишь заявленіемъ, что объектомъ его анализа является капиталистическое хозяйство. Но онъ не пытается точно формулировать, наподобіе Тюнену или Кларку, тѣхъ гипотетическихъ предпосылокъ, коими обусловлены его теоретическія построенія и кои, несомнѣнно, имѣются въ его системѣ. Тѣмъ не менѣе самыя схемы, лежащія въ основѣ анализа, даютъ возможность намѣтить эти предпосылки. Такъ, несомнѣнно, предполагаетъ онъ въ своемъ хозяйственномъ строѣ — полную подвижность капиталовъ, неизмѣнность техники, отсутствіе техническихъ изобрѣтеній. Ясно далѣе, что предполагаетъ онъ не просто капиталистическое хозяйство, а индустріально-капиталистическое хозяйство. Не только въ производствѣ «средствъ производства», но и въ производствѣ предметовъ потребленія, какъ капиталистовъ, такъ и рабочихъ (въ томъ числѣ и въ производствѣ хлѣба) царитъ крупное фабричное производство. Земледѣльческое производство изъ процесса органическаго превратилось въ процессъ механическій, допускающій

[1]) Туганъ-Барановскій, Основы политической экономіи, 2-е перераб. изданіе 1911, стран. 510.

[2]) Замѣчу, что этому методу онъ рѣзко измѣняетъ, переходя къ выясненію проблемы періодическихъ кризисовъ: здѣсь преобладаетъ методъ индивидуалистическій.

Digitized by Google

самый точный разсчетъ, какъ относительно времени производства, такъ и его результатовъ, при этомъ не только въ натурѣ (валовой продуктъ земледѣлія), но также и въ единицахъ цѣнности (валовая цѣнность продуктовъ земледѣлія).

Словомъ, здѣсь человѣкъ уже вполнѣ освободился отъ власти природы: химія и техника достигли своей конечной точки. Повидимому, даже вопросъ о населеніи и его размноженіи сводится къ шаблонному «производству человѣка»; во всякомъ случаѣ населеніе и его потребленіе (рабочаго класса) въ этомъ хозяйственномъ строѣ является элементомъ вполнѣ поддающимся сознательному и точному регулированію. Далѣе въ своихъ схемахъ онъ предполагаетъ, что произведенный «индустріально-механическимъ» путемъ валовой продуктъ распадается безъ остатка на три доли (одна идетъ на возстановленіе капиталовъ, затраченныхъ въ производствѣ, другая составляетъ заработную плату, третья — ренту капиталистовъ), при чемъ между этими долями существуетъ опредѣленно установленное и для всѣхъ отраслей промышленности одинаковое соотношеніе ($2\ p : a : r$).

Къ перечисленнымъ предпосылкамъ можно было бы присоединить еще нѣсколько. Такъ, напримѣръ, въ его хозяйственномъ строѣ капиталисты организаторы производства знаютъ наперед не только ту долю валового продукта, которую они получатъ, они знаютъ за годъ впередъ и ту цѣнность, которую представляетъ произведенный продуктъ: ту цѣну, по которой будетъ реализованъ товаръ! Приведенныхъ предпосылокъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы понять тотъ объектъ, съ которымъ имѣетъ дѣло Туганъ-Барановскій.

Этотъ объектъ, въ лучшемъ[1]) случаѣ, изолированное чисто-индустріально капиталистическое государство, конструированное наподобіе изолированному земледѣльческому государству Тюнена[2]). Этимъ уже опредѣляется характеръ той

[1]) Что представляетъ изъ себя этотъ объектъ въ худшемъ случаѣ.— Ср. С. Н. Булгаковъ, О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. М. 1897 года.

[2]) Въ доказательство правильности моего пониманія теоріи рынковъ сошлюсь на слѣдующія замѣчанія М. И. Туганъ-Барановскаго, сдѣланныя имъ въ 3-мъ изданіи въ отвѣтъ на возраженія нашихъ народниковъ о зависимости колебаній промышленности отъ колебаній урожаевъ. «Въ такой странѣ, какъ Россія, въ которой еще сохранилось натуральное хозяйство и капиталистическое хозяйство охватываетъ лишь меньшинство населенія, размѣръ рынка... очень существенно зависитъ отъ благосостоянія крестьянской массы» (урожая). «Все это совершенно безспорно и не находится ни въ какомъ противорѣчіи съ изложенной въ текстѣ теоріей рынка». «Эта теорія должна была разъяснить процессъ реализаціи продукта въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства; поэтому она должна была исходить изъ предположенія, такъ сказать, замкнутаго капитализма, капиталистической системы, реализующей общественный продуктъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ». (Туганъ-Барановскій, 241, Промышленные кризисы, 3-е изд.).

Digitized by Google

связи, которая существуетъ между теоріей кризисовъ и рынковъ. Его теорія рынковъ, дѣйствительно, является «conditio sine qua non» его теоріи кризисовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы отвергнемъ гипотезу о невозможности общаго перепроизводства (избыточнаго продукта) въ изолированномъ индустріально-капиталистическомъ государствѣ, то тѣмъ самымъ мы признаемъ допустимость общихъ перепроизводствъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ, покоющемся, какъ мы увидимъ далѣе, на основаніяхъ гораздо болѣе благопріятствующихъ развитію такихъ общихъ товарныхъ перепроизводствъ.

Конечно, это еще не опровергаетъ окончательно его теоріи кризисовъ, какъ гипотезы, но, безусловно, дѣлаетъ недостаточными тѣ пріемы доказательства, которыми пользовался авторъ. Дѣло въ томъ, что недостатокъ свободныхъ капиталовъ (и высокій учетный процентъ), выставляемый М. И. Туганъ-Барановскимъ въ качествѣ непосредственной причины кризисовъ, въ то же самое время можетъ служить и симптомомъ перепроизводства — избыточнаго продукта, какъ слѣдствія чрезвычайнаго расширенія производства. Такимъ образомъ, обрывать анализъ на наблюдаемомъ фактѣ совпаденія кризисовъ съ моментами истощенія свободныхъ капиталовъ возможно только въ томъ случаѣ, когда устранена возможность общаго перепроизводства; если же этого нѣтъ, то неизбѣжно продолженіе начатаго анализа и спеціальное доказательство того, что вполнѣ возможныя въ капиталистическомъ строѣ перепроизводства не являлись причиной кризисовъ. Словомъ, паденіе теоріи рынковъ М. И. Туганъ-Барановскаго, безусловно, дѣлаетъ его теорію кризисовъ необоснованной, нуждающейся въ дальнѣйшемъ, а главное, въ иномъ обоснованіи.

Однако, нельзя сказать обратнаго: принятіе его теоріи рынковъ еще не утверждаетъ его теоріи кризисовъ. Съ его теоріей рынка могутъ уживаться довольно разнообразныя теоріи кризисовъ. Даже теорія кризисовъ Джевонса[1]) и Боккардо, этотъ противоположный

[1]) Джевонсъ объясняетъ колебанія англійской промышленности періодическими неурожаями. Но такъ какъ Англія производитъ, главнымъ образомъ, на внѣшній и притомъ внѣевропейскій рынокъ, то онъ сопоставляетъ колебанія англійской промышленности съ колебаніями урожаевъ въ Индіи. Послѣдняя каждое десятилѣтіе страдаетъ отъ періодическихъ неурожаевъ, вызываемыхъ засухами. Эти послѣднія, въ свою очередь, объясняются періодическими колебаніями числа пятенъ на солнцѣ. Отсюда Джевонсъ дѣлаетъ выводъ, что періодичность промышленныхъ кризисовъ обусловливается періодичностью появленія наибольшаго числа пятенъ на солнцѣ (періодъ первыхъ 10,466 лѣтъ, періодъ вторыхъ 10,45 лѣтъ). Ср. Jevons, Investigations in Currency and Finances (гл. Commercial crises and suns-pots).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что Туганъ-Барановскій вовсе не опровергнулъ этой теоріи. Онъ ограничился заявленіемъ, что для англійской промышленности бо́льшее значеніе имѣетъ Америка, но не Индія. Однако

Digitized by Google

полюсъ теоріи Туганъ-Барановскаго, только тогда и можетъ быть строго логически обоснована, когда принята теорія рынковъ М. И. Туганъ-Барановскаго, изъ которой она логически вытекаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если общее перепроизводство, наблюдаемое при промышленныхъ кризисахъ, обусловливается лишь частичнымъ перепроизводствомъ, вызываемымъ, въ свою очередь, неустойчивостью и колебаніями какой-нибудь отдѣльной отрасли общественнаго производства, то это общее перепроизводство будетъ находиться въ тѣснѣйшей зависимости именно отъ той отрасли общественнаго труда, въ которой эти колебанія особенно часто и рѣзко проявляются. Совершенно ясно, что наиболѣе неустойчивой отраслью производства, благодаря вмѣшательству природы — фактора, не зависящаго отъ воли человѣка, является сельское хозяйство. Отсюда прямой выводъ: если общія перепроизводства — результатъ частичнаго, то они должны быть подчинены колебаніямъ сельско-хозяйственнаго производства[1]). Если же указанной связи нѣтъ, то это можетъ показывать лишь одно, что причина кризисовъ-перепроизводствъ лежитъ не въ частичномъ, а въ общемъ перепроизводствѣ. Этотъ примѣръ показываетъ, что теорія рынковъ Туганъ-Барановскаго допускаетъ не одну только его теорію кризисовъ и во всякомъ случаѣ еще не утверждаетъ послѣдней. Съ другой стороны, принятіе теоріи рынковъ для индустріально-капиталистическаго государства еще не даетъ достаточныхъ основаній и для распространенія ея на современное капиталистическое хозяйство. Вѣдь современное хозяйство — это не чисто индустріальное, а индустріально-земледѣльческое. Въ современномъ хозяйственномъ строѣ индустрія не только сосуществуетъ съ сельскимъ хозяйствомъ, законы котораго отличны отъ законовъ индустріальнаго развитія...[2]). Нѣтъ, она тѣсно, органически связана съ сельскимъ хозяйствомъ — сохранившимъ къ тому же некапиталистическій «трудовой» въ значительной степени характеръ[3]) — и

анализа колебаній англійской промышленности въ связи съ колебаніями американскаго сельскаго хозяйства что естественно вытекало изъ его нѣсколько преувеличеннаго заявленія, онъ не даетъ; а связь тутъ внѣ всякаго сомнѣнія существовала и, какъ мы увидимъ далѣе, до извѣстной степени существуетъ даже теперь.

[1]) Механизмъ великолѣпно объясненъ самимъ М. И. Туганъ-Барановскимъ на примѣрѣ вступающихъ въ денежный обмѣнъ продавцовъ хлѣба и сукна.

[2]) Ср. Н. А. Каблуковъ, Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. М. 1897. Э. Давидъ, Аграрный вопросъ и соціализмъ. Н. Сухановъ, Эволюція сельскаго хозяйства въ Россіи. Зачатки этого ученія мы находимъ еще у J. w.-Thünen'a въ его «Der Isolierte Staat».

[3]) Ср. проф. В. А. Косинскій Къ аграрному вопросу; его же, Земельная задолженность и мобилизація земельной собственности («Изв. Кіевск. Коммерч. Инст.»; т. XIX), А. В. Чаяновъ, Очерки по теоріи трудового хозяйства. М. 1912.

Digitized by Google

постоянно переплетается съ послѣднимъ: сырье для переработки, средства для существованія рабочихъ и, отчасти, капиталистовъ она не сама создаетъ, а покупаетъ извнѣ: у сельскаго хозяйства. Отсюда ясно, что нормальное воспроизводство всего общественнаго капитала въ такомъ хозяйственномъ строѣ требуетъ не только нормальнаго обращенія благъ (обмѣна) между отдѣльными отраслями индустріи, но одновременно съ этимъ оно требуетъ и нормальнаго обращенія между индустріей, съ одной стороны, и сельскимъ хозяйствомъ — съ другой (схема воспроизводства у Ф. Кенэ въ его «Tableau économique»). Та цѣнность, которая раньше, въ видѣ ли сырья или въ видѣ средствъ существованія рабочихъ, была заимствована индустріей у сельскаго хозяйства, должна быть возвращена этимъ послѣднимъ въ индустрію путемъ покупокъ, производимыхъ сельско-хозяйственнымъ населеніемъ. Если же этотъ обмѣнъ не состоится, или состоится, но въ меньшемъ размѣрѣ, то въ промышленности наступаетъ застой.

Итакъ, исходя изъ теоріи рынковъ Туганъ-Барановскаго, считая ее даже правильной для индустріально-капиталистическаго государства[1]), слѣдуетъ признать возможность общаго перепроизводства въ современномъ индустріально-земледѣльческомъ хозяйственномъ строѣ. Такое общее перепроизводство будетъ также результатомъ одного изъ основныхъ противорѣчій современнаго намъ хозяйственнаго строя, но вытекающихъ уже не столько изъ свойствъ капиталистической организаціи, сколько изъ свойствъ современной организаціи, какъ организаціи индустріально-земледѣльческой. Это противорѣчіе кроется въ области взаимоотношеній между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ и состоитъ въ томъ, что, съ одной стороны, индустрія и сельское хозяйство находятся въ органической зависимости другъ отъ друга; съ другой стороны, каждое изъ нихъ подчинено своимъ особымъ законамъ (первое — процессъ механическій, второе — процессъ органическій), имѣетъ свои особые пути и въ своемъ развитіи другъ съ другомъ фактически почти не считается (вѣрнѣе — даже не можетъ считаться, благодаря вмѣшательству природнаго фактора, не зависящаго отъ воли человѣка). Какъ видно изъ сказаннаго, перепроизводства-кризисы въ современномъ хозяйственномъ строѣ

[1]) Говоря объ индустр.-землед. хоз. строѣ и, такимъ образомъ, противополагая сельское хозяйство другимъ отраслямъ промышленности, какъ индустріи, я имѣю въ виду цѣлый рядъ особенностей сельско-хозяйственнаго производства, какъ-то: исключительная связанность сельск.-хозяйства въ пространствѣ и во времени, невозможность сколько-нибудь точнаго учета результатовъ производства etc...

Digitized by Google

еще не неизбѣжно кроются въ свойствахъ капиталистической организаціи: они могутъ имѣть и иное происхожденіе, т.-е. явиться слѣдствіемъ причинъ, коренящихся въ области сельскаго хозяйства. Чтобы доказать «капиталистическую» природу современныхъ кризисовъ, нужно прежде всего устранить другую возможную гипотезу. Это и пытается сдѣлать М. И. Туганъ-Барановскій въ своемъ трудѣ. Онъ сопоставляетъ данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ съ 1823 по 1882 гг. съ аналогичными данными о колебаніяхъ промышленности. На основаніи этого анализа онъ приходитъ къ выводу, что «если и нельзя совершенно отрицать вліяніе урожаевъ въ Соединенномъ королевствѣ и цѣны хлѣба на общее состояніе англійской промышленности, то, во всякомъ случаѣ, необходимой связи между явленіями того и другого рода не существуетъ» (стр. 249).

Относительно новѣйшаго періода онъ ограничивается простымъ заявленіемъ, что «въ новѣйшее время нельзя замѣтить никакой связи между урожаями и колебаніями промышленности» (249).

Въ виду того, что по этому вопросу у различныхъ изслѣдователей существуютъ большія разногласія — между прочимъ, связь между урожаями и промышленностью въ Англіи признавали такіе глубокіе наблюдатели англійской жизни, какъ Вильсонъ, Бэджготъ, Джевонсъ, — да и у самого М. И. Туганъ-Барановскаго на этотъ счетъ существуютъ весьма противорѣчивые[1]) взгляды, попытаемся разсмотрѣть подлинникъ — ту самую таблицу (стран. 248), на основаніи которой авторъ пришелъ къ своему выводу[2]) (звѣздочкой у него отмѣчены годы кризисовъ или наступленія торговаго застоя).

Средняя цѣна 1 квартера пшеницы въ Англіи (въ шиллингахъ).

1823[3])	53	1833	53	1843	50	1853	53
1824	64	1834	46	1844	51	1854	72
1825	69*	1835	39	1845	51	1855	75
1826	59	1836	49*	1846	55	1856	69
1827	59	1837	56	1847	70*	1857	56*
1828	60	1838	65	1848	51	1858	44
1829	66	1839	71* (Финанс кризисъ).	1849	44	1859	44
1830	64	1840	66	1850	40	1860	53
1831	66	1841	64	1851	39	1861	55
1832	59	1842	57	1852	41	1862	55
Средн.	62	Средн.	57	Средн.	49	Средн.	58

[1]) При описаніи отдѣльныхъ кризисовъ онъ почти всюду признаетъ вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ (ср. стран. 51, 64, 89, 74, 81, 65, 241), когда же онъ переходитъ къ общимъ заключеніямъ, то эту связь «почти» отрицаетъ.

[2]) Эту таблицу приводимъ цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій.

[3]) Mulhall въ своемъ «The Dictionary of Statistics» (4 ed 473 стран.), приводитъ нѣсколько иныя цифры: 1823—57 sch, 1824—72; 1825—84; 1826—73 и 1827—59 sch.

Digitized by Google

1863	45	1873	59*
1864	40	1874	56
1865	42	1875	45
1866	50*	1876	46
1867	65	1877	57
1868	64	1878	47
1869	48	1879	44
1870	47	1880	44
1871	57	1881	45
1872	57	1882	45
Средн.	52	Средн.	49.

На взглядъ М. И. Туганъ-Барановскаго, эта таблица доказываетъ, что необходимой связи между хлѣбными цѣнами и колебаніями промышленности нѣтъ. «Если бы колебанія англійской промышленности вызывались колебаніями цѣнъ на хлѣбъ, то слѣдовало бы ожидать слѣдующей картины: въ предшествующія кризисамъ эпохи промышленнаго оживленія цѣны на хлѣбъ должны были быть низки; въ годъ промышленнаго кризиса цѣна пшеницы должна была бы сильно повышаться и за все время продолженія застоя должна была быть выше[1]) средняго уровня за соотвѣтствующее десятилѣтіе» (стран. 249). Исходя изъ только что сказаннаго, Туганъ-Барановскій видитъ полное соотвѣтствіе между указанными факторами лишь въ 30, 40 и 60-е года; наоборотъ, такого соотвѣтствія, на его взглядъ, нѣтъ въ 20, 50 и 70-е года, что, мы полагаемъ, не совсѣмъ правильно. Прежде всего, если бы Туганъ-Барановскій началъ свой анализъ не съ 1823 года, а нѣсколькими годами и даже годомъ раньше, то онъ увидѣлъ бы, что хлѣбныя цѣны въ годы, предшествующіе кризису 1825 года, стояли относительно на очень низкомъ уровнѣ:

[1]) Это послѣднее заявленіе Туганъ-Барановскаго основано, намъ кажется, на недоразумѣніи. Если высокія хлѣбныя цѣны и неурожай вызвали пониженіе покупательной способности городского и сельскаго населенія и общее перепроизводство-кризисъ, то депрессія въ слѣдующіе за кризисомъ годы явится естественнымъ его продолженіемъ, независимо отъ того, будутъ ли въ эти годы цѣны на хлѣбъ высоки или низки!!! Или М. И. Туганъ-Барановскій считаетъ депрессію, слѣдующую за кризисомъ, за явленіе вполнѣ самостоятельное, отъ него независимое (какъ Lexis, ср. его Les crises économiques, «Bulletin de l'Institut international de statistique». Tome XVIII, 1. Paris 1910)? Въ такомъ случаѣ это возраженіе относится еще въ большей степени къ теоріи Туганъ-Барановскаго: если причина кризисовъ — недостатокъ свободныхъ капиталовъ, если, съ другой стороны, застой не есть непосредственное слѣдствіе кризиса, тогда въ эпоху застоя также и свободные капиталы должны быть незначительны, въ нихъ долженъ чувствоваться недостатокъ. что отрицается Туганъ-Барановскимъ.

Digitized by Google

въ 1823—53 sch, и въ 1822 даже 43,8 sch за 1 квартеръ пшеницы[1]) — это были минимальныя цѣны за все тридцатилѣтіе 1803—1832 г. (въ 1817 г.—96,4; 1818—85,7; 1819—73,4; 1820—66,8; 1821—56,7). Въ 70-е годы кризисъ также пришелся на годъ максимума хлѣбныхъ цѣнъ (ср. таблицу). Что касается пятидесятыхъ годовъ, то тамъ, дѣйствительно, этой связи не замѣчается и по вполнѣ понятной причинѣ: моментъ кризиса былъ отдаленъ, благодаря пертурбаціонному фактору: открытію «необыкновенно богатыхъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи» и подешевѣнію вслѣдствіе этого денегъ.

Переходя къ новѣйшему времени, относительно котораго Туганъ-Барановскій ограничился однимъ заявленіемъ, что искомой связи не наблюдается, долженъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи его мнѣніе отнюдь не является общепризнаннымъ. Рядъ изслѣдователей подчеркнулъ именно тѣсную зависимость промышленности отъ урожаевъ и сельскаго хозяйства вообще. Среди нихъ укажу на Guyot, Levy, Herkner'a, Babson'a и особенно на Glier'a[2]). Послѣдній въ своей обширной работѣ, посвященной новѣйшей исторіи американской желѣзодѣлательной промышленности, заявляетъ, что «eine Grundbedingung für das Gedeihen der Vereinigten Staaten und damit für das Wohlergehen der amerikanischen Eisenindustrie ist gute Ernten». Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ рядъ цифръ о движеніи американской промышленности и урожаевъ за 1889—1901 гг. Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ я позволю себѣ привести.

Урожай (средній) въ 1000 бушелей.			Производство (средн. за годъ).		
	Пшеница.	Маисъ.	Овесъ.	Рельсъ (тоннъ)	Локомот. (шт.)
1889—91	500.534	1.887.505	671.177	1.571.562	2552
1892—94	443.116(!)	1.486.910(!)	653.976(!)	1.236.691(!)	1573
1895—97	473.979	2.112.660	746.852	1.358.679	1176(!)
1898—900	518.561	2.035.810	778.736	2.213.208	2500

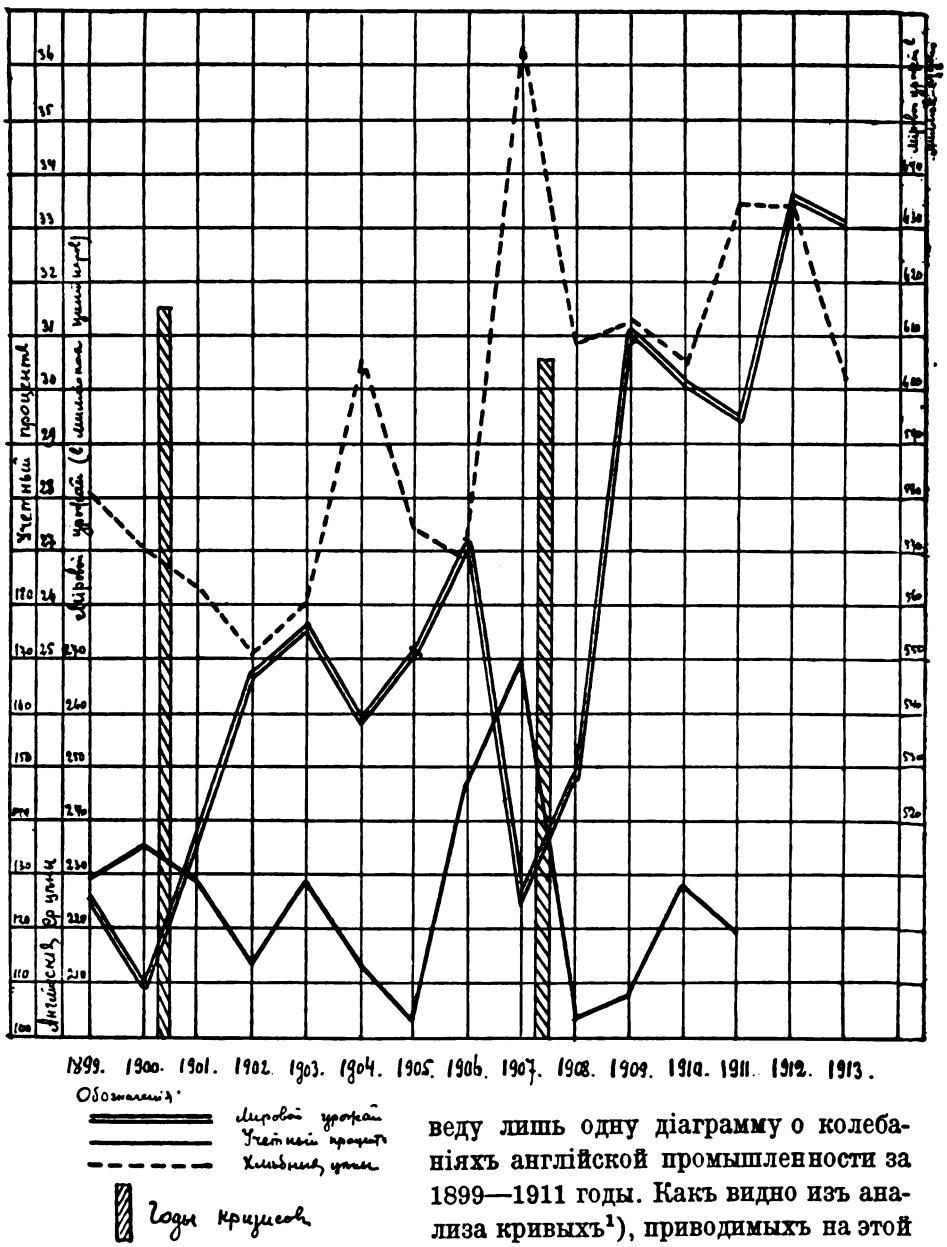
Въ заключеніе своего анализа, Glier, не отрицая значенія цѣлаго ряда другихъ факторовъ еще разъ подчеркиваетъ большое значеніе урожаевъ для американскаго народнаго хозяйства. Связь между урожаями (конечно, міровыми, а не англійскими, какъ бралъ

[1]) На основаніи данныхъ «Board of Agriculture and Fisheries. Agricultural statistik» 1910. Vol XLX, Part III, pp. 233—235. Ср. также (въ относительныхъ числахъ) у M. Lenoir, Etudes sur la formation et le mouvement des prix. Paris 1913.

[2]) Guyot, Le role économique des récoltes («Journ. de la Société de statistique de Paris» 1913, № 1). Glier L., Zur Neuesten Entwickelung der amerikanischen Eisenindustrie (ср. также «Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung» etc. XXVIII B. 1904). Herkner art. «Krisen» Handwörterbuch. VI B. III. Auflage. Ср. также R. W. Babson, Business barometers for forecasting conditions, 1913, стран. 350, «crops and production of commodities». Ср. также: Republique Français. ministère du travaille... commission des crises économiques (1906—1911). Rapport par M. Cahen et Laurent... pp. 26—29.

Digitized by Google

Туганъ-Барановскій) и состояніемъ промышленности нельзя не замѣтить и по Англіи. Чтобы не затруднять читателя цифрами, я при-


1899. 1900. 1901. 1902. 1903. 1904. 1905. 1906. 1907. 1908. 1909. 1910. 1911. 1912. 1913.
Обозначенія:
Мировой урожай
Учетный процентъ
Хлѣбныя цѣны
Годы кризисовъ

веду лишь одну діаграмму о колебаніяхъ англійской промышленности за 1899—1911 годы. Какъ видно изъ анализа кривыхъ[1]), приводимыхъ на этой

[1]) Данныя о міровомъ урожаѣ съ 1899 по 1905 годъ взяты изъ труда Daniel Zolla, Le blé et les céréales. Paris 1909; съ 1905 по 1912 годъ изъ «Вѣстника Финансовъ», данныя объ учетномъ % и хлѣбныхъ цѣнахъ изъ труда M. Lenoir Etu des sur la formation et le mouvement des prix, Paris 1913, и изъ «Statistical Abstract of the United Kingdom», 1913.

Digitized by Google

діаграммѣ, зависимость, по крайней мѣрѣ видимая, между высотою мірового урожая и состояніемъ англійской промышленности и въ новѣйшее время, несомнѣнно, существуетъ. Я не хочу, конечно, дѣлать отсюда вывода, что новѣйшія колебанія промышленности обусловливались колебаніями мірового урожая, я хочу лишь подчеркнуть, что этотъ вопросъ весьма споренъ и Туганъ-Барановскимъ совершенно не выясненъ. Въ самомъ дѣлѣ, утвержденіе послѣдняго объ отсутствіи означенной связи покоится на трехъ слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Колебанія промышленности нерѣдко не совпадаютъ съ колебаніями урожаевъ: иногда застой въ промышленности приходится на годы высокаго урожая и низкихъ цѣнъ и наоборотъ.

2) Колебанія промышленности отличаются правильностью, тогда какъ урожай и хлѣбныя цѣны колеблются неправильно.

3) Наиболѣе тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ индустріи наименѣе подвержены колебаніямъ.

Второй изъ указанныхъ аргументовъ М. И. Туганъ-Барановскій устранилъ самъ: критикуя Джевонса (стран. 254), онъ не находитъ возможнымъ допустить, что повторяемость кризисовъ находится въ непосредственной связи съ какимъ-нибудь строго періодическимъ явленіемъ, такъ какъ «періодъ наступленія кризиса то растягивается, то стягивается въ предѣлахъ отъ 7 до 11 лѣтъ» и, такимъ образомъ, не отличается той «удивительной» правильностью[1]), о которой Туганъ-Барановскій говорилъ раньше. Что касается перваго аргумента, то и онъ совершенно неосновательнъ. Чисто календарной связи, да еще по гражданскимъ, а не сельско-хозяйственнымъ годамъ, нельзя было бы ожидать, если бы урожай и хлѣбныя цѣны дѣйствовали на промышленность въ одномъ направленіи, а всѣ другіе факторы (наличность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію) отсутствовали. Дѣло въ томъ, что очень часто даже выдающіеся урожаи, слѣдуя послѣ неурожайныхъ годовъ, оказываютъ свое вліяніе лишь въ слѣдующемъ году или вообще

---

[1]) Не могу не отмѣтить, что въ послѣднее время какъ въ иностранной (въ частности для Англіи), такъ и особенно русской спеціальной литературѣ все болѣе укореняется убѣжденіе (основанное на анализѣ обширнаго статистическаго матеріала), что колебанія урожаевъ также отличаются довольно строгой періодичностью; здѣсь сошлюсь хотя бы на изслѣдованія г. Чеванина (Эволюція русскаго земледѣлія), В. Г. Михайловскаго, Г. И. Баскина (главн. образомъ по Самарской губ.). А. А. Гурьева (по Вятской губ.). Къ этому же выводу склоняется и потратившій колоссальный трудъ на порайонный, погубернскій и даже поуѣздный сравнительный анализъ данныхъ русской урожайной статистики со времени ея основанія и прекрасно проштудировавшій западно-европейскую и русскую спеціальную литературу

Digitized by Google

оказываютъ незначительное вліяніе. Нерѣдко два рядомъ стоящіе года, изъ которыхъ одинъ урожайный, а другой неурожайный, какъ бы взаимно уничтожаются въ своемъ противоположномъ вліяніи[1]). Тѣмъ болѣе трудно ожидать такого «календарнаго» соотвѣтствія, если принять во вниманіе, что урожай и хлѣбныя цѣны вліяютъ на промышленность самыми различными путями, въ различныхъ направленіяхъ и различными скоростями. Кромѣ колебаній въ покупательной способности сельскаго и городского населенія, урожай оказываетъ крупное вліяніе и другими путями, напримѣръ, колебанія въ количествѣ желѣзнодорожныхъ перевозокъ, колебанія въ приливѣ свободныхъ капиталовъ изъ земледѣлія. Послѣднее вліяніе, особенно въ такихъ странахъ, какъ Россія, Франція, Америка, весьма значительно и при этомъ сказывается, обычно, лишь по истеченіи извѣстнаго болѣе или менѣе продолжительнаго срока[2]), въ зависимости отъ времени и условій реализаціи продукта сельскаго хозяйства, отъ «скорости» обращенія страны и ряда другихъ обстоятельствъ (скажемъ, отъ товарно-ссудной политики банковъ). Затѣмъ огромное значеніе имѣетъ урожай не только «хлѣбовъ», но и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, служащихъ «сырьемъ» для обрабатывающей промышленности (какъ-то: хлопокъ, свекловица etc.).

Далѣе, устранивъ даже связь между урожаями и колебаніями промышленности, мы все же еще не можемъ устранить «сельское хозяйство, какъ факторъ промышленнаго развитія, въ виду того, что аграрная эволюція вовсе не сводится къ урожаямъ и хлѣбнымъ цѣнамъ только: она продуктъ сложнаго взаимодѣйствія цѣлаго ряда факторовъ. Наконецъ, и самая промышленность, мы въ этомъ нисколько не сомнѣваемся, въ значительной степени сама создаетъ свою динамику, а не является пассивнымъ объектомъ воздѣйствія со стороны активнаго сельско-хозяйственнаго населенія. А въ такомъ случаѣ дѣло идетъ уже о «равнодѣйствующей» различныхъ вліяній, и о тѣсной видимой «календарной» связи не можетъ быть и рѣчи;

вопроса, Д. Н. Иванцовъ въ своихъ работахъ «Къ критикѣ русской урожайной статистики», «Объ устойчивости русскихъ урожаевъ» и (въ печатающейся) работѣ «Эволюція русскихъ урожаевъ».

[1]) Ср. объ этомъ подробнѣе С. А. Первушинъ, Періодическія колебанія сельскохозяйственной и городской внѣземледѣльческой промышленности въ Россіи». Ярославль 1913.

[2]) Ср. діаграммы о связи между хлѣбнымъ экспортомъ, накопленіемъ вкладовъ и текущихъ счетовъ въ банкахъ и колебаніями биржевыхъ цѣнностей въ Россіи у С. А. Первушина, Паденіе фондовъ на западѣ и повышеніе ихъ въ Россіи («Записки Демидовскаго Юрид. Лицея» 1913, IV).

Digitized by Google

съ другой стороны, на основаніи ея отсутствія (т.-е. видимой связи) на первый взглядъ, безъ детальнаго анализа, еще нельзя умозаключать объ отсутствіи дѣйствительной связи между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ.

Пытается, наконецъ, М. И. Туганъ-Барановскій, какъ я уже отчасти отмѣтилъ выше, устранить сельское хозяйство, какъ факторъ промышленной динамики, и косвеннымъ путемъ. Въ доказательство «независимости» промышленныхъ колебаній отъ сельскаго хозяйства ссылается онъ также и на тотъ фактъ, что наиболѣе тѣсно связанныя съ послѣднимъ отрасли промышленности, въ частности, мануфактурная промышленность, какъ разъ гораздо менѣе подвержены колебаніямъ, чѣмъ такъ наз. «тяжелая» индустрія, изготовляющая средства производства. Этотъ фактъ, въ противоположность проф. А. А. Исаеву, и мы считаемъ совершенно безспорнымъ, однако полагаемъ, что изъ него далеко еще не вытекаютъ тѣ выводы, которые обычно здѣсь дѣлаются. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ и степень колебаній въ той или иной отрасли промышленности опредѣляется настолько же свойствами причинъ, ихъ вызвавшихъ, насколько и особенными свойствами реагирующаго аппарата, т.-е. данной конкретной индустріи. Съ этой точки зрѣнія, намъ кажется, слѣдуетъ различать «эластичныя» и «неэластичныя» индустріи, соотвѣтственно характеру тѣхъ потребностей, коимъ удовлетворяютъ продукты той или иной отрасли промышленности. Такъ, продукты мануфактурной и «питательной» промышленности (производство сахара, пива) — это, прежде всего, предметы непосредственнаго потребленія; во-вторыхъ, непосредственныя потребности, которыя удовлетворяются ими, отличаются извѣстной регулярностью: разъ возникнувъ, онѣ прочно входятъ въ составъ потребительнаго бюджета даннаго народа и, въ общемъ и среднемъ, правильно возобновляются въ сравнительно очень небольшіе періоды времени. Въ-третьихъ, какъ показываетъ эмпирическій анализъ бюджетныхъ[1]) по различнымъ классамъ населенія данныхъ, это — наиболѣе «эластичныя» изъ всѣхъ слагающихъ частнохозяйственный бюджетъ потребностей. Онѣ наиболѣе растяжимы и наиболѣе закономѣрно реагируютъ на колебанія

[1]) Ср. А. В. Чаяновъ, Очерки по теоріи трудового хозяйства, С. А. Первушинъ, Опытъ теоріи массоваго алкоголизма въ связи съ теоріей потребностей. Ср. также Lexis, Allgem. Volkswirtschaftslehre, стран. 38 (хотя методъ Лексиса — вычисленіе «средняго душевого потребленія» — кажется намъ здѣсь непримѣнимымъ!).

Digitized by Google

цѣнъ. Въ этомъ смыслѣ онѣ могутъ быть удачно противопоставляемы потребностямъ, удовлетворяемымъ какъ продуктами сельскаго хозяйства (потребности максимально «неэластичныя»), такъ и продуктами «тяжелой» индустріи. Изъ первыхъ двухъ свойствъ продуктовъ мануфактурной и отчасти питательной промышленности, какъ предметовъ потребленія, вытекаетъ то, что эти отрасли допускаютъ до извѣстной степени точный разсчетъ и въ то же время значительно сокращаютъ сферу спекуляціи. Въ силу третьяго изъ перечисленныхъ мною свойствъ («сравнительно) высокой эластичности») всякій подъемъ въ мануфактурной промышленности сейчасъ же въ самомъ себѣ (автоматически) встрѣчаетъ противодѣйствіе благодаря повышенію цѣнъ и потому проявляется всегда въ ослабленной формѣ (повышеніе цѣнъ здѣсь всегда сокращаетъ потребленіе). Огромную противоположность въ указанныхъ отношеніяхъ представляютъ продукты «тяжелой» индустріи. Какъ блага высшаго порядка, они лишь косвенно — въ n-ной инстанціи узнаютъ о «конечномъ» спросѣ общества, отъ котораго они въ концѣ концовъ зависятъ, и, такимъ образомъ, здѣсь открывается самый широкій просторъ для спекуляціи[1]). Далѣе, спросъ на нихъ зависитъ не столько отъ цѣны, сколько отъ «сезона» — конъюнктуры — отъ «besonderen Anlässen» (Spiethoff), что̀ даетъ возможность сильнѣе взвинчивать цѣны. Наконецъ, въ отличіе отъ потребности въ одеждѣ (мануфактурной промышленности), потребность общества въ орудіяхъ — въ основномъ капиталѣ носитъ нерегулярный характеръ, въ лучшемъ случаѣ отличается лишь весьма длиннымъ періодомъ (10—15 лѣтъ), въ силу чего, возникшія благодаря этимъ «besonderen Anlässen» новыя предпріятія по единовременномъ удовлетвореніи вновь возникшей потребности неизбѣжно лишаются значительной доли спроса и вступаютъ въ полосу застоя. Эту послѣднюю особенность «тяжелой» индустріи, которая въ ея динамикѣ имѣетъ важное — почти рѣшающее — значеніе, подчеркиваютъ Шпитгофъ[2]) и Лексисъ[3]). «Wenn infolge eines wirtschaftlichen Aufschwungs der Bedarf an dauerhaften Productionsmittel zunimmt, — говоритъ послѣдній въ своемъ курсѣ, — so werden die... fundamentalen Industrien bei steigenden Preisen ihre Production ausdehnen und vielfach auch ihre

---

[1]) Hilferding, Finanzkapital. 1908.
[2]) Spiethoff, Vorbemerkungen, etc.
[3]) Lexis, Allgemeine Volkswirtschaftslehre, 1910. XIV art. S. 197.

Digitized by Google

eigenen stehenden Kapitalanlagen erweitern». Aber ungewöhnliche Nachfrage nach Maschienen usw... geht immer nur bis zu einer gewissen Grenze, weil sie sich eben auf Productionsmittel bezieht, die längere Zeit im Gebrauch bleiben (10—15 Jahr.)... Die günstige Konjunctur für die Maschinenfabriken erreicht daher bald ihre Ende und der Rückschlag trifft auch sofort die Montan-und Metallurgische Industrie». Итакъ, въ концѣ концовъ «тяжелая» индустрія является гораздо менѣе эластичной[1]), чѣмъ мануфактурная промышленность. Поэтому ясно, что въ первой эти колебанія будутъ значительно рѣзче, во второй — меньше, но умозаключать отъ этого факта[2]) о независимости промышленныхъ колебаній отъ сельскохозяйственныхъ, на основаніи сказаннаго, нельзя. Итакъ, и третій доводъ М. И. Туганъ-Барановскаго также неосновательнъ.

Иначе говоря, проблема взаимодѣйствія между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ не разрѣшена, настойчиво напоминаетъ о себѣ и до ея разрѣшенія эмпирическимъ путемъ врядъ ли можно изучать «капиталистическіе» кризисы.

Въ самомъ дѣлѣ, тѣ конкретныя колебанія (въ цѣнѣ и потребленіи желѣза, въ спросѣ и предложеніи денегъ, а слѣдовательно и въ учетной нормѣ), которыя мы наблюдаемъ, на основаніи которыхъ мы пытаемся судить о капиталистическихъ кризисахъ, могутъ быть продуктомъ не только капиталистическихъ колебаній, но и колебаній сельскаго хозяйства. Итакъ, чтобы, отправляясь отъ фактовъ современной дѣйствительности, построить теорію чисто капиталистическихъ кризисовъ, нужно прежде всего изолировать «конъюнктуру» отъ вліяній сельскаго хозяйства, нужно исправить тѣ кривыя, на основаніи которыхъ мы строимъ теорію. Иными словами, нужно разрѣшить проблему взаимодѣйствій между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, въ частности выяснить вопросъ о вліяніи сельскохозяйственнаго производства на индустрію.

---

[1]) Утвержденіе Clark'a («the Distribution of Wealth» 1899, 211 p.), что «спросъ на предметы производства эластичнѣе спроса на предметы потребленія» слишкомъ огуленъ и апріоренъ: онъ далеко не подтверждается при статистическомъ анализѣ.

[2]) Этотъ фактъ приводитъ насъ лишь къ тому выводу, что понять природу общихъ періодич. кризисовъ и оцѣнить относительное значеніе отдѣльныхъ факторовъ въ развитіи капиталистич. цикла, можно лишь на основаніи тщательнаго изученія отдѣльныхъ цикловъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства въ тѣсной связи съ анализомъ эластичности общественнаго спроса на продукты соотвѣтствующихъ индустрій.

Digitized by Google

III.

Однако, допустимъ, что эта проблема разрѣшена, что М. И. Туганъ-Барановскій окончательно устранилъ факторъ — сельское хозяйство — и, такимъ образомъ, могъ на основаніи приведенныхъ въ его книгѣ данныхъ судить о чисто-капиталистическихъ кризисахъ. Далъ ли, въ такомъ случаѣ, онъ удовлетворительное объясненіе послѣднихъ? Дѣйствительно ли его объясненіе соотвѣтствуетъ природѣ капиталистическаго хозяйства и вытекаетъ изъ него. Для выясненія этого вопроса вернемся опять къ *изолированному индустріально-капиталистическому государству* и посмотримъ, имѣетъ ли мѣсто въ немъ то явленіе, которое Туганъ-Барановскій выставляетъ какъ причину капиталистическихъ кризисовъ. Отвѣтъ на это долженъ быть безусловно отрицательный. Въ такомъ изолированномъ индустріально-капиталистическомъ государствѣ временное несоотвѣтствіе между накопленіемъ свободныхъ капиталовъ и ихъ производительнымъ потребленіемъ безусловно отсутствуетъ. Въ такомъ государствѣ существуютъ только двѣ формы чистаго дохода: доходъ капиталистовъ (включая прибыль на капиталъ и предпринимательскую прибыль) и доходъ рабочихъ[1]). Оба эти дохода, ясно, находятся въ непосредственной зависимости отъ состоянія промышленности: они интенсивно повышаются въ годы подъема, они падаютъ въ періоды кризиса и застоя. Въ періоды подъема и происходитъ интенсивное и экстенсивное накопленіе свободныхъ капиталовъ — сосредоточеніе ихъ въ рукахъ капиталистовъ.

Итакъ, въ періодъ подъема здѣсь скопляютъ свободные (за удовлетвореніемъ потребностей) капиталы, тогда они наиболѣе сильно давятъ на промышленность и, разумѣется, тогда же потребляются въ послѣдней. Накопленный во время промышленнаго подъема денежный капиталъ не можетъ праздно лежать въ ожиданіи будущаго подъема (это кореннымъ образомъ противорѣчитъ психикѣ капиталиста-предпринимателя), онъ сейчасъ же пойдетъ въ промышленность и только внѣшняя причина (кризисъ!!!) можетъ остановить его, можетъ заставить капиталиста удовлетвориться помѣщеніемъ своихъ денегъ на текущій счетъ. Это признаетъ и самъ М. И. Туганъ-Барановскій. «Изъ всѣхъ категорій національнаго дохода, говоритъ онъ, сильнѣе всего колеблется въ зависимости отъ со-

---

[1]) Земельная рента, какъ особая категорія дохода въ такомъ хозяйствѣ отсутствуетъ.

Digitized by Google

стоянія промышленности и торговли, предпринимательская прибыль, затѣмъ рабочая плата: эти двѣ формы дохода повышаются въ эпохи расширенія производства и оживленія промышленности и падаютъ въ эпохи торговаго застоя» (стран. 294). Какимъ же образомъ тогда создается это несоотвѣтствіе между временемъ накопленія свободныхъ капиталовъ и временемъ ихъ производительнаго потребленія, какимъ образомъ происходитъ накопленіе капитала во время застоя? Туганъ-Барановскій даетъ вполнѣ опредѣленный и на нашъ взглядъ совершенно правильный отвѣтъ. Указанное явленіе въ современномъ хозяйственномъ строѣ вполнѣ возможно, въ немъ существуютъ другіе виды дохода, которые «почти не подпадаютъ вліянію колебаній промышленности». Это — «доходы съ земель (земельная рента), домовъ, государственныхъ займовъ, иностранныхъ и колоніальныхъ займовъ» (295). «Доходы этого рода весьма велики, — добавляетъ онъ,—въ общей сложности они составляютъ въ Англіи немногимъ менѣе половины всего національнаго дохода, обложеннаго налогомъ». Вотъ наличность этихъ доходовъ и создаетъ временное несоотвѣтствіе между накопленіемъ свободныхъ капиталовъ и производительнымъ ихъ потребленіемъ. Какъ видно изъ сдѣланныхъ перечисленій, всѣ эти независимые отъ промышленныхъ колебаній доходы отсутствуютъ въ изолированномъ индустріально-капиталистическомъ государствѣ. Они возникаютъ только въ современномъ хозяйственномъ строѣ, какъ организаціи индустріально-земледѣльческо-финансовой, какъ доходы, во-первыхъ, сельскаго хозяйства (земельная рента, заработная плата сельскохоз. рабочихъ), во-вторыхъ, финансоваго[1]) хозяйства, какъ фактора такъ наз. «вторичнаго распредѣленія, или перераспредѣленія общественнаго дохода (доходы чиновниковъ, пенсіонеровъ и др.). И, въ отличіе отъ доходовъ индустріальнаго населенія, эти доходы не только не уменьшаются, а даже увеличиваются въ годы депрессіи: номинально оставаясь безъ перемѣны, реально они, несомнѣнно, возрастаютъ благодаря понизившимся цѣнамъ на предметы потребленія. Такимъ образомъ, давая вышеуказанное объясненіе, М. И. Туганъ-Барановскій въ сущности объяснилъ промышленные кризисы факторами внѣ капиталистической промышленности лежащими и несвойственными чисто индустріально-

---

[1]) Опять-таки финансоваго хозяйства индустріально-земледѣльческаго государства, такъ какъ въ чисто индустріально-капиталистическомъ государствѣ финансовое хозяйство и бюджетъ являются функціей промышленнаго развитія.

Digitized by Google

капиталистическому хозяйству. И, въ такомъ случаѣ, его теорія кризисовъ, если считать ее обоснованной[1]), не есть теорія капиталистическихъ кризисовъ. Долженъ замѣтить, что и это обстоятельство еще не разрушаетъ теоріи Туганъ-Барановскаго. Быть можетъ, причина періодическихъ кризисовъ лежитъ и не въ капитализмѣ, а имѣетъ иное происхожденіе? Однако и тогда эта теорія не можетъ быть принята. Если съ одной стороны, при современной кредитной системѣ, вызываетъ сомнѣнія самое понятіе «недостатокъ свободнаго капитала»[2]), то, съ другой стороны, фактъ непрерывнаго роста эмиссіи цѣнностей, не прекращающійся и въ годы слѣдующіе за кризисомъ, опредѣленно показываетъ, что утвержденіе Туганъ-Барановскаго о недостаткѣ свободныхъ капиталовъ не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ, что въ годы кризисовъ и непосредственно слѣдующій за ними годъ міровая эмиссія если и падаетъ, то незначительно; въ большинствѣ же случаевъ она даже повышается (Англія: 1873 г., 1889—90, 1900, 1907—8). Такъ, въ 1905 году (годъ подъема) міровой рынокъ принялъ новыхъ цѣнностей на 19 милліард. франковъ, а въ 1908 году (непосредственно слѣдующій за тяжелымъ кризисомъ) на 21,2 милліарда рублей; то же самое въ 1901—2 годахъ[3]). Въ Англіи въ годъ, предшествующій кризису, 1900—1 гг., т.-е. въ 1899 году эмиссія цѣнныхъ бумагъ

---

[1]) D-r. Bouniathian (op. cit. 133) высказывается противъ самой возможности временнаго несоотвѣтствія между накопленіемъ и производительнымъ потребленіемъ свободныхъ капиталовъ. Такъ какъ Bouniathian доказываетъ это положеніе, уничтожающее теорію Туганъ-Барановскаго въ самомъ ея основаніи, и въ данномъ весьма спорномъ вопросѣ (мы здѣсь никакъ не на сторонѣ Бунятьяна!) къ нему присоединяется рядъ видныхъ западно-европейскихъ ученыхъ, то приходится пожалѣть, что М. И. Туганъ-Барановскій обошелъ этотъ вопросъ абсолютнымъ молчаніемъ.

[2]) Ср. объ этомъ А. А. Исаевъ, Кризисы въ народномъ хозяйствѣ. С.-Пб. 1913, стран. 67.

[3]) Впрочемъ, и признакъ, приводимый М. И. Туганъ-Барановскимъ (металлич. наличность англійскаго банка за послѣднюю четверть года). также говоритъ противъ него. (Ср. Туганъ-Барановскій, стран. 141, 163),

Металлич. наличность англійскаго банка (въ милл. фунт. стерл.):

1881—20,8	1888 —19,5	1898 —31,5	1906 —30,3
1882—20,8*	1889 —19,7	1899 —31,7	1907*—32,8
1883—22,4	1890*—21,8	1900*—32,0	1908 —34,8
1884—20,4	1891 —23,2	1901 —35,5	1909 —34,1
	1892 —25,0	1902 —32,8	

Digitized by Google

Эмиссія биржевыхъ цѣнностей: (рентъ, облигацій, акцій, конверсій).

	Міровая эмиссія въ милліард. фр.	Англія (милліонъ фунт. стерл.)	Германія (милліонъ марокъ).		Міровая эмиссія въ милліард. фр.	Англія (милліонъ фунт. стерл.)	Германія (милліонъ марокъ).		Міровая эмиссія въ милліард. фр.	Англія (милліонъ фунт. стерл.)	Германія (милліонъ марокъ).		Міровая эмиссія въ милліард. фр.	Англія (милліонъ фунт. стерл.)	Германія (милліонъ марокъ).
	I[1])	II[2])	III[3])		I	II	III		I	II	III		I	II	III
1871	15,6	—	—	1881	7,2	189,4	—	1891	7,6	104,6	1217	1901	9,9	159,4	1808
1872	12,6	151,6	—	1882*	4,5	145,6	—	1892	2,5	81,1	1016	1902	21,9	153,8	2032
1873*	10,9	154,7	—	1883	4,2	81,2	—	1893	6,0	49,1	1266	1903	18,4	108,5	1912
1874	4,2	114,2	—	1884	4,9	109,0	—	1894	17,8	91,8	1420	1904	14,4	123,0	1813
1875	1,7	62,7	—	1885	3,3	78,0	—	1895	6,5	104,7	1375	1905	19,1	167,2	3106
1876	3,7	43,2	—	1886	6,7	101,9	—	1896	16,5	152,7	2057	1906	26,5	120,2	2842
1877	7,9	51,5	—	1887	5,0	111,2	—	1897	9,6	157,3	1952	1907*	15,3	123,6	1899
1878	4,6	59,2	—	1888	7,9	160,3	1985	1898	10,5	150,3	2464	1908	21,2	192,2	3156
1879	9,4	56,5	—	1889*	12,7	207,0	1745	1899	11,3	133,2	2337	1909	24,6	182.4	3208
1880	5,5	122,2	—	1890	8,1	142,6	1520	1900*	11,9	165,5	1579	1910	26,5	267,4	2612
												1911	—	191,8	—

Примѣчаніе: годы кризиса и начала застоя отмѣчены звѣздочкой.

равнялась 133 милл. фунт. стерл., въ 1900 (годъ кризиса) — 165,5 милл. фунт. стерл., 1901—159,4 милл. фунт. стерл. и въ 1902—153,8. Въ 1907—8 годахъ она также давала непрерывное повышеніе. Въ Германіи въ 1907 году, хотя и наблюдалось значительное пониженіе, однако въ слѣдующій же годъ эмиссія дала рекордную цифру (3156 милл. мар.). Еще любопытнѣе въ интересующемъ насъ отношеніи распредѣленіе эмиссіи цѣнныхъ бумагъ по отдѣльнымъ категоріямъ:

---

[1]) Взято изъ работы I. Lescure, Hausses et baisses générales de prix., Paris 1912, p. 42.

[2]) На основаніи ежегодн. обзоровъ лондонскаго «Экономиста» — взято у М. И. Туганъ-Барановскаго, стран. 291.

[3]) На основаніи «Нѣмецкаго Экономиста» изъ книги: Georg Kemeny, Konjunktursymptome am Geldmarkt. 1911, стран. 85. Съ 1896 года на основаніи публикаціи «Frankfurter Zeitung», взято изъ труда Riesser, Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration, 1913.

Digitized by Google

Эмиссія цѣнныхъ бумагъ*).

		Міровая эмиссія.		Германія.		Англія.	
		Займы государ. и городов. и конверсія.	Займы кредитн. учрежд. жел. дор. и промышл. предпріят.				
		I	II	I	II	I	II
Подъемъ	1898	34,97%	65,06%	53 %	47 %	—	—
	1899	27,66%	64,53%	55 %	45 %	—	—
Кризисъ	1900*	40, 4%	59,56%	67,5%	32,5%	—	—
Застой	1901	52,19%	47,81%	90,9%	9,1%	61,1%	36,9%
	1902	65, 5%	30,89%	91,3%	8,7%	47,6%	52,4%
Подъемъ	1905	46,45%	53,55%	77,3%	22,7%	39,9%	60,1%
	1906	61,98%	38,02%	65,9%	34,1%	33,4%	66,6%
Кризисъ	1907*	37,35%	62,65%	82 %	18,0%	36,3%	63,7%
	1908	35,73%	59,35%	86,4%	13,6%	34,5%	65,5%

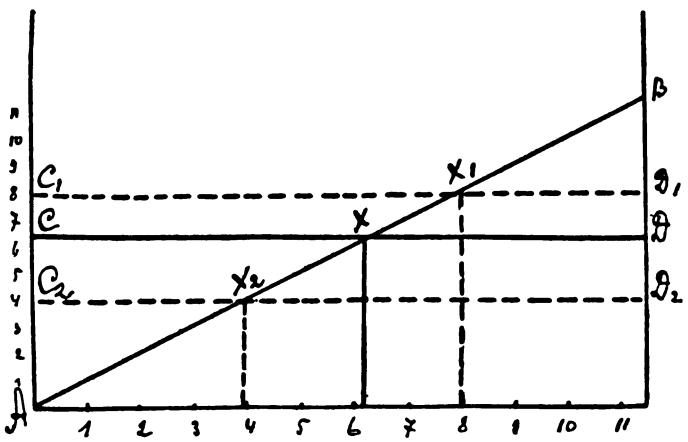
Какъ видно изъ приведенной только таблицы, въ годы кризиса и застоя (1900—2, 1907—8 гг.) процентъ государственныхъ и гарантированныхъ бумагъ въ общей суммѣ выпущенныхъ цѣнностей рѣзко повышается, наоборотъ, доля дивидентныхъ цѣнностей обнаруживаетъ сильное паденіе. Особенно ярко проявилась эта тенденція на міровомъ рынкѣ капиталовъ въ кризисъ 1900—1 годахъ. Въ 1907—8 годахъ, правда, наблюдалось относительное увеличеніе дивидендныхъ цѣнностей; однако, произошло это, благодаря спеціальнымъ причинамъ. Съ одной стороны, процентъ гарантированныхъ займовъ въ 1906 году былъ ненормально высокъ, благодаря огромнымъ конверсіямъ, произведеннымъ въ этомъ году (на гарантированные и городскіе займы собственно приходилось всего 23,13% и 38,85% на конверсіи); съ другой стороны, усиленный выпускъ промышленныхъ цѣнностей въ 1907—8 годахъ объясняется тѣмъ, что «Америка выпустила на огромную сумму (около 3 милліард. франк. изъ 4,2 ж. дор. и промышленныхъ цѣнностей, выпущенныхъ въ этомъ году) желѣзнодорожныхъ боновъ для консолидаціи желѣзныхъ дорогъ, пострадавшихъ въ 1907 году»[1]). Въ Англіи же и Германіи 1907 годъ далъ относительное паденіе.

Приведенные факты неопровержимо доказываютъ, что никакого недостатка въ свободныхъ капиталахъ предъ кризисомъ — нѣтъ.

[1]) Ср. Финнъ Енотаевскій, op. cit., стран. 41.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, если промышленность процвѣтаетъ, если единственнымъ тормазомъ къ ея развитію предъ кризисомъ является недостатокъ свободныхъ капиталовъ, то совершенно ясно, что она въ цѣляхъ самосохраненія, по крайней мѣрѣ, интенсивнѣе используетъ «наличные свободные капиталы», захватитъ тѣ сбереженія, которыя идутъ на гарантированные займы, обычно, низкодоходные. Это сдѣлать, безусловно, въ ея силахъ путемъ нѣкотораго, быть можетъ, повышенія процента на капиталъ. Фактъ же не только абсолютнаго, но и относительнаго паденія эмиссіи промышленныхъ цѣнностей въ годъ кризиса (а иногда даже за годъ — за два до него — и это я особенно подчеркиваю) показываетъ, что промышленность не можетъ потребить съ достаточной пользой наличныя сбереженія и безъ боя уступаетъ свои позиціи слабѣйшему сопернику — твердодоходнымъ фондамъ, такъ какъ тягостность уплаты процентовъ за деньги превышаетъ вѣроятную рентабельность производительнаго ихъ потребленія въ промышленности. Что̀ «центръ тяжести» лежитъ здѣсь не въ величинѣ процента, а въ состояніи самой промышленности, показываетъ уже тотъ фактъ, что въ однихъ случаяхъ промышленность находила для себя рентабельнымъ брать деньги за болѣе высокій процентъ (въ періодъ продолжающагося подъема въ 1854—1855 годахъ и въ 1905—6 годахъ, когда официальный учетный процентъ въ Англіи соотвѣтственно составлялъ 5,2—5,3) въ другихъ случаяхъ уже считали стѣсненіемъ въ свободныхъ капиталахъ — повышеніе учетной нормы до 3,2—3,6 % (1885—6, — кризисъ 1900—1 гг.) и не находили возможнымъ далѣе напрягать кредитъ. Только что высказанная мысль весьма наглядно можетъ быть представлена на графикѣ. По оси абциссъ отложены величины



Digitized by Google

процента, за который могутъ быть пріобрѣтены свободные денежные капиталы въ промышленность (линія А. В.). По оси ординатъ — величины чистаго дохода промышленнаго предпріятія (линія *С. Д.*). Точка пересѣченія (*X*) линій *АВ* и *СД* означаетъ тотъ предѣлъ, до котораго промышленность можетъ принимать свободный капиталъ и далѣе котораго она будетъ принимать капиталъ лишь по пониженному проценту, а при существующемъ процентѣ заявлять о «стѣсненіи въ деньгахъ». Совершенно ясно, что это равновѣсіе (*X*) установится и на наиболѣе высокомъ уровнѣ процента, если рентабельность предпріятія повысится; при чистомъ доходѣ не въ $6^1/_2$, а, скажемъ, въ $8^0/_0$, эта точка *X* (соотвѣтствующая ходу измѣненій линіи $C_1Д_1$) установится уже не на $6{,}5^0/_0$, а на $8{,}0^0/_0$ [1]). Наоборотъ, при пониженіи рентабельности (линія C_2 $Д_2$) точка равновѣсія X_2 будетъ стоять только на $4^0/_0$. Итакъ, «стѣсненіе въ деньгахъ» и «недостатокъ сбереженій» суть понятія относительныя и не имѣющія абсолютнаго значенія. Это ясно даже такому сторонніку «Kapitalmangeltheorie», какъ Emil Brezigar, на котораго ссылается М. И. Туганъ-Барановскій въ своемъ предисловіи: даже и онъ видитъ конечную причину кризиса въ перепроизводствѣ и заявляетъ, что «Die Krise entsteht... wenn die Ueberproduction mit der Geldknappheitin einem Zeitpuncte zusammenfällt» [2]).

Все это заставляетъ насъ признать, что ученіе о недостаткѣ свободнаго капитала, какъ причинѣ кризиса, не соотвѣтствуетъ истинѣ. Къ этому же выводу пришелъ и J. Lescure въ новомъ 2-мъ изданіи своихъ «Des crises générales et periodiques» (1910). Въ противоположность осторожнымъ на этотъ счетъ сомнѣніямъ въ I изданіи («недостатокъ капитала въ годы кризисовъ, кажется намъ сомнительнымъ», говоритъ Лескюръ тамъ) (1907 русск. пер. стран. 448) — во второмъ изданіи онъ уже въ довольно категорической формѣ заявляетъ «L'idée de l'insuffisance des épargnes en temp d'essor et de leur accumulation en periode de dépression nous a paru inadmissible». (Preface 17,2 ed. 1910). Отрицаютъ также «Kapitalmangeltheorie» Aftalion, Bounjathian, Esslen Herkner, W. Fischer, Lederer, у насъ А. А. Исаевъ...

М.И. Туганъ-Барановскій строилъ свои выводы по общей теоріи кризисовъ, основываясь на данныхъ лишь одной страны — Англіи, — правда, страны классической, но въ то же самое время и съ своеобразнымъ кредитнымъ механизмомъ, своеобразной эмиссіонной системой (системою Р. Пиля). Онъ не воспользовался исто-

[1]) Цифры 6,5—$8^0/_0$ означаютъ «предѣлы» равновѣсія, на самомъ же дѣлѣ, это равновѣсіе установится на нѣсколько болѣе низкомъ процентѣ.

[2]) E. Brezigar, Vorboten einer Wirtschaftskrise Deutschlands, 1913, S. 51.

Digitized by Google

рико-сравнительнымъ методомъ единственно здѣсь примѣнимымъ; да и по Англіи онъ не углубился въ изученіе спеціальныхъ цикловъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства; и, отчасти, благодаря этому онъ переоцѣнилъ значеніе факта стѣсненія въ денежныхъ капиталахъ. Однако и этотъ сравнительно узкій матеріалъ все же давалъ М. И. Туганъ-Барановскому извѣстныя основанія быть осторожнымъ въ своихъ выводахъ. Факты одновременнаго оживленія[1]) и расширенія мануфактурной промышленности при кризисѣ въ такъ называемой «тяжелой индустріи» указывали, что недостатокъ капитала еще не объясняетъ кризиса (этотъ «недостатокъ» не мѣшалъ мануфактурной промышленности развиваться). Наконецъ, самъ авторъ доказалъ, что не всегда «недостатокъ свободнаго капитала» вызываетъ кризисъ: такъ, въ 1839 и въ 1864 годахъ, когда недостатокъ въ свободныхъ капиталахъ особенно рѣзко ощущался, промышленнаго кризиса все же не было: былъ лишь финансовый кризисъ. Это доказываетъ лишь одно, что недостатокъ свободнаго капитала, если даже признать этотъ фактъ, не можетъ непремѣнно вызывать кризиса. Послѣдній бываетъ только тогда, когда съ этимъ признакомъ связаны какія-то другія болѣе глубокія причины.

Итакъ, теорія М. И. Туганъ-Барановскаго не есть теорія капиталистическихъ кризисовъ, въ то же самое время она не соотвѣтствуетъ фактамъ. Спрашивается, въ чемъ же ея большое значеніе, на которое мы указали въ началѣ нашей работы?

Нѣкоторые изслѣдователи видятъ заслугу М. И. Туганъ-Барановскаго въ томъ, что онъ указалъ на періодичность промышленныхъ кризисовъ и искалъ причинъ этой періодичности въ свойствахъ капиталистической организаціи. Однако и то и другое до извѣстной степени признавалось и до него (хотя бы сошлюсь на Родбертуса)[2]) и въ этомъ отношеніи заслуга М. И. Туганъ-Барановскаго лишь въ томъ, что онъ особенно ярко подчеркнулъ эти мысли, далъ ясную отчетливую картину фазисовъ капиталистическаго цикла. Гораздо важнѣе его заслуга въ томъ, что, опираясь на вышеуказанныя мысли, онъ превратилъ терію кризисовъ въ теорію капиталистическихъ конъюнктуръ. Объектомъ своего анализа онъ сдѣлалъ не отдѣльный кризисъ, а капиталистическую конъюнктуру въ ея хронологической послѣдовательности. «Какая сила управляетъ этой поразительной смѣной оживленія

---

[1]) Особенно это ярко проявляется въ нашей русской промышленности. Ср. С. Первушинъ, Періодическія колебанія сельскохозяйственной и городской внѣземледѣльческой промышленности въ Россіи. Ярославль 1913.

[2]) Ср. его первое соціальное письмо къ Ф.-Кирхману (начало).

Digitized by Google

и застоя въ торговлѣ, расширенія и сокращенія производства» — вотъ та проблема, которую онъ поставилъ себѣ. И въ этомъ отношеніи Aftalion, Bounjathian, Lescure, Sombart [1]) въ одинаковой мѣрѣ его послѣдователи, какъ и Spiethoff, Pohle, Eulenburg. Далѣе онъ попытался изучить «капиталистическую конъюнктуру» на основаніи статистическаго метода, исходя изъ анализа фактической исторіи кризисовъ въ классической въ этомъ отношеніи странѣ Англіи. Этотъ анализъ, въ свою очередь, далъ ему возможность намѣтить рядъ признаковъ (цѣна желѣза, высота учетнаго процента), по которымъ можно было бы судить о томъ фазисѣ, въ которомъ находится въ каждый данный моментъ промышленность. Въ этомъ отношеніи онъ положилъ блестящую и твердую основу той «Konjunkturkunde», которая въ настоящее время достигла такого широкаго развитія во Франціи, Германіи, Америкѣ [2]) и имѣетъ огромное практическое значеніе.

И, разумѣется, заслуга М. И. Туганъ-Барановскаго нисколько не умаляется отъ того, если жизнь опередила его и признаки, приводимые имъ, оказываются уже недостаточными, если въ настоящее время онъ хуже другихъ, или даже не вѣрно предсказываетъ.

Въ исторіи теоріи кризисовъ его книга всегда останется «epochemachendes». Въ этомъ мы глубоко убѣждены!...

Сергѣй Первушинъ.

---

[1]) Ср. его, Versuch einer Krisensystematik («Archiv für Socialwissensch.», 1903).

[2]) Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ Америкѣ эта работа по изученію конъюнктуръ идетъ отъ Burton'a, Crises and depressions, 1902.

Digitized by Google

Памяти Б. Н. Чичерина.

(Къ десятилѣтію со дня смерти.)

Смерть Б. Н. Чичерина отдѣлена отъ насъ десятилѣтнимъ промежуткомъ — срокомъ, который кажется достаточнымъ для оцѣнки его научнаго дѣла. Однако нельзя не сказать, что и теперь эта оцѣнка встрѣчаетъ большія трудности. Во многомъ Б. Н. Чичеринъ далекъ отъ психологіи современнаго русскаго общества. Намъ непривычна категоричность его мысли, не знающей колебаній и неопредѣленности, но въ то же время не склонной къ выраженію постепенностей и оттѣнка. Мы привыкли видѣть у современнаго мыслителя больше внутренняго раздвоенія, внутренней борьбы. И самый этотъ точный, выразительно чеканенный языкъ кажется намъ нѣсколько неподвижнымъ, не выражающимъ постоянной борьбы свѣта и тѣни въ мысли.

Тѣмъ обязательнѣе для насъ память о дѣйствительныхъ заслугахъ Б. Н. Чичерина передъ русской культурой и общественностью. Не нужно напоминать его необыкновенной разносторонности, такой энциклопедичности, которая совершенно несвойственна нашей эпохѣ съ ея крайней спеціализаціей. Чѣмъ только ни интересовался и ни занимался Б. Н. Чичеринъ? И эта разносторонность представляла полную противоположность обычному легковѣсному диллетантизму. Въ центрѣ его духовной жизни стояли вопросы философскаго умозрѣнія. Убѣжденный сторонникъ логизма въ философіи, онъ не симпатизировалъ попыткамъ, какъ ему казалось, замѣнить ясное умозрѣніе произвольными озареніями мистическаго чувства — въ этомъ источникъ его разногласія съ В. С. Соловьевымъ (см. его «Мистицизмъ въ наукѣ»). Съ другой стороны, онъ совершенно чуждъ былъ ограниченному раціоналистическому воззрѣнію на религію — и памятникомъ здѣсь его духовной широты остается «Наука и религія».

Съ тяготѣньемъ къ кореннымъ вопросамъ философіи у Б. Н. Чичерина совмѣщались способности выдающагося историческаго изслѣдователя. Его опытъ о духовныхъ и договорныхъ грамотахъ московскихъ великихъ князей и государей представляетъ образецъ

Digitized by Google

методологической тонкости, а его монографія объ областныхъ учрежденіяхъ до сихъ поръ не потеряла своего значенія. Конечно, общій взглядъ Б. Н. Чичерина на русскую исторію вообще представляется сейчасъ слишкомъ упрощеннымъ, напр. его признаніе исключительной роли государства, крайней слабости общественныхъ классовъ (очень характерна въ этомъ смыслѣ оцѣнка земскихъ соборовъ, представляющая крайность, противоположную славянофильской идеализаціи). Но во всякомъ случаѣ въ предѣлахъ этого взгляда, который также заключаетъ извѣстную долю истины, Б. Н. Чичеринъ подошелъ вплотную къ вопросамъ древне-русскаго государственнаго и общественнаго быта. Извѣстно, какъ высоко здѣсь его цѣнилъ В. О. Ключевскій.

Но главнымъ памятникомъ этого сочетанія философскихъ и историческихъ интересовъ остается монументальная «Исторія политическихъ ученій». Не будетъ преувеличеніемъ сопоставить ее съ «Исторіей новой философіи» Куно Фишера. Здѣсь особенно ярко проявляется тотъ уклонъ въ сторону историзма, который былъ такъ присущъ гегельянству. Развитіе политической мысли представляется въ діалектической послѣдовательности. Конечно, мы привыкли уже къ другой разработкѣ исторіи политическихъ ученій, при которой выдвигается историческая обстановка, а происхожденіе и движеніе идей связываются съ перемѣнами во всемъ государственномъ и общественномъ бытѣ. Но такая разработка возможна лишь въ монографіяхъ, а не при данномъ въ «Исторіи политическихъ ученій» всемірно-историческомъ обозрѣніи, при томъ необъятномъ матеріалѣ, который данъ у Б. Н. Чичерина. Эти пять томовъ, не имѣющіе аналогіи въ западной литературѣ, останутся незамѣнимыми при изученіи предмета на многіе годы.

Государственно-правовыя воззрѣнія Б. Н. Чичерина отражаютъ въ общемъ эпоху въ наукѣ, предшествующую Іеллинеку и Лабанду. Можно, пожалуй, говорить, что наиболѣе характернымъ представителемъ этой эпохи являлся Блюнчли—но отъ его нѣсколько поверхностнаго и расплывчатаго эклектизма предохраняло Б. Н. Чичерина его глубокое философское образованіе. Насколько можно судить и по вступительной лекціи Б. Н. Чичерина, помѣщенной въ сборникѣ «Нѣсколько современныхъ вопросовъ» и по личнымъ разсказамъ, онъ былъ превосходнымъ преподавателемъ государственнаго права, и можно глубоко сожалѣть, что эта дѣятельность такъ рано пресѣклась. Здѣсь самый догматизмъ воззрѣній оказывался въ извѣстныхъ отношеніяхъ качествомъ, а не недостаткомъ.

Для насъ, впрочемъ, не столько интересенъ общій курсъ государственнаго права, сколько разработка отдѣльныхъ вопросовъ,

Digitized by Google

особенно важная въ исторіи русской общественности. Вспомнимъ прежде всего здѣсь его книгу о народномъ представительствѣ, относящуюся еще къ шестидесятымъ годамъ, когда, казалось, для Россіи представительный строй есть вопросъ весьма отдаленнаго будущаго. И между тѣмъ сколько глубокихъ проницательныхъ мыслей. Б. Н. Чичеринъ подвергъ здѣсь блестящей критикѣ совѣщательное представительство, вскрылъ заключавшееся въ немъ внутренное противорѣчіе, его нецѣлесообразность и его опасность. Можно сказать, эти страницы наносили удары одной изъ самыхъ пагубныхъ иллюзій славянофильской доктрины. Несомнѣнно эта книга сдѣлала свое дѣло въ распространеніи среди русскаго общества конституціонныхъ идеаловъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ отношеніяхъ Б. Н. Чичерина къ мѣстному самоуправленію. Онъ обладалъ здѣсь не только всесторонней теоретической подготовкой, но и богатымъ личнымъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ кирсановскомъ и тамбовскомъ земствѣ, а также въ московскомъ городскомъ самоуправленіи, во главѣ котораго онъ нѣкоторое время стоялъ. Никогда не оставлялъ онъ вѣры въ творческую силу самоуправленія. Нерѣдко его мнѣнія по земскимъ вопросамъ существенно расходились съ общепринятыми взглядами: онъ былъ убѣжденнымъ «уѣзднико̀мъ», довольно недовѣрчиво относился къ расширенію дѣятельности губернскихъ земствъ, находилъ несправедливымъ обложеніе города Москвы губернскимъ сборомъ. Но и здѣсь Б. Н. Чичеринъ руководился не всегда правильно примѣненными, но все же принципіальными соображеніями. Въ руководящей роли, напримѣръ, губернскаго земства, которое направляетъ уѣздныя, ему представлялся призракъ бюрократической регламентаціи, чуждой самому началу самоуправленія. Эту вѣру въ русское земство Б. Н. Чичерина нельзя не помянуть въ годовщину нашихъ земскихъ учрежденій.

Мы не можемъ съ достаточной подробностью остановиться на разнообразныхъ мнѣніяхъ Б. Н. Чичерина, высказанныхъ по вопросамъ текущей политики. Не будучи вовсе сторонникомъ демократической нивеллировки общества, Чичеринъ глубоко скорбѣлъ о томъ искусственномъ культивированіи сословныхъ началъ, которое было свойственно послѣднимъ десятилѣтіямъ XIX вѣка. Въ частности сословную обособленность крестьянства, завершенную Положеніемъ о земскихъ начальникахъ 1889 г., онъ считалъ великимъ препятствіемъ по пути хозяйственно-культурнаго развитія Россіи. Въ вопросахъ окраинныхъ и національныхъ онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ политической автономіи Финляндіи, утвержденной еще актомъ Александра I, и столь же убѣжденнымъ про-

Digitized by Google

тивникомъ правоограниченій для евреевъ. Наконецъ примиреніе съ польскимъ народомъ и удовлетвореніе его законныхъ потребностей считалъ онъ великой морально политической потребностью и великимъ залогомъ успѣховъ Россіи въ международной жизни. Прекрасныя страницы его «Политики» посвящены свободѣ совѣсти. Здѣсь при всеобщихъ разногласіяхъ съ В. С. Соловьевымъ онъ вполнѣ сходился съ взглядами великаго русскаго мыслителя.

Соціальные взгляды Б. Н. Чичерина во многомъ стали намъ далеки и чужды. Намъ странно его категорическое манчестерство, это крайнее недовѣріе къ государственной дѣятельности въ области соціальной политики, это постоянное опасеніе призрака соціализма. Зато мы болѣе безпристрастны, чѣмъ представители либеральнаго и радикальнаго народничества 80-хъ и 90-хъ годовъ, можемъ оцѣнить критическое отношеніе Б. Н. Чичерина къ общинѣ и сочувствіе къ единоличной крестьянской собственности. Въ законѣ 14 іюня 1910 г. онъ, несмотря на отдѣльные недостатки, навѣрное усмотрѣлъ бы въ высшей степени благодѣтельный актъ, соотвѣтствующій интересамъ гражданственности и культуры.

Самъ Б. Н. Чичеринъ неоднократно указывалъ, что здоровое развитіе государственной жизни требуетъ гармоническаго сочетанія прогрессивныхъ и охранительныхъ началъ — и въ немъ было много консерватизма въ лучшемъ смыслѣ этого слова, того консерватизма, котораго такъ недостаетъ русской жизни и который, какъ нельзя болѣе противоположный «революціонному консерватизму», столь ярко охарактеризованному еще у Ю. Ѳ. Самарина. Такой консерватизмъ проникнутъ уваженіемъ къ праву и культурѣ; онъ опасается диллетантскаго радикализма, но онъ не оставляетъ неподвижность всего существующаго и умѣетъ во время итти навстрѣчу жизненному зову — отвѣчать на то, что англичане называютъ «pression from without». И если, вступая на путь научной и публицистической дѣятельности въ 60-хъ годахъ, былъ подъ властью страха передъ эксцессами незрѣлой общественной мысли, то заканчивалъ онъ этотъ путь въ глубокомъ убѣжденіи, что первая историческая необходимость для Россіи — переходъ къ режиму политической свободы. Таково своего рода публицистическое завѣщаніе Б. Н. Чичерина, данное въ Россіи наканунѣ XX вѣка.

Въ одной изъ своихъ статей Б. Н. Чичеринъ говоритъ, что современная Россія напоминаетъ ему одну картину: художникъ выставилъ бѣлое полотно и озаглавилъ его: «переходъ евреевъ черезъ Красное море» — и на вопросы недоумѣвающихъ отвѣчалъ: евреи уже ушли, египтяне еще не пришли, а море отступило. Это состояніе, гдѣ есть прошлое и будущее, но гдѣ настоящее совершенно безформенно

Digitized by Google

и неопредѣленно, гдѣ есть возможности, но какъ-то нѣтъ осуществленія, состояніе столь знакомое намъ, — было органически чуждо Чичерину. Онъ хотѣлъ бы наполнить эту картину отчетливыми контурами, ясными нашему глазу красками. Ничего не ждалъ онъ отъ хаоса, оргіастическаго начала: все благое въ общественной жизни создается при свѣтѣ разума, при сознаніи предѣловъ, при чувствѣ мѣры. Можно сказать, выражаясь ницшеанской терминологіей, онъ былъ чистый аполлоникъ, и діонисійское начало его отталкивало. Пусть въ этомъ есть односторонность, но именно въ Россіи намъ особенно недостаетъ такого аполлонизма — и тѣмъ болѣе должна она цѣнить такихъ, можно сказать, художественно завершенныхъ его представителей, каковъ былъ Б. Н. Чичеринъ.

С. Котляревскій.

Digitized by Google

Юридическое Обозрѣніе.

Понятіе обязательства по Проекту Обязательственнаго права 14 октября 1913 года.

Опредѣленіе.

Объединенный Проектъ Гражданскаго Уложенія 1905 г. въ ст. 1567 далъ слѣдующее опредѣленіе обязательства: «Обязательство есть законная обязанность одного лица къ передачѣ имущества или къ совершенію либо несовершенію иного дѣйствія въ пользу другого лица». Въ свое время опредѣленіе это нашло должную оцѣнку въ статьѣ М. М. Винавера («Изъ области цивилистики», стран. 179 и сл.). Было указано на то, что 1) понятіе обязательства охватываетъ не только обязанности, но и права сторонъ, и 2) что нецѣлесообразенъ въ ст. 1567 терминъ «законная» обязанность. Отъ указанныхъ недостатковъ свободна ст. 1 Проекта 14 октября 1913 г. Статья эта гласитъ: «По обязательству одно лицо обязано по отношенію къ другому передать имущество либо совершить или не совершить какое-либо иное дѣйствіе». Если здѣсь и говорится исключительно объ обязанности, то только въ видѣ составного элемента обязательственнаго отношенія. Нельзя согласиться съ профессоромъ Синайскимъ, который полагаетъ, что въ ст. 1 Проекта 14 октября 1913 г. «обязательство понимается, какъ обязанность», хотя «такое пониманіе обязательства не охватываетъ всего его содержанія» («Юрид. Вѣстн.» 1914 г., кн. 5, стран. 223). Ст. 1, подобно § 241 Герм. Гражд. Улож., вовсе и не стремится охватить всесторонне понятіе обязательства, она только указываетъ на моментъ обязанности, подобно тому, какъ § 241 Герм. Гр. Улож. [1]) останавливается

[1]) На § этотъ («Kraft des Schuldverhältnisses ist der Gläubiger berechtigt, von dem Schuldner eine Leistung zu fordern»), кстати сказать, самъ Синайскій указываетъ, какъ на образецъ, которому рекомендуется подражать (см. «Юридическій Вѣстникъ», стран. 224). Вопросъ же, что̀ именно слѣдуетъ выдвинуть — элементъ ли права, какъ полагаетъ проф. Синайскій, или обязанности, — скорѣе дѣло вкуса, чѣмъ правильной методологіи (ср. проф. Синайскій, стран. 223—224, о Германскомъ Уложеніи и contra §§ 433, 535, 581, 598, 607 и мн. др. этого Уложенія, гдѣ говорится не о правѣ кредитора, а объ обязанности должника).

Digitized by Google

только на моментѣ права требованія [1]). Далѣе ст. 1 говоритъ о передачѣ имущества либо совершеніи или несовершеніи какого-либо иного дѣйствія. Такое опредѣленіе можно привѣтствовать, какъ формулу, охватывающую понятіе обязательства независимо отъ имущественнаго или неимущественнаго момента.

Договоры обязательственнаго характера съ неимущественнымъ предметомъ.

Ст. 1, какъ мы видѣли, принципіально устраняетъ препятствіе къ признанію обязательственной силы за сдѣлками, лишенными имущественнаго момента; ст. же 135 и 130 новаго Проекта (соотв. ст. 1660 и 1655 Объед. пр. 1905 г.) даютъ нѣкоторую, хотя далеко несовершенную, опору подобнымъ сдѣлкамъ.

Ст. 135 ч. 2, связанная кровнымъ родствомъ съ § 890 Германскаго Уст. Гражд. Суд. (Zivilpzozessordnung), гласитъ: «Судъ можетъ, по просьбѣ вѣрителя, воспретить должнику дальнѣйшее нарушеніе обязательства [2]) подъ угрозою взысканія въ пользу вѣрителя денежнаго штрафа въ размѣрѣ до трехсотъ рублей за каждое нарушеніе». Въ вопросѣ о признаніи обязательственныхъ юридическихъ сдѣлокъ съ неимущественнымъ объектомъ статья эта имѣетъ, какъ нетрудно видѣть, большое значеніе; въ ней находятъ юридическую санкцію многія соглашенія, которыя въ настоящее время, согласно дѣйствующему русскому праву, лишены судебной защиты.

Врядъ ли приходится сомнѣваться въ томъ, что распространенный въ наукѣ и судебной практикѣ взглядъ на договоры съ неимущественнымъ предметомъ, какъ на соглашенія, лишенныя юридическаго значенія, страдаетъ внутреннею нелогичностью и непослѣдовательностью. Съ одной стороны, представители отрицательнаго направленія, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ теоріи, отрицаютъ обязательственные договоры съ неимущественнымъ предметомъ и

---

[1]) Ср. редакцію ст. 1567 Объедин. проекта 1905 г. («Обязательство есть..») и ст. 1 Проекта 14 окт. («По обязательству одно лицо обязано...»). Но замѣчаніе проф. Синайскаго о неточности выраженія «одно лицо» заслуживаетъ, конечно, серьезнаго вниманія. Вообще, отмѣтимъ мимоходомъ, нашъ новый проектъ не всегда безупреченъ по части опредѣленій. См. напримѣръ, неясный терминъ «предоставляетъ» въ ст. 257 («По договору даренія даритель при жизни своей безвозмездно предоставляетъ другому лицу какое-либо имущество»), ст. 292 и 293, гдѣ противополагаются понятія имущества и правъ, ст. 372, гдѣ, несмотря на возмездный характеръ договора займа, заемщикъ обязуется возвратить сумму денегъ, равную полученной имъ.

[2]) При условіи, если данное обязательство «имѣетъ предметомъ несовершеніе какого-либо дѣйствія» (см. ст. 135, ч. 1).

Digitized by Google

рекомендуютъ оговорку о неустойкѣ, какъ единственное средство, при помощи котораго неимущественное обязательство можетъ получить юридическое значеніе. Съ другой же стороны, тѣ же законодательства и юристы-теоретики признаютъ, что неустойка предполагаетъ существованіе главнаго обязательства, и «...недѣйствительность главнаго обязательства или прекращеніе его производятъ тѣмъ самымъ недѣйствительность или прекращеніе дополнительнаго обязательства (неустойки)» [1]).

Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ противорѣчіемъ. Одно изъ двухъ: или передъ нами юридическій договоръ, или ничто, юридическій нуль. Если это договоръ, тогда его исполненіе можно обезпечить неустойкою; если же это — нуль, тогда и соглашеніе о добровольной неустойкѣ тоже должно быть равно нулю [2]). Гораздо осторожнѣе поступаетъ Дернбургъ («Обязательственное право» § 46), говоря: «не требуется, чтобы главное обѣщаніе» (на случай неисполненія котораго устанавливается договорная неустойка) «непремѣнно было снабжено искомъ. Сюда, въ особенности относится тотъ случай, когда главное обязательство не имѣетъ иска вслѣдствіе отсутствія денежнаго интереса». Но и взглядъ Дернбурга не выводитъ насъ изъ тупика. Прежде всего самъ онъ говоритъ, что неустойка обосновываетъ новое обязательство на случай неисполненія главнаго обѣщанія (Дернбургъ § 46 съ ссылкою на D. 19, 1, l. 13, § 26). Слѣдовательно, договорное обязательство съ неимущественнымъ объектомъ Дернбургъ согласенъ признать нѣкоторою величиною, во всякомъ случаѣ большею, чѣмъ нуль; онъ называетъ эту величину обѣщаніемъ, которое «не должно только заключать въ себѣ ничего противнаго общественному порядку и добрымъ нравамъ» (Дернбургъ § 46 съ ссылкою на D. 45, 1, l. 61 и D. 45, 1, l. 134 pr.).

Отсюда выводъ: договорныя обязательства съ неимущественнымъ объектомъ не ничтожны абсолютно; слѣдовательно, Дернбургъ (см. § 17) при всей своей осторожности тоже впадаетъ въ противорѣчіе, когда говоритъ, что «дѣйствіе, составляющее предметъ обязательства, должно относиться къ области имущества», что слѣдуетъ изъять совершенно изъ области обязательственныхъ отно-

---

[1]) См. Шершеневичъ, стран. 85, Учебникъ русскаго гражд. права, 10-е изд., и § 344 Германскаго Гражд. Улож. «Если обѣщаніе учинить извѣстное удовлетвореніе по закону недѣйствительно, то недѣйствительна и выговоренная на случай неисполненія обѣщанія неустойка, хотя бы участникамъ была извѣстна недѣйствительность главнаго обязательства». Впрочемъ, Германское Уложеніе, ставшее, какъ мы увидимъ ниже, на почву «Halbheit» (Crome, System, II B. § 141), хоть отчасти свободно отъ упрека въ непослѣдовательности.

[2]) Вотъ почему Сенатъ за рѣшеніе его 03—83 нельзя упрекнуть въ нелогичности.

Digitized by Google

шеній такія обѣщанія, которыя не затрогиваютъ имущественныхъ интересовъ.

Разъ обязательственный договоръ съ неимущественнымъ предметомъ, даже съ точки зрѣнія авторовъ отрицательнаго направленія, можетъ служить фундаментомъ для соглашенія о неустойкѣ, — то невольно напрашивается выводъ, что такой договоръ обладаетъ извѣстнымъ юридическимъ значеніемъ. Значеніе это нисколько не уменьшится даже въ случаѣ, если въ неустойкѣ видѣть продуктъ Sicherungsbedürftigkeit (Syögren).

По мнѣнію Syögren'a (см. Пергаментъ, Договорная устойка, 1898 г., стран. 183), неустойка «доставляла защиту, которой помимо нея нельзя было добиться въ обѣщаніяхъ съ неимущественнымъ интересомъ». Съ этой точки зрѣнія обязательственные договоры съ неимущественнымъ предметомъ, какъ таковые, нисколько не противорѣчатъ идеѣ юридическаго обязательства; они только нуждаются въ неустоечной оговоркѣ, какъ въ практическомъ средствѣ, дающемъ имъ защиту.

Но не въ одномъ только ученіи о неустойкѣ проявляется юридическая жизнеспособность неимущественныхъ обязательствъ. Представимъ себѣ, что по такому договору учинено исполненіе. Можно ли въ судебномъ порядкѣ настаивать на реституціи? Или представимъ себѣ, что въ силу такого договора А предоставляетъ В какое-либо длительное право. Можетъ ли затѣмъ А въ виду отсутствія имущественнаго момента устранить В судебнымъ путемъ на основаніи недѣйствительности даннаго имъ обѣщанія? Думается намъ, что въ судебномъ процессѣ договоръ, несмотря на отсутствіе имущественнаго момента, сыгралъ бы во вредъ истца А роль полноправной юридической сдѣлки.

Но какія же основанія препятствуютъ признать за такимъ договоромъ полную силу?

Отрицать юридическое значеніе договора съ неимущественнымъ объектомъ только въ виду того, что часто въ подобныхъ договорахъ мы имѣемъ дѣло «съ нравственною обязанностью или долгомъ простой вѣжливости» (Дернбургъ[1]), конечно, нельзя: это значило бы выплеснуть изъ ванны вмѣстѣ съ мыльною водою и младенца. Отбросить цѣлую категорію явленій, уничтожить ихъ только въ силу того, что трудно уловить критерій, на основаніи котораго можно отличить данную категорію отъ явленій, ей чуждыхъ по существу и только по внѣшности на нее похожихъ, равносильно

[1]) Въ качествѣ примѣровъ Дернбургъ приводитъ жениха, обѣщающаго своей невѣстѣ не посѣщать клуба, и брата, давшаго слово не курить сигаръ (§ 17).

Digitized by Google

безцѣльному убійству. Не къ уничтоженію всѣхъ вообще обязательственныхъ сдѣлокъ съ неимущественнымъ объектомъ, но къ отысканію границъ, размежевывающихъ эти юридическія отношенія съ одной стороны и обѣщанія, юридически ничтожныя, съ другой стороны — должны стремиться мы, если хотимъ, дѣйствительно имѣть критерій, о которомъ говоритъ Дернбургъ, а не просто совершить убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Такой критерій старались найти въ неопредѣленной Schutzwürdigkeit (Enneccerus, т. I, § 147 IV, 3), въ лаконической Objektivberechtigtkeit (Stammler), въ дѣловомъ характерѣ даннаго обѣщанія [1]) (Crome), въ юридическомъ тактѣ судьи (Windscheid и Baron), въ исключеніи изъ сферы обязательственнаго права обѣщаній, опирающихся на Geselligkeit, Gefälligkeit и отсутствіи всякаго интереса для кредитора (Ihering, Jahrbuch für d. Dogmatik 1880 г., № 18, стран. 92 и сл.).

Можно, конечно, много спорить о преимуществахъ и практическихъ удобствахъ того или другого критерія въ сравненіи съ прочими. Одно только несомнѣнно, что практическая юриспруденція при разрѣшеніи конкретныхъ случаевъ всегда найдетъ жизненную правильную опору и съ успѣхомъ разграничитъ юридическія обязательства и явленія, относящіяся къ области общественныхъ нравовъ или морали. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что даже наличность имущественнаго момента еще не всегда обезпечиваетъ серьезность интереса и юридическую его защиту [2]). Противъ договоровъ съ неимущественнымъ предметомъ выдвигаютъ и другія соображенія. Савиньи говоритъ о неспособности интересующихъ насъ договоровъ быть «предметомъ обязательства въ точномъ и совершенномъ смыслѣ этого слова: болѣе или менѣе совершенное примѣненіе юридическихъ нормъ на практикѣ возможно лишь въ томъ случаѣ, если имущество разсматривается, какъ величина чисто количественная. Такой взглядъ на имущество становится, въ свою очередь, возможнымъ лишь благодаря понятію цѣнности, т.-е. приведенію разнородныхъ имущественныхъ правоотношеній къ одному общему имъ всѣмъ третьему — деньгамъ...; непригодны поэтому тѣ дѣйствія, превращеніе которыхъ въ денежную сумму совершенно немыслимо». (Цитируется по Пассеку, Неимущественный интересъ, стран. 97—98). Итакъ, препятствіе къ признанію такихъ обязательствъ заключается въ невозможности совершеннаго примѣненія юридическихъ нормъ,—проще говоря, въ процессуальныхъ нормахъ. Но нельзя же забывать, что процессъ

[1]) Auf geschäftsmässigen Boden.

[2]) Напр., приглашеніе провести лѣто въ имѣніи Ihering, «Jahrb. f. d. D.» 1880, № 18, S. 72).

Digitized by Google

есть только средство, а не сама цѣль; не матеріальное право служитъ процессу, а, обратно, процессуальныя нормы призваны осуществлять задачи и велѣнія матеріальныхъ нормъ.

Наконецъ, допустимъ, что дѣйствительно при системѣ, der direkten Zwangsmittel — въ случаяхъ исключительнаго упорства должника невозможно принудить его къ исполненію обязательства и, слѣдовательно, въ данномъ казусѣ обязательство окажется менѣе «совершеннымъ», чѣмъ обязательства имущественныя. Однако и это не можетъ служить основаніемъ къ полному изгнанію изъ системы обязательствъ юридическихъ сдѣлокъ съ неимущественнымъ предметомъ: вѣдь только въ Спартѣ умерщвляли въ семьѣ слабыхъ здоровьемъ дѣтей. Къ разсужденіямъ Савиньи приближается Шершеневичъ: «допущенію обязательствъ съ неимущественнымъ интересомъ противится природа обязательственныхъ отношеній. Объектомъ правъ по обязательству признается чужое дѣйствіе, но дѣйствія лицъ не вынуждаемы, а потому, чтобы сохранить юридическій характеръ за обязанностями, соотвѣтствующими правамъ требованія, необходимо придать имъ санкцію, каковою можетъ быть принудительное осуществленіе интереса въ имуществѣ уклоняющагося отъ исполненія. За тотъ имущественный ущербъ, который понесъ субъектъ права..., должно отвѣчать имущество виновника. Какова же можетъ быть санкція тѣхъ обязанностей, которыя неспособны быть выражены въ денежномъ эквивалентѣ»? (Уч., стран. 444—445). И въ этомъ разсужденіи понятіе обязательства ставится въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ имущественной, обычно, санкціи обязательственныхъ отношеній. Получается неправильная схема: неимущественныя обязательства противны природѣ обязательственныхъ отношеній въ виду невозможности придать имущественную санкцію неимущественнымъ обязательствамъ. Но вѣдь формы и виды санкціи, обезпечивающей интересы кредитора, зависятъ отъ законодателя: взысканіе прямыхъ и косвенныхъ убытковъ, угроза штрафомъ или даже арестомъ, случаи упомянутой выше Pseudokonventionalstrafe (Эккъ, см. Пергаментъ, стран. 184), — все это въ большей или меньшей степени играетъ роль и психическаго принужденія [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ юридическій колоритъ данному отношенію. Слѣдуетъ ли смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что признаніе неимущественныхъ обязательствъ принципіально должно расширить область обязательственнаго права? Колебанія и реформы въ этомъ смыслѣ неизбѣжны. Въ свое время въ области

[1]) Врядъ ли можно отстаивать во всей полнотѣ принципъ «невынуждаемости человѣческихъ дѣйствій»: нужно же различать принужденіе физическое и принужденіе психическое.

Digitized by Google

абсолютныхъ имущественныхъ правъ жизнь ввела въ систему гражданскаго права такъ называемыя исключительныя права (на продукты духовнаго творчества).

То же самое мы видимъ и въ области обязательствъ. «Средній гражданскій человѣкъ рисуется, какъ существо, живущее только интересами имущественными..., но жизнь выросла уже изъ этого представленія; нынѣшній даже средній, шаблонный человѣкъ уже цѣнитъ извѣстныя неимущественныя блага»[1]).

Анализируя понятіе интереса, Іерингъ опредѣляетъ его, какъ Gefühl der Lebensbedingtheit: «Что для одного является понятіемъ блага, счастія, то для другого есть пустой звукъ. Это одинаково касается какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ и разныхъ эпохъ въ жизни одного и того же народа. Въ зависимости отъ эпохи мѣняется масштабъ права, и ни въ коемъ случаѣ нельзя рѣшить отвлеченно, абстрактно вопросъ объ интересѣ, достойномъ защиты, — внѣ времени и пространства». (Ihering, Jahrbücher für Dogmatik 1880 г., № 18, стран. 96—97, и Zweck im Recht, т. II).

Послѣ всего сказаннаго ст. 135, ч. 2, и ст. 130 новаго Проекта обязательственнаго права получаютъ особенно важное принципіальное значеніе. Странно поэтому, что ст. 135 ч. 2 (соотвѣтствующая статьѣ 1660 Объед. Проекта 1905 г. и ст. 122 Проекта 1899 г.) въ свое время не была отмѣчена нашими цивилистами при обсужденіи ими вопроса о неимущественныхъ обязательствахъ въ проектѣ Гражданскаго Уложенія. Мало того, М. М. Винаверъ («Изъ области цивилистики», стран. 185 и слѣд.), который «тщетно искалъ на всемъ протяженіи объяснительной записки, не говоря уже о текстѣ закона»... «слѣдовъ обсужденія ученія объ имущественной цѣнности договорныхъ обязательствъ», упрекнулъ Проектъ въ томъ, что онъ не обмолвился ни единымъ словомъ о спорномъ предметѣ, который остался такимъ образомъ не только безъ разрѣшенія, но и безъ обсужденія». «Какъ при такихъ условіяхъ, спрашиваетъ М. М. Винаверъ, понимать молчаніе этой статьи закона?» Далѣе авторъ сопоставляетъ кажущееся ему умолчаніе со статьею 117 Проекта 1899 г.[2]) и строитъ на этомъ сопоставленіи правильную, по существу, теорію о различіи неимущественнаго предмета въ обязательствѣ и неимущественнаго интереса. По мнѣнію М. М. Винавера, вопросъ о неимущественномъ интересѣ отъ неисполненія обязательства Проектомъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, а вопросъ о неимущественномъ предметѣ обязательства остался

[1]) Покровскій, Абстрактный и конкретный человѣкъ, «Вѣстн. Гражд. Права», 1913 г., № 4, стран. 39.

[2]) См. ниже ст. 130 Проекта 1913 г.

Digitized by Google

съ вопросительнымъ знакомъ. Но сомнѣнія М. М. Винавера въ значительной степени основаны на недоразумѣніи: въ связи съ принципомъ, выраженнымъ въ ст. 130 Проекта 1913 г. (соотв. ст. 117 Проекта 1899 г.), приведенная выше ст. 135 ч. 2 (соотвѣтствующая статьѣ 122 Проекта 1899 г.) возводитъ въ рангъ обязательствъ такія соглашенія, которыя «имѣютъ предметомъ несовершеніе какого-либо дѣйствія»; въ случаѣ нарушенія такого обязательства должникъ рискуетъ весьма чувствительнымъ для него штрафомъ — 300 рублей за каждое нарушеніе. Можно только пожалѣть о томъ, что нашъ новый Проектъ остался въ этомъ отношеніи вѣренъ старымъ образцамъ (Проекту 1899 г.) и не пошелъ дальше, т.-е. не заимствовалъ изъ первоисточника — изъ герм. ZPO также и § 888 [1]).

Что могло побудить авторовъ нашихъ Проектовъ забраковать этотъ параграфъ и запретить подъ угрозою штрафа нарушеніе не всѣхъ вообще обязательствъ, а только такихъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ воздержаніе отъ какого-либо дѣйствія?

Обратимся къ «Мотивамъ». «По Германскому Уставу Гражданскаго Судопроизводства», разсуждаютъ «Мотивы», «должникъ можетъ быть понуждаемъ даже къ совершенію чисто личныхъ [2]) дѣйствій, къ которымъ онъ обязался (напр., къ написанію портрета, научной работы, къ исполненію обязанностей учителя, актера и т. п.), наложеніемъ денежнаго штрафа до 1500 марокъ или лишеніемъ свободы на срокъ до 6 мѣсяцевъ. Но эти мѣры косвеннаго понужденія должника къ исполненію, а именно личное задержаніе и наложеніе денежной пени, когда дѣло идетъ о вынужденіи такого дѣйствія, которое не можетъ быть совершено кѣмъ-либо другимъ на имущественныя средства должника, но совершеніе коего зависитъ исключительно отъ его воли, чужды дѣйствующему закону». Далѣе слѣдуетъ указаніе на тѣ статьи изъ Свода Законовъ, которыя, по мнѣнію авторовъ «Мотивовъ», не слѣдуетъ толковать, какъ «мѣры косвеннаго понужденія должника» (напр. ст. 2116, 2122 X т. 1 ч.). Отсюда «Мотивы» дѣлаютъ выводъ: Законъ отказывается отъ употребленія противъ личности должника какихъ-либо мѣръ съ цѣлью понудить его къ добровольному исполненію, руководствуясь, пови-

---

[1]) Kann eine Handlung durch einen dritten nicht vorgenommen werden, so ist, wenn sie ausschliesslich von dem Willen des Schuldners abhängt, auf Antrag von dem Prozessgericht erster Instanz zu erkennen, dass der Schuldner zur Vornahme der Handlung durch Geldstrafen bis zum Gesamtbetrage von fünfzehnhundert Mark oder durch Haft anzuhalten sei.

Diese Bestimmung kommt im Falle der Verurteilung zur Eingehung einer Ehe, im Falle der Verurteilung zur Herstellung des ehelichen Lebens und im Falle der Verurteilung zur Leistung von Diensten aus einem Dienstvertrage nicht zur Anwendung.

[2]) Разрядка подлинника («Мотивовъ»).

Digitized by Google

димому, тѣмъ соображеніемъ, что прямое понужденіе немыслимо: ad faciendum nemo cogi potest, — косвенное же составляетъ не болѣе, какъ попытку подѣйствовать на волю должника, которая можетъ оказаться безуспѣшною. Поэтому проектъ также не устанавливаетъ какихъ-либо мѣръ понужденія должника къ исполненію обязательства, имѣющаго своимъ предметомъ чисто личное [1]) дѣйствіе должника, находя, что въ семъ случаѣ для огражденія интересовъ вѣрителей противъ произвольныхъ нарушеній должниками своихъ обязательствъ достаточно правила, по которому должникъ умышленно или по грубой неосторожности, не исполнившій обязательства, можетъ быть присужденъ къ возмѣщенію убытковъ, не подлежащихъ даже имущественной оцѣнкѣ (ст. 117 ч. 2)... Предоставленіе вѣрителю права устранить или уничтожить на счетъ должника все сдѣланное имъ вопреки обязательству не всегда достигаетъ цѣли, такъ какъ оно не предупреждаетъ дальнѣйшихъ нарушеній обязательства со стороны должника. Въ виду этого проектъ, по примѣру Германскаго Устава Гражданскаго Судопроизводства (§ 890), предоставляетъ вѣрителю право просить о воспрещеніи должнику дальнѣйшихъ нарушеній обязательства подъ угрозою взысканія въ пользу вѣрителя денежнаго штрафа за каждое нарушеніе. Проектируемое денежное взысканіе, которое не должно превышать 300 рублей за каждое нарушеніе, служитъ исключительно интересамъ вѣрителя, ограждая его, съ одной стороны, отъ неисправности должника, а съ другой — освобождая вѣрителя отъ необходимости доказывать размѣръ понесенныхъ отъ неисполненія обязательствъ убытковъ. Такая постановка вопроса о штрафѣ, какъ о minimum'ѣ убытковъ, подлежащихъ возмѣщенію вѣрителю, находитъ себѣ подтвержденіе въ ст. 674 X т. 1 ч., въ силу которой береговые владѣльцы, задерживающіе промышленниковъ съ товарами, чрезъ умышленное поврежденіе мостовъ или поставленіе въ рѣкѣ заколовъ, обязаны платить за первые 7 дней по 1% съ цѣны товаровъ въ вознагражденіе симъ промышленникамъ, кои не лишаются однако права взыскивать убытки и въ большемъ размѣрѣ».

Приведенная нами длинная цитата изъ «Мотивовъ» вызываетъ цѣлый рядъ возраженій. Прежде всего, авторы «Мотивовъ» исказили значеніе § 888. Этотъ параграфъ вовсе не говоритъ о чисто личныхъ дѣйствіяхъ, въ родѣ написанія портрета, научной работы, исполненія обязанностей учителя, актера и т. п., — какъ полагаютъ авторы «Мотивовъ». Германскій законъ имѣетъ въ виду просто eine

[1]) Разрядка вездѣ подлинника («Мотивовъ»).

Digitized by Google

Handlung, welche 1) durch einen dritten nicht vorgenommen werden kann und 2) ausschliesslich von dem Willen des Schuldners abhängt. Отъ такой широкой формулировки до ограниченія примѣненія § 888 ZPO случаями писанія портретовъ художниками или исполненія по заказу письменныхъ работъ учеными, какъ то дѣлаютъ авторы «Мотивовъ», конечно, цѣлая пропасть. Затѣмъ § 888, какъ и 890 ZPO, имѣетъ въ виду multa, а не poena; здѣсь рѣчь идетъ не о Zuerkennung einer Privatstrafe an den Kläger[1]), и, слѣдовательно, ст. 135 ч. 2 нашего Проекта написана не совсѣмъ «по примѣру Германскаго Устава Гражданскаго Судопроизводства».

Далѣе «Мотивы» придаютъ рѣшающее значеніе тому обстоятельству, что косвенное понужденіе должника въ смыслѣ § 888 ZPO «чуждо дѣйствующему закону», а потому подражанія не заслуживаетъ; понужденіе же въ смыслѣ § 890 ZPO «находитъ себѣ подтвержденіе въ ст. 674 X т. 1 ч.», — а посему эту норму можно пересадить въ Проектъ обязательственнаго права. Этотъ единственный, въ сущности, аргументъ, конечно, большого значенія имѣть не можетъ: на однихъ началахъ, «не чуждыхъ дѣйствующему русскому праву», далеко не уѣдешь и останешься при томъ положеніи вещей, который «находитъ себѣ подтвержденіе» въ X т. 1 ч. Св. Зак. Но не къ этому вѣдь стремятся творцы Проекта новаго гражданскаго Уложенія.

Итакъ, было бы вполнѣ умѣстнымъ заимствовать не только § 890 ZPO, но и связанный съ нимъ по идеѣ § 888, — тѣмъ болѣе, что принципіальныхъ препятствій къ тому никакихъ нѣтъ. Неисполненіе тѣхъ обязательствъ, которыя подпали бы подъ дѣйствіе статьи, соотвѣтствующей § 888 ZPO, какъ мы увидимъ ниже, — по Проекту влечетъ (въ большинствѣ случаевъ) извѣстныя невыгодныя послѣдствія для неисправнаго должника. Признаютъ это и Мотивы, которые находятъ, что мѣры косвеннаго понужденія съ успѣхомъ замѣняетъ ст. 117 ч. 2 Проекта 1899 г.

Въ случаѣ принятія начала, выраженнаго въ § 888 ZPO, въ новомъ Проектѣ полною юридическою силой и судебною защитой пользовались бы юридическія сдѣлки и съ неимущественнымъ предметомъ, независимо отъ того, обязанъ ли должникъ къ пассивному воздержанію или къ активному дѣйствію. Такое рѣшеніе вопроса устранило бы изъ Проекта ничѣмъ не оправдываемую половинчатость въ рѣшеніи важнаго вопроса. Воля контрагентовъ въ юридическихъ сдѣлкахъ является творческимъ факторомъ; въ этомъ отношеніи она можетъ разсматриваться, какъ самодовлѣющая величина, не нуждающаяся въ опорѣ имущественнаго характера. Подъ такимъ

---

[1]) Ср. Іерингъ, указ. выше статья, стран. 51 и 52.

Digitized by Google

угломъ зрѣнія становятся понятными нападки Іеринга на тѣхъ, кто не признаетъ юридической силы за неимущественными договорами. «Dann will ich lieber vor einem türkischen Pascha mein Recht suchen, als vor einer hochgebildeten Rechtswissenschaft, die in dieser Weise im Stich lässt, und ich bin der erste, der die ganze Jurisprudenz über Bord wirft, wenn solche Thorheit Weisheit sein soll» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ тотъ же авторъ, культурный народъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не пользоваться и не дорожить благами неимущественнаго характера; договоръ, этотъ фундаментъ «der autonomischen individuellen Lebensgestaltung» признается въ имущественныхъ отношеніяхъ, то почему ему не мѣсто въ отношеніяхъ, не окрашенныхъ имущественнымъ оттѣнкомъ? (Іерингъ, указ. статья, стран. 50).

Нравственный вредъ, причиненный неисполненіемъ обязательства.

Исходя изъ указаннаго выше принципа, слѣдуетъ признать, что правовой защиты заслуживаетъ также и «нравственный вредъ», нанесенный кредитору должникомъ при неисполненіи послѣднимъ обязательства, — безразлично, обязательства съ имущественнымъ или неимущественнымъ интересомъ: и въ этомъ случаѣ воля контрагентовъ должна быть принята во вниманіе и санкціонирована нормою гражданскаго права. О такомъ возмѣщеніи нравственнаго вреда въ обязательствахъ, имѣющихъ своимъ источникомъ юридическія сдѣлки, говоритъ ст. 130 ч. 2 новаго проекта (соотвѣтствующая статьѣ 117 Проекта 1899 г. и статьѣ 1655 Объед. Пр. 1905 г.): «Должникъ, умышленно или по грубой неосторожности не исполнившій обязательства, можетъ быть присужденъ къ возмѣщенію и другихъ, кромѣ указанныхъ выше, убытковъ, хотя бы они заключались не въ имущественномъ, а нравственномъ вредѣ и подлежали точной оцѣнкѣ [2]). «Съ этою, нѣсколько шокирующею,— говоритъ М. М. Винаверъ, — компенсаціею психическихъ состояній денежными знаками можно въ концѣ концовъ примириться, а расширеніе сферы удовлетворенія кредитора слѣдуетъ привѣтствовать, какъ актъ элементарной справедливости». («Изъ обл. цив.» стран. 188). Мы бы сказали, что въ этой именно компенсаціи психическихъ состояній денежными знаками даже нѣтъ ничего шокирующаго:

[1]) Іеринъ, указ. статья, стран. 100—101.

[2]) Кстати, нельзя не отмѣтить неудачную редакцію ст. 123, первыя строки которой съ успѣхомъ можно было бы опустить: 1) не на нихъ ложится логическое удареніе статьи, а на дальнѣйшія строки, и 2) ст. 130, ч. 1 логически поглощаетъ содержаніе.

Digitized by Google

вѣдь нравственный вредъ, моральная неудовлетворенность въ данномъ случаѣ не фигурируетъ вовсе, какъ непосредственный предметъ оцѣнки. Непосредственно оцѣнивается та правотворческая воля контрагентовъ, чрезъ которую, какъ чрезъ призму, преломляются внутреннія переживанія. Договоръ направленный на опредѣленіе и установленіе данныхъ отношеній, независимо отъ характера скрывающихся въ немъ интересовъ, долженъ быть признанъ правомъ. Нарушеніе такого договора является недопустимымъ пренебрежіемъ animus obligandi. Такимъ образомъ, Проектъ вполнѣ основательно защищаетъ тотъ моральный вредъ, который терпитъ кредиторъ, благодаря неисполненію должникомъ какого бы то ни было обязательства. Въ этомъ отношеніи разсматриваемая статья, конечно, стоитъ на болѣе правильной точкѣ зрѣнія, чѣмъ § 253 [1]) Герм. Гр. Ул., справедливо окрещенный Crome «схоластическимъ»[2]).

Непонятно только, почему ст. 130, ч. 2 ограничиваетъ отвѣтственность случаями умысла или грубой неосторожности. Вѣдь, какъ правильно говорятъ, «Мотивы» къ указанной статьѣ, «стремленіе къ охраненію «справедливыхъ интересовъ вѣрителей посредствомъ взысканія вознагражденій и за неимущественный вредъ заслуживаетъ полнаго вниманія». Почему же эти справедливые интересы вѣрителей можно нарушать по неосторожности, хотя бы и «не грубой»? Въ швейцарскомъ законодательствѣ, откуда заимствована ст. 130 п. 2, — (§ 49 Швейцарскаго Обязательственнаго Права [3]) — ограниченіе «...wo die besondere Schwere der Verletzung und des Verschuldens es rechtfertigen» находитъ коррективъ въ § 99 («Der Schuldner haftet im allgemeinen für jedes Verschulden. Das Mass der Haftung richtet sich nach der besonderen Natur des Geschäftes...» Въ «Мотивахъ» мы не находимъ отвѣта на поставленный вопросъ. Судя по нѣсколькимъ строкамъ, посвященнымъ нашему вопросу, авторы Проекта являются убѣжденными защитниками идеи возмѣщенія нравственнаго вреда. «Въ жизни», читаемъ мы на стран. 262, «происходитъ множество нарушеній обязательственныхъ отношеній, которыя, хотя и не причиняютъ убытка, но доставляютъ вѣрителямъ безпокойство, непріятности и т. п., напр. въ случаѣ неизготовленія заказаннаго платья или торжественнаго обѣда къ опредѣленному сроку. Для лучшаго огражденія интересовъ вѣрителей отъ злонамѣренныхъ или крайне легкомысленныхъ нарушеній обязательствъ

[1]) «За вредъ, который не представляетъ имущественнаго ущерба, можетъ быть потребовано вознагражденіе въ деньгахъ, только въ случаяхъ, закономъ особо предусмотрѣнныхъ».

[2]) Особенно бросается въ глаза нелогичность § 253 при сопоставленіи его съ началами, нашедшими признаніе въ §§ 847 и 1300 того же Уложенія.

[3]) О связи §§ 49 и 99 см. § 99 in fine.

Digitized by Google

должниками, въ литературѣ указывается на необходимость представленія суду права опредѣлять вознагражденіе за неисполненіе обязательствъ, хотя бы вѣрителемъ и не было понесено убытковъ». Можетъ быть, правильному рѣшенію вопроса отчасти помѣшало одно чисто внѣшнее обстоятельство: въ ст. 130 ч. 2 мы видимъ нормировку сразу двухъ крупныхъ вопросовъ — отвѣтственности за косвенные убытки и возмѣщенія нравственнаго вреда; первый дѣйствительно приходится связать съ моментами умысла и culpa lata, но второй вопросъ слѣдовало бы рѣшить самостоятельно. Мотивы, какъ мы сейчасъ видѣли, иллюстрируютъ свои разсужденія случаемъ «неизготовленія заказаннаго платья къ опредѣленному сроку». На этотъ разъ и мы, по примѣру авторовъ Проекта, обратимся къ «дѣйствующему законодательству» и поищемъ, «не найдется ли въ немъ подтвержденія и опоры» для нашей мысли. Въ дѣйствующемъ законодательствѣ мы находимъ,—весьма рѣдко, правда, дѣйствующую, — норму: ст. 1366 Улож. о нак. Согласно этой статьѣ, «ремесленникъ, который не изготовитъ къ условленному времени отданную ему или заказанную у него работу и по принесеніи на то жалобы не представитъ законной къ оправданію своему причины, подвергается за сіе денежному взысканію отъ 50 копеекъ до 3 рублей въ ремесленную казну»[1]). И въ законѣ не сказано, что небрежность, если она не грубая, является «законною къ оправданію ремесленника причиною».

Не совсѣмъ, далѣе, вяжется смыслъ ст. 130 ч. 2. Проекта съ новоиспеченною въ Проектѣ 1913 г. статьею 124[2]) (см. Объяснительную записку министра юстиціи 14 октября 1913 г.) и § 276 Германск. Гражд. Улож.[3]), — родоначальникомъ этой статьи. Странно также, что грубая неосторожность, согласно ст. 130, ч. 2, можетъ повлечь за собою повидимому обязанность возмѣщенія даже «косвеннаго» нравственнаго вреда, а неосторожность негрубая не возлагаетъ ни въ коемъ случаѣ отвѣтственности хотя бы за прямой нравственный вредъ. Итакъ, было бы вполнѣ цѣлесообразно выдѣлить конецъ ст. 130 ч. 2 въ особую статью и установить, какъ общее начало, что должникъ, не исполнившій обязательства, можетъ быть, присужденъ къ возмѣщенію нравственнаго вреда. Въ виду того что рѣшающимъ моментомъ при присужденіи должника къ возмѣщенію такого вреда является его пренебрежительное отношеніе къ зафиксированной въ договорѣ волѣ кредитора, его слѣдуетъ освободить по общему

[1]) Рецидивъ предусмотрѣнъ статьею 1368 Улож. о нак.

[2]) «Должникъ обязанъ при исполненіи обязательства проявить осмотрительность, свойственную заботливому хозяину.»

[3]) «Поскольку не предусмотрѣно иное, должникъ отвѣчаетъ за умыселъ и небрежность...»

Digitized by Google

правилу отъ обязанности возмѣщенія такого нравственнаго вреда, который непосредственно не вытекаетъ изъ неисполненія обязательства и который онъ предвидѣть не могъ; только при наличности особыхъ къ тому основаній (напр., dolus) можно возложить на такого должника отвѣтственность за «косвенный» нравственный вредъ.

Публичное обѣщаніе награды.

Приведенныя выше соображенія въ равной степени относятся и къ обязательствамъ, возникшимъ изъ односторонніхъ обѣщаній, поскольку въ нихъ можетъ возникнуть вопросъ о неимущественномъ интересѣ. Дѣло въ томъ, что сила разсмотрѣнныхъ нами ст. 1, 130 ч. 2, и 135, ч. 2, помѣщенныхъ въ Раздѣлѣ первомъ («Обязательства вообще»), распространяется, какъ на Раздѣлъ второй («Обязательства по договорамъ»), такъ и на Раздѣлъ третій («Обязательства, возникающія не изъ договоровъ»), — въ частности гл. 1 (ст. 1148—1151), «Публичное обѣщаніе награды».

Нравственный вредъ въ деликтныхъ обязательствахъ.

Принципъ возмѣщенія нравственнаго вреда, происшедшаго отъ неисполненія обѣщанія, юридической сдѣлки, слѣдуетъ отличить отъ принципа возмѣщенія нравственнаго вреда въ обязательствахъ деликтнаго характера. Новый проектъ устранилъ тотъ случай, который особенно шокируетъ человѣка съ болѣе или менѣе развитымъ правосознаніемъ, т.-е. случай нанесенія оскорбленія. Ст. 1201 Проекта, соотвѣтствующая статьѣ 2626 Объед. Пр. 1905 г., уже говоритъ только о случаяхъ обезображенія, «иного тѣлеснаго поврежденія» и лишенія свободы [1]), а ст. 1202 предусматриваетъ случаи противозаконнаго любодѣянія съ женщиной. По поводу устраненія изъ Проекта обязанности «уплаты безчестія» Объяснительная записка Министра Юстиціи въ Проекту 14 октября 1913 г. говоритъ: «Опредѣленіе въ законѣ уплаты безчестія за обиду не представляется правильнымъ ни съ теоретической, ни съ практической стороны. Уплата безчестья имѣла нѣкоторое основаніе лишь тогда, когда безчестье разсматривалось, какъ возмездіе за посягательство на служилое достоинство въ обширномъ смыслѣ этого слова; но съ замѣной понятія о служилой, родовой или сословной чести понятіемъ чести личною, идеею о личномъ достоинствѣ, унижаемомъ обидчикомъ, уплата безчестья по необходимости должна уступить

[1]) Ср. ст. 2626 Пр. 1905 г., гдѣ говорилось также и объ оскорбленіи.

Digitized by Google

мѣсто взысканію, налагаемому въ порядкѣ уголовномъ. Дѣйствительно, самое понятіе объ охранѣ личности, о защитѣ ея нравственнаго достоинства отъ презрительнаго обхожденія не совмѣстимо съ возможностью выкупа оскорбленія уплатою нѣсколькихъ рублей тому лицу, которое претендуетъ на то, что оно унижено или оскорблено. При такихъ обстоятельствахъ право требовать безчестья свелось бы на практикѣ лишь къ извлеченію пользы людьми, напрашивающимися на обиды, т.-е. торгующими честью, при чемъ, конечно, не въ интересахъ государства поощрять промыселъ подобнаго рода».

Исходя изъ изложеннаго, Министръ Юстиціи признаетъ желательнымъ исключеніе изъ первой части разсматриваемой статьи словъ «или нанесенія оскорбленія».

Съ «Запискою», безъ сомнѣнія, слѣдуетъ вполнѣ согласиться и отказаться отъ идеи денежной уплаты потерпѣвшему отъ оскорбленія. Точка зрѣнія прежнихъ проектовъ (ст. 2626 Объед. пр. 1905 г.) не выдерживаетъ критики. Странное впечатлѣніе производили разсужденія «Мотивовъ» въ этой статьѣ: «Оскорбленіе чести причиняетъ пострадавшему не меньше нравственныхъ страданій, чѣмъ тѣлесное поврежденіе или лишеніе свободы; между тѣмъ одно наказаніе виновнаго, хотя бы даже самое строгое, не всегда можетъ считаться полнымъ удовлетвореніемъ оскорбленнаго; опозоренное лицо, кромѣ переносимыхъ имъ нравственныхъ страданій, нерѣдко лишается возможности получить занятія, вступить въ бракъ и вообще терпитъ даже имущественный вредъ, который не можетъ быть предвидѣнъ и доказанъ во время преслѣдованія клеветника и который наступаетъ иногда уже послѣ истеченія давности на предъявленіе исковъ о вознагражденіи... Если... правомъ на взысканіе безчестія пользуется только низшій и самый бѣдный классъ нашего народа, преимущественно же сельское населеніе (ср. Пахманъ, Обычное право, т. 1, ст. 370 и сл.). то это обстоятельство объясняется не только болѣе возвышеннымъ взглядомъ образованныхъ людей на честь и нравственное достоинство человѣка, и нѣкоторыми недостатками постановленій нашихъ законовъ по этому предмету». Недостатки же «Мотивы» видятъ, во-первыхъ, въ томъ, что согласно ст. 138 Уст. о нак. обидчикъ освобождается отъ наказанія въ случаѣ предъявленія къ нему иска о платежѣ безчестія (по ст. 667 X т. 1 ч.) и, во-вторыхъ, въ незначительномъ размѣрѣ вознагражденія (отъ 1 рубля до 50 рублей).

По поводу приведенныхъ соображеній можно замѣтить слѣдующее. Дѣло вовсе не въ томъ, что причиняетъ больше или меньше нравственныхъ страданій — тѣлесное ли поврежденіе или, напри-

Digitized by Google

мѣръ, пощечина: дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Вотъ почему Герм. Гр. Улож. (§ 847) не признаетъ за лично оскорбленнымъ права на денежное удовлетвореніе. Изъ Швейц. Обяз. Права, при всемъ просторѣ, предоставляемомъ законами судейскому усмотрѣнію, вопросъ о денежномъ способѣ удовлетворенія оскорбленнаго не нашелъ такого прямолинейнаго шокирующаго разрѣшенія, какой мы видимъ въ прежнихъ нашихъ проектахъ (см. эластичный § 49 Швейц. Обяз. Права и особенно ч. 2 этого параграфа). Дальнѣйшія разсужденія «Мотивовъ» о занятіяхъ, вступленіи въ бракъ и т. д. выводятъ уже насъ изъ спорной области денежнаго возмѣщенія нравственнаго вреда и вводятъ въ прозаическій міръ обыденныхъ обязательствъ имущественнаго характера, — а потому въ данномъ мѣстѣ случаи эти обсужденію не подлежатъ [1]). Наконецъ, трудно допустить, чтобы повышеніе цифры вознагражденія и устраненіе ст. 138 Уст. о Нак. могли сыграть роль моста, перекинутаго между «болѣе возвышеннымъ взглядомъ образованныхъ людей» и воззрѣніемъ «сельскаго населенія».

Итакъ, точку зрѣнія нашего новаго Проекта, не допускающаго «уплаты безчестья» слѣдуетъ привѣтствовать.

Теперь перейдемъ къ случаямъ, когда, согласно Проекту, деликты неимущественнаго характера могутъ фигурировать въ качествѣ источниковъ обязательствъ.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно не разъ обсуждался въ литературѣ не только западноевропейской, но и отечественной. О степени горячности, съ которою онъ нерѣдко обсуждался можно судить хотя бы по слѣдующимъ строкамъ проф. Петражицкаго, по рѣшительности своей напоминающимъ угрозу Іеринга искать правосудія у турецкихъ пашей.

«Вѣдь древнія буссы не исчезли просто, а смѣнились иною карательною системою, — современнымъ уголовнымъ правомъ. Но цивилисты, какъ бы для наглядной иллюстраціи того, что въ ихъ среду свѣтъ науки и прогресса не проникаетъ, что они живутъ еще мыслями и представленіями древней старины, что даже позднѣйшее болѣе развитое римское право представляется вслѣдствіе своей культурности непонятнымъ, а понятно только болѣе примитивное римское право или право еще менѣе культурныхъ варваровъ, разрушившихъ римскую имперію, не понимаютъ этой замѣны и смысла ея, а стремятся къ возстановленію прежней частно-карательной системы» («Право», 1900 г. № 15).

---

[1]) Вопросъ благополучно рѣшенъ уже дѣйствующимъ законодательствомъ: см. стт. 135[1] и 706[1] Уст. Гр. Суд. (Законъ 15 іюня 1912 г.).

Digitized by Google

Авторъ подчеркиваетъ тѣневую сторону принципа возмѣщенія неимущественнаго вреда. Онъ указываетъ на то, что денежный способъ возмѣщенія неимущественнаго вреда фигурируетъ только въ системахъ гражданскаго права низшихъ степеней культуры и является суррогатомъ неразвившагося еще уголовнаго права, что «размѣръ суммы, способной осуществить функцію эквивалента опредѣленнаго нематеріальнаго ущерба, ceteris paribus прямо пропорціоналенъ богатству того, кому такое возмѣщеніе должно быть доставлено», («Право» 1900 г. № 11). Далѣе, сопоставляя право обязательственное съ вещнымъ, профессоръ Петражицкій спрашиваетъ: почему горе, причиненное старой дѣвѣ кражею ея любимой собачки, менѣе достойно сочувствія, чѣмъ невозможность попасть на балъ изъ-за недоставленнаго платья [1])? («Право»; 1900 г. № 15). Карательный (уголовный) законъ, говоритъ тотъ же авторъ, остороженъ и умѣренъ, цивилистическая же тенденція безгранична и произвольна; для уголовнаго закона нѣтъ различія между бѣдными и богатыми, а цивилистическая защита неимущественнаго интереса стремится къ плутократическимъ цѣлямъ (См. «Право», 1900 г. № 16).

Съ другой стороны, въ нашей юридической литературѣ очень часто слышатся голоса за идею возмѣщенія неимущественнаго вреда въ деликтныхъ обязательствахъ. Еще въ 1873 г. въ «Журн. Гражд. и Угол. Права», кн. 2-я, появилась статья Пестржецкаго, въ защиту этой идеи [2]). «Конечно, — говоритъ авторъ, — деньги никогда не могутъ быть вѣрнымъ эквивалентомъ такихъ правонарушеній, и вознагражденіе, заключающееся въ деньгахъ, всегда будетъ неполнымъ удовлетвореніемъ. Но судья не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ничего другого, что онъ могъ бы дать обиженному въ удовлетвореніе, и потому лучше дать что-нибудь, чѣмъ ничего» (стран. 128) [3]).

Черезъ сорокъ, безъ малаго, лѣтъ взглядъ Пестржецкаго нашелъ защитника въ лицѣ г. Бѣляцкина (см. «Труды Петербургскаго Юри-

---

[1]) Разсужденія проф. Петражицкаго относятся одинаково какъ къ деликтнымъ обязательствамъ, такъ и къ случаямъ возмѣщенія нравственнаго вреда при неисполненіи договорныхъ обязательствъ, но мы считаемъ болѣе удобнымъ къ нимъ обратиться именно въ данномъ мѣстѣ нашей статьи.

[2]) Подобно Петражицкому, Пестржецкій говоритъ, какъ о деликтныхъ обязательствахъ, такъ и о возмѣщеніи моральнаго вреда при договорныхъ обязательствахъ.

[3]) Сыгравшая, по всей вѣроятности, въ свое время въ русской литературѣ извѣстную роль статья Пестржецкаго въ настоящее время большого значенія не имѣетъ. Центръ тяжести этой работы — въ приведенной казуистикѣ французскихъ судовъ: но послѣдняя съ большей полнотой имѣется у Zink'a («Uber die Ermittelung des Sachverhaltes im französischen Civilprozesse». München, 1860. B. II).

Digitized by Google

дическаго Общества», т. IV, 1912 г., стран. 89 и сл.). «Если денежное вознагражденіе, — замѣчаетъ, между прочимъ, г-нъ Бѣляцкинъ, — не будетъ здѣсь реституціею, то оно будетъ, по крайней мѣрѣ компенсаціею».

Въ рѣшеніи Сената 1909—46 по дѣлу, возникшему въ Царствѣ Польскомъ, г. Бѣляцкинъ видитъ уже признаніе принципа возмѣщенія неимущественнаго вреда, какъ компенсаціи, и полагаетъ, что это рѣшеніе должно имѣть значеніе для общерусскаго гражданскаго права [1]).

Любопытно отмѣтить слѣдующее характерное явленіе: гдѣ профессоръ Петражицкій видитъ возвратъ къ некультурности и варварству, тамъ для г. Бѣляцкина открывается заманчивая перспектива «развитія и укрѣпленія индивидуальной и автономной личности въ государствѣ»; вотъ почему, полагаетъ онъ, въ культурныхъ странахъ современныя законодательства возмѣщаютъ моральный вредъ.

По истинѣ, quot capita, tot sententiae...

Въ 1913 г. на интересующемъ насъ вопросѣ остановился Litauer («Themis Polska», №1, стран. 74—104. «O zadośćuczynieniu za krzywdy moralne ze stanowiska prawa cywilnego»). Указывая на «гигантскіе шаги», которые сдѣлала за истекшее столѣтіе идея возмѣщенія неимущественнаго вреда, какъ въ законодательствѣ [2]), такъ и въ судебной практикѣ, авторъ хочетъ видѣть въ этомъ явленіи знаменіе времени; протестъ проф. Петражицкаго онъ считаетъ «гласомъ, вопіющаго въ пустынѣ» (стран. 98) и симпатіи его всецѣло принадлежатъ идеѣ возмѣщенія не имущественнаго вреда. Litauer полагаетъ, что юристъ не долженъ отгораживаться отъ жизни и ея новыхъ

---

[1]) Приведемъ небольшой отрывокъ изъ этого важнаго, дѣйствительно, для русской судебной практики рѣшенія: «Когда вредъ причиненъ лицу человѣка, подвергшагося увѣчью, то при исчисленіи размѣра вознагражденія судъ не только въ правѣ, но и обязанъ принять во вниманіе рядомъ съ матеріальнымъ ущербомъ, связаннымъ съ потерею трудоспособности, и другія вредныя не менѣе тяжкія и нерѣдко непоправимыя послѣдствія увѣчья, какъ-то: разстройство здоровья, физическое уродство, большая или меньшая безпомощность потерпѣвшаго и вообще болѣе или менѣе серьезное ухудшеніе въ условіяхъ его дальнѣйшей жизни. Хотя деньги въ подобныхъ случаяхъ являются далеко не совершеннымъ способомъ вознагражденія, но тѣмъ не менѣе нѣкоторое съ помощью ихъ улучшеніе и матеріальнаго положенія потерпѣвшаго можетъ до извѣстной степени компенсировать для него зло, причиненное ему увѣчьемъ. Лишеніе же его всякаго права на такую компенсацію не оправдывалось бы ни закономъ ни справедливостью.

[2]) Авторъ указываетъ на новѣйшіе кодексы—швейцарскій, а также японскій (§§ 710 и 711), согласно которому всякій, кто умышленно или по неосторожности нанесъ кому-либо вредъ, отвѣчаетъ за него, хотя бы вредъ этотъ и былъ нематеріальнаго характера (безразлично, нарушена ли тѣлесная неприкосновенность, свобода или честь); въ случаѣ смерти потерпѣвшаго убійца обязанъ возмѣстить нравственный вредъ его родителямъ, супругу, дѣтямъ. Послѣднее начало авторъ рекомендуетъ и русскому праву de lege ferenda. Далѣе Litauer дѣлаетъ ссылку на проектъ венгерскаго уложенія.

Digitized by Google

требованій, укрываясь за отвлеченными логическими принципами или за идеею невозможности скомпенсировать несоизмѣримыя величины — нравственный вредъ и денежные знаки. Борьба съ жизнью безсмысленна и вредна. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ опасаться слишкомъ широкаго примѣненія новой идеи возмѣщенія нравственнаго вреда. Не слѣдуетъ въ этой идеѣ видѣть демократическую панацею отъ всѣхъ золъ капитализма, какъ нельзя, съ другой стороны, видѣть и затѣю плутократическаго характера (проф. Петражицкій). Относительно опредѣленія размѣра вознагражденія авторъ, въ виду «мѣстныхъ, преходящихъ условій» нашей жизни, рекомендуетъ руководствоваться принципомъ Бэкона «optima lex, quae iudici minimum relinquit», но въ принципѣ Litauer предпочитаетъ свободное судейское усмотрѣніе (стран. 104).

Разбираясь въ воззрѣніяхъ упомянутыхъ выше авторовъ, легко можно замѣтить, что споръ вызванъ, главнымъ образомъ, принципіальными соображеніями моральнаго характера. Противники идеи возмѣщенія неимущественнаго вреда видятъ въ ней закономъ санкціонируемую мѣну человѣческой жизни, здоровья и личныхъ переживаній на звонкій металлъ, организованную торговлю неотчуждаемыми благами за наличный разсчетъ — и съ брезгливостью отъ нея отворачиваются.

Сторонники же этой идеи становятся на почву практицизма и совѣтуютъ не пренебрегать деньгами, могущими въ нашъ меркантильный вѣкъ смягчить горечь утраты и утереть слезу печали. Но въ области договорныхъ отношеній возмѣщеніе нравственнаго вреда находитъ оправданіе въ самодовлѣющей цѣнности самоопредѣляющейся воли контрагента. Оно играетъ роль, хотя и далеко несовершеннаго, однако единственнаго почти орудія, при помощи котораго можно обезпечить интересъ вѣрителя въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны во-время не воспользовались оговоркою о неустойкѣ.

Съ этической стороны, какъ мы видѣли выше, защита всякаго договора и возмѣщеніе неимущественнаго вреда не представляетъ ничего предосудительнаго. Не то въ деликтныхъ обязательствахъ: если тамъ возмѣщеніе неимущественнаго интереса есть только орудіе, болѣе или менѣе совершенное, то тутъ такое возмѣщеніе есть, какъ ни какъ, компромиссъ. Допуская подобную сдѣлку съ укоренившимися этическими устоями отдѣльныхъ индивидовъ и всего общества, легко перешагнуть ту острую грань, которая отдѣляетъ компромиссъ, сравнительно невинный, отъ явленій, абсолютно недопустимыхъ въ культурномъ обществѣ. Мы уже видѣли положительное отношеніе прежнихъ проектовъ къ «уплатѣ безчестья» и

Digitized by Google

отрицаніе этой идеи въ новомъ Проектѣ (см. выше). Такъ же неувѣренно шагаетъ по скользкой плоскости занимающаго насъ вопроса и теорія. Litauer, напр., рекомендуетъ признать, по образцу японскаго кодекса, переходъ права на вознагражденіе за нравственный вредъ по наслѣдству. Этого автора, по всей вѣроятности, не удовлетворило бы даже то дополненіе ст. 1201 ч. 2 [1]), которое внесли авторы новаго Проекта (14 октября 1913 г.).

Законодательство, — если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ у насъ, въ странѣ съ такою молодою, далеко еще не ставшею достояніемъ народныхъ массъ, культурою, — въ извѣстной степени, должно брать на себя педагогическія функціи и время отъ времени указывать, «что нельзя, и что возможно».

Опасною можетъ потому оказаться попытка взять, какъ то совѣтуетъ Litauer, за критерій то, co jest, co stanowi fakt powszechnie realny [2]) (стран. 98). Вѣдь ab esse ad necesse non valet consequentia.

Общераспространенное въ извѣстныхъ слояхъ общества обыкновеніе прибѣгать при заключеніи брака къ возмезднымъ услугамъ свахи, еще не есть основаніе для законодательной санкціи обѣщанія уплачивать гонораръ брачныхъ дѣлъ мастерамъ. Допустимъ на мигъ, что наши суды, вопреки воззрѣніямъ Сената (1867—70 и 1899—82) начали присуждать свахамъ гонораръ съ новобрачныхъ, вступившихъ въ законный бракъ при ихъ содѣйствіи; допустимъ даже, что предпріимчивыя посредницы, почувствовавъ въ виду этого подъ ногами почву, обзавелись матримоніальными конторами, прибѣгли къ публикаціи, рекламамъ, обзавелись готовыми печатными бланками для заключенія договоровъ о гонорарѣ, повѣренными-юрисконсультами по дѣламъ брачнымъ и прочими солидными аттрибутами капиталистическаго производства, — все же законодателю не приличествовало бы стать на стражѣ интересовъ свахъ и занять постъ у порога такого матримоніальнаго заведенія. Писатели—сторонники возмѣщенія моральнаго вреда обычно ссылаются на Францію. Однако, разбираясь въ практикѣ французскихъ судовъ, мы видимъ, что съ нею слѣдуетъ обращаться осторожно, съ опаскою. Достаточно просмотрѣть коллекцію казусовъ, собранныхъ у E. Zink'a (Uber die Ermittelung des Sachverhaltes im französischen Civilprozesse, B. II, казусы №№ 245—248, 251, 253 и др.), чтобы усомниться въ пріемлемости начала возмѣщенія нравственнаго вреда при деликтахъ. Невольно припоминается назидательная картина, нарисованная проф. Петражицкимъ: мужъ, опустошающій

[1]) Текстъ статьи 1201 ч. 2. См. «Записку» стран. 407 и Герм. Гражд. Улож. § 847.

[2]) Т.-е. дѣйствительность, обращающуюся въ обыденный реальный фактъ.

Digitized by Google

на законномъ основаніи карманъ любовника своей жены («Право», 1900 г. № 15).

Не мысль о неизмѣримости двухъ разнохарактерныхъ величинъ — нравственнаго вреда и денежныхъ знаковъ, а этическія побужденія должны оттолкнуть насъ отъ принципа возмѣщенія такого вреда при деликтахъ.

Проектъ, отдавая въ стт. 1201 и 1202 дань модному сейчасъ воззрѣнію, правда, очертилъ, по примѣру Германскаго Улож., довольно узкій кругъ случаевъ, допускающихъ денежный способъ возмѣщенія нравственнаго вреда. Будемъ надѣяться, что «справедливое усмотрѣніе суда» не обманетъ надеждъ нарождающагося новаго русскаго гражданскаго кодекса и не обратитъ, профанируя стт. 1201 и 1202, право потерпѣвшаго на возмѣщеніе нравственнаго вреда въ статью его дохода. Ceterum censeo, что было бы лучше именно въ данный моментъ, когда широкая формулировка стт. 135[1] и 136[1] Уст. Гр. Суд. даетъ и безъ того сильное оружіе въ руки судьи, — опустить совершенно упоминаніе о нравственномъ вредѣ.

Въ данномъ случаѣ конкуренція гражданскаго права съ другими отраслями права, — главнымъ образомъ, уголовнымъ, грозитъ перейти въ нежелательное ни съ какой точки зрѣнія, непрошенное вторженіе въ чужія владѣнія, — вторженіе, могущее нанести «нравственный вредъ» общественному правосознанію.

Въ частности нельзя согласиться съ г. Бѣляцкинымъ [1]) относительно желательности толкованія судомъ ст. 23 Закона 20 марта 1911 г. («Размѣръ вознагражденія, причитающагося автору..., устанавливается судомъ по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по справедливому усмотрѣнію») въ смыслѣ допущенія денежнаго возмѣщенія нравственнаго вреда.

Стт. 620 и 622 Угол. Улож. въ достаточной степени защищаютъ интересы автора. «Если же посягательство не заключало въ себѣ состава преступленія», и по этой причинѣ авторъ лишенъ (уголовной) «защиты», то очень рисковано замѣнить уголовную репрессію цивильно-правовымъ суррогатомъ, какъ рекомендуетъ г. Бѣляцкинъ. Получилось бы нѣчто въ родѣ практикующейся у насъ системы восполненія уголовныхъ кодексовъ доморощенными нормами административнаго происхожденія...

Объектъ обязательственныхъ отношеній.

Мы послѣдовательно разсмотрѣли наиболѣе характерныя особенности понятія обязательства въ Проектѣ 14 октября 1913 г.

[1]) «Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ».

Digitized by Google

Въ заключеніе остановимся на статьяхъ Проекта, которыя можно безъ преувеличенія назвать революціонными. Трудно, конечно, предугадать, какъ используетъ судебная практика эти статьи. Но, если она широко воспользуется ими, то революція неизбѣжна, — революція, правда, безкровная, но и безпощадная. Paulus въ святой простотѣ увѣрялъ, что «Obligationum substantia non in eo consistit, ut aliquod corpus nostrum aut servitutem nostram faciat, sed ut alium nobis obstringat ad dandum aliquid vel faciendum vel praestandum» (D. 44, 7 l. 3 pr.). Бѣдный, наивный старикъ, онъ и не подозрѣвалъ, какія дерзновенія возможны будутъ въ XX вѣкѣ; самъ онъ слишкомъ привыкъ къ своимъ туземнымъ «романистическимъ» воззрѣніямъ и предразсудкамъ и не могъ додуматься до простого способа доставать рукою чужое имущество черезъ голову его собственника. Между тѣмъ, это такъ легко: «вѣритель въ случаѣ неисполненія должникомъ обязательства, имѣющаго предметомъ передачу особливо опредѣленнаго имущества, въ правѣ просить судъ объ отобраніи имущества отъ должника и передачѣ ему, вѣрителю» (ст. 133 Проекта)

Если почему-либо самъ ли Paulus или кто-либо изъ его современныхъ приверженцевъ усомнился бы въ истинномъ значеніи ст. 133, къ его услугамъ ст. 300 того же Проекта («Въ случаѣ уклоненія наймодавца отъ добровольной передачи отданнаго въ наемъ имущества, таковое, по требованію нанимателя, можетъ быть передано ему по рѣшенію суда»).

Въ смыслѣ радикальности съ приведенными статьями могла поспорить только блаженной памяти ст. 1736 Объед. Проекта 1905 г. («Купившій замѣнимыя вещи можетъ, по своему усмотрѣнію, или требовать по суду отобранія ихъ отъ продавца и передачи ему, покупщику, или же...» и т. д.) [1]). Но кто сей титанъ, оказавшійся способнымъ столкнуть юридическую мысль авторовъ нашего Проекта съ избитой тропы, проложенной десятками вѣковъ? Кто перепуталъ представленія о вещныхъ и обязательственныхъ правоотношеніяхъ? Въ подстатейныхъ указаніяхъ къ ст. 1658 Объед. Проекта 1905 г., соотвѣтствующей ст. 133 новаго Проекта, ссылокъ на законодательства много, хоть отбавляй. Но суть не въ указанныхъ ссылкахъ, не въ параграфахъ иностранныхъ кодексовъ, разбросанныхъ щедрою рукою подъ ст. 1658 Проекта. Ихъ роль, очевидно, — въ лучшемъ случаѣ, украсить Проектъ, а въ худшемъ, лишній разъ засвидѣтельствовать, что человѣческой

[1]) О причинахъ исключенія этой статьи изъ новаго Проекта с. «Записку» Министра Юстиціи, изъ которой видно, что исключена она вовсе не изъ соображеній принципіальнаго характера.

Digitized by Google

душѣ свойственна любопытная психологическая черточка, подмѣченная еще Овидіемъ: Video meliora proboque, deteriora sequor...

Стт. 133 и 300 суть не продуктъ экзотическій, заморскій, а плодъ, выращенный на родной нивѣ, на тучной почвѣ рѣшенія Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1880—118. «По закону всякій договоръ налагаетъ на договаривающихся обязанность его исполнить. Въ случаѣ неисполненія одною стороною принятаго ею на себя обязательства, другая сторона имѣетъ право посредствомъ суда требовать исполненія договора... Въ случаѣ непередачи нанимателю собственникомъ, вопреки принятому имъ на себя обязательству, отданнаго въ наемъ имущества, наниматель, согласно общему правилу, можетъ осуществить свое право по договору посредствомъ суда, такъ какъ предметомъ договора представляется не какое-либо дѣйствіе, которое можетъ быть исполнено только извѣстнымъ лицомъ, а имѣніе, которое можетъ быть передано въ пользованіе нанимателя и безъ содѣйствія собственника».

Приведенное рѣшеніе Сената подверглось со стороны цивилистовъ критикѣ [1]), характеръ коей отнюдь не свидѣтельствуетъ ни о популярности идеи, провозглашенной Сенатомъ, ни о какихъ-либо перемѣнахъ въ цивилистической систематикѣ, происшедшихъ подъ вліяніемъ его авторитета. Мало того, прошло два года, и Сенатъ въ рѣшеніи 1882—59 поучаетъ: «Въ противоположность вещному праву на чужое имущество, изъ договорнаго отношенія по имуществу возникаетъ не право на имущество, а только обязательство между договаривающимися лицами». Такимъ образомъ, оказалось, что Сенатъ самъ себя не убѣдилъ въ непреложности своего воззрѣнія, нашедшаго мѣсто въ 1880—118. Но, поистинѣ, мысль человѣческая безсмертна: слово, сказанное тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, отдавалось глухимъ эхомъ въ тысячахъ судебныхъ рѣшеній, вынесенныхъ за это время судами Россійской Имперіи, окрѣпло, по какимъ-то неисповѣдимымъ акустическимъ законамъ, и, наконецъ, увѣренно прозвучало въ преподнесенномъ 14 октября 1913 г. Министерствомъ Юстиціи нашему парламенту Проектѣ Обязательственнаго Права.

Александръ Винаверъ.

---

[1]) См. напр.: Синайскій, Учебн. русск. гражд. права, стран. 255—256; Шершеневичъ, Учебникъ русск. гражд. права, стран. 586—587.

Digitized by Google

Союзъ и товарищество.

(Опытъ анализа понятій).

Соединеніе силъ и средствъ отдѣльныхъ лицъ для достиженія избранной цѣли различается, обыкновенно, по признаку этой цѣли — матеріальной или идеальной и регулируется нормами гражданскаго, административнаго или государственнаго права. Товарищество и общество одинаково являются союзами лицъ, сходными по внѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ и, по сущности, подлежащими опредѣленію нормъ гражданскаго права вслѣдствіе наличности имущественныхъ и личныхъ отношеній между членами, права обладанія, пользованія и распоряженія имуществомъ.

То и другое, какъ отдѣльные роды союзовъ, получили извѣстныя опредѣленія въ законѣ. Но нашему законодательству свойственно особое понятіе союза, какъ такового, не нашедшее опредѣленія въ кодексѣ и, тѣмъ не менѣе, присущее ему и вошедшее въ правовой обиходъ. Попыткѣ опредѣленія этого понятія и посвященъ настоящій очеркъ.

Терминомъ союзъ нашъ Сводъ Законовъ пользуется для обозначенія разнаго рода единеній, какъ матеріальнаго, такъ и идеальнаго порядка, какъ единенія лицъ, такъ и единенія коллективовъ, употребляя его на ряду съ другими обозначеніями единенія; но, всматриваясь въ тѣ группы единеній, къ которымъ Сводъ Законовъ преимущественно примѣняетъ этотъ терминъ, мы увидимъ, что въ примѣненіи термина союзъ имѣется система, свидѣтельствующая о томъ, что въ него вкладывается вполнѣ опредѣленное содержаніе.

Такъ, въ основныхъ государственныхъ законахъ, въ главѣ «О правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ», въ ст. 80 говорится: «Россійскіе подданные имѣютъ право образовывать общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ. Условія образованія обществъ и союзовъ, порядокъ ихъ дѣйствій, условія и порядокъ сообщенія имъ правъ юридическаго лица, равно какъ порядокъ закрытія обществъ и союзовъ, опредѣляются закономъ». (Св. Зак. т. I, ч. 1, гл. VIII, ст. 80.)

Digitized by Google

Ст. 362 т. I ч. 2, Учрежденія Министерствъ, опредѣляющая вѣдѣніе Департамента Полиціи, снабжена примѣчаніемъ: «Общества и союзы могутъ быть образованы безъ испрошенія на то разрѣшенія правительственной власти, съ соблюденіемъ временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ (Уст. Пром., ст. 11, примѣч. 5, прилож. по Прод.; Уст Пред. Прест. ст. 118[1], прилож. 1 по Прод.)».

Въ Положеніи объ учрежденіяхъ мелкаго кредита — въ ст. 90 Раздѣла X Устава Кредитнаго, т. XI ч. 2, тотъ же терминъ союзъ примѣненъ къ объединенію этихъ учрежденій: «учрежденіямъ мелкаго кредита предоставляется, для объединенія ихъ дѣятельности и установленія взаимныхъ между ними сношеній, образовать союзы».

Весьма важно при этомъ отмѣтить, что отмѣненное этимъ Положеніемъ (1904 г.) Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита 1895 г. не заключало указаній на право этихъ учрежденій образовывать союзы и терминъ «союзъ» въ этомъ Положеніи (ст. 37) упоминался въ ряду другихъ объединеній, какъ равнозначащій «товариществамъ, артелямъ и другимъ подобнымъ союзамъ»: ему придавалось значеніе объединенія лицъ. Въ соотвѣтствующей статьѣ Положенія 1904 г. этотъ терминъ уже исключенъ, и мы встрѣчаемъ его не въ общемъ его значеніи объединенія лицъ, а въ особомъ значеніи объединенія учрежденій.

Въ Положеніи о взаимномъ страхованіи, т. XII, имѣется глава «О союзѣ обществъ взаимнаго страхованія отъ огня». Согласно ст. 444 Положенія, союзъ обществъ взаимнаго страхованія отъ огня имѣетъ цѣлью взаимное между этими обществами перестрахованіе принимаемыхъ каждымъ изъ нихъ рисковъ.

Таковы немногочисленные случаи употребленія языкомъ Свода Законовъ термина союзъ; даже при поверхностномъ взглядѣ на перечисленныя положенія Свода о союзахъ бросается въ глаза несогласованность примѣненія термина, свидѣтельствующая объ отсутствіи точнаго опредѣленія понятія, и эта несогласованность еще рѣзче выдѣлится, если мы укажемъ на примѣненіе этого же термина законами гражданскими къ понятію соединенія лицъ въ положеніяхъ: о союзѣ брачномъ, союзѣ родителей и дѣтей и о союзѣ родственномъ. (Св. Зак. т. X ч. 1 Разд. I—III.)

Послѣднее есть отраженіе особаго дѣленія общеній на союзы внутренніе и внѣшніе, или общежительные, принятаго гр. Сперанскимъ. («Руководство къ познанію законовъ»).

Несогласованность эта сказывается не только въ примѣненіи этого термина безразлично къ объединеніямъ физическихъ лицъ и коллективовъ, но и въ примѣненіи его къ объединенію обществъ и товариществъ, обычно различаемыхъ по характеру ихъ особой юри-

Digitized by Google

дической дѣятельности. Войдя въ обиходъ правовыхъ понятій, понятіе союза въ каждой изъ перечисленныхъ группъ мыслится, какъ вполнѣ ясное и не нуждающееся въ опредѣленіи; между тѣмъ, это понятіе не имѣетъ опредѣленія въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ, въ другихъ же частяхъ Свода Законовъ оно также не нашло точнаго опредѣленія, примѣняется безразлично къ единеніямъ матеріальнаго или идеальнаго характера, къ нѣкоторымъ изъ нихъ казалось бы, подходящимъ подъ понятіе союза, Сводъ прилагаетъ другіе термины, также не имѣющіе точнаго опредѣленія; въ то же время административная практика по утвержденію уставовъ своеобразныхъ объединеній кооперацій послѣдовательно примѣняетъ къ нимъ терминъ «союзъ», закрѣпляя этимъ примѣненіемъ практику кооперативныхъ учрежденій и вводя въ правовой обиходъ понятіе, свойственное нашему законодательству, но еще не нашедшее точнаго и окончательнаго опредѣленія. Существенно важнымъ является то обстоятельство, что эта практика, въ свою очередь, отразила правовыя представленія общества, сложившіяся и ищущія выраженія въ законѣ.

Представляется необходимымъ выработать правовое опредѣленіе союза, безъ чего невозможно установленіе правильнаго взгляда на значеніе союзовъ, и настоящій очеркъ является попыткою подойти къ опредѣленію понятія сгруппированіемъ имѣющагося для этого матеріала.

Терминъ «союзъ» былъ извѣстенъ нашему законодательству XVIII вѣка, въ концѣ котораго и въ началѣ XIX вѣка развитіе тайныхъ союзовъ и обществъ обратило на нихъ вниманіе правительства («Союзъ спасенія», «Сѣверный союзъ»), и нельзя не признать, что наличность политическихъ цѣлей у образовавшихся въ началѣ XIX вѣка союзовъ была одною изъ причинъ того, что этотъ терминъ позднѣе не встрѣчается въ Сводѣ Законовъ. Наши гражданскіе законы не упоминаютъ о союзахъ, какъ единеніи матеріальнаго или идеальнаго порядка: по этой причинѣ, Государственный Совѣтъ въ 1906 г., при разсмотрѣніи представленія Министерства внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи земствамъ образовывать союзы для совмѣстной выписки и продажи земледѣльческихъ орудій, машинъ, сѣмянъ и пр., отвергъ это представленіе и предоставилъ земствамъ образовывать товарищества.

Основаніемъ къ отклоненію предложенія Министра внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи земствамъ права образовывать союзы послужили слѣдующія соображенія, которыя мы считаемъ нужнымъ привести въ части, касающейся взгляда законодательнаго учрежденія на значеніе изслѣдуемаго нами понятія.

Digitized by Google

«Земскимъ учрежденіямъ имѣется въ виду предоставить образовывать, по взаимному соглашенію, посредническіе товарищества и союзы, при чемъ въ представленіи не указано, чѣмъ эти союзы будутъ отличаться отъ товариществъ. Какъ товариществамъ, такъ и союзамъ предполагается предоставить право пріобрѣтать и отчуждать имущества, заключать договоры, вступать въ обязательства, предъявлять иски и отвѣчать на судѣ по имущественнымъ дѣламъ. Между тѣмъ, понятіе товарищества точно опредѣлено гражданскими законами (Свод. Зак. т. X ч. 1, изд. 1900 г., ст. 2126 и слѣд.), тогда какъ образуемые земскими учрежденіями союзы явились бы неизвѣстнымъ нашему гражданскому законодательству установленіемъ, требующимъ особаго опредѣленія. По мнѣнію Соединеннаго Присутствія, не встрѣчается надобности вводить въ гражданскіе законы означенное новое понятіе. Вышеуказанная цѣль объединенія дѣятельности земскихъ учрежденій вполнѣ можетъ быть достигнута предоставленіемъ имъ учреждать посредническія товарищества для пріобрѣтенія и продажи необходимыхъ для сельскаго хозяйства предметовъ. Въ виду сего Департаменты предпочли указаніе на союзы устранить».

Въ томъ же 1906 г. мы встрѣчаемъ попытку опредѣлить понятіе союза въ законодательномъ актѣ объ обществахъ и союзахъ: «обществомъ почитается соединеніе нѣсколькихъ лицъ, которыя, не имѣя задачею полученіе для себя прибыли отъ веденія какого-либо предпріятія, избрали предметомъ своей совокупной дѣятельности опредѣленную цѣль, а союзомъ — соединеніе двухъ или нѣсколькихъ такихъ обществъ, хотя бы чрезъ посредство ихъ уполномоченныхъ».

Это указаніе закона мы совершенно не можемъ считать опредѣленіемъ понятія союза; союзъ есть соединеніе обществъ, «хотя бы чрезъ посредство ихъ уполномоченныхъ», гласитъ ст. 1 Прилож. 1 къ ст. 118[1] Уст. о Пред. и Прес. Преступленій; послѣднее ограниченіе не только не вноситъ ясности въ опредѣленіе, но затемняетъ его: если рѣчь идетъ о соединеніи, которое можетъ произойти безъ участія уполномоченныхъ, то здѣсь должно имѣть мѣсто сліяніе, поглощеніе одного общества другимъ, т.-е. ликвидація одного и увеличеніе состава и имущества другого; это — не союзъ, не объединеніе, при которомъ общества совмѣстно дѣйствуютъ, какъ можно было бы понимать союзъ, связь, а самое сліяніе, свидѣтельствующее объ образованіи новаго общества; такая связь только и возможна чрезъ установленіе представительства уполномоченныхъ, которое законъ почему-то относитъ на второй планъ, считая его побочнымъ, и предполагая возможность союза, главнымъ

Digitized by Google

образомъ, въ видѣ соединеннаго дѣйствія всѣхъ членовъ двухъ образовавшихъ союзъ обществъ.

Одновременно съ закономъ объ обществахъ и союзахъ былъ разсмотрѣнъ и изданъ законъ о профессіональныхъ обществахъ, учреждаемыхъ для лицъ, занятыхъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, или для владѣльцевъ этихъ предпріятій (т. XI ч. 2 Св. Зак. Уст. Пром. Приложеніе къ ст. 11).

Ст. 6 этого закона «соединеніе двухъ или нѣсколькихъ профессіональныхъ обществъ въ союзъ воспрещается».

Здѣсь мы уже не встрѣчаемъ попытки опредѣленія понятій союза, что, возможно, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оба закона — объ обществахъ и союзахъ и о профессіональныхъ обществахъ были разсмотрѣны одновременно. Но въ соображеніяхъ о профессіональныхъ союзахъ мы встрѣчаемъ такое указаніе: «отличительнымъ признакомъ союза служитъ объединеніе дѣятельности входящихъ въ его составъ обществъ въ управленіе союза, состоящаго изъ уполномоченныхъ отъ этихъ обществъ».

Такъ какъ, несомнѣнно, нѣкоторыя изъ соображеній правительства, принятыя Государственнымъ Совѣтомъ и легшія въ основаніе указанныхъ законовъ, сохраняютъ свое значеніе и продолжаютъ оставаться дѣйствующею силой, вліяющей на судьбы нашихъ объединеній, хотя бы и не сходныхъ съ обществами, которыя имѣлись въ виду при изданіи законовъ 1906 г., мы считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ соображеніяхъ и привести нѣкоторыя изъ нихъ.

Осуществленіе Манифеста 17 октября 1905 г. требовало изданія законовъ, которыми регулировалась бы потребность населенія въ объединеніи для достиженія совмѣстными усиліями какой-либо цѣли. Анализируя понятіе этого объединенія, Государственный Совѣтъ оперировалъ слѣдующими терминами: единеніе, объединеніе, общество, сообщество, союзъ, товарищество и «иныя соединенія», употребляя всѣ эти термины въ текстѣ производства, какъ равнозначащіе. Изъ этихъ терминовъ въ текстъ закона вошли лишь «общество» и «союзъ», остальные же являются лишь въ изложеніи основаній закона, при чемъ термины «сообщество» и «товарищество» были исключены изъ первоначальнаго текста закона, — первый, какъ принятый въ уголовномъ кодексѣ, а второй, какъ свойственный гражданскому кодексу: указанныя выраженія, введенныя въ законъ объ обществахъ и союзахъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, «могли бы быть неправильно истолкованы при примѣненіи на практикѣ правилъ узаконенія объ обществахъ и союзахъ».

Digitized by Google

По 2-й статьѣ проекта закона объ обществахъ и союзахъ, соединеніе въ союзъ двухъ или нѣсколькихъ обществъ было поставлено въ одинъ рядъ съ образованіемъ въ обществѣ отдѣленій и допускалось лишь съ утвержденія подлежащаго Министра или Главноуправляющаго, въ предѣлахъ полномочій, принадлежащихъ имъ по дѣйствующимъ законамъ.

По этому поводу Государственный Совѣтъ высказалъ соображенія, сохранившія и въ настоящее время свое значеніе и опредѣляющія отношеніе руководящихъ круговъ къ дѣлу объединеній, стоящихъ далеко отъ предмета закона объ обществахъ и имѣющихъ свои особыя задачи.

По мнѣнію Государственнаго Совѣта, «включеніе въ проектъ приведеннаго правила вызывается тѣмъ соображеніемъ, что объединеніе нѣсколькихъ обществъ въ общую организацію или союзъ, равно какъ развѣтвленіе одного общества на различныя отдѣленія сосредоточиваетъ въ центральномъ органѣ такого союза или общества значительную власть, открывая ему возможность почти безграничнаго вліянія на дѣятельность отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ означенныхъ соединеній, лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при извѣстномъ направленіи этого центральнаго органа дѣятельность подобныхъ союзовъ и обществъ можетъ принять угрожающій для общественнаго порядка и спокойствія характеръ. Во вниманіе къ сему, на Западѣ, напримѣръ, въ законодательствахъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, до 1899 г. объединеніе отдѣльныхъ обществъ въ союзы вовсе запрещалось. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ союзъ отдѣльныхъ обществъ можетъ въ значительной мѣрѣ способствовать достиженію тѣхъ полезныхъ цѣлей, которыя преслѣдуются каждымъ обществомъ въ отдѣльности. Если въ виду этого запрещеніе вообще образованія союзовъ и отдѣленій обществъ нежелательно, то правительству должна быть, однако же, обезпечена возможность слѣдить за возникновеніемъ и пресѣкать дѣятельность тѣхъ изъ указанныхъ организацій, которыя принимаютъ вредное для государственнаго и общественнаго порядка направленіе».

Одновременно съ приведеннымъ законопроектомъ Государственнымъ Совѣтомъ разсмотрѣнъ былъ проектъ положенія о профессіональныхъ обществахъ и союзахъ, учреждаемыхъ для лицъ, занятыхъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Изданіемъ этого узаконенія рабочимъ открывается, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, «законный путь къ удовлетворенію совмѣстными усиліями ихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабляется для нихъ и соблазнъ уклоненія въ сторону

Digitized by Google

политики». «По заявленію Предсѣдателя Совѣта Министровъ, въ настоящее время имѣются довольно благопріятныя условія для воздѣйствія въ указанномъ направленіи на рабочія массы». Такимъ образомъ, цѣль одновременнаго разсмотрѣнія законовъ объ обществахъ и союзахъ и о профессіональныхъ обществахъ заключалась въ томъ, чтобы, до созыва Государственной Думы, удержать рабочихъ отъ вступленія въ политическія общества, которыя образовались бы на основаніи перваго изъ этихъ законовъ.

Интересно отмѣтить отношеніе Государственнаго Совѣта къ вопросу объ открытіи профессіональными обществами отдѣленій и объ образованіи союзовъ, въ связи съ приведенными выше взглядами Совѣта.

По этому поводу Государственный Совѣтъ принялъ во вниманіе, что «соображенія, побудившія его отнестись, при разсмотрѣніи проекта временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ, съ особою осторожностью къ вопросу объ образованіи союзовъ и къ развѣтвленію обществъ на отдѣленія, пріобрѣтаютъ еще большее значеніе по отношенію къ профессіональнымъ ассоціаціямъ. Соединеніе обществъ рабочихъ въ союзы можетъ представить серьезную опасность для общественнаго спокойствія и порядка, образованіе же союзовъ изъ обществъ предпринимателей можетъ проложить путь возникновенію промышленныхъ синдикатовъ. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что достиженіе профессіональныхъ цѣлей вполнѣ доступно и для отдѣльныхъ обществъ, Государственный Совѣтъ предпочелъ вовсе не допускать образованія профессіональныхъ союзовъ. Что же касается предположенія о предоставленіи профессіональнымъ обществамъ права открывать отдѣленія для опредѣленныхъ мѣстностей или же для опредѣленныхъ группъ своихъ членовъ, то при извѣстныхъ условіяхъ профессіональное общество съ отдѣленіями ничѣмъ собственно отличаться не будетъ отъ профессіональнаго союза. Отличительнымъ признакомъ союза служитъ объединеніе дѣятельности входящихъ въ его составъ обществъ въ управленіе союза, состоящаго изъ уполномоченныхъ отъ этихъ обществъ лицъ. Но если общество откроетъ такія отдѣленія, которыя будутъ управляться особыми органами, и если при томъ собраніе уполномоченныхъ отъ такихъ отдѣленій будетъ замѣнять общее собраніе общества, какъ то предусмотрѣно въ ст. 9 проекта, то при подобной федеративной организаціи общество утратитъ присущій ему обособленный характеръ и обратится въ союзъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ обществъ. Въ виду этого образованіе въ составѣ профессіональныхъ обществъ отдѣленій можетъ представлять ту же опасность, какъ и профессіональный союзъ, а потому

Digitized by Google

такую организацію слѣдовало бы, собственно, вовсе не допускать. Однако, совершенное воспрещеніе профессіональному обществу имѣть отдѣленія крайне стѣснить въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣятельность общества, главнымъ образомъ, пріемъ въ его составъ членовъ, живущихъ внѣ мѣста нахожденія самого общества». Послѣднія соображенія побудили Совѣтъ разрѣшить обществамъ открытіе отдѣленій, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что эти отдѣленія не могутъ имѣть особаго отъ общества управленія.

Приведенныя подробныя выдержки изъ соображеній Государственнаго Совѣта по вопросамъ о земскихъ союзахъ и товариществахъ, объ обществахъ и союзахъ и о профессіональныхъ обществахъ даютъ весьма цѣнный матеріалъ для выясненія вопроса о понятіи союза, какъ оно представлено въ нашемъ кодексѣ, но раньше, чѣмъ анализировать этотъ матеріалъ, мы хотѣли бы сдѣлать попытку, не касаясь пока вопроса о союзахъ товариществъ, нормируемыхъ особыми законоположеніями, найти въ Сводѣ Законовъ иныя указанія на союзы, которыя дополнили бы этотъ матеріалъ и дали бы нѣчто, что могло бы служить для наиболѣе полнаго опредѣленія понятія союза.

Одно изъ такихъ указаній даетъ Положеніе о взаимномъ страхованіи т. XII, въ главѣ о союзѣ обществъ взаимнаго страхованія отъ огня. Согласно приведенной выше ст. 444 Положенія, союзъ обществъ взаимнаго страхованія отъ огня имѣетъ цѣлью взаимное между этими обществами перестрахованіе принимаемыхъ каждымъ изъ нихъ рисковъ; согласно ст. 445, союзъ считается состоявшимся, если число обществъ, заявившихъ о желаніи вступить въ него, будетъ не менѣе двѣнадцати, а сумма собранныхъ ими за предшествующій годъ страховыхъ премій—не менѣе 400.000 руб. Кромѣ Правленія и Наблюдательнаго Комитета, управленіе дѣлами союза принадлежитъ общему собранію представителей участвующихъ въ союзѣ страховыхъ обществъ (ст. 453).

Если оставить нормы, касающіяся союзовъ учрежденій мелкаго кредита и кооперативныхъ учрежденій, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, приведенными положеніями закона ограничивается употребленіе Сводомъ Законовъ термина союзъ, и мы можемъ остановиться на нихъ для изслѣдованія элементовъ, какіе вкладываются въ это понятіе закономъ.

Сопоставленіе приведенныхъ положеній даетъ нѣкоторый матеріалъ для выясненія вопроса о значеніи союза по нашимъ законамъ. Мы считаемъ возможнымъ воспользоваться при этомъ соображеніями, высказанными Государственнымъ Совѣтомъ по вопросу о союзахъ обществъ рядомъ съ соображеніями о союзѣ земствъ и признанными

Digitized by Google

другаго рода союзовъ, примѣняя отмѣченныя черты въ дальнѣйшемъ изложеніи и къ союзамъ товариществъ на томъ основаніи, что понятіе общества въ законѣ объ обществахъ не нашло себѣ точнаго опредѣленія и на дѣлѣ ведетъ къ смѣшенію понятій и къ примѣненію требованій этого закона къ такимъ объединеніямъ, которыя не могутъ быть причислены къ обществамъ въ собственномъ смыслѣ.

Государственный Совѣтъ, отвергая учрежденіе земствами союзовъ, какъ установленія, неизвѣстнаго нашему гражданскому законодательству и требующаго особаго опредѣленія, призналъ, что цѣль — объединеніе дѣятельности земскихъ учрежденій вполнѣ можетъ быть достигнута предоставленіемъ имъ учреждать посредническія товарищества для пріобрѣтенія и продажи необходимыхъ для сельскаго хозяйства предметовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государственный Совѣтъ отмѣтилъ, что у проектированныхъ союзовъ и товариществъ есть одинъ общій признакъ: тѣмъ и другимъ предполагается предоставить право пріобрѣтать и отчуждать имущества, заключать договоры, вступать въ обязательства, предъявлять иски и отвѣчать въ судѣ по имущественнымъ дѣламъ. Находя, что эти признаки свойственны товариществамъ и что данная цѣль можетъ быть достигнута ими на общемъ основаніи законовъ гражданскихъ, Государственный Совѣтъ отклонилъ указаніе на союзы и не остановился болѣе подробно на опредѣленіи понятія союза.

Между тѣмъ, несомнѣнно, что въ пониманіи этого рода единенія существуетъ какая-то особенность, какой-то признакъ, который отличаетъ понятіе союза отъ понятія товарищества, что̀ подтверждается и ходатайствами земствъ, и упомянутымъ представленіемъ Министра внутреннихъ дѣлъ. Для уясненія этихъ особенностей мы попытаемся сопоставить разбросанныя въ приведенныхъ выдержкахъ данныя, которыя могутъ послужить нѣкоторымъ матеріаломъ для опредѣленія.

Прежде всего, мы считаемъ необходимымъ указать на то обстоятельство, что терминъ союзъ, не упоминаемый нашими гражданскими законами, примѣняется въ Сводѣ Законовъ не ко всѣмъ объединеніямъ. Законы гражданскіе для объединеній употребляютъ термины: товарищество, компанія, общество, артель, при чемъ первый изъ нихъ является общимъ для всѣхъ видовъ объединенія; тѣ же термины приняты и Уставомъ Торговымъ. Означая по словообразованію связь, соединеніе, и потому могущій быть примѣненнымъ къ понятію соединенія лицъ, терминъ союзъ въ нашемъ Сводѣ Законовъ потерялъ, кромѣ понятія о союзѣ брачномъ, союзѣ родителей и дѣтей

Digitized by Google

и о союзѣ родственномъ, примѣненіе его къ объединенію лицъ и сталъ примѣняться къ объединенію коллективовъ.

Слѣдующимъ признакомъ союза мы считаемъ его цѣль, отличную отъ цѣлей товарищества и въ томъ случаѣ, если это будетъ товарищество коллективовъ. Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ и соображеній, цѣль союзовъ — объединеніе дѣятельности, одинъ изъ признаковъ — наличность дѣйствій и отношеній, затрогивающихъ интересы третьихъ лицъ и осуществляемыхъ управленіемъ союза, состоящимъ изъ уполномоченныхъ отъ обществъ. Мы не можемъ признать, какъ это сдѣлано Государственнымъ Совѣтомъ, что объединеніе дѣятельности вполнѣ можетъ быть достигнуто въ товариществѣ — то-есть, что союзъ и товарищество въ этомъ отношеніи являются равнозначащими понятіями: основной признакъ товарищества — соединеніе дѣйствій, дѣйствіе, подъ однимъ общимъ именемъ, а не объединеніе дѣятельности. Соединеніе личныхъ услугъ и имущества, поступающихъ въ общее распоряженіе, въ товариществѣ направлено на исполненіе какого-либо предпріятія; оно представляетъ замѣну отдѣльной дѣятельности вошедшихъ въ соглашеніе и самостоятельную дѣятельность образовавшагося изъ нихъ цѣлаго. Иное содержаніе должно быть вложено въ объединеніе дѣятельности: объединеніе дѣятельности согласившихся имѣетъ цѣлью не столько дѣятельность цѣлаго, сколько установленіе единства дѣятельности въ разрозненную дотолѣ дѣятельность единицъ. Соединеніе дѣятельности есть сложеніе силъ и имущества; объединеніе стремится къ установленію единства направленія дѣятельности; оба вида единенія имѣютъ въ виду достиженіе наибольшаго успѣха для разрозненнаго имущества отдѣльныхъ единицъ и для ихъ услугъ, но въ то время, какъ первый видъ — товарищество представляетъ самоцѣль, второй видъ единенія — союзъ беретъ на себя, главнымъ образомъ, руководящую, направляющую роль. Въ первомъ — органъ управленія замѣняетъ, въ предѣлахъ договора, членовъ единенія и осуществляетъ, общимъ именемъ всѣхъ, задуманное ими предпріятіе, во второмъ — они продолжаютъ дѣйствовать и этимъ осуществляютъ, каждый отдѣльно, свойственныя имъ задачи, и лишь для связи съ внѣшнимъ міромъ, изслѣдованіе котораго не подъ силу отдѣльнымъ членамъ, и для выравниванія направленія дѣятельности и введенія единства силъ и приспособленія къ требованіямъ внѣшняго міра они устанавливаютъ между собою связь въ образѣ союза, которому, если и присуща дѣятельность, то дѣятельность по порученію, а не какъ постоянная самостоятельная функція.

Къ такимъ выводамъ приводитъ насъ сопоставленіе тѣхъ немно-

Digitized by Google

гихъ указаній, которые даетъ намъ Сводъ Законовъ и указанные отчеты Государственнаго Совѣта. Несомнѣнно, что только эта направляющая сила союзовъ побудила Государственный Совѣтъ съ такою осторожностью отнестись къ союзамъ обществъ и исключить право на учрежденіе союзовъ изъ положенія о профессіональныхъ обществахъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же признать, какъ это сдѣлано въ законѣ объ обществахъ, что союзъ есть только соединеніе обществъ, опасное, какъ указываетъ Государственный Совѣтъ, тѣмъ, что союзъ, равно какъ и развѣтвленіе одного общества на отдѣленія, «сосредоточиваетъ въ центральномъ органѣ такого союза или общества значительную власть». Вѣдь, по терминологіи закона, союзъ есть соединеніе обществъ, которое поставлено рядомъ съ развѣтвленіемъ обществъ на отдѣленія; ни законъ, ни мотивы къ нему не говорятъ о союзахъ ничего иного, кромѣ механическаго соединенія, «хотя бы чрезъ посредство уполномоченныхъ»: при такихъ условіяхъ, опасность усматривается, очевидно, въ чемъ-то иномъ, такъ какъ нельзя же признать свойственнымъ только союзамъ сосредоточеніе въ центральномъ органѣ союза значительной власти, какъ нельзя видѣть усиленіе власти такого же органа въ обществѣ, которое открываетъ отдѣленія: несомнѣнно, что открытіе отдѣленій не можетъ быть приравниваемо къ союзамъ; оно является лишь средствомъ географическаго распространенія общества, не измѣняющимъ ничего въ конструкціи общества и не могущимъ непосредственно повліять на усиленіе власти центральнаго органа. Этотъ центральный органъ можетъ получить значительное вліяніе и въ зависимости отъ моральнаго уровня членовъ, и въ зависимости отъ значительности ввѣренныхъ ему интересовъ.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что отсутствіе точнаго опредѣленія понятія союза является причиною неясности постановленій закона, противорѣчій въ нихъ и недостаточно убѣдительной мотивировки къ закону. Однако, и въ приведенныхъ мотивахъ мы находимъ нѣкоторое подтвержденіе высказанныхъ нами положеній о содержаніи понятія союза. Такъ, направляющее значеніе союзовъ отмѣчено Государственнымъ Совѣтомъ въ выраженіяхъ «объединеніе дѣятельности». Союзъ является организаціею, дѣйствующею во-внѣ. Союзъ есть объединеніе коллективовъ, которые государство считаетъ необходимымъ регулировать особыми законоположеніями, какъ силу, значеніе которой можетъ угрожать общественному порядку.

Всматриваясь въ указанные признаки союзовъ, мы не можемъ не отмѣтить, что Сводъ Законовъ содержитъ весьма подробныя нормы для такихъ организацій, которыя обладаютъ всѣми признаками союзовъ, не нося, въ то же время, этого названія и усвоивъ

Digitized by Google

названіе, которое такъ же, какъ и союзъ, не имѣетъ опредѣленія въ законахъ гражданскихъ, представляя особую организацію объединеній, имѣющихъ нѣкоторыя общія свойства съ союзомъ товариществъ и съ обществомъ. Мы говоримъ о тѣхъ организаціяхъ, которыя получили наименованіе съѣздовъ.

Эти своеобразныя организаціи частно-правоваго характера нормируются особыми положеніями, имѣютъ въ виду содѣйствіе отдѣльнымъ отраслямъ промышленности и представляютъ собою не общество въ тѣсномъ смыслѣ, какъ организацію, возникающую по частной иниціативѣ, а союзъ, принадлежность къ которому указана въ законѣ.

Мы говоримъ о съѣздахъ горнопромышленниковъ, золотопромышленниковъ, нефтепромышленниковъ, мукомоловъ, судовладѣльцевъ, представителей торговли и промышленности, представителей торговаго посредничества, представителей льняного дѣла.

Цѣль этихъ съѣздовъ — выясненіе и обсужденіе общихъ вопросовъ, касающихся нуждъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, разработка мѣръ, содѣйствующихъ развитію ихъ, объединеніе и представительство ихъ общихъ интересовъ (ср. ст. 1 Приложенія къ Прод. 1906 г. Свод. Зак. т. XI, ч. 2, Уст. Пром., стт. 653[19], 832, 876, 912 и сл. Уст. Торг. по Прод. 1909 г.).

Всѣмъ этимъ организаціямъ присвоены права пріобрѣтать, для собственныхъ надобностей, недвижимое имущество, принимать на себя обязательства, искать и отвѣчать на судѣ.

Въ соотвѣтствующихъ главахъ о цѣли и правахъ съѣздовъ они изложены различно для каждой отрасли, но всѣмъ имъ свойственны слѣдующія общія черты. Съѣзды имѣютъ цѣлью: объединеніе общихъ интересовъ, представительство этихъ интересовъ предъ правительственными и общественными учрежденіями, содѣйствіе возникновенію мѣстныхъ обществъ, содѣйствіе установленію соглашеній между предпріятіями для улучшенія и объединенія условій ихъ дѣятельности, для организаціи взаимнаго страхованія всякаго рода;—(ст. 653[21] Уст. Торг., 879, 913).

Членами съѣздовъ являются исключительно «предпріятія» (ст. 653[24]), общества и товарищества, учрежденія и организаціи (881), губернскія и уѣздныя земства, городскія общественныя управленія, торгово-промышленныя и банковыя организаціи (918), дѣйствующія чрезъ избранныхъ ими представителей, и наконецъ, лица, при чемъ въ нѣкоторыхъ съѣздахъ они имѣютъ лишь право совѣщательнаго голоса (919).

Такимъ образомъ, составъ съѣздовъ, въ связи съ представляемыми ими группами интересовъ, опредѣляется представителями отъ

Digitized by Google

коллективовъ и въ этомъ отношеніи устанавливаетъ существенное сходство съ тѣмъ понятіемъ о союзѣ, которое вкладывалось въ него обычнымъ представленіемъ о немъ, отразившимся на судьбахъ сложныхъ объединеній при обсужденіи законовъ объ обществахъ.

Задачи съѣздовъ, какъ онѣ приведены въ законѣ, выводятъ съѣздъ изъ рамокъ понятія общества въ тѣсномъ смыслѣ и отличаются отъ товарищества коллективовъ тѣмъ признакомъ, который мы отмѣтили выше: оставляя каждому изъ предпріятій самостоятельную дѣятельность и дѣйствуя въ сферѣ созиданія полезныхъ для членовъ учрежденій, съѣзды объединяютъ интересы, содѣйствуютъ установленію соглашеній для улучшенія и объединенія условій дѣятельности предпріятій и объединяютъ представительство общихъ интересовъ. Съѣзды являются постоянно дѣйствующею организаціею, управленіе дѣлами которой принадлежитъ совѣту съѣздовъ и комитету районныхъ съѣздовъ, избираемымъ изъ числа участниковъ съѣздовъ.

Мы видимъ, какая могучая и полноправная организація установлена закономъ въ видѣ съѣздовъ представителей разныхъ отраслей промышленности и, если мы искали бы для нихъ понятія, наиболѣе свойственнаго нашему законодательству, мы не могли бы дать ему иного опредѣленія и термина, какъ союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ соединеніе коллективовъ, дѣйствующее отъ ихъ имени, имѣющее цѣлью установленіе между ними постоянной связи, установленіе единства интересовъ, улучшенія условій дѣятельности и преуспѣянія предпріятій, представляющее ихъ интересы и, въ сферѣ каждой отрасли, не дѣйствующее, а, главнымъ образомъ, содѣйствующее дѣятельности и направляющее ее, съѣзды являются тѣмъ союзомъ, учрежденіе котораго было предметомъ ходатайства земствъ, представленія Министра внутреннихъ дѣлъ, и было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ на томъ основаніи, что союзы являлись бы неизвѣстнымъ нашему гражданскому законодательству установленіемъ.

Всѣ соображенія, высказанныя въ 1906 г. Государственнымъ Совѣтомъ относительно союзовъ, вполнѣ примѣнимы къ съѣздамъ.

Мы видѣли, что образованіе обществъ не встрѣтило возраженій законодателя, но мыслимыя имъ общества должны оставаться обособленными: проявленіе стремленія обществъ къ объединенію встрѣчаетъ съ его стороны противодѣйствіе или запрещеніе. Затрудняется учрежденіе союза по признаку объединенія дѣятельности коллективовъ. Такое же отношеніе встрѣтило стремленіе къ объединенію дѣятельности земскихъ учрежденій, и лишь объединеніе дѣятельности промышленныхъ предпріятій охранено въ ши-

Digitized by Google

рокихъ размѣрахъ силою закона. Мы не видимъ никакого отличія съѣздовъ отъ союзовъ, и приведенныя статьи закона о съѣздахъ удовлетворили бы самыя отдаленныя пожеланія земскихъ учрежденій и частно-правовыхъ организацій. Изъ обзора положеній законовъ о союзахъ мы видимъ, что объединеніе въ союзы встрѣчаетъ наименьшее противодѣйствіе для объединенія наиболѣе самостоятельныхъ классовъ населенія, заинтересованныхъ въ развитіи торговли и промышленности, и что такое объединеніе преграждено для рабочихъ классовъ, какъ не подготовленныхъ и могущихъ подпасть подъ власть сильныхъ вліяній въ лицѣ руководителей объединенныхъ обществъ.

Между тѣмъ, къ созданію сложныхъ объединеній въ настоящее время стремятся и, по возможности, осуществляютъ ихъ широкія массы населенія, стоявшія до сихъ поръ въ сторонѣ отъ удобствъ соединенной въ союзы дѣятельности, разрозненныя и лишь внѣшне связанныя въ административно-сословные союзы.

Усвоеніе этими массами кооперативныхъ формъ объединенія, объединеніе въ артели, общества и товарищества, живое содѣйствіе хозяйству ихъ со стороны учрежденій мелкаго кредита въ послѣдніе годы повело къ настойчивому отыскиванію другихъ формъ — объединенія коллективовъ въ союзы. Недостаточное число разрѣшенныхъ союзовъ и отсутствіе закона о союзахъ тормозятъ развитіе кооперативовъ, и они стремятся къ объединенію въ другихъ формахъ, какія нашли мѣсто въ Сводѣ Законовъ. Это явленіе получило теперь большое распространеніе, но раньше, чѣмъ говорить о немъ и о принимаемыхъ кооперацією формахъ, мы остановимся на существующихъ союзахъ и на существующихъ нормахъ закона, опредѣляющихъ дѣятельность союзовъ.

Крупнѣйшія союзныя организаціи кооперативныхъ учрежденій Россіи въ настоящее время представлены союзами, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ: Московскій союзъ потребительныхъ обществъ, Союзъ сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей, союзы учрежденій мелкаго кредита; къ нимъ относятъ также отдѣлы нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ обществъ, какъ напримѣръ, Коммерческій отдѣлъ Вологодскаго общества, Московскій народный банкъ, учрежденный для снабженія денежными средствами учрежденій мелкаго кредита и всякаго рода кооперативныхъ предпріятій. Существуютъ и другія объединяющія организаціи, принявшія разнообразныя формы, отличныя отъ приведенныхъ и также не носящія наименованія союзовъ. Мы не будемъ сейчасъ подробно останавливаться на нихъ и коснемся тѣхъ организацій, которыя не только носятъ наименованіе союзовъ, но и созданы для объеди-

Digitized by Google

ненія и отличаются своеобразными признаками союзовъ; изслѣдованіе ихъ должно дать существенный метеріалъ для опредѣленія понятія союза, понятія, которое, силою вещей, должно найти себѣ мѣсто въ Сводѣ Законовъ, въ особенности, въ виду сознанной необходимости выработки общекооперативнаго законодательства, которое связано съ гражданскимъ и должно ввести въ него новыя понятія.

Перечисленные выше союзы имѣютъ свою своеобразную исторію, краткое изложеніе которой представляется необходимымъ потому, что происхожденіе союзовъ поможетъ намъ раскрыть ихъ сущность и тѣ признаки, которыми они должны опредѣляться.

Существующій при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и С.-Петербургское отдѣленіе этого Комитета, со времени учрежденія у насъ первыхъ кооперативныхъ товариществъ явились первымъ руководящимъ органомъ этого дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ заняли особое положеніе авторитетной и наиболѣе освѣдомленной инстанціи въ вопросахъ русской кооперації, инстанціи, къ заключеніямъ которой прислушивалось правительство. Имъ же принадлежитъ и иниціатива поднятія въ Россіи вопроса объ учрежденіи такихъ мѣстныхъ организацій, которыя приняли бы на себя надзоръ за товариществами и руководство ими, то-есть вопросъ объ учрежденіи союзовъ.

Основаніемъ къ возбужденію вопроса объ учрежденіи мѣстныхъ союзовъ товариществъ послужила, прежде всего, затруднительность для комитета, съ увеличеніемъ числа товариществъ, руководства ими и сознаніе необходимости ихъ роста и развитія, почти неосуществимыхъ безъ привлеченія средствъ извнѣ: послѣднее же стоитъ въ тѣсной связи съ правильнымъ веденіемъ дѣлъ, съ устраненіемъ такихъ отклоненій, которыя часто вели къ распаденію товариществъ, и съ развитіемъ въ ихъ средѣ духа товарищеской кооперації. Опытъ странъ Западной Европы далъ убѣдительныя доказательства того, что указанныя цѣли достигаются посредствомъ соединенія товариществъ въ союзы на тѣхъ же началахъ самопомощи и самоуправленія, которыя лежатъ въ основѣ самихъ товариществъ. Эти цѣли, выработанныя опытомъ европейскихъ ассоціацій, приняты были комитетомъ за основаніе къ осуществленію высказаннаго на кооперативныхъ съѣздахъ пожеланія о выработкѣ положенія о союзахъ товариществъ и о съѣздахъ ихъ представителей.

Образованною при отдѣленіи комитета въ 1894 г. комиссіею былъ выработанъ проектъ положенія о союзахъ товариществъ. Проектъ этотъ утвержденъ не былъ, но онъ сыгралъ видную роль въ дѣлѣ союзнаго объединенія товариществъ и послужилъ мате-

Digitized by Google

ріаломъ и для созданія имѣющихся теперь союзныхъ организацій.

Поэтому представляется интереснымъ привести здѣсь основныя положенія о союзахъ, такъ какъ въ этой первой работѣ мы найдемъ признаки союза и понятіе о немъ, какъ они представлялись правосознанію общественныхъ дѣятелей.

Цѣль союзовъ проектомъ опредѣляется, какъ споспѣшествованіе развитію кооперативныхъ учрежденій, усовершенствованіе ихъ и преслѣдованіе соединенными силами общихъ интересовъ входящихъ въ союзъ учрежденій.

Для достиженія этихъ цѣлей союзамъ предоставляется: собирать и публиковать свѣдѣнія о дѣятельности кооперативныхъ учрежденій; совмѣстно обсуждать вопросы, возникающіе въ ихъ жизни; выяснять недостатки уставовъ отдѣльныхъ учрежденій; производить ревизіи ихъ; снабжать ихъ оборотными средствами; заключать займы подъ общимъ ручательствомъ вошедшихъ въ союзъ учрежденій; совмѣстно страховать имущества; организовать совмѣстныя закупки предметовъ по порученіямъ союзныхъ учрежденій и совмѣстныя продажи произведеній ихъ членовъ и организовать совмѣстныя производственныя операціи собственными средствами или путемъ соглашенія съ существующими уже предпріятіями.

Для образованія союза необходимо согласіе не менѣе пяти учрежденій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ одной губерніи.

Первымъ на общихъ основаніяхъ этого проекта былъ утвержденъ въ 1898 г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ уставъ или положеніе о Московскомъ союзѣ потребительныхъ обществъ.

Затѣмъ, по ходатайству группы ссудо-сберегательныхъ товариществъ Бердянскаго уѣзда, 7 мая 1901 г. Министромъ финансовъ былъ утвержденъ уставъ Бердянскаго союза ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ въ силу Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1901 г. Положенія Комитета министровъ, коимъ министру было разрѣшено утверждать уставъ этого союза и предоставлено собственною властью утверждать уставъ союзовъ учрежденій мелкаго кредита на одинаковыхъ началахъ съ уставомъ Бердянскаго союза.

Союзъ этотъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать установленію и развитію постоянныхъ сношеній между товариществами района и совмѣстной дѣятельности, направленной къ наиболѣе успѣшному достиженію ихъ задачъ.

Изслѣдуя дѣятельность указанныхъ выше союзовъ, мы видимъ, что самостоятельная дѣятельность ихъ ограничена; въ особенности, она ограничена для Московскаго союза, который выступаетъ почти исключительно, какъ комиссіонеръ.

Digitized by Google

Своеобразныя послѣдствія порождаются особою конструкціею отношеній этихъ союзовъ къ союзнымъ товариществамъ. Союзныя товарищества несутъ отвѣтственность по отношенію другъ къ другу и по отношенію къ союзу. По уставу Бердянскаго союза, онъ изыскиваетъ средства и посредничаетъ по займамъ для товариществъ; фактически, онъ ставитъ свой бланкъ на обязательствахъ союзныхъ товариществъ; онъ оказываетъ, за особую плату, услуги товариществамъ, исполняетъ ихъ порученія; онъ является то комиссіонеромъ, то повѣреннымъ, представителемъ товариществъ; въ то же время, онъ имѣетъ къ нимъ самостоятельное право требованія; будучи комиссіонеромъ и повѣреннымъ, онъ обязанъ наблюдать за ихъ дѣятельностью и производить періодическія или внезапныя ревизіи ихъ дѣлъ и счетовъ (пункты «б» и «е» § 22). Ведя всѣ дѣла отъ имени союза и выступая исполнителемъ постановленій его членовъ, онъ, въ то же время, является стороною въ отношеніяхъ съ отдѣльными членами.

Эти же своеобразныя черты вошли и въ послѣдующіе уставы союзовъ учрежденій мелкаго кредита, представляющіе дальнѣйшее развитіе указанныхъ началъ.

Первое указаніе на союзы коллективовъ даетъ Положеніе 1904 г. объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Ст. 90 этого Положенія (ст. 90 Разд. X Уст. Кред.) учрежденіямъ мелкаго кредита предоставляется право образовывать союзы «для объединенія ихъ дѣятельности и установленія взаимныхъ между ними сношеній». Впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ правилъ о сихъ союзахъ, они образуются на основаніяхъ, устанавливаемыхъ, въ подлежащихъ случаяхъ, Высочайше утвержденными положеніями Совѣта министровъ, по представленіямъ Министра Финансовъ».

Съ того времени былъ утвержденъ рядъ уставовъ такихъ союзовъ учрежденій мелкаго кредита, съ нѣкоторымъ развитіемъ и лучшимъ изложеніемъ правилъ по сравненію съ уставомъ перваго — Бердянскаго союза, но общія правила о союзахъ до сихъ поръ не выработаны и не представлены на законодательное утвержденіе.

Въ 1907 г. Главноуправляющимъ землеустройствомъ и земледѣліемъ утвержденъ былъ уставъ союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей. По этому уставу, союзъ содѣйствуетъ маслодѣльнымъ артелямъ въ пріобрѣтеніи необходимыхъ имъ продуктовъ и всѣхъ вообще требующихся въ сельскохозяйственной промышленности предметовъ и въ сбытѣ произведеній артелей, выдаетъ и получаетъ ссуды подъ товары артелей, сданные на комиссію, и исполняетъ всякаго рода порученія артелей, относящіеся до ихъ промысла. Союзъ открываетъ свои дѣйствія по вступленіи въ него чле-

Digitized by Google

новъ въ числѣ, вдвое большемъ противъ числа лицъ, требующагося въ составъ правленія и ревизіонной комиссіи. Вникая въ указанныя цѣли этого Союза, мы видимъ, что объединеніе дѣятельности артелей и направленіе ея, какъ цѣль, здѣсь отсутствуютъ: имѣетъ мѣсто содѣйствіе въ покупкѣ и сбытѣ, т.-е. покупка и сбытъ по порученію, кредитныя операціи и исполненіе другихъ порученій артелей, вошедшихъ въ Союзъ. Иными словами, здѣсь имѣетъ мѣсто товарищеское соглашеніе для дѣйствія подъ однимъ общимъ именемъ, товарищество артелей, а не союзъ въ томъ смыслѣ, какимъ представляются указанные союзы. Весьма характернымъ представляется условное число членовъ для образованія этого союза. Въ то время, какъ для образованія Московскаго союза потребительныхъ обществъ, при наличности органа управленія — Бюро въ составѣ 4 членовъ и ревизіонной комиссіи, достаточно трехъ обществъ, для Бердянскаго Союза, — при составѣ Совѣта изъ 3 членовъ и наличности ревизіонной комиссіи достаточно четырехъ товариществъ, — для Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей это число поставлено въ связь съ числомъ членовъ правленія и ревизіонной комиссіи. Несомнѣнно, что это существенное отличіе стоитъ въ связи съ отличіемъ цѣлей этого Союза отъ указанныхъ, объединяющихъ союзовъ. Такое пропорціональное соотношеніе числа учредителей съ числомъ членовъ управленія существуетъ, обыкновенно, въ силу наличности интереса, при существованіи котораго представляется неудобнымъ ввѣрить все управленіе всему составу членовъ, въ виду значенія этого интереса и въ огражденіе правъ третьихъ лицъ. Въ союзѣ этотъ интересъ стирается; его основная задача — не дѣятельность, а объединеніе, при которомъ задача управленія является общимъ интересомъ, осуществляемымъ независимо отъ того, что одно товарищество можетъ дать въ составъ управленія нѣсколько членовъ, такъ какъ этимъ оно не нарушитъ ничьихъ интересовъ и не усугубитъ своихъ собственныхъ выгодъ. Такимъ образомъ, порядокъ устройства Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей и его задачи приводятъ насъ къ заключенію, что подъ этимъ названіемъ существуетъ не союзъ, а товарищество артелей.

Мы разсмотрѣли имѣющійся матеріалъ о союзахъ въ законѣ, уставахъ и въ трудахъ Комитета, отыскивая въ нихъ опредѣленія понятія. Наиболѣе полнымъ въ законѣ опредѣленіемъ, однако, не исчерпывающимъ, является данное ст. 90 т. XI ч. 2 Уст. Кред. Разд. X опредѣленіе союза учрежденій мелкаго кредита, отразившееся и въ уставахъ этого рода союзовъ. Въ приведенномъ очеркѣ дѣйствующихъ уставовъ разныхъ видовъ мы пытались отмѣтить

Digitized by Google

существеннѣйшія ихъ черты, отразившія правосознаніе общественныхъ дѣятелей, создавшихъ союзы и вліявшихъ на выработку и проведеніе ясныхъ положеній о нихъ. Эту работу нельзя еще считать законченною, союзы нельзя еще признать отлившимися въ твердыя и устойчивыя формы: за это ручаются и неопредѣленность существующихъ формъ, и насущнѣйшія потребности, побуждающія союзы къ дѣятельности, не вполнѣ укладывающейся въ рамки положеній и уставовъ, но, несомнѣнно, вытекающей изъ заложенныхъ въ нихъ началъ.

Анализируя сгруппированный матеріалъ и разсматривая приведенныя положенія въ связи съ цитированными мнѣніями Государственнаго Совѣта, мы можемъ намѣтить основные признаки союза и приблизиться къ опредѣленію понятія о немъ.

Понятіе союза, какъ единенія, въ его особомъ значеніи, прилагается въ Сводѣ Законовъ не къ единеніямъ вообще, а лишь къ единенію коллективовъ.

Союзъ является не сліяніемъ коллективовъ, а особою организаціею единенія ихъ, осуществляемою при помощи представителей отъ объединившихся коллективовъ и управляемою выборнымъ отъ нихъ органомъ.

Основною цѣлью союзовъ является объединеніе дѣятельности входящихъ въ союзъ товариществъ. Этимъ признакомъ союзъ существенно отличается отъ товарищества (лицъ или коллективовъ), Цѣль товарищества составляетъ совмѣстная дѣятельность, т.-е. оказаніе членамъ фактическихъ услугъ въ отведенной имъ области посредствомъ соединенія силъ и услугъ и для наилучшаго использованія имѣющихся у каждаго изъ нихъ средствъ; цѣль эта осуществляется прямымъ примѣненіемъ всѣхъ этихъ средствъ и дѣятельностью управляющаго органа на мѣсто дѣятельности каждаго изъ членовъ, получающихъ выгоду отъ соединенія своихъ силъ или своихъ услугъ съ силами или услугами другихъ товарищей. Въ идеальномъ смыслѣ, товарищество поглощаетъ средства и силы товарищей въ избранной ими для единенія сферѣ и замѣняетъ всѣхъ ихъ, выступая отъ ихъ имени сложнымъ именемъ (фирмою) товарищества. Руководство дѣятельностью осуществляется соглашеніемъ товарищей и сводится къ достиженію наибольшей выгоды. Иною представляется природа союза. Его цѣль — не дѣятельность въ собственномъ смыслѣ, которой въ союзѣ отведено не главное мѣсто, а объединеніе дѣйствующихъ самостоятельно и согласившихся на объединеніе своей дѣятельности товариществъ: этотъ признакъ является особенностью союзовъ, не подходящею подъ опредѣленія законовъ гражданскихъ, отличающихъ товарищества

Digitized by Google

по признаку «дѣйствія» (ст. 2126 т. X ч. 1), «приведенія въ дѣйствіе» (ст. 2140 т. X ч. 1).

Объединеніе дѣятельности, какъ признакъ союза, наиболѣе сближаетъ союзъ съ обществомъ. По существу самаго понятія объединенія, въ этомъ понятіи уже заключается идеальный, интеллектуальный элементъ. Наличности объединенія, какъ цѣли союза, должна сопутствовать наличность интеллектуальныхъ силъ, способныхъ не только осуществлять дѣятельность, но и могущихъ изслѣдовать отведенную коллективамъ область, изучать и суммировать опытъ труда членовъ, изучать явленія данной области во внѣ, дѣлать выводы о наилучшемъ направленіи данной дѣятельности и, на основаніи этихъ изслѣдованій, руководить этою дѣятельностью, направлять и объединять ее. Объединеніе и направленіе дѣятельности требуютъ осуществленія особой дѣятельности лабораторнаго характера, немыслимой безъ аппарата изслѣдованія, безъ собиранія и изученія собранныхъ матеріаловъ данной области и области соприкасающихся, безъ обмѣна мнѣній, безъ распространенія ихъ, безъ сводки матеріала и безъ примѣненія полученныхъ выводовъ: безъ этихъ элементовъ не можетъ быть объединенія дѣятельности. Этотъ элементъ идеальнаго и есть существеннѣйшій признакъ понятія союза, сближающій его съ понятіемъ общества и, однако не дѣлающій его обществомъ, такъ какъ онъ связанъ въ союзѣ нераздѣльно съ осуществленіемъ матеріальной дѣятельности.

Собственно дѣятельность союзовъ матеріальнаго порядка, направленная на осуществленіе свойственныхъ входящимъ въ него коллективамъ задачъ, есть общая съ товариществами черта союзовъ, почему въ ней самой не представляется ничего характернаго только для союзовъ: этою стороной союзы являются товариществами коллективовъ.

Такимъ образомъ, приведеннымп признаками опредѣляется двоякая природа союзовъ: одною стороною они сходны съ обществами, другою — являются товариществами, и союзами нужно признать организаціи коллективовъ, представляющія сочетаніе признаковъ идеальнаго и матеріальнаго порядковъ.

Мы говорили уже, что въ дѣятельности, направленной на осуществленіе присвоенныхъ коллективами задачъ, союзы сравнительно ограничены, не вполнѣ поглощая предусмотрѣнную уставами дѣятельность коллективовъ, они только дополняютъ, но не поглощаютъ ее: это, въ особенности, относится къ союзамъ кооперативовъ. Послѣдніе въ этомъ отношеніи являются также своеобразною организаціею, не имѣющею въ нашихъ гражданскихъ законахъ готоваго опредѣленія или формы, въ которую они могли бы вполнѣ войти.

Digitized by Google

Союзамъ предоставлена преимущественно дѣятельность по порученіямъ союзныхъ товариществъ, и эта дѣятельность отмѣчена слѣдующими исключительными чертами. Союзъ является комиссіонеромъ товариществъ, представителемъ ихъ по особымъ полномочіямъ, поручителемъ и, въ то же время, онъ является стороною въ отношеніяхъ съ союзными товариществами. Это — комиссіонеръ, дѣйствующій отъ своего имени за счетъ препоручителя; повѣренный, дѣйствующій отъ имени и за счетъ довѣрителя, который имѣетъ право во всякое время ревизовать своего довѣрителя и производить съ него взысканіе, какъ по отношеніямъ его къ другимъ товариществамъ, такъ и по отношеніямъ къ союзу: таково сочетаніе признаковъ и понятій, не соединяемыхъ обыкновенно нашими правовыми понятіями въ одномъ субъектѣ.

Образованію союзовъ государствомъ предъявляются извѣстныя требованія. Если для союза обществъ достаточно объединенія двухъ изъ нихъ, для товариществъ по законамъ гражданскимъ (ст. 2129 и 2130 т. X ч. 1) также достаточно двухъ лицъ, то для объединенія коллективовъ матеріальнаго порядка въ союзъ требуется вступленіе трехъ, четырехъ и болѣе товариществъ. Мы указывали выше на то обстоятельство, что числа эти не стоятъ ни въ какой зависимости отъ числа членовъ управленія союза, но можно думать, что эти условныя цифры объясняются тѣмъ соображеніемъ, что обычная совмѣстная дѣятельность меньшаго числа товариществъ осуществима посредствомъ соединенія ихъ въ товарищество коллективовъ, и что осуществляемое въ союзѣ объединеніе и направленіе ея требуетъ наличности наиболѣе проявленной потребности въ нихъ и достаточныхъ для этого силъ.

Вступленіе въ союзы связано съ имущественнымъ взносомъ. Вступленіе въ союзы учрежденій мелкаго кредита обусловлено согласіемъ членовъ союза и обревизованіемъ дѣлъ заявившаго о желаніи вступить.

Союзъ обладаетъ правами юридическаго лица. Въ силу этого, изъ взносовъ членовъ его и изъ другихъ поступленій образуется особое имущество союза, отдѣльное отъ имущества членовъ; союзъ можетъ, какъ самостоятельный субъектъ правъ, заключать сдѣлки отъ своего имени не только внѣ союза, но и съ членами его; въ качествѣ самостоятельнаго субъекта правъ, онъ является стороною въ судебныхъ учрежденіяхъ отъ имени союза, а также можетъ выступать отъ имени входящаго въ него товарищества по письменному порученію послѣдняго.

Приведенными признаками устанавливается, какъ отличіе союза отъ товарищества и отъ общества, такъ и наличность общихъ съ ними

Digitized by Google

свойствъ. Особымъ сочетаніемъ этихъ чертъ сходства и различія и опредѣляется своеобразная природа союзовъ, поскольку она отразилась въ указаніяхъ закона, административной практики и въ правовомъ сознаніи общества; но не одно это сочетаніе опредѣляетъ понятіе союза: союзу свойственны особенности, усвоенныя изъ областей идеальнаго и матеріальнаго порядка, но присущія исключительно союзу въ ихъ особомъ сочетаніи.

Относясь одною стороной своей природы къ области административнаго и государственнаго права, союзы другою стороной, неотдѣлимою въ нихъ отъ первой, нормируются положеніями гражданскаго права; въ то время, какъ въ обществахъ область гражданскихъ отношеній признается, обыкновенно, служебною, въ союзахъ этотъ элементъ является существеннымъ и неотъемлемымъ отъ идеальныхъ цѣлей его.

Выдѣляя, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, понятіе союза изъ группы другихъ единеній, мы можемъ сгруппировать отдѣльныя отмѣченныя нами черты его въ опредѣленіе понятія союза. На основаніи собранныхъ признаковъ, мы можемъ сказать, что союзъ, какъ особая организація единенія, есть организація единенія товариществъ, имѣющая цѣлью объединеніе и направленіе ихъ дѣятельности, т.-е. внесеніе въ нее единства и цѣлесообразности, а также и самую дѣятельность, направленную на осуществленіе присущихъ объединившимся товариществамъ задачъ, являющуюся совмѣстною ихъ дѣятельностью, осуществляемою общимъ именемъ союза.

Кн. К. Кекуатовъ.

Digitized by Google

Къ пятидесятилѣтію Московскаго Городского Рукавишниковскаго пріюта и IX съѣзду представителей русскихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній.

Среди прочихъ явленій нашей общественной и правовой жизни общее вниманіе несомнѣнно долженъ привлечь фактъ угрожающаго роста преступности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Это явленіе замѣчено не со вчерашняго дня, но чѣмъ дальше, тѣмъ опаснѣе оно представляется по размѣрамъ и тенденціямъ своего развитія.

Въ свое время появилась работа Е. Н. Тарновскаго, изслѣдовавшаго преступность малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ въ Россіи[1]). Отправляясь отъ данныхъ о количествѣ осужденныхъ въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ за 12 лѣтъ, съ 1884 по 1895 г., г. Тарновскій пришелъ къ выводу, что за указанный періодъ общая преступность возросла на $7^0/_0$, а дѣтская — на $15^0/_0$. Ростъ преступности дѣтской, слѣдовательно, вдвое превышалъ ростъ преступности общей.

Автору этихъ строкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выпала на долю задача продолжить изслѣдованіе г. Тарновскаго. Мною былъ взятъ десятилѣтній періодъ, съ 1896 по 1905 г. Выводы получились, казалось бы, весьма неожиданные: за указанный періодъ дѣтская преступность упала на $6^0/_0$[2]). Ближайшее разсмотрѣніе вопроса приводитъ, однако, къ выводу, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ кажущимся, призрачнымъ уменьшеніемъ дѣтской преступности. Какъ и г. Тарновскому, автору этихъ строкъ пришлось оперировать главнымъ образомъ съ данными о количествѣ осужденныхъ дѣтей и подростковъ. А послѣднее за указанный періодъ естественно должно было уменьшиться вслѣдствіе того,

---

[1]) Е. Н. Тарновскій, Преступность малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ въ Россіи. «Журн. Мин. Юст.», ноябрь, 1899 годъ.

[2]) См. нашу статью «Характеристика дѣтской преступности» въ сборникѣ «Дѣти-преступники», подъ редакціей М. Н. Гернетъ.

Digitized by Google

что въ общихъ судебныхъ установленіяхъ много дѣтскихъ дѣлъ кончается теперь въ распорядительномъ засѣданіи, въ порядкѣ ст. 356³ Уст. Угол. Суд.[1]). Статья эта введена въ дѣйствующее право закономъ 2 іюня 1897 г., т.-е. закономъ, изданіе котораго какъ разъ приходится на изслѣдуемый нами періодъ. Всѣ дѣла, законченныя въ порядкѣ ст. 356³, въ уголовно-статическую регистрацію не попадаютъ.

Нѣкоторую роль здѣсь сыграли также и разочарованія судей въ тѣхъ средствахъ борьбы съ дѣтской преступностью, которыя предоставлены въ ихъ распоряженіе дѣйствующимъ закономъ. Эти разочарованія привели къ увеличенію числа оправдательныхъ приговоровъ[2]), а впослѣдствіи къ возникновенію у насъ особыхъ судовъ для малолѣтнихъ.

Къ вопросу о движеніи дѣтской преступности въ Россіи Е. Н. Тарновскій возвращается опять въ своей недавней статьѣ[3]). На этотъ разъ имъ изслѣдуется десятилѣтній періодъ съ 1901 по 1910 г. И выводы, къ которымъ приходитъ г. Тарновскій, заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія. За указанный періодъ общая преступность возросла на 35%, а дѣтская — на 112%. Иначе говоря, на этотъ разъ ростъ дѣтской преступности уже втрое превышаетъ ростъ преступности общей.

Извѣстно, что интенсивный ростъ дѣтской преступности — явленіе близко знакомое и нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Вездѣ, кромѣ Англіи, до послѣдняго времени ростъ дѣтской преступности превышалъ ростъ преступности общей. Но «увеличеніе числа осужденныхъ несовершеннолѣтнихъ за послѣднее десятилѣтіе въ Россіи, — какъ справедливо указываетъ г. Тарновскій, — является исключительнымъ по своей высотѣ и не находитъ себѣ примѣра въ государствахъ Западной Европы». И поэтому вполнѣ понятны и близки намъ тѣ выводы, къ которымъ г. Тарновскій приходитъ на основаніи своего изслѣдованія. «Существовавшія до сего времени въ Россіи мѣры борьбы съ дѣтской преступностью, — указываетъ почтенный авторъ, — являются недостаточными, и необходимо ихъ

---

[1]) За четырехлѣтіе 1902—1905 гг. окружными судами было осуждено 2139 несовершеннолѣтнихъ, а на основаніи ст. 356³ Уст. Угол. Суд. прекращены за тѣ же годы дѣла о 4133 несовершеннолѣтнихъ, т.-е. число освобожденныхъ отъ наказанія почти въ два раза больше числа осужденныхъ по приговорамъ суда. См. Е. Н. Тарновскій, Преступность несовершеннолѣтнихъ Россіи. «Журн. Мин. Юст.», декабрь, 1913 годъ.

[2]) См. отчетъ Н. А. Окунева за 1910 г. Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ, стран. 45.

[3]) Е. Н. Тарновскій, Преступность несовершеннолѣтнихъ въ Россіи. «Журн. Мин. Юст.», декабрь, 1913 годъ.

Digitized by Google

немедленное усиленіе и развитіе при энергичной и совмѣстной дѣятельности общества и государства».

Несомнѣнно, что въ этомъ — одна изъ насущнѣйшихъ нашихъ задачъ. И въ свѣтѣ ея особенно глубокое общественное значеніе пріобрѣтаютъ предстоящіе въ мая пятидесятилѣтній юбилей московскаго городского Рукавишниковскаго пріюта и созываемый въ Москвѣ IX съѣздъ представителей русскихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній.

Пятидесятилѣтняя исторія Рукавишниковскаго пріюта — почти непрерывная исторія развитія его силы и значенія. Въ 1864 г. общество распространенія полезныхъ книгъ основало въ Москвѣ «исправительную школу» для преступныхъ дѣтей. Школа эта помѣщалась въ домѣ, принадлежавшемъ Симонову монастырю, и сначала въ ней обучалось и воспитывалось всего лишь десять мальчиковъ. Черезъ три года школа перешла въ завѣдываніе проф. М. Н. Капустина, впослѣдствіи назначеннаго попечителемъ дерптскаго и петербургскаго учебныхъ округовъ.

Весною 1870 г. отъ московскаго университета были объявлены публичныя лекціи въ пользу техническаго общества. Проф. М. Н. Капустинъ, читая о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ, удѣлилъ вниманіе и московской исправительной школѣ. Въ числѣ его слушателей находился Н. В. Рукавишниковъ, молодой человѣкъ 25 лѣтъ, только что окончившій московскій университетъ, сынъ весьма богатыхъ родителей.

Встрѣча проф. Капустина и Н. В. Рукавишникова — рѣшающій моментъ въ исторіи того старѣйшаго и славнѣйшаго изъ нашихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній, которое впослѣдствіи даже стало называться «Рукавишниковскимъ». Молодой слушатель увлекся лекціей проф. Капустина и тѣмъ дѣломъ, характеристикѣ котораго она была посвящена. Далекій отъ всякихъ тяготѣній къ коммерческой дѣятельности, молодой Рукавишниковъ нашелъ для себя великую удовлетворенность въ сложной, трудной и отвѣтственной работѣ на пользу дѣтей, имѣвшихъ несчастье вступить на преступный путь. Имъ онъ отдалъ всѣ свои силы, всѣ свои помыслы, всю свою жизнь.

Съ осени 1870 г. Н. В. Рукавишниковъ принялъ директорство надъ пріютомъ. Около пяти лѣтъ, вплоть до своей смерти, онъ не зналъ никакихъ другихъ дѣлъ, кромѣ работы въ пріютѣ. Въ 1873 г., по ходатайству общества распространенія полезныхъ книгъ, пріюту было присвоено наименованіе «Рукавишниковскаго». Слава объ

Digitized by Google

исключительной по самоотверженности дѣятельности Н. В. Рукавишникова распространилась и заграницей. Стэнлей, деканъ Вестминстерскаго аббатства, сопровождавшій принцевъ Уэльскаго и Эдинбургскаго при пріѣздѣ ихъ въ Москву, неоднократно посѣщалъ пріютъ, внимательно ознакомился съ его жизнью и, возвратившись на родину, въ первой своей проповѣди разсказалъ о пріютѣ и о его директорѣ: «Мнѣ удалось видѣть святого». Портретъ Н. В. Рукавишникова съ этой надписью былъ помѣщенъ въ залѣ засѣданій римскаго всемірнаго конгресса по тюремнымъ вопросамъ.

Здѣсь не мѣсто, конечно, съ надлежащей полнотой освѣтить благородную фигуру создателя московскаго пріюта... Эти нѣсколько штриховъ — лишь самая скромная дань его свѣтлой памяти.

18 сентября 1878 г. Рукавишниковскій пріютъ изъ вѣдѣнія общества распространенія полезныхъ книгъ перешелъ въ вѣдѣніе Московскаго городского общественнаго управленія. Въ 1880 г. уже на средства г. Москвы были произведены самыя большія постройки и передѣлки въ пріютѣ. Значительное расширеніе пріюта дало возможность помѣстить въ немъ уже до 100 человѣкъ. Дальнѣйшее расширеніе пріютскихъ помѣщеній предоставило возможность довести комплектъ воспитанниковъ до 150 человѣкъ. За послѣдніе годы фактически количество воспитанниковъ въ пріютѣ даже превышало эту цыфру. Такъ, въ 1912 г. въ среднемъ содержалось 165 воспитанниковъ, а въ 1913 г. — 171.

Выше мы указали, что пятидесятилѣтняя исторія Рукавишниковскаго пріюта — почти непрерывная исторія развитія его силы и значенія. Намъ пришлось ввести это ограничительное «почти», такъ какъ на свѣтломъ фонѣ исторіи пріюта есть небольшое темное пятно, пройти мимо котораго нельзя даже въ самомъ краткомъ очеркѣ.

Начиная съ 1906 г., со времени директорства П. Э. Неандера, работа въ пріютѣ приняла направленіе совершенно несоотвѣтствующее тѣмъ принципамъ гуманности, на основѣ которыхъ вся пріютская работа строилась со времени директорства Н. В. Рукавишникова. Вслѣдствіе этого въ засѣданіи 21 сентября 1910 г. московской городской думѣ было доложено заявленіе К. В. Рукавишникова, въ которомъ онъ излагалъ мотивы, по которымъ семья Рукавишниковыхъ отстранила отъ себя участіе въ дѣлахъ пріюта. Въ заявленіи указывается, что наблюденіе за ходомъ воспитанія дѣтей въ пріютѣ вполнѣ убѣдило семью Рукавишниковыхъ, что «пріютъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свойственное ему святое значеніе мѣста духовнаго перерожденія дѣтей и превращается

Digitized by Google

въ простое мѣсто заключенія ихъ». Трагическая смерть воспитанника Затѣвахина, убитаго пріютскимъ швейцаромъ въ январѣ 1911 г., съ особенной яркостью оттѣнила всю справедливость этой характеристики.

Московская городская дума обратила вниманіе на недостатки постановки дѣла въ пріютѣ и въ засѣданіи 1 марта 1911 г. признала, что «матеріалы по дѣлу о смерти воспитанника Затѣвахина обнаруживаютъ въ настоящее время неудовлетворительность состоянія Рукавишниковскаго пріюта, какъ въ основныхъ условіяхъ его жизни, такъ и въ постановкѣ въ немъ учебно-воспитательнаго дѣла». Въ цѣляхъ улучшенія дѣла, московская городская дума, по докладу училищной комиссіи, признала необходимымъ ходатайствовать объ измѣненіи устава пріюта. Вскорѣ же послѣ убійства Затѣвахина въ составѣ администраціи и служащихъ пріюта произошли крупныя перемѣны. 8 февраля думою на должность попечителя пріюта былъ избранъ С. В. Бахрушинъ, 9 февраля вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей почетный попечитель Н. К. Рукавишниковъ. 20 марта выбылъ изъ пріюта П. Э. Неандеръ, и на постъ директора вступилъ П. Г. Бѣльскій.

Мало-помалу все въ пріютѣ стало входить въ свою колею, работа новой администраціи стала приносить надлежащіе результаты. Въ началѣ 1912 г. намъ пришлось подробно познакомиться съ постановкой пріютской работы и мы рады были констатировать, что тяжелое наслѣдство, доставшееся на долю новой администраціи отъ прежнихъ временъ, ликвидируется со всей возможной энергіей и работа въ пріютѣ строится теперь на принципѣ вдумчиваго, гуманнаго отношенія къ дѣтямъ, имѣвшимъ несчастье вступить на преступный путь [1]). Въ этомъ же убѣждаетъ насъ и послѣдній отчетъ о дѣятельности пріюта за 1912 г. [2]).

Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, за указаннымъ исключеніемъ, Рукавишниковскій пріютъ съ честью выполнялъ свою трудную, отвѣтственную и высокую задачу. Его исторія особенно поучительна для насъ, такъ какъ несомнѣнно, что мы такъ или иначе стоимъ все же наканунѣ широкаго строительства въ области принудительнаго воспитанія. Передъ нами насущная задача — расширить сѣть нынѣ существующихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній. И въ выполненіи этой задачи намъ все время придется оглядываться на славную исторію нашего старѣйшаго исправительнаго пріюта.

---

[1]) См. нашу статью въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», № 29, 1912 годъ.
[2]) См. нашу статью въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», № 211, 1913 годъ.

Digitized by Google

Призывъ Е. Н. Тарновскаго къ немедленному усиленію и развитію мѣръ борьбы съ дѣтской преступностью найдетъ, очевидно, самый сочувственный откликъ на предстоящемъ девятомъ съѣздѣ представителей русскихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній. Проф. С. К. Гогель отъ Общества Правовой охраны малолѣтнихъ представляетъ съѣзду докладъ «о неотложной необходимости расширенія сѣти нашихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній». И съѣздъ, несомнѣнно, примкнетъ къ основнымъ положеніямъ доклада.

Вопросъ объ отношеніи между пріемоспособностью нашихъ воспитательно-исправительныхъ заведеній и тѣмъ количествомъ дѣтей и подростковъ, которые ежегодно осуждаются въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, уже неоднократно обсуждался на нашихъ съѣздахъ. На IV съѣздѣ этому вопросу вниманіе удѣлилъ Н. С. Таганцевъ, опредѣлившій пріемоспособность нашихъ исправительныхъ заведеній въ 1892 г. въ 300 человѣкъ, а число дѣтей и подростковъ, приговоренныхъ общими судебными мѣстами и мировыми учрежденіями, въ 3869 человѣкъ[1]). Изъ приговоренныхъ слѣдовательно, только 7,7% могли поступить въ исправительныя заведенія. На пятомъ, шестомъ и седьмомъ съѣздахъ, въ докладахъ М. В. Духовского и Е. Н. Тарновскаго, вновь ставился и обсуждался этотъ больной и насущный вопросъ. Теперь имъ займется и девятый съѣздъ, отправляясь отъ доклада проф. С. К. Гогеля.

На основаніи цѣлаго ряда соображеній и статистическихъ данныхъ, С. К. Гогель приходитъ къ признанію необходимости немедленнаго увеличенія числа воспитательно-исправительныхъ заведеній въ Россіи съ доведеніемъ ихъ населенія въ ближайшіе годы, по крайней мѣрѣ, до 15,000 мѣстъ. Признавая, что частнымъ союзамъ, а равно и земствамъ и городамъ, при нынѣшнемъ ихъ бюджетѣ, не подъ силу справиться съ этой задачей, докладчикъ считаетъ необходимымъ обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о скорѣйшей разработкѣ и внесеніи въ законодательныя учрежденія законопроектовъ объ ассигнованіи изъ казны необходимыхъ средствъ на возведеніе и содержаніе воспитательно-исправительныхъ заведеній въ указанномъ количествѣ.

На предстоящемъ съѣздѣ, кромѣ доклада проф. Гогеля, будутъ представлены также сообщенія по вопросамъ о мѣрахъ попеченія надъ безпризорными малолѣтними и о лишеніи родителей власти, объ отвѣтственности малолѣтнихъ и о судопроизводствѣ по дѣламъ

---

[1]) Труды IV съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, стран. 72.

Digitized by Google

о малолѣтнихъ. Вопросы эти совсѣмъ недавно были предметомъ горячаго обсужденія на съѣздѣ дѣятелей по вопросамъ суда для малолѣтнихъ. Постановку ихъ на съѣздѣ представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній слѣдуетъ вполнѣ привѣтствовать, такъ какъ проекты, сюда относящіеся, несомнѣнно нуждаются еще въ тщательномъ разсмотрѣніи и обсужденіи. Эти вопросы, вмѣстѣ съ вопросомъ, представленнымъ въ докладѣ проф. Гогеля, по всей вѣроятности, займутъ центральное мѣсто въ работѣ предстоящаго съѣзда.

А. І. Закъ.

Digitized by Google

Юридическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Московское Юридическое Общество было основано первоначально еще въ 1865 г. Первымъ предсѣдателемъ его былъ деканъ юридическаго факультета Московскаго университета проф. В. Н. Лешковъ, принимавшій наиболѣе горячее участіе въ созданіи Общества и въ дальнѣйшемъ его развитіи. Работы Общества, выражавшіяся въ научныхъ письменныхъ и словесныхъ докладахъ, сопровождавшихся преніями, въ которыхъ принимали участіе всѣ выдающіеся московскіе юристы того времени, привлекали вниманіе и общества и правительства, которое обращалось къ содѣйствію научнаго Общества по разнымъ законодательнымъ вопросамъ. Дѣятельность общества оживилась особенно въ 1867 г., съ какового времени сталъ выходить въ свѣтъ печатный органъ Общества «Юридическій Вѣстникъ» (впослѣдствіи «Сборникъ Правовѣдѣнія»). Ближайшее участіе въ редактированіи журнала принимали В. Н. Лешковъ, Н. В. Калачовъ, К. К. Арсеньевъ, С. С. Шайкевичъ, М. М. Ковалевскій, А. М. Фальковскій, С. А. Муромцевъ, В. А. Гольцевъ, А. К. Вульфертъ, В. М. Пржевальскій и Д. А. Дриль. Кромѣ этихъ лицъ энергичное участіе въ работахъ общества принимали Э. Н. Сумбулъ, В. И. Кахановъ, Г. А. Джаншіевъ, А. И. Чупровъ, М. А. Саблинъ, Н. А. Каблуковъ, графъ Л. А. Камаровскій, Ю. С. Гамбаровъ и Г. Л. Вербловскій. Почетными членами Общества состояли: К. К. Арсеньевъ, Д. А. Градовскій, С. И. Зарудный, К. Д. Кавелинъ, Н. Я. Калачовъ, А. Ѳ. Кистяковскій, М. Е. и М. М. Ковалевскіе, А. Ѳ. Кони, А. В. Лохвицкій, С. А. Муромцевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, Д. А. Ровинскій, В. Д. Спасовичъ, Н. И. Стояновскій, Е. П. Старицкій, Э. Н. Сумбулъ, Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкій, Б. Н. Чичеринъ, А. И. Чупровъ, Рудольфъ фонъ-Іерингъ, Франческо Каррара, Чезаре Ломброзо, Генри Мэнъ, Энрико Ферри и Лоренцъ фонъ-Штейнъ. Печатавшіяся въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» статьи чле-

Digitized by Google

новъ общества, появлявшіяся и отдѣльными изданіями, укрѣпляли все болѣе и болѣе научный авторитетъ Юридическаго Общества, занявшаго, по истеченіи перваго десятилѣтія, вполнѣ заслуженно, положеніе солиднаго, научнаго учрежденія.

Но совершенно неожиданно для членовъ Юридическаго Общества, 9-го іюня 1899 г. послѣдовало распоряженіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія о закрытіи общества и о передачѣ богатой библіотеки его и прочнаго имущества университету. По полученнымъ въ то время нѣкоторыми изъ членовъ Общества свѣдѣніямъ закрытіе Общества послѣдовало вслѣдствіе недовольства мѣстной администраціи направленіемъ Общества, выразившимся въ одномъ изъ докладовъ, прочитанныхъ въ очередномъ собраніи, а именно «объ административной неправдѣ и административномъ судѣ», гдѣ терминъ административная неправда» употреблялся въ смыслѣ паралельномъ терминамъ «гражданская» и «уголовная неправда», а также въ нежелательномъ вліяніи Общества на молодежь и наконецъ въ адресѣ Юридическаго Общества, прочитанномъ въ день торжественнаго празднованія столѣтія Пушкина. Адресъ этотъ таковъ:

«Московское Юридическое Общество въ настоящій торжественный день присоединяетъ свой голосъ къ общему хору привѣтствій. Въ исторію гражданскаго развитія нашего отечества неизгладимыми чертами вписано, какъ среди общества, печально поражавшаго чуткую совѣсть великаго народнаго поэта своимъ презрѣніемъ къ мысли и равнодушіемъ ко всякому долгу, справедливости и правдѣ, звучалъ героическій гимнъ, посвященный красотѣ и человѣческому достоинству. Проникнутый съ юности мечтами о просвѣщенной свободѣ и законности, какъ лучшихъ опорахъ государственнаго порядка, не щадилъ поэтъ своихъ гигантскихъ усилій пробудить современную ему толпу отъ позорнаго сна, ударяя съ невѣдомою силою выстраданнымъ стихомъ по людскимъ сердцамъ, хотя и безъ надежды найти въ нихъ немедленный откликъ своему тяжкому сердечному стону. Но этотъ стонъ былъ стономъ почуявшей свою силу русской личности. Борьба, вынесенная Пушкинымъ, была борьбой личности за независимость и свободное развитіе. Великій поэтъ былъ могучимъ провозвѣстникомъ русскаго Возрожденія. Празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русскою личностью надъ рутиною жизни и властной опеки!»

Двумя членами Общества, признававшими, въ согласіи съ совѣтомъ и другими членами, что право закрытія Общества выходитъ изъ компентенціи Министра Народнаго Просвѣщенія и зависитъ отъ комитета министровъ, распоряженіе это было обжаловано

Digitized by Google

въ томъ же 1899 г. въ Правительствующій Сенатъ. Дѣло это было Сенатомъ рѣшено черезъ пять лѣтъ, а именно 5 сентября 1905 г., при чемъ жалоба была оставлена безъ разсмотрѣнія, о чемъ жалобщикамъ было объявлено 5 ноября 1905 г.

Пока вопросъ о закономѣрности закрытія Министромъ Народнаго Просвѣщенія Общества не былъ окончательно рѣшенъ Сенатомъ, бывшими членами Общества, а также другими лицами, желавшими возобновленія его, не принимались къ тому-какія либо мѣры, ибо не была потеряна надежда на возстановленіе его. Но какъ только нарушенная въ 1905—1906 гг. нормальная академическая жизнь Московскаго университета, выбитая изъ своей колеи поднявшимся повсемѣстно политическимъ броженіемъ, вступила въ обычное свое русло, на юридическомъ факультетѣ университета возникла, поддержанная и въ средѣ юристовъ-практиковъ, мысль о необходимости открытія вновь при университетѣ Юридическаго Общества. Первоначальный проектъ устава Общества былъ составленъ еще раньше профессоромъ М. В. Духовскимъ и приватъ-доцентами П. И. Новгородцевымъ и Н. В. Давыдовымъ. Разработку этого проекта взяла на себя группа профессоровъ и приватъ-доцентовъ юридическаго факультета, во главѣ которой сталъ бывшій тогда деканомъ А. С. Алексѣевъ и въ которую кромѣ уже названныхъ г.г. Новгородцева и Давыдова вошли графъ Л. А. Камаровскій, Н. А. Каблуковъ, А. А. Мануиловъ, С. А. Муромцевъ, Г. Ф. Шершеневичъ, А. Э. Вормсъ и другіе. Составленный этой группой юристовъ уставъ Общества не получилъ утвержденія на томъ основаніи, что Министерство Народнаго Просвѣщенія признало обязательнымъ условіемъ открытія Общества включеніе въ уставъ его параграфовъ, устанавливающихъ, что предсѣдателемъ Общества можетъ быть избранъ только одинъ изъ профессоровъ юридическаго факультета и что всѣ профессора названнаго факультета вступаютъ въ члены Общества безъ баллотировки. Это требованіе министерства, особенно же первый его пунктъ, значительно задержало возникновеніе Общества, ибо иниціаторы возрожденія его, — не безъ основанія, какъ то и показали послѣдовавшія событія, — опасались, что ограниченіе круга лицъ, могущихъ быть избранными въ предсѣдатели Общества, исключительно личнымъ составомъ профессуры юридическаго факультета, можетъ поставить Общество въ весьма затруднительное положеніе, а потому не рѣшались принять предъявленное Министерствомъ условіе. Указывалось также и на то, что при Московскомъ университетѣ существуютъ и безпрепятственно функціонируютъ нѣсколько ученыхъ обществъ, но ни въ одномъ изъ уставовъ ихъ нѣтъ такого ограничительнаго параграфа. Колебанія

Digitized by Google

эти вызвали предположеніе объ основаніи въ Москвѣ Юридическаго Общества не при университетѣ, а въ общемъ порядкѣ. Мысль эта неоднократно обсуждалась въ средѣ лицъ, заинтересованныхъ существованіемъ Юридическаго Общества, но въ концѣ концовъ была оставлена на томъ основаніи, что иниціаторы движенія настаивали на необходимости созданія именно научнаго общества, которое, подобно своему предшественнику, было бы органически связано съ очагомъ юридической науки — университетомъ, что сразу поставило бы его въ нормальное положеніе учрежденія, теоретически отвлеченно-научно работающаго надъ освѣщеніемъ и разрѣшеніемъ выдвигаемыхъ наукой и жизнью вопросовъ права, чего могло бы и не послѣдовать, разъ какъ новое Общество не явилось бы возобновленіемъ прежняго и не было бы присоединено къ «хранителю науки», — университету. Вслѣдствіе этого въ 1909 г. состоялось наконецъ постановленіе юридическаго факультета, а затѣмъ и Совѣта Московскаго университета о представленіи на утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія выработаннаго группою профессоровъ проекта устава Юридическаго Общества со включеніемъ въ него вышеуказанныхъ стѣснительныхъ для Общества параграфовъ. Уставъ былъ утвержденъ.

Учредительное собраніе Юридическаго Общества было открыто 12 марта 1910 г. въ зданіи университета деканомъ юридическаго факультета графомъ Л. А. Камаровскимъ въ составѣ учредителей, подписавшихъ уставъ, выбравшихъ изъ своей среды временный совѣтъ, который уже, согласно устава, принялъ рядъ лицъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества. 11 апрѣля состоялось закрытое общее собраніе Общества, на которомъ избраны были предсѣдателемъ профессоръ А. С. Алексѣевъ, товарищемъ предсѣдателя Н. В. Давыдовъ, секретаремъ А. Э. Вормсъ, товарищами секретаря Н. М. Ждановъ и А. Н. Бѣликовъ, казначеемъ Б. И. Сыромятниковъ и членами совѣта В. Н. Челищевъ, С. И. Филатовъ и П. И. Астровъ. Остальныя должностныя лица, а въ томъ числѣ П. И. Новгородцевъ, Н. В. Тесленко, А. А. Мануиловъ, А. И. Елистратовъ, Н. Н. Полянскій, В. С. Малченко (завѣдывавшіе библіотекой), Е. Н. Ефимовъ и Н. І. Вавинъ были избраны впослѣдствіи. Изъ означенныхъ лицъ къ настоящему времени выбыли изъ состава совѣта С. И. Филатовъ (за смертью), А. И. Елистратовъ, Н. Н. Полянскій, А. Н. Бѣликовъ и Е. Н. Ефимовъ. Товарищами предсѣдателя состоятъ Н. В. Давыдовъ (съ открытія Общества) и А. Э. Вормсъ (съ 17 октября 1911 г.), почетными членами Общества за истекшіе 4 года были избраны С. А. Муромцевъ, А. Ѳ. Кони, Н. С. Таганцевъ, К. К. Арсеньевъ, П. П. Семеновъ-Тяньшанскій,

Digitized by Google

М. М. Ковалевскій, А. А. Мануиловъ и А. С. Алексѣевъ. Къ 1 января 1911 г. дѣйствительныхъ членовъ Общества состояло уже 311.

Открытіе Юридическаго Общества было радостно встрѣчено московскими юристами, теоретиками и практиками, представителями университетовъ и ученыхъ обществъ и вообще дѣятелями науки и интеллигентныхъ профессій, горячо привѣтствовавшими Совѣтъ въ первомъ торжественномъ публичномъ собраніи Общества 11 апрѣля 1910 г.

Въ этомъ же засѣданіи въ произнесенныхъ рѣчахъ было высказано, что новое Общество считаетъ себя преемникомъ стараго Юридическаго Общества и будетъ вести свои работы въ томъ же чисто научномъ, объективномъ, направленіи, не измѣняя традиціямъ своего предшественника. Кромѣ торжественныхъ рѣчей въ первомъ же засѣданіи Общества былъ заслушанъ докладъ А. С. Алексѣева, «Начало верховенства права въ современномъ государствѣ».

Этимъ первымъ рефератомъ было положено начало научнымъ работамъ членовъ Общества, не прекращавшимся впредь до осени 1913 г., когда возникли, независѣвшія отъ дѣятельности Общества и его направленія, препятствія къ созыву общихъ собраній какъ очередныхъ, такъ и экстренныхъ.

Обществомъ за все время его дѣятельности были заслушаны слѣдующіе, сопровождавшіеся преніями и соотвѣтственными резолюціями, доклады, рефераты и рѣчи, большинство которыхъ были напечатаны въ разсылавшемся первоначально членамъ Общества журналѣ «Вопросы Права», а позднѣе въ собственномъ печатномъ органѣ, «Юридическомъ Вѣстникѣ».

1) 6 мая 1910 г. докладъ проф. А. Н. Филиппова, «Депутаты Екатерининской комиссіи и Правительствующій Сенатъ». 2) тогда же В. С. Малченко, «Къ вопросу о слѣдствіяхъ по важнѣйшимъ дѣламъ». 3) 28 сентября 1910 г. В. А. Маклакова, «Гражданская отвѣтственность должностныхъ лицъ». 4) 1 ноября 1910 г., П. И. Астрова, «Институтъ личнаго найма въ законѣ и жизни». 5) 15 ноября 1910 г. Н. Г. Вавина, «О зачетѣ обязательствъ». 6) 11 декабря 1910 г. М. С. Аджемова, «Объ условномъ осужденіи». 7) 20 декабря 1910 г. С. П. Ордынскаго, «Къ вопросу объ опасномъ состояніи преступника». 8) 17 февраля 1911 г. П. И. Астрова, «Первый предсѣдатель Московскаго Окружного Суда Е. Е. Люминарскій». 9) тогда же Н. Н. Полянскаго, «О правѣ обществъ на уголовный искъ». 10) 14 марта 1911 г. С. П. Мельгунова, «Законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ вопросомъ о взаимоотношеніи церкви и государства». 11) 20 марта

Digitized by Google

1911 г. Г. Ф. Шершеневича, «Ученые труды С. А. Муромцева». 12) 17 октября 1911 г. Б. И. Сыромятникова, «В. О. Ключевскій и русская историческая наука». 13) тогда же профессора С. А. Котляревскаго, «В. О. Ключевскій, какъ историкъ учрежденій». 14) 24 октября 1911 г. проф. П. И. Новгородцева, «Объ общественномъ идеалѣ». 15) 14 ноября 1911 г. П. И. Кедрова, «Задачи врачебной экспертизы при опредѣленіи утраты трудоспособности». 16) 28 ноября 1911 г. Н. Д. Кузнецова, «Законъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое». 17) 5 декабря 1911 г. А. С. Алексѣева, «Георгъ Еллинекъ и его научное наслѣдіе». 18) 30 января 1912 г. А. А. Кизеветтеръ, «Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина». 19) тогда же Н. Г. Вавина, «Понятіе легата и его объектъ». 20) 1 марта 1912 г. С. О. Гессена, «Проблема наказанія съ точки зрѣнія философіи права». 21) 23 апрѣля 1912 г. И. З. Штейнберга, «Движеніе въ Германіи въ пользу свободнаго творчества (Законъ и судья)». 22) 29 апрѣля 1912 г. А. А. Кизеветтера, «Памяти Д. А. Милютина». 23) тогда же П. И. Астрова, «Судъ какъ органъ гражданскаго правообразованія въ Россіи». 24) 7 мая 1912 г. Д. А. Іонаса, «Законопроектъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ». 25) 22 октября 1912 г. Л. С. Таля, «Правовая нормировка нерегулированныхъ договоровъ». 26) 18 ноября 1912 г. Н. В. Тесленко, «Г. Ф. Шершеневичъ—общественный дѣятель». 27) тогда же А. Э. Вормса, «Профессоръ Г. Ф. Шершеневичъ какъ коммерсіалистъ». 28) тогда же И. А. Кистяковскаго, «Г. Ф. Шершеневичъ, какъ цивилистъ». 29) тогда же А. Р. Ледницкаго, «Воспоминанія о Г. Ф. Шершеневичѣ». 30) 21 ноября 1912 г. Ѳ. Ѳ. Кокошкина, «Юридическое значеніе манифеста 17 октября». 31) 3 декабря 1912 г. Н. Г. Вавина, «Взаимоотношенія, возникающія при отказѣ между наслѣдникомъ, легатаріемъ и кредиторами наслѣдодателя». 32) 17 декабря 1912 г. М. Д. Загряцкова, «Ограниченіе собственности въ публичномъ интересѣ въ Германскомъ строительномъ правѣ и ея гарантіи». 33) 21 января 1913 г. П. И. Бѣляева, «Слѣды первобытныхъ представленій о природѣ и человѣкѣ въ исторіи гражданскаго права». 34) 23 января 1913 г. А. Н. Паренаго, «Обычай и законъ 14 іюня 1910 г.». 35) 25 февраля 1913 г. Н. Н. Авинова, «Правовая регистрація недвижимости и кадастръ». 36) 10 марта А. С. Алексѣева, «Происхожденіе чрезвычайно-указнаго права». 37) тогда же П. И. Новгородцева, «Современное положеніе проблемы естественнаго права». 38) 1 апрѣля О. Б. Гольдовскаго, «О переходѣ торговаго предпріятія (фирма)». 39) тогда же Н. Н. Баженова, «Законодательство о душевно-больныхъ».

Digitized by Google

Кромѣ перечисленныхъ докладовъ и рѣчей въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія Общества на общихъ собраніяхъ его были произнесены рѣчи С. А. Муромцевымъ о направленіи дѣятельности перваго Юридическаго Общества, Н. В. Давыдовымъ — о задачахъ возобновившагося Юридическаго Общества, и посвященныя памяти С. А. Муромцева и В. О. Ключевскаго, рѣчи Н. В. Тесленко о скончавшихся членахъ Общества Д. А. Дрилѣ и В. И. Сергѣевичѣ, и А. Э. Вормса рѣчь, посвященная памяти С. В. Пахмана.

. Общимъ собраніемъ 15 ноября 1910 г. было одобрено отправленіе семьѣ скончавшагося графа Л. Н. Толстого, совѣтомъ Общества телеграммы слѣдующаго содержанія: «Собравшись на чрезвычайное совѣщаніе при вѣсти о кончинѣ Льва Николаевича, совѣтъ Московскаго Юридическаго Общества переживаетъ со всѣмъ человѣчествомъ скорбь объ утратѣ великаго провозвѣстника невѣдомой людямъ и незримой міромъ правды». Въ закрытомъ засѣданіи общаго собранія 17 февраля 1911 г. было оглашено слѣдующее постановленіе совѣта Общества: «Состоящее при Московскомъ университетѣ Юридическое Общество, соединяя въ себѣ разнородныя силы для совмѣстной разработки теоріи и практики права, дорожитъ связью съ Московскимъ университетомъ, и съ гордостью видитъ въ своей средѣ профессоровъ и преподавателей юридическаго факультета. Событія послѣдняго времени, тяжко отразившіяся на жизни университета, грозятъ печальными послѣдствіями и состоящему при немъ Юридическому Обществу. Оставляютъ свои кафедры, уходятъ изъ университета многіе достойнѣйшіе представители русской науки, составляющіе ея гордость и нынѣ своими именами украшающіе возродившееся Юридическое Общество. Рядъ поколѣній воспитался на ихъ трудахъ и многіе члены Юридическаго Общества съ гордостью считаютъ себя ихъ учениками. Правосознанію ясно, что говоря словомъ великаго русскаго человѣка, легче университетъ отставить отъ ученыхъ, чѣмъ ученыхъ отъ университета. Совѣтъ Юридическаго Общества горячо желаетъ скорѣйшаго возстановленія нормальныхъ условій университетской жизни, съ наступленіемъ которыхъ нынѣ покидающіе университетъ профессора и приватъ-доценты получили бы возможность остаться на своихъ прежнихъ мѣстахъ и продолжать свою просвѣтительную дѣятельность безъ насилія надъ совѣстью. Выражая имъ свое горячее сочувствіе, Совѣтъ Юридическаго Общества выражаетъ и твердую увѣренность, что связь Общества съ его достойнѣйшими членами ни въ какомъ случаѣ не прекратится и останется навсегда неразрывной». Выслушавъ это постановленіе, общее собраніе выразило ему свое одобреніе.

Digitized by Google

Кромѣ докладовъ въ общихъ собраніяхъ, обычно происходившихъ, въ виду ихъ спеціальнаго характера, не публично, научная работа членовъ общества протекала въ комиссіяхъ. Въ числѣ таковыхъ двѣ дѣйствовали постоянно, а именно комиссія «по вопросамъ о правовомъ положеніи церкви въ государствѣ» и комиссія «крестьянскаго и обычнаго права». Въ первой комиссіи разрабатывались вопросы объ организаціи прихода, а также вопросы брачнаго права, вторая останавливалась на изученіи и толкованіи новаго аграрнаго закона и вліяніи его на крестьянское и семейное право. Законченныя работы комиссій были своевременно напечатаны. Независимо отъ этого членами Общества, входившими въ составъ редакціонныхъ комитетовъ, сперва журнала «Вопросы Права», а затѣмъ «Юридическаго Вѣстника», удѣлялось много труда и времени изданію этихъ журналовъ. Много времени было посвящено Совѣтомъ Общества на приведеніе въ порядокъ и систематизацію, а также пополненіе, переданной Правленіемъ Университета, библіотеки стараго Юридическаго Общества, хранившейся въ ящикахъ и шкапахъ и даже въ связкахъ въ одномъ изъ пустовавшихъ помѣщеній Университета. Работа эта была выполнена главнымъ образомъ членомъ Общества Н. Н. Полянскимъ, а позднѣе завѣдываніе библіотекой взялъ на себя В. С. Малченко. Капиталъ стараго Общества въ размѣрѣ приблизительно 5000 руб., оставшійся на храненіи, по закрытіи Общества, въ Университетѣ, не былъ Правленіемъ переданъ новому Обществу. При Обществѣ были учреждены двѣ денежныя преміи, одна имени С. А. Муромцева за сочиненіе по вопросамъ гражданскаго права, а другая имени А. В. Заремба за научное сочиненіе о польско-русскихъ отношеніяхъ съ общественно-политической стороны. Срокъ присужденія этихъ премій еще не наступилъ.

1 апрѣля 1913 г. истекалъ трехлѣтній срокъ полномочій А. С. Алексѣева какъ предсѣдателя Юридическаго Общества, а потому въ общемъ собраніи 11-го марта Совѣтомъ былъ поднятъ вопросъ о кандидатѣ на эту должность. По оглашеніи списка лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ предсѣдатели Общества, а именно гг. профессоровъ юридическаго факультета Московскаго Университета, состоящихъ членами Общества, были поданы записки съ именами желательныхъ кандидатовъ, при чемъ наибольшее количество записокъ, а именно 54 изъ 74, получилъ проф. Н. А. Каблуковъ. Такъ какъ Н. А. Каблуковъ и другіе профессора, получившіе меньшее количество голосовъ, въ засѣданіи не присутствовали, то, въ виду необходимости опроса ихъ о согласіи подвергнуться баллотировкѣ, выборъ предсѣдателя былъ отложенъ до 1-го апрѣля.

Digitized by Google

Между тѣмъ выяснилось, что ни получившій большинство записокъ Н. А. Каблуковъ, ни другіе профессора, намѣченные записками,— гг. А. Н. Филипповъ, С. А. Котляревскій и П. П. Гензель — не согласны принять должность предсѣдателя Общества и отъ баллотировки отказались. Объ этомъ было объявлено 1-го апрѣля на общемъ собраніи и постановлено отложить выборъ предсѣдателя, въ виду наступающаго вакантнаго времени, до осени. Въ исполненіе обязанностей предсѣдателя вступилъ старшій по времени избранія товарищъ предсѣдателя Н. В. Давыдовъ. Въ теченіе весны и лѣта ни очередныхъ, ни экстренныхъ собраній Общества не было.

26-го сентября, въ первомъ же, послѣ лѣтняго перерыва, засѣданіи Совѣта, было постановлено созвать очередное закрытое засѣданіе на 7-е октября и чрезвычайное общее собраніе для выбора предсѣдателя на 14-е октября. Всѣ до этого времени открывавшіяся засѣданія Общества происходили въ отводимыхъ для того помѣщеніяхъ Университета, какъ оно было и при существованіи прежняго Общества и каковая практика имѣла и имѣетъ мѣсто по отношенію къ другимъ ученымъ Обществамъ, состоящимъ при Московскомъ Университетѣ. Но на этотъ разъ правленіе Университета отказало въ отводѣ помѣщенія Обществу, мотивировавъ этотъ отказъ такъ: «Правленіе Университета, заслушавъ въ засѣданіи своемъ 3-го октября заявленіе Юридическаго Общества при Московскомъ Университетѣ отъ 1-го сего октября за № 100 объ устройствѣ засѣданія Общества 7-го сего октября, въ виду отсутствія законнаго состава Совѣта Общества, затруднилось собственной властью разрѣшить устройство указаннаго засѣданія и представило о семъ на благоусмотрѣніе г. Попечителя Московскаго учебнаго округа». Такой же отвѣтъ Совѣтъ получилъ отъ ректора Университета при обращеніи къ нему просьбы объ отводѣ помѣщенія на 14-е октября. Вскорѣ послѣ этого Совѣтомъ былъ доставленъ правленію Университета, согласно его требованію, подробный отчетъ о дѣятельности Общества за все время его существованія. Ожидая увѣдомленія Правленія о рѣшеніи вопроса о правѣ Общества открывать свои засѣданія въ помѣщеніи Университета, представленнаго Университетомъ на усмотрѣніе г. Попечителя, Совѣтъ не назначалъ засѣданій Общества, но такъ какъ никакого отвѣта не получалось ни отъ Университета, ни отъ Попечителя, ни отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, куда, по полученнымъ Совѣтомъ свѣдѣніямъ, былъ перенесенъ вопросъ о Юридическомъ Обществѣ, то Совѣтъ въ январѣ 1914 г. увѣдомилъ правленіе Университета, что онъ предполагаетъ созвать годичное собраніе, а также для выбора предсѣдателя, на 2-е февраля. Въ отвѣтъ на это сообщеніе правленіе

Digitized by Google

увѣдомило, что оно «не находитъ возможнымъ удовлетворить въ настоящее время ходатайство Общества о предоставленіи ему на 2-е февраля помѣщенія въ зданіи Университета для общаго собранія Общества». Совѣтъ, въ виду невозможности воспользоваться помѣщеніемъ Университета, отказъ въ чемъ не могъ быть и обжалованъ, такъ какъ уставъ Общества не возлагаетъ на Университетъ обязанности давать Обществу помѣщеніе, рѣшилъ устроить общее собраніе для выбора предсѣдателя 17-го февраля въ зданіи Высшихъ женскихъ курсовъ, на что директоромъ курсовъ было выражено согласіе, но незадолго до назначеннаго срока собранія директоръ курсовъ долженъ былъ отказаться отъ своего согласія, и такимъ образомъ Совѣту пришлось отказаться отъ мысли устроить столь необходимое для него чрезвычайное собраніе въ помѣщеніи высшаго научнаго учрежденія.

Рѣшивъ созвать годичное общее собраніе, на которомъ произвести выборъ предсѣдателя, въ общественномъ или частномъ помѣщеніи, Совѣтъ остановился на «Юридическомъ собраніи», любезно предложившемъ Юридическому Обществу свое помѣщеніе, и назначилъ таковое на 23-е марта, обратившись предварительно съ письмами ко всѣмъ профессорамъ юридическаго факультета, состоящимъ членами Общества, съ письменнымъ запросомъ о согласіи поставить ихъ кандидатуру на должность предсѣдателя. Въ отвѣтъ на это обращеніе товарищемъ предсѣдателя Общества А. Э. Вормсомъ было, между прочимъ, получено слѣдующее письмо декана юридическаго факультета профессора церковнаго права П. В. Гидулянова, состоящаго членомъ Общества:

«Вслѣдствіе письма Вашего отъ 5 сего марта, № 108, имѣю честь увѣдомить, что сообщеннымъ мнѣ, какъ декану, юридическаго факультета, предложеніемъ отъ 20 ноября 1913 г., № 415, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, принимая во вниманіе, что, согласно п. 11 и 23 устава, предсѣдатель Юридическаго Общества избирается въ годичномъ общемъ собраніи въ февралѣ мѣсяцѣ изъ числа членовъ Общества, состоящихъ профессорами юридическаго факультета Московскаго Университета, что съ февраля мѣсяца 1913 г. по настоящее время Общество не имѣетъ предсѣдателя, выбраннаго согласно требованію п. 11 устава, а также въ виду отсутствія законнаго состава Совѣта Общества (п. 14 и 16), созывающаго годичное или чрезвычайное собраніе для избранія предсѣдателя Общества, онъ, г. Министръ, признаетъ дѣйствующее на основаніи утвержденнаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 15 января 1910 г. устава Юридическое Общество при Московскомъ Университетѣ прекратившимся, такъ какъ за невыполненіемъ имъ пп. 11, 12, 14,

Digitized by Google

16 и 23 устава, помянутое Общество лишено возможности устроить общее собраніе.

При такихъ условіяхъ является незаконнымъ не только предполагаемое общее собраніе Общества, но и состоявшееся 2 марта с. г. засѣданіе Совѣта бывшаго Юридическаго Общества, такъ какъ согласно п. 13 устава засѣданія Совѣта созываются предсѣдателемъ Общества. Что касается созванія Совѣта товарищемъ предсѣдателя, то здѣсь рѣшающее значеніе имѣетъ п. 12 устава, гдѣ читаемъ: «Предсѣдатель можетъ передавать исполненіе своихъ обязанностей своимъ товарищамъ». Пунктъ этотъ редактированъ ясно и не оставляетъ никакого сомнѣнія, что товарищъ имѣетъ право созывать Совѣтъ и общее собраніе Общества не въ силу собственнаго права замѣнять отсутствующаго предсѣдателя, но лишь по делегаціи предсѣдателя, который «можетъ передавать исполненіе своихъ обязанностей своимъ товарищамъ», вслѣдствіе чего всякое выступленіе товарища въ роли предсѣдателя возможно лишь при наличіи послѣдняго въ Обществѣ, и прекращается eo ipso въ моментъ окончанія полномочій предсѣдателя Общества.

Доводя изложенное до Вашего свѣдѣнія, считаю долгомъ предостеречь Общество отъ вступленія на опасный путь незакономѣрныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить, что я категорически отказываюсь принимать какое-либо участіе въ дальнѣйшей нелегальной дѣятельности Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ».

Заслушавъ это письмо члена Общества П. В. Гидулянова, Совѣтъ призналъ, что какъ самое Общество, такъ и его органъ, Совѣтъ, существуютъ и функціонируютъ вполнѣ легально, ибо то обстоятельство, что 1 апрѣля 1913 г., когда кончался срокъ полномочій предсѣдателя Общества А. С. Алексѣева, не былъ избранъ новый предсѣдатель, не дѣлаетъ Общество съ того же момента противозаконнымъ сообществомъ и не лишаетъ его права и возможности продолжать свою дѣятельность и, между прочимъ, созвать общее собраніе для выбора предсѣдателя, такъ какъ въ Обществѣ существуетъ должность товарища предсѣдателя, поставленная уставомъ такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ Обществахъ и общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, т.-е. какъ замѣняющая при отсутствіи, по той или другой причинѣ, предсѣдателя такового во всѣхъ его функціяхъ. Разбирая въ дальнѣйшемъ высказанное г. Гидуляновымъ мнѣніе, Совѣтъ нашелъ, что предсѣдатель можетъ быть избранъ не только въ февралѣ, на годичномъ общемъ собраніи Общества, но и въ другое время и при томъ на чрезвычайномъ собраніи, такъ какъ таковое, согласно 27 п. устава, «вѣдаетъ тѣ же вопросы, какъ и

Digitized by Google

годичное»; что же касается заявленія Гидулянова о томъ, что Совѣтъ не можетъ законно собираться и такимъ образомъ не въ правѣ даже созвать чрезвычайное собраніе для выбора отсутствующаго почему-либо предсѣдателя, то это заявленіе представляется просто страннымъ, такъ какъ оно противорѣчитъ буквальному смыслу 16-го параграфа устава, въ которомъ значится: «засѣданіе Совѣта признается состоявшимся, если присутствуетъ не менѣе половины наличнаго состава членовъ Совѣта, при непремѣнномъ участіи предсѣдателя или одного изъ товарищей предсѣдателя». Такимъ же непонятнымъ было признано утвержденіе г. Гидулянова, что товарищъ предсѣдателя можетъ замѣнять предсѣдателя, лишь получивъ отъ него спеціальное на то уполномочіе. Положеніе это П. В. Гидуляновъ основываетъ на п. 12-мъ устава, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что «предсѣдатель можетъ передавать исполненіе своихъ обязанностей своимъ товарищамъ». Но приведенная цитата устава устанавливаетъ нѣчто совсѣмъ другое, а именно право товарища предсѣдателя исполнять обязанности послѣдняго, при его согласіи, въ его даже присутствіи. Правило это потому и включено въ уставъ, что оно является исключительнымъ, ибо нормально, при наличности предсѣдателя, товарищъ его не пользуется никакими правами и вступаетъ въ исполненіе обязанностей предсѣдателя именно при его отсутствіи. Наконецъ не имѣющимъ сколько-нибудь рѣшающаго значенія было признано замѣчаніе П. В. Гидулянова о томъ, что предсѣдатель Юридическаго Общества можетъ быть законно выбранъ лишь въ февралѣ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, Общество не имѣло основанія приступать къ выборамъ предсѣдателя въ февралѣ 1913 г., такъ какъ полномочія А. С. Алексѣева оканчивались 1-го апрѣля, а затѣмъ если бы признать, что лишь февральскіе выборы предсѣдателя законны, то получилось бы такое положеніе, что если предсѣдатель Общества скончался въ іюнѣ, то Общество должно немедленно прекратить законное свое существованіе, ибо нѣтъ и не можетъ быть налицо февральскаго предсѣдателя, а назначить чрезвычайное собраніе для выбора предсѣдателя, хотя бы въ сентябрѣ, Совѣтъ не можетъ, такъ какъ онъ созывается, будто, только предсѣдателемъ. Что касается затѣмъ сдѣланной П. В. Гидуляновымъ, въ его письмѣ къ А. Э. Вормсу, ссылки на мнѣніе о положеніи Общества г. Министра Народнаго Просвѣщенія, то Совѣтъ не счелъ себя въ правѣ признать это сообщеніе за распоряженіе или увѣдомленіе г. Министра, адресованное официально Обществу, такъ какъ Совѣтъ не можетъ считать г. Гидулянова, хотя онъ и состоитъ деканомъ юридическаго факультета, лицомъ, уполномоченнымъ г. Министромъ на сношенія

Digitized by Google

съ Обществомъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ Совѣтъ сносился съ проф. П. В. Гидуляновымъ какъ съ членомъ Общества, что признано и имъ самимъ въ концѣ его письма.

Поэтому Совѣтъ не отмѣнилъ своего распоряженія о созывѣ годичнаго общаго собранія Общества на 23-е марта, но въ виду того, что собраніе это должно было состояться не въ Университетѣ, или подобномъ же учрежденіи, а въ «клубѣ», т.-е. общественномъ мѣстѣ, постановилъ, хотя собраніе назначено и закрытое, увѣдомить о немъ г. московскаго градоначальника что и было исполнено. 22-го марта и. д. предсѣдателя Общества было получено письмо г. градоначальника, въ которомъ излагалось, что попечитель Московскаго учебнаго округа сообщилъ ему, градоначальнику, что Юридическое Общество за невыполненіемъ пп. 11, 12, 14 и 23 своего устава, какъ не имѣющее съ февраля мѣсяца предсѣдателя, а также законнаго состава Совѣта (п. 14), лишено возможности устроить общее собраніе, почему градоначальникъ не можетъ допустить устройства годичнаго собранія, предполагавшагося къ созыву на 23-е марта.

Совѣту, послѣ этого, не оставалось ничего другого, какъ извѣстить членовъ Общества объ отмѣнѣ общаго собранія, а затѣмъ было постановлено принести жалобу въ Правительствующій Сенатъ на воспрещеніе г. московскимъ градоначальникомъ засѣданія Общества, а до разрѣшенія его не созывать болѣе ни чрезвычайныхъ, ни очередныхъ засѣданій, пріостановивъ такимъ образомъ, поневолѣ, нормальную дѣятельность Общества, и ограничивъ ее работою въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ». Совѣтомъ было рѣшено принести жалобу не на г. попечителя округа, на котораго въ своей бумагѣ сослался г. градоначальникъ, а на распоряженіе послѣдняго на томъ основаніи, что градоначальникъ привелъ лишь мнѣніе попечителя, которое, какъ таковое, не подлежитъ обжалованію, а кромѣ того попечителю не присвоено закономъ права дѣлать какія-либо распоряженія по отношенію къ ученымъ обществамъ, состоящимъ при Университетѣ; таковыя, какъ не составляющія университетскихъ «установленій», функціонируютъ и управляются на основаніи спеціальныхъ уставовъ, утверждаемыхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Въ концѣ концовъ Юридическое Общество, не нарушившее ни въ чемъ своего устава, не выступавшее ни разу изъ круга присущихъ ему задачъ, посвящавшее всю свою дѣятельность исключительно научной работѣ, очутилось въ совершенно невѣроятномъ положеніи. У Общества нѣтъ въ данный моментъ предсѣдателя; для исправленія этого временнаго дефекта Совѣтъ Общества назначаетъ общія собранія, имѣющія выбрать предсѣдателя, что, казалось бы,

Digitized by Google

является совершенно законнымъ, а къ тому же и единственнымъ физически возможнымъ способомъ исправленія указаннаго недостатка, но такія собранія не допускаются университетскими властями и администраціей именно потому, что у Общества нѣтъ предсѣдателя, а имѣется только исправляющій его должность товарищъ предсѣдателя; далѣе, если Общество, убѣдившись почему-либо, что оно не въ состояніи будетъ избрать предсѣдателя и сознавая, что дальнѣйшее его существованіе безъ главы недопустимо, рѣшило бы прекратить въ установленномъ закономъ порядкѣ свое существованіе и ликвидировать свои дѣла (библіотека, денежные капиталы, архивъ и другое имущество), то оно и этого шага не можетъ сдѣлать, ибо закрытіе Общества и ликвидація его дѣлъ должны послѣдовать по постановленію годичнаго или чрезвычайнаго общаго собранія, — но собранія эти не допускаются.

Общество, повидимому, существуетъ, у него есть своя библіотека, свое имущество, налицо два товарища предсѣдателя и Совѣтъ, число членовъ его превышаетъ цифру 300, многими членами приготовлены для доклада научные рефераты, — но Общество обречено на бездѣйствіе и находится какъ бы въ состояніи Бахметевскаго анабіоза, при чемъ совершенно неизвѣстно, оттаетъ ли оно когда-либо и вернется ли въ первобытное свое состояніе.

Н. Давыдовъ.

Digitized by Google

Литературное Обозрѣніе.

Проф. Ю. Гачекъ. Общее государственное право. Авторизированный переводъ съ нѣмецкаго М. Лазерсона подъ ред. и съ предислов. проф. М. А. Рейснера, Рига, изд. «Наука и Жизнь».

Недавно вышедшая книга проф. Гачека представляетъ изъ себя русскій переводъ его обширнаго труда «Allgemeines Staatsrecht», изданнаго впервые въ 1909 году библіотекой «Sammlung Göschen». Сухое и черезчуръ конспективное изложеніе дѣлаетъ книгу проф. Гачека мало пригодной для широкаго круга читателей, на который она главнымъ образомъ разсчитана, а для спеціалистовъ въ ней можетъ представить нѣкоторый интересъ развѣ только попытка автора примѣнить въ государственномъ правѣ методы школы Риккерта. Авторъ рѣзко расходится съ проф. Лабандомъ, утверждающимъ, что «система государственнаго права всякаго государства есть замкнутое въ самомъ себѣ единство, которое не знаетъ пробѣловъ». Проф. Гачекъ утверждаетъ какъ разъ обратное. По его мнѣнію «система государственнаго права еще менѣе представляетъ собой замкнутое въ себѣ единство, нежели система гражданскаго права, и обнаруживаетъ громадное количество пробѣловъ, не восполнимыхъ позитивно-правовымъ матеріаломъ (стран. 40)». Здѣсь, — говоритъ проф. Гачекъ, — на помощь приходитъ практика, по своему заполняющая этотъ пробѣлъ. Такимъ путемъ создаются конвенціональныя правила, «выростающія за предѣлы юридическихъ положеній».

Авторъ оспариваетъ далѣе положеніе нѣмецкихъ государствовѣдовъ-догматиковъ, утверждающихъ, что понятія, найденныя путемъ юридической конструкціи, являются родовыми понятіями. У проф. Гачека «масштабъ оцѣнки и понятія общаго государственнаго права суть добытые путемъ сравнительнаго права функціональные типы». Эти типы, — продолжаетъ авторъ — не являются родовыми понятіями, «подъ которыми можно было бы подвести отдѣльный случай положительнаго права — но образцы, парадигмы... (ч. I, ст. 45).

Digitized by Google

Таковы въ общихъ чертахъ методологическія предпосылки проф. Гачека. Не касаясь здѣсь существа ихъ, отмѣтимъ только, что у автора осталось совершенно невыясненнымъ отличіе «функціональной зависимости» отъ логической, которую защищаетъ проф. Лабандъ.

Свой трудъ проф. Гачекъ начинаетъ общимъ обзоромъ государственныхъ формъ, при чемъ въ основу своей классификаціи онъ кладетъ различіе между республиканской и монархической формой правленія. «Монархія, — согласно его опредѣленію, — есть такая государственная форма, при которой высшему носителю исполнительной или правительственной власти предоставлено окончательное рѣшеніе по важнѣйшимъ государственнымъ актамъ или, по крайней мѣрѣ, участіе въ нихъ, республика же есть такая форма государства, при которой народу и только народу предоставлено рѣшеніе по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Число правителей для этого противоположенія, — добавляетъ авторъ, — совершенно безразлично» (часть I, ст. 29).

Съ приведеннымъ опредѣленіемъ проф. Гачека нельзя однако согласиться, ибо оно находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основными принципами правового государства. Это противорѣчіе было въ свое время чрезвычайно удачно вскрыто проф. А. С. Алекѣсѣевымъ, въ его трудѣ, посвященномъ критикѣ нѣмецкой монархической доктрины. «Въ правовомъ государствѣ, — говоритъ онъ, — не существуетъ ни суверенной власти, ни суверенаго органа, а существуетъ лишь суверенный законъ. Этотъ же законъ не является предписаніемъ того или другого учрежденія — монарха или парламента, — а представляетъ собой результатъ сложнаго юридическаго процесса, въ которомъ принимаютъ участіе нѣсколько органовъ, притомъ въ степени и формахъ, установленныхъ конституціей... Ни одинъ изъ этихъ органовъ въ процессѣ правотворчества не занимаетъ преимущественнаго передъ другими положенія: всѣ они между собой координированы въ томъ смыслѣ, что участіе каждаго изъ нихъ одинаково необходимо для того, чтобы законъ получилъ юридическую силу»[1]).

Слѣдуя классификаціи, предложенной проф. Гачекомъ, намъ, очевидно, пришлось бы отнести къ числу республикъ такую конституціонную монархію, какъ Норвегія, конституція которой предоставляетъ королю въ области законодательства только суспензивное вето и совершенно устраняетъ его отъ участія въ изданіи актовъ учредительнаго характера (статьи 79 и 112).

[1]) Проф. А. С. Алексѣевъ, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ, стран. 68.

Digitized by Google

Не болѣе обоснованы и тѣ мѣста книги проф. Гачека, гдѣ онъ говоритъ о государственномъ строѣ Россіи, которую онъ попрежнему причисляетъ къ абсолютнымъ монархіямъ.

Эта ошибка проф. Гачека объясняется однако не только неудачной классификаціей, предложенной авторомъ. Причина ея кроется главнымъ образомъ въ неумѣломъ пользованіи русской литературой. Свой взглядъ на русскій государственный строй авторъ построилъ, исходя исключительно изъ книги покойнаго проф. Коркунова, переизданной его учениками, съ дополненіями, связанными съ реформами послѣднихъ лѣтъ. Проф. Коркуновъ писалъ государственное право Россіи дореформенной, ученики его въ своихъ дополнительныхъ замѣчаніяхъ говорятъ о новомъ строѣ.

Все это вмѣстѣ взятое проф. Гачекъ, благодаря плохому знакомству съ русскимъ языкомъ очевидно смѣшалъ и создалъ поистинѣ фантастическій взглядъ на русское государственное право. Такъ напримѣръ онъ утверждаетъ, что «дѣла, не могущія быть разрѣшенными силой существующихъ законовъ», могутъ получить свое разрѣшеніе актомъ монарха (ч. I ст. 89) или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ актѣ 6 августа 1905 года, какъ о дѣйствующемъ законѣ. Понятно, что при такомъ знакомствѣ съ дѣйствующимъ русскимъ правомъ Государственная Дума превращается у проф. Гачека въ законосовѣщательную, а Россія попрежнему остается абсолютной монархіей.

Неудачной, какъ мы выше уже говорили, является и та классификація существующихъ формъ монархій, которую даетъ авторъ. Здѣсь онъ мѣстами прямо впадаетъ въ грубое противорѣчіе съ самимъ собой. Такъ, указавъ, на страницѣ 66, что отличительнымъ признакомъ конституціонной монархіи является наличность народнаго представительства, «которое осуществляетъ контроль надъ бюрократіей, благодаря участію въ законодательствѣ и институту отвѣтственности министровъ», онъ на стран. 105 приходитъ къ совершенно другому заключенію. «Представительная идея,— читаемъ мы здѣсь,—проведенная въ видѣ народнаго представительства, сама по себѣ не есть критерій для государственной формы. Абсолютная монархія, какъ напримѣръ Россія, теперь тоже имѣетъ народное представительство. Единственно и исключительно существеннымъ для конституціоннаго государства въ конституціонно-монархическомъ смыслѣ является... тотъ объемъ, въ которомъ проведенъ идеалъ троякаго раздѣленія властей, и признана ли конституціей такъ называемая оговорка законности, т.-е. издаются ли правовыя нормы исключительно въ формѣ закона или нѣтъ». Приведенная выдержка, очевидно, не только противорѣчитъ дан-

Digitized by Google

ному самимъ авторомъ на стран. 66 опредѣленію конституціоннаго государства, но содержитъ въ себѣ еще одну крупную ошибку, совершенно непростительную въ трудѣ такого выдающагося ученаго, какъ проф. Гачекъ. Вѣдь утверждая, что въ конституціонномъ государствѣ «правовыя нормы издаются исключительно въ формѣ законовъ», авторъ въ сущности отрицаетъ за органами правительственной власти въ конституціонной монархіи право издавать указы. Какъ же, спрашивается, примиряетъ проф. Гачекъ, это положеніе съ тѣмъ, что намъ говоритъ положительное право?

Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ самъ отступаетъ отъ своихъ словъ и на стран. 67 допускаетъ уже въ конституціонной монархіи указную дѣятельность правительственныхъ органовъ.

Этими немногими замѣчаніями мы ограничимъ, за недостаткомъ мѣста, разборъ книги проф. Гачека. Въ заключеніе скажемъ только нѣсколько словъ о томъ предисловіи, которымъ снабдилъ книгу проф. Рейснеръ.

Подобно проф. Гачеку онъ считаетъ, что Россія еще не перешла къ «конституціонному строю, и что «русское самодержавіе со времени Основныхъ Законовъ 23 апрѣля вступило лишь въ новую фазу своего развитія» (ч. I, ст. 20). Впрочемъ, проф. Рейснеръ готовъ признать у насъ существованіе конституціоннаго строя, но только въ предѣлахъ территоріи Таврическаго и Маріинскаго дворцовъ. «Если признать въ Россіи наличность конституціоннаго строя, — говоритъ онъ, — то это, конечно, съ успѣхомъ можно сдѣлать относительно территоріи столь незначительной, какъ Таврическаго дворца, гдѣ засѣдаетъ Дума, и Маріинскаго, гдѣ помѣщается Государственный Совѣтъ. Дальше этихъ предѣловъ конституція не дѣйствуетъ» (стран. 21).

Приведенныя выдержки достаточно, кажется, ясно говорятъ о научной цѣнности этого предисловія.

Б. Плетневъ.

В. М. Гессенъ. Проблема народнаго суверенитета въ политической доктринѣ XVI вѣка. — Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго» (1913 г. Т. XX). СПБ. 1913. Стран. 233—330. Ц. 75 к.

Работа В. М. Гессена, несмотря на свои скромные размѣры — въ ней нѣтъ и 100 страницъ крупной печати, изъ которыхъ половину, если не больше, составляютъ подстрочныя цитаты, преиму-

Digitized by Google

щественно, на латинскомъ языкѣ, — работа эта заслуживаетъ пристальнаго вниманія со стороны не только государствовѣда, но и всякаго, интересующагося исторіей политическихъ идей и ихъ развитіемъ. Даже несогласный съ точкой зрѣнія автора и его выводами долженъ быть признателенъ В. М. Гессену за интересное освѣщеніе проблемы и за матеріалъ, заново и своеобразно имъ переработанный.

Вслѣдъ за Барду (Bardoux) проф. Гессенъ признаетъ XVI вѣкъ колыбелью всѣхъ «заблужденій» (mécomptes) относительно природы современнаго государства. На фундаментѣ, который заложилъ Боденъ, — вдохновлявшійся идеаломъ монархіи, неограниченной учрежденіями, но ограниченной правомъ — философія XVII—XVIII вѣковъ провозгласила супрематію положительнаго права надъ естественнымъ. И, съ другой стороны, на смѣну XVI вѣку и на фундаментѣ, заложенномъ монархомахами, — вдохновлявшимися идей народнаго суверенитета и правомъ на революцію, принадлежащимъ народу, а не индивиду, — доктрина естественнаго права воздвигла въ XVII вѣкѣ свою «анархическую» теорію народнаго суверенитета, вознеся индивида на недосягаемую высоту (стран. 327, 329).

Таковы заключительные выводы В. М. Гессена. И эти выводы, и все содержаніе книги возбуждаютъ не мало вопросовъ и затрогиваютъ серьезную, вѣками взрощенную проблему.

Начать съ того, что недоумѣніе вызываетъ самое заглавіе книги, Оно не соотвѣтствуетъ содержанію. Послѣднее шире перваго. И это несоотвѣтствіе какъ бы подчеркиваетъ, что именно составляетъ для автора сердцевину работы, гдѣ ея логическій центръ. Заглавіе говоритъ о проблемѣ народнаго суверенитета, а содержаніе въ значительной части посвящено изложенію доктрины монархическаго суверенитета XVI вѣка и, въ особенности, взглядамъ Бодена. Вниманіе, удѣляемое авторомъ доктринѣ Бодена, не только количественно значительно. То, что В. М. Гессенъ говоритъ о Боденѣ, на нашъ взглядъ, по существу важнѣе и значительнѣе тѣхъ страницъ, которыя онъ посвящаетъ идеѣ народнаго суверенитета у монархомаховъ. Авторъ считаетъ «сближеніе Бодена съ Гоббсомъ по существу неправильнымъ», оговариваясь при этомъ, что такое утвержденіе дѣлается имъ «вопреки широко распространенному мнѣнію». Въ этомъ своеобразіи точки зрѣнія В. М. Гессена заключается по нашему крайнему разумѣнію, главенствующій интересъ его работы.

«Majestas est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas», — цитируетъ В. М. Гессенъ Бодена. Но «значитъ ли это,

Digitized by Google

что Боденъ абсолютистъ? Отнюдь нѣтъ». «Монархъ свободенъ отъ подчиненія закону (ordinarium jus); онъ не свободенъ отъ подчиненія праву: legibus, но не jure solutus est. Суверенъ стоитъ подъ правомъ, а не надъ нимъ. Если мы станемъ опредѣлять верховную власть, какъ власть свободную отъ подчиненія всѣмъ законамъ, ни одинъ властитель не можетъ быть признанъ сувереномъ, ибо каждый суверенъ подчиненъ божественному закону, закону природы, а также отличному отъ того и другого обще-народному закону» (стран. 252—254). В. М. Гессенъ относитъ ученіе о правоограниченіяхъ суверенной власти «къ числу наименѣе разработанныхъ, наиболѣе темныхъ ученій «Республики» Бодена. И это объясняется тѣмъ, что оно стоитъ въ противорѣчіи съ практической тенденціей книги; всемогущество монархической власти представляется Бодену единственной связью, скрѣпляющей государство, и, въ частности, единственнымъ средствомъ спасенія Франціи отъ анархіи междуусобныхъ смутъ» (стран. 254). Аргументація В. М. Гессена въ дальнѣйшемъ сводится къ извлеченію соотвѣтствующихъ цитатъ изъ «Республики» и къ ограниченію первоначальнаго утвержденія нѣкоторыми оговорками, иногда стоящими въ противорѣчіи съ предыдущими заявленіями, напр., что Боденъ «стремился, во что бы то ни стало, примирить средневѣковую традицію ограниченности власти съ радикальной новизной абсолютизма» (стран. 258).

Эти доказательства не представляются намъ способными измѣнить «широко распространенное» мнѣніе о Боденѣ, какъ идеологѣ нарождавшагося абсолютизма.

Прежде всего, разъ «практическая тенденція книги», какъ апологія всемогущества монархической власти, признается самимъ В. М. Гессеномъ, то казалось бы болѣе естественнымъ исходить отъ Бодена, какъ отъ абсолютиста, и уже отсюда пытаться примирить и разъяснить «темныя мѣста» его «Республики». Такъ именно и дѣлало традиціонное воззрѣніе. В. М. Гессенъ обходитъ возникающее въ этомъ пунктѣ недоумѣніе разсужденіемъ, я бы сказалъ, психологическаго свойства: «Традиціоналистъ по складу своего ума и характера, Боденъ не можетъ, конечно, сочувствовать ученію абсолютистовъ, какъ радикальному новшеству, противорѣчащему традиціи» (стран. 254). Врядъ ли такой аргументъ достаточно убѣдителенъ. — Недостаточно убѣдительны и цитаты изъ Бодена, такъ какъ цитатами изъ Бодена можно подкрѣпить и точку зрѣнія, противоположную точкѣ зрѣнія В. М. Гессена. Не даромъ противорѣчія въ ученіи Бодена дали возможность послѣдующимъ теоретикамъ суверенитета, опираясь на автори-

Digitized by Google

тетъ Бодена, выступать съ ученіями весьма далекими ему по духу и, наоборотъ, ученіямъ близкимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ до схожести съ ученіемъ Бодена, напр., ученію Альтузія (это признаетъ и В. М. Гессенъ), эти противорѣчія дали формальную возможность опровергать Бодена и отрицать всякую связь съ нимъ. Наконецъ, тѣ ограниченія суверенной власти, которыя отличаетъ В. М. Гессенъ у Бодена можно встрѣтить и у другихъ общепризнанныхъ апологетовъ абсолютизма[1]). Однако же это не дѣлаетъ ихъ еще провозвѣстниками теоріи суверенитета права или ученія о связанности государства правомъ.

Чрезмѣрно смягчая абсолютизмъ Бодена, В. М. Гессенъ чрезмѣрно суровъ, несправедливо суровъ къ монархомахамъ, какъ идеологамъ народнаго суверенитета.

Онъ ставитъ послѣднимъ какъ бы въ упрекъ то, что ихъ «революціонные памфлеты продиктованы интересами минуты», что у нихъ нѣтъ «какой-либо законченной системы». Между тѣмъ и «Шесть книгъ о республикѣ» продиктованы Бодену тѣми же «интересами минуты», какъ это слѣдуетъ изъ приведенныхъ выше утвержденій самого В. М. Гессена. Что же касается отсутствія системы у монархомаховъ, то это фактъ болѣе, чѣмъ естественный, если принять во вниманіе, что монархомахи только въ самомъ отдаленномъ смыслѣ — предтечи новѣйшаго демократическаго государства и что въ XVI вѣкѣ историческій часъ народнаго суверенитета еще не присцѣлъ. Наоборотъ, абсолютное государство уже нарождалось и систематикомъ и выразителемъ идеологіи грядущихъ Бурбоновъ явился Боденъ.

Нельзя также не признать, по меньшей мѣрѣ, односторонней характеристику политическаго идеала монархомаховъ, который В. М. Гессенъ опредѣляетъ, какъ «монархію, ограниченную тираноубійствомъ» (стран. 326). Развѣ въ ихъ политическій идеалъ не входитъ неразрывной частью сословно-представительное начало умиравшаго феодализма? И какъ примирить такую характеристику съ утвержденіемъ В. М. Гессена: «Въ революціонныхъ

---

[1]) Такъ, если мы возьмемъ, напр. нѣмецкихъ реставраторовъ начала XIX вѣка, то мы найдемъ: у Галлера, что онъ не признавалъ за княземъ одни только права, а за подданными одни обязанности; онъ подчиняетъ перваго этическимъ законамъ, а за послѣдними признаетъ ius resistendi; Галлеръ вообще признаетъ даже прирожденныя права человѣка, но въ качествѣ тайнаго ученія для болѣе умудренныхъ, какъ disciplina arcani. Адамъ Мюллеръ въ случаѣ конфликта между закономъ и сувереномъ взываетъ къ высшему началу и идеѣ права. Ярке тоже не безусловный абсолютистъ. Также Шталь, Борнгакъ и друг. — Ср. Adolf Dock. Revolution und Restauration über die Souveränetät», 1900. S. 108, 177—178, 197—198, 296, П. И. Новгородцевъ, Историческая школа юристовъ, 1896, стран. 225.

Digitized by Google

выступленіяхъ французскаго конвента, въ рѣчахъ Марата и Дантона, Сенъ-Жюста и Робеспьера, какъ набатный колоколъ, звучатъ негодующія и пламенныя тирады монархомаховъ XVI вѣка» (стран. 243)? Неужели и названные дѣятели французской революціи вдохновлялись идеаломъ «монархіи, ограниченной тираноубійствомъ»?

М. Вишнякъ.

Бар. С. А. Корфъ. Автономныя колоніи Великобританіи. Стран. 453. С.-Пб. 1914. Цѣна 3 руб.

Юридическая природа федеральнаго государства, несмотря на огромную литературу, посвященную ея выясненію, все еще возбуждаетъ большіе споры и сомнѣнія. Центральнымъ пунктомъ этого спора является разрѣшеніе вопроса о совмѣстимости двухъ суверенитетовъ въ одномъ федеральномъ строѣ: суверенитета верховнаго государства и суверенитета его автономныхъ членовъ. Разрѣшенію этой проблемы, помимо самой сложности вопроса, препятствуетъ еще и большое разнообразіе типовъ федеральнаго устройства, начиная отъ Германской имперіи и кончая автономными колоніями Великобританіи. При чрезвычайной трудности найти безспорную опредѣленную юридическую формулу, способную охватить все богатое разнообразіе типовъ федеральнаго устройства, вполнѣ цѣлесообразнымъ представляется тотъ путь и методъ, какой избралъ въ своей книгѣ проф. бар. С. А. Корфъ.

Онъ занялся изученіемъ огромнаго историческаго и законодательнаго матеріала, какой даетъ своеобразный государственный строй Великобританіи; съ большой обстоятельностью и умѣньемъ бар. С. А. Корфъ использовалъ этотъ богатый матеріалъ и далъ ясную картину того постепеннаго превращенія Великобританіи въ федеральное государство, какое съ такой рельефностью наблюдается въ наше время.

Всѣ очерки бар. Корфа, посвященные разсмотрѣнію отдѣльныхъ составныхъ частей великобританской «короны», построены по одному и тому же плану: сначала дается историческій обзоръ взаимоотношеній каждой колоніи и метрополіи, затѣмъ излагается въ общихъ штрихахъ дѣйствующее законодательство, относящееся какъ къ организаціи и составу колоніальныхъ парламентовъ, такъ и отдѣльныхъ властей.

Среди нашей литературы, посвященной государственнымъ соединеніямъ, не богатой какъ по количеству, такъ и по качеству, книга

Digitized by Google

бар. Корфа займетъ выдающееся мѣсто и будетъ способствовать ознакомленію съ вопросами федеральнаго устройства кромѣ спеціалистовъ, и широкихъ круговъ читающей публики.

Внимательный обзоръ всей эволюціи англійскаго федерализма, изображенной въ книгѣ бар. Корфа, при всемъ разнообразіи его отдѣльныхъ типовъ, позволяетъ намѣтить три основныя черты, охватывающія въ одно цѣлое все это разнообразіе.

Прежде всего самое измѣненіе этихъ типовъ совершается параллельно эволюціи англійскаго парламентаризма; отдѣльныя колоніи отражаютъ на себѣ всѣ перипетіи въ направленіи демократизаціи англійскаго парламента. Затѣмъ колоніальные парламенты, за немногими исключеніями, состоятъ изъ двухъ палатъ, и, наконецъ, организація властей построена всюду на принципѣ отвѣтственности власти исполнительной передъ законодательной палатой. Эти общія исходныя положенія намѣчаютъ тотъ конструктивный принципъ, согласно которому должна опредѣлиться юридическая природа взаимоотношеній между автономными колоніями и метрополіей.

Если мысль Дюги относительно федерализма, именно, что онъ «является отрицаніемъ самого государственнаго суверенитета» [1]), и представляется нѣсколько парадоксальной и преувеличенной, то все же нельзя отрицать и того, что доктрина Лабанда — Еллинека о суверенныхъ и несуверенныхъ государствахъ также не въ состояніи устранить уже указанное выше противорѣчіе и разрѣшить цѣликомъ проблему юридической природы федерализма. Бар. Корфъ въ своей книгѣ дѣлаетъ попытку дать нѣсколько иное рѣшеніе вопроса, признавая, что «всѣ пять автономныхъ колоній суть въ настоящее время государства, такъ какъ по отношенію къ нимъ Англія лишилась права принужденія по своему усмотрѣнію (а фактически— и вовсе) ихъ правотворческихъ органовъ» (стран. 445). Базисомъ для построенія бар. Корфа является все та же теорія суверенаго и несувереннаго государства въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Однако и въ такой формулировкѣ теорія бар. Корфа вызываетъ возраженія: прежде всего, какъ примирить положеніе автономныхъ колоній, какъ государствъ, съ ихъ отношеніемъ къ метрополіи, какъ ограничивающему ихъ верховному органу? Затѣмъ указаніе на постепенную утрату Англіей права принужденія по своему усмотрѣнію сильно напоминаетъ теорію самоограниченія государства Еллинека; въ такомъ случаѣ правотворческая дѣятельность автономныхъ колоній теряетъ свой самостоятельный характеръ. Конечно, эти замѣчанія нисколько не должны умалять цѣнности книги

---

[1]) L. Duguit, Les transformations du droit public, 1913, p. 23.

Digitized by Google

бар. Корфа, такъ какъ авторъ не ставитъ себѣ основной задачей формулировать новую теорію федерализма; слѣдующая цитата вполнѣ ясно опредѣляетъ значеніе его работы: «для посторонняго наблюдателя и для другихъ народовъ, и между прочимъ въ особенности для Россіи, исторія Великобританской имперіи за послѣднее полустолѣтіе можетъ служить прекраснымъ урокомъ; было время въ серединѣ XIX в., когда самые передовые и дальновидные государственные люди Англіи предсказывали скорое и неминуемое отпаденіе автономныхъ колоній... и вотъ прошло не болѣе 50 лѣтъ и не только не послѣдовало никакого распада, а наоборотъ, событія послѣднихъ временъ свидѣтельствуютъ о все крѣпнущихъ связяхъ имперіи и о неуклонномъ сближеніи колоній съ метрополіей; достигается же это единственно торжествомъ принципа свободы, добровольнымъ признаніемъ Англіей самостоятельности колоній и переходомъ ею отъ принципа господства къ началу равенства» (стран. 429).

Въ этихъ словахъ ясно выступаетъ другая сторона федеральнаго устройства — политическая, въ послѣднее время снова привлекающая къ себѣ вниманіе. При этомъ федерализмъ разсматривается, какъ одинъ изъ способовъ урегулированія національныхъ отношеній въ многочисленныхъ государствахъ. Примѣръ развитія государственнаго строя Канады, изображенный въ книгѣ бар. Корфа (стран. 1—98), вполнѣ подтверждаетъ всю жизнеспособность федерализма въ дѣлѣ урегулированія національной розни. Исторія канадской государственности представляла собою исторію борьбы двухъ, различныхъ по національности и культурѣ, частей населенія: англичанъ и французовъ; даже подъ знаменемъ требованій конституціонныхъ гарантій и гражданской свободы ясно выступала, какъ на это указываетъ бар. Корфъ, «національная и религіозная рознь двухъ духовно непонимавшихъ другъ друга частей населенія» (стран. 7). Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ попыткахъ урегулированія національной розни въ Канадѣ; читатель ознакомится съ ними по обстоятельному изложенію бар. Корфа; укажемъ только на то, что съ проведеніемъ федерализаціи канадскихъ провинцій актомъ 1867 г., основанной на полномъ равноправіи обѣихъ составныхъ частей населенія Канады, былъ положенъ конецъ борьбѣ націй за власть и исчезли сепаратистическія тенденціи въ сторону С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Съ этой точки зрѣнія книга бар. Корфа, помимо своей серьезной теоретической цѣнности, связывается и съ практическими вопросами, выдвигаемыми политической борьбой нашихъ дней. Читатель сможетъ извлечь изъ нея весьма поучительные выводы для правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. *И. Лебединскій.*

Digitized by Google

Евгеній Ефимовъ.—Природа преступленія. Естественно-научная теорія преступленія. IV+390 стр. Москва. 1914 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Изслѣдованіе г. Ефимова является только первой частью задуманной авторомъ работы по изученію соціологическаго и юридическаго направленій въ уголовномъ правѣ. Оно посвящено разсмотрѣнію естественно-научнаго пониманія преступленія, изъ котораго, по мнѣнію автора, развилось послѣдующее пониманіе преступленія, какъ явленія соціальнаго.

Книга открывается обширной главой вводнаго характера, въ которой на основаніи завязавшейся по поводу предстоящей реформы уголовнаго законодательства въ Германіи полемики между профессоромъ Ф. Листомъ и Биркмейеромъ, выясняются главные пункты разногласія такъ наз. классическаго и современнаго направленій. Въ результатѣ борьбы обоихъ научныхъ теченій побѣда, по мнѣнію автора, осталась за классиками. Анализъ указанной полемики и ея пріемовъ даетъ автору матеріалъ для формулированія проблемы своего изслѣдованія и способовъ ея разрѣшенія. Въ послѣдующихъ главахъ излагаются: генезисъ соціологической концепціи преступленія, съ весьма наглядным и убѣдительнымъ доказательствомъ связи ученій соціологической школы со школой уголовно-антропологической (гл. II), ученіе Ломброзо о преступленіи, какъ явленіи естественномъ (гл. III), ученіе Гарофало о естественномъ преступленіи (гл. IV) и ученіе Варга о примѣненіи естественно-научнаго метода въ уголовномъ правѣ (гл. V). Слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ поименованныхъ авторовъ вопросами методологіи занимался спеціально только одинъ Варга, другіе или не затрогивали ихъ совершенно, или касались лишь попутно. Разсмотрѣніе указанныхъ ученій съ методологической точки зрѣнія привело автора къ выводу о непримѣнимости естественно-научнаго метода къ изученію преступленія, какъ понятія нормативнаго, необходимо заключающаго въ себѣ оцѣнку поведенія. Внимательно слѣдя за ходомъ мыслей сторонниковъ естественно-научнаго пониманія преступленія, авторъ доказываетъ невозможность для нихъ удержаться на почвѣ такого пониманія преступленія и необходимость отступленія отъ него, какъ скоро приходится выявлять природу преступленія. Въ этомъ цѣнная сторона изслѣдованія Е. Н. Ефимова, такъ какъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ не было работъ, посвященныхъ спеціально выясненію методологіи трудовъ сторонниковъ новыхъ теченій въ наукѣ уголовнаго права и несоотвѣтствіе естественно-научныхъ методовъ для изученія природы преступленія

Digitized by Google

признавалось такъ сказать «a priori». Такъ, еще покойный Н. Д. Сергѣевскій въ одной изъ своихъ раннихъ работъ обращалъ вниманіе на различіе предметовъ, методовъ и цѣлей изслѣдованія юридическаго, соціологическаго и біологическаго. (Ср. его «Пособіе», изд. 10, стран. 12).

Но если не вызываютъ возраженій основное положеніе и выводы автора, то нельзя того же сказать по поводу нѣкоторыхъ частностей.

Замѣчанія автора о непримѣнимости естественно-научныхъ методовъ правильны, поскольку дѣло касается изученія преступленія, но вѣдь центръ тяжести трудовъ представителей уголовно-антропологической школы лежитъ не въ изученіи преступленія или, во всякомъ случаѣ, не столько въ изученіи преступленія, сколько въ изслѣдованіи психо-физическихъ особенностей личности преступника, толкающихъ его на путь преступленія и порока. Это обстоятельство, какъ будто, повременамъ опускается авторомъ изъ виду. Криминалисты-антропологи и ихъ послѣдователи въ своихъ работахъ обычно исходятъ уже изъ готоваго, хотя бы и формальнаго пониманія преступленія, какъ наказуемаго правонарушенія, и «въ пасмурное декабрьское утро» Ломброзо впервые открылъ анатомическія особенности прирожденнаго преступника, въ человѣкѣ, уже осужденномъ за разбой. Примѣненіе же естественно-научныхъ методовъ къ изученію личности преступника, разумѣется, не можетъ встрѣтить возраженій. Въ этомъ отношеніи работамъ криминалистовъ-антропологовъ можно сдѣлать упрекъ въ недостаткѣ наблюденій и поспѣшности выводовъ, но отнюдь не въ неправильности научныхъ методовъ.

Помимо не всегда строгаго отграниченія вопросовъ объ изученіи преступленія отъ вопросовъ объ изученіи личности преступника, авторъ при разсмотрѣніи того или другого ученія не ограничивается одной методологической стороной, что непосредственно отвѣчаетъ его задачѣ, но излагаетъ эти ученія «по существу», вслѣдствіе чего мѣстами въ работѣ получилась нѣкоторая излишняя растянутость. Наконецъ, весьма интересная и живо написанная первая глава книги о борьбѣ уголовно-правовыхъ школъ вокругъ реформы уголовнаго законодательства въ Германіи со всѣмъ послѣдующимъ изложеніемъ связана довольно внѣшнимъ образомъ. Съ выводами автора о побѣдѣ въ этой борьбѣ одной и пораженіи другой школы, на мой взглядъ, согласиться трудно. Завоеванія «модернистовъ» въ Vorentwurf'ѣ авторомъ недостаточно оцѣнены. Въ обширной литературѣ, вызванной появленіемъ V. E., единодушно отмѣчается наличность значительныхъ уступокъ новымъ вѣяніямъ. Въ качествѣ примѣра можно указать на включеніе въ проектъ мѣръ

Digitized by Google

соціальной защиты, на принятіе во вниманіе настроенія дѣятеля («Gesinnung»), на институтъ освобожденія отъ наказанія (§ 83 V. E. и § 88 G. E.) и др. Надо имѣть въ виду, что какъ V. E., такъ и Gegenentwurf, явились въ результатѣ сотрудничества лицъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ направленій, сотрудничества, проникнутаго самымъ искреннимъ желаніемъ найти почву для соглашенія. Оба законопроекта носятъ на себѣ печать несомнѣннаго компромисса, обычнаго при овмѣстной работѣ. Путь компромисса имѣлся въ виду съ самаго начала работы, на него вступали обѣ стороны вполнѣ сознательно. Проф. Ф. фонъ-Листъ — слишкомъ опытный реальный политикъ, чтобы могъ обольщать себя надеждой на немедленное осуществленіе въ жизни своихъ уголовно-политическихъ идеаловъ. Если бы это входило въ его планы, то онъ не сталъ бы привлекать къ сотрудничеству при выработкѣ G. E. проф. Каля, Лиліенталя, Гольдшмидта, лицъ весьма далекихъ отъ него по своему научному «credo». Отрицательно относящійся въ различнымъ «логически-юридическимъ абстракціямъ», проф. Листъ однако не считаетъ возможнымъ отрѣшиться отъ нихъ и даетъ блестящій примѣръ абстракцій въ своемъ общеизвѣстномъ учебникѣ. Разсмотрѣніе этого учебника могло бы дать автору еще болѣе богатый матеріалъ для обвиненія проф. Листа въ непослѣдовательности и уступчивости. Поэтому упреки автора по адресу Ф. Листа представляются въ значительной мѣрѣ преувеличенными.

Заключительный выводъ автора—отрицательнаго характера: «преступленіе не есть естественное явленіе внѣшняго міра, и слѣдовательно методы и цѣли естествознанія непримѣнимы къ его изученію». Положительный выводъ обѣщанъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, которое по намѣченному въ самыхъ общихъ чертахъ плану обѣщаетъ быть не менѣе интереснымъ, чѣмъ его начало.

В. Н. Ширяевъ.

Г. Штильманъ. Печать и уголовный законъ. С.-Пб. Изданіе юридическаго книжнаго склада «Право». 1914 г. 168 стран. Цѣна 1 руб.

Небольшая книга, не претендующая на званіе «ученаго изслѣдованія» ни по размѣрамъ, ни по литературному «аппарату». Переработанная изъ ряда статей того же автора, появившихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, спеціальныхъ и общихъ, книга разсчитана на широкаго читателя.

Авторъ не ставитъ своею цѣлью разрѣшить всѣ тѣ сложные теоретическіе вопросы «права прессы», на которые потрачено такъ

Digitized by Google

много силъ юридической мыслью. Связывая выпускъ своей книги съ началомъ обсужденія Государственной Думой правительственнаго законопроекта о печати и считая себя обязаннымъ «подѣлиться съ публикой наличными итогами своей работы въ этой области», авторъ обращается со своими мыслями именно къ этой публикѣ, къ широкимъ кругамъ русскаго общества.

Было бы, однако, совершенно невѣрно думать, что въ виду такой аудиторіи авторъ отказывается отъ научной постановки вопроса. Наоборотъ, онъ неоднократно подчеркиваетъ въ разныхъ мѣстахъ книги ту мысль, что и для оцѣнки этого законопроекта, необходимы общія теоретическія предпосылки, съ которыми онъ легко и просто, въ популярной формѣ изложенія, знакомитъ своего читателя.

Авторъ подходитъ къ затронутымъ вопросамъ съ точки зрѣнія теоретика-криминалиста. Но добытые въ такомъ порядкѣ выводы онъ не считаетъ окончательными. Одинаково важнымъ представляется ему другой критерій, къ сожалѣнію, юристами нерѣдко игнорируемый. Не знакомые съ постановкой дѣла, съ основными моментами его организаціи, съ условіями внѣ которыхъ печать, особенно періодическая, безсильна найти свою службу, теоретики права обыкновенно упускаютъ изъ виду, что конструкціи, логически безукоризненныя, могутъ оказаться совершенно непригодными для жизни. Опираясь на свой опытъ журналиста, авторъ стремился избѣжать этой ошибки, и чрезвычайно удачно осуществляя намѣченный планъ, авторъ знакомитъ читателя съ основными теоретическими положеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ его въ мало знакомую публикѣ внутреннюю жизнь редакціи печатнаго органа.

Попутные экскурсы въ область иностраннаго законодательства о печати, отдѣльные эпизоды по исторіи западной прессы, сближая между собой аналогичныя явленія разныхъ странъ и періодовъ, помогаютъ читателю оцѣнить вопросы дня съ обще-исторической точки зрѣнія.

Книга дѣлится на девять неравныхъ по величинѣ и значенію своему главъ. Первая глава, «печать и уголовный судъ», служитъ какъ бы введеніемъ къ остальнымъ; это опредѣляетъ ея очень общій характеръ, нѣсколько болѣе широкій, чѣмъ очерченныя заголовкомъ рамки. Глава вторая, третья и четвертая («Отвѣтственность за преступленія періодической печати», («Отвѣтственный редакторъ» и «Отвѣтственный издатель») позволяютъ автору въ весьма доступной не спеціалисту формѣ познакомить читателя съ существомъ какъ самой юридической проблемы объ отвѣтственности по дѣламъ печати, такъ съ той внутренней редакціонной жизнью, которая должна быть изслѣдована и учтена при начертаніи закона,

Digitized by Google

такъ и съ тѣми рѣшеніями задачи, которыя извѣстны исторіи западнаго законодательства. Изъ соображеній возможной близости къ реальнымъ условіямъ жизни прессы, изъ учета той опасности, которая у насъ, въ Россіи, такъ непосредственно и непрерывно грозитъ со стороны органовъ правительственной власти, авторъ рѣшительно высказывается за сохраненіе института «отвѣтственнаго» редактора. «Выгоды института» пишетъ онъ, «налицо». «Онѣ могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ моментамъ. Со стороны криминалистической — отвѣтственная редакція гарантируетъ правосудію заранѣе извѣстнаго предполагаемаго виновника. Со стороны общественно-литературной — система эта, сохраняя руководителя изданія, обезпечиваетъ непрерывность работы во имя того дѣла, которое отстаивается органомъ печати. Съ внутри-организаціонной стороны — этотъ институтъ, устраняя необходимость въ розыскѣ виновныхъ, является могучимъ доводомъ въ пользу постулата редакціонной тайны».

Жгучій вопросъ о давности по дѣламъ о преступленіяхъ печати, о необходимости и въ русскомъ законѣ введенія сокращенной давности, ярко изложенъ въ короткой шестой главѣ. Краткость изложенія вполнѣ соотвѣтствуетъ ясности и безспорности этого давно разрѣшеннаго вопроса.

Седьмая глава, «Законопроектъ о печати», успѣла уже нѣсколько устарѣть, такъ какъ она была написана до окончанія работы думской комиссіи. Но тѣмъ не менѣе, въ виду будущаго обсужденія проекта въ общемъ собраніи Гос. Думы, и въ силу того, что многія весьма серіозныя части проекта сохранены комиссіей въ цѣлости, и эта глава не утратила своего значенія. Нѣсколько затруднительнѣе для неспеціалиста будетъ чтеніе главы восьмой, «Карательный аппаратъ законопроекта о печати». Отсутствіе, хотя бы въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ текста приводимыхъ авторомъ статей закона, при частыхъ ссылкахъ на эти статьи, служитъ помѣхой усвоенію мысли автора. Но зато характеристика карательной системы законопроекта сдѣлана отчетливо и ярко. Нельзя не согласиться съ заключительными словами автора: законопроектъ составленъ «со многою лютостью и яростью».

Треть книги занимаетъ глава «Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ». Авторъ справедливо отвелъ этому вопросу такъ много мѣста. Условія текущей русской политической дѣйствительности, покушенія и посягательства на свободное распространеніе слова, звучащаго съ думской трибуны,—вполнѣ оправдываютъ это.

Въ трехъ живыхъ очеркахъ этой главы авторъ разсказываетъ, какъ ставился и разрѣшался этотъ вопросъ въ Англіи, Франціи

Digitized by Google

и Германіи. Дальше онъ даетъ обзоръ основныхъ теоретическихъ воззрѣній на этотъ предметъ. Въ концѣ онъ дѣлаетъ оцѣнку соотвѣтствующихъ положеній нашего дѣйствующаго закона и правительственнаго проекта. Авторъ убѣжденъ, что принципу иммунитета парламентскихъ отчетовъ въ будущемъ въ концѣ концовъ побѣда обезпечена. Но отъ той или другой, хотя бы и очень удачной формулировки защитительной статьи, безъ примѣненія общаго уклада и навыковъ, авторъ многаго не ждетъ. «Иммунитетъ отчетовъ совсѣмъ не узко-законодательный вопросъ. Въ обстановкѣ правовой увѣренности не нужны формальныя гарантіи для защиты этого конституціоннаго блага. Въ атмосферѣ безотвѣтственныхъ вліяній оно не будетъ обезпечено отъ посягательствъ и при наличности въ уставѣ о печати чрезвычайныхъ мѣръ охраны».

Таково содержаніе этой живой, интересной книги, посвященной одному изъ наиболѣе насущныхъ вопросовъ русской культуры. Разобраться въ этомъ вопросѣ необходимо всякому, кто дорожитъ интересами слова и мысли и нельзя не быть автору благодарнымъ за то, что онъ помогаетъ сдѣлать это широкимъ кругамъ неспеціалистовъ.

Сергѣй Ордынскій.

П. Рюльманъ. Преподаваніе гражданствовѣдѣнія (instruction civique) во Франціи. Перев. съ нѣм. И. И. Шитца. Съ предисловіемъ Е. Н. Ефимова. Изъ серіи: Законовѣдѣніе въ школѣ. Подъ редакціей доцента Моск. Коммерч. Института Е. Н. Ефимова. № 1. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. 144 стран. Ц. 60 коп.

Разсматриваемая книжка представляетъ собой совершенно новую у насъ попытку подойти къ правильному разрѣшенію вопроса о постановкѣ въ средней школѣ преподаванія законовѣдѣнія. Какъ извѣстно, этотъ предметъ знакомъ русской школѣ еще со временъ Александра I. Въ школахъ военнаго вѣдомства онъ непрерывно преподается съ 1830 г., а въ общей школѣ, хотя и съ перерывомъ, онъ удерживался до самаго введенія судебныхъ уставовъ Александра II, когда, по странной фантазіи офиціальныхъ руководителей русскаго просвѣщенія, былъ изъ нея изгнанъ. Съ 1905 г. онъ введенъ вновь въ среднюю школу какъ «необходимый для каждаго образованнаго человѣка». Продолжительное знакомство школы съ этимъ предметомъ не дало, однако, сколько-нибудь удовлетворительной постановки его преподаванія. До сихъ поръ, несмотря на повсе-

Digitized by Google

мѣстное преподаваніе, мы имѣемъ лишь рядъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, чаще же неудовлетворительныхъ, учебниковъ законовѣдѣнія, но вопросъ о методѣ преподаванія остается незатронутымъ. Болѣе того, существующіе учебники, даже лучшіе изъ нихъ, излагающіе предметъ вполнѣ научно, страдаютъ въ методическомъ отношеніи, и преподаваніе законовѣдѣнія ведется наощупь. Причина этого явленія, какъ вполнѣ правильно указываетъ въ предисловіи къ книжкѣ ея редакторъ, лежитъ «въ отсутствіи у насъ представленій о возможной постановкѣ преподаванія законовѣдѣнія». Это и понятно. До самаго послѣдняго времени лица, обладающія необходимыми знаніями, отвлекались отъ неблагодарнаго поприща преподаванія въ средней школѣ законовѣдѣнія въ другія области. Этому способствуетъ также распоряженіе учебнаго начальства преподавать уроки законовѣдѣнія преподавателямъ исторіи. Такимъ образомъ преподаваніе законовѣдѣнія у насъ сосредоточивается въ рукахъ лицъ, равнодушныхъ къ праву и, въ лучшемъ случаѣ, имѣющихъ лишь смутное представленіе о немъ. При такихъ обстоятельствахъ вопросъ о постановкѣ преподаванія законовѣдѣнія пріобрѣтаетъ особое значеніе. Говорить о важности самого предмета, конечно, не приходится: за короткое время существованія нашего обновленнаго строя русское общество уже успѣло оцѣнить все значеніе развитія правосознанія въ широкихъ кругахъ. Все дѣло въ томъ, какъ поставить этотъ предметъ, чтобы онъ не оставался лишь элементомъ школьной программы, а былъ бы живою силой въ дѣлѣ воспитанія. Удовлетворенію этой насущной потребности, по мысли редакціи, и должна служить серія «Законовѣдѣніе въ школѣ», первымъ выпускомъ которой является разсматриваемая книжка П. Рюльмана. Въ дальнѣйшемъ предполагается дать рядъ выпусковъ, посвященныхъ постановкѣ предмета въ различныхъ странахъ Западной Европы, и въ качествѣ завершенія серіи — работу о задачахъ и методахъ законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. Такое разрѣшеніе вопроса представляется въ высшей степени удачнымъ. Редакція обѣщаетъ дать не только методику, которая по самому существу не можетъ не быть субъективной, а потому можетъ и не удовлетворить индивидуальнымъ запросамъ того или иного преподавателя, но предварительно предлагаетъ матеріалъ, изъ котораго каждый можетъ свободно почерпать цѣнныя указанія опыта Западной Европы.

Обращаясь къ самой книжкѣ П. Рюльмана, прежде всего надо отмѣтить очень удачный выборъ именно Франціи въ качествѣ матеріала для перваго выпуска и выборъ автора. Франція представляетъ особенный интересъ потому, что тамъ преподаваніе законо-

Digitized by Google

вѣдѣнія положено, на ряду съ преподаваніемъ морали, въ основу такъ назыв. instruction civique, долженствующаго подготовить къ сознательной общественной дѣятельности французскаго гражданина. Предметъ этотъ составляетъ основу преподаванія въ народной школѣ и въ качествѣ такового имѣетъ за собой болѣе чѣмъ 30-лѣтній опытъ. Выборъ автора нѣмца также слѣдуетъ отнести къ достоинствамъ. P. Rulmann — знатокъ дѣла, спеціально изучившій вопросъ на мѣстѣ, а его германская національность служитъ достаточной гарантіей отъ патріотическихъ преувеличеній, и особенно потому, что нѣмцы въ настоящее время не безъ тревоги смотрятъ на успѣхи французской государственной школы, въ которой очень популярна идея реванша.

Въ книжкѣ П. Рюльмана преподаватель найдетъ подробное изложеніе организаціи французской школы и постановки преподаванія «гражданствовѣдѣнія» (отмѣтимъ удачный выборъ термина для перевода), при чемъ авторъ не ограничивается однѣми офиціальными программами, а даетъ подробное изложеніе того содержанія, которое вкладываетъ въ нихъ какъ власть такъ и современный французскій педагогъ. Далѣе авторъ обстоятельно излагаетъ самый ходъ уроковъ, матеріалъ, которымъ оперируетъ преподаватель, останавливается на темахъ для уроковъ и ихъ разработкѣ, наконецъ онъ останавливается на положеніи самихъ преподавателей въ школѣ и на системѣ ихъ подготовки къ преподаванію своего предмета.

Въ приложеніяхъ къ книгѣ даны составленные французскими спеціалистами практическіе примѣры преподаванія гражданствовѣдѣнія, морали и исторіи. Особенно цѣннымъ для русскаго преподавателя законовѣдѣнія являются именно эти примѣры. Въ нихъ онъ найдетъ въ конкретной формѣ и указанія на методъ, и матеріалъ, какъ онъ преподносится ученикамъ различныхъ возрастовъ.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы начатая серія была доведена до конца. Поставить на правильный путь вопросъ о преподаваніи у насъ законовѣдѣнія — и своевременно и настоятельно необходимо. *М. Елагинъ.*

Н. Г. Вавинъ. Зачетъ обязательствъ (2-е изд.). Москва. 1914 г., стран. 65. Ц. 75 коп.

Рецензируемая работа посвящена какъ выясненію, такъ и критикѣ тѣхъ началъ, которыя кладутся теоріей права въ основаніе института зачета обязательства. Нельзя не привѣтствовать появленіе этой работы въ настоящее время, такъ какъ недалекъ тотъ день, когда «Обяза-

Digitized by Google

тельственное право» Проекта Гражд. Уложенія станетъ предметомъ обсужденія нашихъ законодательныхъ учрежденій. Но, какъ теоретическій трактатъ, рецензируемая брошюра даетъ много матеріала для спора и возраженій.

Авторъ подробно останавливается на выясненіи юридической природы зачета. Авторъ отвергаетъ ученіе римскихъ юристовъ, видѣвшихъ оправданіе зачета, какъ правовой нормы, въ его раціональности и цѣлесообразности. Недобросовѣстно требовать того, что нужно будетъ возвратить — dolo facit qui petit quod redditurum est. Вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо практичнѣе и удобнѣе совершенно не давать того, что по передачѣ станешь требовать обратно — interest nostra potius non solvere, quam solutum repetere (стран. 6).

Эту теорію авторъ не одобряетъ. «Безусловно, въ обоснованіи каждаго правового института принципы практичности и цѣлесообразности играютъ огромную роль. Но, какъ факторы, главнымъ образомъ, внѣшняго понужденія, факторы, относящіеся скорѣе къ политикѣ въ правѣ, чѣмъ къ его существу, они не опредѣляютъ самой природы даннаго института, его правовой субстанціи, не даютъ надлежащей почвы для его юридической идеологіи» (стран. 7).

Взамѣнъ всѣхъ существующихъ теорій авторъ даетъ слѣдующее построеніе. «По общему правилу, зачетъ устанавливается путемъ заявленія. Мы сводимъ сущность этого заявленія къ тому, что лицо, дѣлающее его, тѣмъ самымъ доводитъ до свѣдѣнія своего контрагента о томъ, что оно принимаетъ въ погашеніе своего долга его встрѣчную претензію» (стран. 10). Остановимся пока на этомъ положеніи. Выходитъ такъ, что должникъ соизволяетъ на снятіе съ себя onus'a: лежащаго на немъ обязательства! Но, вѣдь, это противорѣчитъ типическому процессуальному отношенію сторонъ, при которомъ компенсацію заявляетъ отвѣтчикъ, т.-е. лицо, которое должно защищаться, обороняться, а отнюдь не снисходительно соизволять на такую-то формулу погашенія его (отвѣтчика!) претензіи!

Но слѣдуемъ дальше за мыслью автора. «Въ виду того, что всякій добросовѣстный должникъ стремится погасить свои долги, что зачетъ влечетъ за собой именно ликвидацію долговыхъ отношеній, что для лица, получившаго заявленіе о зачетѣ, предлагаемый способъ разсчитаться является способомъ наиболѣе легкимъ и удобнымъ, то вполнѣ естественно сдѣлать выводъ, что при данныхъ условіяхъ при bona fides стороны, получившей заявленіе о зачетѣ, ея согласіе на предлагаемый зачетъ должно послѣдовать безусловно»... (стран. 11). Здѣсь авторъ впадаетъ въ противорѣчіе со сказаннымъ на стран. 7. Тамъ авторъ отвергалъ соображенія «практичности и

Digitized by Google

цѣлесообразности», какъ не могущія опредѣлить самой природы даннаго института, а теперь (стран. 11 сл.) авторъ этическое основаніе («bona fides»!) зачета обосновываетъ на тѣхъ же соображеніяхъ «легкости и удобства». Авторъ ищетъ юридическаго оправданія зачета, а даетъ тѣ же имъ же отвергаемыя начала «политики права»!

Далѣе авторъ поясняетъ: «Законодатель останавливается на мысли о молчаливомъ согласіи на зачетъ лица, получившаго о томъ заявленіе отъ своего контрагента, и эту мысль кладетъ въ основаніе своей санкціи обязательной силы односторонняго заявленія о зачетѣ» (стран. 11). «Если стороны отказа отъ зачета своевременно не учиняютъ, то вполнѣ правдоподобно полагать, что онѣ взаимно согласны подчиниться требованію о зачетѣ». «Въ нашей теоріи значеніе общаго правила и отправного момента придается тому обстоятельству, вѣроятность коего подсказывается самымъ существомъ отношеній» Изслѣдуемый институтъ, такимъ образомъ, покоится на «фикціи молчаливаго согласія на зачетъ» (стран. 11, 12).

И съ этимъ согласиться трудно. Изъ диспозитивности вытекаетъ не фикція, а презумпція. «Фикція» есть явленіе въ современной наукѣ гражданскаго права по преимуществу относящееся къ области принудительнаго права (jus cogens); презумпціи же относятся къ области чисто диспозитивнаго права. Фикція есть вымыселъ того, чего нѣтъ, въ интересахъ логическаго оправданія, съ точки зрѣнія установившихся началъ, заранѣе предвзятаго вывода. И въ современной наукѣ гражданскаго права (въ отличіе отъ права римскаго!) она влачитъ самое жалкое существованіе, ибо современный теоретикъ склоненъ не цѣпляться за старыя формулы, а при вновь нарождающихся потребностяхъ создаетъ новые принципы. Въ ученіи же о зачетѣ обязательствъ ей нѣтъ рѣшительно никакого мѣста.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что авторъ, отвергая моментъ недобросовѣстности (dolus), выставляемый римскими юристами какъ основу института зачета, въ концѣ концовъ, самъ воспроизводитъ, именно, эту теорію, скрашивая ее мало удачной «фикціей молчаливаго согласія на зачетъ».

Но, какъ мы убѣждаемся при дальнѣйшемъ чтеніи рецензируемой работы, конструкція автора совершенно безсильна объяснить весьма многія явленія, и самъ же авторъ первый забываетъ о ней, когда она становится въ разрѣзъ съ излагаемыми имъ нормами положительныхъ законодательствъ. Вотъ, напр., принципъ, устанавливаемый авторомъ на стран. 48—49: алиментарная обязанность, какъ обязанность строго личнаго характера, которая возникаетъ не въ силу имущественныхъ отношеній контрагентовъ, а въ силу нравственнаго

Digitized by Google

чувства, — не подлежитъ погашенію путемъ зачета. Съ этимъ мы согласны, но почему же зачетъ и въ этой области не постулируется «bona fide» лица, нуждающагося въ алиментахъ?[1]). Или еще примѣръ: Первымъ условіемъ зачета авторъ выставляетъ взаимность требованій (стран. 12 сл.). И съ этимъ мы согласны. Третье лицо не можетъ освободить посторонняго ему должника путемъ зачета. Но почему же это недопустимо, съ точки зрѣнія общей концепціи автора? Почему и здѣсь не дать мѣста «фикціи» молчаливаго согласія на зачетъ? Кредиторъ вмѣсто того, чтобы получить 100 руб. съ своего должника, получаетъ погашеніе своего долга передъ 3-мъ лицомъ, который является его кредиторомъ и учиняетъ этотъ своеобразный «зачетъ». Развѣ «bona fides» не требуетъ, чтобы онъ согласился на такого рода ликвидацію долговыхъ отношеній?!

Ту же нетвердость теоретическаго мышленія мы видимъ и въ ученіи автора (стран. 15 сл.) объ условіяхъ зачета при цессіи обязательства. Дернбургъ (Пандекты, III, § 63) устанавливаетъ для допустимости зачета при цессіи такое ограниченіе: обязательства, срокъ которымъ наступаетъ позднѣе срока того требованія, которое было предметомъ цессіи, не могутъ быть предъявлены къ зачету. Это ограниченіе авторъ считаетъ несправедливымъ. Онъ полагаетъ, что «обязательства, выданныя цедентомъ debitor'у cessus'у, до срока требованій послужившихъ предметомъ цессіи,... могутъ быть debitor'омъ cessus'омъ предъявлены къ зачету противъ цессіонарія» (стран. 17). Основаніемъ этому авторъ выставляетъ «опасность для debitor'a cessus'a вовсе не получить удовлетворенія по своимъ встрѣчнымъ требованіямъ съ недобросовѣстнаго цедента» (стран. 17) и то правило, что «одностороннее дѣйствіе кредитора не можетъ ухудшить положенія должника, ибо путемъ denuntiatio, какъ дѣйствія, влекущаго за собою для должника извѣстныя ограниченія въ пользов ніи принадлежащими ему правами, управомоченная сторона какъ разъ одностороннимъ актомъ ухудшаетъ положеніе стороны обязанной» (стран. 19).

На основаніи тѣхъ же соображеній авторъ отвергаетъ, какъ «неправильныя», нормы западно-европейскихъ законодательствъ и Проекта Гражданскаго Уложенія (ст. 128), дающія должнику право защищаться противъ цессіонарія ссылкою на зачетъ, «если встрѣчное требованіе должника къ первоначальному вѣрителю

---

[1]) По нашему мнѣнію, при зачетѣ нѣтъ платежа, но есть удовлетвореніе, въ экономическомъ смыслѣ этого слова. Путемъ зачета сохраняется экономическое равновѣсіе двухъ имущественныхъ сферъ. Объ «удовлетвореніи» говоритъ и § 387 BGB.

Digitized by Google

возникло до полученія должникомъ свѣдѣнія объ уступкѣ».

Казалось бы, что требованіе «denuntiatio» и безъ того — льгота для должника, ибо законодатель могъ бы установить еще болѣе ранній моментъ для погашенія ссылки на зачетъ — моментъ цессіи, но авторъ все же недоволенъ. Онъ говоритъ о «недобросовѣстности» цедента, совершенно упуская изъ виду, что цедентъ можетъ и не обладать даромъ предвидѣнія, и обычно и не можетъ предвидѣть возникновенія встрѣчного требованія послѣ denuntiatio[1])! — И о какихъ «правахъ» стороны обязанной говоритъ авторъ? Никакихъ «правъ» (развѣ только «право» вступить въ новое обязательство) она не имѣетъ и потому таковыя нарушены быть не могутъ.

Все возмущеніе автора противъ установившейся доктрины становится яснымъ, когда читатель дойдетъ до гл. IV (стран. 21 сл.), гдѣ авторъ излагаетъ второе условіе зачета: для каждаго изъ встрѣчныхъ требованій срокъ удовлетворенія долженъ быть наступившимъ. Такъ требуютъ западно-европейскія законодательства, на той же почвѣ стоитъ и Проектъ Гражданскаго Уложенія ст. 134. Авторъ (стран. 21—23) находитъ, что это требованіе противорѣчитъ тому общему принципу (ср. ст. 65 Проекта), что обязанная сторона въ правѣ и до срока погасить свое обязательство (dies pro reo!). «Если должникъ въ правѣ исполнить обязательство до срока, то непонятнымъ остается, почему онъ не можетъ произвести досрочнаго зачета, разъ все говоритъ за то, что срокъ установленъ въ его, должника, пользу и разъ зачетъ замѣняетъ собою платежъ» (стран. 22). Посему авторъ рекомендуетъ измѣнить редакцію ст. 134 Гражданскаго Уложенія въ томъ смыслѣ, чтобы «на основаніи ея дѣлающій заявленіе о зачетѣ могъ погасить встрѣчную претензію и ранѣе наступленія ея срока» (стран. 22).

Всѣ эти разсужденія покоятся на одномъ явномъ логическомъ lapsus'ѣ. Авторъ забываетъ, что «дѣлающій заявленіе о зачетѣ» есть, именно, лицо, предъявляющее встрѣчную претензію. Поэтому должникомъ досрочнымъ будетъ уже не онъ (выставляющій exceptio compensationis), а его противникъ! Если г. *А.* имѣетъ противъ *В.* претензію въ 100 руб. срокомъ 1 мая 1914 г., а *В.* имѣетъ противъ *А.* претензію въ 100 руб. срокомъ 1 августа 1914 г., то ясно, что на требованіе *А.* объ уплатѣ долга, *В.* не можетъ ссы-

---

[1]) Быть можетъ, авторъ имѣетъ въ виду «возникновеніе» не въ смыслѣ обоснованія, а въ смыслѣ («просроченности») («Fälligkeit») требованія. Тогда нельзя не упрекнуть автора въ неточности языка, затемняющей смыслъ изложенія.

Digitized by Google

латься на зачетъ. Вѣдь, ссылаясь на зачетъ, *B.* выступаетъ уже въ роли кредитора, и своимъ зачетомъ онъ ставитъ г. *A.* въ такое положеніе, какъ будто онъ платитъ свой долгъ сейчасъ же (до срока!). И дѣлаетъ это уже не въ интересахъ г. *A.* (своего новаго должника), а въ своихъ интересахъ! Не — pro reo, а — pro creditore!

Та же неясность понятій встрѣчается и на другихъ страницахъ рецензируемой работы. Повсюду мы встрѣчаемъ противоположенія «претензіи, предъявляемой къ зачету», и «встрѣчной претензіи» (стран. 23, 24 и др.). И, соотвѣтственно этому, лицо, предъявляющее свое первоначальное требованіе, попадаетъ въ положеніе лица, предъявляющаго «встрѣчную претензію». Первоначальный должникъ продолжаетъ сохранять свое льготное положеніе должника (dies pro reo) и выступая въ роли кредитора!!...

По вопросу о порядкѣ и способѣ совершенія зачета (гл. VII) авторъ защищаетъ ту систему, согласно которой необходимо для наступленія зачета особое положительное волеизъявленіе стороны: заявленіе. Мы лично предполагали, на основаніи общей концепціи авторомъ сущности зачета («bona fides», «фикція согласія» и др.), что онъ будетъ отстаивать ту систему, согласно которой зачетъ происходитъ въ силу самого закона, ipso jure. Впрочемъ, благодаря ученію объ обратной силѣ зачета (стран. 31), вопросъ этотъ въ значительной степени получаетъ интересъ академическаго характера. Недостаточно на стран. 44 сл. авторъ подвергаетъ теоретической критикѣ ученіе Сената, что для снабженія заявленія соотвѣтствующей юридической силой необходимо положительное постановленіе закона, и потому въ русскомъ правѣ, не содержащемъ положительной о семъ нормы, погашающее дѣйствіе имѣетъ не заявленіе, а «судебное опредѣленіе» (стран. 45). Здѣсь иску придается сила, ему несвойственная. Да и судъ не можетъ родить права, — онъ устанавливаетъ уже существующія правовыя отношенія! Если законъ молчитъ, то вступятъ въ силу «общія начала права». Весь институтъ, напр., контокуррентъ созданъ судебной практикой, а не закономъ. И объ обратной силѣ зачета мы не найдемъ въ русскихъ законахъ особой нормы, а, однако, авторъ одобряетъ судебную практику, заполняющую этотъ пробѣлъ на основаніи «общихъ началъ права» (стран. 47, ср. стран. 63). Почему же не примѣнить того же пріема въ интересующемъ насъ вопросѣ о способахъ зачета?

Таковы, по нашему мнѣнію, теоретическіе недочеты рецензируемой работы. Вообще, думается намъ, эта работа не даетъ такъ много, какъ обѣщано авторомъ въ введеніи (стран. 3), — ни для

Digitized by Google

теоретика, ни для практика, ни для законодателя. Но все же въ XI главахъ «зачетъ» изслѣдованъ съ большою тщательностью, и рецензируемая брошюра можетъ оріентировать интересующагося по всѣмъ многочисленнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ этимъ институтомъ.

Т. М. Яблочковъ.

Ю. В. Александровскій. Авторское право. Законъ 20 марта 1911 г. Историческій очеркъ, законодательные мотивы и разъясненія. С.-Пб. 1911. Стран. 176. Ц. 1 р. 50 к. **С. Г. Займовскій.** Авторское право. Справочное пособіе для издателей, авторовъ, переводчиковъ, художниковъ, композиторовъ и сценическихъ дѣятелей. Изд. 2-е, дополненное. М. 1914. Стран. VIII+124. Ц. 1 р. въ переплетѣ. **Я. А. Канторовичъ.** Авторское право на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія. С.-Пб. 1911. Стран. III+424. Ц. 1 р. 50 к. **Д. А. Коптевъ** Законъ объ авторскомъ правѣ съ изложеніемъ разсужденій и матеріаловъ, на коихъ онъ основанъ. С.-Пб. 1911. Стран. 434. Ц. 2 р. 50 к. **Ал. Пиленко.** Новый законъ объ авторскомъ правѣ. С.-Пб. 1911. Стран. XIV+168. Ц. 1 р. 25 к.

Авторское право призвано регулировать область отношеній, въ которой личные, имущественные и духовные интересы автора, общества и международнаго культурнаго союза переплелись сложнѣйшимъ образомъ. Законодателю необходимо особенно зорко слѣдить за этой областью отношеній, чтобы во-время удовлетворять растущія съ громадной быстротой потребности.

Дѣйствующій прежде законъ нашъ, благодаря хаотичности, неполнотѣ и формалистичности, представлялся отсталымъ до послѣдней степени. Законъ 20 марта 1911 г. внесъ въ область авторскаго права въ Россіи значительную стройность, ясность и полноту нормъ, стоящихъ притомъ на уровнѣ современнаго правосознанія.

Многія явленія въ области авторскаго права не могутъ быть правильно регламентированы при отнесеніи авторскаго права къ правамъ вещнымъ,—сюда относятся вопросы срочности, давности и др. Новый законъ отказался отъ взглядовъ прежняго закона на авторское право, какъ на право собственности литературной, художественной, музыкальной. Не давая опредѣленія авторскому праву, законъ 20 марта 1911 г. относитъ его, согласно своимъ мотивамъ,

Digitized by Google

къ правамъ исключительнымъ и тщательно избѣгаетъ квалификаціи права автора какъ права собственности, что ему, впрочемъ, не всегда удается. Къ сожалѣнію, рѣш. Гр. Касс. Деп. № 17—1913 г., подчеркивая личный характеръ авторскаго права, допускаетъ выраженіе, что «авторское право... по сущности своей является особымъ видомъ права собственности автора на сочиненіе его...» [1]).

Новый законъ состоитъ изъ семи главъ, при чемъ первая глава содержитъ общія положенія, вторая — авторское право на литературныя произведенія, третья — авторское право на музыкальныя произведенія, четвертая трактуетъ о правѣ публичнаго исполненія, пятая регулируетъ авторское право на художественныя произведенія, шестая — авторское право на фотографическія произведенія и, наконецъ, седьмая, по примѣру германскаго закона объ авторскомъ правѣ 1901 г., нормируетъ издательскій договоръ. Послѣднія двѣ главы являются совершенной новостью для нашего авторскаго права, но и первыя пять, по сравненію съ тѣмъ, что было, отличаются большой полнотой.

Независимо отъ сферы авторскаго права, въ новомъ законѣ содержатся нормы, роднящія его съ наиболѣе совершенными современными кодексами. Впервые въ нашемъ правѣ черезъ этотъ законъ вводится открыто принципъ свободнаго усмотрѣнія суда. Ст. 23 закона говоритъ о томъ, что размѣръ вознагражденія автора со стороны лицъ, причинившихъ ему убытки нарушеніемъ его авторскаго права, «установляется судомъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по справедливому усмотрѣнію» [2]). Далѣе, въ области наслѣдственнаго права вводятся нормы, не свойственныя нашему устарѣвшему Своду Зак. Гражд. Такъ, по ст. 6 прим., авторское право переходитъ къ пережившему супругу, въ случаѣ отсутствія другихъ наслѣдниковъ, въ полномъ объемѣ, а не въ указной долѣ, при отсутствіи наслѣдниковъ и супруга авторское право переходитъ къ родителямъ автора всецѣло, а не на время жизни, если остались родители и супругъ, то авторское право принадлежитъ имъ всѣмъ вмѣстѣ, какъ если бы это была общая собственность.

При всѣхъ своихъ большихъ достоинствахъ законъ 20 марта 1911 г. страдаетъ и дефектами. Такъ, въ немъ недостаточно разграничены

---

[1]) Въ состоявшемся въ тотъ же день рѣшеніи (№ 12—1913 г.) Гр. Кас. Деп. авторское право называется исключительнымъ и отъ автора неотъемлемымъ.

[2]) Принципъ свободнаго усмотрѣнія суда установленъ и въ законѣ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда (ст. 135 и 706[1] Уст. Гр. Суд.), а также проводится и въ внесенномъ въ Гос. Думу Министромъ Юстиціи проектѣ обязательственнаго права (ст. 1185).

Digitized by Google

личныя права авторовъ отъ собственно авторскихъ правъ [1]); нѣтъ нормъ, регулирующихъ отношеніе авторовъ къ кинематографическимъ пьесамъ; можно возражать по существу противъ нѣкоторыхъ положеній закона, напр., о продолжительности срока авторскаго права послѣ смерти автора, о необходимости согласія супруга и дѣтей на опубликованіе дневниковъ и частныхъ записокъ по истеченіи 50 лѣтъ со дня смерти автора; не всегда выдержана терминологія, напр. въ ст. 15 («распоряженіе произведеніемъ» вмѣсто «распоряженіе авторскимъ правомъ на произведеніе»), въ ст. 6 («переходитъ не въ пожизненное владѣніе, а въ собственность» вмѣсто «переходитъ не на время жизни, а всецѣло»), и т. п.

Судебной практикѣ, а также цивилистикѣ нашей предстоитъ, слѣдовательно, большая и отвѣтственная работа по истолкованію, дополненію и проведенію въ сознаніе общества новаго закона. Пока вышло, въ связи съ закономъ 20 марта 1911 г., только два рѣшенія Гр. Касс. Деп. На отсутствіе же статей и работъ по авторскому праву, въ общемъ, жаловаться не приходится. Но очень ощущается недостатокъ въ свободной комментаторской работѣ. Перечисленныя въ заголовкѣ пособія комментаріями названы быть не могутъ да и не претендуютъ на это названіе.

Изъ этихъ пособій «Авторское право» г. Александровскаго менѣе всего пригодно для пользованія. Книга составлена на-спѣхъ, повидимому, съ цѣлью использовать возможно скорѣе нужду въ пособіи къ новому закону. Какъ введеніе, такъ и вторая часть книги, въ которой помѣщенъ текстъ закона съ постатейными замѣчаніями, состоятъ исключительно изъ надерганнаго матеріала, накопившагося въ большомъ количествѣ въ періодъ подготовки и проведенія новаго закона. Это, конечно, очень цѣнный матеріалъ, но въ «системѣ» г. Александровскаго онъ весьма неполонъ и неудобоваримъ.

Книжка г. Займовскаго представляетъ собою справочникъ, составленный не для юристовъ, а для широкой публики. Она издана опрятно, но не дешева; въ ней — текстъ закона съ немногими рѣшеніями Прав. Сената, ссылками, преимущественно, на Объяснительную записку Мин. Юстиціи, нѣсколькими замѣчаніями составителя, а также кое-какой матеріалъ: литературныя конвенціи съ Франціей и Германіей и пр. Нельзя не указать на грубую ошибку составителя, допущенную при переводѣ заключительнаго про-

---

[1]) См. статьи Ф. С. Шендорфа, Новое авторское право, «Право», 1911 г., № 28, Бар. А. А. Симолина, Охрана личныхъ правъ авторовъ въ новомъ законѣ объ авторскомъ правѣ 20 марта 1911 г. «Вопросы Права», 1912 г., кн. X (2).

Digitized by Google

токола бернской конвенціи 1886 г. съ измѣненіями добавочнаго акта 1896 г., — вмѣсто «общественное достояніе» употреблено выраженіе «общая собственность» (стран. 103). Книжка выходитъ вторымъ изданіемъ; удобна своей портативностью.

Книга г. Канторовича является, по преимуществу, систематизаціей матеріаловъ, на которыхъ покоится новый законъ: проекта редакціонной комиссіи по составленію Гражд. Улож. съ мотивами, объяснительной записки Министра Юстиціи, докладовъ судебной комиссіи Гос. Думы, особой комиссіи Гос. Совѣта, отчетовъ Гос. Думы и Гос. Совѣта и др. По характеру своему пособіе г. Канторовича приближается къ типу монографіи, но таковой мѣшаетъ ему быть его компилятивность, случайность критическихъ замѣчаній и публицистическій, иногда, тонъ[1]). Заключительную часть книги составляетъ текстъ положенія объ авторскомъ правѣ съ рѣшеніями Прав. Сената, преподанными въ разъясненіе прежняго закона, нужными, конечно, и въ настоящее время.

Сборникъ г. Коптева отличается наибольшей полнотой. Въ немъ отъ составителя только введеніе, дополняющее матеріалъ по исторіи нашего законодательства объ авторскомъ правѣ. Остальное — обширный законодательный матеріалъ, уже называвшійся нами, и цѣлый рядъ законовъ по авторскому праву — русскихъ, мѣстныхъ, важнѣйшихъ иностранныхъ. Вся масса матеріала, изложеннаго полно и въ удобной формѣ, дѣлаетъ книгу очень цѣнной.

Наконецъ, сборникъ г. Пиленко, кромѣ небольшого введенія, характеризующаго новый законъ, даетъ самое положеніе объ авторскомъ правѣ, при чемъ каждой статьѣ предшествуетъ ея исторія въ выдержкахъ изъ законодательнаго матеріала. У г. Пиленко нагляднѣе, чѣмъ у другихъ составителей, исторія новаго закона и параллель со старымъ, но матеріала дано значительно меньше, чѣмъ у г. Канторовича, а тѣмъ болѣе у г. Коптева.

А. М. Долматовскій.

А. А. Леонтьевъ. — Крестьянское право. — Систематическое изложеніе особенностей законодательства о крестьянахъ. Изданіе 2-ое (И. И. Зубкова). С.-Пб. 1914. 364 стран.; цѣна 2 р. 50 коп.

Въ концѣ минувшаго года (книга вышла въ декабрѣ 1913 г.) проф. А. А. Леонтьевъ значительно дополнилъ свой первый опытъ

[1]) Напр., въ вопросѣ о правѣ перевода произведеній иностранныхъ авторовъ. Теперь вопросъ этотъ утратилъ уже остроту, такъ какъ съ двумя главными поставщицами матеріала для переводовъ, Франціей и Германіей, заключены въ 1912 и 1913 гг. литературныя конвенціи.

Digitized by Google

систематическаго обзора особенностей правового положенія крестьянъ (изд. 1909 г.) изложеніемъ новыхъ землеустроительныхъ законовъ и нѣкоторыхъ иныхъ законодательныхъ постановленій послѣднихъ годовъ. И такъ какъ до настоящаго времени въ нашей юридической литературѣ нѣтъ труда, подобнаго первому опыту проф. Леонтьева, то нельзя не привѣтствовать выхода въ свѣтъ новаго изданія книги, уже извѣстной своими достоинствами. Таковымъ безусловно является, прежде всего, самая система, въ которой впервые были изложены авторомъ особенности въ сферѣ личныхъ правъ, въ области общественнаго устройства крестьянъ, ихъ поземельныхъ отношеній и прочихъ имущественныхъ правъ; затѣмъ, положительной стороной труда должно признать то обстоятельство, что почти всѣ главнѣйшіе вопросы крестьянскаго права освѣщены авторомъ не только съ догматической, но и съ исторической точекъ зрѣнія, при чемъ авторомъ съ достаточной полнотою приведены мнѣнія многихъ изслѣдователей-спеціалистовъ (напр., въ вопросахъ о земельныхъ отношеніяхъ во времена крѣпостного права, о происхожденіи и сущности общины, о семейной собственности, объ обычаѣ у крестьянъ и др.) и установленъ также его самостоятельный взглядъ на эти коренные вопросы.

Проводя во всемъ трудѣ своемъ рѣзкую границу между правовой обособленностью крестьянскаго сословія и особенностями правовыхъ отношеній лицъ, занятыхъ земледѣльческимъ трудомъ, авторъ вполнѣ обоснованно доказываетъ ненужность первой и необходимость послѣднихъ, но при этомъ нерѣдко удаляется отъ строго-научнаго изложенія большого матеріала, имъ собраннаго, и переходитъ къ оцѣнкѣ многихъ отрицательныхъ бытовыхъ явленій русской жизни уже съ публицистической точки зрѣнія (напр., — въ главахъ о натуральныхъ повинностяхъ, объ обычномъ правѣ и др.). Однако, это послѣднее обстоятельство не можетъ считаться большимъ недостаткомъ въ русскомъ научномъ сочиненіи по многимъ обще-понятнымъ причинамъ.

Гораздо большимъ недостаткомъ систематическаго курса крестьянскаго права проф. Леонтьева приходится считать нѣкоторую неполноту въ изложеніи правовыхъ особенностей отдѣльныхъ группъ крестьянъ: авторомъ оставлены совсѣмъ въ сторонѣ какъ общественное устройство, такъ и поземельныя отношенія крестьянъ на окраинахъ (Кавказъ, Бессарабія, Остзейскій край, Сибирскіе и Туркестанскіе инородцы) и даже нѣкоторыхъ категорій центральной Россіи (горно-заводскаго населенія, поселянъ-колонистовъ, башкиръ, мѣщанъ-земледѣльцевъ и др.). Что касается Царства Польскаго, то главной массы крестьянскаго населенія его авторъ совершенно

Digitized by Google

не касается; онъ останавливается, однако, довольно подробно на болѣе мелкихъ группахъ крестьянъ Западнаго края (сельскихъ чиншевикахъ, православныхъ арендаторахъ, вольныхъ людяхъ, единовѣрцахъ и старообрядцахъ Западнаго края).

Не меньшимъ недостаткомъ книги является значительная неполнота въ ней обзора особенностей въ сферѣ публичныхъ правъ крестьянъ: здѣсь нѣтъ ни слова изъ области участія крестьянъ въ земскомъ самоуправленіи и въ выборахъ въ законодательныя палаты, не говорится ничего и объ особенностяхъ относительно уголовной наказуемости (значеніе «неизъятія» отъ тѣлесныхъ наказаній послѣ 1904 г. и др.) и относительно особыхъ условій взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель. Въ области гражданскихъ правъ отсутствуютъ въ книгѣ свѣдѣнія о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ, о наймѣ на сельскія работы и объ участіи въ кредитныхъ товариществахъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, наше дѣйствующее право во всѣхъ этихъ областяхъ отводитъ крестьянству далеко не равную съ прочими сословіями сферу правъ, и анализъ этихъ различій былъ бы не только умѣстенъ, но и необходимъ въ курсѣ крестьянскаго права.

Всѣ эти недостатки сохранились и въ новомъ изданіи книги, что очень досадно именно въ виду того большого значенія, которое принадлежитъ крестьянскому праву, какъ совокупности правовыхъ особенностей въ жизни громаднаго большинства населенія нашей страны, досадно въ виду того, что, какъ справедливо замѣчаетъ самъ проф. Леонтьевъ, «непростительное игнорированіе вопросовъ крестьянскаго права нашей юридической литературой является, къ сожалѣнію, фактомъ, который грозитъ лечь тяжкимъ упрекомъ на русскую юридическую науку» (стран. 16).

Обращаясь къ деталямъ, необходимо замѣтить, что въ разсматриваемой книгѣ есть не мало неточностей, требующихъ исправленія.

Такъ напримѣръ, упоминая неоднократно о томъ, что указомъ 3 ноября 1905 г. сложены выкупные платежи (стран. 46, 83 и др.), авторъ не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, между тѣмъ какъ названный указъ сохраняетъ безъ измѣненія выкупные платежи для тѣхъ земель сельскаго населенія, которыя состояли въ чиншевомъ или арендномъ пользованіи ихъ нынѣшнихъ собственниковъ, или вновь отведены изъ казенныхъ земель послѣ 1886 г. (Собр. Узак. № 207 1905 г. ст. 1753).

Затѣмъ, говоря объ условіяхъ, при которыхъ допустимъ отказъ крестьянина отъ выборныхъ должностей по общественному самоуправленію (стран. 45), авторъ пропускаетъ 60-лѣтній возрастъ, болѣзнь и иныя признаваемыя сходомъ уважительными причины

Digitized by Google

(ст. 189 Общ. Пол.), равно какъ и пребываніе выбраннаго въ учебномъ заведеніи или на службѣ гражданской (отд. II п. а указа 5 окт. 1906 г.), и изъ изложенія автора явствуетъ, что отказаться отъ выборной должности можно лишь въ двухъ приводимыхъ имъ случаяхъ, что неточно.

Далѣе, подробно излагая бытовыя условія отбыванія крестьянами натуральныхъ повинностей (дорожной, подводной, тушенія пожаровъ общественнаго призрѣнія, отбыванія карауловъ, истребленія вредныхъ насѣкомыхъ и несенія полицейской службы,—стран. 84—92), авторъ вовсе не приводитъ правовыхъ основаній этихъ повинностей, не различаетъ повинностей мірскихъ отъ земскихъ и совсѣмъ пропускаетъ повинность устройства хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ (изъ мірскихъ) и арестантско-этапную (изъ земскихъ), чего навѣрное не случилось бы, если бы авторъ привелъ и разобралъ соотвѣтствующія постановленія спеціальныхъ уставовъ (сельскохозяйств., лѣсного, земскихъ повинностей, о ссыльныхъ и др.).

Наконецъ, проф. Леонтьевъ въ главѣ объ опекѣ у крестьянъ не только совершенно не приводитъ содержанія закона 18 мая 1911 г. и интересныхъ законодательныхъ мотивовъ къ нему, но даже констатируетъ, что по закону «опеки за расточительность у крестьянъ назначаемо быть не можетъ», и лишь изъ сенатскаго толкованія выводитъ, что эта опека съ 1907 г. можетъ быть назначаема въ общемъ порядкѣ (стран. 351); отсюда ясно, что и въ 1913 г., при дополненіи его курса, авторъ не обратилъ вниманія на упомянутый выше спеціальный законъ.

Такимъ образомъ нельзя не пожелать, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги проф. А. А. Леонтьева это интересное и въ высокой степени необходимое въ юридической литературѣ сочиненіе, какъ система крестьянскаго права, было бы вновь просмотрѣно болѣе тщательно и снабжено (для большей полноты), — во-первыхъ, если не анализомъ, то указателемъ современныхъ источниковъ этого права, разбросанныхъ по всему шестнадцати-томному Своду Законовъ, и, во-вторыхъ, — если не обзоромъ, то хотя бы систематическимъ перечнемъ спеціальной литературы по отдѣльнымъ вопросамъ крестьянскаго права: только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій, казалось бы, эта книга будетъ въ состояніи вполнѣ заполнять собою зіяющій пробѣлъ въ нашей литературѣ.

Б. Базилевъ.

Digitized by Google

И. М. Тютрюмовъ. Практика Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ (по 2 Департаменту и 1 Общему Собранію, а также Гражданскому Кассаціонному Департаменту и Общему Собранію 1, 2 и Касс. Деп. — съ 1882 года по 1 марта 1914 года). С.-Пб. 1914. Стран. XXIV+1535+VIII+313. Ц. 7 р. 50 к.

Одно изъ главныхъ препятствій при изученіи крестьянскаго права составляла трудность знакомиться съ рѣшеніями Пр. Сената по 2 Департаменту, въ компетенцію котораго входятъ почти всѣ вопросы крестьянскаго права. За первые годы дѣятельности этого департамента — съ 1882 г. по 1897 г. — важнѣйшіе указы были напечатаны въ частныхъ изданіяхъ И. Г. Данилова и И. Л. Горемыкина. Затѣмъ съ 1903 г. по 1908 г. отдѣльные указы по 2 Департаменту печатались въ офиціальномъ «Сборникѣ рѣшеній Пр. Сената»; но изданіе этого сборника по неизвѣстнымъ причинамъ пріостановилось, да и въ немъ помѣщалось ничтожное число рѣшеній — около двадцати въ годъ, притомъ преимущественно по дѣламъ, возникшимъ на окраинахъ, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ. Отдѣльные указы 2 Департамента перепечатывались затѣмъ случайно въ частныхъ изданіяхъ, напр., въ «Вѣстникѣ Сенатской Практики», издававшемся Канторовичемъ и Плющевскимъ-Плющикомъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1903—1905).

За послѣдніе годы, именно когда число дѣлъ, подвѣдомственныхъ 2 Департаменту, значительно возросло благодаря новому аграрному законодательству, съ его практикой можно было знакомиться только по «Извѣстіямъ Земскаго Отдѣла» и отчасти по комментированнымъ изданіямъ отдѣльныхъ книгъ Особаго Приложенія.

Всѣ эти источники не давали, однако, общей, связной картины практики 2 Департамента. Поэтому нельзя не привѣтствовать новаго изданія оберъ-прокурора 2 Департамента И. М. Тютрюмова, въ которомъ сведена практика Пр. Сената по всѣмъ разрядамъ крестьянскихъ дѣлъ какъ коренной Россіи, такъ и окраинъ. Первая глава содержитъ разъясненія различныхъ постановленій о поземельномъ устройствѣ крестьянъ коренной Россіи, включая новое аграрное законодательство — «землеустройство». Вторая глава посвящена особенностямъ въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ (семья, опека, наслѣдствованіе). Глава III содержитъ сводку рѣшеній, касающихся общественнаго устройства у крестьянъ, при чемъ сюда же отнесено общинное пользованіе мірскою землей. Глава IV посвящена учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, а главы V по XI — поземельному устройству крестьянъ отдѣльныхъ

Digitized by Google

мѣстностей, преимущественно окраинъ. Разъясненія, касающіяся крестьянъ Прибалтійскаго края и Царства Польскаго, въ виду своеобразія въ ихъ положеніи, выдѣлены въ два самостоятельныхъ дополненія.

Уже общее число разъясненій — свыше 7500, — большая часть которыхъ относится къ послѣднимъ годамъ, указываетъ на полноту сборника. Вмѣстѣ съ тѣмъ имя автора, лучшаго знатока нашего крестьянскаго права, разрабатывавшаго его и съ теоретической точки зрѣнія, обезпечиваетъ удачный подборъ помѣщенныхъ въ сборникѣ указовъ: послѣдніе, насколько о томъ можно судить со стороны, являются дѣйствительно руководящими въ практикѣ 2 Департамента.

Недостаткомъ сборника, быть можетъ неизбѣжнымъ при громадномъ количествѣ и разнообразіи разсмотрѣнныхъ дѣлъ, является то, что въ него вошли почти только тезисы изъ рѣшеній Сената. Лишь въ видѣ исключенія приводятся иногда и тѣ соображенія, на которыхъ основанъ выводъ Сената. Между тѣмъ очевидно, что для полной, въ особенности для научной разработки крестьянскаго права необходимо считаться не только съ окончательными выводами, но и съ мотивами рѣшенія.

Поэтому, вполнѣ признавая огромную пользу, которую долженъ принести сборникъ И. М. Тютрюмова, мы все же должны выразить пожеланіе, чтобы было продолжено изданіе офиціальнаго сборника рѣшеній Пр. Сената по 2 Департаменту и чтобы въ немъ помѣщались не только рѣшенія по окраиннымъ дѣламъ, но и всѣ руководящія разъясненія по крестьянскому праву коренной Россіи.

А. Вормсъ.

В. Я. Крюковскій и Н. Н. Товстолѣсъ. Практическое руководство для волостныхъ и верхнихъ сельскихъ судовъ. С.-Пб. Стран. XLII+155+II. Цѣна 1 р. 50 к. **А. Нареного.** Практическое руководство для волостныхъ судовъ, преобразованныхъ по закону 15 іюня 1912 г. М. 1914 г. Стран. XVIII+514. Цѣна 3 руб.

Однимъ изъ главныхъ соображеній, приводившихся въ Гос. Совѣтѣ въ пользу сохраненія волостного суда, было указаніе на простоту и несложность тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ въ повседневномъ быту деревни и лучше всего могутъ быть разрѣшены судьями изъ крестьянской среды, хорошо знакомыми съ мѣст-

Digitized by Google

ными обычаями и условіями. Авторы проекта новыхъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ вмѣстѣ съ тѣмъ полагали, что производство въ волостномъ судѣ можетъ быть упорядочено путемъ нѣсколько болѣе точной нормировки его и установленія связи съ Мировымъ Судомъ. Но, какъ указывалось уже раньше противниками волостного суда, предположенія эти не оправдались, и надежды на упорядоченіе волостного суда не осуществились.

Волостной судъ, какъ судъ по преимуществу обычно-правовой, могъ имѣть извѣстное положительное значеніе только, пока обычное право еще сохраняло свою силу, и лишь постольку, поскольку этотъ судъ во всей своей дѣятельности, не исключая процессуальныхъ формъ и обрядовъ, могъ руководствоваться этимъ обычнымъ правомъ. Своеобразные институты послѣдняго, какъ напр. раздѣлъ наслѣдства между наслѣдниками въ зависимости отъ степени участія въ общемъ семейномъ хозяйствѣ, предполагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и такіе способы удостовѣренія спорныхъ правъ на судѣ, которые совершенно не вяжутся съ принципами состязательнаго процесса, какъ ихъ нынѣ формулируетъ законодатель. Съ точки зрѣнія обычнаго права судья не только можетъ, но и долженъ принимать во вниманіе свѣдѣнія, полученныя имъ независимо отъ указаній сторонъ, частнымъ образомъ. Опорною почвою для него является даже «общественное мнѣніе» окружающей среды, личное довѣріе къ той или другой тяжущейся сторонѣ и т. п. Авторы положеній 1861 г. сознавали это и не установили поэтому ни апелляціонной, ни даже кассаціонной инстанціи для провѣрки рѣшеній волостныхъ судовъ.

Отъ такой принципіально-правильной, но въ настоящее время уже практически неосуществимой, точки зрѣнія отступили «Временныя правила о волостномъ судѣ» 1889 г. Однако, лишивъ волостной судъ самостоятельности, законодатель тогда взамѣнъ процессуальныхъ обычныхъ нормъ не установилъ формальныхъ гарантій разсмотрѣнія дѣла въ порядкѣ, выработанномъ для общихъ судовъ. Создалось положеніе, при которомъ произвольно перемѣшивались остатки прежняго, обычно-правового, порядка — напр., допросъ свидѣтелей въ опроверженіе векселя — съ формами, заимствованными изъ Устава гражд. судопроизводства.

Желая укрѣпить положеніе волостного суда, авторы новыхъ временныхъ правилъ 1912 г. попытались создать для него небольшой процессуальный кодексъ, болѣе полно опредѣляющій порядокъ судопроизводства. Но, поставивъ себѣ эту задачу, они выполнили ее лишь въ части. При первой же попыткѣ практическаго примѣненія новыхъ временныхъ правилъ выясняется крайняя не-

Digitized by Google

полнота ихъ. Вѣдь незначительность цѣны иска не равносильна тому, что возбуждаемый вопросъ представляется юридически простымъ; напротивъ, тѣсная связь большинства дѣлъ, подсудныхъ волостному суду, съ надѣльнымъ землевладѣніемъ, которое регулируется крайне запутанными постановленіями, придаетъ этимъ дѣламъ весьма сложный характеръ. То же самое наблюдается и въ области уголовной подсудности. Сравнительная незначительность наказанія не исключаетъ необходимости въ соблюденіи основныхъ требованій уголовнаго судопроизводства и уголовнаго права, какъ, напр., установленіе вмѣняемости, обстоятельствъ, исключающихъ преступность дѣянія и т. п.

Очевидно, что нынѣ пополнять эти пробѣлы можно только прибѣгая къ нормамъ общаго матеріальнаго права и къ уставамъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Этотъ выводъ дѣлаетъ и самъ законъ, постановляя въ ст. 86 Врем. прав. «Волостной судъ, въ случаѣ, когда признаетъ невозможнымъ разрѣшить дѣло на основаніи преподанныхъ ему въ семъ отдѣлѣ правилъ и установившейся въ волостныхъ судахъ практики, обращается къ постановленіямъ Уставовъ гражд. и угол. суд., опредѣляющихъ порядокъ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ».

Такое требованіе ставитъ новый волостной судъ въ крайне тяжелое положеніе. Оно труднѣе даже положенія мирового суда; послѣдній также долженъ руководствоваться сравнительно неполными процессуальными правилами, которыя приходится восполнять изъ общихъ постановленій. Однако, порядокъ производства въ мировомъ судѣ согласованъ съ порядкомъ, установленнымъ для общихъ судовъ, и построенъ на одинаковыхъ съ нимъ началахъ; затѣмъ мировые судьи, какъ юристы, хорошо знакомы и съ общими нормами. Волостной же судъ построенъ своеобразно, а судьи, входящіе въ его составъ, не могутъ быть знакомы съ нормами общаго права.

Вслѣдствіе этого, передъ всякимъ авторомъ, желающимъ помочь новому волостному суду разобраться въ возложенныхъ на него обязанностяхъ, возникаетъ задача не только истолковать смыслъ отдѣльныхъ статей временныхъ правилъ, но и выяснить пробѣлы въ нихъ и указать тотъ путь, которымъ они могутъ быть заполнены.

Необходимость построить свои комментаріи къ «Временнымъ правиламъ» на указанныхъ началахъ сознавали авторы обоихъ разсматриваемыхъ руководствъ. Но они подошли къ рѣшенію этой задачи различными путями.

Digitized by Google

Крюковскій и Товстолѣсъ предпослали книгѣ особое введеніе, которое они озаглавили «Общедоступныя свѣдѣнія по уголовному праву, гражданскому и уголовному судопроизводству». Въ этомъ введеніи, которое носитъ характеръ небольшой энциклопедіи права на 42 страницахъ, прежде всего разсматривается понятіе закона и обычая, а затѣмъ порядокъ охраны правъ. Независимо отъ сомнѣній, которыя возбуждаетъ предлагаемое ими опредѣленіе обычая («чтобы тѣ или другіе случаи жизни въ извѣстной мѣстности обсуждались болѣе или менѣе одинаково въ болѣе или менѣе продолжительное время»), авторы допускаютъ ошибку: они противопоставляютъ ст. 76 Временныхъ правилъ по закону 15 іюня 1912 г. ст. 130 Уст. гражд. суд., которая тѣмъ же самымъ закономъ исключена.

Въ отдѣлѣ уголовнаго права авторы разсматриваютъ понятія преступленія, вмѣняемости, соучастія и виды наказаній. И въ этомъ отдѣлѣ многое вызываетъ сомнѣнія; такъ къ числу обстоятельствъ, исключающихъ преступность дѣянія, отнесена и крайняя необходимость, тогда какъ она лишь освобождаетъ отъ наказанія. Самый выборъ отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ авторами, представляется нѣсколько случайнымъ. Полнѣе и лучше изложено судопроизводство гражданское. Здѣсь разъясненъ рядъ основныхъ понятій, съ которыми приходится сталкиваться и волостному суду, какъ, напр., отличіе аппелляціи отъ кассаціи, сила судебнаго рѣшенія и т. д. — Въ отдѣлѣ уголовнаго судопроизводства изложено довольно подробно, но безъ прямой необходимости, какъ намъ кажется, производство въ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей: этотъ порядокъ не представляетъ никакой аналогіи съ производствомъ въ волостномъ судѣ.

Подъ отдѣльными статьями «Временныхъ правилъ» авторы помѣстили почти однѣ только выдержки изъ доклада Особой Комиссіи Гос. Совѣта и затѣмъ сравнительно немногія рѣшенія Прав. Сената. Наконецъ, въ приложеніяхъ перепечатаны нѣкоторые отдѣлы изъ Устава о наказаніяхъ, изъ Учрежденія судебныхъ установленій и изъ Уставовъ гражд. и угол. судопроизводства. Въ концѣ книги приведены формы рѣшеній волостного суда, протоколовъ и т. п.

А. Пареного подошелъ къ разрѣшенію задачи инымъ путемъ. Онъ не предпосылаетъ своей книгѣ общаго введенія, но взамѣнъ онъ приводитъ подъ отдѣльными статьями не только выдержки изъ мотивовъ къ закону, но также подробныя разъясненія каждаго отдѣльнаго вопроса. Авторъ не ограничивается помѣщеніемъ вы-

Digitized by Google

писокъ изъ сенатскихъ рѣшеній, которыя собраны имъ съ исчерпывающей полнотой; по тѣмъ вопросамъ, которые пока не разрѣшены Сенатомъ, онъ даетъ самостоятельныя поясненія, основанныя на общемъ смыслѣ закона. Особенно цѣнными представляются указанія со стороны автора, опирающагося на многолѣтнюю практику въ крестьянскихъ установленіяхъ, важнѣйшихъ пробѣловъ въ постановленіяхъ закона и путей къ пополненію ихъ. Разъясненія эти изложены настолько точно и ясно, что будутъ понятны и для волостныхъ судей.

Кромѣ чисто процессуальныхъ вопросовъ авторъ включилъ также многочисленные экскурсы въ область матеріальнаго крестьянскаго права, напр., для поясненія понятія надѣльныхъ земель, выморочнаго имущества и т. д.

Пробѣловъ и ошибокъ въ сборникѣ немного. Въ видѣ примѣровъ укажемъ слѣдующіе. — Необходимо было выяснить подвѣдомственность по закону о мѣстномъ судѣ дѣлъ о признаніи расточителями сельскихъ обывателей, проживающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ (зак. 18 мая 1911 г.). Несмотря на громадное значеніе этихъ дѣлъ для современной деревни, авторы «Временныхъ правилъ» забыли о немъ и не оговорили ихъ подвѣдомственности. Въ отношеніи первой инстанціи — волостного суда — не возникаетъ особыхъ трудностей. Но какая изъ высшихъ инстанцій — верхній сельскій судъ, или мировой съѣздъ — замѣнила уѣздный съѣздъ, поскольку ему по закону 18 мая 1911 г. порученъ надзоръ за правильностью рѣшеній волостного суда? Этотъ вопросъ представляется спорнымъ и уже теперь вызываетъ сомнѣнія въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ новый волостной судъ. Мы думаемъ, что уѣздный съѣздъ замѣненъ верхнимъ сельскимъ судомъ; но это необходимо подробнѣе обосновать.

Далѣе, слѣдовало бы подробнѣе остановиться на значеніи рѣшеній волостного суда съ точки зрѣнія закона 14 іюня 1910 г. Послѣдній въ ст. 51 (нынѣ ст. 23^3 Общ. Пол.) имѣетъ въ виду рѣшенія, постановленныя въ порядкѣ Временныхъ правилъ 1889 г., и необходимо выяснить, въ какой мѣрѣ эти положенія будутъ относиться къ рѣшеніямъ новаго волостного суда, главнымъ образомъ по дѣламъ наслѣдственнымъ. Приведена (подъ ст. 55) ст. 2 Уст. векс., но не оговорено, что дѣйствіе п. 2 ея, лишающаго крестьянъ векселеспособности, пріостановлено указомъ 5 октября 1906 г. Затѣмъ авторъ упустилъ изъ вида, что рѣшеніе Общаго Собранія 1911 г. № 41 ограничило выводъ, сдѣланный въ рѣшеніи Общ. собранія 1904 г. № 18 о подвѣдомственности волостному суду бессарабскихъ однодворцевъ: нынѣ однодворцы, водворенные на

Digitized by Google

собственныхъ и на владѣльческихъ земляхъ, не подлежать вѣдомству волостного суда.

Но подобные мелкіе недочеты не умаляютъ крупныхъ достоинствъ руководства А. Н. Пареного. Помимо непосредственнаго своего практическаго значенія, какъ лучшаго пособія при примѣненіи Временныхъ правилъ 1912 г., оно весьма цѣнно какъ всесторонній и детальный разборъ этихъ правилъ съ точки зрѣнія основныхъ началъ судопроизводства.

А. Вормсъ.

Издатель: *Проф. А. С. Алексѣевъ.*

Редакторъ: *Б. А. Кистяковскій.*

Digitized by Google

Книги, полученныя редакціей.

Австрійскій проектъ закона о промышленныхъ и хозяйственныхъ товариществахъ (Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften). Перев. съ нѣмецкаго Н. И. Ржондковскаго. Ред. и пред. пр.-доц. В. А. Краснокутскаго. Москва. 1914. Цѣна 75 к.

А. А. Алексѣевъ. Финансовыя полномочія англійскаго парламента. Изъ «Журнала Министерства Юстиціи» (январь — февраль 1914 г.). С.-Пб. 1914.

П. А. Вихляевъ. Крестьянское землевладѣніе при полевомъ травосѣяніи. Изд. Стат. Отд. Моск. Губ. Земской Управы. Москва. 1914.

Его же. Травосѣяніе и полевыя культуры. Изд. Стат. Отд. Моск. Губ. Земской Управы. Москва. 1914.

Германское Торговое Уложеніе 10 мая 1897 года. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. пр.-доц. В. А. Краснокутскаго. Москва. 1914. Цѣна 45 к.

А. И. Елнстратовъ, проф. Основныя начала административнаго права. Изданіе Г. А. Лемана. Москва. 1914. Цѣна 2 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Изданіе 2-е, съ добавленіями. С.-Пб. 1914. Цѣна 3 р.

А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути. Т. I. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1914. Цѣна 2 р. Т. II. Изданіе 2-е, дополненное. С.-Пб. 1913. Цѣна 3 р. 25 к.

К. А. Кузнецовъ. Къ характеристикѣ исторической школы юристовъ. Одесса. 1914. Цѣна 25 к.

Н. А. Максимейко. Опытъ критическаго изслѣдованія «Русской Правды». Выпускъ первый. Краткая редакція. Харьковъ. 1914.

Н. А. Москалёвъ. Между врачебною тайною и укрывательствомъ преступленія. (Изъ прошлаго — пережитого). Москва. 1914. Цѣна 1 р. 20 к.

Общій Уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по разъясненіямъ Гражданскаго Касс. Департ. Прав. Сената. Составилъ *И. М. Рабиновичъ*. Изд. Юр. кн. скл. «Право». С.-Пб. 1914. Цѣна 3 р. 50 к.

Dr. Robert Redslob. Abhängige Länder. Eine Analyse des Begriffs von der ursprünglichen Herrschergewalt. Leipzig. Verlag von Veit u. Comp. 1914. Preis M. 12.

Франческо Руффини, проф. Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I. Перев. съ итальян. А. Н. Ильинскаго подъ ред. проф. В. Н. Сперанскаго. С.-Пб. Изд. Н. П. Карбасникова. 1914. Цѣна 1 р. 25 к.

П. Рюльманъ. Преподаваніе гражданствовѣдѣнія (instruction civique) во Франціи. Перев. съ нѣмецкаго И. И. Шитца. Съ пред. Е. Н. Ефимова. Москва. 1914. Цѣна 60 к.

Сравнительное изложеніе иностранныхъ и русскаго законодательствъ о поджогѣ. (Извлечено изъ статьи проф. Ульмана). Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. П. И. Люблинскаго. С.-Пб. 1914.

Проф. И. Н. Трепицынъ. Гражданское право губерній Царства Польскаго и русское въ связи съ Проектомъ гражданскаго уложенія. Общая часть обязательственнаго права. Варшава. 1914. Цѣна 2 р. 50 к.

Алексѣй Шиловъ. XIV международный антиалкогольный конгрессъ въ Миланѣ. (9—14 сентября 1913 года). Москва. 1914. Цѣна 10 к.

Г. Штильманъ. Печать и уголовный законъ. Изд. Юр. кн. склада «Право». 1914. Цѣна 1 р.

Digitized by Google

Приложеніе I.

Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ПРОТОКОЛЪ

Чрезвычайнаго Общаго Собранія Московскаго Юридическаго Общества

1 апрѣля 1913 года.

Предсѣдательствовали: **Н. В. Давыдовъ** и **А. Э. Вормсъ.**
Обязанности Секретаря исполняли: **А. Н. Бѣликовъ** и **Н. Г. Вавинъ.**

Присутствовали: **Н. Н. Андреевъ, П. И. Астровъ, Н. Н. Баженовъ, Д. В. Бельгардъ, А. М. Березниковъ, Л. С. Бискъ, Н. С. Борзовъ, Л. А. Бубнова, Н. А. Бурышкинъ, Н. Н. Быковскій, В. Г. Бѣльскій, Н. С. Вагановъ, В. А. Васильевъ, А. Б. Виноградъ, А. А. Воскобойниковъ, А. Д. Годинъ, О. Б. Гольдовскій, І. И. Гросманъ, В. П. Груздевъ, А. И. Гуляевъ, Е. Н. Данилова, А. А. Додонова, А. М. Долматовскій, Л. Я. Дудкинъ, М. С. Елагинъ, Е. Н. Ефимовъ, В. И. Жегалкинъ, С. А. Куровъ, Н. А. Заозерскій, А. Е. Зильбербергъ, С. С. Ивановъ, М. А. Иванцовъ, И. А. Ильинъ, С. С. Іевлевъ, Д. А. Іонасъ, Н. Н. Іоффе, У. А. Каганъ, В. Н. Карачарова, Б. А. Корепановъ, А. М. Кривичевскій, В. И. Лебедевъ, А. А. Левашкевичъ, Н. Н. Лобановъ, Л. С. Мееровичъ, С. Г. Магидсонъ, В. С. Малченко, М. З. Мосріанцъ, В. А. Мурашкинцевъ, Д. Н. Муромцевъ, И. И. Никольскій, І. В. Новоселовъ, М. Г. Орловъ, В. А. Островскій, А. И. Пересъ, Я. Г. Перскій, С. Н. Побѣдоносцевъ, А. И. Покровскій, А. С. Рабиновичъ, А. Б. Розенблюмъ, Д. С. Розенблюмъ, І. С. Розенталь, А. Ѳ. Рубинчикъ, Н. Я. Рыбаковъ, Г. Д. Рындзюнскій, И. Н. Сахаровъ, С. И. Соболевъ, И. Н. Собцовъ, Е. Л. Строгинъ, М. Л. Сухаревскій, А. Н. Трайнинъ, А. А. Урусовъ, И. С. Урысонъ, М. С. Фельдштейнъ, Л. Н. Френкель, И. А. Фрешкопъ, В. Н. Челищевъ, Н. Т. Шверина, Л. А. Шмаринъ и Н. Н. Яшке.**

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ **Н. В. Давыдовымъ** въ аудиторіи № 7 новаго зданія Университета въ 8 часовъ 30 минутъ вечера.

Н. Н. Баженовъ прочиталъ докладъ: «Законодательство о душевно-больныхъ». Въ докладѣ Н. Н. Баженовъ отмѣтилъ современное состояніе законодательства о душевно-больныхъ, его крайнюю устарѣлость и необходимость

Digitized by Google

немедленно приступить къ коренной его переработкѣ. Въ заключеніе докладчикъ указалъ, что Московское Общество психіатровъ уже приступило къ осуществленію идеи, положенной въ основаніе доклада, при немъ уже работаетъ постоянная комиссія и было бы въ высшей степени желательнымъ, чтобы Московское Юридическое Общество, хотя бы въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, приняло участіе въ работахъ этой комиссіи.

Н. В. Давыдовъ отмѣтилъ, что выводы доклада не могутъ встрѣтить возраженій — современное законодательство о душевно-больныхъ дѣйствительно совершенно устарѣло и требуетъ немедленнаго исправленія. Поэтому предложеніе Н. Н. Баженова должно встрѣтить полное сочувствіе, но, можетъ быть, въ виду важности вопроса Юридическому Обществу слѣдовало бы самостоятельно образовать особую комиссію для разработки возбужденнаго докладомъ вопроса, или избрать изъ своей среды опредѣленное число лицъ, которыя бы постоянно присутствовали въ комиссіи при Обществѣ психіатровъ.

Н. Н. Баженовъ пояснилъ, что Общество психіатровъ уже выполнило всю черновую работу, но для работъ его въ настоящее время необходимо участіе юристовъ, въ виду чего было бы особенно желательнымъ второе предложеніе Н. В. Давыдова.

Н. В. Давыдовъ поставилъ это предложеніе на голосованіе.

Предложеніе было принято единогласно.

Н. В. Давыдовъ огласилъ списокъ лицъ, намѣченныхъ кандидатами.

Въ списокъ вошли: Л. С. Бискъ, П. П. Гензель, М. Д. Загряцковъ, В. С. Малченко.

И. А. Ильинъ предложилъ включить въ списокъ кандидатовъ М. Н. Гернета, извѣстнаго изслѣдователя въ области уголовной политики.

Предложеніе это было принято единогласно.

Н. В. Давыдовъ предложилъ подвергнуть указанныхъ лицъ баллотировкѣ посредствомъ поднятія рукъ.

Всѣ указанныя лица были избраны единогласно.

Н. В. Давыдовъ сообщилъ, что на засѣданіи Юридическаго Общества 10 марта 1913 г. на должность предсѣдателя Общества были намѣчены кандидатами: Н. А. Каблуковъ, С. А. Котляревскій, П. П. Гензель и А. Н. Филипповъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣту было поручено снестись съ означенными лицами относительно ихъ согласія баллотироваться на должность предсѣдателя Юридическаго Общества. Въ исполненіе этого порученія Совѣтъ обращался ко всѣмъ означеннымъ лицамъ. Н. А. Каблуковъ категорически отказался дать согласіе на выставленіе его кандидатуры за недостаткомъ времени и просилъ принять его благодарность. С. А. Котляревскій, П. П. Гензель и А. Н. Филипповъ также отклонили предложеніе.

Въ виду этого **Н. В. Давыдовъ** предложилъ собранію заявить новыхъ кандидатовъ на должность предсѣдателя Общества.

Заявленія новыхъ кандидатовъ не послѣдовало.

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію въ виду отсутствія въ настоящее время кандидатовъ на должность предсѣдателя отложить выборы до ближайшаго собранія осенью, къ которому выяснить вопросъ о возможныхъ кандидатахъ путемъ опроса всѣхъ имѣющихъ право баллотироватѣся на должность предсѣдателя лицъ.

Предложеніе это было принято.

Digitized by Google

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію приступить къ выборамъ должностныхъ лицъ Общества: Товарища Предсѣдателя, одного Товарища Секретаря, Казначея и трехъ Членовъ Совѣта, на мѣсто выбывшихъ за истеченіемъ срока: Н. В. Давыдова, А. Н. Бѣликова, Б. И. Сыромятникова, П. И. Астрова, П. И. Новогородцева и В. Н. Челищева, и второго Товарища Секретаря и Библіотекаря на мѣсто отказавшихся Е. Н. Ефимова и Н. Н. Полянскаго, намѣтивъ кандидатовъ на эти должности записками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. В. Давыдовъ предложилъ намѣтить записками кандидатовъ на должность членовъ Ревизіонной Комиссіи.

Былъ объявленъ перерывъ.

По возобновленію засѣданія **Н. В. Давыдовъ** огласилъ результаты подачи записокъ:

На должность Товарища Предсѣдателя были предложены кандидатами: Н. В. Давыдовъ, (46 записокъ) А. Э. Вормсъ, (2 записки) В. Н. Челищевъ (1 записка); на должности Товарищей Секретаря: А. Н. Бѣликовъ (38 записокъ), Н. Г. Вавинъ (36 записокъ), А. М. Винаверъ (4 записки), П. И. Астровъ (2 записки,) и С. П. Ордынскій (1 записка); на должность Казначея Б. И. Сыромятниковъ (37 записокъ); на должности Членовъ Совѣта: П. И. Астровъ (43 записки), П. И. Новгородцевъ (37 записокъ), В. Н. Челищевъ (46 записокъ), Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (11 записокъ), М. Н. Гернетъ (9 записокъ), А. Н. Бѣликовъ (2 записки) и Н. И. Астровъ (1 записка); на должность Членовъ Ревизіонной Комиссіи: В. В. Пржевальскій (37 записокъ), Н. К. Муравьевъ (42 записки), И. С. Урысонъ (39 записокъ), Н. Н. Полянскій (36 записокъ), Н. И. Астровъ (43 записки), В. Н. Челищевъ (4 записки), В. С. Малченко (3 записки), М. Д. Загряцковъ (2 записки), Б. А. Кистяковскій (2 записки), М. Н. Гернетъ (2 записки), Л. С. Бискъ (2 записки) и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (1 записка); на должность Библіотекаря В. С. Малченко (44 записки).

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію высказаться по вопросу о томъ, подвергать ли предложенныхъ лицъ баллотировкѣ шарами или считать избранными безъ баллотировки по старшинству полученныхъ записокъ.

Собраніе единогласно постановило считать избранными лицъ, получившихъ большинство по запискамъ.

Избранными оказались:

На должность Товарища Предсѣдателя — Н. В. Давыдовъ,

На должность Товарища Секретаря — А. Н. Бѣликовъ.

На должность Товарища Секретаря — Н. Г. Вавинъ.

На должность Казначея — Б. И. Сыромятниковъ.

На должность Библіотекаря — В. С. Малченко.

На должность Членовъ Совѣта — П. И. Астровъ, П. И. Новгородцевъ и В. Н. Челищевъ.

На должности членовъ Ревизіонной Комиссіи: Н. И. Астровъ, Н. Н. Полянскій, В. В. Пржевальскій, Н. К. Муравьевъ и И. С. Урысонъ.

Засѣданіе продолжалось подъ предсѣдательствомъ **А. Э. Вормса.**

О. Б. Гольдовскій прочиталъ докладъ: «О переходѣ торговаго предпріятія (фирмы)».

(Докладъ этотъ будетъ напечатанъ въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ»).

А. Э. Вормсъ предложилъ желающимъ принять участіе въ обсужденіи доклада.

Digitized by Google

Въ обсужданіи доклада приняли участіе: Л. С. Бискъ, Я. Г. Перскій, А. Н. Трайнинъ.

Л. С. Бискъ указалъ, что причиной неплатежей нельзя считать одно то, что по нашимъ законамъ неплательщикъ не стѣсненъ въ своемъ правѣ отчуждать торговое предпріятіе третьему лицу въ ущербъ своимъ кредиторамъ. Существуютъ и другія причины, и наиболѣе важной изъ нихъ является общественное мнѣніе. Оно относится къ этому факту перевода фирмы слишкомъ мягко, не ставитъ на немъ должнаго клейма. Подъ вліяніемъ этого направленія общественнаго мнѣнія находятся и судебныя учрежденія, которыя часто отказываютъ въ строгомъ примѣненіи уже существующихъ законовъ, цѣлью коихъ является охрана интересовъ вѣрителей торговаго предпріятія. Такъ, по Уст. Торг., купецъ обязанъ вести торговыя книги, но Коммерческій Судъ на соблюденіи этого правила никогда должнымъ образомъ не настаивалъ. Сенатъ же призналъ, что отсутствіе веденія книгъ не служитъ признаніемъ злостной несостоятельности. Между тѣмъ строгое примѣненіе закона въ этомъ случаѣ особенно необходимо. Оно безусловно имѣло бы свои положительные результаты. Судебная практика можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи подчасъ гораздо больше, чѣмъ законодательное учрежденіе, устанавливающее новую норму, непріемлемую съ точки зрѣнія практики. Въ заключеніе оппонентъ выразилъ опасеніе, что и новый законъ не будетъ примѣняться съ необходимой строгостью, ибо, какъ показала существующая судебная практика, идея борьбы съ неплатежами не встрѣчаетъ въ ней должнаго сочувствія.

Я. Г. Перскій отмѣтилъ, что упрекъ Л. С. Биска, направленный противъ судебныхъ учрежденій, едви ли можетъ быть отнесенъ всецѣло на ихъ счетъ. Онъ страдаетъ односторонностью. Въ созданіи судебной практики принимали участіе и адвокаты, почему онъ долженъ коснуться и ихъ.

А. Н. Трайнинъ указалъ, что проводимая законопроектомъ уголовная санкція не во всѣхъ случаяхъ можетъ достигнуть результата. Въ деликтахъ, стоящихъ на границѣ торговаго и уголовнаго права, уголовная репрессія играетъ ограниченную роль, — тамъ, гдѣ гражданская репрессія несовершенна. Но для того, чтобы уголовная репрессія достигла своихъ цѣлей, необходимо сдѣлать такъ, чтобы кредиторъ не обладалъ возможностью вліять на уголовныя послѣдствія. Между тѣмъ законопроектъ, предоставляя инициативу обвиненія кредитору и ставя таковую въ зависимость отъ послѣдовавшихъ для него убытковъ, открываетъ для него въ этомъ отношеніи и возможность освобождать должника отъ установленнаго наказанія, ибо кредиторъ всегда предпочитаетъ уголовному наказанію неплательщика, переведшаго имущество, заключеніе съ нимъ выгодной мировой сдѣлки. Вопреки мнѣнію докладчика, утверждающаго, что дополнительнаго абзаца къ ст. 1168[1] не надо, такъ какъ по правиламъ о соучастіи наказаніе недобросовѣстнаго пріобрѣтателя само собою разумѣется, оппонентъ полагаетъ, что здѣсь ст. 13 Улож. о Нак. непримѣнима, ибо здѣсь участіе въ преступленіи двухъ лицъ объясняется не по принципу соучастія, а потому, что самый фактическій составъ преступленія предполагаетъ наличность двухъ лицъ, почему отвѣтственность каждаго должна быть особо оговорена въ законѣ. Но оппонентъ согласенъ съ докладчикомъ, что статья о наказаніи за неосмотрительное внесеніе въ списокъ должна быть отвергнута.

О. Б. Гольдовскій, возражая своимъ оппонентамъ, указалъ, что неведеніе книгъ купцами — фактъ печальный, но онъ находитъ свое объясне-

Digitized by Google

ніе въ общемъ низкомъ уровнѣ знаній торговаго класса въ Россіи. Суды съ этимъ обстоятельствомъ конечно не могутъ не считаться. Что касается предоставленной законопроектомъ иниціативы возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ недобросовѣстнаго должника его кредиторамъ, то эта иниціатива у него ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отнята, такъ какъ уголовное преслѣдованіе въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ кредиторъ понесъ отъ дѣйствій должника убытки и ущербъ. Опредѣлить же наличность этихъ убытковъ можетъ только кредиторъ. Онъ заинтересованное лицо, онъ слѣдовательно и долженъ возбуждать это преслѣдованіе. Въ дѣйствующемъ Конкурс. Уст. это возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ несостоятельнаго должника обставлено большей сложностью, почему кредиторы и предпочитаютъ часто оканчивать дѣла миромъ. Этой сложности законопроектъ избѣгнулъ.

А. Э. Вормсъ, резюмируя пренія, отмѣтилъ, что проектъ страдаетъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что въ немъ смѣшаны двѣ точки зрѣнія на «имущество» торговаго предпріятія: точка зрѣнія германскаго и венгерскаго законодательства. Между тѣмъ эти законодательства построены на совершенно различныхъ принципахъ и приближаться одновременно къ тому и другому невозможно, не рискуя впасть во внутреннее противорѣчіе. Если германское гражданское право, опредѣляя составъ «имущества», включаетъ въ него только активъ, разсматривая пассивъ лишь въ качествѣ обремененія актива, за счетъ коего онъ подлежитъ удовлетворенію, то венгерскій законъ 1908 года понимаетъ подъ составомъ имущества не только активъ, но и пассивъ и разсматриваетъ послѣдній какъ отрицательную составную часть предпріятія. Отсюда по этимъ законодательствамъ наблюдается и различіе въ характерѣ отвѣтственности пріобрѣтателя по долгамъ отчуждателя. По германскому законодательству для отвѣтственности пріобрѣтателя необходимы особыя основанія въ видѣ открытаго или предполагаемаго принятія имъ на себя долговъ предпріятія. Отвѣтственность эта ограничена предѣлами актива. По венгерскому же праву эта отвѣтственность падаетъ на пріобрѣтателя уже въ силу одного факта пріобрѣтенія имъ предпріятія, внѣ установленія какихъ-либо спеціальныхъ для нея основаній, и является неограниченной. Нашъ проектъ, не установивъ правильнаго взгляда на «имущество» предпріятія, не даетъ и правильнаго рѣшенія вопроса объ отвѣтственности пріобрѣтателя по долгамъ предпріятія. Формально онъ стоитъ на почвѣ германскаго закона и устанавливаетъ, что отвѣтственность пріобрѣтателя опредѣляется лишь комплексомъ тѣхъ долговъ, которые внесены въ особый списокъ кредиторовъ. Но въ 5 ст. онъ рецепируетъ точку зрѣнія венгерскаго закона и говоритъ, что, если пріобрѣтеніе совершено съ нарушеніемъ пп. 1—4 данныхъ правилъ, то пріобрѣтатель отвѣчаетъ солидарно съ отчуждателемъ по всѣмъ долгамъ отчуждателя, вытекающимъ изъ его предпріятія. Далѣе предсѣдательствующій отмѣтилъ, что проектъ приравниваетъ къ торговымъ предпріятіямъ и предпріятія промышленныя, что едва ли допустимо, такъ какъ подъ понятіе промышленныхъ предпріятій, по уставу о прямыхъ налогахъ, у насъ подводятся и предпріятія ремесленныя. Обременительной является и устанавливаемая проектомъ нотаріальная форма передачи предпріятія. Она не должна быть обязательной. На ряду съ этимъ проектъ страдаетъ пробѣломъ: онъ совершенно не регламентируетъ послѣдствій частичной передачи предпріятія, какъ напр., передачи филіальнаго отдѣленія. По вопросу о возбужденіи уголовнаго

Digitized by Google

преслѣдованія противъ недобросовѣстнаго должника должно присоединиться къ взгляду докладчика. Въ общемъ, проектъ въ его настоящемъ видѣ страдаетъ односторонностью: онъ считается только съ интересами кредиторовъ и недостаточно считается съ интересами пріобрѣтателя. Эта односторонность не даетъ возможности признать его способнымъ удовлетворить запросамъ современнаго гражданскаго оборота.

Засѣданіе закрыто предсѣдательствующимъ **А. Э. Вормсомъ** въ 12 часовъ ночи.

Предсѣдатель { *Н. Давыдовъ.*
А. Вормсъ.

Секретарь *Н. Вавинъ.*

Digitized by Google

Приложеніе II.

ОТЧЕТЪ

по приходу и расходу денежныхъ средствъ Московскаго Юридическаго Общества за 1913 г.

Digitized by Google

Отчетъ по приходу и расходу денежныхъ средствъ

П Р И Х О Д Ъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Остатокъ съ 1912 г.	1368	52		
2. Членскіе взносы	2570	—		
3. Проценты по текущему счету Моск. куп. о-ва вз. кредита	46	92		
4. Поступленія въ фондъ имени Зарембы	28	—		
5. Проценты по годовому вкладу Моск. куп. о-ва вз. кредита	78	61	4092	05
6. По изданію журнала «Юридическій Вѣстникъ»:				
а) подписная плата и отъ продажи журнала	1331	28		
б) поступленій отъ разныхъ лицъ	4340	—		
в) отъ о-ва имени А. И. Чупрова	150	—		
г) отъ объявленій и проч.	51	92	5873	20
			9965	25

Отчетъ провѣренъ Ревизіонной Комиссіей. Члены: *В. Пржевальскій*, *Н. Муравьевъ*,

Балансъ Московскаго Юриди

А к т и в ъ.	Руб.	Коп.
1. Годовой вкладъ въ Моск. куп. о-вѣ вз. кредита	1778	51
2. Текущій счетъ въ Моск. куп. о-вѣ вз. кредита	332	15
3. Движимое имущество	295	65
4. Въ кассѣ	168	29
	2574	70

17 марта 1914 г. Ревизіонною Комиссіею провѣрено. *В. Пржевальскій*, *И. С. Урысонъ*,

Digitized by Google

Московскаго Юридическаго Общества за 1913 г.

Р А С Х О Д Ъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю	360	—		
2. Плата временнымъ служащимъ	108	—		
3. 5% отчисленіе по сбору членскихъ взносовъ	118	—	586	—
4. Хозяйственные расходы	169	15		
5. Непредвидѣнные расходы (вѣнокъ гр. Камаровскому и юбилей «Русскихъ Вѣдомостей»)	75	—		
6. Изданіе трудовъ о-ва за 1911—1912 г.	518	43		
7. Расходы по церковной комиссіи	30	—	792	58
8. Изданіе журнала «Юридическій Вѣстникъ»:				
а) печатаніе журнала	3735	72		
б) авторскій гонораръ и корректура	2307	44		
в) вознагражденіе редактору	800	—		
г) конторскіе расходы, объявленія	709	46		
д) жалованье служащимъ	440	—		
е) непредвидѣнные расходы	115	—	8107	62
9. На текущемъ счету Моск. куп. о-ва вз. кредита	232	15		
10. На текущемъ счету Моск. куп. о-ва вз. кредита отчисленіе въ фондъ С. А. Муромцева	100	—		
11. Проценты на годовомъ вкладѣ фонда имени Зарембы	78	61		
12. Въ кассѣ	68	29	479	05
			9965	25

Казначей: *Бор. Сыромятниковъ.*
Члены Совѣта: *Н. Давыдовъ, А. Вормсъ, Челищевъ, Н. Тесленко.*

И. С. Урысонъ.

ческаго Общества на 1914 г.

П а с с и в ъ.	Руб.	Коп.
1. Оборотный капиталъ	568	09
2. Капиталъ преміи имени Зарембы	1806	61
3. Капиталъ преміи имени С. А. Муромцева	200	—
	2574	70

Казначей *Бор. Сыромятниковъ.*
Члены Совѣта: *Н. Давыдовъ, А. Вормсъ, Челищевъ, Н. Тесленко.*

Н. Муравьевъ.

Digitized by Google

1.

Совѣтъ Московскаго Юридическаго Общества въ засѣданіи 2 марта 1914 г. постановилъ:

Выразить благодарность А. Л. Форштеттеру, внесшему 300 руб. на покрытіе перерасходовъ по «Юридическому Вѣстнику» за 1913 г., о чемъ и доложить Общему Собранію.

2.

Совѣтъ Московскаго Юридическаго Общества въ засѣданіи 26 марта 1914 г. постановилъ:

Выразить благодарность А. С. Алексѣеву, М. О. Гиршману, И. А. Кистяковскому, М. М. Ковалевскому и А. Л. Форштеттеру за оказаніе «Юридическому Вѣстнику» матеріальной поддержки.

Digitized by Google

Приложеніе III.

Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Протоколы засѣданій отдѣленія Теоретической Экономіи Общества имени А. И. Чупрова.

На засѣданіи отъ 13 ноября 1912 года секціей былъ заслушанъ докладъ Николая Григорьевича **Пѣтухова** о «новѣйшихъ теченіяхъ въ толкованіи догматической стороны ученія о рентѣ Давида Рикардо».

Присутствовало 24 члена секціи. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ **А. А. Манулова**, при секретарѣ **Л. П. Юровскомъ**.

Въ основу своего доклада докладчикъ положилъ новѣйшія изслѣдованія по вопросу о толкованіи ученія о рентѣ Рикардо, преимущественно же Диля и Оппенгеймера. Диль недостаточно оттѣнилъ, что для дифференціальной ренты важна различная продуктивность послѣдовательно затрачиваемыхъ долей капитала, такъ какъ главный признакъ чисто дифференціальной ренты состоитъ въ томъ, что продуктъ предѣльной доли капитала приноситъ ренту равную нулю. По мнѣнію Диля, Рикардо признавалъ возможность образованія абсолютной ренты въ томъ случаѣ, если предположить, что вся свободная земля находится въ частной собственности. Оппенгеймеръ, наоборотъ, полагаетъ, что согласно догмѣ Рикардо монопольная рента немыслима въ конкретныхъ условіяхъ настоящаго или близкаго будущаго. Далѣе Оппенгеймеръ усматриваетъ въ системѣ Рикардо circulus vitiosus, основываясь на томъ, что ученіе о рентѣ основано на ученіи о цѣнности, а ученіе о цѣнности — на ученіи о рентѣ. Докладчикъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ, что тутъ ложный кругъ, и видитъ въ этомъ только органическую связанность разныхъ частей системы. Доминирующей идеей Оппенгеймера является его оптимизмъ по отношенію къ проблемѣ производительности земли. Оппенгеймеръ — противникъ ученія Рикардо и развиваетъ въ своихъ трудахъ ученіе о монопольной рентѣ. Резюмируя свой докладъ, **Н. Г. Пѣтуховъ** полагаетъ, что въ общемъ теорія Рикардо безупречна въ рамкахъ его предпосылокъ; въ то же время она обладаетъ удивительной гибкостью, позволяющей развить ее дальше примѣнительно къ современной дѣйствительности.

Въ обсужденіи доклада принимали участіе **М. Д. Загрядковъ**, **А. А. Мануиловъ**, **Н. А. Каблуковъ**, **Л. Н. Юровскій** и **В. А. Голгофскій**, при чемъ пренія сосредоточились главнымъ образомъ на вопросахъ о томъ, есть ли

Digitized by Google

въ ученіи Д. Рикардо понятіе абсолютной ренты и можетъ ли быть конструировано это понятіе, если исходить изъ тѣхъ предпосылокъ, изъ которыхъ исходилъ Рикардо. Была также отмѣчена неясность и недостаточная теоретическая обоснованность собственныхъ построеній Ф. Оппенгеймера.

На второмъ засѣданіи 30 ноября 1912 года секціей былъ заслушанъ докладъ **М. Д. Загрядскова** о «теоріяхъ городской ренты». Присутствовало 26 членовъ секціи. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ проф. **В. Я. Желѣзнова**, при секретарѣ **Л. Б. Кафенгаузъ.**

Въ преніяхъ принимали участіе гг. **Евтихіевъ, Поплавскій, Н. Г. Нѣтуховъ**, проф. **В. Я. Желѣзновъ, Н. Н. Шапошниковъ**, проф. **П. П. Гензель, Н. Н. Полянскій и докладчикъ.**

Евтихіевъ указываетъ, что докладчикъ не объяснилъ, почему на окраинахъ города создаются огромные дома. Причину образованія желѣзнаго кольца оппонентъ видитъ въ томъ, что въ современныхъ городахъ развиваются окраинные центры. Далѣе административныя мѣропріятія не всегда могутъ оказать противодѣйствіе росту ренты, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ увеличиваютъ налоговое бремя.

Поплавскій указываетъ, что причиной роста городской ренты является не только спросъ со стороны квартиронанимателей, но и спросъ со стороны торговли и промышленности. Далѣе оппонентъ указываетъ, что нѣтъ существенной разницы между городской и земельной сельскохозяйственной рентой, такъ какъ абсолютная земельная сельскохозяйственная рента такъ же, какъ и городская, создается фактомъ ограниченности удобной земли.

Н. Г. Пѣтуховъ указываетъ, что докладчикъ не выяснилъ понятія абсолютной и монопольной ренты и кромѣ того слишкомъ упростилъ конструкцію Визера, придавъ ей классовой характеръ.

Проф. **В. Я. Желѣзновъ** остановился на томъ, что монополія есть понятіе, допускающее извѣстную градацію, поэтому нельзя провести рѣзкой грани между монополіей и свободной конкуренціей.

Н. Н. Шапошниковъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что рента, которую даетъ городская земля, есть только абсолютная. Въ пользу этого положенія докладчикъ привелъ фактъ существованія высокихъ цѣнъ на окраинахъ и отсутствіе свободнаго притока земельныхъ участковъ. Но въ такомъ случаѣ и сельскохозяйственную ренту надо было бы считать монопольной. Между тѣмъ, если даже предложить, что всѣ земли заняты, то, какъ указываетъ Борткевичъ, можно конструировать ренту какъ исключительно дифференціальную. Городская рента носила бы монопольный характеръ, если докладчикъ доказалъ, что предѣлъ интенсификаціи застройки въ современныхъ городахъ уже достигнутъ.

Проф. **П. П. Гензель** указываетъ, что городская стройка имѣетъ нѣкоторыя особенности, требующія вмѣшательства государства. Домостроительство требуетъ такихъ крупныхъ капиталовъ, что они затрачиваются только тогда, когда квартирный кризисъ принимаетъ острыя формы. Своеобразный характеръ русскаго квартирнаго кризиса заключается въ томъ, что жизнь городская сконцентрирована у насъ въ центрѣ города больше, чѣмъ на Западѣ. Поэтому муниципальной политикѣ поставленъ извѣстный предѣлъ историческими условіями развитія русскихъ городовъ.

Н. Н. Полянскій указалъ на своего рода безвыходное положеніе создающееся въ городахъ вмѣстѣ съ примѣненіемъ административнаго права. Съ одной стороны, современный городъ превращается въ островъ, и потому

Digitized by Google

административное право должно бороться съ отрицательными сторонами этого острова, а съ другой, — административное право само создаетъ изъ города островъ.

На третьемъ засѣданіи 31 января 1913 года **П. Н. Шапошниковъ** прочелъ докладъ о «новѣйшихъ теченіяхъ въ теоріи распредѣленія».

Присутствовало 34 члена Секціи. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ **В. Я. Желѣзнова** при секретаряхъ **Л. Н. Юровскомъ** и **Л. Б. Кафенгаузъ.**

Докладчикъ заявилъ, что его желаніемъ является представить на судъ собранія свое изслѣдованіе: «Теорія цѣнности и распредѣленія». Въ докладѣ онъ формулировалъ основные тезисы своей работы. Н. Н. Шапошниковъ указалъ на необходимость критиковать теоріи экономистовъ, строящихъ свои выводы на предпосылкѣ совершенной конкуренціи, становясь на ту почву, на которой стоятъ критикуемые ученые. Докладчика интересовали два основныхъ теченія въ теоріи распредѣленія: теоріи воздержанія и лажа, съ одной стороны, теоріи предѣльной производительности, — съ другой. Онъ особенно внимательно останавливается на ученіяхъ Бемъ Баверка, Тюнена и Кларка и приходитъ къ выводу, что ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не въ состояніи доказать, что источникъ прибыли и всѣхъ вообще нетрудовыхъ доходовъ коренится въ естественныхъ условіяхъ хозяйства. Этотъ выводъ заставляетъ Н. Н. Шапошникова поставить вопросъ, возможна ли вообще абстрактно-дедуктивная теорія распредѣленія. Докладчикъ полагаетъ, что едва ли возможна такая теорія, достаточно освѣщающая разсматриваемую проблему.

Въ преніяхъ, вызванныхъ докладомъ, принимали участіе **С. П. Прокоповичъ, З. С. Каценеленбаумъ, Л. Н. Юровскій, Л. Б. Кафенгаузъ, А. С. Орловъ, С. А. Первушинъ, Н. Г. Пѣтуховъ** и **В. Я. Желѣзновъ.**

С. П. Прокоповичъ указалъ на необходимость полнаго отдѣленія теоретической проблемы отъ соціально-политической. Онъ отрицалъ далѣе существованіе непримиримаго противорѣчія между теоріями, исходящими изъ предпосылки совершенной конкуренціи, и тѣми, которыя принимаютъ во вниманіе соціальные моменты, теоріями эксплоатаціи. Оппонентъ закончилъ нѣкоторыми замѣчаніями въ защиту ученія о падающей производительности капитала и труда, лежащаго въ основѣ теоріи Кларка.

З. С. Каценеленбаумъ полагаетъ, что во всемъ трудѣ Н. Н. Шапошникова больше всего сомнѣній возбуждаетъ глава о теоріи предѣльной производительности. Н. Н. не далъ достаточнаго обоснованія того, что теорія Кларка съ внутренней стороны вполнѣ выдержана. Онъ не подвергаетъ достаточной критикѣ самый методъ Кларка, въ основѣ котораго лежитъ смѣшеніе статической и динамической точки зрѣнія. У Кларка можно замѣтить двоякую конструкцію закона паденія производительности послѣдовательныхъ долей труда и капитала, — двойственность, которой Николай Николаевичъ не замѣчаетъ. Наконецъ у Кларка не выяснено понятіе послѣдней доли труда и капитала и не указана единица ихъ измѣренія.

Л. Н. Юровскій полагалъ, что Н. Н. Шапошникову не удалось опровергнуть возраженіе Бемъ Баверка на теоріи производительности и что критическія замѣчанія докладчика относительно ученія о падающей производительности капитала недостаточны.

Л. Б. Кафенгаузъ остановился на критикѣ Н. Н. ученія объ органическомъ составѣ капитала. Онъ не можетъ согласиться съ докладчикомъ,

Digitized by Google

чтобы сліяніе предпріятій производящихъ готовые фабрикаты съ предпріятіями, добывающими сырые продукты, могло измѣнить органическій составъ капитала. Далѣе его не удовлетворяетъ критика Н. Н. теоріи воздержанія, такъ какъ самъ Н. Н. признаетъ необходимость воздержанія въ динамикѣ народнаго хозяйства. Наконецъ онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, которое докладчикъ придалъ теоріи Тюнена о естественной заработной платѣ.

А. С. Орловъ высказалъ мнѣніе, что логически стройную теорію распредѣленія дедуктивнымъ путемъ построить возможно, но что такая теорія будетъ отдѣлена непроходимой пропастью отъ дѣйствительности.

С. А. Первушинъ поставилъ докладчику нѣсколько вопросовъ, касавшихся различныхъ частей его труда.

Н. Г. Нѣтуховъ обратилъ вниманіе на то, что докладчикомъ недостаточно выяснено значеніе «воздержанія» въ динамическомъ хозяйствѣ.

В. Я. Желѣзновъ отмѣтилъ строго теоретическую постановку вопроса въ изслѣдованіи Н. Н., а также ясность изложенія и удачный выборъ матеріала. Въ упрекъ докладчику онъ поставилъ недостаточную смѣлость въ изложеніи собственныхъ построеній.

На четвертомъ засѣданіи 3 апрѣля 1913 года былъ заслушанъ докладъ **В. Я. Желѣзнова.** «Къ теоріи городской ренты».

Засѣданіе, въ которомъ присутствовало 30 членовъ общества, происходило подъ предсѣдательствомъ **А. А. Мануилова** при секретарѣ **Л. Б. Кафенгаузъ.**

Докладъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1913 годъ.

Въ преніяхъ принимали участіе: **С. Н. Прокоповичъ, М. Д. Загряцковъ, Н. Г. Пѣтуховъ и А. А. Мануиловъ.**

С. Н. Прокоповичъ не согласенъ съ мнѣніемъ докладчика, что принципъ надбавки противорѣчитъ дифференціальной рентѣ. Дѣло въ томъ, что классики въ политической экономіи исходили изъ процесса установленія рыночныхъ цѣнъ на однокачественные продукты; но въ настоящее время мы должны обратить вниманіе на процессъ образованія цѣнъ на разнокачественные продукты. Если принять во вниманіе, что въ городской рентѣ мы имѣемъ дѣло съ процессомъ установленія цѣнъ на однородные, но разнокачественные продукты, то нельзя будетъ найти противорѣчія между принципомъ надбавокъ и дифференціальной рентой.

М. Д. Загряцковъ указываетъ, что нельзя провести полной аналогіи между сельскохозяйственной и городской рентой. Городъ представляетъ собою не только центръ производства, но и потребленія: поэтому городская рента и складывается подъ вліяніемъ гораздо болѣе сложныхъ фактовъ, чѣмъ рента сельскохозяйственная. Работы Визера по этому вопросу замѣчательны тѣмъ, что они даютъ яркую характеристику вліянія разныхъ группъ городского населенія на величину ренты.

Н. Г. Пѣтуховъ указывалъ на то, что: 1) говоря о рентѣ Рикардо, слѣдуетъ разсматривать ее не только какъ функцію разницы въ качествѣ и плодородіи земель, но и какъ функцію цѣны — Рикардо часто говоритъ объ этомъ, особенно въ главахъ о налогахъ. При этомъ у Рикардо встрѣчаются намеки на существованіе разнородныхъ культуръ; 2) городская рента можетъ быть теоретически построена совершенно аналогично дифференціальной земельной рентѣ — не есть ли большая цѣнность наилучше расположеннаго участка результатъ его большей (съ психологической точки зрѣнія

Digitized by Google

продуктивности при равныхъ издержкахъ; 3) опять-таки монопольная городская рента можетъ быть свободно объяснена съ помощью теоріи Рикардо, разъ только допустить для извѣстнаго періода юридически обусловленный моментъ искусственнаго ограниченія земельнаго фонда (спекулянты сознательно воздерживаются отъ застройки скупленныхъ земель).

А. А. Мануиловъ, возражая С. Н. Прокоповичу, указываетъ, что цѣнъ на однородные, но разнокачественные продукты не можетъ быть, такъ какъ цѣны разнокачественныхъ товаровъ суть цѣны разныхъ товаровъ и съ этой точки зрѣнія всѣ различія въ цѣнахъ разныхъ товаровъ будутъ сведены къ дифференціальной рентѣ.

В. Я. Желѣзновъ, отвѣчая своимъ оппонентамъ, указываетъ, что онъ принялъ во вниманіе фактъ разнокачественности продуктовъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло въ теоріи городской ренты. Визеръ тоже вводитъ въ свою теорію разнокачественные продукты и тѣмъ не менѣе видитъ коренное различіе между рентой городской и сельскохозяйственной. Далѣе для теоріи городской ренты не имѣетъ существеннаго значенія тотъ фактъ, что городъ есть не только центръ производства, но и центръ потребленія. Съ точки зрѣнія теоріи городской ренты городъ есть центръ производства квартиръ. Въ городѣ тоже можетъ имѣть значеніе законъ уменьшенія доходности послѣдовательныхъ затратъ капитала. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между городской и сельскохозяйственной рентой.

Засѣданіе 18 октября 1913 года.

На пятомъ засѣданіи Отдѣленія 18 октября 1913 года **А. В. Чаяновъ** прочелъ докладъ «Основы сложенія потребительскаго бюджета». Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ **Н. Н. Шапошникова** при секретарѣ **Л. Б. Кафенгаузъ.**

А. В. Чаяновъ: Предлагая Вашему вниманію свое изслѣдованіе объ основахъ сложенія индивидуальнаго бюджета («Очерки по теоріи трудового хозяйства» вып. II Москва 1913), я позволю себѣ остановиться болѣе подробно на тѣхъ методахъ анализа, которые легли въ основу этой работы. Объектомъ моихъ изслѣдованій является такая область хозяйственной жизни, явленія которой носятъ, какъ это кажется съ перваго взгляда, совершенно ирраціональный характеръ. Однако наблюдая всю массу явленій, протекающихъ въ этой области, мы должны признать, что нѣкоторыя наблюденныя нами величины и зависимости постоянно повторяются. Такъ напримѣръ, еще въ серединѣ XIX вѣка Энгель установилъ постоянно повторяющуюся зависимость между ростомъ бюджета и уменьшеніемъ % значенія расходовъ на пищу. Въ настоящее время бюджетныя изслѣдованіи даютъ гораздо болѣе обильный матеріалъ, и, разрабатывая ихъ, мы можемъ установить цѣлый рядъ другихъ постоянныхъ зависимостей между явленіями индивидуальной хозяйственной дѣятельности. Эмпирическое установленіе подобныхъ постоянностей и явилось первой задачей нашего изслѣдованія. Мы путемъ разработки русскаго и германскаго бюджетнаго матеріала установимъ характеръ зависимости между составомъ бюджета и размѣромъ семьи при одинаковыхъ степеняхъ обезпеченности потребительской единицы, между составомъ бюджета и его размѣромъ для различныхъ соціальныхъ круговъ и національностей, между замѣной однихъ продуктовъ другими, лучшими по качеству и размѣромъ бюджета и т. п. Въ итогѣ этой

Digitized by Google

первой части нашей работы мы установили, что изъ общей массы ирраціональныхъ явленій индивидуальнаго потребленія мы можемъ выдѣлить рядъ явленій и величинъ, находящихся между собою въ постоянныхъ функціональныхъ зависимостяхъ. Установленныя такимъ образомъ «постоянности» были сведены нами въ систему путемъ раціонализаціи ихъ методами теоретической экономіи, т.-е. путемъ объясненія ихъ элементарными мотивами хозяйственной дѣятельности. Оказалось, что установленныя нами «постоянности» легко поддаются такой раціонализаціи и получившаяся раціональная система даетъ простое и ясное понятіе о характерѣ человѣческаго поведенія въ сферѣ индивидуальной хозяйственной дѣятельности. Мы не придаемъ самодовлѣющаго значенія нашей теоретической системѣ, слишкомъ элементарной для того, чтобы объяснить всю многосложность дѣйствительной жизни, но утверждаемъ, что она вполнѣ достаточна для раціонализаціи того круга «постоянностей», которыя были нами установлены. Весьма вѣроятно, что по мѣрѣ дальнѣйшаго обогащенія нашего опыта новымъ эмпирическимъ матеріаломъ и установленія новыхъ «постоянностей» наша теоретическая система должна осложниться допущеніемъ новыхъ мотивовъ и новыхъ обстоятельствъ. Быть можетъ, намъ придется впослѣдствіи даже вовсе отказаться отъ нашей теоретической системы. Мы утверждаемъ только, что при настоящемъ составѣ нашего опыта она достаточна и наиболѣе просто объясняетъ всѣ наблюденныя постоянности. Предлагаемая Вашему вниманію работа построена на основѣ вышеизложеннаго метода анализа, и авторъ ожидаетъ услышать сужденіе теоретической секціи по вопросу о томъ, насколько означенный методъ имѣетъ право гражданства въ средѣ другихъ пріемовъ изслѣдованія экономическихъ проблемъ.

Въ преніяхъ принимали участіе гг. **П. Н. Лепешинскій, С. А. Первушинъ, В. И. Анисимовъ, В. А. Голгофскій, Н. Н. Шапошниковъ.**

П. Н. Лепешинскій. Авторъ доклада о сложеніи потребительскаго бюджета поставилъ въ самую тѣсную связь ходъ своихъ мыслей по существу разбираемаго вопроса съ нѣкоторыми теоретическими положеніями, которыя онъ обосновываетъ и разсматриваетъ при свѣтѣ математическаго анализа. Но, какъ мнѣ кажется, для его цѣлей было бы вполнѣ достаточно не столько совершать экскурсы въ область математическаго анализа, сколько использовать рядъ самыхъ простыхъ, самыхъ элементарныхъ ариѳметическихъ примѣровъ въ видѣ иллюстраціи къ своимъ экономическимъ теоремамъ. Ограничившись простой ариѳметикой съ ея 4-я дѣйствіями, онъ дѣйствительно смогъ бы облегчить читателю пониманіе излагаемыхъ имъ принциповъ. Попытки же использованія имъ болѣе сложной математической фразеологіи слѣдуетъ признать не совсѣмъ удачными, а иногда даже и совсѣмъ неудачными, ибо, съ одной стороны, ясныя и простыя во многихъ случаяхъ истины, которыя авторъ предлагаетъ вниманію читателя, становится и неясными, и не простыми въ глазахъ читателя книги г. Чаянова, какъ только этотъ послѣдній начинаетъ ихъ углублять и подкрѣплять аргументами математическаго порядка, а съ другой стороны бываетъ и такъ, что его крайне оригинальные, неожиданно смѣлые и парадоксальные тезисы изъ области экономики при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются въ такой же мѣрѣ сомнительными, какъ и математическій источникъ ихъ происхожденія.

Приведу 2—3 примѣра въ подтвержденіе сказаннаго.

На стран. 30—31 реферированной здѣсь книги трактуется вопросъ

Digitized by Google

о судьбѣ двухъ группъ потребностей: группы А, допускающей экономію при многосемейности ѣдока, и группы В, не поддающейся экономіи. При этомъ авторъ выражаетъ ту мысль, что расходъ на удовлетвореніе потребностей группы А — въ случаѣ неизмѣнности бюджета — либо растетъ при увеличеніи многосемейности, либо сокращается, — однимъ словомъ, измѣняется въ зависимости отъ соотношенія, какъ онъ говоритъ, мѣры эластичности потребностей этой группы съ мѣрой полученной экономіи, между тѣмъ какъ группа В имѣетъ другую судьбу. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Если группа В (напр., одежда и т. п.) требуетъ у многосемейнаго ѣдока расхода, выражаемаго 20 рублями, а группа А (напр., пища и пр.) — 80 такими же единицами цѣнности, то экономія въ 10 рублей, обусловленная выгодами многосемейнаго бюджета, не даетъ, вообще говоря, при томъ же общемъ 100-рублевомъ бюджетѣ, увеличенія расходовъ для группы А по количеству затраченныхъ единицъ цѣнности (т.-е. не будетъ больше 80 рублей); что же касается количества продуктовъ, то оба слагаемыхъ общаго бюджета возрастутъ, при чемъ не только для группы А, но и для группы В въ зависимости отъ *однихъ и тѣхъ же факторовъ*, т.-е. въ зависимости отъ соотношенія мѣры ихъ эластичности (выражаясь языкомъ автора) съ мѣрой достигнутой экономіи. Такимъ образомъ на одежду и вообще на удовлетвореніе потребностей группы В будетъ израсходовано не 20 руб., какъ это соотвѣтствовало случаю малосемейности, а 21 руб., 22 руб. и и т. д. (не болѣе, однако, 20 руб+10 руб=30 руб.), а на пищу и другія потребности группы А не 80 руб., а 79, или 78 и т. д. (не менѣе, впрочемъ, 70 руб.).

Что же отвлекло вниманіе автора отъ этихъ простыхъ истинъ и что подсказало ему нѣчто большее того, что можетъ дать любой гипотетическій примѣръ въ такомъ же родѣ? Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ онъ сталъ жертвой своего собственнаго «математическаго анализа». Въ концѣ стран. 30-й онъ выражаетъ предпосылку о неизмѣнности общихъ бюджетовъ въ двухъ разсматриваемыхъ случаяхъ съ помощью равенства:

$$\omega_n(y_n)=\omega_{n+1}(y_{n+1}).$$

Вычитая затѣмъ изъ обѣихъ частей равенства одну и ту же величину $\omega_{(n+1)}(y_n)$, онъ, конечно, не нарушаетъ этимъ самымъ только что установленнаго тождества. Но нѣсколькими строками ниже онъ оперируетъ уже съ нѣкоторой дробью K., появившейся deus ex machina, у которой числитель есть одна часть равенства, а знаменатель — другая, и которая по существу вопроса не должна быть не чѣмъ инымъ, какъ только величиной, равной единицѣ, а по предположенію автора можетъ быть то больше 1, то меньше ея, отражая будто бы въ этихъ своихъ варіаціяхъ судьбу потребностей группы А.

Совершенно такое же «недоразумѣніе» имѣетъ мѣсто и на стран. 56, гдѣ сравниваются бюджеты рабочихъ и служащихъ.

А вотъ и еще примѣръ неудачнаго экскурса въ область математики. На стран. 64 указывается законъ полученія функціи, выражающей субъективную оцѣнку затраченнаго n'аго рубля на потребность, которая въ примѣрѣ автора стала удовлетворяться вдвое дешевле противъ прежняго. Законъ этотъ выраженъ общей формулой такъ:

$$\varphi_{a/2}(n)=\varphi_a(2n-1)+\varphi_a(2n),$$

что означало бы слѣдующее: субъективная оцѣнка n'аго рубля при цѣнѣ $= {}^1/_2\,a$ складывается изъ двухъ величинъ: субъективной оцѣнки при цѣнѣ=a

Digitized by Google

отъ затраченнаго $(2n-1)$ рубля и слѣдующаго затѣмъ $2n$ рубля. Откуда сіе? Я думаю, что это болѣе чѣмъ произвольная зависимость между указанными величинами... Это скорѣе какой-то математическій ребусъ, разгадать который я не берусь.... Казалось бы, что естественнѣе всего предположить такое равенство $\varphi^a/_2(n)=\varphi_a(2n)$, т.-е. равенство субъективныхъ отношеній потребителя къ затратѣ 10 руб. на продуктъ дорогой и 5 руб. на продуктъ въ томъ же количествѣ, но болѣе дешевый, и совершенно непонятно, при чемъ тутъ еще $\varphi_a(2n-1)$. Произвольность допущенной авторомъ этой алгебраической предпосылки сопровождается и построеніемъ соотвѣтствующаго графика на стран. 65: линія C_2D_2, выражающая собою кривую насыщенія потребности при низкой цѣнѣ, вмѣсто того, чтобы исходить изъ одной и той же начальной точки, вмѣстѣ съ кривой C_1D_1 (кривой насыщенія потребности при высокой цѣнѣ), — или, иначе говоря, вмѣсто того, чтобы давать одну и ту же ординату при абсциссѣ (величинѣ расхода), равной нулю, имѣетъ совершенно другую ординату: точка C_2 лежитъ гораздо выше, чѣмъ точка C_1. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ автора къ нѣсколькимъ парадоксальнымъ выводамъ, которые безъ вышеуказаннаго произвольнаго допущенія не могли бы имѣть мѣста. Одинъ, напр., изъ выводовъ гласитъ, что «при низшихъ степеняхъ обезпеченія паденіе цѣны вызоветъ такое увеличеніе потребленія, что возрастетъ не только количество потребляемаго продукта, но и его стоимость». Это означало бы, напр., что, затрачивая 2 рубля въ мѣсяцъ на покупку пуда хлѣба, я, при удешевленіи хлѣба вдвое, — если мой бюджетъ вообще не великъ — стану покупать его не на 2 рубля, а, скажемъ, на 3 рубля (въ ущербъ, очевидно, другимъ потребностямъ) и буду такимъ образомъ съѣдать по 3 пуда въ мѣсяцъ... Быть можетъ, мой желудокъ въ концѣ концовъ и не выдержитъ такого переобремененія его некстати подешевѣвшимъ хлѣбомъ, но что же подѣлаешь!.. Онъ обязанъ подчиняться объективнымъ законамъ математической дедукціи, которой рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до его протестовъ и до его затруднительныхъ состояній физіологическаго свойства.

С. А. Первушинъ. Докладъ А. В. Чаянова заключаетъ въ себѣ немало весьма спорныхъ мѣстъ. Такъ, прежде всего вызываетъ серьезныя возраженія примѣненіе высшей математики въ экономическомъ анализѣ. Послѣднее допустимо лишь въ томъ случаѣ, если доказано, что экономическія явленія подлежатъ количественной оцѣнкѣ, что они могутъ имѣть —и дѣйствительно имѣютъ, — точную единицу мѣры. Между тѣмъ этотъ вопросъ докладчикомъ совершенно не выясненъ и по существу весьма споренъ. Многіе видные экономисты рѣшаютъ его въ отрицательномъ смыслѣ (сошлюсь на Лексиса и Зомбарта, наконецъ у насъ на А. М. Рыкачева — ср. его «Деньги и денежная власть»). У тѣхъ изслѣдователей, которые пользуются высшей математикой въ своемъ анализѣ и на которыхъ ссылается А. В. Чаяновъ (Lieben, Auspitz, Walras и Pareto), возможность примѣненія высшей математики въ политической экономіи никакъ не обоснована. Въ трудахъ же А. В. Чаянова примѣненіе высшей математики вызываетъ тѣмъ большія возраженія, что оно не вытекаетъ изъ существа дѣла. Въ его построеніяхъ математика не играетъ рѣшительно никакой роли. Весь ходъ разсужденій вполнѣ понятенъ безъ математики (и совершенно независимъ отъ нея). Послѣдняя есть не что иное, какъ подстрочный переводъ неизвѣстно для кого сдѣланный и лишь затрудняющій усвоеніе работы. Мы согласны съ докладчикомъ, что нерѣдко математическая форма позволяетъ лучше

Digitized by Google

оттѣнить ту или иную мысль, часто при помощи математическихъ знаковъ или графиковъ можно полнѣе и яснѣе изложить на нѣсколькихъ строкахъ то, для чего потребовалось бы нѣсколько страницъ. Поэтому мы допускаемъ иногда примѣненіе ихъ, но мы желали бы, чтобы изслѣдователи соблюдали въ этомъ отношеніи умѣренность и осторожность, чтобы это было скорѣе исключеніемъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда обыкновенный языкъ безсиленъ), но никакъ не общимъ правиломъ (вѣдь математическій языкъ — языкъ условный и не для всѣхъ доступный). Да и въ особыхъ случаяхъ, когда безъ математическихъ знаковъ трудно обойтись, не лучше ли отнести математику въ подстрочныя примѣчанія или даже въ приложенія, какъ это дѣлаетъ Marshall.

Положительное содержаніе работы докладчика состоитъ въ томъ, что онъ строитъ скалу эластичности для различныхъ статей расходнаго бюджета на основаніи анализа большого количества бюджетныхъ данныхъ. Сущность его выводовъ по этому вопросу можетъ быть формулирована такъ: эластичность потребности (и соотвѣтствующихъ той или иной потребности расходовъ) постепенно увеличивается отъ элементарныхъ — необходимыхъ потребностей къ потребностямъ культурнымъ. Это положеніе въ соединеніи съ извѣстнымъ закономъ Gossen'a позволяетъ сдѣлать слѣдующій выводъ «Съ ростомъ бюджета расходъ на пищу и предметы первой необходимости относительно падаетъ».

Такимъ образомъ, скала эластичности, полученная А. В. Чаяновымъ, позволяетъ на нашъ взглядъ превратить эмпирическій законъ Энгеля въ научный законъ, исходя изъ закона Госсена. Иначе говоря продолжая свою работу, А. В. Чаяновъ можетъ построить мостъ между закономъ Госсена, съ одной стороны, и Энгеля, съ другой, что представляетъ на мой взглядъ одну изъ важныхъ очередныхъ задачъ въ области теоріи массоваго потребленія.

Н. П. Шапошниковъ, признавая интересной попытку докладчика объяснить, исходя изъ принциповъ абстрактной теоріи потребленія, результаты бюджетныхъ изслѣдованій, указалъ на то, что докладчикъ напрасно, по его мнѣнію, мало обращаетъ вниманія на возможность прерыва функціи полезности. Тѣ особенности эмпирическаго бюджетнаго матеріала, къ которымъ докладчикъ подыскивалъ нелишенныя интереса объясненія, можетъ быть просто объясняются прерывомъ функціи полезности. Большую дробимость нашей денежной единицы нельзя считать основаніемъ для принятія непрерывности функціи полезности. Для этого надо предполагать большую дробимость потребностей, а не денежной единицы. Затѣмъ Н. Н. Шапошниковъ указалъ на нѣкоторое, въ ущербъ ясности изложенія, злоупотребленіе математикой, въ частности — алгебраическими символами. Геометрическія построенія докладчика также могли бы быть упрощены. Сравнивать возрастаніе расходовъ по отдѣльнымъ статьямъ бюджета и заключать отсюда о сравнительной эластичности отдѣльныхъ потребностей можно и не прибѣгая къ построенію особой кривой оцѣнки предѣльнаго рубля.

В. А. Голгофскій предполагалъ, что докладчикъ укажетъ, какое значеніе имѣютъ приводимые имъ графики, между тѣмъ докладчикъ отъ выводовъ отказывается и предлагаетъ данному собранію обсуждать только правильность его графическаго метода. Это болѣе умѣстно въ Статистическомъ Отдѣленіи Общества.

В. И. Анисимовъ. Въ основѣ доклада лежитъ идея гармоничнаго сочетанія отдѣльныхъ частей бюджета; однако эту идею надо доказать. Такъ

Digitized by Google

какъ нѣкоторыхъ потребностей нельзя дробить, то мы и не можемъ получить гармоническаго сложенія бюджета. Поэтому и вся попытка докладчика раціонализировать правильности, лежащія въ основѣ сложенія потребительскаго бюджета, можетъ быть поколеблена.

А. В. Чаяновъ. Примѣненный мною методъ анализа экономической жизни, т.-е. методъ эмпирическаго установленія ряда «постоянностей» и ихъ послѣдующей раціонализаціи элементарными мотивами хозяйственной дѣятельности, не встрѣтилъ возраженій со стороны теоретической секціи и даже далъ поводъ С. А. Первушину упомянуть, что продолженіе моихъ работъ можетъ перекинуть мостъ отъ эмпирическаго закона Энгеля къ теоретической системѣ Госсена.

Зато методъ изложенія моей работы вызвалъ рядъ весьма серьезныхъ замѣчаній, направленныхъ главнымъ образомъ противъ примѣненія алгебраическаго выраженія экономическихъ разсужденій.

Весьма вѣроятно, что мой недостаточный опытъ математическаго изложенія своихъ мыслей повелъ къ цѣлому ряду неясностей и недоразумѣній, но все же несомнѣнно, что между мною и моими оппонентами существуетъ и принципіальное расхожденіе въ пониманіи значенія математическихъ выкладокъ.

Мои оппоненты (г. Лепешинскій) находятъ, что для иллюстраціи своихъ мыслей я могъ бы воспользоваться простыми примѣрными ариѳметическими выкладками и этимъ могъ бы облегчить читателю пониманіе излагаемыхъ мною теорій. Въ этомъ и кроется главное недоразумѣніе, такъ какъ я своими математическими выкладками ничего не иллюстрирую и ни въ какомъ случаѣ не стремлюсь облегчить читателю чтеніе своей книги. Приводя параллельно текстовому разсужденію разсужденіе, математически выраженное, я даю этимъ наиболѣе строгій и исчерпывающе обоснованный выводъ изъ принятыхъ мною посылокъ. Математическія формулы являются не орудіемъ популяризаціи, а орудіемъ анализа. Обращу Ваше вниманіе на ходъ моихъ работъ, которыя шли въ нижеслѣдующей послѣдовательности.

Первоначально анализъ велся графически и на основаніи разсмотрѣнія графиковъ были сдѣланы всѣ важнѣйшіе выводы.

Однако всякое графическое изображеніе есть только частный случай, начертаніе котораго произвольно. Давая произвольное теченіе начертаннымъ линіямъ, мы тѣмъ самымъ вводимъ посторонній элементъ въ нашъ анализъ, включаемъ данное, не содержащееся въ основномъ заданіи, благодаря чему возможенъ рядъ ложныхъ выводовъ.

Поэтому, добывая какой-либо выводъ графически, я сейчасъ же стремился придать своимъ разсужденіямъ болѣе общую алгебраическую форму и тѣмъ выбросить всѣ произвольные побочные элементы содержащіеся, въ графическомъ анализѣ. Этимъ и закончилась моя теоретическая работа, и, только подготовляя книгу къ печати, я снабдилъ свои выводы текстовыми комментаріями.

Думаю, что такой методъ работы и изложенія зависитъ отчасти и отъ моего склада мышленія, а отчасти и отъ малаго моего умѣнія владѣть современнымъ экономическимъ языкомъ.

С. А. Первушинъ указываетъ, ссылаясь на Лексиса, что «примѣненіе высшей математики въ экономическомъ анализѣ допустимо только въ томъ случаѣ, если доказано, что экономическое явленіе подлежитъ количественной оцѣнкѣ, что они могутъ имѣть точную единицу мѣры».

Digitized by Google

Думаю, что это возраженіе бьетъ мимо ближайшей цѣли (математической формы анализа) и всецѣло относится къ всѣмъ теоріямъ, базирующимся на принципѣ предѣльной полезности... Мнѣ кажется, если будетъ признано, что полезности различныхъ послѣдовательно потребляемыхъ единицъ продукта могутъ сравниваться между собою и безъ точнаго выраженія субъективныхъ оцѣнокъ въ какой-либо единицѣ мѣры, могутъ признаваться равными или неравными другъ другу, то этого признанія достаточно для возможности пользоваться принципомъ предѣльной полезности.

А предлагаемый мною методъ изложенія опирается исключительно только на констатированіе факта равенства и неравенства и не содержитъ въ себѣ никакого именованнаго выраженія субъективныхъ оцѣнокъ какими-либо единицами мѣры, а потому ничего новаго не вноситъ въ обычные методы разсужденій, опирающихся на принципъ предѣльной полезности.

Г-нъ Лепешинскій указываетъ далѣе, что пользованіе математикой приводитъ меня къ экономическимъ абсурдамъ. Думаю, то это — недоразумѣніе, получившееся отъ недостаточно внимательнаго чтенія текста. Дѣло идетъ о вліяніи многосемейности на составъ бюджета. Раздѣливъ бюджетные расходы на двѣ группы (расходы А, дающіе экономію въ дешевомъ потребленіи при увеличеніи размѣра семьи, и расходы В, подобной экономіи не дающіе), я утверждаю, что при увеличеніи многосемейности съ сохраненіемъ того же уровня бюджета «ѣдока» расходы группы А дадутъ экономію равную на одного ѣдока величинѣ a рублей; означенная сумма a рублей будетъ потрачена на дальнѣйшее удовлетвореніе потребностей и пойдетъ частью на расходы по группѣ А, частью на расходы по группѣ В.

Сообразно этому при увеличеніи размѣра семьи съ сохраненіемъ той же величины бюджета ѣдока —

1) увеличивается общая степень удовлетворенія потребностей и слѣдовательно уменьшается опредѣляющая величина y;

2) расходы группы В увеличиваются, такъ какъ полностью остаются неизмѣнными всѣ расходы, бывшіе при меньшей степени многосемейности и къ нимъ прибавляются расходы, дѣлаемые за счетъ экономіи въ расходахъ группы А;

3) расходы группы А въ суммѣ для всей группы уменьшаются такъ какъ экономія, полученная за ихъ счетъ, цѣликомъ къ нимъ не возвращается, а частью идетъ на расходы группы В.

Однако для отдѣльныхъ расходовъ, входящихъ въ группу А, это правило не всегда приложимо, какъ сіе видно изъ слѣдующей цитаты моей книги (стран. 30):

«Что же касается потребностей группы А, то онѣ претерпѣваютъ различную судьбу; наибольшая часть ихъ сократится и тѣмъ наглядно укажетъ на то, что онѣ допускаютъ экономію при многосемейности.

Но возможенъ случай, когда потребности, допускающія экономію, дадутъ при равновеликомъ бюджетѣ одинаковыя величины расхода какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ семьяхъ, если даже повысятъ размѣръ потребленія при увеличеніи семьи.

Для того, чтобы размѣръ расхода остался безъ измѣненія, необходимо, чтобы

$$\omega_n(y)_n(=\omega_{n+1}(y_{n+1}),$$

что въ свою очередь, требуетъ

$$\omega_n(y_n)-\omega_{n+1}(y_n)=\omega_{n+1}(y_{n+1})-\omega_{n+1}(y_n),$$

Digitized by Google

то-есть, чтобы экономія отъ многосемейности при удовлетвореніи потребности въ большой семьѣ до степени равно-великой удовлетворенію въ меньшей семьѣ, была бы равна приросту потребленія, вызванному повышеніемъ общей степени насыщенія потребностей въ большей семьѣ (вызванному уменьшеніемъ величины y).

Такимъ образомъ, судьба каждой изъ потребностей группы А зависитъ отъ величины соотношенія

$$K = \frac{\omega_{n+1}(y_{n+1}) - \omega_{n+1}(y_n)}{\omega_n(y_n) - \omega_{n+1}(y_n)}.$$

Если $K > 1$, то расходъ на потребность при неизмѣняемомъ бюджетѣ «ѣдока» растетъ при увеличеніи многосемейности. Если $K < 1$, то расходъ сокращается.

Такъ какъ величина $[\omega_{n+1}(y_{n+1}) - \omega_{n+1}(y_n)]$ зависитъ отъ мѣры эластичности потребности, а величина $[\omega_n(y_n) - \omega_{n+1}(y_n)]$ представляетъ собою мѣру экономіи отъ многосемейности, то можно сказать, что судьба потребностей группы А зависитъ отъ соотношенія ихъ мѣры эластичности съ мѣрой экономіи».

Изъ цитаты ясно, что для отдѣльной потребности входящей въ группу А выраженіе

$$\omega_n(y_n) = \omega_{n+1}(y_{n+1}),$$

не представляетъ собою тождества, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ

$$\omega_n(y_n) > \omega_{n+1}(y_{n+1}),$$

что и обусловливаетъ собою общую экономію по всей группѣ В.

Но въ отдѣльныхъ случаяхъ мы можемъ столкнуться съ вышеприведеннымъ равенствомъ или даже обратнымъ неравенствомъ.

$$\omega_n(y_n) < \omega_{n+1}(y_{n+1}).$$

А разъ это такъ, то и отношеніе К въ большинствѣ случаевъ будетъ менѣе единицы и только въ исключительныхъ случаяхъ будетъ равно или болѣе единицы.

То же самое мы имѣемъ и въ разсужденіяхъ на стран. 56.

Гораздо серьезнѣе замѣчаніе г. Лепешинскаго къ стран. 64.

Г-нъ Лепешинскій утверждаетъ: «казалось бы, что естественнѣе всего предположить такое равенство: $\varphi_{a/2}(n) = \varphi_a(2n)$ т.-е. равенство субъективныхъ отношеній потребителя къ затратѣ 10 рублей на продуктъ дорогой и 5 рублей на продуктъ въ томъ же количествѣ: но болѣе дешевый, и совершенно непонятно при чемъ тутъ еще $\varphi_a(2n-1)$...»

Такимъ образомъ формула г. Лепешинскаго относится къ субъективной оцѣнкѣ всей массы потребнаго продукта и какъ таковая вѣрна.

Моя же формула относится къ оцѣнкѣ предѣльной единицы продукта и не трудно доказать, что она не противорѣчитъ формулѣ г. Лепешинскаго. Для дорогой цѣны a мы имѣемъ:

Digitized by Google

	Единицы цѣнности, затрачиваемыя по порядку									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Субективная оцѣнка доли продукта пріобрѣтаемой на единицу цѣнности	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1

Суммарная оцѣнка пріобрѣтаемаго на всѣ 10 единицъ цѣнности будетъ равна 55; это и есть та величина, которой интересуется г. Лепешинскій.

Согласно моему построенію для болѣе дешевой цѣны мы будемъ имѣть слѣдующую таблицу:

	Единицы цѣнности, затрачиваемыя по порядку				
	I	II	III	IV	V
Единицы цѣнности, дающія тотъ же эффектъ при старой цѣнѣ..	1—2	3—4	5—6	7—8	9—10
Субъективная оцѣнка долей продукта пріобрѣтаемаго затрачиваемыми единицами цѣнности..	19	15	11	7	3

Суммарная оцѣнка пріобрѣтаемаго на всѣ 5 единицъ цѣнности будетъ также равна 55.

Такимъ образомъ выходитъ, что если оцѣнку эффекта послѣдовательно затрачиваемыхъ единицъ цѣнности построить по моей формулѣ, то суммарныя оцѣнки всей массы пріобрѣтаемаго продукта будутъ соотвѣтствовать формулѣ г. Лепешинскаго.

Въ заключеніе остановлюсь на замѣчаніи Н. Н. Шапошникова. Согласно его предположенію теченіе кривыхъ насыщенія должно имѣть прерывистый характеръ.

Теоретически такое предположеніе не встрѣчаетъ возраженій и мнѣ самому въ первомъ выпускѣ настоящей работы пришлось прибѣгнуть къ нему при объясненіи особенностей русскаго крестьянскаго потребленія.

Однако при разработкѣ теоріи строенія бюджета мнѣ пока не встрѣтилось ни одного факта, который бы для своего объясненія необходимо требовалъ признанія прерывности, а потому я и не счелъ нужнымъ осложнять свою систему введеніемъ новаго понятія.

Далѣе возражая противъ примѣненія формулы Бернули Н. Н. Шапошниковъ предложилъ построить кривыя насыщенія такъ, чтобы линія субъективныхъ оцѣнокъ предѣльнаго рубля представляла собою ниспадающую прямую ($y = ax$).

Digitized by Google

Думаю, что, если бы мы могли выразить величины субъективныхъ оцѣнокъ въ какихъ-либо реальныхъ единицахъ мѣры, то эмпирически построенная кривая была бы ближе къ кривой Бернули, чѣмъ къ прямой, такъ какъ трудно предположить, что 20-й и 100-й рубль, прибавляемые къ прежнимъ суммамъ, давали бы одинаковый эффектъ паденія высоты субъективной оцѣнки.

Предсѣдатель Отдѣленія *А. А. Мануиловъ.*

Секретари { *Л. Б. Кафенгаузъ.*
Л. Н. Юровскій.

Digitized by Google

Протоколы засѣданій отдѣленія соціальной исторіи Общества имени А. И. Чупрова.

Засѣданіе 11 декабря 1912 года.

Предсѣдательствовалъ **Д. М. Петрушевскій.**

Присутствовали 16 членовъ Отдѣленія.

Предсѣдатель Отдѣленія **Д. М. Петрушевскій,** открывая первое засѣданіе Отдѣленія, въ краткой привѣтственной рѣчи указалъ на цѣли и задачи вновь организовавшагося Отдѣленія О-ва.

Заслушанъ былъ докладъ **Н. М. Никольскаго** на тему: «Къ вопросу о феодальныхъ отношеніяхъ въ древнемъ Израилѣ», сущность котораго сводилась къ слѣдующему. Занимавшіеся исторіей Израиля протестантскіе богословы, а такъ же и панвавилонисты установили взглядъ на исторію этой страны, какъ на историческій unicum, такъ какъ они оставляли въ сторонѣ соціальную исторію Израиля; между тѣмъ, изученіе общественныхъ отношеній въ Израилѣ, начавшееся теперь, даетъ возможность установить для Израиля тѣ же формы историческаго развитія, какъ и у другихъ народовъ. Феодальныя отношенія, напр., въ общемъ, сходны съ западно-европейскими. Базируясь, главнымъ образомъ, на памфлетѣ, вставленномъ въ I книгу Самуила, и на рядѣ другихъ мѣстъ Библіи, докладчикъ устанавливаетъ слѣдующія явленія общественной жизни Израиля, позволяющія провести аналогію съ Западной Европой: окняженіе земли, образованіе новой земельной аристократіи, установленіе вассальной іерархіи, договорный характеръ феодальныхъ отношеній, натуральныя повинности крестьянъ. Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ строго-формальный характеръ феодализма въ Израилѣ, близкій къ французскому типу.

Послѣ доклада состоялись пренія, въ которыхъ приняли участіе **П. П. Гензель, С. Б. Веселовскій и Д. М. Петрушевскій.**

П. П. Гензель указалъ, что памфлетъ, вставленный въ I книгу Самуила, является позднѣйшей вставкой и на немъ базировать свои построенія, какъ это дѣлаетъ докладчикъ, невозможно. Десятина, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть мѣра устрашенія возставшаго народа; — въ эпоху же Соломона десятина носила лишь сакральный характеръ. Такой же сакральный характеръ имѣетъ договоръ Ягве съ народомъ, — нельзя здѣсь видѣть отголосокъ реальныхъ феодальныхъ отношеній.

Д. М. Петрушевскій указалъ, что натуральныя государственныя повинности сами по себѣ еще ничего не говорятъ о феодальныхъ отношеніяхъ: такъ, напр. munera sordida въ Римской имперіи не являются показателемъ наличности феодальнаго строя.

С. Б. Веселовскій отмѣтилъ, что докладчикъ вступилъ на опасный методологическій путь: онъ беретъ опредѣленный типъ общественнаго строя, выработанный въ Европѣ, и ищетъ аналогичныхъ отношеній въ Израилѣ, оперируя надъ матеріаломъ, который могъ бы служить лишь дополненіемъ, если бы основная картина была уже дана.

Digitized by Google

Докладчикъ, отвѣчая П. П. Гензелю, соглашается, что вставка въ книгу Самуила — поздняя, но онъ думаетъ, что можно тѣ же отношенія ретроспективно предположить и въ болѣе раннюю эпоху. Что же касается сакральнаго элемента, то онъ носилъ лишь мѣстный характеръ: даже культъ Ягве не былъ общимъ культомъ. Соломонъ не могъ взимать десятины, какъ строитель храма: храмъ былъ скорѣе придворной капеллой и не имѣлъ общенароднаго значенія. Докладчикъ настаиваетъ на существованіи договорныхъ отношеній: мы видимъ договоръ съ Сауломъ, съ Аввимилехомъ и попытку заключить договоръ съ Ровоамомъ.

Закрывая засѣданіе, **Д. М. Петрушевскій** выразилъ докладчику отъ лица Отдѣленія благодарность за его интересный докладъ.

Засѣданіе 29 января 1913 года.

Предсѣдательствовалъ **Д. М. Петрушевскій.**

Присутствовали 15 членовъ Отдѣленія.

Заслушанъ докладъ **С. Б. Веселовскаго** на тему: «Мірская раскладка податей на посадахъ и въ дворцовыхъ и черныхъ земляхъ въ XVII вѣкѣ». Сущность доклада сводилась къ слѣдующему: Тяглые люди XVII вѣка въ условныхъ единицахъ выражали долю каждаго тяглеца въ платежахъ, падавшихъ на міръ; величина этихъ единицъ была очень разнообразна и зависѣла всецѣло отъ міра. Окладъ производился нарочно выбранными окладчиками, — рѣже обычными земскими властями; надзоръ міра за ними выражался въ разныхъ формахъ. Нормальнымъ порядкомъ обложенія считалось самообложеніе тяглеца передъ окладчикомъ подъ присягой. Существеннымъ элементомъ оклада было «верстаніе» окладывающихся тяглецовъ, т.-е. сравненіе имущества и оклада всякаго желающаго этого тяглеца съ окладомъ и имуществомъ любого другого тяглеца. Если ему удавалось доказать, что онъ обложенъ тяжелѣе своего противника, то окладчики сбавляли съ него часть оклада и клали эту часть на его противника. Мірской окладъ носилъ ярко выраженный субъективный характеръ: люди облагались не на основаніи отдѣльныхъ признаковъ, а по тяглоспособности.

Преобладало стремленіе положить въ основу оцѣнки торговъ и промысловъ не доходность ихъ, а цѣнность капитала. Тѣ же основанія оклада видимъ мы и у крестьянъ: оклады опредѣлялись не по размѣрамъ запашки, а по тяглоспособности хозяйствъ вообще, принимая во вниманіе различные промыслы, движимое имущество тяглеца, личный составъ его семьи и пр.

Послѣ доклада состоялись пренія. Оппонентомъ былъ **А. А. Кизеветтеръ.** Онъ отмѣтилъ, что докладчикъ недостаточно ярко оттѣнилъ соціальную борьбу, несомнѣнно имѣвшую мѣсто и въ XVII вѣкѣ. Въ XVIII вѣкѣ эту борьбу очень легко прослѣдить; въ случаѣ особенно яркихъ вспышекъ, раздора правительство посылаетъ для обложенія своихъ агентовъ, въ чемъ сказывается заинтересованность правительства въ обложеніи первостатейныхъ и сопротивленіе этому мірскихъ заправилъ. Мы видимъ въ XVIII в. и различныя основанія обложенія для разныхъ соціальныхъ группъ, и мірской приговоръ есть обыкновенно результатъ борьбы этихъ группъ. Въ XVIII вѣкѣ можно отмѣтить болѣе яркую и активную роль мірского схода, какъ опредѣленнаго органа: есть апелляція къ мірскому сходу на дѣятельность окладчиковъ, собранія схода спеціально для разбора жалобъ, обложеніе мірскимъ сходомъ окладчиковъ. Интересно было бы, если бы

Digitized by Google

докладчикъ прослѣдилъ, можно ли отмѣтить аналогичныя явленія и въ XVII в.

Отвѣчая **А. А. Кизеветтеру,** докладчикъ, признавая наличность соціальной борьбы и въ XVII вѣкѣ, указывалъ однако, что различныхъ основаній для обложенія разныхъ группъ онъ не встрѣчалъ. Участіе мірского схода, какъ опредѣленнаго органа, — сомнительно, на это нѣтъ ясныхъ указаній. Случай вмѣшательства правительства есть одинъ, въ Псковѣ.

Засѣданіе 12 марта 1913 года.

Предсѣдательствовалъ **Д. М. Петрушевскій.**

Присутствовало 26 членовъ Отдѣленія.

Въ началѣ засѣданія **Д. П. Егоровъ** сдѣлалъ докладъ, посвященный памяти Грановскаго. Отмѣтивъ тѣсную связь общественной стороны дѣятельности Грановскаго съ ея научной стороной, докладчикъ далъ общій очеркъ господствовавшихъ на Западѣ историіографическихъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ сложились историческія идеи Грановскаго. Давъ затѣмъ характеристику историческаго міросозерцанія Грановскаго, **Д. Н. Егоровъ** указалъ, что Грановскій оставилъ послѣ себя большое рукописное наслѣдство и выразилъ надежду, что въ скоромъ времени будетъ приступлено къ его разработкѣ.

Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ **В. И. Пичета** на тему: «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа и отношеніе къ ней литовско-русской шляхты». Основное содержаніе доклада заключалось въ слѣдующемъ: Аграрная реформа Сигизмунда-Августа существенно задѣвала интересы шляхты, вызвавъ провѣрку правъ на землю и на шляхетство. Желая остановить ходъ реформы, она забрасывала господаря просьбами, но на всѣ просьбы былъ данъ отказъ. Реформа продолжалась безостановочно. Провѣрка правъ на землю и на шляхетство обнаружила большія злоупотребленія. Нежелавшіе лишиться земли и шляхетства забрасываютъ господаря просьбами о возстановленіи нарушеннаго права. При производствѣ реформы совершалось округленіе господарскихъ земель. Это вызывало необходимость присоединенія части частновладѣльческихъ земель и дарованія соотвѣтствующей «отмѣны». Не всегда такая «отмѣна» соотвѣтствовала интересамъ шляхты. Отсюда просьбы о новой, «слушной отмѣнѣ». Господарь большею частью удовлетворялъ шляхетскія челобитья по этому поводу.

Послѣ доклада **А. И. Савинъ** и др. сдѣлали нѣкоторыя дополненія къ прочитанному докладу.

Засѣданіе 26 марта 1913 года.

Предсѣдательствовалъ **Д. М. Петрушевскій.**

Присутствовало 23 члена Отдѣленія.

Заслушанъ докладъ **А. А. Кизеветтера:** «Новѣйшія работы по исторіи русскаго общественнаго движенія». Докладчикъ остановился на разборѣ книгъ г. Богучарскаго «Активное народничество 70-хъ годовъ» и г. Пажитнова «Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи», при чемъ особенно подробно разсмотрѣлъ взгляды названныхъ авторовъ на источники идеологіи соціалистическаго народничества 70-хъ годовъ XIX вѣка. Существеннѣйшею особенностью этой идеологіи оба автора считаютъ анархическую тен-

Digitized by Google

денцію и идею самобытности русскаго историческаго процесса. Источники этихъ идей г. Богучарскій ищетъ въ славянофильствѣ 40-хъ годовъ, а г. Пажитновъ — въ утопическомъ соціализмѣ 40-хъ годовъ. Докладчикъ отнесся отрицательно къ обоимъ этимъ взглядамъ, указавъ на то, что славянофилы и народники понимали своеобразіе русскаго историческаго процесса совершенно по разному. Что же касается до анархической тенденціи, то ея, строго говоря, у славянофиловъ нѣтъ; мы видимъ только протестъ противъ расширенія круга примѣненія государственнаго начала. Также нельзя назвать удачной и попытку г. Пажитнова установить генетическую связь между идейными теченіями 40-хъ годовъ и анархизмомъ Бакунина, съ одной стороны, идеями Герцена о возможности перехода отъ первобытныхъ формъ общественности къ соціализму непосредственно, минуя капитализмъ, и лавризмомъ 70-хъ годовъ, съ другой.—Анархизмъ Бакунина можно поставить скорѣе въ связь съ идеями Штирнера; что же касается лавризма 70-хъ годовъ, то онъ уже проникнутъ идеей классовой борьбы и является своего рода попыткой переложить марксизмъ на русскіе нравы, подставивъ вмѣсто пролетаріата — революціонно настроенное крестьянство. То, что эти идеи, такъ сильно измѣнявшіе взгляды Маркса, столь властно овладѣли умами передовой интеллигенціи 70-хъ годовъ, доказываетъ то, что русская жизнь того времени не выработала еще условій для воспріятія идей Маркса въ ихъ чистомъ видѣ.

Послѣ доклада состоялись пренія, въ которыхъ приняли участіе гг. **Кривцовъ, В. Н. Сторожевъ и С. Б. Веселовскій.**

г. **Кривцовъ** указалъ, что понятіе «классовой борьбы» весьма различно у лавристовъ и у марксистовъ. Вліяніе Маркса на народниковъ не сказалось ярко, и нельзя сказать, что они стояли на точкѣ зрѣнія классовой борьбы.

С. Б. Веселовскій отмѣтилъ, что народники отказались впослѣдствіи отъ своего аполитизма и перешли къ сознанію необходимости политической борьбы, но эта гибель старой идеологіи произошла подъ вліяніемъ практической необходимости.

В. Н. Сторожевъ остановился на методахъ изслѣдованія того и другого автора и призналъ весьма малоцѣннымъ прослѣживаніе преемственности тѣхъ или иныхъ идей, внѣ связи ихъ съ тѣми условіями, которыя создали успѣхъ этихъ идейныхъ теченій, впѣ обрисовки тѣхъ общественныхъ группъ, интересамъ которыхъ онѣ удовлетворяли. Указать на неправильность методовъ изслѣдованія обоихъ авторовъ и слѣдовало бы докладчику съ самаго начала, а затѣмъ было бы интересно изучить условія, вызвавшія появленіе тѣхъ или иныхъ общественныхъ движеній.

А. А. Кизеветтеръ, отвѣчая своимъ оппонентамъ, указалъ, что не [illegible] бирался дать исторію общественныхъ движеній въ Россіи со своей точки зрѣнія; вполнѣ принимая мысль В. Н. Сторожева о важности изученія условій, создавшихъ успѣхъ того или другого идейнаго движенія, докладчикъ самъ формулировалъ кратко ту же мысль въ концѣ доклада, — онъ однако считаетъ сближеніе идеологій также имѣющимъ извѣстную цѣнность; въ дѣлѣ теоретической формулировки заимствованіе, прецедентъ неизбѣжны.

Digitized by Google

2-й годъ изданія **Продолжается подписка на 1914 годъ** 2-й годъ изданія

на

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ЖУРНАЛЪ, ОСНОВАННЫЙ МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

и издаваемый при содѣйствіи

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ,

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ **Б. А. КИСТЯКОВСКАГО.**

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:

А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Въ вышедшихъ въ **1913 году** четырехъ книгахъ журнала были помѣщены слѣдующія статьи:

Книга I. — Отъ редакціи. — **Б. А. Кистяковскій.** Наши задачи. — **П. И. Новгородцевъ.** Современное положеніе проблемы естественнаго права. — **А. А. Мануиловъ.** Къ вопросу о предметѣ и характерѣ теоретической экономіи. — **Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.** Юридическая природа манифеста 17-го октября. — **А. С. Алексѣевъ.** Происхожденіе чрезвычайно-указнаго права и его политическое значеніе. — **М. М. Ковалевскій.** Преемственность или прерывность законодательныхъ работъ. — **П. И. Люблинскій.** Публичная защита въ уголовномъ процессѣ. — **А. Э. Вормсъ.** Законъ и обычай въ наслѣдованіи у крестьянъ. — **Памяти Г. Ф. Шершеневича. И. А. Кистяковскій.** Г. Ф. Шершеневичъ, какъ цивилистъ. — **А. Э. Вормсъ.** Профессоръ Г. Ф. Шершеневичъ, какъ коммерціалистъ. — **Юридическое Обозрѣніе.** — Обзоръ судебной практики по примѣненію ст. 1—2 Уст. Гражд. Судопр. **Т. М. Яблочкова.** — Къ предстоящей реформѣ конкурснаго законодательства. **Д. М. Генкина.** — Зданія на арендованной землѣ въ законѣ и судебной практикѣ. **В. Н. Челищева.** — Новый законъ о розыскѣ внѣбрачнаго отцовства во Франціи. — **Д. С. Розенблюма.** — Мѣсто преступнаго бездѣйствія. **Н. Н. Полянскаго.** — **Литературное Обозрѣніе** Рецензіи *А. С. Алексѣева, Е. Н. Ефимова, В. Н. Ширяева, С. Т. Гаврилова, С. Е. Сабинина, В. А. Краснокутскаго, А. М. Долматовскаго, Д. М. Генкина, З. С. Каценеленбаума* и *П. Е. Михайлова.*

Книга II. Л. І. Петражицкій. Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права. — **Е. В. Спекторскій.** Философія и юриспруденція. — **С. А. Котляревскій.** Сущность парламентаризма. — **Б. Н. Фрезе.** Папирологія и ея значеніе для юриста. — **М. П. Чубинскій.** Истребленіе плода и проблема его наказуемости. — **О. Б. Гольдовскій.** О мѣрахъ противъ недобросовѣстныхъ неплатежей и о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. — **С. Н. Прокоповичъ.** Вліяніе рынка на организацію крестьянскаго хозяйства. — **М. Н. Гернетъ.** Н. С. Таганцевъ. Къ 50-лѣтнему юбилею. — **Юридическое Обозрѣніе.** — Сенатская практика по вопросу о пріостановленіи срока доставки въ договорахъ желѣзнодорожной перевозки. **В. Н. Челищева.** — Проектъ правилъ объ администраціяхъ по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ. **Д. М. Генкина.** — Общества чиновниковъ во Франціи. **П. И. Алексѣева.** — Къ вопросу о юридической оцѣнкѣ хулиганства. **А. В. Маклецова.** — Русскія тюрьмы по отчетамъ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1903—1909 годы. **С. Т. Гаврилова.** — Къ вопросу о смертной казни. **И. З. Штейнберга.** — **Литературное Обозрѣніе.** Рецензіи *Н. И. Па-*

Digitized by Google

ліенка, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, В. Я. Гинцберга, А. Н. Филиппова, Н. Н. Полянскаго, И. В. Лебединскаго, С. Т. Гаврилова, И. З. Штейнберга, С. Е. Сабинина, В. И. Серебровскаго, А. Э. Вормса.

Книга III. — **П. И. Новгородцевъ.** Психологическая теорія права и философія естественнаго права. — **Н. В. Давыдовъ.** Л. Н. Толстой и Судъ. — **Л. В. Шалландъ.** Прекращеніе и временная пріостановка законодательнаго мандата по русскому праву. — **В. Н. Ширяевъ.** Понятіе должностнаго преступленія. — **Л. С. Таль.** Проблема власти надъ человѣкомъ въ гражданскомъ правѣ. — **А. М. Долматовскій.** Юридическая природа найма имуществъ. — **Е. В. Спекторскій.** Эсменъ какъ государствовѣдъ. — **М. П. Чубинскій.** Профессоръ И. Я. Фойницкій. — **Юридическое Обозрѣніе.** — Проекты закона о наслѣдованіи въ крестьянскихъ земляхъ. **А. Э. Вормса.** — Переходъ торговыхъ предпріятій. **В. Н. Шретера.** — Искъ разведенной жены по 106 ст. Зак. Гражд. **В. С. Малченко.** — Къ вопросу о правѣ національностей. **И. В. Лебединскаго.** — Отзывъ Московскаго Столичнаго Мирового Съѣзда о министерскомъ законопроектѣ о мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ. — Матеріалы. — Отъ редакціи. — Жалоба Г. Министру Внутр. Дѣлъ на дѣйствія г. Ярославскаго губернатора по выборамъ въ Государственную Думу. — Указъ Правительствующаго Сената. — **Литературное Обозрѣніе.** Рецензіи: *В. М. Устинова, Б. И. Сыромятникова, Б. П. Базилева, И. З. Штейнберга* и *Т. М. Яблочкова.*

Книга IV. — **Н. Н. Алексѣевъ.** Основныя философскія предпосылки психологической теоріи права Л. І. Петражицкаго. — **Бар. С. А. Корфъ.** Конституція Невшателя 1814 года. — **Б. Е. Шацкій.** Конституціонный кризисъ въ Соеди енныхъ Штатахъ. — **А. М. Кулишеръ.** Защита субъективныхъ публичныхъ правъ посредствомъ иска. — **Б. П. Базилевъ.** Тѣлесныя наказанія по русскому дѣйствующему праву. — **П. И. Бѣляевъ.** Слѣды первобытныхъ представленій о природѣ и человѣкѣ въ исторіи гражданскаго права. — **С. Е. Сабининъ.** Къ вопросу о значеніи юриспруденціи въ римскомъ правѣ. — **А. В. Завадскій.** П. П. Цитовичъ. (Краткая характеристика его научной дѣятельности). — **С. А. Котляревскій.** Нѣсколько словъ памяти гр. Л. А. Камаровскаго. — **А. Н. Нерсесовъ.** Профессоръ гр. Л. А. Камаровскій какъ интернаціоналистъ. (Къ годовщинѣ смерти.) — **Юридическое Обозрѣніе.** — **А. В. Завадскій.** Къ юридической сторонѣ спора между графинями А. Л. и С. А. Толстыми о рукописяхъ Л. Н. Толстого. — **О. Измаильская.** Къ вопросу о сервитутныхъ отношеніяхъ въ Закавказскомъ краѣ. — **Кн. К. В. Кекуатовъ.** Земскія товарищества по закону 1906 года. — **И. З. Штейнбергъ.** Обзоръ иностранной юридической жизни. — Матеріалы. — Отъ редакціи. — Матеріалы по примѣненію нормъ аграрнаго законодательства. — **Литературное Обозрѣніе.** — Рецензіи: *Б. А. Кистяковскаго, В. Я. Гинцберга, С. Е. Сабинина, Б. И. Сыромятникова, Т. Райнова, Б. П. Базилева, А. В. Завадскаго, Т. М. Яблочкова* и *В. М. Гордона.*

Приложенія: Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ: въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ — книгами размѣромъ не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ комплекты «Юридическаго Вѣстника» за 1913 годъ продаются по 8 рублей. Для лицъ, подписавшихся на 1914 г., цѣна остается прежняя — 6 рублей.

Подписная цѣна на 1914 годъ — **6** рублей, на полгода — **3** рубля съ пересылкою и доставкою. Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ, **2** рубля. Подписка принимается въ редакціи журнала **Юридическій Вѣстникъ** въ Москвѣ, Пречистенка, Б. Левшинскій пер., д. № 13, кв. 8. По дѣламъ конторы обращаться по буднимъ днямъ отъ 12 до 4 ч. дня по телеф. 3-44-48. Въ Кіевѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, д. № 33.

Издатель: Проф. *А. С. Алексѣевъ.* Редакторъ *Б. А. Кистяковскій.*

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1914 годъ.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

19-го апрѣля вышла апрѣльская книга.

Изъ содержанія: I. Стихотвореніе. **Александра Блока.** II. Мудрость жизни. Повѣсть. Главы I—VIII. **О. П. Руновой.** III. Стихотвореніе **Вячеслава Иванова.** IV. Страстная дружба. Романъ. **Г. Дж. Уэллса.** Перев. **Э. К. Пименовой.** Окончаніе. V. Стихи о грозѣ. **Конст. Эрберга.** VI. Ольга Оргъ. Романъ. Ч. II. Главы I—V. **Юрія Слезкина.** Продолженіе. VII. Сонатины. 1—3. **Юрія Каннабиха.** VIII. Стихотворенія. **Валерія Брюсова.** IX. Восемь разсказовъ. **Шарля-Луи Филиппа.** Перев. **Б. М. Эйхенбаума.** X. Русская трагедія. «Бѣсы» Ѳ. М. Достоевскаго. **С. Н. Булгакова.** XI. Электрометаллургія. **В. Агафонова.** XII. Н. А. Огарева. 1829—1913 гг. **М. Д. Гершензона.** XIII. Переселенцы на новыхъ мѣстахъ. **А. А. Кауфмана.** XIV. Семейство Бакунинныхъ. **А. А. Корнилова.** XV. Нѣмецкій романтизмъ и символизмъ нашего времени. **Любови Гуревичъ.** XVI. Основной мивъ въ романѣ «Бѣсы». **Вяч. Иванова.** XVII. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. Молодость поэта Щербины. **А. Кондратьева.** XVIII. Шарль-Луи Филиппъ. **Б. М. Эйхенбаума.** XIX. Въ Россіи и за границей. Обзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. **Е. В. Гешина, Г. Туманова и И. О. Левина.** II. Литература и искусство. **В. Каратыгина, Валеріана Чудовскаго и Ю. Никольскаго.** III. Историческая наука. **С. А. Котляревскаго и Б. М. Эйхенбаума.** IV. Философское движеніе. **С. Л. Франка и Г. Ланца.** V. Религія и церковь. **А. А. Смирнова.** VI. Общественныя науки и правовѣдѣніе. **С. Демосѳенова и И. Яковкина.** VII. Военное и морское дѣло. **Н. Нордова.** VIII. Некрологъ. XX. Критическое обозрѣніе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ дост. и перес.	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Въ Россіи	15 р.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу	17 р.	12 р. 75 к.	8 р. 50 к.	4 р. 25 к.

На одинъ мѣсяцъ для иногородныхъ внутри Россіи 1 р. 25 к. Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ журнала: Нюстадтская, д. 6, близъ Финляндскаго вокзала, въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

1914 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ **Годъ XXV.**

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ".

Изданіе Московскаго Психологическаго о-ва при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго о-ва, на 1914 годъ.

Вышла 1-я (январь — февраль) книга 1914 г.

Содержаніе: Объ общественномъ идеалѣ. *П. Новгородцева.* Джонъ Толандъ и его философско-религіозные взгляды. *Н. Виноградова.* Новая теорія искусства. *Й. Мандельштама.* Основы идеологіи Розмини. *В. Эрна.* Понятіе «симпатіи» въ философіи Д. Юма. *С. Церетели.* **Критика и библіографія.** I. Обзоръ книгъ. II. Библіографическій листокъ. **Московское Психологическое общество. Полемика.**

Юбилейный № 103 продается отдѣльно. Цѣна 1 р.

Условія подписки: на годъ съ 1 января 1914 г. по 1 января 1915 г., безъ доставки, въ Москвѣ — 6 р., съ доставкой — 6 р. 50 к.; на города — 7 р.; за границу — 8 р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на **льготныхъ условіяхъ** принимается **только** въ конторѣ журнала: Москва. Пречистенка, Полуэктовъ п., 8, кв. 29; въ книжн. магаз. «Новое Время». Карбасникова, Вольфа и др. Редакторъ *Л. М. Лопатинъ.*

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1913—1914 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписной годъ начинается **1 іюня 1913 г.** и заканчивается **31 мая 1914 года, «Юридическая Библіографія» въ седьмомъ году** своего изданія будетъ выходить попрежнему пять разъ въ годъ въ двухмѣсячные промежутки, за исключеніемъ лѣтняго каникулярнаго времени, въ объемѣ **не менѣе трехъ печатныхъ** листовъ для каждаго выпуска. **Подписная цѣна** въ годъ съ пересылкою и доставкою **2** руб. Отдѣльные выпуски **«Юридической Библіографіи»** продаются по **40** коп., двойные по **80** коп.

Подписка на «Юридическую Библіографію» принимается въ **г. Ярославлѣ** въ **конторѣ редакціи «Юридической Библіографіи».** Всегда имѣются на складѣ отдѣльные выпуски **«Юридической Библіографіи»,** какъ вновь выходящіе, такъ и за старые годы, въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ «Правовѣдѣніе» (Никольская, д. № 9) и въ книжномъ магазинѣ товарищества «Н. П. Карбасниковъ» (Моховая, д. № 24, противъ университета) и въ Петербургѣ — въ юридическомъ книжномъ складѣ «Право» (Литейный пр., 28).

Программа «Юридической Библіографіи»: 1) отзывы о вновь выходящихъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ по юридическимъ наукамъ, по политической экономіи, статистикѣ и соціологіи, 2) критическіе образы литературы по извѣстной наукѣ или ея отдѣлу или частному вопросу, 3) перечень вновь выходящихъ по юриспруденціи и по политико-экономическимъ наукамъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, 4) академическая лѣтопись, гдѣ помѣщаются свѣдѣнія объ академической жизни и некрологи выдающихся ученыхъ юристовъ.

Въ вышедшихъ съ 1907 года до сего времени нумерахъ **«Юридической Библіографіи»** были помѣщены рецензіи и замѣтки слѣдующихъ лицъ:

З. Д. Авалова, П. М. Богаевскаго, А. А. Борового, А. Н. Бѣликова, С. Б. Веселовскаго, А. М. Винавера, С. И. Викторскаго, А. Э. Вормса, П. П. Гензеля, М. Н. Гернета, П. В. Гидулянова, Д. С. Глаголева, Н. Н. Голубева, Г. В. Демченко, А. И. Елистратова, А. А. Жилина, А. В. Завадскаго, Ф. Ф. Зигеля, И. О. Зубова, И. А. Ильина, Н. А. Каблукова, К. Кадлеца, гр. Л. А. Камаровскаго, Б. А. Кистяковскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, бар. С. А. Корфа, С. А. Котляревскаго, П. С. Кравцова, В. А. Краснокутскаго, І. М. Кулишера, С. Кутржеба, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, В. Ѳ. Матвѣева, А. Н. Миклашевскаго, П. Е. Михайлова, В. Н. Мышцына, Э. Я. Немировскаго, Н. Я. Новомберскаго, И. Х. Озерова, Р. М. Орженцкаго, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, И. Н. Покровскаго, С. П. Покровскаго, А. А. Рождественскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. И. Серебровскаго, В. И. Синайскаго, Е. Д. Синицкаго, Е. В. Спекторскаго, Н. С. Суворова, И. К. Сухоплюева, Б. И. Сыромятникова, Ѳ. В. Тарановскаго, бар. М. А. Таубе, Л. Я. Таубера, В. Н. Твердохлѣбова, Г. Г. Тельберга, В. И. Тиктина, И. Н. Трепицина, В. А. Удинцева, Г. С. Фельдштейна, М. С. Фельдштейна, А. Н. Филиппова, А. Ф. Фортунатова, Б. Н. Фрезе, бар. А. Л. Фрейтага-Лорингговена, М. И. Фридмана, В. М. Хвостова, Д. А. Червонецкаго, И. И. Чистякова, М. П. Чубинскаго, Н. Н. Шапошникова, В. Шесана, В. Н. Ширяева, А. В. Шмидта, С. А. Шумакова, В. Г. Щеглова, Т. М. Яблочкова, А. С. Ященко.

Въ **«Юридической Библіографіи»** помѣщаются за особую плату объявленія о вновь выходящихъ книгахъ и другія извѣстія книжнаго рынка. Присылаемыя въ редакцію книги своевременно отмѣчаются въ журналѣ и, по мѣрѣ возможности, рецензируются.

Издатель: **Демидовскій Юридическій Лицей.**

Digitized by Google

XX годъ **въ 1914 году** **годъ XX**

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1914 года.

Въ «Журналѣ» печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи и изъ Парижа; 7) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ «Журналѣ» за 1894—1912 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. М. Гуляева, П.Н.Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, И. А. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А.Ѳ.Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, Н. И. Паліенко, Л. І. Петражицкаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, П. С. Пороховщикова, А. К. фонъ-Розена, Н. М. Рейнке, А. К. Рихтера, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Ѳ.В.Тарановскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, Б. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная *плата* **8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ *черезъ казначеевъ* пользуются *разсрочкою до 1 рубля* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, *при подпискѣ* исключительно *въ Главной Конторѣ*, пользуются *разсрочкою до 2 рублей* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, — *по 5 рублей въ годъ*.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10 %, за продажу отдѣльныхъ книгъ — 25 %.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 18.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ѳ. Дерюжинскій.**

Digitized by Google

Открыта подписка на 1914 годъ

Еженедѣльный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“

(ранѣе именовавшійся «Вѣстникъ права и Нотаріата»)

Органъ Адвокатуры, Нотаріата, Суда.

VI г. изданія. **Издается въ Москвѣ** **VI г. изданія.**

и выходитъ каждое воскресенье.

при ближайшемъ участіи: **члена Моск. Окр. Суда П. И. Астрова, И. С. Вольмана, проф. А. Э. Вормса, проф. М. Н. Гернета, Н. К. Муравьева, С. П. Ордынскаго, бывш. прив.-доц. Н. Н. Полянскаго, прив.-доц. В. М. Устинова и И. С. Урысона.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе нижеслѣдующія лица:

Прив.-доц. Н. Н. Авиновъ, А. Э. Бардзкій, Б. В. Блюменфельдъ, А. И. Бутовскій, С. А. Бѣляцкинъ, А. Винаверъ, И. Вонсикъ, И. С. Вольманъ, быв. прив.-доц. М. Н. Гернетъ, В. М. Герцманъ. А. С. Гиршбандтъ, С. А. Гуревичъ, О. О. Грузенбергъ, бывш. прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, А. Долматовскій, Н. Н. Ждановъ, В. В. Исаченко, Д. А. Іонасъ, Н. С. Каринскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. С. А. Котляревскій, А. А. Левашкевичъ, М. А. Левицкій, П. И. Люблинскій, В. А. Маклаковъ, П. Н. Малянтовичъ, М. А. Мебель, Д. М. Мейчикъ, С. П. Мельгуновъ, членъ Моск. Суд. Пал. Ф. И. Мержинскій, С. Моносзонъ, А. Я. Немеровскій, В. Новиковъ, С. П. Ордынскій, А. Н. Орловъ, А. Н. Паренаго, Л. Н. Переверзевъ, А. И. Пересъ, проф. А. А. Покровскій, А. Ю. Рапопортъ, В. А. Розенбергъ, І. С. Розенталь, Л. Л. Розенталь, А. С. Тагеръ, Л. Я. Тауберъ, Н. В. Тесленко, О. С. Урысонъ, М. Л. Успенскій, В. М. Устиновъ, Б. С. Утевскій, М. С. Фельдштейнъ, Е. А. Флейшицъ, проф. В. М. Хвостовъ, А. А. Чиколини, И. С. Штейнбергъ, Е. М. Эпштейнъ, проф. Т. Яблочковъ и др. Нотаріусы: И. А. Алякритскій, К. О. Бахманъ, С. Г. Громачевскій, М. М. Казмичевъ, А. Я. Мацкевичъ, Г. Л. Мачаваріяни, Н. З. Могучій-Евцихевичъ, Н. Ф. Сабуровъ, Н. И. Трамбицкій, И. И. Траустель, А. В. Урусовъ, А. Н. Чага, Ф. И. Штранихъ, А. Ф. Якубовскій и друг.

Съ января 1914 года форматъ и объемъ журнала будутъ значительно увеличены и всѣ годовые подписчики независимо отъ обычныхъ приложеній (см. ниже) получатъ безъ всякой доплаты Сборникъ новыхъ узаконеній, вышедшихъ въ 1914 году.

Журналъ является органомъ юристовъ-практиковъ — адвокатовъ, нотаріусовъ и судей — и ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе вопросовъ текущаго законодательства, судебной, административной и нотаріальной практики.

Въ журналѣ заведенъ постоянный отдѣлъ «Изъ жизни адвокатуры», въ которомъ отмѣчаются всѣ событія въ жизни русской адвокатуры, даются періодическіе обзоры дѣятельности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и комиссій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ организацій русской адвокатуры.

Всѣ годовые подписчики (и подписчики въ разсрочку) получаютъ безплатно НА ВЫБОРЪ: по абонементу № 1: Рѣшенія гражданскаго и уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ. Прав. Сената и общаго собранія за 1913 г., по мѣрѣ выхода официальнаго изданія, или по абонементу № 2: алфавитный указатель лицъ, объявленныхъ неправоспособными и ограниченіе правоспособности коихъ прекращено съ января 1913 г. Подписчики по любому абонементу могутъ получать всѣ приложенія, означенныя въ другомъ абонементѣ, за дополнительную плату **2** руб.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ — **7** руб., на полгода — **3** руб. **50** коп.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Новослободская, Тихвинскій пер., д. 9. Телефонъ 255-90.

Городское отдѣленіе конторы: Москва, Никольская 9, книжный магазинъ **«Правовѣдѣніе»**.

С.-Петербургское отдѣленіе конторы: книжный складъ И. Л. Головчинера, Броницкая ул., д. № 12, кв. 6.

Подписка принимается также въ канцеляріяхъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ (Кремль, зданіе судебныхъ установленій), С.-Петербургѣ (Литейный, зданіе окружнаго суда) и въ Харьковѣ (Скобелевская пл., зданіе суда).

Digitized by Google

Цѣна 2 руб.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

H
8
.I901
v.6

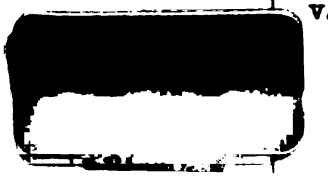
Iuridicheskii
Viestnik

Bindery

H
8
.I901
v.6

IUridicheskii viestnik.

1914



Digitized by Google

L278

UNIVERSITY OF CHICAGO
097 923 401

Digitized by Google